

А.Д. Дуличенко

ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Учебное пособие

А.Д. Дуличенко

**ВВЕДЕНИЕ
В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ**

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 811.163.1(075.8)

ББК 81.2Рус-03

Д81

Р е ц е н з е н т ы:

проф. *В.М. Мокиенко* (С.-Петербургский университет);

д-р филол. наук *А.Ф. Журавлев* (Институт славяноведения РАН);

проф. *О.В. Никитин* (Московский государственный областной университет)

Дуличенко А.Д.

Д81 Введение в славянскую филологию [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А.Д. Дуличенко. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 720 с.

ISBN 978-5-9765-0321-2

Излагаются теоретические основы славянской филологии: состав славян, их этногенез и прародина, жизнь и быт в древности, праславянский язык, происхождение славянских языков и их письменности, эволюция старославянского языка, грамматический строй, развитие норм и сравнительно-типологические особенности всех славянских языков. Впервые вводятся такие дисциплины, как славянские лингвонимика, интерлингвистика и микролингвистика (славянские микроязыки). Освещаются вопросы истории и перспектив науки о славянах и т. д.

Для филологов, славистов – студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей, академических работников, для всех, кто интересуется славянами, их языками и культурами.

УДК 811.163.1(075.8)

ББК 81.2Рус-03

ISBN 978-5-9765-0321-2

© Дуличенко А.Д., 2012

© Издательство «ФЛИНТА», 2012

Содержание

I. О славянской филологии и ее формировании

Предисловие	
Некоторые сокращения.	
Глава 1. Литература. Славянская филология и ее место в науке о славянах.	
Глава 2. Литература. Важнейшие вехи исторического развития славянской филологии у восточных славян	

II. Историко-этнографическая и этнолингвистическая проблематика

Глава 3. Славянские народы. Краткий обзор.....	
Литература.....	
1. О современном славянстве.....	
2. Славяне на автохтонных землях	
2.1. Восточные славяне: 1. Белорусы. 2. Русские. 3. Украинцы. 4. (Карпато)русины	
2.2.. Южные славяне: 1. Болгары. 2. Македонцы. 3. Сербь. 4. Черногорцы. 5. Боснийцы, боснийцы-мусульмане / босняки (и герцеговинцы). 6. Хорваты. 7. Словенцы. 8. Югославы / югославыне	
2.3. Западные славяне:1. Словаки. 2. Чехи. 3. Поляки. 4. Кашубы. 5. Серболужичане.....	
3. О славянах в инославянских и в неславянских странах	
4. Об исчезнувших славянских народах (полабы, словинцы)	
Глава 4. Славянская прародина.	
Литература.	
1. Понятие этногенеза и прародины.	
2. Комплексный подход в изучении этногенеза	
3. Источники изучения этногенеза и прародины	
3.1. Археологические источники.	
3.2. Исторические источники.	
3.3. Лингвистические источники.....	
3.3.1. Апеллятивная лексика	
3.3.2. Ономастическая лексика	
3.3.3. Языковые контакты.....	
4. О древнейших местах обитания праиндоевропейцев	
5. Прародина славян	
5.1. Важнейшие гипотезы прародины славян до XIX в. включительно	
5.2. Гипотезы прародины славян в XX в.....	
5.3. Висло-одерская (одрская) гипотеза прародины славян	
5.4. Среднеднепровская гипотеза прародины славян.	
5.5. Дунайская (дунайско-балканская, центральноевропейская) гипотеза прародины славян.....	

Глава 5. Славяне в древности по данным письменных памятников, традиционной культуры и языковых контактов	
Литература	
1. Древние письменные источники о славянах	
2. Древнейший быт и культура славян по данным языка	
2.1. Славянская этнолингвистика: сущность, проблемы, методы	
2.2. Акад. Н. И. Толстой и формирование славянской этнолингвистики	
2.2.1. Из духовной культуры древних славян: язычество	
3. Давние этнокультурные и языковые контакты славян	
3.1. Славяно-италийские (латинские) и славяно-кельтские связи и контакты.....	
3.2. Языковые контакты славян и иранцев	
3.3. Славяне и германцы: соседство, отраженное в языке	
3.4. Славяно-финно-угорские контакты.....	
3.5. Славяно-тюркские отношения	
3.6. Славяне и их связи с другими этносами по языковым данным	
Глава 6. Славянская этнонимика	
Литература	
1. Этнонимы – этнонимия – этнонимика	
2. Происхождение макроэтнонима <i>славяне / словене</i>	
2.1. «Речевая (или языковая)» этимология	
2.2. «Водная (или гидронимическая)» этимология.....	
2.3. О географии макроэтнонима «славяне»	
3. Этнонимы восточнославянских народов: 3.1. Белорусы. 3.2. Украинцы. 3.3. Русские	
4. Этнонимы южнославянских народов: 4.1. Болгары. 4.2. Македонцы. 4.3. Сербы. 4.4. Хорваты. 4.5. Словенцы. 4.6. Черногорцы. 4.7. Боснийцы	
5. Этнонимы западнославянских народов: 5.1. Словаки. 5.2. Чехи. 5.3. Поляки. 5.4. Кашубы. 5.5. Серболужичане/ сербы	
Глава 7. Идея славянской взаимности и всеславянского языка в истории славян (славянская интерлингвистика)	
Литература	
1. Славянская интерлингвистика: сущность и проблемы	
2. Проекты всеславянских языков в истории славянской интерлингвистики (XVI – середина XX вв.).....	
3. Старославянско-церковнославянский (древнеславянский) литературно- письменный язык как международный язык.....	
4. Возникновение и развитие идеи славянской взаимности и всеславянского языка до XIX в.	
4.1. Юрай Крижанич и его идея славянского единения и всеславянского языка	
5. Идея славянской взаимности и всеславянского языка в XIX в.	

5.1. Ян Коллар и литературная взаимность славян.....	
5.2. Матия Маяр и его проект «взаимного языка»	
6. Этнический язык как межславянское средство общения.....	
7. Идея межславянского языка в XX в.	

III. Лингвистическая проблематика

Глава 8. Праславянский язык и происхождение славянских языков.....	
Литература.....	
1. Сравнительно-историческое языкознание и индоевропейский праязык	
1.1. К периодизации истории сравнительно-исторического языкознания	
2. Реконструкция индоевропейского праязыка	
2.1. Реконструкция внутренняя и внешняя.....	
2.2. Причины и направления распада индоевропейского праязыка.....	
2.3. «Басня» на индоевропейском праязыке как показатель прогресса в реконструкции	
3. Балто-славянские языковые отношения	
3.1. Гипотеза о балто-славянском праязыке	
3.2. Гипотеза о параллелизме и общности.....	
3.3. Гипотеза о «дочернем / сыновнем» взаимоотношении	
3.4. Гипотеза о языковом союзе	
4. Праславянский язык	
4.1. Лингвистическая палеославистика и ее периодизация	
4.2. Предполагаемые датировки существования праславянского языка и основных этапов его развития	
4.3. Принципы реконструкции праславянского языка.....	
4.4. Преобразование индоевропейской фонетической системы в праславянском языке	
4.5. Преобразование индоевропейской морфологической системы в праславянском языке	
4.6. Образцы некоторых типов склонения и спряжения праславянского языка	
4.7. О реконструкции праславянского словаря.....	
Глава 9. Выделение славянских языков и их классификация	
Литература.....	
1. Причины и направления распада праславянского языка	
2. Схемы распада праславянского языка в направлении «запад – восток → юг» и «восток – запад → юг»	
3. Принципы классификации славянских языков	
4.1. Классификация Й. Добровского	
4.2. Взгляды на классификацию после Й. Добровского.....	
4.3. Трехкомпонентная модель классификации и ее недостатки.....	
5.1. Метод изоглосс и его роль в классификации диалектов и языков	

5.2. Методы, основанные на фонетическом, грамматическом и словообразовательном материале.....	
5.3. Количественный метод на основе фонетико-морфологических признаков	
5.4. Метод лексико-статистического моделирования	
6. Традиционная классификация с учетом некоторых новейших данных.....	
7. Роль Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) в решении проблемы классификации славянских диалектов и языков	
Глава 10. Славянские языки и славянская лингвонимика.....	
Литература.....	
1. Общая и славянская лингвонимика: теоретические аспекты	
2. Историческое развитие лингвонимии.....	
3. Структура славянских лингвонимов	
4. Источники образования лингвонимов	
5. Лингвонимическая история первого литературно-письменного языка славянства старославянско-церковнославянского.....	
5.1. Лингвонимы и их варианты до конца XVIII в.	
5.2. Лингвонимы и их варианты в XIX и XX вв.	
6. Из истории лингвонима для русского языка	
6.1. «Славянский язык» и «русский язык»: попытки разъединения	
7.1. Из истории лингвонима для белорусского языка.....	
7.2. Из истории лингвонима для украинского языка	
7.3. Из истории лингвонимов с этнонимическим корнем «слов-/слав-»	
7.4. Из лингвонимической истории языка сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев.....	
7.5. О лингвонимах других славянских языков.....	
Глава 11. Происхождение и развитие славянской письменности.....	
Старославянский и церковнославянский языки	
Литература общего содержания	
1. Из истории славянской письменности	
1.1. О славянской палеографии.....	
1.2. О создании славянской письменности.....	
1.2.1. Глаголица и кириллица.....	
1.2.2. Таблица глаголицы и кириллицы	
1.2.3. Из истории глаголицы	
1.2.4. Из истории кириллицы.....	
1.2.5. Таблица различительных знаков кириллицы в алфавитах современных славянских литературных языков	
1.2.6. Применение латиницы у славян	
1.2.7. Таблица различительных знаков латиницы в алфавитах современных славянских литературных языков.....	
2. Существовала ли письменность у славян до Кирилла и Мефодия?	

3. Смена алфавитов и двуалфавитность в славянских языках.....	
4. Старославянский и церковнославянский языки	
4.1. Распространение, диалектное членение	
4.2. Об особенностях старославянского языка.....	
4.3. Старославянские памятники письменности.....	
4.4. Старославянский и церковнославянский.....	
4.5. Формирование и развитие церковнославянского языка. Функциональный статус	
4.6. Церковнославянский язык и современная православная церковь	
4.7. Образцы текстов.....	
4.8. Литература.....	
Глава 12. Языки современных славянских наций.....	
Литература общего характера	
1. Дивергентное развитие славянских языков.....	
2. Восточнославянские языки	
2.0. Алфавиты восточнославянских языков	
2.1. Русский язык	
2.1.1. Диалектное членение.....	
2.1.2. Некоторые особенности современного языка	
2.1.3. Формирование и развитие литературного языка	
2.1.4. Функциональный статус.....	
2.1.5. Образец текста.....	
2.1.6. Литература.....	
2.2. Белорусский язык.....	
2.2.1. Диалектное членение.....	
2.2.2. Некоторые особенности современного языка	
2.2.3. Формирование и развитие литературного языка	
2.2.4. Функциональный статус.....	
2.2.5. Образец текста.....	
2.2.6. Литература.....	
2.3. Украинский язык	
2.3.1. Диалектное членение.....	
2.3.2. Некоторые особенности современного языка	
2.3.3. Формирование и развитие литературного языка	
2.3.3.1. Язык и языковой вопрос (Под)карпатской Руси (к основам карпаторусинистики)	
2.3.3.2. Образец текста (на «словацко-карпаторусинском»):	
2.3.3.4. Литература по истории карпаторусинской письменности и литературного языка	
2.3.4. Функциональный статус.....	
2.3.5. Образец текста.....	
2.3.6. Литература.....	

2.4. Параллельные образцы склонения и спряжения восточнославянских языков	
3. Южнославянские языки	
3.0. Алфавиты южнославянских языков	
3.1. Болгарский язык	
3.1.1. Диалектное членение	
3.1.2. Некоторые особенности современного языка	
3.1.3. Формирование и развитие литературного языка	
3.1.4. Функциональный статус	
3.1.5. Образец текста	
3.1.6. Литература	
3.2. Македонский язык	
3.2.1. Диалектное членение	
3.2.2. Некоторые особенности современного языка	
3.2.3. Формирование и развитие литературного языка	
3.2.4. Функциональный статус	
3.2.5. Образец текста	
3.2.6. Литература	
3.3. Словенский язык	
3.3.1. Диалектное членение	
3.3.2. Некоторые особенности современного языка	
3.3.3. Формирование и развитие литературного языка	
3.3.4. Функциональный статус	
3.3.5. Образец текста	
3.3.6. Литература	
3.4. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский)	
3.4.1. Диалектное членение	
3.4.2. Некоторые особенности современного языка	
3.4.3. Формирование и развитие литературного языка	
3.4.4. Функциональный статус	
3.4.5. Образцы текстов	
3.4.6. Литература	
3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков	
4. Западнославянские языки	
4.0. Алфавиты западнославянских языков	
4.1. Словацкий язык	
4.1.1. Диалектное членение	
4.1.2. Некоторые особенности современного языка	
4.1.3. Формирование и развитие литературного языка	
4.1.4. Функциональный статус	
4.1.5. Образец текста	
4.1.6. Литература	

4.2. Чешский язык.....	
4.2.1. Дialeктное членение.....	
4.2.2. Некоторые особенности современного языка.....	
4.2.3. Формирование и развитие литературного языка.....	
4.2.4. Функциональный статус.....	
4.2.5. Образец текста.....	
4.2.6. Литература.....	
4.3. Польский язык.....	
4.3.1. Дialeктное членение.....	
4.3.2. Некоторые особенности современного языка.....	
4.3.3. Формирование и развитие литературного языка.....	
4.3.4. Функциональный статус.....	
4.3.5. Образец текста.....	
4.3.6. Литература.....	
4.4. Параллельные образцы склонения и спряжения западнославянских языков.....	
Глава 13. Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика).....	
Литература общего характера.....	
1.1. Славянские литературные микроязыки как объект славянского языкознания и славянской микролингвистики.....	
1.2. Возникновение идеи славянских литературных микроязыков и ее рецепция в славянском языкознании.....	
1.3. Понятие и термин «литературный микроязык». О лингвонимах для микроязыков.....	
1.4. Принципы классификации славянских микроязыков.....	
1.5. О носителях микроязыков.....	
1.6. Условия и факторы создания литературных микроязыков.....	
1.6.1. Литературно-языковые предтрадиции.....	
1.6.2. Культурно-религиозные и культурно-национальные движения других народов.....	
1.6.3. Иные предпосылки этносоциальной природы.....	
1.6.4. Субъективные предпосылки и факторы.....	
1.7. О генетической основе славянских литературных микроязыков.....	
1.8. Некоторые социолингвистические параметры славянских литературных микроязыков.....	
1.9. Проблемы нормы и кодификации. О влиянии окружающих языков.....	
1.10. Функциональный аспект славянских литературных микроязыков.....	
1.11. О новых экспериментах по созданию литературных микроязыков.....	
2. Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки.....	
2.1. Верхнелужицкий и нижнелужицкий: общее и отличительное.....	

2.2. История письменности и литературных языков	
2.3. Параллельные образцы склонения и спряжения верхне- и нижнелужицкого литературных языков.....	
2.4. Образцы текстов.....	
2.5. Литература	
3. Кашубский микроязык	
3.1. О кашубах и их языке	
3.2. Особенности кашубского языка	
3.3. Кашубский литературный язык и письменность	
3.4. Образец текста.....	
3.5. Литература	
4. Югославо-русинский / южнорусинский микроязык.....	
4.1. О югославо-руси́нах (южнорусинах)	
4.2. О генетическом статусе югославо-русинского микроязыка.....	
4.3. Особенности современного языка.....	
4.4. Становление и развитие литературного языка	
4.1. Образец текста.....	
4.2. Литература	
Глава 14.Славянские языки в сравнительно-типологическом освещении	
Литература	
1.Особенности грамматического строя современных славянских языков	
2. Типология фонологических явлений	
3. Типология грамматических явлений.....	

IV. О перспективах развития славянских языков и славянской филологии

1. Славянский языковой мир на пороге XXI века.....	
2. Славянская филология на рубеже XX–XXI вв.: проблемы и перспективы.....	

Приложения

1.Библиография по славистике.....	
2. «Международный Комитет славистов» (МКС) и международные съезды славистов	
2.1. Устав «Международного Комитета славистов»	
2.2. Хронология Международных съездов славистов	
2.3. Комиссии при Международном Комитете славистов.....	
3. Введение в славянскую филологию: программа и указания к курсу.....	
3.1. Программа курса «Введение в славянскую филологию». Литература.....	
3.2. Темы для курсовых работ, рефератов и обсуждений.....	
4. Именной указатель.....	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В учебнике излагаются фундаментальные вопросы филологического – прежде всего лингвистического – направления современной славистики. С позиций научных достижений рубежа XX–XXI вв. освещаются традиционные для славистики и славянской филологии темы: обзор славянских народов, этногенез и прародина славян, славянская этнонимика, жизнь славян в древности по данным языка, праславянский язык на фоне индоевропейского, происхождение славянских языков, их классификация, зарождение и развитие письменности и роль в этом процессе старославянско-церковнославянского языка, дается подробная характеристика языков современных славянских наций с приведением образцов текстов и важнейшей литературы по каждому из них, славянские языки показаны в сравнительно-типологическом освещении, излагаются основные этапы становления и развития славянской филологии у восточных славян.

В книгу впервые включены и обосновываются такие новые славистические дисциплины, как славянская микролингвистика, а вместе с нею и славянские микрофилологии (теория славянских литературных микроязыков), славянская интерлингвистика (идея славянской взаимности и всеславянского языка в истории славян), славянская лингвонимика (названия языков в связи с их историей), затрагивается (карпато)русинистика – дисциплина, изучающая дискуссионные вопросы становления и развития (карпато)русинского литературного языка и его вариантов в украинском, восточнославянском и общеславянском контексте. В завершение автор дает свое видение перспектив развития в современном мире больших и малых славянских языков и славянской филологии как науки. Отражена важнейшая мировая литература по всем затрагиваемым в книге аспектам. Кроме того, в приложениях читатель найдет перечень наиболее известных периодических и серийных изданий по славистике и славянской филологии в частности, полезные сведения о Международном Комитете славистов, разработанную автором программу университетского курса «Введение в славянскую филологию».

Учебник построен таким образом, чтобы он стал источником и основой для познания важнейших проблем славянской филологии для всех тех, кто ею начинает заниматься или же уже работает в ней профессионально: для студентов лектор прокомментирует необходимый материал; аспиранты и докторанты смогут углубить свои знания, полученные после прослушивания традиционных лингвославистических курсов; преподаватель и лектор найдет материал для проведения лекций и научных семинаров; профессиональный славист сможет расширить свои познания знакомством с теми проблемами, которые выходят за рамки его узких научных интересов.

В последние годы стали часто появляться «Введения» различных авторов. Практически во всех из них затрагиваются, как правило, лишь отдельные темы курса, притом фрагментарно. Но более всего удручает практически полная профессиональная непригодность ряда таких учебников. Судите сами: можно ли начинать курс славянской филологии с ностратической гипотезы о происхождении человеческого языка, т.е. фактически с каменного века (чему посвящена отдельная глава книги!), а затем излагать неупорядоченные историко-культурные сведения о русских и лишь в самом конце 400-страничной книги полтора десятка страниц посвятить некоторым славянским языкам, притом с массой ошибочных сведений? Непонятно, о какой «славянской филологии» пишет автор вообще* (1). В 2009 г. издано небольшое пособие, в предисловии к которому автор справедливо заявляет о необходимости уравнивания языковедческой и литературоведческой сторон славянской филологии. Однако основная часть его книги посвящена славянским древностям и мифологии, православию и под., в то время как славянским языкам отведено десяток страниц (к сожалению, не без ошибок), а что касается славянских литератур, то систематического их изложения так и не получилось; к тому же ни слова не говорится о словенской, македонской, серболужицкой, белорусской литературах. Автор пишет о «крупнейших филологах-славистах», а фактически приводит сведения лишь о некоторых языковедах, в т. ч. и о «некрупнейших». Половину объема этой книги занимают недокументированные фрагменты из источников: тут же, вслед за античным Мавриkiem, идет А. А. Потебня с отрывками из его книги «Мысль

и язык», чуть ниже устаревшая статья Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме» (!), после чего следуют главы из книги Л. Нидерле «Славяне в древности»... И т.д.* (2). В связи со сказанным встает вопрос: допустимы ли университетские учебники и учебные пособия, в которых нет не только освещения сути славянской филологии, но и проявлена некомпетентность их авторов в этой области?

В последние годы издается также масса сборников, монографий, справочников, даже энциклопедий по различным вопросам славистики. Это ставит перед читателем вообще и перед студентом в частности вопрос, который он должен решить: доверять или не доверять тому или иному изданию? Ведь перед ним – бесчисленные сборники и монографии, в большинстве своем не отрецензированные и не отредактированные специалистами, но зачастую с «заманчивыми» названиями. Разумеется, если издание вышло под грифом, скажем, Академии наук или известного университета, то таким трудам в целом следует доверять – как правило. Но, увы, не всегда. Так, вышедшая под грифом Российской АН и «Научного совета по истории мировой культуры» в 2007 г. книга под интригующим названием «Вселенная русской письменности до Кирилла» пестрит фантастическими заявлениями автора типа «когда-то в глубокой древности на всем Евразийском континенте и даже в Северной Америке существовали единая письменность и единый язык – русские»!...* (3). Еще один показательный пример. В 2005 г. издана трехтомная так наз. «Славянская энциклопедия», имеющая подзаголовок «Ведущие языковеды мира». В ней и «славянский» Аристотель, и французский богослов XVII в. А. Арно, и японовед Хидеё Арисака, и огромная масса ни чем в науке не отличившихся преподавателей-практиков педагогических институтов и университетов, написавших за свою жизнь десяток-полтора статей и тезисов по узким вопросам русистики, по методике преподавания русского языка и т.д. и успевших уже попасть в ... «ведущие языковеды мира» * (4). Досадно, что подобного рода издания некоторы-

* Соответственно: (1) А.А. Соколянский. Введение в славянскую филологию. М., 2004; (2) Ю.И. Минералов. Введение в славянскую филологию. М., 2009; (3) В.А. Чудинов. Вселенная русской письменности до Кирилла. М., 2007; (4) А. Юдакин. Славянская энциклопедия. (Ведущие языковеды мира). 1–3. М., 2005.

ми вузами уже включаются в обязательные списки литературы для студентов. Как быть? Увы, автор настоящей книги просто-напросто сам не знает, как оградить начинающего и профессионального слависта от подобных псевдонаучных изданий, которые с 90-х гг. XX в. заполнили книжный рынок...

Ситуацию усугубляет еще один фактор, на который хотелось бы обратить внимание и тех, кто только начинает изучать славянскую филологию, и тех, кто уже является специалистом по славистике. Речь идет об интернете, в котором представлен безбрежный массив сведений, связанных со славянской филологией. Это отрадное явление, поскольку всего одним движением руки на клавишах вы находите то, что вам необходимо. Но если бы это всегда было так! Проведенный нами обзор и анализ приводимой в интернете информации показывает, что, наряду с серьезными текстами, там помещается масса любительских, в т. ч. и непроверенных, сведений, причем во многих из них факты, имена, даты перевираются с невероятной легкостью. С удивлением вы прочтете, что, например, украинский язык существовал с незапамятных времен и что именно некий украинский мудрый старец задолго до новой эры отправился в Индию, где сделал широкий жест, – создал для индийцев язык санскрит!... Примеры подобного рода можно было бы продолжать. Но зачем?!...

Все сказанное подводит нас к одной мысли: несмотря на легкость издания в настоящее время книг, которые к тому же нередко не рецензируются специалистами, и несмотря на наличие всемирной паутины – интернета, создание серьезных трудов, в частности, по славянской филологии является сейчас и останется в будущем насущнейшей необходимостью и единственной альтернативой оградить читателя от соблазна пойти по ложному пути...

* * *

При написании книги для автора были полезны и важны обсуждения ряда вопросов с коллегами. Всем им и особенно рецензентам д-ру проф. В. М. Мокиенко (С.-Петербург – Грейфсвальд), доктору филологических наук А. Ф. Журавлеву (Москва), д-ру проф. В. Лефельдту (Геттинген) и д-ру проф. О. В. Никитину (Москва) выражаю свою искреннюю признательность.

Некоторые сокращения

авест. – авестийский
бав.-австр. – баварско-австрийский
белорус. – белорусский
белудж. – белуджский
болг. – болгарский
вост.-серб. – восточно-сербский
гот. – готский
греч. – греческий
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-ирл. – древнеирландский
др.-польск. – древнепольский
др.-рус. – древнерусский
др.-перс. – древнеперсидский
зап.-морав. – западноморавский
зап.-рус. / з.-рус. – западнорусский
кайкав. – кайкавский
карпат. – карпатский
кашуб. – кашубский
кельт. – кельтский
кимр. – кимрский
курд. – курдский
латыш. – латышский
лит. – литературный
макед. – македонский
нар.-лат. – народно-латинский
о.-слав. – общеславянский
осет. – осетинский
перс. – персидский
полес. – полесский
польск. – польский
рум. – румынский
рус. – русский
с.-в.-рус. – северновеликорусский
с.-луж. – серболужицкий / -ие
серб. – сербский
серб.-хорв. – сербско-хорватский
слав. – славянский
словац. – словацкий
словен. – словенский
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ср.-перс. – среднеперсидский

ст.-в.-нем. – старовержненемецкий
ст.-рус. – старорусский
ст.-слав. – старославянский
ст.-укр. – староукраинский
ст.-фурлан. – старофурланский
укр. – украинский
укр.-карпат. – украинско-карпатский
фрак. – фракийский
ц.-слав. – церковнославянский
чакав. – чакавский
чеш. – чешский
ю.-русин. – югославо-русинский / юж-
норусинский
ю.-чеш. – южночешский
юж.-слав. / ю.-слав. – южнославянский

АН – Академия наук
БАН – Болгарская Академия наук
БАС – Большой академический словарь
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
МАПРЯЛ – Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы
МАС – Малый академический словарь
НСВ – несовершенный вид
ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности
ПНР – Польская Народная Республика
РАН – Российская Академия наук
РФ – Российская Федерация
СВ – совершенный вид
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

I. О СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ

Глава 1

Славянская филология и ее место в науке о славянах

Литература

- Георгиев Е. Основы на славистиката и българистиката. София, 1979.
- Лучик В. В. Вступ до слов'янської філології. Київ, 2008.
- Пипер П. Увод у славистику. 1. Београд, 1991; 2. изд., Београд, 2008.
- Супрун А. Е., Калюта А. М. Введение в славянскую филологию. Минск, 1981; 2-е изд.: А. Е. Супрун. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Чекмонас В. Введение в славянскую филологию. Вильнюс, 1988.
- Чедиа В. В. Введение в славянскую филологию. Тбилиси, 1990.
- Einführung in die slavischen Sprachen. (Mit einer Einführung in die Balkanphilologie). Hg. P. Rehder. 5. Aufl. Darmstadt, 2006.
- Franz N. Einführung in das Studium der slavischen Philologie. Geschichte – Inhalte – Methoden. Darmstadt, 1994.
- Lehfeldt W. Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten. München, 1995; 2. Aufl., 1996.
- Moszyński L. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 1984.
- Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo. V Ljubljani, 1949.
- Ondruľ Ъ. Úvod do slavistiky. Bratislava, 1956.
- Petr J. Základy slavistiky. Praha, 1984.
- Schenker A. M. The Dawn of Slavic. An Introduction to Slavic Philology. New Haven / London, 1995.
- Trautmann R. Die slavischen Völker und Sprachen. Eine Einführung in die Slavistik. Leipzig, 1948.

Славянская филология развивается на протяжении длительного времени, однако при этом, как ни странно, до сих пор среди ученых нет единого мнения о предмете и содержании славянской

филологии и, как результат этого, возникает проблема, связанная с определением ее места в системе филологии как науки и ее отношением к славистике. *Филология* – термин греческого происхождения, составленный сложением двух слов: либо глагольной формы *φιλέω* [filéō] ‘люблю’ и существительного *λόγος* [lōgos] ‘слово, речь, учение’ + аффикс *-ία* = *φιλολογία* [filología], что будет означать ‘любовь к слову, к ученой беседе; любословие’; либо двух существительных *φίλος* ‘друг, любитель’ и *λόγος* ‘то же’ + *-ία*, т.е. ‘любитель слова’.

Филология вышла из недр античной философии – восточной (индийской и китайской) и европейской (греческой и римо-латинской). В то время ее объектом было толкование и комментирование старых, в том числе библейских, текстов с целью сделать их доступными просвещенному миру. Кроме того, античные философы-филологи пытались осмыслить природу слов и их связь с мышлением, назначение человеческой речи и, в частности, ее роль в ораторском искусстве и под. Нужно сказать, что сам термин *филология* в форме нем. *Philologie* появляется лишь в XIX в. в Германии, причем объектом все также остается изучение древних и средневековых текстов на греческом, латинском, на некоторых других языках средневековой Европы и на восточных языках.

Со вниманием к исследованию древностей филология как гуманитарная наука дошла до наших дней. Однако ныне это лишь одно из направлений филологических исследований. Филология превратилась в комплексную науку, в частности, в совокупность двух научных дисциплин – о языке и о литературе: первая дисциплина, а точнее наука – языкознание, вторая – литературоведение. И языкознание, и литературоведение изучают, начиная с древнейших эпох, культуру народов, выражаемую в языке и через язык – в литературно-художественном тексте. Из сказанного вытекает, что существует **общая филология** – она рассматривает переданные через язык и письменность особенности общечеловеческой культуры и **филология, обращенная к национальным (этническим) языкам и литературам**, нередко охватывающим целые группы (близко)родственных народов.

При формировании национально ориентированных филологий важную роль приобретает добавляемое к термину *филология* опре-

деление-прилагательное, обычно образованное на базе этнонима, т.е. названия народа или группы народов, ср.: *славянская филология*, *индийская филология* и под. (т.е. по отношению к группе родственных языков и народов), а также *немецкая филология*, *туркменская филология* и т.д. (по отношению к конкретному языку и народу). Таким образом, в подобном делении филологии за основу взят этноязыковой признак.

Итак, мы вплотную подошли к предмету нашего изучения – славянской филологии.

Славянская филология, как и филология в целом, является комплексной наукой: это, как было уже сказано, совокупность двух дисциплин – *славянского языкознания* и *славянского литературоведения*, изучающих и древность, и современное состояние духовной культуры славян, выраженной посредством языка.

Однако такое понимание нашего предмета сформировалось не сразу. Славянская филология прошла длительный путь своего развития и совершенствования. На рубеже XVIII–XIX вв. в гуманитарной сфере формируется и распространяется наука о славянах, обозначаемая по-русски сначала термином «славяноведение», а позднее и его терминологическим дублетом «славистика». Научные основы славистики заложил чешский ученый Йозеф Добровский (1752–1829), он же стал и основоположником славянской филологии.

В XIX в. славяноведение включало в себя комплекс вопросов, касающихся языка, культуры (литературы и этнографии, в частности) и истории, при этом с самого начала в науке о славянах наблюдается преобладание филологической проблематики. В 1835 г. в России был принят университетский устав, в соответствии с которым учреждались «кафедры истории и литературы славянских наречий», хотя, правда, курсы по этим кафедрам все еще касались как языков (прежде всего южных и западных славян), так и славянских древностей, славянских литератур, истории и этнографии. Так, русский славист И. И. Срезневский получил в 1846 г. первую в России научную степень «доктора по русско-славянской филологии», защитив диссертацию на тему «О языческом богослужении древних славян», т.е. диссертация носила культурно-этнографический характер. В то же время, например, словацко-чешский славист П. Й. Шафа-

рик больше склонялся (по крайней мере в 40-е гг. XIX в.) к филологическому пониманию славяноведения. Все это привело к тому, что появляющийся приблизительно в середине XIX в. термин *славянская филология* фактически перенимает почти всю проблематику, входившую до того в компетенцию славяноведения, т.е. оба этих научных термина становятся в известной мере синонимами. Возможно, что ситуацию мог бы как-то разрешить термин *славянология* (по аналогии с «филология», ср. также кельтология, индология и под.) в значении «наука о славянах» и с подразделением на филологическую, т.е. лингвистическую и литературоведческую, славянологию и др., однако такой термин так и не появился и не обсуждался в истории славяноведения и славянской филологии.

Можно сказать, что приблизительно к рубежу XIX–XX вв. наука о славянах все же постепенно подошла к дифференциации славяноведения, т.е. к выделению из него в качестве самостоятельных дисциплин славянской филологии, а также славянской истории, славянской этнографии. Такое деление славяноведения, базирующееся на учете объектов исследования (т.е. языков, литератур и т.д.), сохраняется по настоящее время – с одной оговоркой: инерция, если иметь в виду проблему соотношения славяноведения и славянской филологии, в той или иной мере, как это не удивительно, сохраняется в некоторых национальных научных традициях и в XX в. Так, например, в «Русско-чешском словаре лингвистической терминологии» русские термины *славистика* и *славяноведение* трактуются через запятую, т.е. как синонимы¹. Есть и другие примеры подобного рода.

Современное понимание славянской филологии и ее составляющих подразумевает изучение всех без исключения славянских языков и литератур. Бытовавшее в дореволюционное и в советское время представление о том, что вне славянской филологии должна оставаться русская филология как особая дисциплина, ныне следует считать устаревшим и попросту неприемлемым. Это ограничение тянется по крайней мере с 40-х гг. XIX в. и, по всей видимости, связано оно с именем русского слависта П. И. Прейса, который в

¹ Русско-чешский словарь лингвистической терминологии. / Rusko-český slovník lingvistické terminologie. Praha, 1960. S. 234.

своем «Набросок/Ъ программы университетских чтений по славяновѣдѣнію» (1840) основной объект предмета сформулировал так: «Славяне, за исключеніемъ русскихъ». Разумеется, в СССР и в России в частности русский язык и русская литература представляли и представляют собою и поныне безграничное поле для всесторонних исследований. Но и в таком случае ограничивать славянскую филологию изучением языков и литератур только южных и западных славян оснований нет. В то же время нет никаких оснований подменять, как это иногда делается, университетский курс «введения в славянскую филологию» курсом «введения в русскую филологию». Понятно, что в российских университетах настоящий предмет в преимущественном большинстве изучают студенты, выбравшие себе в качестве специальности русский язык и литературу. И для этого они изучают большое число предметов в русле русской филологии. Курс славянской филологии поможет углубиться не только в конкретные вопросы филологически понимаемой русистики, но и наряду с изучением старославянского и одного из современных славянских языков раскроет филологические горизонты в отношении всего славянского мира.

Объектом *славянской истории* являются события и процессы возникновения и развития славянских народов с их государственными и иными формами объединения. С историей связывают *славянскую археологию*, которую интересуют остатки объектов материальной культуры древнего славянства, вскрываемых в земле в результате раскопок. Далее, выделим еще одну славяноведческую дисциплину – *славянскую этнографию*, объектом изучения которой является традиционная духовная культура народов, в том числе и ее проявление в материальном виде. Со славянской этнографией связана *славянская мифология*.

Все перечисленные дисциплины в той или иной мере ретроспективны, т.е. обращены или связаны с далеким прошлым своего объекта – с началами языка (в рамках славянского языкознания – праславянского языка), зачатками художественного творчества, ранними формами государственного объединения, архаичными традициями материальной и духовной культуры и т.д. В этой связи ядром славистики становится раздел о славянских древностях, называемый *палеославистикой*.

В соответствии со сказанным структура современной славистики может быть представлена следующей схемой:

Структурировать славистику можно и по-иному, если в качестве объекта взять конкретный народ и его язык и культуру. В этом случае славистика предстанет как совокупность национальных (или этнических) *-истик*, в каждой из которых окажется свой язык, своя литература, своя история и т.д. Мы имеем в виду развертывание славистики в виде *белорусистики*, *болгаристики*, *полонистики* ‘науке о поляках, их языке, литературе и т.д.’ и под. В таком структурировании есть своя логика: белорусистика, например, будет заниматься всеми аспектами белорусского языка, литературы, истории, этнографии, начиная с древнейших времен и доводя исследования до современного состояния названных выше объектов. То же самое относится и ко всем остальным подразделениям. Однако научная практика и традиция не всегда соотносятся с логикой структурирования знаний (хотя и должны были бы!). Так, если мы откроем изданные в Москве «Лингвистический энциклопедический сло-

варь» (1990) и энциклопедию «Русский язык» (2-е изд., 1997), то убедимся, что приводимые в них определения *русистики* следуют стихийно сложившейся традиции:

1) в широком смысле данного термина – это (соответственно первому и второму словарю) «область филологии, занимающаяся русским языком, литературой, словесным (!) фольклором» и «весь комплекс наук о русской словесности и языке»;

2) в узком смысле – это «наука о русском языке в его истории и современном состоянии» и «наука о русском языке»².

Таким образом, понимание русистики в широком смысле есть не что иное, как подмена термина и понятия *русская филология* (в таком случае этот термин оказывается излишним, а разумно ли это?!); понимание ее в узком смысле делает ненужным термин и понятие *русское языкознание*.

Если попытаться структурировать славянскую филологию, то предпочтительнее было бы представить ее в качестве разветвляющегося ряда национальных (этнических) филологий, распределяющихся по трем традиционным направлениям – восточному, южному и западному и в совокупности составляющих названную науку:

1) восточнославянская филология: *белорусская филология* – *русская филология* – *украинская филология*;

2) южнославянская филология: *старославянская филология* – *болгарская филология* – *македонская филология* – ранее *сербско-хорватская филология*, с 90-х гг. XX в. – *сербская филология* / *хорватская филология* / *боснийская филология* – *словенская филология*;

3) западнославянская филология: *словацкая филология* – *чешская филология* – *польская филология* – *серболужицкая филология*.

На основе сказанного можно констатировать, что до 90-х гг. XX в. славянская филология, если исходить из традиционной генетической классификации славянских языков, представляла собою совокупность 12 этнических филологий, с 90-х гг. – 14 (исключение: старославянскую филологию, ближе всего стоящую к староболгарской филологии, этнической филологией называть все же

² См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 425; Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 430.

нельзя, поскольку она носит общеславянский, т.е. надэтнический, характер). Однако этот список неполон. К нему следует добавить еще ряд *славянских микрофилологий*, о которых речь будет идти в гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)», где рассматриваются и серболужицкая, а также южнорусинская (югославо-русинскую), кашубская и другие микрофилологии.

Что касается трех обобщающих компонентов славянской филологии – восточнославянской, южнославянской и западнославянской филологий, то их предмет, содержание, принципы и методы исследования до настоящего времени не только не определены, но и по-настоящему не осмыслены. По нашему мнению, это одна из перспективных задач общетеоретической славянской филологии, ждущая своего решения.

Итак, после того как мы рассмотрели некоторые проблемы становления славяноведения, или славистики, и его / ее подразделений, уместно задать вопрос: каково же содержание славянской филологии, основы которой излагаются в настоящей книге? Будет ли это освещение вопросов «чистого» славянского языкознания и «чистого» славянского литературоведения как совокупности, формирующей славянскую филологию в целом? Ответим коротко: ограничиться «чистыми» дисциплинами невозможно и вот почему. Чтобы ввести читателя в филологическую проблематику славянства, нужно в определенной мере задействовать и славянскую историю, и этнографию, и некоторые другие вспомогательные дисциплины (археологию, палеографию и т.д.). Нельзя говорить о праславянах и о праславянском языке – прародителях современных славян и их языков, не изложив исторических сведений и не рассказав о быте, социальной организации, духовной и материальной культуре славян в глубокой древности и в средневековье. Кроме того, рассуждая об основных этапах развития праславянского языка, нельзя обойти стороной вопрос о «прародине» носителей этого языка. Важно тут только иметь в виду, что многие нелингвистические проблемы славянской древности мы стараемся реконструировать в первую очередь с помощью языка. А это дает возможность осознать важность

языка не только как повседневного средства общения, но и как своеобразную энциклопедию знаний, запечатлевшую далекое прошлое славянских народов. Потому первый раздел настоящей книги посвящен историко-этнографической и этнолингвистической проблематике.

Однако и это не все. В XIX в., как мы уже убедились, при изложении основ славянской филологии оба ее компонента – языковедческий и литературоведческий – были, как правило, представлены параллельно, хотя и с перевесом во внимании и объеме в языковедческую сторону. Литература и литературоведение попросту еще не были выделены в особую дисциплину, да и объем их в ту пору не был столь обширен. Позднее ситуация начинает меняться: история славянских литератур и славянское литературоведение постепенно обособляются и становятся самостоятельным предметом и сферой исследования, объем этого компонента славянской филологии существенно увеличивается и усложняется, что в конечном счете привело к ослаблению его представленности, например, в университетском курсе «Введение в славянскую филологию». Не представлен специальными разделами литературоведческий компонент и у нас: его все же должен писать славист-литературовед. Однако некоторых сведений о литературах мы все же касаемся при изложении процессов формирования и развития славянских литературных языков.

Подводя итог сказанному, хотим напомнить об одном интересном предложении в отношении перспектив университетской славистики, высказанном в начале XX в. хорватским славистом акад. В. Ягичем. В статье «Прошлое и будущее славянской науки (славистики)» он писал: «Славистика вопиет о реформе». Что имел в виду академик? Его встревожила оформившаяся в это время тенденция к замыканию славистики в национальных рамках и как следствие этого – сужение ее предмета в направлении изучения только собственных проблем. Ученый призвал к координации университетских программ. В частности, акад. В. Ягич посчитал целесообразным договориться о «каноне дисциплин первого ряда», которые были бы обязательными для всех университетов славянских стран, после чего шли бы предметы местного (национального) характера. «Канон дисциплин первого ряда» – это как раз и есть общеслави-

стическая проблематика³. С сожалением приходится констатировать, что XX в. так и не решил эту проблему до конца. Тенденция к координации и унификации общеславистических дисциплин в университетах не просматривается и на рубеже XX–XXI вв.

Глава 2

Важнейшие вехи исторического развития славянской филологии у восточных славян

Литература

Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 1–3. Минск, 1976–1978.

Буличъ С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. 1. (XVIII–1825 г.). СПб., 1904; фототип. изд.: S. K. Bulič. Očerk istorii jazykoznanija v Rossii. T. I (XIII v. – 1825 g.). SPb., 1904. Nachdruck und Nachwort von H. Keipert. München, 1989.

Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

Максимовичъ М. Начатки славянской филологіи. Київ, 1846.

Молдован А. М. Пути славистики в современном мире. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклад. М., 2008.

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

Смирнов С. В. и др. Русское и славянское языкознание в России (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Л., 1980; Русское и славянское языкознание в России середины XIX – начала XX вв. Л., 1991.

Современные зарубежные лингвисты. Биобиблиографический справочник. Отв. ред. Ф. М. Березин. Ч. I–II. М., 1981–1985.

³ См.: V. Jagić. Prošlost i budućnost slovenske nauke (slavistike). // Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia Jego działalności naukowej. 1868–1921. Kraków, 1921. S. 16–21.

Ягичъ И. В. Исторія славянской филологіи. (Энциклопедія славянской филологіи. Вып. I). СПб., 1910; репринт. изд.: М., 2003.

Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern. (Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung. XXX). Hg. J. Hamm und G. Wytzens. Wien, 1985; Beiträge zur Geschichte der Slawistik in den nichtslawischen Ländern. / К истории славистики в неславянских странах. Wien, 2005.

Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky. J. Pleskalová et al. Praha, 2007.

Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon. 1. Aufl. Hg. E. Eichler Bautzen, 1993.

Urbańczyk S. Dwieście lat polskiego językoznawstwa (1751–1950). Kraków, 1993.

Zeil W. Slawistik in Deutschland. Forschungen und Informationen über die Sprachen, Literaturen und Volkskulturen slawischer Völker bis 1945. Köln etc., 1994.

1. Об истории славянской филологии как особой дисциплине

История любой науки призвана собирать материал, описывать и осмысливать его, устанавливая закономерности развития предшествующих этапов научного процесса и проецируя их в настоящее и будущее науки. Многовековой интерес интеллектуальной мысли к славянству привел к формированию специальной дисциплины – истории славяноведения (или славистики) и ее ответвления – истории славянской филологии, истоки которых уходят в раннее Средневековье.

Систематически история славяноведения изучается с XIX в. Однако до сих пор нет синтезированной истории мировой славистики и истории мировой славянской филологии в форме монографии. До настоящего времени непревзойденной по охвату материала и последовательности его изложения является лишь «Исторія славянской филологіи» В. Ягича, вышедшая в 1910 г. в качестве первого тома «Энциклопедіи славянской филологіи».

На развитие славистических исследований оказывали воздействие такие факторы, как 1) общественно-политическая ситуация, которую переживали славянские страны и народы, 2) наличие творческих личностей (авторов), 3) национальных культурных и научных учреждений, объединений, обществ, национальных академий

наук, университетских кафедр, 4) появление рецензий на вышедшие труды, 5) обсуждение актуальных проблем на научных съездах, симпозиумах, конференциях и под. и как следствие этого – координация исследований, проводимых как отдельными учеными, так и целыми научными учреждениями, 6) наличие материальной базы, т.е. архивов, библиотек, диалектных, фольклорных и прочих собраний в виде картотек и фонотек, интернета, периодики и т.д.

2. Периодизация истории славянской филологии

Многовековую историю славяноведения и славянской филологии в частности можно осознать и понять, если рассматривать ее по периодам (или эпохам), которые в совокупности составляют парадигму славистического процесса, протянутого во времени. Историю славянской филологии и славяноведения в целом можно разделить на такие периоды: 1) *начальный*, или *период так наз. предыстории*, – от начала славянской письменности (IX в.) и примерно до середины XVIII в. с характерной разрозненностью фактов о славянстве и с преобладанием представлений об этническом единстве славян; 2) *период становления* славяноведения как науки (вторая половина или последние десятилетия XVIII в. и до середины или до 60–70-х гг. XIX в.) с доминированием в нем славянской филологии и прежде всего славянского языкознания и развивавшийся под влиянием идей Просвещения и национально-освободительного движения южных и западных славян (Славянское Возрождение); при общей ориентации на национальные традиции все еще популярной остается идея всеславянского языка и славянской взаимности; 3) *период дифференциации славистических дисциплин и оформление классического славяноведения* как комплекса славистических дисциплин (вторая половина XIX – первая треть XX вв.); 4) *на новейший этап*, охватывающий большую часть XX в. и рубеж XX–XXI вв.

3. О началах славянской филологии

Предысторию славяноведения и славянской филологии следует начинать со времени принятия славянами христианства и создания

славянской письменности. Эти события падают на IX в., когда славянские первоучители **Константин**, в монашестве – **Кирилл** (827–869), и его старший брат **Мефодий** (820–885) предприняли усилия по организации богослужения на славянском языке, для чего Константин-Кирилл создал по греческому образцу славянское письмо, названное глаголицей. Позднее последователи братьев создали второе, более приспособленное для практического использования, славянское письмо, названное в честь Кирилла кириллицей, которая употребляется до настоящего времени всеми православными славянскими народами. Подробнее об этом см. гл. 11. «Происхождение и развитие славянской письменности. Старославянский и церковнославянский языки». В сочинении XIV в. греческого «Святого Иоанна Дамаскина о восьми частях слова, какъ пишемъ и говоримъ» (авторство приписывается также болгарину Иоанну Экзарху) рассматриваются части речи («части слова»), а в сочинении монаха («черноризца») **Храбра** «О письменахъ / письменѣхъ» (сочинение приписывается также ученикам Кирилла и Мефодия – то Клименту Охридскому, то Науму и т.д.) дается своего рода оценка созданного Кириллом письма.

4. Зарождение и развитие славистической мысли у восточных славян

4.1. До XVIII в. включительно. Самые первые тексты, связанные с языком, стали появляться на Руси с XV–XVI вв. После того, как турки завоевали Византию (1453), центром православной религии и славянской культуры становится Московское государство, куда устремились также книжники из южных славянских стран. Объектом внимания книжников становится церковнославянский язык и исправление бытовавших на нем богослужебных книг, что вызывало необходимость знать греко-латинскую грамматику. Значительную роль в развитии филологической мысли у восточных славян сыграли «Киево-Могилянская академия» (осн. в 1615 г.) и «Славяно-греко-латинская академия» в Москве (осн. в 1687 г.). Широкое распространение получают сочинения «О восьми частяхъ слова» и «О письменахъ / письменѣхъ», **Максим Грек** (ок. 1475/1480–1556),

приглашенный в Москву для исправления церковных книг, писал также о грамматике. С XVI в. распространяются списки латинской грамматики Доната. Этот век стал «филологической» подготовкой для книгопечатания, о чем свидетельствует деятельность белорусского гуманиста **Франциска Скорины** (род. между 1485–1490 гг. – умер до 1552 г.), опубликовавшего в Праге «Псалтирь» (1517), затем в 22 (23) книгах – перевод «Ветхого Завета» (1517–1519) и др. книги. Продолжил книгопечатание **Иван Федоров**, выпустивший во Львове первый «Букварь» (1574), а в 1580–1581 гг. в Остроге – перевод «Священного Писания» («Острожская Библия»). В 1591 г. отпечатано пособие львовского братства по грамматике «Адельфотис», а в 1596 г. в Вильно издана «Грамматика словенская» **Лаврентия Зизания**, составителя также словаря «**Лехишь, сирльчь реченіа**» (1596). Уже в XVII в. выходит солидная «**Гра ат ікі славѣнскихъ равильноє сѣнтаг а**» (1619) **Мелетия Смотрицкого** (1578–1633), на долгие годы ставшая образцом для в России и для южных славян. М. В. Ломоносов называл ее «вратами учености». В ней даны правила «чистого» славянского языка (т.е. церковнославянского), впервые нашел отражение синтаксис. К XVII в. относится и «Грамматыка словенская» (1643) украинца Ивана **Ужевича**, написанная на латыни. В конце XVI – в XVII вв. начинают собирать лексику: помимо азбуковников (рукописных толкований слов для учебных целей), появляются печатные словари: «Лехиконъ славенорѡсскій и именъ тлъкованіє» **Памвы Берынды** (1627), «Лехиконъ латински з Калепина преложены на славенски» **Епифания Славинецкого** (кон. XVI или нач. XVII вв. – 1675). К латинским словам приводятся церковнославянские, украинские, русские, реже – белорусские эквиваленты. **Симеон Полоцкий** (1629–1680) составил «Лексиконъ языковъ польскаго и словенскаго [славянскаго]» (1670) – один из первых в восточнославянской лексикографии славяно-славянских словарей.

В XVIII в. развитию филологической мысли способствовали реформы Петра I, по инициативе которого в 1724 г. была создана Петербургская Академия наук (с 1803 г. – Императорская Академия наук и т.д.), а при ней – гимназия и университет. В 1710 г. он издал указы о реформе графики (с чем связано появление так наз.

гражданской кириллицы) и о собирании древних рукописей. В 1755 г. открыт Московский университет. Основное внимание в этот период направлено на церковнославянско-русскую проблематику. Василий Евдокимович **Адодуров** (1709–1780) пишет первую русскую грамматику по-русски (осталась в рукописи). Василий Кириллович **Тредиаковский** (1703–1768) сначала предлагает по французскому образцу языком культуры сделать «живой» русский язык (потому что «языкъ славенской жестокъ моимъ ушамъ слышится»), однако позднее возвращается к «славянщине», пишет о единстве «славенского» и русского языков, употребляя лингвоним *славеноросский язык*. Появляется серия учебных церковнославянских грамматик, словарь «славянского» языка Ф. П. Поликарпова 1704 г., но с этого времени церковнославянская традиция постепенно вытесняется за счет обращения к русскому языку, хотя не исчезает бесследно, отразившись в ряде переводных словарей. Феофан **Прокопович** поднимает вопрос об упрощении книжно-славянского языка, Петр Алексеевич **Алексеев** (1727–1801) выпускает «Церковный словарь» (1773) и т.д. Этот период называют *доломоносовским*.

Перелом в грамматической традиции происходит в середине XVIII в., и связан он с «Россійской грамматикой» 1755–1757 гг. Михаила Васильевича **Ломоносова** (1711–1765), ознаменовавшей так наз. *ломоносовский период развития славянской филологии* в России. Ломоносов разграничил книжный «славянский» и собственно русский, его интересует сравнительный аспект славянских и неславянских языков, вопрос об отношении славянских и балтских языков; для доказательства родства европейских языков он приводит сравнительную таблицу с числительными от 1 до 10 на русском, греческом, латинском и немецком языках, распределяя на этом основании указанные языки на группы – славянскую, греческую, итальянскую и германскую. «Россійская грамматика» стала образцом и ориентиром для грамматических кодификаций русского языка конца XVIII – начала XIX вв., в т. ч. грамматики А. А. **Барсова**, «Граматики Академіи Россійской» (1802). Николай Михайлович **Карамзин** (1766–1826) и его последователи («карамзинисты») пропагандируют идею сближения литературного и разговорного языков. Поворотным моментом во внимании к русскому языку было

издание в 1789–1794 гг. 6-томного «Словаря Академіи Россійской» («славенских» слов здесь ок. 12%). Что касается общеславянского аспекта, то следует упомянуть «Сравнительныя словари всѣхъ языковъ и нарѣчій» (1-е изд. 1787–1789 гг.) на 200 языках, среди которых и славянские, в т. ч. украинский, а также малые языки – сербо-лужицкие и кашубский, однако нет еще белорусского, болгарского, словенского языков. Словарь несовершенен, в нем масса опечаток.

5. Зарождение славянской филологии как науки (конец XVIII в. – начало XIX в.)

5.1. Й. Добровский – основоположник славянской филологии.

Развитие славяноведения и славянской филологии в данный период связано с подъемом национально-освободительного движения у южных и западных славян и усилением контактов между славянами. Идея языковой эволюции ложится в основу нового направления – сравнительно-исторического языкознания, разрабатывавшегося в Германии Ф. Боппом и Я. Гримом, в Дании – Р. Раском, а в России – А. Х. Востоковым. Зарождается как самостоятельная наука славяноведение с доминацией к славянской филологии (по большей части – к славянскому языкознанию), а не только к фольклору, литературе, истории, этнографии и т.д.

Славянская филология оформилась как наука в Чехии трудами Йозефа *Добровского* (1753–1829), благодаря которому Прага в первые десятилетия XIX в. становится центром славистических изучений. Добровский установил нормы чешского литературного языка, опираясь на старые тексты XVI – начала XVII вв., из-за чего образовался разрыв между литературным и разговорным языками, который сохраняется до сих пор. Трудami по чешскому языку он заложил основы научной грамматики славянских языков. Он впервые предлагает научную классификацию славянских языков, в соответствии с которой языки на основе фонетических и некоторых других признаков делятся им на две группы (одной группе свойственны одни признаки, а другой – иные). Впоследствии не все классификационные признаки были приняты; не все славянские языки попали в классификацию – нет болгарского, украинского, кашубского. Тем

не менее это была первая классификация, опиравшаяся на научные факты и доказательства (см. об этой классификации гл. 9 «Выделение славянских языков и их классификация»). В 1806 г. Добровский издал сборник «Slawin» с подзаголовком «Известие из Чехии ко всем славянским народам, или Материалы к познанию славянских литератур [позднее еще и – языкознания и древностей] по всем наречиям», в 1814–1815 гг. – продолжение под названием «Slovanka. К познанию старых и новых славянских литератур, языкознания по всем наречиям, истории и древностей». По существу этими изданиями он дал заявку на формирование научных основ славяноведения. К этому добавляется его фундаментальный труд «Наставления (руководство) по славянскому языку по разным его диалектам» («Institutiones linguae slavicae dialecti veteris», 1822) – описание церковнославянского языка с учетом его локальной языковой окраски. Добровский считал, что в основе старославянского языка лежит сербский язык, что впоследствии подтверждено не было (установлена его болгаро-македонская основа). Зато стало ясно, что этот «славянский язык» не является «матерью» всех славянских языков, как до этого считалось. В научном наследии Добровского нашли отражение и другие вопросы славистики и славянской филологии: вопрос о происхождении славян, древнейших местах их обитания, славянская этимология, памятники славянской письменности, особенности славянских языков и, что не менее важно, сравнительный подход к их изучению (Добровский стоял, таким образом, у истоков сравнительного изучения славянских языков). Идеи и разработки Й. Добровского оказали влияние на развитие славянской филологии в других славянских и в неславянских странах.

6. Развитие славянской филологии в Восточной Славии в XIX в.

Эпоха Просвещения породила в Европе романтизм с его вниманием к древним народным преданиям, к давним историческим событиям и письменным памятникам. Именно с конца XVIII и до середины XIX вв. южные и западные славяне переживают возрождение своих культур и языков. Важнейшим событием в России стало издание словарей: второй раз выходит «Словарь Академіи Рос-

сійской» (1806–1822), появляется словарь нового типа – «Новый словотолкователь» (1803–1806) Н. М. **Яновского**, в котором впервые собраны иностранные слова и термины, «Общій церковнославяно-россійскій словарь» (1834) Петра Ивановича **Соколова**, «Словарь церковнославянскаго и русскаго языка» (1847) Российской АН почти на 115 тыс. слов (одним из составителей был А. Х. Востоков), ориентированные на народную речь «Толковый словарь живаго велирусскаго языка» (1863–1866) на 200 тыс. слов Владимира Ивановича **Даля** (1801–1872), «Словарь белорусскаго нарѣчія» (1870) Ивана Ивановича **Носовича** и др. В течение первой половины XIX в. параллельно с ломоносовской традицией, обращенной к собственно русскому языку, оформляется *логическое направление в грамматической мысли*, примером чего являются грамматики Николая Ивановича **Греча** (1787–1867). Славистическая проблематика развивается в кружке графа Николая Петровича **Румянцева** (1754–1826): это поиск древних рукописей, их описание и издание, связанные с именами Константина Федоровича **Калайдовича** (1792–1832), Ефима Алексеевича **Болховитинова** и др. В 1834 г. «Археографическая комиссия» начала издавать «Полное собраніе русскихъ лѣтописей» (выходит до сих пор). С Российской Академией связана деятельность Александра Семеновича **Шишкова** (1754–1841), считавшего, что все славянские языки происходят от «славянскаго». Он предпринимал попытки сравнивать «все языки», и первым взялся за сравнение русского и словенского языков (1815). В университетах начиналось преподавание истории, языков и литератур славянских народов.

6.1. Путешествия по славянским землям. Большую роль в развитии российского славяноведения сыграли путешествия по славянским землям, первоначально связанные с Андреем Сергеевичем **Кайсаровым** (1782–1813), задумавшим «Сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій» и оставившим незавершенную рукопись древнерусского словаря¹; с Михаилом Кирилловичем **Бобровским** (1784–1848), открывшим «Супрасльскую рукопись», Петром Ивано-

¹ См.: А. Д. Дуличенко, W. Lehfeldt. «Index vocabulorum» (1811) Андрея Кайсарова: первый словарь древнерусского языка. // Russian Linguistics, vol. 31, Dordrecht, 2007, N 1. P. 1–29.

вичем **Кёппеном** (1793–1864), Юрием Ивановичем **Венелиным** (1802–1839), автором книги «Древнія и нынѣшнія болгаре» (1829), рукописной «Грамматики нынѣшняго болгарскаго нарѣчія» (1834) и др.

6.2. Путешествия «первых университетских славистов».

В 1835 г. был издан университетский устав, в соответствии с которым в Московском, С.-Петербургском, Харьковском и Казанском университетах учреждались «кафедры истории и литературы славянских наречий». Их должны были занять молодые слависты, однако лишь после того, как они совершат путешествия по славянским землям, где обучатся славянским языкам, изучат научные труды и т.д. От Московского университета таким славистом стал О. М. Бодянский, от С.-Петербургского – П. И. Прейс, от Казанского – В. И. Григорович, от Харьковского – И. И. Срезневский.

Осип Максимович **Бодянский** (1808–1877), первый в России магистр славяноведения, с 1837 по 1842 гг. побывал среди чехов, словаков, хорватов, сербов и др., изучал языки этих народов, завязал научные контакты с зарубежными славянами, разыскивал и изучал рукописи. За сочинение «О времени произхожденія славянскихъ письменъ» (1855), в котором датировал их появление 862 годом (что и явилось его заслугой), получил степень доктора славяно-русской филологии; издавал сами памятники и печатал статьи о них. Петр Иванович **Прейс** (1810–1846) писал об изменениях в родственных языках и о сравнении славянских языков с индоевропейскими; в 1839 г. отправился в путешествие: в Польше он обратил внимание на кашубский язык, который посчитал польским диалектом; в Берлине и в славянских землях занимался рукописями и изучением языков и т.д. К сожалению, П. И. Прейс оставил после себя мало работ. Виктор Иванович **Григорович** (1815–1876) путешествовал в 1844–1847 гг., начав с Балканского п-ова и посетив родину славянских первоучителей Солунь, а затем Афон, где сумел осмотреть 445 славянских и 2800 греческих рукописей, сняв со 120 из них копии. Самыми значительными его находками были глаголические «Марииинское Евангелие» XI в. и «Хиландарские листки», вошедшие в старославянский письменный канон, а также «Законник Стефана Душана», «Житие святого Симеона Сербского» и некот. др. Григорович доказывал первичность глаголицы и вторичность кириллицы,

но авторство последней ошибочно приписывал Мефодию. Он дал одну из первых классификаций болгарских говоров. Акад. Измаил Иванович **Срезневский** (1812–1880) занимался историей, языками и литературами. Большую часть своих путешествий он прошел пешком (1839–1842), собрав там огромный материал. Он впервые дал научную классификацию словенских говоров, написал «Историческій очеркъ серболужицкой литературы» (1844), «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» и др. За исследование «Святылища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ» (1846) Срезневский впервые в России получил ученую степень доктора славяно-русской филологии. Он печатает труды о глаголических памятниках, исследует кириллические памятники [в работе «Древнія памятники русскаго письма и языка (X–XIV вв.)» дано описание почти 700 древнерусских памятников]. Это был новый этап в развитии славяно-русской палеографии. Срезневский работал над «Матеріалами для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ» (1893–1912), которые были завершены другими славистами. Самый значительный труд Срезневского – «Мысли о русскомъ языкѣ» (1849), в котором он доказывает неразрывную связь народа и его языка, пишет об изменчивости языка, устанавливает особенности древнерусского языка и его отличия от старославянского, близкого к праславянскому, привлекая при этом другие славянские языки. По сути он первый предложил опыт исторического изучения русского языка. Срезневский, в отличие от других, считал украинский не «малороссийским» диалектом русского, а самостоятельным восточнославянским языком.

«Первые университетские слависты» составили целую эпоху в развитии славянской филологии в России.

6.3. Вклад украинских славистов. Михаил Алексеевич **Максимович** (1804–1873) много сделал для изучения украинского фольклора и для развития украинистики. В классификации славянских языков он выделил третью подгруппу – восточнославянскую, в которую включал не только русский, но и украинский и белорусский языки. Алексей Павлович **Павловский** (род. 1773 г.) издал первую «Грамматику малороссійскаго нарѣчія» (1818), а в 1830 г. издана «славяно-русинская (украинская)» грамматика Михала **Луч-**

кая (1789–1843) с изложением основ церковнославянского языка украинско-руси́нского извода. Яков Федорович *Головацкий* (1814–1888) – собиратель украинского фольклора («Народныя пѣсни Галиціи и Угорской Руси», 1863–1878), памятников письменности. Появляются и другие работы по украинистике (первое описание исторической фонетики в книге Павла Игнатьевича *Житецкого*, грамматика Емельяна *Огоновского* и др.), хотя лингвоним *малорусское наречіе* продолжали употреблять по инерции.

6.4. Вклад Александра Христофоровича Востокова (1781–1864) *в славянское сравнительно-историческое языкознание*. В 1820 г. выходит его «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ», в котором он доказывает, что все славянские языки в глубокой древности были очень близки друг к другу, причем чем глубже древность, тем различий становится меньше. Востоков считал старославянско-церковнославянский язык важнейшим источником изучения для других славянских языков. На материале «Остромирова Евангелия» он сделал ряд важных открытий: с помощью материала польского языка он выявил носовой характер старославянских букв ѡ ‘юс малый’ и ѡ ѡ ‘юс большой’, указал на невозможность сочетания заднеязычных [g], [k], [x] с гласными переднего ряда типа [i], [e], показал пути формирования так наз. полных прилагательных, отделил инфинитив от супина и др. Востоков выделял русский язык в особую группу, что привело к возникновению трехчленной классификации, подкрепленной доказательствами М. В. Максимовича. Он описал рукописи «Румянцевского музея», издал «Остромирово евангелие», составил 2-томный «Словарь церковнославянского языка» (1858–1861) и грамматику (1861–1863), написал несколько грамматик русского языка и др.

6.5. Развитие славянской филологии с середины XIX в. Эпоха становления классического славяноведения и славянской филологии в России (конец XIX – первая треть XX вв.) характеризуется открытиями новых памятников письменности, развитием сравнительно-исторического изучения славянских и индоевропейских языков и вовлечения в научный оборот различных аспектов грамматического строя многих славянских языков. В последнюю четверть XIX в. в Германии возникло так наз. *младограмматическое направление*,

перекинувшееся и в другие страны (в т. ч. и в Россию) и ставившее целью показать процессы изменений в языке на основе строгих законов. В Академии наук было создано «Отделение русского языка и словесности» (ОРЯС), которое сыграло значительную роль в развитии не только русистики, но и славистики вообще. В славяноведении по-прежнему преобладает филологическая проблематика, правда, с постепенным обособлением *славянского литературоведения*, представленного русской сравнительно-исторической школой литературоведения А. Н. Веселовского, трудами по славянским литературам А. Л. Погодина (1872–1947), Н. И. Костомарова (1817–1885), П. А. Кулиша (1819–1897), В. Д. Спасовича (1829–1906), И. Я. Франко (1859–1916) и др. А. Н. Пыпин (1833–1904) при участии В. Д. Спасовича издал «Исторію славянскихъ литературъ» (1879–1881), затем «Исторію русской литературы» (1897–1899) и «Исторію русской этнографіи» (1890–1892). Среди славистов следует назвать: Петра Алексеевича *Лавровского* (1827–1886), автора работ о южнославянских памятниках письменности, сравнительном изучении славянских языков, составителя сербско-русского и русско-сербского словарей; Александра Федоровича *Гильфердинга* (1831–1872), занимавшегося южнославянской письменностью, историей славян Балтийского побережья, совершившего путешествие к кашубам и впервые описавшего судьбу словинцев и их языка в книге «Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря» (1862); Александра Львовича *Дювернуа* (1840–1886), специалиста по сравнительному славянскому и индоевропейскому языкознанию.

Акад. Федор Иванович *Буслаев* (1818–1897) дал очерк исторического развития русского языка, привлекая к сравнению другие языки и пытаясь реконструировать быт и жизнь, а также мифологию русского народа («О преподаваніи отечественнаго языка», 1844; «Опытъ исторической грамматики русскаго языка», 1858). Он выявляет ряд закономерностей, обращая внимание на исторические чередования, судьбу некоторых сочетаний согласных, последствия падения редуцированных гласных и др. Аналогичным образом Буслаев проводит анализ морфологии и особенно синтаксиса. По существу он заложил основы *русской мифологической школы*, к которой принадлежали также А. Н. Афанасьев, А. А. Котляревский и др.

6.5.1. Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) и его школа. Это крупнейший филолог XIX в., занимавшийся фило-софией и психологией языка, славянской, в т. ч. и сравнительно-исторической, грамматикой, языком художественной литературы, взаимоотношением языка и искусства. Потебня предложил клас-сификацию восточнославянских говоров на основе фонетических признаков (произношение безударных гласных, смягчение или от-верждение согласных в определенных позициях и под.), он разграни-чивал великорусский и украинский языки, великорусский делил на поднаречия южное (акающее) и северное (окающее), а к южному относил и белорусские говоры. По существу это были основания новой дисциплины – *исторической диалектологии*. Самый извест-ный его труд – «Изъ записокъ по русской грамматикѢ» (печатался с 1873–1874 по 1977 гг.). Это грамматическое учение, в основе ко-торого слово и форма, причем последняя – понятие семантико-син-таксическое. Форма есть значение, и потому ее нельзя смешивать с ее внешним признаком – звуком. Грамматическое значение прояв-ляется при анализе грамматических форм и категорий языка. Фор-ма выражается суффиксами и предлогами, а также грамматически-ми (или служебными) словами. В языке происходит взаимодействие между словом (лексикой) и формой (грамматикой). Происхождение языковой структуры объяснял так: первоначально оформились при-частия и единое имя-глагол, после чего произошло разделение на имя и на глагол, из имени вычленились существительное (наимено-вание признака) и прилагательное (наименование признака) и т.д. Интерес представляют его работы по теории литературы и по линг-вистической поэтике – ср. посмертно изданные книги «Изъ лекцій по теоріи словесности» (1894) и «Изъ записокъ по теоріи словес-ности» (1905). Научная деятельность Потебни привела к формиро-ванию «*Харьковской лингвистической школы*», к которой принад-лежали также Д. Н. Овсянико-Куликовский, М. А. Колесов и др.

6.5.2. Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) – созда-тель *Московской лингвистической (филологической) школы*, к которой принадлежали не только русские языковеды (А. А. Шахма-тов, В. Н. Щепкин, М. М. Покровский, Г. К. Ульянов, А. И. Томсон, А. М. Пешковский и др.), но ее идеи принимали и зарубежные спе-

циалисты (О. Брок в Норвегии, П. Буайе во Франции, Э. Бернекер в Германии, А. Белич в Югославии, Й. Поливка в Чехии и т.д.). Эту школу называют также «формальной», так как в ней упор делался на анализе грамматических форм. Фортунатов создал теорию сонантов и их сочетаний, сформулировал закон, согласно которому в балтских и славянских языках слог с долгим гласным перетягивал на себя ударение с предшествующего слога. Поскольку к такому же выводу пришел и швейцарский языковед Ф. де Соссюр, закон этот стали называть «законом Фортунатова-Соссюра». Тем самым были заложены основы *исторической акцентологии* индоевропейских и славянских языков. Фортунатов сформулировал принципы разграничения форм словообразования от форм словоизменения, внешнюю форму слова (его формальное выражение) от внутренней (значения), что легло в основу современной морфологии, которая до Фортунатова называлась «этимологией». Разграничение внешней и внутренней сторон слова легло в основу семасиологии. Фортунатов распространил свое учение и на синтаксис. Исследователь, однако, мало заботился о печатании своих трудов – его библиография насчитывает всего 36 названий.

6.5.3. Акад. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) и его школа. За магистерскую диссертацию «Изслѣдованія въ области русской фонетики» (1893) ему сразу была присуждена степень доктора по русскому языку. В центре его интересов была проблема происхождения славян и восточных славян и их языков в особенности («Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка», 1915; «Древнейшіе судьбы русскаго племени», 1919; и др.). Шахматов был сторонником гипотезы о балто-славянском праязыке. По его мнению, прародиной славян было побережье Балтийского моря между реками Неман и Западная Двина. Шахматов много сделал по изучению и изданию памятников: это и новгородские грамоты XIII–XIV вв., и двинские грамоты XV в., «Кієво-Печерскій патерикъ и Печерская лѣтопись» (1897), «О начальномъ Кієвскомъ лѣтописномъ сводѣ» (1897), «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ» (1908) и др. Проанализировав почти 200 списков «Повести временных лет», Шахматов пришел к выводу, что данная летопись представляет собой неоднократные изменения и соедине-

ния разных исторических записей. «Второй Киево-Печерский свод» лег, по его заключению, в основу «Повести», которую окончательно сформировал как текст летописец Нестор. Шахматов впервые дал хронологию русских летописей с середины XI по XVI вв. Вопросам истории русского языка посвящены ряд его публикаций. Что касается русского литературно-письменного языка, то он, по Шахматову, ведет свое начало от церковнославянского. Его взаимодействие с разговорным языком вокруг Москвы, вобравшем признаки северной и южновеликорусского происхождения, привело к формированию русского литературного языка. Эта точка зрения считается традиционной, однако не единственной. Шахматов описал грамматический строй современного русского языка, подчеркивая тезис о том, что, например, части речи должны определяться с точки зрения синтаксиса, т.е. их связей и употребления в тексте («Синтаксис русского языка», изданный посмертно в 1925–1927 гг.). Шахматов обращался также к другим славянским языкам (серболужицкие, сербско-хорватский).

7. От национальных филологий к международной славистике

В последние десятилетия XIX – первую треть XX вв. два выдающихся ученых отразили в своем научном творчестве, с одной стороны, лучшие традиции национальных филологий, из которых они выросли, с другой – заложили основы международной славистики. Научная карьера обоих славистов – Бодуэна де Куртенэ и Ягича – была непосредственным образом связана с Россией, поэтому поляк Ян Игнацы Нечислав Бодуэн де Куртенэ именовался Иваном Александровичем, а хорват Ватрослав Ягич – Игнатием Викентьевичем. Эту разногласицу в их именах и инициалах нужно иметь в виду, знакомясь со славистической литературой разных лет.

7.1. Ян Игнацы Нечислав / Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929): труды, идеи, школа. В сфере его интересов были: сравнительная грамматика славянских языков, польская грамматика в ее отношении к праславянской и в сравнении с русской, вопросы фонетики и морфологии русского и других языков, возможности классификации славянских языков по социолингви-

стическим признакам и др. В Казани он и его единомышленники Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич, А. И. Александров положили начало *«Казанской лингвистической школе»*, в которой разрабатывались новые подходы к языку: на него смотрели как на систему, различали его диахронную (историческую) и синхронную (современную) сторону и т.д. Бодуэн защитил докторскую диссертацию «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ» (1875) – редкое для того времени диалектологическое исследование. Результатом поездок в Резью (Италия) и соседние регионы были тома его «Матеріаловъ для южнославянской діалектологіи и этнографіи» (1895–1913). После одной из поездок в Резью Бодуэн объявляет в Тарту для студентов уникальный для того времени курс по резьянско-словенской диалектологии, на который записался... всего лишь один, но самый одаренный его студент – эстонец Рудольф *Гутмани* (1868–1927), впоследствии написавший под его руководством диссертацию «Трата и замѣна въ языкѣ» (вышла в 1900 г.). Бодуэн собирал материал для «Резьянского словаря» – первого славянского диалектного словаря, оставшегося в рукописи, – пока его в конце 50-х гг. XX в. не обнаружил в архиве в Ленинграде Н. И. Толстой: в сотрудничестве с М. Матичетовым (Любляна) и А. Д. Дуличенко (Тарту) этот резьянско-словенско-русско-итальянский словарь подготовлен к печати². Бодуэн разработал теорию фонетических чередований, которая легла в основу новой дисциплины – *морфонологии*. Известен вклад Бодуэна в теорию фонемы, принятую «Ленинградской лингвистической школы» и «Пражской лингвистической школы», в разработку еще одной теории – морфемы. Бодуэн проявлял интерес к интерлингвистике: он писал об «общеславянской азбуке», его интересовал проект «взаимного славянского языка» М. Маяра и др. В Варшаве изданы труды Бодуэна в 6 томах (1974–1990).

7.2. Акад. Ватрослав / Игнатий Викентьевич Ягич (1838–1923): *труды, идеи, школа*. В 1876 г. Ягич начал издавать в Берлине международный научный журнал «Архив славянской филоло-

² См.: А. Д. Дуличенко. Н. И. Толстой и резьянщина. К открытию «Резьянского словаря» И. А. Бодуэна де Куртенэ. // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. I. М., 1998. С. 394–405.

гии» («Archiv für slavische Philologie»), который объединил ученых славянских стран и стал своеобразным мостом к европейской науке. Среди его трудов выдающееся место занимают издания памятников древней письменности: «Ассеманиево Евангелие» (совместно с Ф. Рачким, 1865), «Зографское Евангелие» (1879), «Мариинское Евангелие» (1883), ставшие каноном старославянского языка, многочисленные южнославянские памятники, серия «Памятники древнерусского языка» и др. Ягич занимался вопросами палеографии, возводил глаголицу к греческому минускулу. В 1884 г. стал издавать серию «Изслѣдованія по русскому языку», в которой вышла и его книга «Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ» (1895). Он писал о языке «Добромирова евангелия», об истории русского, болгарского, сербско-хорватского языков (был сторонником идеи единого сербско-хорватского литературного языка). Написал труд о жизни и всеславянском языке Ю. Крижанича (1917). С 1910 г. он стал издавать в России «Энциклопедію славянской филологіи». Это выдающееся событие в славянской филологии и в славистике в целом знаменует начало XX в., но последовавшая Первая мировая война, а затем Октябрьская революция 1917 г. в России не дали возможность последовательно реализовать запланированное. Тем не менее с 1908 по 1929 гг. (а после 1923 г. – уже без Ягича) вышло 12 трудов, среди которых три тома – фундаментальная «Исторія славянской филологіи» (1910), «Вопросъ о рунахъ у славянъ» (1911) и «Глаголическое письмо» (1911) принадлежат Ягичу. В этой серии собран, можно сказать, цвет тогдашнего славяноведения: Л. Нидерле, П. А. Лавров, М. Н. Сперанский, О. Брок, А. А. Шахматов и др.

8. Славянская филология: от России к Советскому Союзу (последние десятилетия XIX – первая половина XX вв.)

8.1. Предсоветский этап в развитии славянской филологии охватывает период формирования и развития классического славяноведения и падает на последние десятилетия XIX – начало XX вв., после чего начинается советский период, занимающий большую часть XX в. (с 1917/ 1918 гг. по начало 90-х гг.). К началу XX в. от-

мечается подъем славистики и славянской филологии, появление ряда периодических изданий, научных обществ и т.д. Одновременно с этим все еще идет процесс дифференциации славистических дисциплин, в особую дисциплину выделяется *история славянских литератур*. Наряду с А. Н. Веселовским, по славянским литературам продолжают выступать А. Н. Пыпин, А. Л. Погодин, И. Я. Франко, В. Д. Спасович и др., работают Михаил Несторович *Сперанский* (1863–1938), А. И. Яцимирский, М. К. Любавский (1860–1936), изучением фольклора, этнографии и диалектологии занимается Д. К. *Зеленин* (1878–1954) и др. Постепенно обособляются славянская этнография, история, археология и т.д. Таким образом, из комплексной науки, обозначавшейся как славянская филология, славяноведение превращается в комплекс конкретных дисциплин, что привело к уменьшению числа исследований общеславистической направленности и увеличения количества работ в русле конкретных славистических дисциплин.

Традиции, заложенные в период формирования классического славяноведения, так или иначе продолжают и после Октябрьской революции 1917 г. В предреволюционные годы возникла *«Петербургская (позднее – Ленинградская) лингвистическая школа»*, представленная учениками И. А. Бодуэна де Куртенэ, которые работали и в советском языкознании 20–30-х гг., – Л. В. Щербой, Е. Д. Поливановым, Л. П. Якубинским и их последователями. В 1903 г. по инициативе акад. А. А. Шахматова в Москве учреждена «Московская диалектологическая комиссия» при ОРЯС, в 1915 г. возник «Московский лингвистический кружок». Но в 1917 г. завершается издание воронежского жур. «Филологическія записки» (выходил с 1860 г.; издание возрождено в 90-е гг. XX в.), жур. «Русскій филологическій вѣстникъ», издававшегося сначала в Варшаве (1879–1914), затем в Москве (1915–1916), в Петрограде (1917) и в Казани (1918). Антон Семенович *Будилович* (1846–1908) исследовал перевод «XIII словъ Григорія Богослова» (1871), его докторская диссертация «Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ» (1878–1882) посвящена реконструкции жизни древних славян (ныне это относят к компетенции этнолингвистики). Новым для русской славистики конца XIX в.

было обращение к историко-типологическим проблемам славянских литературных языков – ср. его труд «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы», особенно его второй том «Зарожденіе общаго языка на славянскомъ Востоцѣ» (1892). Владимир Иванович *Ламанскій* (1833–1914), автор докторской диссертации «Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго мира въ Европѣ» (1871), очерков польского и чешского языков, исследователь старых рукописей, доказывавший подложность «Краледворской» и «Зеленогорской» рукописей, «авторство» которых принадлежало слависту В. Ганке (что было подтверждено и другими исследователями). В ряде работ Ламанскій настаивал на «македонско-моравском» происхождении старославянского языка.

8.2. От дореволюционной славянской филологии к советской. Немало ученых дореволюционного времени продолжило свои исследования уже в советский период. В Петрограде / Ленинграде продолжают еще выходить «Сборник ОРЯС» (1867–1928), «Известия ОРЯС» (1896–1927). В это время выделяется деятельность таких славистов, как П. А. Лавров, В. К. Поржезинский, Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский, В. Н. Щепкин, Н. Г. Грунский, Т. Ф. Флоринский и др. Роман Федорович *Брандт* (1853–1920) занимался славянским ударением, праславянским языком; Тимофей Дмитриевич *Флоринскій* (1854–1919) исследовал южнославянские памятники, он автор 2-томных «Лекцій по славянскому языкознанію» (1895–1897), в которых впервые даны очерки большинства славянских языков, в т. ч. кашубского, серболужицких и полабского; Сергей Константинович *Булич* (1859–1924) издал работы по сравнительно-исторической грамматике и церковнославянскому языку, по вопросам языковых контактов и лексических заимствований, автор фундаментального «Очерка исторіи языкознанія въ Россіи» (в 1904 г. вышел только первый его том); Вячеслав Николаевич *Щепкин* (1863–1920) исследовал палеографию древней письменности, издал памятник XI в. «Саввина книга» (1901); Александр Иванович *Яцимирскій* (1873–1925), автор работ по славяно-романским культурным и языковым отношениям; Виктор Карлович *Поржезинскій* (1870–1929), автор «Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ» (1914), писал о языке полабов; Петр Алексеевич *Лавров*

(1856–1929) занимался древнеславянской письменностью и болгарским языком, заложил *основы южнославянской палеографии*, установил авторство ряда древних сочинений, открыл на Афоне «Житие Наума», в Париже – «Зографские листки» (XI в.), автор фундаментальных трудов «Кирилл и Мефодий в древнеславянской письменности» (1928), «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (1930), «Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма»; Евгений Федорович *Будде* (1859–1929) исследовал язык Лаврентьевского списка «Начальной летописи» и др. памятников, занимался русской диалектологией и др.

Алексей Иванович *Соболевский* (1856/1857–1929) – автор публикаций по славяно-русской палеографии, открыл и описал ряд древнеболгарских и церковнославянских рукописей, дал систематическое описание старославянского языка («Древній церковнославянскій языкъ. Фонетика», 1891), исследовал восточнославянские говоры («Діалектологическая карта русскаго языка въ Европѣ», составленная членами «Московской диалектологической комиссии» при ОРЯС – совместно с другими, 1914), вопросы исторической лексикологии; в докторской диссертации «Очерки по исторіи русскаго языка. Ч. 1» (1883–1884) системно описал строй и историческое развитие русского языка, его неоднократно переиздававшиеся «Лекції по исторіи русскаго языка» (1888) стали новым шагом в развитии исторической русистики. Переизданы в двух томах его «Труды по истории русского языка» (2004–2006).

8.3. Развитие славянской филологии в СССР до Второй мировой войны в трудах других славистов.

8.3.1. Вклад русских (российских) славистов. После Октябрьской революции 1917 г. в Советской России, а потом и в СССР (образован в 1922 г. и просуществовал до конца 1991 г.) исследования по славянской филологии ослабли, поскольку все силы были брошены на так наз. *языковое строительство* – подготовку учебников для ликбезов, создание новых письменностей для разных языков, реформу русской графики и орфографии и др. Препятствием для развития славянской филологии и славистики вообще стала «марксистская» школа под названием «новое учение о языке» акад. Н. Я. Марра, занимавшаяся, помимо прочего, поисками «буржуаз-

ных» ученых, что привело к репрессиям ряда славистов (Н. Н. Дурново, М. Н. Сперанский, А. Е. Крымский, П. А. Бузук, В. М. Ганцов, А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, Н. И. Касперович, С. М. Некрашевич и др.). Созданный в 1930/1931 г. в Ленинграде Институт славяноведения в 1934 г. был закрыт. И все же даже в таких условиях в 20–40-е гг. работала плеяда крупных славистов, в конце 20-х гг. формируется «*Московская фонологическая школа*», занимавшаяся разработкой теории фонем (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, А. М. Сухотин и др.). Самым крупным достижением этого времени стал 4-томный «Толковый словарь русского языка» (1935–1940) под редакцией *Д. Н. Ушакова*. Александр Иванович *Томсон* (1860—1935) занимался изучением грамматического строя русского и других славянских языков; Василий Алексеевич *Богородицкий* (1857–1941) – специалист по общему, индоевропейскому и славянскому языкознанию, создатель лаборатории экспериментальной фонетики, автор «Общего курса русской грамматики» (1904), создал учение о морфологических процессах; Милий Герасимович *Долобоко* (1884–1935) занимался сравнительно-историческим языкознанием и праславянским языком, южнославянскими памятниками и говорами (предложил карту говоров сербско-хорватского языка, 1917); Николай Николаевич *Дурново* (1876–1937) – специалист по славянскому языкознанию, палеографии, по литературоведению, автор «Введения в историю русского языка» (1927), издал «Диалектологическую карту русского языка в Европѣ» (1914; совместно с другими), составитель «Грамматического словаря» (1924; переиздан в 2001 г. О. В. Никитиным); Василий Михайлович *Истрин* (1865–1937) занимался памятниками письменности и палеографией, русской и славянскими литературами, в 1920–1930 гг. издал 3-томный труд «Хроника Георгия Амартола» (перевод с древнегреческого по спискам XIV–XVII вв.); Николай Михайлович *Каринский* (1873–1935) занимался памятниками (язык «Киевских листков», «Остромирова Евангелия» и др.), издал образцы глаголицы, лекции «Славянская палеография» и др.; Александр Матвеевич *Пешковский* (1878–1933), автор фундаментальной монографии «Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи» (1914), в которой разработал теорию типов предложения, выделяемых по

структурно-грамматическому и смысловому признакам; Борис Михайлович *Ляпунов* (1862–1942) исследовал старославянские и восточнославянские памятники, русский и украинский языки.

Афанасий Матвеевич *Селищев* (1886–1942) совершил поездку на Балканы – в Болгарию, Македонию и Албанию, результатом чего явились монографии «Очерки по македонской диалектологии. I» (1918), «Славянское население в Албании» (1931) и др.; классическим считается его изданный в 1951–1952 гг. курс «Старославянский язык»; автор задуманного 3-томного труда «Славянское языкознание» (вышел в 1941 г. только том по западнославянским языкам), «Диалектологического очерка Сибири. I» (1920), книги «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» (1928) и др.; Лев Владимирович *Щерба* (1880–1944) посетил серболужичан («Востоchnолужицкое нарѣчiе», 1915), разрабатывал теорию фонемы, делая упор на ее смысловоразличительные признаки (считается основоположником «*Ленинградской фонологической школы*»); Лев Петрович *Якубинский* (1892–1945) занимался индоевропейским и славянским языкознанием, автор посмертно изданной «Истории древнерусского языка» (1953). Начиная с 20-х гг. появляются и первые работы по истории славянских литератур и по славянской фольклористике. В области всеобщей и славянской истории работают, кроме Н. С. Державина, академики Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Н. Н. Грацианский, М. Н. Тихомиров и др.

8.3.1.1. Вопросы славянского языкознания в трудах русских эмигрантов-славистов. После революции 1917 г. часть ученых оказались за пределами России. В 20-е гг. в Праге с чешскими и словацкими лингвистами они основали «Пражский лингвистический кружок», идеи которого повлияли на последующее развитие мирового языкознания. Среди них: Николай Сергеевич *Трубецкой* (1890–1938), оставивший труды по старославянскому, полабскому, русскому языкам, разработавший *фонологическую теорию* («Основы фонологии», 1939) и *принципы морфологии*; Сергей Осипович *Карцевский* (1884–1955), автор диссертации «Система русского глагола» (1927), исследовал вопросы фонологии, структурной грамматики и др.; Роман Осипович *Якобсон* (1896–1982) – российский

и американский филолог, занимавшийся теорией языка, вопросами структурализма, славянским языкознанием, русским языком и литературой (лингвистика и поэтика, теория перевода и под.), выдвинул идею фонологического союза (в 1971–1985 гг. в США вышло 7-томное собрание его сочинений); Степан Михайлович **Кульбакин** (1873–1941) исследовал «Волканово (Вуканово) Евангелие», «Хиландарские листки» и др., опубликовал «Грамматику церковнославянского языка по древнѣйшимъ памятникамъ» (1915); Владимир Андреевич **Францев** (1867–1942), историк славяноведения, печатал ценные документы, в т. ч. переписку славистов, обращая особое внимание на русско-славянские связи, касался также вопроса литературного языка Подкарпатской Руси, пытался создать синтезированную историю славянской филологии; Александр Васильевич **Исаченко** (1910–1978) защитил докторскую диссертацию по одному из словенских говоров Каринтии (Австрия), основатель международного журнала по русскому языку «Russian Linguistics» (1974), изучал историю и современное состояние русского и других славянских языков, был близок к «Пражскому лингвистическому кружку», издал 2-томную монографию «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология» (1954–1960; в 2003 г. в Москве вышел репринт в одном томе), выступал против ряда положений советской русистики («виноградовской школы»), в т. ч. работ по истории русского литературного языка и по академической грамматике 1952 г.

8.3.2. Вклад белорусских славистов. Вопросы славянской филологии в Советской Белоруссии стали систематически исследовать с 20-х гг. XX в., когда в Минске был открыт университет (1921) и Академия наук (1928). Выдающееся место занимает Евфимий Федорович **Карский** (1860/1861–1931), основатель белорусского языкознания, исследовавший вопросы литературы, фольклора, этнографии и палеографии, оставил капитальные труды, среди которых: «Грамматика древняго церковнославянскаго языка сравнительно съ русскимъ» (1888; до революции 1917 г. вышло 19 ее изданий); книги по древнеславянской палеографии – «Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII в.» (1901) и фундаментальные «Очеркъ славянской кирилловской палеографіи» (1901), «Славян-

ская кирилловская палеография» (1928) и «Русская Правда по древнейшему списку» (1930); исследовал пути формирования белорусского языка и его связей с другими славянскими языкам; энциклопедией белорусистики стал его фундаментальный 3-томный труд «Белорусы» (1903–1922); Петр Афанасьевич **Бузук** (1891–1943), автор исследований о письменных памятниках, по праславянской фонетике, фонетике и морфологии украинского языка, по различным аспектам белорусского языкознания, новаторской монографии «Очерк лингвистической географии Белоруссии. Ч. 1. Фонетика и морфология» (1928); Степан Михайлович **Некрашевич** (1889–1937) занимался белорусской лексикологией и лексикографией, историей и диалектологией, литературным белорусским языком; Бронислав **Тарашкевич** (1892–1937), издавший в Вильнюсе системную «Белорусскую грамматику для школ» (1918), много сделавший для стабилизации графики и орфографии (его систему позже назовут «тарашкевицей»); Николай Иванович **Касперович** (1900–1945) – составитель «Витебского областного словаря» (1927) и др.

8.3.3. Вклад украинских славистов. Из старшего поколения работал Иван Григорьевич **Верхратский** (1846–1919), филолог и этнограф, собиратель материалов для грамматики и словаря украинского языка. В 1907–1909 гг. под редакцией Бориса Дмитриевича **Гринченко** (1863–1910) вышел 4-томный «Словарь украинского языка» – самое полное собрание живой украинской лексики на начало XX в. Уже в советское время при Академии наук был создан Институт украинского научного языка (1921), в 1930 г. на его базе – Институт языкознания. Выдающуюся роль в украинской славистике сыграл Агафангел Ефимович **Крымский** (1871–1942), арабист и славист, исследовал язык памятников письменности древнекиевского периода, грамматический строй древнерусского и староукраинского языков, диалектное членение украинского и русского языков и др. Григорий Андреевич **Ильинский** (1876–1937) совершил путешествие по славянским и другим странам; имеет заслуги в области древнеславянской письменности, палеографии, этимологии, реконструкции праславянского языка; своей «Праславянской грамматикой» (1916) сумел выделить праславянскую грамматику из сферы сравнительно-исторического языкознания в качестве особой дисципли-

плины; нельзя не отметить его знаменитый «Опыт систематической кирилло-мефодьевской библиографии» (1934).

9. Дальнейшее развитие славянской филологии: советский и постсоветский периоды (вторая половина XX в. – начало XXI в.)

9.1. Общая характеристика славянского языкознания СССР второй половины XX в. Развитие славяноведения и славянской филологии в Белоруссии, России и Украине до 90-х гг. XX в. в СССР и с 90-х гг. и до начала XXI вв. следует делить соответственно на советский, т.е. продолжать предыдущий единый контекст рассмотрения, и на постсоветский, т.е. собственно уже белорусский, русский (российский) и украинский периоды. В связи с развалом в 1991 г. Советского Союза и образованием трех вышеназванных государств развитие в них славянской филологии и славистики вообще начинает идти в некотором смысле автономными путями. Разумеется, однако, дифференциация внутри восточнославянской филологии, с одной стороны, в значительной мере не затрагивает общий стержень проблем, с другой – глубже акцентирует внимание на национально ориентированных вопросах филологического характера.

Со второй половины 40-х гг. в различных университетах СССР стали возникать славистические кафедры, воссоздан Институт славяноведения АН СССР (с 1968 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, а с 90-х гг. снова Институт славяноведения, но уже – РАН) с жур. «Славяноведение» (с 1965 г. и до 1991 г. – «Советское славяноведение»), с 1944 г. функционирует Институт русского языка, с 1967 г. организована «Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы» (МАПРЯЛ), с 1952 г. издается жур. «Вопросы языкознания». Были установлены тесные связи в рамках так наз. содружества социалистических государств. Проблемы происхождения славянских народов, исторических и культурных связей между ними и с неславянскими народами и др. вопросы исследуются в трудах Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, И. Б. Грекова, В. Д. Королюка, Г. Г. Литаврина, Ю. В. Бромлея, К. Богоявленского, Н. И. Кравцова, А. С. Мыльникова, Ф. П. Шевченко, А. Никитина, И. С. Достян, В. Г. Карасева, В. И. Фрейдзо-

на, И. И. Лещиловской, П. Г. Богатырева др. Среди исследователей истории славянских литератур и культур следует назвать Д. С. Лихачева, В. П. Адрианову-Перетц, И. Н. Голенищева-Кутузова, Д. Ф. Маркова, М. П. Алексеев, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, Б. Ф. Стасеева, Б. Н. Путилова, В. В. Витта, В. И. Злыднева, В. Е. Гусева, К. Горского, Л. В. Воробьева, К. Н. Державина, Ю. И. Смирнова, К. А. Копержинского, А. И. Белецкого, И. Возняка и др. Если говорить о лингвистической стороне славянской филологии, то в этот период были достигнуты большие результаты в таких важнейших направлениях, как: сравнительно-исторические исследования, славянская этимология, этно- и глоттогенез, диалектология и лингвистическая география, акцентология, история старославянско-церковнославянского и других славянских языков, славянская этнолингвистика, грамматический строй, словарный состав и семантика современных славянских языков и др.

9.2. Развитие славянского языкознания в России в советский период. В 1957 г. под редакцией Р. И. Аванесова опубликован «Атлас народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», а с 1986 г. издается «Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР». Ведется работа над областными словарями. Издаются исторические словари: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (с 1975 г.), «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (с 1988 г.), «Словарь русского языка XVIII в.» (с 1984 г.); словари современного русского языка: однотомный нормативный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (переиздается с 1949 г.), «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (1948–1965), 20-томный «Словарь современного русского литературного языка» (выходит с 1991 г.), «Словарь русского языка» в 4 томах (1-е изд. вышло в 1957–1961 гг.). В 1979 г. появилась первая энциклопедия «Русский язык» (переиздается). С 1974 г. под редакцией и при участии акад. О. Н. Трубачева издается «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (с 2002 г. редактор А. Ф. Журавлев). Издан 4-томный «Словарь языка Пушкина» (1956–1961) и др. Много сделано для описания грамматического строя русского языка в диахронном и синхронном плане. В 1952–1954 гг. издана 2-томная академическая

«Грамматика русского языка», в 1970 г. – одготомная, в 1980 г. – 2-готомная «Русская грамматика». Возникшая в разгар «повышения роли» русского языка в национальной среде (в начале 80-х гг.) в кабинетах АН (В. В. Иванов и др.) идея «нового жанра» – так наз. «академической грамматики для националов» да еще и в 4 томах (!) вскоре показала свою нежизненность и ненужность. Юрий Сергеевич **Маслов** (1914–1990) – специалист по общему и славянскому языкознанию, болгарист, аспектотол (разработал теорию вида в связи с семантикой глагола).

9.2.1. Вклад акад. Виктора Владимировича Виноградова (1894/1895–1969) **в русско-славянское языкознание.** Занимался исследованием разных проблем филологии: это взаимоотношения славянских языков, история и современное состояние русского языка, вопросы лексикологии и лексикографии, стилистики, текстологии, поэтики и др. Заложил основы *истории литературного языка*, которая до того не вычленялась из истории языка, дал периодизацию истории русского литературного языка; выдвинул гипотезу о двух типах русского литературного языка – книжно-славянском и народном-литературном, при этом типы не связывались со стилями (что позднее было поставлено под сомнение); разработал теорию омонимии в славянских языках; выдвинул принципы разграничения грамматической формы и значения; показал специфику литературного языка и языка художественной литературы; доказал важность выделения словообразования в качестве особой дисциплины; много сделал для разработки теоретических аспектов лексикографии; впервые дал классификацию фразеологизмов, исследовал процессы взаимодействия старославянско-церковнославянского и древнерусского языков, восточнославянских языков, их отношения к западно- и южнославянским; показал разницу в закономерностях развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи и др. Важнейшее место в его научном наследии занимает труд «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (1947). В 1975–2003 гг. изданы «Избранные труды» В. В. Виноградова в 7 томах.

9.2.3. Акад. Н. И. Толстой и его славистическая школа. К редким в XX в. ученым энциклопедического склада относится акад. Никита Ильич **Толстой** (1923–1996), выдающийся языковед и сла-

вист. Диапазон его научных занятий очень широк: это сравнительно-историческое языкознание, старославянский язык, лингвистическая география и диалектология, сравнительно-типологическое языкознание, грамматический строй славянских языков и его историческое развитие, этнолингвистика, история языкознания и др. Толстой разработал принципы *сравнительной славянской семасиологии*, заложил основы новых дисциплин – *славянской историко-типологической социолингвистики* и *славянской этнолингвистики*, создал теорию семантического микрополя («Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды», 1969). С 1962 и до 1985 гг. проводил диалектологические и этнолингвистические экспедиции в Полесье, применяя методику лингвистических понятий и приемов при описании духовной культуры славянства, опираясь на изоморфизм структур языка и культуры, а отсюда – и разработанные Толстым принципы «грамматики» народных обрядов («Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике», 1995; «Очерки славянского язычества», 2003). Это направление привело его к созданию коллективного многотомного этнолингвистического словаря «Славянские древности» (с 1995 г.). Разработанные им принципы историко-типологической социолингвистики реализовались в виде периодизации истории древнеславянского литературного языка (в связи с его локально-этническими типами, или изводами), типологической классификации славянских литературных языков на основе 19 синхронно-диахронных признаков историко-культурного и этно-культурно-филологического характера («История и структура славянских литературных языков», 1988). Толстой открыл рукопись «Резьянского словаря» И. А. Бодуэна де Куртенэ (см. пункт 7.1.). В 1997–1999 гг. в 3 томах изданы «Избранные труды» Толстого. Совместно с акад. Н. И. Толстым в ряде научных проектов, в т. ч. в словаре «Славянские древности», участвовала Светлана Михайловна **Толстая** (род. 1938), специалист в области истории славянских языков – лексикологии, фразеологии, морфонологии, мифологии, культурологии и фольклору, автор монографий «Морфонология в структуре славянских языков» (1998), «Полесский народный календарь» (2005), «Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской пер-

спективе» (2008) и др. Представителями этнолингвистической школы Н. И. Толстого издан энциклопедический словарь «Славянская мифология» (1995), серия авторских монографий и словарей: «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» (2000) Людмилы Николаевны **Виноградовой**, «Символика животных в славянской народной культуре» (1997) Александра Викторовича **Гуры**, «Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл» (2002) Татьяны Алексеевны **Агапкиной**, «Славянский бестиарий. Словарь названий и символики» (2000) и «Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции» (2005) Ольги Владиславовны **Беловой**, «Антропология женского тела в славянской традиции» (2001) Г. И. **Кабаковой**, «Славянская ихтиологическая терминология» (2003) Валерии Васильевны **Усачевой**, «Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование» (2009) Е. С. **Узеновой** и др.

К славистической школе Н. И. Толстого относятся специалисты разных областей славистики. Валерий Михайлович **Мокиенко** (род. 1940), принадлежащий одновременно и к школе Б. А. Ларина, исследует вопросы общей славистики, русистики, украинистики, богемистики, этнолингвистики, сопоставительного языкознания и славянской диалектологии, лексикографии и лексикологии, фразеологии и ономастики. Его научные разработки привели к формированию «**Фразеологической школы В. М. Мокиенко**». Его труды переиздаются и переводятся на разные языки: «В глубь поговорки» (1975), «Славянская фразеология» (1980; вошла в фонд классических трудов); «Образы русской речи» (1986), «Словарь сравнений русского языка» (2003), «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998; соавт. А. К. Бирих, Л. И. Степанова). Он создатель первого словаря лексических советизмов «Толковый словарь языка Совдепии» (1998; соавт. Т. Г. Никитина), ряда словарей по так наз. «бранной лексикографии» («Большой словарь русского жаргона», 2000; соавт. Т. Г. Никитина; «Словарь русской бранной лексики», 1995), сравнительного «Большого русско-немецкого словаря жаргона и просторечий» (2007; соавт. Х. Вальтер) и др. Под его редакцией вышел том «Фразеология» (2008) в международной опольской серии «Сравнительное изучение систем

и функционирования современных славянских языков». Анатолий Федорович **Журавлев** (род. 1949) работает в таких областях, как лексикология, лингвостатистика, восточнославянская диалектная лексика и ономастика, праславянская лексикология и этимология, этнолингвистика и этнография, взаимодействие языка и культуры. Им разработаны статистические процедуры выявления степени генетической близости языков с учетом количества и мощности изоглосс; впервые опробован метод выявления языковой конвергенции с опорой на сплошной статистический анализ праязыкового словаря («Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства», 1994). Журавлев редактирует «Этимологический словарь русского языка» (начиная с вып. 9) и «Этимологический словарь славянских языков» (с 2002 г.). На архивном материале основывается его монография «Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки» (1994). В 2005 г. вышла его монография «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева ‘Поэтические воззрения славян на природу’» (2005) объемом более одной тысячи страниц. Автор настоящего пособия (род. 1941), ученик Н. И. Толстого, занимается общей теорией языка, социолингвистикой и этнолингвистикой («Этносоциолингвистика «Перестройки» в СССР», 1999), общей и славянской интерлингвистикой («Международные вспомогательные языки», 1990), лингвонимикой, славянским языкознанием и др. Автор монографии «Русский язык конца XX столетия» (1994), очерков словенского и югославо-русинского («Основы балканского языкознания», 1998), словенского, кашубского, других микроязыков в энциклопедии «Языки мира. Славянские языки» (2005) и т.д. Разрабатывает теорию славянских литературных микроязыков [«Славянские литературные микроязыки», 1981; «Jugoslavo-Ruthenica», 1995–2010; 2-томник образцов текстов на микроязыках, 2003–2004; «Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)», 2008] и др. В архивах обнаружил рукописи южнорусинского поэта Г. Костельника, первой кашубской грамматики Ф. Цейновы и некот. др.

9.2.4. Акад. Олег Николаевич Трубачев (1930–2002) и его этимологическая школа. Выдающийся славист, специалист в области

славянского сравнительно-исторического языкознания, этимологии, ономастики, этно- и плоттогенеза, реконструкции праславянского языка и культуры и др. Основные результаты отражены в монографиях: «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959), «Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Этимологические исследования» (1960), «Ремесленная терминология в славянских языках» (1966), «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962; совместно с В. Н. Топоровым), «Названия рек Правобережной Украины» (1968). Выдающимся событием в индоевропеистике стала его монография и словарь о древних остатках индоиранских языков в Северном Причерноморье («Indoarica в Северном Причерноморье», 1999). Значителен вклад Трубачева в разработку этимологии. Он был инициатором и основным автором «Этимологического словаря славянских языков. (Праславянский лексический фонд)» (с 1974 г.), серийного сборника «Этимология» (с 1963 г.). Крупным событием в славянской филологии стала его монография «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование» (1991; переизд. в 2003 г.), в которой рассматриваются сложнейшие вопросы древней славянской языковой и культурной истории, на богатом материале возрождается так наз. дунайская гипотеза прародины славян.

В русле этимологии в 90-е гг. появились словари: двухтомный «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (1994), «Этимологический словарь русского языка» Г. А. Крылова (2005), новаторский «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина (1997) и его же «Этимологический словарь русского языка» (т. I, 2007) и некот. др. Следует отметить труды по славянской этимологии, древнерусской морфологии и именному словоизменению Жанны Жановны **Варбот** (род. 1934), Любови Викторовны **Куркиной**, работы слависта из Воронежского университета Геннадия Филипповича **Ковалева** (род. 1943) по славянской этнонимии и др.

9.2.5. Развитие славянского сравнительно-исторического языкознания. Самуил Борисович **Бернштейн** (1911–1997) результаты своих исследований в этом направлении подвел в двухтомном

«Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (1961–1974); он автор работ по болгарскому языку и среднеболгарским памятникам письменности («Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. I. Язык валашских грамот XIV–XV вв.», 1948). В 1958 г. он инициировал составление атласа болгарских переселенческих говоров Украины, а затем, в 1967 г., – «Карпатского диалектологического атласа». Кроме того, Бернштейн занимался вопросами истории славянской филологии. Преимущественно в русле компаративистики работал Владимир Николаевич **Топоров** (1928–2005), автор публикаций, связанных с индоевропеистикой и палеославистикой, славянским и балтским глоттогенезом, этимологией и ономастикой, лексикологией и лексикографией, а также с различными аспектами взаимодействия славян с другими народами. В 1961 г. он издал книгу «Локатив в славянских языках», используя широкий индоевропейский фон для показа развития славянского падежа. Совместно с Вяч. Вс. Ивановым Топоров занимался реконструкцией праславянского текста, древнеславянской мифологической системой («Исследования в области славянских древностей», 1974) и др. Оба автора пытались обосновать «дочернюю» гипотезу происхождения праславянского языка из прабалтского, которая, однако, не получила широкого признания («К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков», 1958). Один из авторов тома «Балтийские языки» энциклопедии РАН «Языки мира» (2006). В 1975 г. В. Н. Топоров начал публикацию прусского словаря – исчезнувшего балтского языка (издание не завершено). Владимир Константинович **Журавлев** (род. 1922) занимается общим и сравнительно-историческим языкознанием, историей славянских языков, а также социолингвистикой. Ему принадлежит ряд исследований по праславянскому языку, он автор монографии «Внешние и внутренние факторы языковой эволюции» (1982) и двух книг по историческому языкознанию – «Диахроническая фонология» (1985) и «Диахроническая морфология» (1991). Вячеслав Всеволодович **Иванов** (род. 1929) – специалист в области общего и индоевропейского языкознания, компаративист широкого диапазона, охватывающего праиндоевропейский, праславянский, древние и новые языки других лингвосемей. На этом фоне он рассматривал праславянский

язык в монографии «Общеиндоевропейская, праславянская и анатolianская языковые системы. (Сравнительно-типологический очерк)» (1965), а позднее и в 2-томной книге в соавторстве с Т. В. Гамкрелдзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984). Владимир Антонович **Дыбо** (род. 1931) – специалист в области акцентологии индоевропейских, в т. ч. и славянских, языков, балто-славянских отношений, разрабатывает вопросы типологии акцентных систем, председатель «Московского лингвистического общества». Основные его идеи отразились в следующих монографиях: «Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском» (1981), «Основы славянской акцентологии» (1990 и 1993; в соавторстве) и др. Андрей Анатольевич **Зализняк** (род. 1935) работает в области русского, а также славянского языкознания, конкретно – разрабатывает вопросы развития восточнославянской акцентологии, истории русского языка, славяно-русской палеографии, а также грамматики современного русского языка. В монографии «От праславянской акцентуации к русской» (1985) он прослеживает истоки и пути развития акцентной системы, легшей затем в основу русского языка; в книге «Древненовгородский диалект» (1995; 2-е изд. 2004) Зализняк дает характеристику этого диалекта и пытается связать его с западнославянским ареалом. Внес вклад в изучение языка новгородских берестяных грамот, что отражено в книге «Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977–1983 гг.)», 1986; совместно с В. Л. Яниным), в многотомном издании «Новгородские грамоты на бересте» (1986–2004) и др. В книге «‘Слово о полку Игореве’: взгляд лингвиста» (2004) на основе языкового анализа текста подтвердил подлинность происхождения памятника. По современному русскому языку издал монографию «Русское именное словоизменение» (1967) и «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» (1977; переиздается). Значительный вклад в историческое языкознание внес Евгений Михайлович **Верещагин** (род. 1939), обративший на себя внимание уже первой своей книгой «Из истории возникновения первого литературного языка славян» (1971–1972), переработанной в «Историю возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и его

учеников» (1997). В этом направлении он создал ряд основательных работ – «Христианская книжность Древней Руси» (1996), «Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания» (2001), подготовил к изданию объемом почти в одну тысячу страниц памятник «Древнейший славянский богослужебный сборник ‘Ильина книга’» (2006) с филолого-богословским комментарием. В сотрудничестве с **В. Г. Костомаровым** одним из первых в СССР стал разрабатывать теоретические *основы лингвострановедения* (лингвокультурологии): «Лингвострановедческая концепция слова» (1980), «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» (1990) и др. В синтезированном виде это направление представлено в книге «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческой тактики и сапиентемы» (2005). Георгий Александрович **Хабургаев** (1931–1993) – палеославист, автор учебника «Старославянский язык» (1974), монографии «Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности» (1994), занимался происхождением этнонимии и языка восточных славян («Этнонимия ‘Повести временных лет’ в связи с задачами реконструкции восточнославянского плоттогенеза», 1974), в 1980 г. издал книгу «Становление русского языка», а в 1981 г. совместно с Клавдией Ивановной **Горшковой** (1921–2002) выпустил университетский учебник по исторической грамматике русского языка. Серьезные работы по старославянскому языку создали: по лексике – Андрей Степанович **Львов** (1905–1976) («Очерки по лексике памятников старославянской письменности», 1966), Раля Михайловна **Цейтлин** (1920–2001), по различным аспектам грамматики – Капитолина Ивановна **Ходова**, В. В. **Бородич**, Елена Владимировна **Чешико**, Ирина Константиновна **Бунина** и некот. др. Николай Андреевич **Кондрашов** (1919–1995), помимо популярного очерка «Славянские языки» (переиздается с 1956 г.), издал на словацком языке докторскую диссертацию «Возникновение и начальный период развития словацкого литературного языка» (1974), затем последовали его «История лингвистических учений» (1979), «Русский язык глазами лингвиста-слависта» (1981) и др. Григорий Куприянович **Венедиктов** (род. 1929) – известный болгарист, автор ряда се-

рьезных монографий, получивших признание как в России, так и в Болгарии: «История современного болгарского литературного языка» (1981), «Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы» (1990); издал остававшуюся в рукописи «Граматику нынешнего болгарского наречия» Ю. И. Венелина (1997) и др. Евгения Ивановна *Демина* (род. 1927) также занимается преимущественно историей болгарской письменности XVI–XVIII вв., описала и издала памятник «Тихонравовский дамаскин». Александра Григорьевна *Широкова* (1918–2003) занималась историей чешского и словацкого языков, а также сравнительным изучением этих языков и русского («Очерк грамматики чешского языка», 1952; «Чешский язык», 1961; и др.). Галина Алексеевна *Лилич* (род. 1926) исследует вопросы богемистики, ее основной труд – докторская диссертация «Роль русского языка в развитии словарного запаса чешского литературного языка» (1982). Марина Юрьевна *Котова*, болгарист и богемист, занимается вопросами славянской фразеологии и др. Лев Никандрович *Смирнов* (1928–2001) исследовал вопросы истории и современного состояния словацкого и других славянских языков («Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке», 1970). Галина Парфеньевна *Нещименко* (род. 1933) исследует историю чешского языка [«История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX вв. (прилагательное)», 1968], социолингвистические аспекты славянства [монография «Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации. (На материале сопоставительного изучения славянских языков)», 1999].

9.2.6. *Разработка проблем исторической лингвोरусистики.*

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН издает многотомную «Историческую грамматику древнерусского языка» (4 тома за 2000–2006 гг.), другие серии и сборники. Владимир Викторович *Колесов* (род. 1934) – автор работ по сравнительно-исторической фонологии и акцентологии, грамматике и стилистике, лексикологии и лексикографии, истории языкознания: «Введение в историческую фонологию» (1973–1982) и «Историческая фонетика русского языка» (1980), «Древнерусский литературный язык» (1988). Ряд исследований Колесов посвятил вопросам отражения в слове

жизни Древней Руси: «Мир человека в слове Древней Руси» (1986), «Мудрое слово Древней Руси» (1989), «Философия русского слова» (2001) и т.д. Валерий Васильевич **Иванов** (род. 1924) занимался русской исторической фонетикой и грамматикой, выпустив об этом ряд книг, в т. ч. в переиздании и с измененными названиями («Историческая фонология русского языка. Развитие фонологической системы древнерусского языка в X–XII вв.», 2-е изд. 2009). Виталий Михайлович **Марков** (род. 1927) работает в этом же направлении, его научное наследие собрано в книге «Словообразование, фонетика, историческая грамматика» (2001). Вадим Борисович **Крысько** (род. 1961), один из составителей «Исторической грамматики древнерусского языка», автор «Исторического синтаксиса русского языка. Объект и переходность» (1997; переизд. 2006 г.), писал о развитии одушевленности, издал «Очерки по истории русского языка» (2007) и др.

Многое сделано в области истории русского литературного языка и его памятников. Еще в 30–40-е гг. XX в. против «шахматовской трактовки» происхождения русского литературного языка выступил акад. Сергей Петрович **Обнорский** (1888–1962), доказывая его древнерусскую основу («Очерки по истории русского литературного языка», 1946; и др.). Лидия Петровна **Жуковская** (1920–1994) оставила серьезные исследования по языку и текстологии памятников письменности («Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник. Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование», 1970). В 1959 г. она издала одну из первых работ под названием «Новгородские берестяные грамоты». Издала «Мстиславово евангелие» 1073 г. и (совместно с Т. Л. Мироновой) «Архангельское евангелие» 1092 г., разработала принципы описания и анализа рукописей в фундаментальной монографии «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (1976). Сергей Иванович **Котков** (1906–1986) – исследователь и издатель памятников письменности, автор монографий «Очерки по истории южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв.» (1970), «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» (1980). Историей литературного языка и стилистикой занимается Александр Иванович **Горишков** (род. 1923), написавший универси-

тетский учебник (1969), монографии «Теория и история русского литературного языка» (1984), «Русская словесность. От слова к словесности» (1995) и др. В этом же направлении работали также Виктор Давидович *Левин* (1915–1997) и Валерий Павлович *Вомперский* (1924–1995), оставивший работы по теории «трех стилей» М. В. Ломоносова (1970), по риторике в России XVII–XVIII вв. и др. Анатолий Алексеевич *Алексеев*, автор ряда работ по литературно-языковой ситуации в Древней Руси: «Текстология славянской Библии» (1999), «Песнь Песней в славяно-русской письменности» (2002) и др., подготовил (совместно с другими) «Евангелие от Иоанна в славянской традиции» и такой же том «Евангелия от Матфея» (1998–2005). Борис Андреевич *Успенский* (род. 1937) – специалист по истории литературного языка и культуре Древней Руси, писал об истории литургического произношения в России, о канонических именах, издал «Краткий очерк истории русского литературного языка» (1994) и др. Некоторые теоретические заключения автора подвергаются критике (например, применение к древнерусской ситуации схемы диглоссии, вынесение за рамки литературного языка административно-деловой письменности; утверждение о том, что до XVII в. история русского литературного языка – это история церковнославянского языка, и др.). В издании «Памятники славяно-русской письменности. Новая серия» под ред. Успенского в 3 томах издан «Типографский Устав. Устав с кондакарем конца XI – начала XII века» (2006). В 1994–1997 гг. в 3 томах вышли его «Избранные труды». Александр Михайлович *Молдован* (род. 1951), редактор жур. «Русский язык в научном освещении», работает в области истории русского языка, занимаясь текстологией и анализом языка древнерусских памятников: в 1984 г. вышла его работа «‘Слово о законе и благодати’ Илариона», затем докторская диссертация «‘Житие Андрея Юродивого’ в славянской письменности» (2000) и др. Виктор Маркович *Живов* (род. 1945) изучает развитие литературного языка, но основные его интересы связаны с исследованием взаимосвязи языка и культуры России в XVIII в. («Язык и культура в России в XVIII веке», 1996; «Разыскания в области истории и предыстории русской культуры», 2002). Марина Леонтьевна *Ремнева* (род. 1936) полагает, что в литературном язы-

ке во все периоды его истории движущим фактором являлась норма («Пути развития русского литературного языка в XI–XVII вв.», 2003). Александр Михайлович **Камчатнов** (род. 1952), напротив, считает, что история литературного языка – это история языкового употребления, что требует внимания к изучению стилей и жанров в их лексическом, фразеологическом и синтаксическом исполнении, см. его университетский учебник «История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века» (2005; 2-е изд. 2008)). Олег Викторович **Никитин** (род. 1970) принадлежит к молодому поколению славистов, занимается историей русского языка, русско-инославянскими контактами, историей языкознания, в т. ч. в России XVIII–XX вв., лексикографией, социолингвистикой, этнолингвистикой: наряду с монографией «Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.)» (2004) и хрестоматией «Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв.» (2004), издал труды и архивные материалы многих русских славистов, плодотворно изучает памятники славяно-русской письменности XVII–XVIII вв., применяя к ним этнолингвистический подход.

9.2.7. Исследование синхронных аспектов русского и других славянских языков. В энциклопедии РАН «Языки мира» вышел начатый еще в 70-е гг. том «Славянские языки» (2005) с описанием всех современных славянских языков, в т. ч. кашубского и других микроязыков (удивление вызывает помещенный здесь текст под названием «Древненовгородский диалект»). Татьяна Михайловна **Николаева** (род. 1933) – известный ученый в области общего языкознания, фонетики и грамматики русского и других славянских языков, автор монографий: «Интонация сложного предложения в славянских языках» (1969), «Фразовая интонация славянских языков» (1977), «От звука к тексту» (2000) и др. В работе «Функция частиц в высказывании» (1985) и в монографии «Непарадигматическая лингвистика. (История ‘блуждающих’ частиц)» она обратилась к истории семантически и функционально трудно улавливаемых частиц, затем к теории имени, истории и теории семиотики, лингвистике текста и др. Ирина Константиновна **Бунина** (род. 1918) занималась болгарской письменностью и диалектологией, Людмила Эдуардовна **Калнынь** (род. 1927) – изучением фонологических си-

стем славянских диалектов и языков, Татьяна Владимировна *Цивьян* (род. 1937) – типологией балканских языков, Петр Андреевич *Дмитриев* (1928–1998) – синтаксисом сербско-хорватского языка, Майя Ивановна *Ермакова* (1931–2010) – серболужицкими языками. Различным аспектам современного русского языка посвящены труды: Михаила Викторовича *Панова* (1920–2001) – ср. изданный под его руководством 4-томный труд «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование» (1968), Александра Владимировича *Бондарко* (род. 1930), разработавшего целое направление по функциональной грамматике [помимо ряда его книг, 6-томный коллективный труд «Теория функциональной грамматики» (1982–1996)], Натальи Юльевны *Шведовой* (род. 1916) – по грамматике, а также по лексикологии и лексикографии. Грамматическими аспектами занимались или же занимаются также: Игорь Григорьевич *Милославский* (род. 1938), Галина Александровна *Золотова* (род. 1924), Игорь Павлович *Распопов* (1925–1982), Борис Михайлович *Гаспаров* и др. Известны труды по словообразованию Елены Андреевны *Земской* (род. 1926) – монография «Словообразование как деятельность» (1992) и др., сборник под ее редакцией «Русский язык конца XX столетия» (1996)³, Игоря Степановича *Улуханова* (род. 1935), Александра Николаевича *Тихонова*, составителя двухтомного «Словообразовательного словаря русского языка» и др.. Лексико-семантическое и фразеологическое направление представляют: Лев Алексеевич *Новиков* (1931–2003), Дмитрий Николаевич *Шмелев* (1926–1993), Александр Иванович *Молотков* (род. 1916–2005), Федор Павлович *Сорокалетов* (1924–2008), Юрий Дереникович *Апресян* (род. 1930), Юрий Николаевич *Караулов* (род. 1935) и др. Одним из первых на языковой аспект «перестройки» в СССР отозвался Виталий Григорьевич *Костомаров* (род. 1930), в связи с нормализацией литературного языка – Кирилл Сергеевич *Горбачевич* (род. 1925) и др. В развитие русистики внесли и вносят вклад и многие другие специалисты: Владимир Владимирович *Ло-*

³ До издания этот сборник назывался «Русский язык 90-х гг. XX века» (см.: Русистика сегодня, М., 1995, № 1. С. 14), однако при его печатании название было заимствовано у вышедшей двумя годами ранее монографии: А. Д. Дуличенко. Русский язык конца XX столетия. München, 1994.

патин, Леонид Леонидович *Касаткин*, Ольга Александровна *Князевская* (род. 1920), Юрий Сергеевич *Сорокин* (1913–1990), Александра Васильевна *Суперанская* (род. 1929), Виктор Яковлевич *Дерягин* (1937–1994), Василий Иванович *Супрун* (род. 1948), Леонид Петрович *Крысин* (род. 1936), Василий Данилович *Бондалетов* (род. 1928), Игорь Георгиевич *Добродомов* (род. 1935), Маргарита Николаевна *Кожина* (род. 1925), Людмила Алексеевна *Вербицкая* (род. 1936), Замир Курбанович *Тарланов* (род. 1936), Михаил Алексеевич *Шелякин*, Зинаида Даниловна *Попова* (род. 1929), Лидия Михайловна *Грановская* (род. 1935) и др.

9.2.8. О постсоветском периоде славянской филологии в России. К концу XX – началу XXI вв. продолжают научную деятельность учреждения и ученые, перешагнувшие из советского периода в постсоветский. Институт славяноведения выпускает серийные издания «Общеславянский лингвистический атлас», «Исследования по славянской диалектологии», «Балто-славянские исследования», «Славянский и балканский фольклор» и др. Институт русского языка им. В. В. Виноградова является основным центром научных исследований по русскому языку. Здесь помещаются: «Словарная картотека современного русского литературного языка», «Картотека ‘Словаря современного русского народного говора’», «Картотека ‘Этимологического словаря славянских языков’», «Картотека ‘Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)’», «Фонотека современной разговорной речи» и др. В последние десятилетия стала развиваться так наз. *корпусная лингвистика* на базе применения компьютерной технологии. По разным параметрам уже обработано большое количество текстов, создан «Национальный корпус русского языка» (<http://ruscorpora.ru>) – электронная справочно-информационная система для поиска языковых примеров по задаваемым признакам. С 2000 г. издается жур. «Русистика сегодня», с 2001 г. – «Русский язык в научном освещении», выходят «Известия РАН. Серия литературы и языка», «Вестник Московского университета. Серия ‘Филология’» – аналогичные журналы издаются в других университетах России; издаются литературоведческие журналы и ежегодники типа «Русской литературы», «Трудов Отдела древнерусской литературы» и др., появляются и новые периодические издания – «Сибирский фи-

лологический журнал», «Славянский вестник», возрождены дореволюционные журналы «Филологические записки», «Русский филологический вестник», «Живая старина», «Отечественные записки».

9.3. Развитие славянского языкознания в Белоруссии в советский период. В Советской Белоруссии основное внимание было направлено на разработку и совершенствование норм белорусского языка и его правописания, на составление учебников, на вопросы лексикографической теории и практики и особенно – научной терминологии, а в этой связи шла работа по подготовке словарей различных типов. Институт языкознания им. Я. Коласа (создан еще в 1931 г.) занимается изучением современного белорусского языка, его диалектологии и истории в системно-структурном, сравнительно-историческом, сравнительно-типологическом, социолингвистическом и др. аспектах, подготовкой словарей различного типа, а также вопросами общеславянского языкознания. Развивается и славянская филология. В последние десятилетия XX в. Сформировалась получившая международное признание *«Белорусская славистическая школа»*. С 1972 г. издается жур. «Белорусская лингвистика» («Беларуская лінгвістыка»).

В 1962–1966 гг. вышла 2-томная «Грамматики белорусского языка», затем 2-томная «История белорусского литературного языка» (1967–1968). В русле истории языка работали и работают А. И. *Журавский*, В. В. *Аниченко*, Л. М. *Шакур*, Т. Ф. *Стешкович*, Н. Т. *Войтович*, А. К. *Антонович*, А. К. *Юревич*, И. К. *Германович*, А. А. *Ванкович*, А. И. *Янович*, А. А. *Каврус*, И. И. *Крамко* и др. Несколько фундаментальных коллективных трудов по лексике: это «Толковый словарь белорусского языка» в 5 томах (1977–1984), включающий около 100 тыс. слов и фразеологизмов, «Этимологический словарь белорусского языка» в 4 томах (1978–1987) и «Исторический словарь белорусского языка» в 8 томах (1982–1987). В области лексикологии и фразеологии известны работы А. Н. *Бульки*, М. Г. *Булахова*, М. Р. *Судника*, И. В. *Шадурского*, А. С. *Аксамитова* и др. Вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса современного белорусского языка отражены в трудах М. Г. *Булахова*, П. П. *Шубы*, Ю. Ф. *Мацкевич*, М. М. *Жидович*, А. И. *Наркевича*, Л. П. *Подгайского*, А. И. *Подлужного* и др. В 1994 г. издана энциклопедия

«Белорусский язык», а в 1998 г. – под таким же названием в международной серии «Новейшие процессы в славянских языках» в Ополе (Польша) вышла коллективная монография «Белорусский язык», освещающая важнейшие процессы в языке второй половины XX в.

Успехи белорусского языкознания видны в изучении диалектов и говоров: это 2-томный «Диалектологический атлас белорусского языка» (1963) – основа теоретического труда «Лингвистическая география и группировка белорусских говоров» (1968). Диалектологами дана детальная характеристика диалектов, говоров и диалектных зон в целом, разработана типология диалектных явлений, выявлены центры распространения и направления фонетических, грамматических и лексических пучков изоглосс, что дало возможность по-новому интерпретировать членение белорусских говоров. Уже в 70-е гг. стали создаваться областные словари белорусского языка, в их числе 5-томный «Словарь говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья» (1978–1986), 5-томный «Лексический атлас белорусских народных говоров» (1993–1998) и др. Международно признаны достижения и успехи целого ряда белорусских диалектологов: Юзефа Флориановна **Мацкевич** (1911–2003) изучала белорусские говоры, их происхождение и контакты с другими славянскими говорами и соседними балтскими языками, исследовала язык «Литовского Статута» 1529 г.; Нина Трофимовна **Войтович** (1913–1976) – автор монографии «Неударный вокализм народных говоров Белоруссии» (1968), участвовала в создании «Очерков по белорусской диалектологии» (1964) и др.; Александр Антонович **Кривицкий** (род. 1927) – один из основных авторов и составителей диалектологического атласа белорусского языка (1963), словаря туrowsкого диалекта (1982–1987) и лексического атласа белорусских говоров (1993–1998), в 2003 г. вышла его «Диалектология белорусского языка»; Вячеслав Леонтьевич **Веренич** (1924–1999) – специалист по польским говорам в СССР и их контактам, по ономастике, социолингвистике и диалектологии, по проблемам Полесья (сборники «Польские говоры в СССР», 1973); диалектологией и другими проблемами занимались или занимаются также Алексей Петрович **Груцо** (род. 1924), Евгения Михайловна **Романович** (род. 1922), Елена Ивановна **Чеберук**, Галина Феликсовна **Веш-**

торт (род. 1938), Раиса Николаевна *Малько* (род. 1940), Николай Павлович *Антропов* (род. 1950) и др. Федор Данилович *Климчук* (род. 1935) – диалектолог и историк, области его интересов: славяно-белорусская диалектология, лингвгеография, лексикография, фольклор, духовная культура, этно- и глоттогенез, топонимия, славянская социолингвистика, автор монографии «Говоры Западного Полесья. Фонетический очерк» (1983), пишет о западнополесском литературном микроязыке.

В изучении истории и современного состояния белорусского, других славянских языков, истории восточнославянского языкознания вклад внесли: Николай Васильевич *Бирилло* (1923–1992), автор 3-томного труда «Белорусская антропонимия» (1966–1982); Александр Николаевич *Булыка* (род. 1935), исследующий заимствования в белорусском языке, автор книг «Язык белорусской письменности XIV–XVIII вв.» и «Язык изданий Скорины» (1990), составитель «Толкового словаря белорусского языка» (2006); Михаил Гапеевич *Булахов* (род. 1919) – историк языка и славянского языкознания, составитель 3-томного справочника «Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь» (1976–1978), энциклопедии «‘Слово о полку Игореве’ в литературе, искусстве, науке» (1985), один из авторов монографии «Восточнославянские языки» (1987); Аркадий Иосифович *Журавский* (1924–2009) обосновывал существование белорусского извода церковнославянского языка, занимался нормализацией литературного языка и историей белорусского языкознания; Владимир Васильевич *Аниченко* исследовал исторические аспекты восточнославянских языков, белорусский язык, вопросы лексикографии, белорусско-украинских языковых связей, составил 3-томный «Словарь языка Скорины» (1977–1994) и др.; Александр Александрович *Лукашанец* (род. 1954), специалист в области белорусского и русского словообразования, исследует вопросы языковой политики и взаимодействия языков; Владимир Иванович *Коваль* (род. 1952), автор работы «Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение» (1998) и др.; Иван Иванович *Лучиц-Федорец* (род. 1938) занимается этимологией, лексикологией и контактологией; Р. *Козлова*, автор 4-томного труда «Белорусская и славянская гидронимия. Праславянский фонд» (2000–2006);

Анна Михайловна *Мезенко* (род. 1948), автор монографии «Урбанонимия Белоруссии» (1991); Любовь Адамовна *Антонюк* (род. 1949) разрабатывала белорусскую терминологию; Лилия Тихоновна *Выгонная* (род. 1942) занимается экспериментальной фонетикой, Арнольд Ефимович *Михневич* (род. 1936) – белорусским синтаксисом; Сергей Николаевич *Запрудский* (род. 1957) – историей белорусского литературного языка, историей белорусского и славянского языкознания, языковыми контактами, языковой политикой и др. Различными аспектами белорусской славистики занимаются также И. Я. Яшкин, В. А. Карпов, М. А. Данилович, Б. А. Плотников, Я. М. Камаровский, И. И. Крамко, С. М. Прохорова, М. Р. Пригодич, Г. М. Малажай, В. И. Роговцев, П. В. Сцяцко, В. И. Сенкевич и др.

Общеславянская проблематика преобладает в трудах ряда исследователей. Адама Евгеньевича *Супруна* (1928–1999) интересовали общетеоретические аспекты языкознания, славянское сравнительно-историческое языкознание и этимология, нефункционирующие ныне языки – праславянский, старославянский, полабский, а также церковнославянский, типологические аспекты лексики и грамматики славянских языков, психолингвистические и лингводидактические вопросы. Он автор монографии «Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи)», учебника «Введение в славянскую филологию» (1-е издание 1981 г. в соавторстве с А. М. Калютой). В организованной им в Минске серии очерков «Славянские языки» вышли его описания полабского, старославянского и праславянского языков (1987–1993), а в Москве – очерк церковнославянского языка (1999). Супрун интересовал статистический подход к языку. Виктор Владимирович *Мартинов* – автор работ преимущественно общеславистического характера, выполненных на основе сравнительно-исторического подхода, один из сторонников висло-одерской гипотезы прародины славян, чему посвящены его монографии «Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшего периода» (1963), «Язык в пространстве и времени. (К проблеме лингвогенеза славян)» (1983) и др. Геннадий Афанасьевич *Цыхун* (род. 1936) изучает широкий круг вопросов славяно-белорусского языкознания, ареальной лингвистики, этимологии, балканистики, славянских микроязыков, лингви-

стической экологии, а также истории славянской филологии. Он автор «Синтаксиса местоименных клитик в южнославянских языках. Балканославянская модель» (1968), в 1981 г. им издано получившее научный резонанс исследование «Типологические проблемы балканославянского языкового ареала» (1981). Ряд его публикаций посвящены проблемам соотношения больших и малых славянских языков (резьянского, западнополесского). Рейнгольд Владимирович **Кравчук** (1929–1989) разрабатывал вопросы словообразования и этимологии, В. **Никитевич** – словообразования и лексики, Нина Борисовна **Мечковская** – автор монографии «Ранние восточнославянские грамматики» (1984), краткого очерка словенского языка (1991), социолингвистического очерка белорусского языка (2003) и др.

Валерий Николаевич **Чекман / Чекмонас** (1937–2007) начинал свою научную деятельность в Белоруссии и продолжил ее в Литве, где основал кафедру славянской филологии; он автор работ по сравнительно-исторической и типологической фонетике и диалектологии славянских языков («Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция», 1979), учебника «Введение в славянскую филологию» (1988); исследовал белорусско-польско-литовские диалектные связи, языковую ситуацию литовских поляков и белоруссов, русские старOVERчерческие говоры Литвы, а также говоры Псковщины.

9.4. Развитие славянского языкознания в Украине в советский период. В этот период в Советской Украине работали слависты, чьи труды получили широкое признание в научном мире не только в СССР, но и далеко за его пределами. В Украинской ССР славистика и славянская филология развивались как в научных академических учреждениях (Институте языкознания им. А. А. Потебни АН УССР), так и в университетах. Появляются труды по современному украинскому языку Л. А. Булаховского, М. А. Жовтобрюха, В. М. Русановского, Е. К. Тимченко, И. И. Ковалика, А. С. Мельничука, И. Г. Чередниченко, И. К. Кучеренко и др. В 1951 г. издан 2-томный «Курс современного украинского литературного языка», в 1970–1980 гг. – 11-томный «Словарь украинского языка», выпущены 5-томная грамматика «Современный украинский литературный язык» (1969–1973), «Словарь старOUKPAИНСКОГО языка XIV–XV вв.»

(1977–1979) и 4-томная «История украинского языка» (1978–1983), с 1982 г. выходит «Этимологический словарь украинского языка», с 1948 г. собирается материал для 3-томного «Атласа украинского языка». По истории языка известны работы Л. А. Булаховского, И. С. Свенцицкого, В. В. Нимчука, С. Ф. Самойленко, Е. К. Тимченко, С. Ф. Бевзенко, П. А. Бузука, Л. Л. Гумецкой, Г. Левченко, М. А. Жовтобрюха и др. Выдающимся изданием стала серия «Памятники украинского языка», выходящая с 1961 г. (труды Берынды, Зизания, Славинецкого, Смотрицкого и др.). С 1967 г. издается жур. «Языкознание» («Мовознавство»), с 1970 г. – «Украинское славяноведение» («Українське слов'янознавство»), переименованный с 1976 г. в «Проблемы славяноведения» («Проблеми слов'янознавства»). В 1966 г. под редакцией А. С. Мельничука издан капитальный труд «Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков». В создании этих фундаментальных трудов национального масштаба принимали участие многие украинские слависты: Илларион Семенович **Свенцицкий** (1876–1956), специалист в области славянской филологии и смежных областей, описывал украинские рукописи из львовских хранилищ – «Буцацкое Евангелие» XIII в. (1911), «Лавришевское Евангелие» XIV в. (1913), «Галицко-Волынская летопись», «Смоленская грамота 1229 г.» и др., написал историю украинского языка (1920) и книгопечатания (1924); Евгений Константинович **Тимченко** (1866–1948) издал «Украинскую грамматику» (1907), «Курс истории украинского языка. Введение и фонетика» (1927), под его редакцией вышли два выпуска «Исторического словаря украинского языка» (1930–1932) и т.д.

Выдающимся славистом был Леонид Арсеньевич **Булаховский** (1888–1961), который занимался вопросами общего и сравнительно-исторического языкознания: это славянская акцентология (монографии по акцентологическим комментариям к польскому и чешскому языкам, статьи по реконструкции акцентной системы праславянского языка), история украинского языка, вопросы становления украинского литературного языка (поддержав гипотезу о его полтавско-киевской основе), история русского литературного языка («Исторические комментарии к русскому литературному языку», 1936; 2-томный труд «Русский литературный язык первой

половины XIX в.», 1941–1948). В 70–80-е гг. XX в. труды Булаховского изданы в пяти томах. Александр Митрофанович *Лукьяненко* (1879–1974) побывал в славянских странах, занимаясь южнославянской проблематикой, он автор первого монографического исследования «Кайкавское нарѣчје» (1905), ряда работ по сербско-хорватскому языку, по анализу памятников письменности и по украинскому языку. Татьяна Викторовна *Назарова* (1933–1976), автор работ по картографированию говоров района Припяти, в т. ч. контактных украинско-белорусских зон; вершина и одновременно подвиг ее короткой научной деятельности – посмертно изданный «Лингвистический атлас Нижней Припяти» (1985), зафиксировавший диалектную структуру незадолго до произошедшей там Чернобыльской катастрофы 1986 г. Ранее сделанные здесь записи на говорах Чернобыльской зоны были опубликованы в двух томах под редакцией П. Е. Гриценко лишь в 90-е гг. XX в. («Говоры Чернобыльской зоны. Тексты» и «Говоры ... Системное описание», 1996–1999). Серьезные исследования по украинистике и по славистике в целом оставили после себя и многие другие украинские ученые: Михаил Иосифович *Онышкевич* (1906–1971) обследовал бойковские говоры (2-томный «Словарь бойковских говоров», 1984), занимался украинско-словацкими, южнославянскими и румынскими языковыми связями; Ярослава Васильевна *Закревская* (1931–1999), автор «Очерков диалектного словообразования в ареальном аспекте» (1976) и др.; Юрий Алексеевич *Жлуктенко* (1915–1990), автор исследований в области языковых контактов, сравнительного изучения языков, а также социолингвистических аспектов славянских и неславянских языков; славяно-романские языковые отношения изучал Станислав Владимирович *Семчинский* (1931–1999); о социолингвистических аспектах украинского и русского языков, о вопросах билингвизма во времена СССР в марксистско-ленинском духе писал в ряде монографий Иван Константинович *Белодед* (1906–1981); Иван И. *Ковалик* (1907–1989), автор монографии «Вопросы именного словообразования в восточнославянских языках в сравнении с другими славянскими языками» (1958); Константин Константинович *Трофимович* (1923–1993) – специалист по серболужицким языкам, автор очерка «Серболужицкий язык» (1964), составитель

«Верхнелужицко-русского словаря» (1974); Михаил Андреевич *Жовтобрях* (1905–1995) – исследователь межславянских языковых связей: «Сравнительная грамматика украинского и русского языков», «Востоочнославянские языки» (1987; в соавторстве), «Очерк истории украинского советского языкознания (1918–1941)» (1991) и др.; Александр Саввич *Мельничук* (1921–1997) – автор работ по вопросам индоевропейского и славянского языкознания, в т. ч. монографии «Развитие структуры славянского предложения» (1966), работ по языку памятников древнерусского периода; преимущественно историей украинского языка занимался Степан Филиппович *Бевзенко* (1920–2004), написавший «Историю украинского языкознания. История изучения украинского языка» (1991); Анатолий Павлович *Непокупный* (1932–2006) занимался славяно-балтскими отношениями («Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений», «Балто-севернославянские языковые связи», 1976; «Балтийские родственники славян», 1979) и др.; Виталий Макарович *Русановский* (1931–2007) – автор исследований по вопросам славяно-украинского языкознания: «Структура лексической и грамматической семантики» (1988), «Происхождение и развитие востоочнославянских языков» (1980), «Структура украинского глагола» (1971), «История украинского литературного языка» (2001), «Источники развития востоочнославянских литературных языков» (1985) и др.

В постсоветский период славистические традиции на Украине продолжают развиваться как на университетском, так и на академическом уровне (в 1991 г. из Института языкознания АН Украины вычленился Институт украинского языка). Издана энциклопедия «Украинский язык» (2000), в ряде статей которой, к сожалению, памятники востоочнославянской письменности X/XI–XIV вв. квалифицированы только как украинские, замалчиваются достижения украинской славистики советского периода, хотя и называются некоторые работы, вышедшие именно в те годы. В международной опольской серии «Новейшие процессы в славянских языках» издан том «Украинский язык» (1999; ред. С. Ермоленко), в котором на разных уровнях рассмотрены проходившие в языке во второй половине XX в. процессы. Изданы словари по фразеологии и синонимии, ономастике и терминологии. Создана «Международная

ассоциация украинистов». Продолжают работать как слависты, чья научная деятельность развернулась в советское время, так и представители более молодого поколения. Серьезные заслуги в области украинской и славянской диалектологии и лингвогеографии, лексикологии и лексикографии, а также истории украинского языка принадлежат Иосифу Алексеевичу *Дзэндзелевскому* (род. 1921), издавшему в 3 частях «Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области УССР» (1958–1993), словарь «Украинско-западнославянские лексические параллели», работы по истории украинистики. Орест Борисович *Ткаченко* (род. 1925) – автор исследований по общему, славянскому и украинскому языкознанию, по социолингвистике и терминологии: «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков» (1979), «Очерки теории языкового субстрата» (1989) и др.; Василий В. *Нимчук* (род. 1933) исследует историю восточнославянского и украинского языков: «Староукраинская лексикография в ее связях с русской и белорусской» (1980), «Древнерусское наследие в лексике украинского языка», «Языкознание на Украине в XIV–XVII вв.», издал труды Зизания, Беринды, Славинецкого и др. Вопросы фонетики украинского и других языков разрабатываются в трудах: методом экспериментальной фонетики – Н. И. *Тоцкой*, статистическим методом – В. *Перебийносом*, в историческом аспекте – Виталием Григорьевичем *Скляреном* (род. 1937), ср. его монографии «Очерки исторической акцентологии украинского языка» (1983; в 2006 г. также «История украинского ударения. Имя существительное»), «Праславянская акцентология» (1998); в 2006 г. вышла его монография «Русь и варяги. Историко-этимологическое исследование», в котором отвергается скандинавская гипотеза и делается вывод о том, что оба этнонима возникли в среде балтских славян. Интонационную структуру простого предложения в славянских языках, а также вопросы сравнительно-исторической грамматики и лексикографии изучает Алла *Багмут* (род. 1929); Ирина М. *Железняк* исследует славяно-украинские древности («Рось и этнолингвистические процессы Среднеднепровского Правобережья», 1987); Татьяна *Лукинова* (род. 1927) занимается этимологией, изучением числительных, лексики; Григорий *Пивторак* (род. 1935) – автор ис-

следований диахронного направления: «Морфология инфинитива в восточнославянских языках (сравнительно-исторический очерк)», «Формирование и диалектная дифференциация древнерусского языка» (1988) и др.; Ф. Т. **Жилко** достиг больших успехов в изучении украинских диалектов, в т. ч. и в сравнительном плане: «Фонологические особенности украинского языка по сравнению с другими славянскими» (1963), «Очерки диалектологии украинского языка» (1966) и др.; Николай Васильевич **Никончук** (1937–2001) – диалектолог, исследователь полесских говоров Украины («Правобережно-полесские говоры в лингвогеографическом освещении», 1980; «Материалы к лексическому атласу украинского языка. Правобережное Полесье», 1979); с 1985 по 1990 гг. издал материалы к атласу Полесья в 5 книгах, а в 1994 г. и сам атлас; применяя метод моделирования, занимается лингвистической географией, украинскими диалектами, их взаимодействием с литературным языком, с другими славянскими языками и диалектами Павел Ефимович **Гриценко** (род. 1950), автор книг «Моделирование системы диалектной лексики» (1984), «Ареальное варьирование лексики» (1990), а также «Украинский диалектный фонофон» (2004; в соавторстве). В связи с ОЛА и диалектным атласом украинского языка ведется работа такими учеными, как И. **Матвийс**, А. **Залесский**, П. **Чучка**, П. **Лизанец**, А. **Москаленко** и др. Юрий Александрович **Карпенко** (род. 1929) изучает этно- и глоттогенез славян, исследует украинскую топонимию; Василий Викторович **Лучик** затрагивает вопросы славянского этногенеза и ономастики, он автор монографии «Автохтонные гидронимы Среднего Днепро-Бужского междуречья» (1996) и первого на украинском языке объемного университетского учебника «Введение в славянскую филологию» (2008); Александр Анисимович **Тараненко** исследует вопросы общей и украинской лексикологии и семантики, социолингвистические аспекты ситуации на Украине и развития литературного языка и др. Историческими аспектами восточнославянских языков и культур занимается Вера Юрьевна **Франчук** (род. 1932), автор монографий «Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении» (1986), «Летописные сказания о походе князя Игоря» (1988), ввела в научный оборот большое число ранее неизвестных документов,

написала монографию о А. А. Потебне. Серьезный вклад в разработку различных проблем украинистики и славистики внесли также И. А. *Стоянов*, Владимир *Горпинич* (род. 1927), Л. *Гумецкая*, Л. *Паламарчук*, Т. *Коломиец*, А. *Чередниченко*, М. *Худаш*, О. *Муромцева*, Т. И. *Панько*, С. *Ермоленко* и др.

9.4.3. Исследования украинских славистов вне Украины.

В силу обстоятельств за пределами Украины работали: в Чехословакии – Иван Артемьевич *Панькевич* (1887–1958), издавший в Праге фундаментальный труд «Украинские говоры Подкарпатской Руси и сопредельных областей. Фонетика и морфология» (1938), позднее «Очерк истории закарпатских говоров. 1. Фонетика» (1958), изучал памятники письменности XVI–XVIII вв.; в Польше – Михаил *Лесив* (пол. Łesiów) в монографии «Украинские говоры Польши» (1977) дал их систематическое описание; в США – Степан *Смаль-Стоцкий* (1893–1969), автор «Украинской грамматики» (1893; в соавторстве с Т. Гартнером) «Очерка словообразования украинских прилагательных» (1925) и др., вместе с жившим в Канаде Иваном Ивановичем *Огиенко* (1882–1972) издавал серию «Исследования по украинской грамматике»; в Канаде – Ярослав-Богдан *Рудницкий* (1910–1995) занимался исследованием украинской акцентологии, словообразования, издал монографию «Украинский язык и его говоры» (1937) и работал, но не завершил, над «Этимологическим словарем украинского языка» (1962–1966); Пантелеймон *Ковалев* (1898–1973) исследовал древнерусские памятники, издал 2-томный труд «Лексический фонд литературного языка киевского периода»; в Германии – Олекса *Горбач* (1918–1997), автор исследований по истории славянских языков, контактов между ними, памятников славянской письменности; Юрий Владимирович *Шевелев* (1908–2002) с конца 40-х гг. оказавшийся в Швеции, а затем в США, в 1979 г. издал «Историческую фонологию украинского языка», «Предысторию славянского языка. Историческая фонология общеславянского языка» (1964), где вопреки общепринятому мнению пытался доказать, что украинский язык произошел не от православнославянского, или древнерусского, языка – общего источника также для белорусского и русского языков, но – от праславянского

(непонятно в таком случае, как и из какого источника развивались остальные славянские языки).

* * *

Как видим, представленный синтезированный очерк охватывает период от начальных шагов славянской филологии в Восточной Славии и до ее развития и состояния на рубеже XX–XXI вв. Разумеется, при написании текста возникло множество проблем, связанных с определением доминанты в научной деятельности того или иного слависта и оценкой значимости его работ в развитии славянской филологии. Не менее сложным был и вопрос о самих исследователях, часть которых не была включена в очерк, в том числе и по причине ограниченного объема книги. Это следует иметь в виду при знакомстве с данным разделом.

II. ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Глава 3

Славянские народы. Краткий обзор

Литература

Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986.

История южных и западных славян. Т. 1–2. М., 1998.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.

Нидерле Л. Обзорные современные славянства. (Энциклопедія славянської філології. Вип. 2). С.-Петербург, 1909.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.

Флоринский Т.д. Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства. Съ двумя этнографическими картами. Киев, 1907.

Статьи «Славяне», «Белорусы», «Болгары» и т.д. в энциклопедиях и справочниках.

1. О современном славянстве

Славянство – это совокупность всех славянских народов с их языками, историей, культурой, а Славия – это весь славянский мир в его духовном и территориальном смысле. В качестве синонима к слову *народ* в науке часто используют греческий по происхождению термин *этнос* с тем же значением (или сочетание *этническая общность*). Что следует понимать под указанным термином? Этнос – это исторически, в течение веков и тысячелетий, сложившаяся

группа населения, сформировавшая в себе самосознание, связанное с общностью своего происхождения, языка и культуры в широком смысле слова. Уже в самом начале своего возникновения этнос связан с определенной территорией, на которой он проживает. При таких условиях постепенно формируется и самоназвание этноса, т.е. этноним, с помощью которого представители разных этносов могут идентифицировать себя и отличать от окружающих этносов, носящих иные этнонимы. Этномом обычно называют конкретный народ, а вот группу, скажем, родственных народов удобнее обозначать термином *макроэтнос*. Славяне как раз и являются примером макроэтноса, так как включают в себя целый список конкретных славянских этносов. В этом разделе книги пойдет речь о славянах вообще и о конкретных славянских народах – в частности.

На 90-е гг. XX – начало XXI вв. насчитывалось 12 славянских стран: Российская Федерация (многонациональная страна, однако основную часть населения в ней составляют русские), Белоруссия, Украина, Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Сербия, Черногория, Словения, Босния и Герцеговина, Хорватия. Славяне проживают также во всех неславянских республиках бывшего Советского Союза; в свое время по различным причинам они переселились и в некоторые страны Европы (Венгрия, Румыния, Греция, Германия, Австрия, Италия и др.), в страны Америки и даже в Австралию.

Дадим общую характеристику современного славянства, обратившись к вопросам их происхождения, к статистическим, антропологическим, историко-этнографическим и языковым данным, а также к вопросу о вероисповедании.

1. *По происхождению славяне* принадлежат к индоевропейцам – одной из самых многочисленных групп народов Земли. К индоевропейцам относятся также индийцы (кроме народов Индии, относящихся к дравидской группе), иранцы, германцы, романцы, балты и некот. др. Со временем они подверглись распаду, в результате которого выделились конкретные этносы, в том числе и славянские.

Считается, что приблизительно в течение VI–IX вв. (а возможно, и раньше) славяне, проживавшие на значительно отдаленных друг от друга территориях, формировали сознание своей принадлежности к единой этнической, т.е. славянской, общности. Доказа-

тельством тому является функционирование среди них самоназвания – общего этнонима *славяне*. Кроме того, наблюдаются совпадения племенных наименований: племена древних хорватов в районе Карпатских гор и хорваты на Балканах; северы, или северяне, дреговичи и кривичи восточной части Славии находят связь с северянами, драгувитами и кривичами Балканского полуострова; сербы северо-западного района Лужицы, и сербы балканские; ободриты на западе, в районе реки Эльба, и ободриты на юге, в районе Дуная, и т.д. Более того, ученые выявили также общность многих топонимов, т.е. собственных географических названий, распространенных на славянском севере и на славянском юге. Показательно, что в период опасности со стороны этнически чуждых народов сознание славянского этнического единства только усиливалось. Так происходило, когда, например, на западных и на часть южных славян надвигались представители германоязычного мира, на большую часть южных славян – греко-византийского, а также турецкого, итальянского и венгерского. В раннефеодальную эпоху и позднее самосознанию славян способствовало появление у них собственных языков в результате постепенного распада праславянского языка. Так, в начале XIII в. чехи, например, уже осознавали, что говорят не просто на «славянском» языке, но – на чешском. Однако принадлежность к славянскому миру хотя и несколько приглушалась, тем не менее не исчезала вовсе.

2. Ныне *славяне* относятся к наиболее многочисленным индоевропейским народам. В Европе *по численности* это самая большая группа, насчитывающая на конец XX – начало XXI вв. приблизительно 315 млн. человек, что составляет примерно 35% от всего населения континента. Однако произвести точный подсчет непросто: часто его делали «на глазок»; далее, не всегда надежными оказываются и переписи населения, во время которых людей считают то по языковой принадлежности, то по их этнической самоидентификации (т.е. по тому, как они сами себя называли); кроме того, нередко цифры округляют, а массовые переселения части тех или иных этносов на другие территории и вовсе делают картину весьма приблизительной. Представим численный состав славянских народов:

Таблица № 1

<i>народы</i>	<i>в стране проживания (в млн. чел.)</i>	<i>всего (в млн. чел.)</i>	<i>оценка по состоя- нию на годы</i>
<i>вост.-славянские</i>		202	
белорусы	8,2	10	1995–1999
русские	120	146,5	1995
украинцы	37,4	46	1995
<i>юж.-славянские</i>		32,4–34,5	
болгары	7,85	8,45	1992
македонцы	1,4	2,35	1995
сербы	6,5	10–12	2002
черногорцы	0,6		2003
боснийцы-мусульма- не/босняки	1,8	2,1	рубеж XX–XXI вв.
хорваты	4,5	5,7	нач. XXI в.
словенцы	1,6	2,1 –2,2	2002
югославы/югославяне	1,2		1981
<i>зап.-славянские</i>		78–78,5	
словаки	4,6	6,5	2005
чехи	8,4	10,4	нач. XXI в.
поляки	37,4	60	2002
кашубы	51 тыс. 300 тыс. + 185 тыс. «по- лукашубов»		перепись 2002 г. кон. XX в. (социо- лог. данные)
серболужичане: верхние нижние	60 тыс. 40 тыс. 20 тыс.		нач. XXI в.

Примечание: во многих случаях приводимые данные нужно воспринимать со словами «около», «примерно» и т.д.; «полукашубы» – условный этносоциологический термин, подразумевающий, что одним из родителей является не кашуб по происхождению.

3. По антропологическим данным (антропология изучает эволюцию человека, особенности физического строения людей в раз-

ных частях Земли) славяне принадлежат к европеоидной расе и распределяются по следующим группам:

а) *средиземноморская подраса*, в которую входит большая часть болгар: антропологически это низкорослые, темноглазые, темноволосые и круглоголовые люди;

б) *прибалтская подраса*, охватывающая большую часть белорусов и поляков; признаки: высокий рост, светлые волосы и глаза, в основном длинноголовые;

в) *переходная*, или *континентальная*, *подраса*, которую составляют южнорусы, украинцы, словаки, чехи, сербы и хорваты, характеризуется сочетанием признаков первых двух подрас;

г) так наз. *лапаноидальная подраса*, куда входят русские севера и белорусы Полесья: низкий рост, широкое лицо, круглоголовость, слабо выступающий нос.

Существуют и другие антропологические классификации, лишь частично совпадающие с представленной выше.

4. *С историко-этнографической точки зрения* среди славян выделяется несколько зон: западная, восточная, прикарпатская, балканская и адриатическая. Достаточно отчетливо проявляется контраст между севером и югом Славии: так, для севера характерно разведение крупного рогатого скота и хлебопашество, в то время как на юге в основном занимаются овцеводством и виноградарством. Для каждой зоны выделяются специфические черты в традиционной материальной культуре, как, например, типы построек, хозяйственных орудий, предметов быта, одежды и украшений. Разумеется, особенностями характеризуется и духовная культура, т.е. обычаи, верования и связанные с ними обряды и под.

5. *В языковом отношении* также проявляются различного рода особенности. Если говорить о близости между языками, то наибольшей степенью такой близости обладают, например, восточнославянские языки (внутри них между собою особенно – белорусский и русский), среди западнославянских – прежде всего словацкий и чешский, а среди южнославянских – в рамках сербско-хорватского языка – сербский, хорватский, боснийский, далее между собой – болгарский и македонский. Если задать вопрос о том, какие славянские языки более всего отстоят друг от друга, то это обычно

географически отдаленные. Таковы, например, русский и словенский, русский и чешский, русский и серболужицкие, болгарский и серболужицкие и т.д.

Языковое и этническое родство славян является базой для возникновения сознания о славянской общности и даже единстве. Это помогало им в разные периоды в их борьбе с захватчиками: с X–XI вв. – с немецкими феодалами, которые надвигались на западных и часть южных и восточных (белорусы, украинцы) славян; с XIII в. – с татаро-монголами, напавшими на восточных славян; в XIV–XIX вв. – с турками, оккупировавшими южнославянские земли, и т.д. В XIX в. лишь русские имели независимое государство.

6. В религиозном отношении славяне не едины. Религиозные различия отразились на особенностях материальной и духовной культуры славян. Православные славяне испытали влияние греко-византийской культуры: это русские, основная часть украинцев и белорусов, сербы, черногорцы, болгары, македонцы. При этом православные славяне с формированием Московского государства ориентировались на его культуру, т.е. на русскую. Католическая часть славянства подверглась так наз. западному влиянию, которое проявилось в общественном быте, одежде, архитектуре, в языке поляков, кашубов, чехов, словаков, серболужичан, словенцев, хорватов (а также части западных украинцев и белорусов, принявших католичество или униатство). Ислам коснулся некоторой части южных славян на Балканах, являясь результатом многовекового турецкого правления. Сформировался даже самостоятельный мусульманский этнос – боснийцы-мусульмане (босняки), являющиеся потомки исламизированных сербов и хорватов. Исповедуют ислам и небольшие группы македонцев и болгар. Существует интересная закономерность: православные славяне используют на письме кириллицу, славяне-католики – латиницу, боснийцы-мусульмане – обе системы.

2. Славяне на автохтонных землях

Современные славянские народы проживают на своих исконных, т.е. автохтонных, землях многие века. Это обширные пространства Центральной и Восточной Европы: с севера – от Балтий-

ского моря до Адриатического и Эгейского на юге и далее до Черного моря; с запада от рек Одра (нем. Одер) и Лаба (нем. Эльбе) и на юго-запад до Альп к истокам реки Сава, а на востоке до Волги. С XVI в. восточные славяне продвигаются за Волгу, в Приуралье и далее постепенно осваивают Сибирь и Дальний Восток вплоть до Тихого океана. Определенная часть славян, в силу различных экономических, социально-политических, религиозных и иных причин, в разные эпохи переселялась в другие земли, оказываясь в них в окружении родственных или неродственных по происхождению народов в виде более или менее компактных этноязыковых островов или же в рассеянии среди местного населения, образуя таким способом этническую диаспору.

Традиционно, учитывая близость происхождения, славянские этносы распределяются по трем группам – восточной, южной и западной. Такому этническому разделению соответствует и традиционная классификация славянских языков. Проведем по указанным трем группам обзор славян: сначала – расселенных на автохтонных землях, а затем – в переселении.

2.1. Восточные славяне

Восточные славяне – белорусы, русские и украинцы, являются самой многочисленной и территориально самой широко распространенной группой. Их насчитывается более двух третей от всего славянства. В советское время, с 1922 по 1991 гг., эти народы входили в состав СССР, имея автономный статус в виде союзных республик – Белорусской Советской социалистической республики (БССР), Российской Советской Федеративной социалистической республики (РСФСР) и Украинской Советской социалистической республики (УССР). С 90-х гг. XX в. восточные славяне стали державотворными народами трех славянских стран – Белоруссии, России (Российской Федерации) и Украины. Восточные славяне проживают также в виде этнических островов или в рассеянии во всех неславянских республиках бывшего Советского Союза, в 90-е гг. ставших самостоятельными государствами. Немалое их число обнаруживается в ряде стран Центральной и Западной Европы и особенно – в США и Канаде.

Восточные славяне связаны между собой не только общностью происхождения, но и, в отличие от южных и западных славян,

общностью исторических судеб, что проявляется также в сфере их духовной и материальной культуры и, разумеется, в языках. Приблизительно в середине I тысячелетия н. э. (а возможно, и ранее) их предки обособились от других славянских племен и распространились на огромных территориях Восточной Европы. Среди этих племен были **древляне, поляне, кривичи, северяне, вятичи, словене, дреговичи, радимичи, полочане**, бужане, тиверцы, хорваты, **волыняне, дулебы**, уличи и др. Постепенно на их основе сформировалась восточнославянская (или, по-другому, древнерусская) народность, которая до XIV в. сохраняла большее или меньшее единство. Однако уже с XIV–XV вв. наблюдается дифференциация восточнославянских племен: на западе выделяются предки белорусов, на юго-западе – украинцев, а на востоке и севере – русских.

1. Белорусы (самоназвание *белару́сы*, ед. ч. муж. р. *белару́с*, жен. р. *белару́ска*). Сформировались на основе племен дреговичей, полоцко-смоленских кривичей и радимичей, которые восходят к славянской общности, населявшей бассейны Верхнего Днепра, Верхней Двины (Западной) и Верхнего Понёманья. В состав белорусов влились отдельные группы других восточнославянских племен, а также довольно значительное балтское население. Еще до времен Киевской Руси сформировалось ряд княжеств, главными из которых были Полоцкое и Туровское. В процессе распада Киевской Руси эти княжества снова выделились. Северо-восток Белоруссии вошел в состав Смоленского княжества, юго-восток – в состав княжества Черниговского, юго-запад – Волынского, на северо-западе сформировалась так наз. Черная Русь (см. также «2. Русские»).

Процесс формирования белорусской народности завершился в первые века существования Великого княжества Литовского (XIII–XV вв.). Становление нации усложнялось политикой полонизации, а затем русификации, а также конфессиональными противоречиями (православие, католичество, униатство, протестантизм). При идентификации представителей белорусского народа этнический фактор часто подменялся конфессиональным: православных относили к русским, католиков – к полякам. Из этнорегиональных групп можно выделить *полешиуков /полещук*ов, проживающих в историко-географической области Полесье; особо – *западных полешиуков*, на-

зываемых *пинчуки*, *берестюки* или *загородцы* (заселяют основную часть Брестско-Пинского Полесья). Имеются попытки на базе говоров указанного региона создать западнополесский литературный микроязык.

В религиозном отношении белорусы преимущественно православные, есть также значительное число католиков (ок. 25%), сосредоточенных на северо-западе республики.

В 1918 г. провозглашена Белорусская Народная республика, в 1919 г. образована Белорусская Советская социалистическая республика (БССР), в 1922 г. вошедшая в состав СССР; с 1991 г. – независимое государство Республика Белоруссия (белор. *Рэспубліка Беларусь*). Численность населения на 1999 г. – 10, 1 млн. чел., из них белорусов 8,2 млн. (или 81,2%). Значительное число белорусов проживает в бывших республиках СССР, в некоторых странах Европы и Америки. С учетом этого общая их численность приближается к 10 млн. (1995). Официальные языки – белорусский и русский. Некоторое распространение имеют также польский (в 1999 г. им владели 174,5 тыс. чел.), украинский (156,2 тыс.), литовский (более 4 тыс.) языки. Столица и культурный центр – г. Минск.

2. Русские (самоназвание *русьские*, ед. ч. муж. р. *русский*, жен. р. *русская*). Приблизительно к X в. на основе восточнославянских племенных союзов складывается восточнославянская (или, по-другому, – древнерусская) народность. Однако процессу ее дальнейшей консолидации воспрепятствовал распад Древнерусского государства (Киевской Руси). Дальнейшее объединение сформировавшихся княжеств, оказавшихся в составе нескольких государств – Московского Великого княжества, Великого княжества Литовского и позднее Речи Посполитой (Польши), послужило толчком для распада восточнославянской народности на три этноса – белорусов, русских и украинцев. Если говорить о русском народе, то решающую роль в его формировании сыграли потомки таких племен, как словене новгородские, юго-западные кривичи (верховье бассейнов Днепра, Волги, а также Оки, Псковско-Ильменского поозерья), северяне (бассейн Десны и прилегающих регионов), а также вятичи и др. В процессе распространения указанных племен и формирования великорусской народности были ассимилированы некоторые фин-

но-угорские племена, жившие на Русской равнине, например, весь, мурома и др. Можно сказать, что вплоть до конца XIX в. в понятие *русские* включались собственно русские, или великорусы (великороссы), а также малорусы (малороссы), т.е. украинцы, и белорусы. Однако постепенно, в связи с углублением национальных различий и развитием национального самоопределения, этноним *русские* стали употреблять только по отношению к собственно русским.

В результате освоения новых земель, смешения старосельцев с новыми переселенцами, контактов с местным, родственным или неродственным по происхождению, населением, спецификой природных и проч. условий формируются этнические подразделения русских, обладающие специфическими чертами быта, культуры и речи. Такие черты проявлялись уже между двумя исторически сложившимися этнографическими зонами великорусов – севернорусской (от бассейна Волхова на западе до Мезени и верховьев рек Вятки и Камы на востоке) и южнорусской (от бассейна Десны на западе до правого притока Волги Суры на востоке, от Оки на севере до Хопра и среднего течения Дона на юге). Между пространствами, занятыми северными великорусами и южными великорусами прошла полоса, называемая переходной среднерусской зоной (междуречье Оки и Волги). В этой зоне с XIV в. складывается русская государственность и проходит постепенное формирование русской народности.

На огромной территории распространения русского народа сформировалось множество его этнорегиональных групп: *поморы* (у Белого и Баренцева морей), *мещёра* – результат ассимиляции местных финно-угорских племен (север Рязанской, Тамбовской, островки в Пензенской и Саратовской областях); исторически связанные с южнорусским и украинским населением *казаки*, старообрядческая группа *кержаков* (на среднем Урале), *русскоустыинцы* (в селе Русское Устье на р. Индигирке), *камчадалы* (полуостров Камчатка) и др., за пределами России – *литоване* (Добруджа, Румыния) и т.д.

В религиозном плане русские являются православными.

Исторические этапы развития русских и их государства:

- IX–XII вв.: образование и функционирование Руси – Древнерусского государства (Киевской Руси)

- X в.: принятие христианства ок. 988 г.
- XII–XIV вв.: образование и функционирование княжеств Новгородского, Владимиро-Суздальского, Галицко-Волынского и др.
- XIII в.: монголо-татарское нашествие (до XV в.)
- XIII–XIV вв.: Русь делится на Белую (→ Белоруссия), Малую (→ Украина) и Великую (→ Россия)
- XIV в. и далее: объединение Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в централизованное государство вокруг Москвы
- XV–XVII вв.: Московское государство
- XVI в.: продвижение за Волгу, в Приуралье
- XVII в.: продвижение в Сибирь и в XVIII–XIX вв. на Дальний Восток вплоть до Тихого океана
- XVII в. (в середине): Украина вошла в состав Российского государства
- XVII (конец) – XVIII (первая четверть) вв.: реформы Петра I
- XVIII в. (конец): Белоруссия вошла в состав Российской империи
- XVI–XIX вв.: образование и функционирование Российской империи
- XX в.: Октябрьская революция 1917 г., провозглашение советской власти, образование в 1918 г. Российской Советской социалистической республики (РСФСР), в 1922 г. вхождение в состав СССР, с 1991 г. – независимое государство (*Российская Федерация*).

Численность населения России – 147, 1 млн., из них русских ок. 120 млн. (81,5%). Значительное число русских проживает в неславянских республиках СССР, с 90-х гг. ставших самостоятельными государствами (на этих территориях отрезанными от России оказались свыше 25 млн. русских и русскоязычных (по другим данным – около 50 млн.), в Америке (главным образом в США), а также в ряде стран Европы. Общая их численность – 146,5 млн. (1995). Россия – многонациональное государство, в котором, помимо русских, проживает еще более ста народов, в т. ч. крупные популяции белорусов и украинцев. Официальный язык – русский, выполняющий одновременно роль языка межнационального общения. По данным на 1990 г., говорящих на русском языке насчитывается более 250 млн. человек. Столица и культурный центр – г. Москва:

роль второго культурного центра выполняет Санкт-Петербург (в советское время – Ленинград).

3. Украинцы [самоназвание *українці*, ед. ч. муж. р. *українець*, жен. р. *українка*; -ї- = *йи*; на -(й)и падает и ударение]. Этнической основой украинского этноса стали древнерусские (восточнославянские) племена тиверцев, уличей, древлян, волынян, полян и др., создавших Древнерусское государство (Киевскую Русь, IX–XII вв.), а затем и Галицко-Волынскую Русь XII–XIV вв. (обширнее см. «2. Русские»). Важнейшим центром складывания украинского этноса в XIV–XV вв. стало Среднее Поднепровье (Киевское, Чернигово-Северское княжества), к которому тяготели также Волынское, Галицкое и некоторые другие княжества. Процессы консолидации украинцев как этноса проходили в XVI–XVII вв. в условиях сложной этнополитической ситуации, вызванной захватом части украинских земель венгерскими, польскими и литовскими феодалами. С конца XV в. начались набеги утвердившихся в Северном Причерноморье татарских ханов. В XVI–XVII вв. в борьбе с иноземными завоевателями украинская народность сумела консолидироваться, при этом важнейшую роль сыграло в этом направлении возникновение казачества (XV в.), которое сумело создать свое государственное образование (XVI в.) – Запорожскую Сечь. Существенным фактором этнической истории украинцев XVII в. стало создание в результате освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого украинского государства – Гетманщины и вхождение его на правах автономии в состав Российской империи (1654), что создало предпосылки для дальнейшего объединения украинских земель. Окончательное объединение украинцев в единый этнос завершилось приблизительно в XIX в. Из этнорегиональных групп выделяются: *карпаторусины, гуцулы, лемки, бойки* (Закарпатье) и некот. др.

Верующие украинцы преимущественно православные. В Галиции и на Закарпатье преобладают греко-католики, есть небольшое количество римо-католиков.

К 1917–1920 гг. относится функционирование Украинской Советской социалистической республики (УССР), Украинской Народной республики, Западно-Украинской Народной республики, Украинской державы; с 1920 г. после советско-польской войны Западная

Украина отходит к Польше, а в 1939 г. – к УССР; в 1945 г. Закарпатская Украина в составе УССР; с 1991 г. Украина – независимое государство (укр. *Республіка Україна*).

Численность населения Украины – 52, 3 млн. человек, из них украинцев 37,4 млн. (72,7 %). Значительное число украинцев проживает в неславянских республиках СССР, с 90-х гг. ставших самостоятельными государствами, в Америке (главным образом в Канаде и США), а также в некоторых странах Европы. Общая их численность – 46 млн. (1995). Помимо украинцев, на Украине проживают некоторые другие народы, в т. ч. русские и белорусы. Официальный язык – украинский. Столица и культурный центр – г. Киев; роль второго культурного центра выполняет Львов.

3.1. (Карпато)русины – см. главу 12 «Языки современных славянских наций. 2.3.3.1. Язык и языковой вопрос (Под)карпатской Руси».

2.2. Южные славяне

В этническом и языковом отношении южные славяне ближе всего стоят к восточным славянам. Согласно традиционной точке зрения, их предки были вовлечены, наряду с германскими, сарматскими и др. племенами, в исторический процесс «Великого переселения народов», проходившего с IV по VII вв. в направлении восточной части Римской империи и в конечном счете разрушившего ее. При такой трактовке проблемы большая часть Балканского полуострова была колонизована пришедшими сюда славянами. Однако существует и иная точка зрения на происхождение южных славян, согласно которой их предки, как и предки всех славян, жили близ указанной выше территории изначально: именно с Дуная славяне стали распространяться на север, а оттуда – в западном и восточном направлении (подробнее о дунайско-балканской гипотезе см. гл. 4 «Славянская прародина»).

В настоящее время южные славяне, к которым относятся болгары, македонцы, сербы, черногорцы, боснийцы, хорваты и словенцы, а также «югославы / югославяне», проживают соответственно в Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Хорватии и Словении и являются в них державотворными народами (кроме «югославов / югославян»). Они проживают также в виде

этноязыковых островов или же в рассеянии в ряде стран Европы, а также Америки.

До IX–X вв. они имели тесные связи с западными славянами, однако эти связи были прерваны из-за продвижения германских племен на Дунай (результатом чего является современная Австрия) и венгров в Паннонскую низменность (осев здесь, они создали Венгерское государство). От восточных славян южные отделены румынами. Таким образом, в отличие от восточных и западных славян, непосредственно соседствующих друг с другом, южные изолированы от остального славянского мира, что, естественно, наложило определенный отпечаток на историю, быт, культуру и язык этой части славянства. В отличие от западных славян, утративших в процессе исторического развития несколько народов (полабов, словинцев), южные, напротив, выделили из своей среды (правда, в новейшее время) несколько молодых этносов – черногорцев, македонцев, боснийцев, а в XX в. – так наз. югославов, или югославян.

Южных славян связывает между собой общность отдельных периодов истории, которую они пережили, особенности связей с окружающими неславянскими соседними народами, специфика быта и культуры, а также близость языков. Так, сербы, черногорцы, хорваты (часть), боснийцы и «югославы» говорят на языке, который генетически, т.е. по происхождению, является единым и единственным. Традиционно до 90-х гг. XX в. его называли сербско-хорватским или хорватско-сербским. С 90-х гг. в связи с развалом Югославии – страны, в которой все они проживали, стали говорить о сербском, хорватском и боснийском как об отдельных языках (к которым, видимо, добавляется также и так наз. черногорский). В немалой степени к такой дифференциации подталкивал религиозный фактор (сербы и черногорцы – православные, боснийцы – мусульмане, хорваты – католики), а также социально-экономические и проч. различия.

1. Болгары (самоназвание *българи*, ед. ч. муж. р. *българин*, жен. р. *българка*; ъ при произношении несколько напоминает *а*, но не *ы*; ударение стоит на -ъ-). Основу формирования болгарского этноса составили три неродственных по происхождению этнических компонента: 1) славянский, состоявший из переселившихся на Балка-

ны, – согласно традиционной точке зрения, в пределы Восточно-Римской (Византийской) империи, с северо-востока ряда племен; 2) фракийский (фракийцы – племена восточной части Балканского полуострова, на земли которых пришли славяне); 3) тюркский, состоявший из тюркоязычных булгар (называемых также протоболгарами), которые пришли на уже занятые славянами балканские земли в 670-е гг. с северо-востока – из так наз. Волжской Булгарии (Болгарии) и из причерноморских степей в составе войск князя Аспаруха.

Уже в VII в. здесь было создано Первое Болгарское царство. Славяне ассимилировали частью романизированных фракийцев. Затем тюркоязычные булгары, захватив утвердившихся на востоке Балкан славян, стали управлять ими, однако постепенно растворились среди них, т.е. ассимилировались, оставив им свое имя. При этом славяне сохранили свое славянское самосознание. Этноним *болгары* окончательно утвердился в конце IX – начале X вв. Следы же протоболгарского этноса прослеживаются до XI в. Постепенно понятие «болгары» стало ассоциироваться со всеми поданными болгарского государства, в то время как этноним *славяне* продолжал использоваться в этническом, а также вероисповедном значении. Сближение этнонимов произошло, вероятно, лишь во времена правления царя Симеона (893–937). Отходит на второй план и до того использовавшийся лингвоним *славянский язык*, вытесненный новым названием *болгарский язык*.

В формировании болгарского этноса участвовали смолены, стримонцы, тимочане и др. племена, в том числе и не известные по имени. Процессу этнической консолидации болгар препятствовали столкновения с Византией, а также вторжение в XIV в. турок (оно прервало существование Второго Болгарского царства) и пятивековое их правление. Несмотря на это большая часть болгар сохранила свое этническое самосознание и свою самобытность, и лишь отдельные группы населения подверглись со стороны турок ассимиляции и исламизации. Складывание болгарской нации началось лишь с конца XVIII в. Как следствие этнокультурных, религиозных и некоторых других факторов, влиявших на болгарское население, появились специфические этнические подразделения болгар: *шопцы* в западной части Болгарии (также в Македонии и в Восточной

Сербии), *рупцы* (название по Родопской области), *помаки* – предки болгар, перешедших в XVI–XVIII вв. в ислам и проживающих в Родопских горах (Болгария), а также в Греции (в районе Ксанти), *банатские болгары*, или *болгар-католики*, переселившиеся с XVIII в. В Банат (ныне частью в Сербии и частью в Румынии) и др.

В религиозном отношении преимущественное большинство болгар православные; имеется также небольшое число католиков (за пределами Болгарии – банатские болгары) и мусульман (помаки).

Численность населения Болгарии (болг. *Република България*) – 9 млн. человек, из них болгар 7,85 млн. (85%). Некоторая часть болгар проживает за пределами Болгарии – в некоторых европейских странах, а также в Америке. Общая их численность – 8,45 млн. (1992). В Болгарии проживают также некоторые другие народы (македонцы, турки, русские и др.). Официальный язык – болгарский. Столица и культурный центр – г. София.

2. Македонцы (самоназвание *Македонци*, ед. ч. муж. р. *Македонец*, жен. р. *Македонка*; этнонимы по-македонски пишутся с заглавной буквы; ударение на третьем слоге от конца слова). Современная Македония расположена на территории исторической области Македония, которая в глубокой древности была заселена фракийцами, иллирийцами, а позднее и греками. Славяне, согласно традиционной точке зрения, появились здесь в VI и VII вв. в результате «Великого переселения народов». С VII в. в составе Первого Болгарского царства, в X в. – Западно-Болгарского царства, в XIII в. – Второго Болгарского царства. Затем славяне македонской части оказываются в составе Сербского государства, с конца XIV в. их завоевывают турки. Лишь в XIX в. македонские славяне вместе с болгарами освобождаются благодаря Российской империи от турецкого ига. В это же время формируется движение за национальное Возрождение македонцев, тесно связанное с болгарским движением. Македонское этническое самосознание получает свое развитие во Вторую мировую войну, когда в условиях народно-освободительной борьбы народов Югославии против фашистской Германии налаживается печать на македонском языке и устанавливаются основы литературного языка.

В языковом и этническом отношении наиболее близки к болгарам. С глубокой древности и до новейшего времени составляли с ними этноязыковое единство. Старославянский язык был создан в IX в. как литературно-письменный язык на базе болгаро-македонских говоров окрестностей греческого города Фесалоники, или просто Солоники (устар. Солунь).

Проблема «болгары – македонцы» особенно остро встала в XX в. в связи с тем, что болгары не признали отделения македонцев, оказавшихся в составе Югославии, а затем и провозгласивших себя самостоятельным этносом со своим литературным языком. В соответствии с официальной болгарской точкой зрения македонцы признаются этнорегиональной группой болгарского народа, а их язык – региональной (западной по расположению) формой болгарского языка. Тем не менее более чем полувековое существование македонской нации и македонского языка позволяют считать их самостоятельным этноязыковым феноменом.

Из этнорегиональных подразделений македонского этноса следует выделить македонских *торбешей*, принявших к концу XVII в. ислам; в области Гора – *горанцы* (в Пиринской Македонии для них используется этноним *помаки*), *эгейские македонцы* (Эгейская Македония, Греция).

В религиозном плане македонцы главным образом православные; имеется небольшое число мусульман, т.е. исламизированных македонцев.

В XX в. Македония поделена между Сербией (Вардарская Македония), Болгарией (Пиринский край) и Грецией (Эгейская Македония); с 1918 г. в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии); с 1945 г. – в составе Народной Федеративной Республики Югославии, с 1963 г. – Социалистическая Республика Македония в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), с 1991 г. – независимое государство Республика Македония (макед. *Република Македонија*). Соседняя Греция не признает Македонию, требуя от македонцев изменить название страны, поскольку считает его исторически своим. Вместо названия «(Республика) Македония» в Греции используют сочетание «(Республика) Скопье». Численность населения Маке-

донии – 2,06 млн. человек, из них македонцев ок. 1,4 млн. (1995). Часть македонцев проживает за пределами Македонии – в некоторых европейских странах, а также в Америке и в Австралии. Общая их численность – ок. 2, 35 млн. В Македонии проживает также значительное число других народов – албанцы, турки, сербы и др. Албанцы – самый многочисленный народ после македонцев, составляющий примерно 25% населения страны. Официальный язык – македонский. Столица и культурный центр – г. Скопье.

3. Сербы (самоназвание *Срби*, ед. ч. муж. р. *Србин*, жен. р. *Српкиња*; «ударение» падает на слоговое *-р-*; *-њ-* – мягкое *н*). Предки сербов, как и других южнославянских народов, утвердились, согласно традиционной точке зрения, на Балканах в VII в., где они ассимилировали местное фракийское и иллирийское население. Расселившись в бассейнах рек Дрина, Лим, Тара, Западная Морава и др. (ныне это западная часть Сербии, Черногория, большая часть Боснии и Герцеговины, часть Далмации, в настоящее время находящейся в пределах Хорватии), их предки объединялись в небольшие полугосударственные образования, называемые Славиниями. Но уже в IX в. они смогли создать первое сербское княжество Рашка и консолидироваться в самостоятельный этнос. Примерно в 867–874 гг. сербы приняли христианство, что стало одним из толчков к формированию единой древнесербской народности. Однако уже с конца XI в. отмечается отделение особой этнической и политической общности в Боснии, хотя в целом Сербия как государство значительно укрепляется с этого времени. Важно отметить, что на этническую историю сербов в средние века оказала большое влияние Византия. Однако турецкое нашествие в конце XIV в. сильно затормозило этническое развитие сербов (часть из них была исламизирована и вошла, наряду с исламизированными хорватами, в состав нового этноса – боснийцев), хотя в то же время и способствовало их борьбе за национальное самоопределение. Выделяется ряд этнорегиональных групп: *шумадийцы*, *ужичане*, *мачванe* и некот. др. Особой спецификой обладали *галипольские сербы*, проживавшие на Галипольском полуострове (в европейской части Турции), которых называли также турецкими сербами. В 1922 г. большая их часть переселилась в Македонию.

С 1918 г. Сербия вместе с Черногорией становится частью Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), с 1945 г. Югославия становится Федеративной Народной Республикой Югославией, состоявшей из пяти республик, – Сербии, Черногории, Македонии, Хорватии и Словении, с 1963 г. – Социалистической Федеративной Республикой Югославией (СФРЮ), в которую составили шесть Социалистических республик (СР): помимо 5 указанных выше, еще СР Босния и Герцеговина. После развала СФРЮ, с 1992 по 2003 г. вместе с Черногорией Сербия образовала Союзную Республику Югославию, с 2003 г. Сербия – составная часть Государства Сербии и Черногории, с 2006 г. – независимое государство Республика Сербия (серб. *Република Србија*). Нерешенным на начало XXI в. остается вопрос об исконно сербской исторической области Косово, в которой ныне албанское население, вытеснившее большую часть сербов, составляет около 90%. Трагическая судьба косовских сербов усугубляется тем, что албанцы военными действиями и при поддержке извне отделили Косово от Сербии.

Численность населения Сербии – ок. 7,5 млн. человек, из них сербов 82,8 %, что составляет ок. 6,5 млн. человек (по данным сайта Правительства Республики Сербия на 2002 г.). Часть сербов проживает в бывших республиках Югославии, в некоторых европейских странах, а также в Америке и в Австралии. По разным источникам, общая их численность – от 10 до 12 млн. человек. В Сербии проживает также значительное число народов бывшей Югославии, в т.ч. албанцы, венгры, словаки, турки, южнорусины и др. Официальный язык – сербский [см. также гл. 13 «Языки современных славянских наций. 3.4. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский)»]. Столица и культурный центр – Белград; роль культурного центра играет также г. Новый Сад, где расположено национальное учреждение сербского народа «Матица Сербская».

4. Черногорцы (самоназвание *Црногорци* / *Crnogorci*, ед. ч. муж. р. *Црногорац* / *Crnogoras*, жен. р. *Црногорка* / *Crnogorka*; ударение на первом -о-; второе -о- в формах мн. ч. и жен. р. долгое). Предки черногорцев, как и сербов и других южнославянских народов, оказались, согласно традиционной точке зрения, на Балканах с VII в., заняв южную часть Динарского нагорья, прилегающего к

Адриатическому морю. Первоначально их княжество называлось Дукля (а население – дукляне), позднее – Зета (население – зетцы или зетчане). Название «Черногория» утверждается лишь с XV в.

Процесс этнической самоидентификации черногорцев был сложным. В течение многих веков жившее на территории нынешней Черногории население идентифицировало себя с сербами, и лишь в годы Первой мировой войны формируется мысль о самостоятельности черногорского этноса. Эта тенденция усилилась среди части населения с 1918 г., когда Черногория вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), и утвердилась после Второй мировой войны: новая власть признала их самостоятельной нацией и по переписи 1948 г. приблизительно 90% населения республики определилось черногорцами. Однако и до настоящего времени среди черногорцев нет единого мнения о своем этническом статусе: часть из них считает себя самостоятельным этносом (хотя и близком к сербам), другая относит себя к сербскому народу.

С 1928 г. Черногория находится в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), с 1945 г. в Федеративной Народной Республике Югославии вместе с Сербией, Македонией, Хорватией и Словенией, с 1963 г. – в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в которую, кроме них, вошла СР Босния и Герцеговина. После развала СФРЮ, с 1992 по 2003 г. вместе с Сербией Черногория образовала Союзную Республику Югославию, с 2003 г. Черногория – составная часть Государства Сербии и Черногории, с 2006 г. – независимое государство Республика Черногория (серб. *Република Црна Гора*). По переписи 2003 г. численность населения Черногории составляет ок. 640 тыс. человек, из них черногорцев 41% (а вместе с живущими здесь сербами – 71%). Часть черногорцев проживает в бывших республиках Югославии (в Сербии их примерно 145 тыс.), в некоторых зарубежных странах. В Черногории, помимо черногорцев и сербов, проживают также албанцы, боснийцы и некоторые другие народы. Официальный язык – сербский, в последние годы так наз. черногорский. Столица и культурный центр – г. Подгорица (во времена СФРЮ – Титоград); роль культурного центра играет также г. Цетинье.

5. Боснийцы, боснийцы-мусульмане / босняки (и герцеговинцы). В связи с самоназванием жителей Боснии существует большая проблема. Внутри Боснии и Герцеговины официально различаются два названия по отношению к населению Боснии:

1) *Босанци / Bosanci*, т.е. ‘боснийцы’ (ед. ч. муж. р. *Босанац / Bosanaц*, жен. р. *Босанка / Bosanka*) – это название всех жителей Боснии, к которым принадлежат боснийцы-мусульмане, боснийские сербы, боснийские хорваты и др.; в этом случае в терминологическом плане речь идет о *боснийцах* как об этнотопониме, выражающем региональную, или территориальную, принадлежность;

2) *Бошњаци / Bošnjaci* ‘босняки, бошняки’ (ед. ч. муж. р. *Бошњак / Bošnjak*, жен. р. *Бошњакиња / Bošnjakinja*) употребляется как этноним и выражает национальную принадлежность, включающую в себя только боснийцев-мусульман, которые говорят на боснийском языке, наследуют боснийско-мусульманскую и боснийскую традиции и ведут свое происхождение от славян средневековой Боснии, которые тогда назывались «бошнянами» – *Bošnjani*. Боснийцы-мусульмане как этнос принадлежат одновременно двум цивилизациям – восточной (по исламскому вероисповеданию) и европейской (по славянскому языку).

Однако в бытовой ситуации такое различие нередко нарушается: немало людей предпочитает говорить о себе как вообще о боснийцах.

Согласно традиционной точке зрения, со времени заселения в VII в. славянами той части Балкан, где ныне находится Босния, можно говорить о единой этносоциальной общности, центральное место в которой занимало «сербское ядро». Однако уже с XI в. в рамках Боснийского государства формируется особая этносоциальная группа, впоследствии обозначившая себя этнонимом «бошняни», т.е. боснийцы. Некоторое время Босния находилась под властью венгров. Оказавшись под Османским владычеством, «бошняне», вобравшие в себя сербов и частью хорватов, постепенно были исламизированы (какая-то часть из них насильственно, иные приняли ислам добровольно, видя в этом материальную и административную выгоду). Так стал формироваться самостоятельный этнос, не забывавший своего старого имени, – «бошняне».

В период австро-венгерского владычества (с 1878 по 1918 гг.) официальные власти поддерживали идею «боснийства» и боснийского народа, куда включалось независимо от веры все население Боснии. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1918 г.) официально признавались три входящие в название страны нации, в то время как боснийцы, герцеговинцы, а также македонцы, черногорцы и воеводинцы (жители исторической области Воеводина) считались региональными разновидностями преимущественно сербов. Лишь во времена СФРЮ (с 1970-х гг.) боснийцы-босняки были признаны отдельной нацией под именем «мусульмане» – *Муслимани* / *Muslimani* (с прописной буквы – как национальность, со строчной – как принадлежность к соответствующему вероисповеданию). Нередко в научной литературе их называли также «мусульманами сербско-хорватского языка» (*Муслимани српскохрватског језика*), «боснийцы-мусульмане», в переписях населения Югославии они могли попасть в графу «югославы неопределенные» (*Југословени неодређени*). Лишь с 1993 г. официально возвращается давнее имя «босняки» – *Бошњаци* / *Bošnjaci*. Обозначение «мусульмане» все еще употребляется вне Боснии, например, в Сербии и Хорватии.

За пределами Боснии и Герцеговины и других южнославянских стран термин *боснийцы* употребляется чаще всего в синтезированном значении, т.е. в этнотопонимическом и этнонимическом. Некоторое распространение может иметь и этноним *босняБки*, одно время употреблявшийся в русской этнонимической традиции, хотя и не так активно. Попытки внедрить в русский язык псевдоэтноним *мусульмане* (из серб.-хорв. *Муслимани*) для обозначения боснийцев-мусульман, или боснийцев-босняков, неприемлемы из-за возникающей путаницы со словом *мусульмане*, лишенным этнического значения.

В религиозном плане босняки преимущественно мусульмане-сунниты (90% от общего числа), традиционно проживавшие рядом с православными сербами и хорватами-католиками. По происхождению это принявшие во времена Османской империи ислам сербы и хорваты.

С 1945 г. Босния и Герцеговина входит в Федеративную Народную Республику Югославию, которую составляли Сербия, Македо-

ния, Хорватия и Словения; с 1963 г. – в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в которую вошли, наряду с Боснией и Герцеговиной, еще пять Социалистических республик (см. выше). С 1992 г., уже после развала СФРЮ, Босния и Герцеговина становится независимым государством (серб.-хорв. *Република Босна и Херцеговина/ Republika Bosna i Hercegovina*). В северной части республики сербы провозгласили Сербскую Республику. Противостояние привело в 90-е гг. к войне между боснийцами-босняками, боснийско-герцеговинскими хорватами и сербами. Ныне страна состоит из Сербской Республики и Федерации Боснии и Герцеговины, которую этнически составляют в основном боснийцы-мусульмане и боснийско-герцеговинские хорваты.

Статистическую картину населения Боснии и Герцеговины составить очень сложно из-за того, что в войне погибло большое число людей, а многие десятки тысяч человек уехали из республики. Имеющиеся данные весьма противоречивы. В 1981 г. в республике проживало 4,1 млн. человек, на рубеже XX–XXI вв. – от 3,5 до 3,9 млн., из них 48% боснийцев-мусульман (или примерно 1,8 млн. человек), 37% боснийских сербов и 14% боснийских хорватов. Общая численность босняков, включая и живущих в бывших республиках Югославии, в ряде стран Европы, в Турции и в Америке, достигает, вероятно, 2,1 млн. человек. Официальный язык – боснийский [см. также гл. 13 «Языки современных славянских наций. 3.4. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский)»]. Столица и культурный центр – г. Сараево.

* * *

Несколько слов о населении географической и исторической области Герцеговины, расположенной в южной части Боснии и Герцеговины и в древности называвшейся Хумом, или Хумским краем (землей). В 1991 г. здесь проживало 437 тыс. человек, из них хорваты составляли 206,5 тыс., боснийцы-мусульмане ок. 113 тыс., сербы 93 тыс., «югославы» 18,5 тыс. и др. На рубеже XX–XXI вв. по указанным выше причинам эти цифры серьезно изменились. Крупнейший город Герцеговины – г. Мостар. Название *герцеговинцы* (серб.-хорв. *Херцеговинци/ Hercegovinci*) обозначает жителей Герце-

говины. В Сербии в это название вкладывают значение «сербы из Герцеговины», в Хорватии – «хорваты из Герцеговины», а боснийцы-мусульмане – «боснийцы-мусульмане из Герцеговины».

6. Хорваты (самоназвание *Hrvati* с ударением на -а-; ед. ч. муж. р. *Hrvat*; здесь «ударение» на -r-, -а- – долгий гласный; жен. р. *Hrvatica*: ударение находится на -а).

Этноним *хорваты* был распространен еще в раннее средневековье в разных частях Славии. Их предки вышли, по-видимому, с территории нынешней Чехии либо с верховьев рек Одры (нем. Одер) и Висла (так наз. Белая Хорватия), принеся с собою и самоназвание. В VI–VII вв. на Балканах, согласно традиционной точке зрения, они заселили территории между реками Драва, Дрина и берегом Адриатического моря, где они ассимилировали местное неславянское население. Сформировались исторические области Истрия, Далмация (у побережья моря), Славония (между реками Драва и Сава) и др. Уже в IX в. образовалось первое хорватское государственное объединение. В X–XI вв. этноним *хорваты* больше относился к Далматинской Хорватии (на побережье Адриатического моря), в то время как в северной части, т.е. в Паннонской и Посавской Хорватии, до XIV–XV вв. был распространен этноним *славяне* (и сам регион назывался «Славиния» – ныне Славония). С начала XII в. и позднее хорваты подпадали под власть то венгров, то Габсбургов, то Османской империи, что тормозило развитию их этнического самосознания и консолидации. При этом хорваты находились под религиозным влиянием Рима, а это отразилось на особенностях их быта и культуры в целом. Тем не менее уже с XIV в., несмотря на обособленность Славонии от остальной части Хорватии, в появившихся в это время письменных текстах отражается мысль об историческом единстве хорватского этноса. Эта мысль укрепится в конце XV – в XVI вв., в эпоху хорватско-чакавского культурно-языкового Ренессанса на побережье Адриатики и вновь усилится в первой трети XIX в., когда Хорватия будет переживать национальное возрождение. Выделяются такие этнорегиональные группы, как так наз. *чакавцы* (побережье и острова Адриатики), *кайкавцы* (вокруг Загреба и в областях, прилегающих к Словении), *градишчанские хорваты* (в Австрии) и др.

Хорваты по вероисповеданию католики.

С 1918 г. Хорватия в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), с 1945 г. – Федеративной Народной Республики Югославии, состоявшей из пяти республик, – Сербии, Черногории, Македонии, Хорватии и Словении, с 1963 г. – Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в которую, помимо названных выше, вошла и Социалистическая Республика Босния и Герцеговина, с 1991 г. – независимое государство Республика Хорватия (хорв. *Republika Hrvatska*).

Данные о численности населения Хорватии: 4,8 млн. человек, из них хорватов примерно 4,5 млн. Значительное число хорватов проживает в бывших республиках Югославии (в Боснии и Герцеговине их 500–600 тыс.), во многих странах Европы, Северной и Южной Америки, в Австралии. Их общее количество достигает 5,7 млн. человек. Официальный язык – хорватский. Столица и культурный центр – г. Загреб.

7. Словенцы (самоназвание *Slovinci*, ед. ч. муж. р. *Slovenec*, жен. р. *Slovenka*; -с- = *u*; ударение находится на -е-). Предки словенцев, согласно традиционной точке зрения, стали заселять поздне-римскую провинцию Внутренний Норик в Восточных Альпах (территория нынешней Словении) в VI в. с двух направлений – северного (вероятно, с Моравии, что связывает их с западными славянами) и юго-восточного. На новом месте они ассимилировали оставшееся здесь романское население. Уже в начале VII в. здесь формируется славянское княжество, которое позднее войдет в состав славянского государства Само, а затем в княжество Карантания, или Каринтия (ныне на территории Австрии). С конца XI в. Карантания распадается на ряд «земель» – собственно Каринтию, Штирию, Крайну, а потом и Горицу. Большую известность получило словенское княжество, управлявшееся князем Коцелем. Изгнанные из Моравии славянские первоучители Константин (позднее в монашестве – Кирилл) и его брат Мефодий по пути в Рим будут тепло приняты этим князем, выделившим учеников для обучения славянской письменности. После XI в. словенские княжества войдут в состав «Священной Римской империи», затем – Австрии. На западе словенцы испытывают итальянское воздействие, а на севере

– австрийско-немецкое. И лишь в XIX в. словенцы консолидируются как этнос, пережив национальное возрождение. Из этнорегиональных групп выделяются: *крайнцы* (область Крайны), *доленьцы* (доленьская область), *прекмурские словенцы* (на границе с Венгрией), *венецианские словенцы* и *резьяне-словенцы* в северо-восточной Италии, *каринтийские словенцы* в Австрии и др.

В религиозном отношении большинство словенцев являются католиками, небольшую часть представляют протестанты, православные и др.

С 1918 г. Словения в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), с 1945 г. – Федеративной Народной Республики Югославии, состоявшей из пяти республик, – Сербии, Черногории, Македонии, Хорватии и Словении, с 1963 г. – Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в которую, помимо названных выше, вошла и Социалистическая республика Босния и Герцеговина; с 1991 г. – независимое государство Республика Словения (словен. *Republika Slovenija*).

Численность населения Словении ок. 2 млн. человек, из них словенцев 1 млн. 631 тыс. чел. Значительное число словенцев (около полумиллиона) проживает в бывших республиках Югославии, в ряде стран Европы, а также Америки и Австралии. Их общее количество оценивается в 2,1–2,2 млн. человек. Официальный язык – словенский. Столица и культурный центр – г. Любляна.

8. Югославы / югославяне (самоназвание *Југословени* / *Jugoslaveni*, ед. ч. муж. р. *Југословен* / *Jugoslaven*, жен. р. *Југословенка* / *Jugoslavenka*; ударение стоит на втором

-о- и на -а-). В новой Югославии, созданной после Второй мировой войны, термин *югославы* / *югославяне*, обозначая жителей страны, одновременно был поставлен в один этнонимический ряд вместе с обозначениями типа *сербы*, *хорваты*, *черногорцы* и т.д. Уже в 50-е гг. XX в. некоторые жители страны (прежде всего это сербы, хорваты, а также боснийцы-мусульмане), особенно дети из смешанных браков, заявляли о себе как о югославах, игнорируя национальность отца или национальность матери. К этой группе населения прибавлялись также те, кто действительно не имел четкого представления о своих этнических корнях. Кроме того, немало

было и таких, кто из патриотических соображений принимал для себя данный этноним, полагая, что в будущем «братство и единство» народов непременно приведет к единой нации, название которой будет связано с названием самой страны. Таким образом, национальное самосознание связывалось не с этническим происхождением, а с гражданством страны.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что во время переписи населения Югославии в 1961 г. в переписных листах была выделена особая графа под названием «*Југословен / Југославен*». Так в Югославии стал формироваться седьмой этнос (после сербов, черногорцев, боснийцев-мусульман, македонцев, хорватов и словенцев). Это общегославское этническое движение достигло своего апогея в начале 80-х гг. XX в., когда по переписи населения 1981 г. югославами объявили себя 1 млн. 219 тыс. человек. По отношению ко всему населению Югославии, насчитывавшему к этому времени 22,5 млн. человек, это составляло 5,4%. Показательно, что представители этого молодого этноса пользовались сербско-хорватским языком в его различных вариантах, а в отношении вероисповедания принадлежали к трем основным религиям – православию, католицизму и исламу. Более всего югославов проживало в Сербии и Боснии и Герцеговине. Однако и в Хорватии, например, резко увеличивалось численность этого этноса: в 1971 г. югославами здесь объявили себя 84 тыс. человек, а в 1981 г. – 379 тыс. Правда, к концу 80-х гг. численность югославов стала падать, а развал страны в начале 90-х гг. XX в. и вовсе поставил под вопрос дальнейшее существование нового этноса. Есть сведения о том, что в 2002 г. в Сербии, например, югославов осталось немногим более 80 тыс. человек.

2.3. Западные славяне

Группу западных славян составили древние племена поморян, бодричей, вагров, полабов, смолинцев, глинян, лютичей, велетов, ратарей, древан, руян, лужичан, чехов, словаков, кашубов, словинцев, мораван, поляков. Сформировавшиеся на их основе западнославянские этносы стали характеризоваться общими чертами в традиционной материальной и духовной культуре, в языке и т.д. Проживая в соседстве с неславянскими этносами, они испытывали на себе их влияние в разных сферах жизни, а подпадая под их власть,

со временем подвергались ассимиляции. Поэтому западнославянские народы в процессе своего исторического развития теряли некоторые этносы. Так, к XVIII в. были ассимилированы со стороны немецкого населения полабы, племена поморян, а уже в XX в. исчезли словинцы.

1. Словаки (самоназвание *Slováci*, ед. ч. муж. р. *Slovák*, жен. р. *Slovenka*; -á- – долгое, -с- = ц). Территория нынешней Словакии была заселена прибывшими, вероятно, с севера и юго-востока славянами в V–VI вв., причем оставшиеся здесь кельтские и германские племена (как, впрочем, и аварские) были со временем ассимилированы. В VII в. часть предков словаков вошла в первое славянское государство Само. Свое первое государственное объединение словаки создали в IX в. – Нитранское княжество, которое затем вошло в состав Моравского княжества – ядро Великой Моравии. Именно в Моравию в IX в. по просьбе князя Ростислава прибыли славянские первоучители Кирилл и Мефодий, занявшиеся здесь организацией славянского богослужения. Однако после распада Великой Моравии словаки, не имея собственного государства, подпадают под череду зависимостей – сначала от венгров, затем от турок (южная часть) и, наконец, от Австро-Венгрии. Все это (а также отсутствие собственной государственности) тормозило процесс этнической консолидации, хотя этноним *словаки* фиксируется в памятниках письменности уже в XV в. До XV в. словаки называли себя «словенами», о чем свидетельствуют такие современные этнонимические формы словацкого языка, как этноним женского рода *Slovenka* в значении ‘словачка’ и прилагательное *slovenský* в значении ‘словацкий’ – при этнониме мужского рода *Slovák* ‘словак’ (мн. ч. *Slováci* ‘словаки’). В конце XVIII в. борьба словаков против мадьяризации (венгеризации), османизации (тюркизации), а также против германизации привела их к национальному возрождению, набравшему силу уже в XIX в. и приведшему к формированию словацкого литературного языка. После падения в 1918 г. Австро-Венгерской монархии Словакия с Чехией и частью Подкарпатской Руси создали новое государство – Чехословакию, в которой словаки имели возможности для своего развития. Однако господствовавшая тогда теория «чехословакизма» (единый «чехословацкий народ» и

единый «чехословацкий язык») препятствовала развитию словаков и их языка. Лишь после Второй мировой войны в новой Чехословакии, а затем и в собственном государстве словаки получили автономию и возможности свободного развития. Среди словаков выделяются: *моравские словаки*, так наз. *валахи* (не путать с румынскими валахами или, по-другому, волохами), занимающие гористые территории в бассейне реки Бечва, и др.

Словаки преимущественно католики (69 %), небольшая часть евангелистов (7–9 %), имеются греко-католики (4,1%) и немного православных.

С распадом Австро-Венгрии Словакия вместе с Чехией и частью Подкарпатской Руси в составе Республики Чехословакия (с 1918 г.); с 1948 г. в новой Чехословакии, с 1969 г. Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР) стала федерацией двух республик – СР Словакии и СР Чехии (до 1990 г.); распад Чехословакии привел к созданию в 1993 г. Словацкой Республики (словац. *Slovenská republika*). Численность населения Словакии около 5,4 млн. человек (2005), из них словаков примерно 4,6 млн (или 85,8%). Значительное число словаков проживает во многих странах Европы, Северной Америки, в Австралии. Их общее количество достигает примерно 6,5 млн. человек. Проживают также венгры (9,7%), а также цыгане, чехи, украинцы и русины и др. Официальный язык – словацкий. Столица и культурный центр – г. Братислава.

2. Чехи (самоназвание *Češi*, ед. ч. муж. р. *Čech*, жен. р. *Češka*; -č- = ч, -š- = ш, -í – долгое, ch = х). До прихода в V в. славян на нынешних чешских землях обитали кельтские и позднее пришедшие сюда германские племена, которые со временем были славянизированы. Памятники письменности зафиксировали на этой территории несколько племен, постепенно консолидировавшихся в чешский этнос. Это чехи, лучане, дечане, зличане, литомержцы, гломачи, пшоване, хорваты и некоторые другие. Племя чехов было численно преобладающим.

В VII в. предки чехов были в составе славянского княжества Само. В IX в. на основе земель Богемии (Чехии), Словакии, частично также Польши, Силезии, Лужицы и нынешней Венгрии, создано Великоморавское княжество. Тогда же предки чехов приняли и

христианство. Именно сюда князь Ростислав пригласил из Салоник славянских первоучителей Константина (Кирилла) и Мефодия, чтобы они организовали здесь богослужение на славянском языке и тем самым распространили славянскую письменность. В X в. образуется самостоятельное Пражское (или Чешское) княжество, которое при династии Пржемысловичей достигает консолидации всех племен. Со второй половины XII в. чехи оказались в составе Священной Римской империи, в XIV в. при Карле I (он же император «Священной Римской империи» Карл VI) они достигают расцвета. Правда, правящая верхушка и духовенство в это время фактически проводили политику германизации чешского народа, что привело в конечном счете в XV в. к движению против католической церкви и против засилья немцев во всех сферах власти. Движением руководил Я. Гус. В 1526 г. чехи попадают в зависимость от Габсбургов, при которых продолжалась политика онемечивания чешского населения, прекращенная лишь в XVIII в. усилиями императора Иосифа II (так наз. эпоха Просвещения). В конце XVIII – первой половине XIX вв. чехи переживают национальное Возрождение, одним из важнейших вопросов которого было обновление чешского языка и культуры. После распада Австро-Венгрии образовалась Чехословакия (1918), а с 1993 г. – самостоятельное государство Чехия (чеш. *Česká republika*; в неофициальной речи используются также названия *Česko* или *Čechy*). Из этнорегиональных групп выделяются: *моравские словаки*, *гораки* (у Чешско-Моравских гор), в долине реки Гана – *ганаки*, *ходы* (на западе Чехии), *силезцы* (в Силезии) и др.

Верующие в Бога чехи католики (27%), остальные – неверующие.

Численность населения Чехии 10,2 млн. человек, из них чехов примерно 8,4 млн. Чехи-переселенцы проживают также в некоторых странах Европы, но особенно – в Северной Америке (США, Канада). Их общее количество достигает примерно 10,4 млн. человек. В Чехии проживают также мораване (3,7%), а также некоторое число словаков, поляков, венгров, украинцев и др. Официальный язык – чешский. Столица и культурный центр – г. Прага.

3. Поляки (самоназвание *Polacy*; ед. ч. муж. р. *Polak*, жен. р. *Polka*; во всех формах ударение находится на втором слоге от конца; *-l-* – так наз. среднеевропейское *-l-*).

Поляки как этнос сформировались к середине X в. между реками Буг на востоке и Одрой (нем. Одер) на западе, т.е. на территории предполагаемой прародины славян (согласно одной из гипотез!). Этнической основой этого процесса стали западнославянские (так наз. лехитские) племена вислян, слензан (силезцев), мазовшан, поморян, но главным образом – полян, частично также некоторые ассимилированные (полонизованные) неславянские племена. В это время начинает формироваться княжество полян с центром в Гнезно, которое постепенно перерастает в польское государство (первый польский князь – Мешко I, принявший в 966 г. христианство). Происходят военные столкновения с соседями, результатом чего было то расширение, то сужение территории. Согласно самому раннему польскому памятнику письменности начала XII в. «Хроника» Галла Анонима, написанному по-латински, в этот период поляки осознают еще свою принадлежность к «славянскому языку», и лишь со второй половины XIII – начала XIV вв. языковой критерий меняется: поляки – это «люди польского языка». В XIII в. появляется название Польши как страны. Феодалная раздробленность привела к образованию ряда княжеств – Мазовше, Силезия, Куявия, Поморье и др. Некоторые из них признают себя вассалами германского императора. Польша переживает известный «натиск на восток» («Drang nach Osten») со стороны немцев. В польские земли пытались вторгаться и татаро-монголы, но в конечном счете они отступили. В XVI в. с Великим княжеством Литовским создано государство Речь Посполитая, которое в конце XVIII в. трижды подвергалось разделу между Австрией, Пруссией и Россией. В начале XIX в. Наполеон I создал Варшавское княжество (1807), на основе которого было сформировано Королевство Польское, переданное, согласно Венскому конгрессу 1814–1815 гг., России, в то время как познанская земля отошла к Пруссии, в составе которой уже находились Поморье и Силезия. В конце XVIII в. произошло национально-освободительное восстание под руководством Т. Костюшки, однако, как и последующие восстания 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 гг., они были подавлены. Лишь в 1918 г. была восстановлена независимость; с 1951 по 1989 гг. – Польская Народная Республика, с 1989 г. – Республика Польша (польск. *Rzeczpospolita Polska*). Среди

польского народа выделяются: *силезцы* (слензане, шлензаки), *гуральцы* («горцы»), *мазовиане* и др. Что касается вопроса о статусе *кашубов*, то в польской науке он всегда был дискуссионным: согласно традиционной точке зрения, кашубы – это этнорегиональная группа польского народа; высказываются и мнения (в том числе и непольскими учеными) о самостоятельности кашубов как этноса со своим языком (а не польским диалектом). Подробнее о кашубах см. следующий раздел.

По вероисповеданию поляки – католики (89%); имеется незначительная часть православных, греко-католиков и др.

Численность населения Польши 38,7 млн. человек, из них поляков 37,4 млн. чел., или 96,7% (2002). Приблизительно 20 млн. поляков-переселенцев проживают также во многих странах Европы, в Северной (США, Канада) и Южной Америке, в Австралии. Таким образом, их общее количество достигает примерно 60 млн. человек. В современной Польше проживает также незначительное число немцев, белорусов, украинцев, цыган, русских и др. Официальный язык – польский. Столица и культурный центр – г. Варшава, роль культурного центра выполняет также Краков.

4. Кашубы (самоназвание *Kaszëbi*; ед. ч. муж. р. *Kaszëb*, жен. р. *Kaszëbka*, что соответствует польским *Kaszubi*, *Kaszub*, *Kaszubka*). Кашубы происходят из поморских племен, которые располагались между реками Одрой (нем. *Oder*) и Вислой при их впадении в Балтийское море (историческая область «Поморье», устар. «Померания»). Если на западе они доходили до полабских племен (с которыми иногда и объединялись), то на юге от них располагались племена, позднее консолидировавшиеся в польский этнос. Оказавшись в составе Польши, их предки создали три надэтнических объединения с центрами в Щецине, Колобжеге и Гданьске, причем Щецин стал главным средоточием Западного Поморья, где долгое время правила династия Грифитов (от слова *гриф*, обозначающего символ земли и рода). Однако уже в XII в. эта часть, оказавшись под властью немцев и переживая процесс германизации населения, на несколько веков была оторвана от Польши. Восточная часть Поморья испытывала польское влияние. Сам термин *Кашубия* в латинском виде *Cassubia* впервые встречается в памятниках XIII в. В 1466 г.,

в соответствии с Торуньским миром, восточные земли Поморья отошли к Польше. В XVI в. среди кашубов распространяются идеи Реформации, тогда же появляется первая печатная книга, в которой обнаруживаются элементы кашубского языка. В конце XVIII в., в связи с разделами Польши, кашубское население оказалось под властью Пруссии, продолжавшей по отношению к ним политику германизации. Лишь в 1919 г., после Версальского мира, большая часть кашубского Поморья была возвращена Польше, а после 1945 г. – полностью.

Регион, в котором проживают кашубы, обозначается термином *Кашубия*, или *Кашубы*, ср. кашуб. *Kaszëbë* или же *Kaszëbskô*, польск. *Kaszuby*. До 1998 г. этническую территорию составили 43 гмины (при административном делении Польши от крупной единицы к наименьшей: воеводство – повят, или повет, – гмина), из них 33 в Гданьском, 9 – в Слупском и 1 – в Быдгощском воеводствах, при этом практически в каждой гмине количество кашубов составляло не менее 50%. С 1999 г. в связи с административно-территориальной реформой в Польше этот регион был преобразован в одно воеводство с 19 повятами. Это воеводство стало называться Поморским (польск. *Województwo Pomorskie*), в котором полностью оказалась и Кашубия – от сел и городков Хойниц через Косцежину и Картузы до Пуцка и Хеля (полуостров), от Бытова до Лэбы (озера) и Смолдзина.

Взаимоотношение «поляки – кашубы» имеет давнюю историю и превратилось уже в «вечную проблему». В польской науке кашубов традиционно считают специфической группой польского народа, хотя так считают не все польские ученые. В традиции русской и немецкой славистики кашубов принято квалифицировать как самостоятельный этнос, хотя и близкий к польскому. Такая расстановка научных воззрений сформировалась еще в XIX в. и продолжает в целом оставаться таковой до настоящего времени. Нет единства по этому вопросу и среди самих кашубов. Проведенная в 2002 г. обществом «Кашубско-Поморское объединение» и его печатным органом журналом «*Pomępania*» дискуссия по этноязыковым проблемам выявила такие точки зрения: 1) кашубы – не этническое меньшинство и не этническая группа, а – культурно-региональная группа (т.е. польского народа); 2)

кашубы являются самостоятельным этносом; 3) «у нас двойное самосознание», т.е. «мы и кашубы, и поляки». С 2005 г. кашубский имеет в Польше официальный статус регионального языка.

По вероисповеданию кашубы католики.

Согласно проведенным социологическим исследованиям, на конец XX в. кашубов насчитывается немногим более полумиллиона человек: около 330 тыс. собственно кашубов и около 185 тыс. так наз. «полукашубов», происходящих из смешанных браков. При этом почти 60% их – это сельское население. Более 90% кашубской популяции занимает гмины Хмельно, Суленчино, Линя, Люзино, Пуцк, Шемуд, Пархово, в других гминах кашубы составляют незначительный процент. В быту кашубским языком пользуется почти третья часть популяции (28%). По переписи населения Польши в 2002 г. лишь 5100 чел. определились как кашубы, хотя в то же время 51 тыс. человек назвали своим родным языком кашубский. Проживают кашубы (переселенцы) и за пределами Польши – прежде всего в Канаде, США, а также в Германии. По некоторым данным, численность кашубов в эмиграции колеблется от 10 до 20 тыс. человек. В настоящее время культурный центр кашубов – г. Гданьск.

5. Серболужичане [самоназвание Serbja (по-верхнелужицки) и Serby (по-нижнелужицки); ед. ч. муж. р. Serb, жен. р. Serbowka; нем. Sorben, ед. ч. муж. р. Sorbe, жен. р. Sorbin]. Серболужичане (также лужичане – от названия болотистой местности Лужица, отсюда нем. *Lausitz*, для древнего периода также *сербы*; иногда используется взятый из немецкого общий этноним *сорбы*, реже – устар. *венды* от нем. *Wenden*), согласно установившемуся в науке мнению, делятся на два близкородственных подэтноса – верхних лужичан и нижних лужичан. Исконным местом проживания серболужичан является восток нынешней Германии: верхнелужичане (ед. ч. *Hornjoserb/ Hornjohužičan*) сосредоточены в исторической области Верхняя Лужица, располагающейся ближе к границе с Чехией (федеральная земля Саксония), нижнелужичане (*Dolnołužycan/ Dolnołužycar*) – в Нижней Лужице, примыкающей к границе с Польшей (федеральная земля Бранденбург).

Славяне заселили территорию между реками Лаба (нем. *Elbe*) и Одрой примерно в середине VI в. (между нашествием сюда гуннов

в IV в. и упадком Аварского каганата в VII в.). Уже в VII в. предки серболужичан формируют между реками Сала и Лаба племенной союз во главе с князем. На севере от них располагались полабы, на юге – чехи, на востоке – поляки, а на западе они столкнулись с немцами (племена франков). В основу серболужицкого этноса легли племена собственно сербов, лужичан, мильчан, гломачан (или далеминцев), более мелких племен нижан и нижичан, злювинов, нелептицев и др. Некоторое время часть серболужицких земель входила в первое славянское государство Само, а позднее, в IX в., – в Великоморавское государство. В начале X в. известно имя князя Милидуха («сербского короля»). В этническом плане у предков серболужичан постепенно начинается переход от общеславянского самосознания к осознанию своей земли и своего народа. Однако именно с этого времени сербы, несмотря на их сопротивление, подвергаются постоянному влиянию окружающего немецкого населения. После разгрома немцами племени гломачан (далеминцев) сербы, в отличие от своих полабских соседей, практически не восстают против своих захватчиков. Даже временное пребывание в составе чешских и польских корон не спасло серболужичан от многих веков германизации. В 1293–1327 гг. в ряде мест дело дошло до запрещения использовать серболужицкий язык (в 1875 г. запрет повторился в прусской Верхней Лужице). Тем не менее этническое самосознание серболужичан полностью уничтожить не удалось. В XVI в. происходят важнейшие события, которые повлияли на укрепление этнического самосознания: в 1548 г. Миклавш Якубица делает перевод «Нового Завета» на нижнелужицкий, а в 1706/1709 гг. появляется и верхнелужицкий перевод Михала Френцеля. На самоутверждение серболужичан повлияли и крестьянские волнения в Лужице в конце XVIII в., возникшие под влиянием Французской революции. С 40-х гг. XIX в. серболужичане переживают этноязыковое Возрождение, которое стало точкой для последующего развития серболужичан как этноса, хотя на протяжении XX в. этот процесс проходил с переменным успехом.

В религиозном отношении большая часть серболужичан является протестантами, меньшая – католиками.

С 1949 по 1990 гг. серболужичане в составе Германской Демократической Республики (ГДР), с 1990 г. – в Федеративной Респу-

блике Германии (ФРГ), в землях Саксония и Бранденбург. Численность серболужичан постоянно снижается за счет ассимиляции их онемеченными соотечественниками и немцами. Если до Второй мировой войны (1939–1945) приводили цифру примерно в 150 тыс. человек, во второй половине XX в. 100 тыс., то в начале XXI в. общая численность снизилась до 60 тыс. чел., из них 40 тыс. – верхнелужичане и примерно 20 тыс. – нижнелужичане. Язык серболужичан выступает в форме двух литературных языков – верхнелужицкого (распространен в Верхней Лужице) и нижнелужицкого (культивируется в Нижней Лужице). Юридически может использоваться наряду с немецким как официальным языком Германии в тех местах, где проживают серболужичане. Серболужичане – полные билингвы. Культурным центром верхних лужичан является г. Будышин (нем. Бауцен), нижних – Хошебуз (в.-луж. Хочебуз – *Choćebuz*, нем. Коттбус – *Cottbus*).

3. О славянах в инославянских и в неславянских странах

Четких границ между этносами не бывает. Этносы подвижны. Под влиянием военных, религиозных, экономических, политических и проч. причин части того или иного этноса могут оставить насиженные места и переселиться туда, где есть иные (хотя и не всегда – лучшие) возможности для социально-экономического и культурного развития. Подобные переселения наблюдаются вскоре после турецкого нашествия на Балканы в XIV в. Так, уже в XV–XVI вв. часть балканских славян в одних случаях вынуждена была переплыть Адриатическое море и поселиться среди итальянского населения Аппенинского полуострова, в других – продвинуться в глубь континентальной Европы, на территории таких нынешних стран, как Австрия, Венгрия и др. Миграционные процессы среди европейских народов особенно усилились в XVIII, XIX и в начале XX вв., коснувшись в том числе и славянских народов. Как результат этих процессов на современной карте Славии можно найти острова переселенцев – таких же славян, но пришедших из других славянских стран; имеется значительное число славянских этнических островов и в некоторых неславянских странах. При этом

важно иметь в виду, что отдельные части одного и того же славянского этноса могут оказаться в обеих ситуациях, т.е. и среди других славян, и среди неславян. Так, один из самых многочисленных славянских народов поляки проживают компактно или в рассеянии на Украине, в Белоруссии, в Словакии и Чехии, в рассеянии – в России, в виде небольших островов – в Венгрии, Румынии, достаточно компактно в Литве, рассеянно в Германии и некоторых других европейских странах, компактно и в рассеянии в США и Канаде, а также в ряде других стран Америки и Австралии. Поселения сербов имеются в Хорватии, Македонии, рассеянно – на Украине, компактно также в Венгрии и Румынии, рассеянно – в ряде других стран Европы, за океаном – в странах Америки, в Австралии. Примеры можно было бы продолжить.

В учебном пособии нет возможности представить полную картину славянских переселений. Обратим внимание на две ситуации – одну в инославянских, а другую – в неславянских странах. Так, **в России** из других восточнославянских народов преимущественно в рассеянии проживают приблизительно 1,2 млн. белорусов и от 3 до 4,4 млн. украинцев; украинская диаспора складывалась в XVIII–XX вв. в результате массовой миграции. В большей или меньшей степени компактные группы украинцев к концу XX в. сложились в Центрально-Черноземном регионе (Воронежская, Курская области), на Северном Кавказе (Краснодарский край, Ростовская область), в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. Из западных славян в крупнейших городах европейской части, а также в некоторых областях Сибири и Алтая проживают поляки – ок. 95 тыс. человек. Из южных славян можно назвать болгар, численность которых в конце 80-х гг. XX в. достигала 33 тыс. чел.

В Венгрии славянское население проживает рассеянно и в виде небольших островов. Более всего здесь проживающих на венгерско-словацком пограничье *словаков* – 0,4% по отношению ко всему населению страны, или 17,7 тыс. человек (в середине прошлого столетия число словаков определяли в 60 тыс.). Еще во времена Венгерской Народной Республики (до начала 90-х гг.) функционировал «Демократический Союз словаков Венгрии», заботившийся о преподавании словацкого языка в школе, об издании периодики и

т.д. *Сербы* и *хорваты*, составляющие ныне по 0,2% от всего населения, *словенцы* в количестве 2,5 тыс. (неофициальные данные – ок. 5 тыс.) также были объединены в «Демократический Союз южных славян Венгрии», занимавшийся культурно-просветительной и издательской деятельностью. Ныне эти традиции, несмотря на сокращение численности указанных этнических групп, сохраняются. Небольшая популяция *русин* проживает в северной части страны в виде отдельных островков. С 90-х гг. венгерские русины переживают свое этнокультурное возрождение: в 1992 г. создана «Организация русин Венгрии», которая издает периодику и книги, налажено русинское радиовещание (см. гл. 14 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика).

4. Об исчезнувших славянских народах (полабы, словинцы)

Исторически судьба складывалась так, что германцы (resp. немцы) оказались многовековыми соседями славян – прежде всего западных и позднее – южных. Одним из результатов такого соседства был процесс постепенной ассимиляции славян немцами и немцев славянами – в зависимости от конкретного географического положения той или иной этнической популяции, политических, административных и проч. факторов. И все же германизация на периферии Славии оказалась сильнее славянизации, о чем, в частности, свидетельствует уменьшение на протяжении веков числа западнославянских народов.

О полабах. Этноним *полабы* создан искусственно, в научной среде, для обозначения племен, живших между реками Эльба – по-славянски *Лаба* и Одер – по-славянски *Одра*. Таким образом, *полабы* – это ‘жившие по берегам р. Лаба’. От этнонима произведен лингвоним *полабский язык*. Немцы традиционно называли их вендами – *Wenden*, а их язык – *Wendisch*. Как называли себя полабы, так и осталось тайной.

Полабы расселялись от нижнего и среднего течения Лабы и до нижнего течения Одры и Балтийского моря, включая о-в Рюгген (по-славянски Руян). Они делились на племена – древляне (древяне), ободриты и велеты (лютичи). Их соседями с запада были нем-

цы, контакты с которыми отмечаются уже с конца VIII в., а к концу XII в. они оказались под властью соседей. С этого времени начинается германизация полабов, результатом которой стало то, что к XVI в. чисто полабских по языку местностей уже не было. На острове Руян в начале XV в., в 1404 г., в документах была зафиксирована смерть последней женщины, которая могла говорить «по-вендски». К концу XVII – началу XVIII вв. оставалось лишь небольшое число людей старшего поколения, которые еще помнили и как-то говорили по-славянски, в то время как молодые перешли на немецкий. «Лебединую песню» родного языка оставил полаб Ян Парум Шульце (1677–1740), крестьянин деревни Зютен недалеко от Люхова. Он вел (по-немецки) своего рода хронику, начиная с 1691 г. В 1725 г. он решил, понимая, что язык исчезает, оставить о нем память:

«Я решил в этом, 1725-м году, записать вендский язык для потомства, потому что на этом языке трудно говорить, а также трудно писать. <...> Мне 47 лет. Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, уже, вероятно, никто не будет знать, как по-вендски называлась собака <...>».

Полაбы, растворившись среди немцев, оставили немало топонимов – свидетелей того, что на той земле некогда жили славяне, – их нетрудно узнать как по форме, так и по значению, ср.: *Belin, Belitz, Drosdowe, Lipke, Potgorize, Werben, Gore, Korit, Dobberitz* (Добрица) и др.

О словинцах. Открытие этой ветви кашубов (или отдельного славянского этноса) принадлежит русскому слависту А. Ф. Гильфердингу, который в 1856 г. совершил путешествие к ним в Поморье (Польша). Он описал словинцев с культурно-этнографической и языковой точек зрения, привел образцы их речи. После его посещения словинцы прожили чуть более века!... Процесс их германизации проходил в течение многих веков. К концу XIX – началу XX вв. германизация словинцев достигла своего апогея. Есть сведения, что на начало XX в. их оставалось 200–250 человек. Имея немецкие имена либо имена славянские, но в немецком написании, владея разговорным немецким языком (нижненемецким диалектом), часть словинцев оказалась насильно вовлеченной в действия Второй мировой войны. Этот фактор также повлиял на уменьшение численности словинцев.

После Второй мировой войны положение словинцев, к сожалению, не улучшилось. На освобожденные кашубско-словинские территории из других мест Польши прибывали переселенцы, которые, не зная местной ситуации, стали считать словинцев «немцами», окружили их недоверием и презрением: ведь еще были свежи в памяти зверства фашизма, и потому все немецкое вызывало недоброжелательное к себе отношение. Словинцы фактически оказались в изоляции, замкнулись в себе, а при переселенцах старались говорить между собой в основном по-немецки, боясь, что те станут подозревать их в том, что они «подстраиваются под поляков». К тому же новые власти стали переселять в Западную Германию местных (померанских) немцев, а вместе с ними в этот процесс были частью вовлечены и словинцы. Их остатки «открыл» учитель Ф. Рогачевский, работавший в главном средоточии словинцев селе Клюки. Эта драматическая страница в истории небольшого западнославянского этноса подробно описана им в небольшой книге «Среди словинцев» (1975). В 1947 г. сотрудники Познанского университета записали «лебединую песню» словинской речи. В дальнейшем переселение в Германию, часто принудительное, продолжалось и в 50-е гг. XX в. Последние словинцы осели там в основном в районе Гамбурга.

Последняя словинка из села Клюки Рута Кёч умерла в 1971 г. и похоронена на кладбище, расположенном в несколько километрах до въезда в село, ныне превращенного в «Словинский Национальный парк» и «Музей села Клюки». Последний словинец Клюк, по свидетельству Т. Болдуана, Германн Кёч, покончил жизнь самоубийством в 1987 году...

* * *

По-русски о полабах и словинцах можно почитать в работах:

Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки. М., 1941. С. 419–448 («Полабские славяне»).

Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.

Гильфердинг А. Ф. Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. С.-Петербургъ, 1862.

Дуличенко А. Д. К незатухающему спору о словинцах и словинском языке. // Rocznik Gdański, t. LV, Gdańsk, 1995, zes. 1. S. 83–91.

Глава 4

Славянская прародина

Литература

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984.

Јанковић М., Јанковић Ђ. Словени у југословенском Подунављу. Београд, 1990.

Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. К проблеме прародины славян. Минск, 1963; *его же*. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983.

Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996.

Нидерле Л. Славянские древности. Перев. с чеш. М., 1956; переизд.: М., 2000.

Петров В. П. Етногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1991; т. 2 (VII–IX вв.). М., 1995.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *его же*. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, дополн. М., 2003.

Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.

Gołąb Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, Ohio, 1992; *ibid*. O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Kraków, 2004.

Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946; *ibid*. Początki Słowian. Kraków, 1946.

Panzer B. Quellen zur slavischen Ethnogenese. Fakten, Mythen und Legenden. Frankfurt am Main etc., 2002.

1. Понятие этногенеза и прародины

Ученые давно установили, что истоки современных славянских народов уходят в глубокую древность и что связаны они со значи-

тельно меньшей по размерам изначальной территорией. *Древнейшую территорию формирования славян как особого этноса называют славянской прародиной.* Между тем мы никогда не сможем с большой долей определенности установить, где же было первоначальное, исходное место формирования того или иного этнического сообщества, поскольку речь идет о событии, отдаленном от нас на многие тысячи лет. Мы недооцениваем факта подвижности племен в глубокой древности. Добавим, что нам неведом и сам процесс первоначального этнического самоутверждения славян именно как славян ни во времени, ни в пространстве, т.е. мы не знаем, когда он начался, сколько времени продолжался и когда в целом завершился; мы только знаем, что племена нередко передвигались, но в каком месте контуры славянства как особого этноса уже были обозначены, мы можем говорить об этом лишь очень предположительно. В своей истории некоторые народы могли пережить несколько прародин. Поэтому славист О. Н. Трубачев предпочитал говорить *о древнейших местах обитания.* Все же в целях краткости мы будем использовать в качестве рабочего и старый термин *прародина.* И еще: говоря о древнейших местах обитания славян, имеют в виду прародителя всех славянских народов – *праславян,* которые представляли собою крупное этническое сообщество, объединенное территориально, социально и в культурно-языковом плане. Это было объединение прежде всего родственных, но отстоящих уже друг от друга на определенной дистанции племен, к которым могли присоединяться также и неродственные по происхождению племена. Территориально варьировала и речь праславян.

Проблема прародины входит в круг более общей проблемы, называемой *этногенезом.* Дословно этот термин значит «происхождение этноса» (от греческих слов *ἔθνος* [*éthnos*] ‘народ, племя’ и *γένεσις* [*génesis*] ‘происхождение’). Славянский этногенез следует рассматривать как частный случай по отношению к индоевропейскому этногенезу, а реконструкцию праславянский культуры – как диалектный вариант древней индоевропейской культуры. Считается, что если установлено место формирования этноса или этнического сообщества, значит в основе раскрыта тайна их происхождения.

2. Комплексный подход в изучении этногенеза

В компетенции какой науки находится проблема происхождения этноса? В целом это одна из кардинальных проблем этнографии, которая, изучая традиционную материальную и духовную культуру, пытается проникнуть к истокам этноса. Однако в этногенезе и его решении заинтересованы также: археология, которая, находя в земле остатки предметов былой жизни, стремится не только их описать, но и поставить вопрос, какому этносу они принадлежали; языкознание, восстанавливая древнейшие языковые источники – праязыки, тем самым раскрывает тайну и самого этнического сообщества, создателя праязыка; история, которую интересуют истоки и последующее развитие человеческого общества, в том числе и начала народов, создававших свои государственные объединения. Кроме того, ученые привлекают также материал фольклористики, так как в произведениях устного народного творчества запечатлена архаика и память народов о далеких временах и событиях. Данные антропологии – науки о физическом строении человека, которое по регионам может варьировать и отчетливо различаться, важны, но для древнейшего периода их значение снижается из-за того, что в ту пору при похоронах часто применялось трупосожжение, а потому останки не сохранялись. Музыковедение помогает, опираясь, например, на мелодику и мотивы песен, приблизить нас к объекту исследования. Важен также материал естественных наук, особенно тех их частей, которые занимаются древним состоянием своих объектов, – это палеоботаника, палеозоология, палеогеография.

Из сказанного вытекает, что проблема этногенеза и прародины в частности должна решаться комплексно, т.е. с привлечением материала указанных наук и дисциплин. Однако в большинстве случаев специалисты работают в рамках только своей науки, поскольку именно там они в полной мере ощущают свою компетентность. Сказанное является одной из причин того, что при решении таких сложнейших проблем, как этногенез, результаты исследований ученых разных специальностей нередко не совпадают.

3. Источники изучения этногенеза и прародины

А теперь зададимся вопросом: на что опираются ученые, которые занимаются поисками древнейших мест обитания тех или иных народов или целых групп народов? Ведь речь идет о времени и событиях, которые не зафиксированы в письменности, так как возникновение и развитие письменности – сравнительно поздний этап в истории человеческой цивилизации. А мы хотим углубиться, насколько это возможно, ближе к первоисточкам этнических сообществ. Правда, это не значит, что письменные свидетельства учеными не принимаются во внимание. Они тоже важны. Но таких памятников не очень много. В поисках решения вопроса о прародине ученые опираются преимущественно на 1) археологический, 2) исторический и 3) лингвистический материал. Факты других наук используются как дополнительный материал.

3.1. Археологические источники. Археологи ищут в земле предметы – свидетели жизни народов в древности: орудия труда, предметы обихода, украшения, различного рода изделия, сооружения, типы захоронений и т.д. – все это так наз. *археологические культуры*. Эти культуры носят материальный характер, поэтому в археологии они определяются в качестве *материальной культуры*. Обычно их называют по месту нахождения.

Археология имеет в своем распоряжении множество открытых ею материальных культур, достаточно хорошо описанных и сопоставленных друг с другом. Конечно, перед археологами всегда возникают трудности в установлении, например, времени существования открытой культуры. Не меньшую проблему представляет и ее этническая принадлежность. Действительно, какому этносу приписать материальную культуру, если присущие ей признаки (форма, материал, отделка, украшение и т.д. найденных предметов) распространяются и на другие культуры, причем нередко географически далеко отстоящие? Иными словами, археологи не всегда могут этнически дешифровать изучаемую материальную культуру. Рассмотрим несколько археологических культур, идя от наиболее древних к более поздним и учитывая тот факт, что ученые так или иначе связывали или связывают их и со славянами.

1) Лужицкая культура – расположена в исторической области Лужица в Германии, датируется одними учеными первой половиной I тысячелетия до н.э., другими – последней четвертью II – первой половиной I тыс. до н.э.; одна из ярких средневропейских культур эпохи поздней бронзы и раннего железа; в разное время приписывалась германским, кельтским, иллирийским и славянским племенам, т.е. этнически так и не дешифрована.

2) Поморская культура – находится в польском Поморье, у берегов Балтийского моря, между реками Висла и Одра, датируется VII–VI вв. до н.э. (по другим данным – VIII в.); период поздней бронзы; с середины VI в. носители этой культуры распространяются на весь бассейн Вислы и правый берег Одры, т.е. в направлении к племенам Лужицкой культуры; этническая принадлежность не установлена: приписывалась и славянским, и германским племенам; в 20-е гг. XX в. польские археологи высказывались о ее балтском происхождении.

3) Пшеворская культура – на северо-западе Польши (у г. Пшеворск); представляет собою синтез Лужицкой и Поморской культур; существовала со II в. до н.э. по V в. н.э.; поселения носили не укрепленный, открытый характер, располагались среди болот, по берегам рек; жилище наземное и полуземляночное; носители этой культуры занимались скотоводством и земледелием (найлены остатки зерна, кости домашних животных и др.); обнаружены железные и бронзовые изделия (продукция местной металлургии) и болотные орудия; из военных вещей – мечи и т.д.; захоронения бескурганые (лишь в некоторых местах обозначены наложением камней); трупосожжение; большинство археологов считают эту культуру принадлежностью славян (правда, немецкие ученые относят эту культуру к немцам).

4) Зарубинецкая культура – синхронна с Пшеворской, датируется II в. до н.э. – II в. н.э. (по другим данным – до IV–V н.э.); по названию села Зарубинцы юго-восточнее Киева; по керамике связывается с Поморской культурой; находится в районе среднего и Верхнего течения Днепра, реки Припять и в Полесье, а позднее распространялась и до Десны; носители данной культуры жили небольшими группами в неукрепленных поселениях, но в труднодоступных

местах; жилища наземного и полуземляночного типа; могилы бескурганые, использовалось трупосожжение (останки закапывали в ямы в глиняных урнах, по другим данным – без погребальных урн; клали также предметы украшений); вели патриархально-родовой образ жизни, занимались земледелием и ремеслами (обнаружены также привозные античные керамические изделия); определяется как славянская культура.

5) Черняховская культура – распространялась от среднего Поднепровья до границ нынешней Румынии; датируется II–IV вв. н.э.; считается славянской; видны признаки смешения с другими культурами, в том числе и неславянскими, например, культивировали не только трупосожжение, но и погребение мертвых в земле и т.д.

Заметим, что ученые все больше и все чаще говорят о полиэтничности обнаруживаемых ими археологических культур – о трех этнических компонентах Пшеворской культуры, о полиэтничности Черняховской культуры и т.д., этим самым как бы подчеркивая, что в глубокой древности племена не только воевали друг с другом, но и мирно сосуществовали.

3.2. Исторические источники. Под историческими источниками имеются в виду памятники письменности, созданные античными авторами, начиная с I в. н.э. (за исключением более ранних, однако спорных по этнической трактовке). Эти письменные источники весьма скудны, поэтому ученым приходится по крохам выяснять некоторые сведения о древних славянских племенах и их локализации.

Выделяются византийско-греческие, римские, готские (т.е. германские), а также восточные (преимущественно арабские) источники.

Греческий историк Геродот, живший в V–VI вв. до н.э., упоминает племя *невров*, располагавшееся на западе от реки Днепр. Ученые до сих пор спорят о том, следует ли видеть за этим названием древних славян. По мнению О. Н. Трубачева, есть основания видеть в неврах одно из кельтских племен – *Nervii*. Подобная точка зрения высказывалась и раньше.

Древнеримский автор Публий Корнелий Тацит в сочинении о готских племенах (ок. 98 г. н.э.) упоминает в Центральной и Восточной Европе *венетов* / *венедов* – так германско-готские племена

называли своих соседей-славян. О *венетах* у берегов Балтийского моря писал также Гай Плиний старший, живший в I в. н.э.

Готский историк VI в. Йордан писал о *венетах*, а также об их делении на *склавинов* и *антов*. Некоторые ученые считают, что склавины обитали в дунайско-днестровском, а анты – в днепровском ареалах. Этноним *Antes* Йордана и *Avtai* Прокопия нередко считали иранским по происхождению словом. Однако в последнее время О. Н. Трубачев предложил иную этимологию: слово происходит от др.-инд. *anta-*, что значит ‘край, конец’, т.е. это были племена юго-восточной части славянства, располагавшиеся на территории, которую ныне занимает Украина.

Имеются и другие письменные памятники, в которых даются некоторые сведения о древних славянских племенах. В них обнаруживается немало противоречий. Так, Прокопий располагал антов (вместе со склавинами) то на Дунае, то в Приазовье. Маврикий и склавинов, и антов помещал только на Дунае. Подробнее об исторических источниках см. в гл. 5 «Славяне в древности по данным письменных памятников, традиционной культуры и языка».

3.3. Лингвистические источники. Данные языков, славянских и неславянских, имеют, бесспорно, преимущественное значение при решении вопросов о происхождении этнических сообществ. Анализ языкового материала, дает основание утверждать, что именно языковые факты могут с большей достоверностью ответить на вопрос, где находилась прародина славян. Известно, что решающим условием существования этноса является сохранение им этнического самосознания. Однако для древнейших эпох такое качество народа остается еще нерасчленным, что, в конечном счете, свидетельствует об одном: язык был и остается до сих пор важнейшим средством наследственной информации народа, в том числе и информации этнической. Таким образом, если решена проблема глоттогенеза, т.е. происхождения языка (от греческих слов γλῶσσα [glóssa] ‘язык, речь’ и γένεσις [génesis] ‘происхождение’), то решен и вопрос об этногенезе. С этими утверждениями нельзя не согласиться, хотя, например, некоторые археологи считают, что этногенез и глоттогенез не совпадают, развиваясь разными путями¹.

¹ Ср.: М. Ю. Брайчевський. Походження Русі. Київ, 1968. С. 21.

Каким же образом данные языка помогают в решении славянского этногенеза? Исследователи опираются прежде всего на изучение лексики, при этом их интересуют: 1) состав и географическое распространение некоторых групп праславянской (и общеславянской по представленности во всех языках) апеллятивной, т.е. нарицательной, лексики; 2) происхождение, или этимология, имен собственных, т.е. ономастической лексики; 3) отраженные в словаре следы языковых контактов между праславянами и их родственными и неродственными соседями.

3.3.1. Апеллятивная лексика составляет основу словаря любого языка. Она состоит из слов, отражающих реалии окружающего людей мира. В словах запечатлены предметы и отношения, признаки и действия, связанные с жизнью человека. Если, скажем, в праславянском словаре отсутствуют или же слабо представлены слова, связанные с реалиями морей или гор, то это может означать, что праславяне обитали в других географических условиях, т.е. подальше от горной местности и морей. В противном случае они бы детально отразили предметы этих реалий в своем словаре. При этом предлагается изучать распространение не отдельных слов, а состав всей лексико-тематической группы и смотреть, насколько она приложима к территории предполагаемой прародины.

3.3.2. Ономастическая лексика по времени своего происхождения несколько моложе апеллятивной, однако обычно она появляется в тот самый период, когда начинает создаваться этническая общность и, таким образом, ее историческая глубина также важна при поисках путей решения вопроса прародины. Какие же собственные имена анализируют ученые? Прежде всего это а) топонимы, б) антропонимы и в) этнонимы.

а) **Топонимы** – это собственные географические названия, то, что написано на географической карте («язык Земли»). Топонимы изучает ономастическая дисциплина **топонимика**, а сам материал следует называть **топонимией**. Среди топонимов различают **гидронимы** – собственные обозначения водных объектов (рек, притоков, озер, болот, морей и т.д.), **хоронимы** – собственные имена территорий (района, области и т.д.), **ойконимы** – названия поселений и поселков, в том числе городского типа, и под.

Древние племена всегда давали названия окружающим их географическим объектам. Для чего они это делали? Нужно было ориентироваться в пространстве, знать, где что расположено (река, холм, поселение и под.), передавать соплеменникам, как пройти к интересующему объекту, и т.д. Давая окружающим объектам названия, люди как бы оставляли свой «автограф» на земле. Топонимы передавались от поколения к поколению и тем самым надолго, а нередко и навсегда закреплялись за объектом. Причем, могло случиться так, что народ, давший реке или озеру название, исчезал или же переселялся в другие места, а их наименования оставались, воспринимались пришедшим народом, хотя в его устах фонетически и видоизменялись.

Топонимы важно правильно «прочитать», хотя это удастся далеко не всегда. Так, например, название реки *Десна* создано на основе апеллятива, приводимого нами здесь в древнерусской форме *десный* и выступавшего в значении ‘правый, противоположный левому’ (слово праславянского происхождения). В современных восточнославянских языках этого слова уже нет, но в гидрониме оно осталось. Но вот загадка: Десна в действительности является не правым притоком Днепра, а левым! Почему? Вопрос до сих пор не решен... Далее. Считается, например, что чем длиннее река, тем древнее ее название. Имеется масса рек, названия которых вообще не поддаются объяснению либо скрывают в себе следы языка давно исчезнувшего народа. Возьмем такой гидронимический ряд: *Дон – Днепр – Днестр – Дунай*. Ни один из приведенных гидронимов по-славянски ничего не выражает. А это значит, что источник всех наименований нужно искать в других языках. Что можно выделить в этих гидронимах? Конечно, общий для всех них начальный элемент *дн-*, который, как оказалось, имеет иранское происхождение, ср. иранско-осетинское *дон* в значении ‘вода, река’. Из этого следует вывод: предшественниками славян в Северном Причерноморье и далее, касаясь Дуная, были другие народы – ираноязычные племена скифов, сарматов, аланов и т.д. То есть названия этим рекам дали указанные ираноязычные племена и пришедшие сюда позднее славяне просто приняли их.

Название немецкого города *Дрезден* этимологически связывают с подмосковным городком *Дрезна*, тем самым доказывая, что имя

Дрездену в глубокой древности дали его основатели-славяне. Примеры можно было бы продолжить.

б) **Антропóнимы** – собственные имена людей (имя, отчество, фамилия, прозвище). Их основа – нарицательные слова, причем заимствований, если говорить о дохристианском времени, среди них почти нет. Примечательно, что нередко в именах видна характеризующая их функция, т.е. их можно как бы «прочитать», ср. такие мужские имена, как *Волк, Неждан, Зима, Продан, Богдан* и под. У историка Йордана находим упоминание антского вождя в форме *Boz (Booz, Vox)*, который в 375 г. был распят. Имя это читается учеными по-разному, в том числе как *Бож* (ср. южнославянские мужские имена *Божидар, Божко* и под.), и производится оно от праславянского слова **vodj* ‘вождь’. В любом случае перед нами один из ранних славянских антропонимов, зафиксированный в VI в.

в) **Этнóнимы** представляют собою достаточно древний слой лексики, однако не настолько – если сравнивать их с гидронимами, поскольку все же к общему имени древние этносы приходили не сразу: требовался длительный период, в течение которого формировалось, развивалось и затем утверждалось этническое самосознание, выражаясь в конечном счете в самоназвании. Самоназвание помогало отличать себя от других народов, отделять одно племя от другого и под. Это очень важная для этнических сообществ функция, позволявшая им ориентироваться в пространстве, населенном разными народами. Большую ценность представляют этнонимы, встречающиеся в античных письменных текстах Геродота (до н.э.), Йордана, Прокопия и др. (н.э.), поскольку они дают возможность хотя бы в общих чертах представить себе, как дифференцировались славянские племена, каково было их место среди других племен, с кем они соседствовали и с кем имели отношения – торговые, экономические, военные и т.д. (подразделе «3.2. Исторические источники» мы показали это). Некоторые этимологические толкования этнонимов позволяют предполагать о местах проживания этноса, его соседях и т.д. Например, по одной из трактовок макроэтноним *славяне* связывается со значением воды. Отсюда делается вывод о том, что *славяне* – это ‘жители рек, увлажненных мест’. Правда, такая этимология устраивает не всех (см. подробнее гл. 6 «Славянская этнонимика»).

3.3.3. Языковые контакты и их отражение в словаре помогают определить, рядом с какими племенами проживали праславяне. Ведь племена, независимо от родства, не только противостояли друг другу, но и торговали между собой, устанавливали иные отношения, в том числе и культурные. Отражением этих процессов являются заимствования из одного языка в другой. Именно они сигнализируют о том, что некогда те или иные народы сталкивались друг с другом, какое-то время проживали по соседству и т.д., а содержание заимствованных слов, их значение, позволяет говорить о том, каких сторон жизни касались межплеменные контакты. Так, кельтские племена, передвигавшиеся почти по всей Европе во второй половине I тысячелетия до н.э., т.е. почти два с половиной тысячелетия назад, оставили следы и в праславянском языке. О. Н. Трубачев обнаружил эти следы в виде кельтских заимствований (кельтские языки относятся к индоевропейским), например, для обозначения таких домашних животных, как *корова*, – слово заимствовано из кельтского *corvas*, что значит ‘олень’ (а это близко по значению), как *конь* – из кельтского *kankos/ konkos* ‘лошадь’ и под. На основе изучения кельтско-славянских языковых контактов О. Н. Трубачев делает вывод о том, что праславяне столкнулись с кельтами в Подунавье, поскольку из истории к тому же известно, что именно с середины I тысячелетия до н.э. начинается их экспансия в Дунайскую котловину, где к тому времени уже проживали славяне.

Изучая древние языковые контакты славян с неславянами – славяно-германские, славяно-италийские, славяно-балтские, славяно-иранские, славяно-финно-угорские и др., ученые нередко спорят о том, к какому времени отнести то или иное заимствование в славянском. Языковой материал, таким образом, позволяет углубиться в первоначальную историю славян, так как он обычно этнически маркирован, т.е. помечен, какому этносу принадлежит лексика. Однако, как мы уже говорили, и здесь возникают немалые сложности с этимологическим толкованием древней апеллятивной и ономастической лексики.

* * *

А теперь приступим к рассмотрению вопроса о том, где же ученые ищут древнейшие места обитания славян и каким образом они это доказывают.

Но сначала коротко коснемся индоевропейской проблемы – ведь славяне по своему происхождению относятся к этой семье народов наряду с балтами, германцами, италийцами-романцами, кельтами, иранцами, индийцами и др.

4. О древнейших местах обитания праиндоевропейцев

Предполагается, что многие тысячелетия назад существовала индоевропейская этническая общность – объединение племен, так или иначе связанных между собою родством или близостью происхождения, похожестью речи, некоторой компактностью проживания, общностью религиозных представлений и т.д. Эту общность в науке называют *праиндоевропейцами*, которые, распавшись задолго до нашей эры, дали жизнь многим группам народов, сохраняющим родство и память об этом до сих пор.

Где же ищут прародину индоевропейцев? На протяжении последних двух веков было предложено большое число гипотез. Индоевропейскую прародину ищут в пределах двух географических зон – в Европе и в Азии: в XIX в. – в Средней Азии, в Северном Причерноморье, в Северной Германии и Южной Ютландии, а в XX в. – в южных областях Европы, в Восточной Европе и т.д. К настоящему времени активнее всего обсуждаются по крайней мере три гипотезы индоевропейской прародины, относимой к концу V–III тыс. до н.э.:

- 1) на север от Каспийского и Черного морей – в лесостепные регионы средней Волги и Южного Урала (а на запад – к Карпатам и нижнему течению Дуная);
- 2) на полуострове Малая Азия (ныне там располагается Турция);
- 3) в центральноевропейском (дунайско-балканском) регионе с присоединением соседних регионов, в том числе части нынешней Украины.

Согласно последней гипотезе, индоевропейцы расселяются по Европе, образуя симбиоз (сосуществование, сожительство) Славии, Романии и Германии, т.е. славянских, романских и германских народов и их миров. Часть их направилась на Восток – через Малую Азию, северное Причерноморье и, возможно, через Кавказ, образуя впоследствии на Востоке индоиранскую этноязыковую общность

(ныне территории Таджикистана, Ирана, Афганистана, Индии, Пакистана, Непала, Бангладеш, Шри Ланка).

Таким образом, территория предполагаемой прародины индоевропейцев, если синтезировать географию рассмотренных выше гипотез, оказывается достаточно обширной, можно сказать – просто необозримой, что вряд ли оправдано с точки зрения логики: прародина должна располагаться на пространстве, которое можно было бы преодолеть связанным определенными нитями племенам, а это, скорее всего, многие сотни, но не многие тысячи километров. Что касается времени существования индоевропейской этноязыковой общности, то в этом вопросе нет ясности. В литературе встречается такая периодизация существования индоевропейского этноса: ранний период до VI тыс. до н.э., средний охватывает V–IV тыс. до н.э. и поздний – IV–III тыс. до н.э. Верхняя граница (т.е. начало) индоевропейцев вообще теряется в произвольных догадках.

5. Прародина славян

Древнейшие места обитания славян располагают только в Европе и к тому же на территориях, так или иначе соседствующих или же расположенных не столь далеко друг от друга. И тем не менее разноречивость в установлении конкретных ареалов обитания достаточно велика, а это значит, что проблема так и остается нерешенной и что мы можем говорить лишь предположительно о первичных местах формирования славян как особой этнической общности. С единственной лишь разницей: одним гипотезам, учитывая приводимые в их пользу доказательства, мы можем доверять больше, другим – меньше либо вовсе никак.

О славянской прародине стали размышлять еще в древности – об этом мы знаем по летописям, затем этот интерес передался средневековым авторам. Попытки научно осмыслить вопрос предпринимаются лишь с конца XVIII – первой половины XIX вв. В XIX в. формируются два подхода в решении вопроса о славянской прародине: с одной стороны, *миграционистский*, с другой – *автохтонистский*. Согласно первому представлению, славяне в Европе – пришельцы, согласно второму – они там автохтоны. Большинство

гипотез XX в. разрабатывается в рамках автохтонистского подхода. За более чем два века были выдвинуты десятки гипотез, большинство из которых сразу или же с течением времени были отвергнуты, иные вызвали интерес на протяжении длительного времени. Литература по данному вопросу практически безбрежна, ее очень трудно не только осмыслить, но и обозреть. Тем не менее мы хотим представить в хронологическом порядке те из гипотез, которые так или иначе привлекали к себе какое-то внимание ученого мира. Сначала обратимся к гипотезам, высказанным до XIX в. включительно.

5.1. Важнейшие гипотезы прародины славян до XIX в. включительно

Таблица № 1

<i>время</i>	<i>источник/ автор</i>	<i>место</i>	<i>аргументы</i>
XII в.	«Повесть временных лет»/ летописец Нестор	Дунай	исторические
средневековье	польская, чешская школы	Дунай	исторические
кон. XVIII – нач. XIX вв.	Й. Добровский, чешский славист	верховья Вислы, Одры, Моравы и Лабы → «на Днепре и за Днестром»	лингвистические
кон. XVIII – нач. XIX вв.	А. Л. Шлёцер, немецкий славист	между Лабой, Вислой и Адриатическим морем	исторические, лингвистические
нач. XIX в.	Н. М. Карамзин	Дунай и Прикарпатье	исторические
1810	Е. Копитар, словенский славист	«ниже Вены, на Дунае, в Паннонии»	исторические, лингвистические
1837–1842	П. Й. Шафарик, словацко-чешский славист	на северо-западе и северо-востоке от Карпат	исторические, лингвистические
XIX в.	М. П. Погодин, Ф. Рачки (хорватский славист), М. Дринов (болгарский славист) и др.	Дунай	исторические

Примечание: 1) датировка гипотез в известной мере условна, так как указывает только на одну или несколько важнейших публикаций автора, который мог работать над проблемой до и позже; 2) местонахождение прародины у некоторых авторов может расширяться или даже изменяться – мы указываем то, которое получило большую или меньшую известность; 3) аргументация указывается в большинстве случаев основная – как правило, соответствующая специальности ученого; 4) слав. *Лаба* → нем. Эльбе (Elbe), слав. Одра → нем. Одер (Oder); 5) настоящее «Примечание» применимо и к таблице № 2 (см. ниже).

Как видим, до XIX в. большинство представлений о славянской прародине в основном так или иначе связаны с дунайской гипотезой. Но не только: Придунавье связывают также с Прикарпатьем и с западной частью славянского мира, взгляд исследователей доходит и до Приднепровья, т.е. древнейшие места славян хотят видеть в Центральной и Восточной Европе. Правда, это все же пока робкие догадки.

5.2. Гипотезы прародины славян в XX в. Ситуация меняется в начале XX в., когда такие авторитетные ученые, как чешский археолог Л. Нидерле, пытаются переключить внимание исследователей от дунайского бассейна на другие регионы, ср. его заключение в книге «Славянские древности»: «Дунайская теория утратила свое былое значение <...>». Действительно, стали вестись интенсивные поиски прародины в других местах, однако о Дунае все же не забывали. Представим в таблице важнейшие гипотезы, сформулированные в XX в.:

Таблица № 2

<i>время</i>	<i>источник / автор</i>	<i>место</i>	<i>аргументы</i>
1904	В. О. Ключевский	Дунай	исторические
нач. XX в.	Й. Л. Пич, чешский археолог	Подунавье и Венгрия → между Лабой и Вислой	археологические
нач. XX в.	Я. Пейскер, чешский историк	басс. Припяти	исторические
нач. XX в.	А. А. Шахматов	басс. Немана и Зап. Двины	лингвистические

<i>время</i>	<i>источник / автор</i>	<i>место</i>	<i>аргументы</i>
нач. XX в.	Л. Нидерле, чешский археолог	«к северу от Карпат, между реками Висла и Днепр»	археологические, исторические
кон. XIX – 1913	В. В. Хвойка, украинский археолог	Среднее Поднепровье	археологические
1910	А. Л. Погодин	Волынь (Украина) и шире	лингвистические
20–30-е гг.	Я. Чекановский, М. Рудницкий, К. Яжджевский, Ю. Костшевский и др. польские археологи и историки	между Вислой и Одрой	археологические, исторические
1-я пол. XX в.	М. Фасмер, рус.-немецкий славист, Х. Хирт, немецкий и.-европеист, Я. Ростафинский, польский историк	Полесье и смежные территории	лингвистические, исторические, археологические
1-я пол. XX в.	Я. Розвадовский, польск. славист	верхний Днепр, Неман → от Вислы до Днепра	лингвистические
1941	А. М. Селищев	«северное Прикарпатье, басс. Вислы, правые притоки Припяти, Сред. Поднепровье, верхние течения Буга, Днестра»	исторические, лингвистические
2-я пол. XX в.	М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, польский историк Г. Лябуда и др.	между Днепром и Вислой	археологические, исторические
1946 и др.	Т. Лер-Сплавинский, польский славист	между Вислой и Одрой → от Одры на западе до среднего Днепра с Десной на востоке	лингвистические и др.

<i>время</i>	<i>источник / автор</i>	<i>место</i>	<i>аргументы</i>
1957	К. Мошинский, польский славист	от центральных областей Украины до Прибалтики	лингвистические
→ 1958	В. Р. Кипарский	между Карпатами, Приднестровьем и Пинскими болотами – до верхней Одры на западе	лингвистические
60–70-е гг.	Ф. П. Филин	среднее течение Днепра	лингвистические
1963 г. и далее	В. В. Мартынов	между Вислой и Одрой	лингвистические
1973	В. П. Кобычев	карпато-дунайский ареал	археологические
1973	Е. Налеп, польский славист	между Вислой и Одрой	лингвистические
70–80-е и далее гг. XX в.	О. Н. Трубачев	к северо-востоку от Карпат → среднее течение Дуная/ Центральная Европа	лингвистические и др.
70–90-е гг.	Х. Бирнбаум, американский славист	между Карпатами и средним течением Днепра	лингвистические и др.
1979 г. и далее	В. В. Седов	между Вислой и Одрой	археологические
1979	Й. Удольф, немецкий славист	польское Прикарпатье, Галиция (Украина)	лингвистические
1981	В. Маньчак	между Вислой и Одрой	лингвистические
1985	А. М. Шенкер, американский славист	Среднее Поднестровье	лингвистические и др.
80-е гг.	Х. Кунстманн, немецкий славист	Южные Балканы	лингвистические
1991/1992	З. Голомб, польский славист	Верхний Дон → киевско-волынский ареал	лингвистические

Как видим, в XX в. внимание исследователей сосредоточено на Центральной и Восточной Европе. Гипотезы варьируют именно в рамках этих зон, причем в одних случаях прародину помещают на весьма ограниченной территории, в других, комбинируя разные точки зрения, так или иначе ее расширяют. Идея О. Н. Трубачева о возможности нескольких прародин у одного и того же этноса или этнического сообщества, высказанная им еще в 70–80-е гг. XX в., оказалась достаточно продуктивной.

В настоящее время актуальными можно считать по крайней мере висло-одерскую, среднеднепровскую и дунайскую (дунайско-балканскую) гипотезы.

5.3. Висло-одерская (одрская) гипотеза прародины славян.

В известной степени висло-одерская гипотеза прародины славян противостоит среднеднепровской гипотезе и в то же время соприкасается с нею в некоторых вопросах. Ее истоки восходят к концу XVIII в. Интенсивно эта гипотеза стала разрабатываться в 20–30-е гг. XX в.: земли между реками Висла и Одра объявляются исконно славянскими. Основные представители гипотезы – это польские ученые: Ю. Костшевский, Я. Чекановский, М. Рудницкий, К. Ягджевский, Л. Козловский, Т. Лер-Сплавинский и др. Со времен СССР эту точку зрения отстаивали археологи Ю. В. Кухаренко, В. В. Седов, языковед В. В. Мартынов. Сторонники висло-одерской гипотезы используют данные различных наук – археологии, антропологии, языкознания, палеоботаники и т.д. Наиболее полно сущность этой гипотезы изложил Т. Лер-Сплавинский в книге «О происхождении и прародине славян» (1946). Опираясь на археологические данные, Т. Лер-Сплавинский таким образом представил этапы формирования славян:

1) до II тыс. до н.э. Северо-Восточная Европа (до Силезии и Поморья) была заселена финно-уграми, создателями так наз. культуры гребенчатой керамики;

2) со II тыс. до н.э. из Центральной Европы на восток двигаются племена культуры шнуровой керамики (до Среднего Поволжья и Северного Кавказа) – одна из групп индоевропейских племен;

3) финно-угры и индоевропейцы, взаимодействуя, формируют балтославян (= прабалтов), создавших в середине II тыс. до н.э. Лу-

жицкую культуру, которая в основе принимается за славянскую, поскольку у славян и у носителей этой культуры совпадают а) форма и приемы строительства жилищ, б) места поселений, в) погребальные обряды (трूपосожжение);

4) наступает распад общности на праславян и прабалтов, причем славяне сложились как особая этническая группа к середине I тыс. до н.э. между Вислой и Одрой.

В целом в этом же направлении идет и археолог В. В. Седов.

Лингвистические аргументы сводятся к следующему:

1) Бассейны Вислы и Днепра характеризуются общностью гидронимии, причем в районе Днепра те же самые гидронимы встречаются обычно в уменьшительной форме, т.е. выступают с уменьшительными суффиксами, что является показателем вторичности и более позднего происхождения (что первично – *стол* или *стол-ик*?!). В указанном регионе – в Польше и на Украине – исследователи отметили, например, следующую особенность: гидроним *Берза* (и производные формы) встречается 210 раз, *Луг* (польск. *Łęg*) – более 100 раз, *Дубровка* (и производные) – 180, *Морава* – 16, *Бобр* (и производные) – 32 раза и т.д. Ср. уменьшительный характер гидронимов в бассейне Днепра и Припяти: *Одр-ин-о*, *Оси-иц-а*, *Коломый-к-а* и под.; также: на западе *Висла* – на востоке *Вислок*, *Сан* – *Санок*, *Саница* и под.

2) Топонимия Припятского Полесья является в основном славянской по происхождению, а это значит, утверждают сторонники гипотезы, что она возникла сравнительно поздно, когда славяне уже сложились как особая этническая общность со своим языком.

3) Наличие слова *море* во всех славянских языках свидетельствует о том, что славяне жили на берегу моря, а таковым могло быть только Балтийское, куда впадают и Висла, и Одра.

4) Наличие в праславянском языке заимствованных слов из древнегерманского, которые явились следствием длительных контактов, идущих от позднего праиндоевропейского языка, т.е. с того самого периода, когда славяне отделились от него. Датируются эти контакты приблизительно рубежом двух эр.

В. В. Мартынов обращается к славяно-германским, славяно-италийским, славяно-кельтским и славяно-иранским контактам в

пограничных с предполагаемой висло-одерской прародиной областях (типа праслав. **děľь*, *děľiti* заимствованы прагерманцами в виде **daila*, *dailjan* ‘часть, делить’ и т.д.), полагая, что выделившаяся из индоевропейской общности протобалтская (*pr̥oto-* – ‘первичный’, ‘самый древний’) со временем распадается на западную и восточную ветвь балтов, а позднее из одной из них формируются «протославяне», т.е. славяне производятся от балтов.

Висло-одерская гипотеза вызывала и продолжает вызывать возражения, разумеется, тех ученых, которые разрабатывают или поддерживают иные точки зрения. Большое число противников у нее среди тех, кто отстаивает среднеднепровскую гипотезу. Их контраргументы сводятся к следующему:

1) Топонимия висло-одерского ареала наряду со славянской содержит неславянские топонимы, не поддающиеся расшифровке (*Висла*, *Одра* и др.).

2) Слово *море* не только славянское, оно более древнее – восходит к индоевропейскому **mori*/**mōri*. Материал других индоевропейских языков дает возможность выявить у этого слова не только значение ‘море’, но и другую гидронимическую семантику: например, в древнегерманском это слово обозначало не ‘море’, а ‘стоячая (пресная) вода, болото, болотистое место’, – возможно, это и есть первичное значение интересующего нас слова, прошедшего такой этап своего семантического развития: ‘стоячая вода’ / ‘болото’ → ‘море’.

5.4. Среднеднепровская гипотеза прародины славян. Эту гипотезу, противостоящую висло-одерской (хотя отстаиваемые ими «прародины» сопредельны), разрабатывают в основном восточнославянские ученые. К ней близки ранее обнародованные точки зрения, например, российско-немецкого слависта М. Фасмера о «припятско-волинской прародине», польских ученых Я. Розвадовского, обнаружившего на основе анализа гидронимов большой их процент славянского происхождения между Днестром и Двиной, К. Мошинского, пришедшего к следующему заключению: праславяне на рубеже двух эр жили на территории от Западного Буга до Среднего Днестра на востоке, на юге они занимали правобережные лесостепные просторы, а на севере – бассейн Припяти (т.е. южную часть Белоруссии и северную Украину – на западе от Днестра).

С. Б. Бернштейн (1961) обращался к «методу исключения», который был разработан и использовался в индоевропеистике и славистике в подобных случаях еще в XIX – начале XX вв. Суть его заключается в следующем: неизвестно, какие племена можно поселить в указанном ранее регионе, так как

- 1) балты жили к северу от Припяти,
- 2) венеты (старые индоевропейские племена) занимали территории на западе,
- 3) кельтские племена – на юго-западе,
- 4) фракийцы – южнее,
- 5) ираноязычные племена – на юго-востоке,
- 6) в I тыс. до н.э. здесь не было и финно-угров.

Таким образом, заключенная между указанными племенами территория и является прародиной славян, а это географически и есть среднее течение Днепра.

Ф. П. Филин (1972) также применил «метод исключения», но получил несколько отличающиеся выводы:

- 1) балты располагались севернее Припяти, ниже Десны,
- 2) финно-угры – восточнее и севернее балтов,
- 3) ираноязычные племена – южнее,
- 4) дакийцы – на Карпатах,
- 5) фракийцы, иллирийцы и фригийцы – на Балканах,
- 6) готы (восточногерманские племена) – на западе (в районе Вислы и Одры).

Вывод: для славян остается территория между средним течением Днепра и Западным Бугом. Этот вариант славянской прародины можно назвать среднеднепровско-западнобужским. Однако главные аргументы Ф. П. Филина лингвистические. Он основывается на анализе состава и географического распространения некоторых слоев праславянской лексики. Это:

- 1) названия особенностей ландшафта: *озеро, пруд, болото, багно* ‘топь, трясина, болото’, *болонье* ‘низкое место, покрытое травой (или залитое водой)’, *бор, лес, пуца, дубрава, луг* и др.;
- 2) названия таких деревьев: *береза, дуб, липа, ясень, клен, осина, орех, ольха, рябина, верба, ива, ель* и т.д.;
- 3) названия животных: *медведь, заяц, волк, лиса, рысь, олень, тур, лось, зубр, вепрь, куница, соболь, ласка, горностай*;

4) названия пресноводных: *окунь, сом, линь, елец, язь, щука, лещ* и др.;

5) названия птиц: *лебедь, стриж, гусь, утка, голубь, соловей, ворон, скворец, дятел* и под.²

Таким образом, определяются лексические микросистемы (см. пункты 1–5), все их элементы, т.е. слова-названия и обозначаемые ими предметы, или референты (= то, что стоит за словом), и делается вывод:

«По предварительным данным праславянской лексики, праславяне занимали (по крайней мере, во второй половине I тысячелетия до н.э. – в начале новой эры) лесистые земли умеренного климата, обильные реками, озерами и болотами».

Именно такой ландшафтной зоной, по мнению автора, является Среднее Поднепровье, где произрастают указанные растения и водятся соответствующие животные. Отсюда, опираясь также на исследования польского ученого К. Мошинского и др., Ф. П. Филин делает вывод о том, что праславянскому языку были чужды слова, обозначающие реалии степей, гор и морей, так как в большинстве своем они являются в славянских языках либо заимствованиями из других языков, либо возникли позднее. Все это аргументируется следующим образом:

1) слово *степь* появляется в письменности только в XVII в.; по свидетельству О. Н. Трубачева, оно было заимствовано из языка ираноязычных племен юга России;

2) слово *поле* является многозначным и его применение к степи неисконно;

3) слово *гора* в праславянском языке имело, как считает автор, по крайней мере два значения – ‘возвышенность’ и ‘лес’, т.е. ‘холм, возвышенность, покрытая лесом’; «горные» слова *хребет, гребень, ущелье, планина (полонина)* ‘горное пастбище’, *пик* и под. – все с переносными, т.е. вторичными, значениями либо являются заимствованиями;

² См. доклад Ф. П. Филина «К проблеме происхождения славянских языков» на VII Международном съезде славистов в Варшаве в 1973 г. в кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 385.

4) слово *море* имело первоначальное значение ‘болото’, ‘озеро’ (ср. выше); что касается таких слов, как *сельдь*, *треска*, *салака*, *килька*, *бельдюга*, *минога*, *тюрбо* ‘промысловая рыба из камбалобразных’ (франц.), *тюлень* и под., то это либо очевидные заимствования, либо образования локального характера.

Таким образом, лингвистические аргументы создателей среднеднепровской гипотезы базируются исключительно на лексическом материале, возводимом к праславянской эпохе. Разумеется, только этого недостаточно для решения проблемы, отстоящей от нас многие тысячи лет назад. Среди прочих дискуссионным остается вопрос: знали ли все-таки праславяне о горах? О. Н. Трубачев еще в 70-е гг. XX в. писал, что ошибочно вычитать из того, что знали праславяне, горы и горный рельеф, ибо им были слышны и видны Карпаты даже со Среднего Поднепровья. Как было выше отмечено (см. пункт 3), слову *гора* предписывается несколько иное значение, чем то, что оно имеет сейчас, – ‘холм, возвышенность, покрытая лесом’. Действительно, материал славянских языков дает возможность выявить в этом слове два значения – ‘гора’ и ‘лес’ (и связанные с лесом значения). Вот доказательства из книги Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология» (1969): болг. *гора* ‘гора’ и болг. диал. *гора*, *горь* ‘гора’ и ‘лес’, макед. *гора* ‘лес’ и редко ‘гора’, серб.-хорв. *gōra* ‘гора’ и диал. ‘лес’, словен. *góra* ‘(высокая) гора’ и ‘горный лес’ – особенность, больше характерная для южнославянских языков. Охватывает она также часть западнославянской территории, ср.: чеш. *hora* ‘гора’ и диал. *hora* ‘лес’, словац. *hora* ‘гора’ и ‘гора, обычно поросшая лесом’ и др.

Слабым аргументом среднеднепровской гипотезы О. Н. Трубачев считает также отрицание древности степи, указывая на наличие названий степных птиц куропатки и дрофы, в основе которых лежат древнейшие праславянские корни.

5.5. Дунайская (дунайско-балканская, центральноевропейская) гипотеза прародины славян. Это самая старая гипотеза из всех существующих. Возникла она в раннем средневековье и отражена уже в древнерусской летописи «Повесть временных лет», которую приписывают летописцу Нестору и обычно датируют XII в., хотя есть основания полагать, что составлялась она еще в XI в., а может быть, и ранее.

«В истории всей славянской культуры, – пишет О. Н. Трубачев в книге «Этногенез и культура древнейших славян», – трудно назвать другую идею, которая знавала бы столькие перипетии, устойчивые взлеты и сокрушительные ниспровержения, как идея дунайской прародины славян. Быв долгое время – ряд столетий – преданием книжным (последнее явилось, естественно, лишь записью устного предания, народного, бытовавшего в древности дописьменной, но, вероятно, и в более поздние времена – параллельно с книжными версиями средневековых славянских хронистов и историков), традиция дунайской прародины славян попала в орбиту славянской науки в XIX в., как казалось, только затем, чтобы научное славяноведение начинающегося XX в. окончательно рассталось с этой традицией, объявив ее ‘ненаучной’».

В XIX в. с научной ее интерпретацией впервые выступил живший в России болгарин М. Дринов, издав в Москве монографию с показательным названием, – «Заселение Балканского полуострова славянами» (1872). Однако популярная в течение многих веков, эта гипотеза в начале XX в. была объявлена устаревшей. Как мы выше заметили, «точку» на ней поставил, т.е. объявил ненаучной, чешский археолог Л. Нидерле. В течение указанного века большинство исследователей высказывались о вторичности славян на Балканах, т.е. об их заселении уже в историческое время – в IV–VII вв.³

В «Повести временных лет» летописец сообщает:

«πο μ↓νοφ ξ↓ <ε πρεμεν ξ↓ σ λι συτ| σλω| νε πο δ|να\πι, κ↓δε \στ| ν\ν| ⇔ γ↓ρ|σκα φεμλ™ ι Β↓λγαρ|σκα. Ι οτ↓ τ ξ↓ Σλω| ν↓ ραφιδωασ™ πο φεμλι ι προφ↓παωασ™ ιμεν\ σποιμι <...>» ‘С незапамятных времен осели (сидели) славяне по берегам Дуная, где ныне Венгерская земля и Болгарская. И от тех славян разошлись по земле и прозвались своими именами...’.

Обычно на современный русский язык фразу πο μ↓νοφ ξ↓ <ε πρεμεν ξ↓ переводят как ‘по прошествии долгого времени’ или ‘после многих времен’. Предполагаем, что эту фразу можно понимать и как ‘с незапамятных времен (осели / сидели славяне по бе-

³ См., например: Н. В. Шувалов. Проникновение славян на Балканы. // Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998. С. 5–28.

регам Дуная)’ – и тогда знаменитое высказывание Нестора обретает свой истинный смысл: по берегам Дуная славяне жили всегда. Далее. «Венгерская земля» – это историко-географическая область Паннония, заселенная славянами и другими индоевропейскими народами и колонизованная в конце IX в. предками венгров; «Болгарская земля» – страна болгар на Балканах. Таким образом, речь здесь идет о сопредельном дунайско-паннонско-балканском ареале как о первоначальном месте проживания славян (словен), которое входит в состав центральноевропейской, или дунайско-балканской, прародины индоевропейцев и, исходя из этого, может квалифицироваться как автохтонное, т.е. исконное.

Примечательно, что в раннее средневековье были популярными легенды и мифы об исходе славян из Паннонии, т.е. с юга на север, и, наоборот, с севера – на юг. Так, в XIII в. среди поляков и чехов была распространена легенда о славянском праотце Пане и его сыновьях Лехе (Ляхе), Чехе и Русе (Мехе), которые когда-то жили в Паннонии, после чего они вместе со своими соплеменниками двинулись на север и северо-восток: Лех отправился туда, где ныне Польша, Чех – где Чехия и Рус – где Россия. Известно также, что в рассматриваемый период чехи, поляки, лужичане искали своих предков где-то в Хорватии, т.е. на юге. В то же время южнославянские летописцы утверждали, что их предки пришли с севера – из Польши и Чехии. Кстати, северное происхождение южных славян отстаивают и некоторые ученые XX в. Так, в книге сербского историка Р. Новаковича (Р. Новаковић) «Откуда пришли сербы на Балканский полуостров» утверждается, что прародину сербов и хорватов следует искать в междуречье от верхнего течения Вислы и рек Лабы и Салы и что их путь на Балканы проходил по западу Паннонии⁴.

Несколько раньше появилась книга археолога В. П. Кобычева «В поисках прародины славян» (1973), в которой он отстаивал карпатско-дунайскую прародину славян, опираясь на данные археологии. Истоки материальной культуры славян находились на юго-западе, в районе Карпат и Дунайского бассейна, что подтверждается

⁴ Р. Новаковић. Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво. (Историјско-географско разматрање). Београд, 1978.

характерными элементами славянской керамики, похожей на связанную с византийской и римской цивилизациями дославянскую керамику Дунайского бассейна. Совпадение племенных названий, встречающихся у южных и западных славян (у полабских, поморских и др.), не может быть объяснено заимствованием; скорее всего такие племенные названия вместе с их носителями появились на западе с юга. И т.д.

А теперь обратимся к аргументации акад. О. Н. Трубачева, возродившего дунайскую гипотезу в работах 80–90-х гг. XX в., в частности, серией статей «Языкознание и этногенез славян», «Этногенез и культура древнейших славян» и др., а затем и монографией «Этногенез и культура древнейших славян» (1991 и 2003 гг. издания), на которую мы и будем опираться в дальнейшем изложении. Однако сначала напомним, что еще в 70-е гг. XX в. Трубачев был склонен искать славянскую прародину где-то на северо-востоке от Карпат, хотя уже тогда он все больше задумывался о Юге⁵. Чем активнее шла работа над реализацией его выдающегося проекта «Этимологический словарь славянских языков», первый выпуск которого вышел в 1974 г., тем все более, по его признанию, мысль перемещалась на Юг, в направлении дунайско-балканского региона, пока не оформилась в достаточно цельную концепцию.

Трубачев считал, что «в древнерусской ‘Повести временных лет’ Нестора написаны слова, которым навсегда суждено остаться краеугольным камнем теории славянского этногенеза» (см. вышеприведенный фрагмент из этой летописи). Где же он локализует прародину?

«Суть моей точки зрения в том, – пишет Трубачев, – что древнейший ареал славян локализуется в Центральной Европе, на Среднем Дунае и в Паннонии (Западная Венгрия). Я пришел к такому пониманию далеко не сразу, под давлением чисто языкового материала». И далее: «<...> ареал древних славян на Дунае можно было бы себе представить как земли, населенные предками всех славян и охватывающие Венгерскую низменность, на востоке – часть Транс-

⁵ См., например: О. Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян. // Вопросы языкознания, М., 1974, № 6. С. 48–67.

ильвании и Баната, на западе – часть Нижней Австрии, на юге – полосой – какую-то часть позднейших южнославянских территорий».

Основная аргументация Трубачева – лингвистическая. Разумеется, он прибегает и к данным других наук. Так, он прислушивается к мнению археологов о том, что не существовало как общей, единой индоевропейской, так и славянской археологических культур. Однако не соглашается с утверждениями о том, что славянская материальная культура (памятники пражского типа) не древнее VI в. н.э. Археологи обычно ищут непрерывную культурную преемственность, однако в бассейне Среднего Дуная, который был проницаем для всяческих, в том числе и культурных, влияний, ожидать такой непрерывности нет резона. Более того, по некоторым данным, славянская керамика поселений Великой Моравии VIII–IX вв., как и раннеславянская пражская керамика, изготовлялась в соответствии с римскими мерами жидких и сыпучих тел. Как свидетельствовал немецкий археолог Й. Херрманн (J. Herrmann), предки племен сербов (нем. *Sorben / сорбы*), или серболужичан, а также хорватов, когда-то живших в Саксонии (Германия), пришли туда с юга, т.е. с Балкан.

Наиболее весомым археологическим аргументом в пользу юга как исхода индоевропейских, а позднее и славянских племен является, по нашему мнению, трупосожжение. Акт трупосожжения возник, без сомнения, на юге как мера против вспышек эпидемий (ср. не захоронение, а сжигание мертвых, сохраняющееся до наших дней далеко на Юге, в Индии). Его распространение к северу – дань прежде всего уже утвердившейся традиции.

Что касается исторических источников, то, как свидетельствовал Л. Нидерле, они упоминают славян на Дунае по крайней мере начиная с III в. н.э. О. Н. Трубачев обращает внимание на эпитафию, т.е. надгробную надпись, Мартина Бракарского св. Мартину Турскому (оба уроженцы Паннонии). Последний жил в IV в. и совершал христианские миссии среди славян Паннонии, что дает основание считать присутствие славян до указанного времени очевидным фактом.

Об этом же свидетельствует и употребление античными авторами этнонимов *венеды / венеты*, *славяне / скламены*, связываемых с дунайским и околoduнайским регионами. *Венеды / винды / венды* –

так славяне себя никогда не называли. Это имя, данное соседями: на Балканах так называли предков словенцев, а на севере – тех славян, которые жили по соседству с германскими племенами. Есть мнение о том, что этот этноним попал отсюда в прибалтийско-финские языки в формах фин. *venelainen*, эстон. *venelane*, что значит ‘русский’. Однако возникает вопрос: почему прибалтийско-финские племена, которые жили рядом со славянами – словенами и кривичами, должны были воспользоваться чужим этнонимом, если кривичи непосредственно контактировали с предками латышей, а ильменские словене – с предками прибалтийско-финских племен? Ведь с тех времен латыши стали называть русских *krievs* – от *кривичи*, а прибалтийские племена, соседствовавшие с ильменскими словенами, могли называть последних, используя этноним *словéне*, но – в усеченной форме, т.е. с отрывом первого слога: *вене* – ср. эстон. *vene* ‘русский’. В пользу такого предположения говорит тот факт, что в эстонском (и, вероятно, в финском) языке при заимствовании часто отрываются начальные безударные слоги, ср. *рогúлька* → *kulka*, *заку́ска* → *kuska*, *барáнка* → *ranka*, *полуве́рник* → *verník*, *оди́нок* → *nokk*, ср. также современные: *комба́йн* → *rain*, *мотоци́кл* → *tsikkell* и под. Этому же процессу мог подвергнуться и этноним *словéне* → *сло-вене* → *вене* / *vene*. Важно при этом иметь в виду, что этот сокращенный этноним получил распространение только среди прибалтийско-финских племен⁶.

По свидетельству Йордана, венеты жили севернее склавен (как считают, предков южных славян), а к востоку от них размещались славяне-анты (в последних некоторые исследователи видят предков восточных славян). И еще. Жившие некогда на территории нынешней Германии, в земле Саксония, как свидетельствуют исторические источники, племена хорватов, а также предки до сих обитающих там сербов (или серболужичан) переселились с Балкан, т.е. с юга. Это отмечают некоторые исследователи, в т. ч. и немецкий славист Х. Кунстманн (H. Kunstmann).

⁶ Приношу благодарность за указанную прибалтийско-финскую лингвистическую особенность знатокам истории, традиционной культуры и языка старообрядцев Чудского озера (эстонское Причудье) Ф. А. Савихину и А. Казикову, выходцам из этой среды.

Трубачев очень интересно использовал аргумент этнической памяти, ср.:

«Чем были вызваны вторжения славян в VI в. в придунайские земли и далее на юг? Союзом с аварами? Слабостью Рима и Константинополя? Или толчок к ним дали устойчивые предания о древнем проживании по Дунаю? Может быть, тогда вся эта знаменитая дунайско-балканская миграция славян приобретает смысл реконкисты, обратного завоевания <...>? Чем иным, как не памятью о былом житье на Дунае, отдают, например, старые песни о Дунае у восточных славян – народов, заметим, на памяти письменной истории никогда на Дунае не живших и в раннесредневековые балканские походы не ходивших?».

Действительно, почему летописец Нестор уверенно написал, что сидевшие на Дунае славяне именно оттуда расселились по разным землям? То есть, что исходом славян был именно бассейн Дуная?

В народной славянской традиции Дунай становится центром мира. В одних преданиях он оказывается райским местом, ср., например, призыв Сына Божия в одной из песен середины XVIII в.: «Гребите вниз по батюшки по тихому по Дунаю, от краю други до краю до небеснова до раю». Пересечение Дуная воспринималось как символ брака: ср. мотивы Дуная в русском свадебном фольклоре, мотив выдачи замуж «за Дунай» в русской и польской фольклорной традиции и т.д. Кроме того, Дунай в некоторых устных народных традициях является также местом смерти и погребения: молодец или девица тонет в Дунае и под. В древнерусском (восточнославянском) эпосе XII в. «Слово о полку Игореве» есть такие слова из известного «плача Ярославны» (в современном переводе):

«На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

В «Воскресенской летописи» городá на Дунае называются русскими городами. Князь Святослав называл дунайские земли «середой земли моей». Наконец, не забудем также о том, что в русском фольклоре весьма часты мотивы «голубого Дуная», «Дуная-батюшки» и даже «Дон-Дуная».

К сказанному добавим также, что восточные славяне не только сохраняли, но и активизировали (особенно после возвращения некоторой их части на Балканы в период «Великого переселения народов») свои связи с балкано-дунайским ареалом, о чем, например, свидетельствовал еще в X в. византийский император Константин VII Багрянородный в приписываемом ему сочинении «Об управлении империей». В специальном разделе «О росах, отправляющихся с моносилами [выдолбленными в стволе дерева лодками] из России [так!] в Константинополь» он описывает трудности путешествия росов по Днепру и далее до самого Дуная. Из описания видно, что росы с успехом преодолевали на этом пути все препятствия⁷.

Трубачев считал, что в изучении древних эпох приоритет принадлежит лексике, хотя в науке до сих пор до конца не осознается объяснительная сила слов для исследования древней истории и культуры народов, ср.:

«<...> сейчас все больше признается этногенетическая важность лексических свидетельств, сравнительно с фонетическими различиями, которые конституировались относительно поздно, в славянском – начиная с I тысячелетия нашей эры, в германском – не ранее середины I тыс. до н.э., тогда как лексические изоглоссы ‘золото’, ‘серебро’, ‘рожь’, ‘свинья’, ‘поросенок’, ‘рало’, ‘сеять’, ‘серб’ и многие другие насчитывают к этому времени не одно тысячелетие, а с ними и языковая, и культурная самобытность соответствующих индоевропейских племен».

Какую же лексику следует изучать для того, чтобы проникнуть в глубь веков и тысячелетий и, разумеется, пролить тем самым некоторый свет на происхождение этноса? Как мы уже говорили, это апеллятивные и собственные слова, а также следы языковых контактов.

1) Изучение *апеллятивной лексики* позволяет установить, что знали праславяне и чего они не знали, чем и где занимались, рядом с какими племенами они проживали и т.д. Праславяне, как и их предки праиндоевропейцы, были земледельцами и скотоводами. Параллельно с этими занятиями они не бросали также более древнее –

⁷ Сочинение в переводе на русский язык опубликовано в сб. «Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.)», с. 269–320, о росах – с. 271–273.

собирательство, которым занимались сезонно. Отсюда вытекает, что древнейшей лексикой является именно лексика собирательства. Однако для нас важно сейчас убедиться в том, что праславянский унаследовал особенности лексики праиндоевропейского языка, из которого он вышел, ср. и.-е. **sēmen-* ‘сеемое; то, что сеют; семя’, отчетливо сохранившееся в праславянском в виде **sěmę* ‘семя’, а отсюда рус. *семя* (мн. *семена*) и т.д.; и.-е. **bherEgḷos*, **bherEgḷa* ‘яркая, ослепительно белая’, развившееся в праславянском в **berza* (мягкий заднеязычный *gḷ* в праславянском перешел в *z*), ср. рус. *береза* и под.

Очень существенно сохранение в праславянском индоевропейского лексического параллелизма. Так, древнейшее мышление индоевропейцев разделяло свет – в одном случае, когда он не имел прямого источника (ср. день в отличие от ночи), в другом – когда такой источник в виде солнца был, что и отражено в лексике праиндоевропейского и праславянского языков, ср.: и.-е. **di-/dei*— и праслав. **dьнь* – оба в значении ‘день’, и.-е. **sul-/sau—El-* и праслав. **sьlньse* – оба в значении ‘солнце’. А вот очень показательная лексическая триада *дом – село – город* (первоначально – ‘укрепление’): и.-е. **domos* и праслав. **domъ* ‘дом’ – и.-е. **u—ei—kḷ-/u—ikḷ-/u—oi—kḷo-* и праслав. **вьсь* ‘весь, село’ (и.-е. губно-губной *u—* перед гласным переходил в праславянском в губно-зубной *v-*, и.-е. заднеязычный мягкий *kḷ* перешел в праславянском в *s*) – и.-е. **ghordh-/gḷhordh-* и праслав. **gordъ* ‘город (укрепление)’. Примеры можно было бы продолжить. Все они свидетельствуют о непосредственной связи праиндоевропейской и праславянской лексики.

2) Центральноевропейскую **ономастику**, в частности, гидронимию и этнонимию Трубачев считал очень древними. Так, предки венгров, осваивая Подунавье, застали здесь густое славянское население. Такие *гидронимы*, как *Sztruga* [*Struga*], *Tirnavă*, **Bъръ* [*Borz'*], **Rěčina* [*Rečina*], **Bystrica*, **Sopot*, *Toplica*, **Bělggrad*, **Prevlak*, **Dьbricinъ* [*Dobricin*], **Požega*, **Сръньградъ* [*Crnograd*] и под., распространены в Паннонии и Потисье (по берегам притока Дуная Тисы), иными словами, по обе стороны Дуная. Далее. У Плиния (I в. н.э.) встречается топоним *Pathissus* – это не столько название реки Тисы, сколько прилегающей к ней местности *Потисье*, ср.

аналогичные названия типа *Поморье*, *Полабье*, *Подунавье*, *Поднепровье* и т.д. Речь идет о типично славянском сложении с приставкой *ра-* = *ро-*. Во II–IV вв. н.э., как свидетельствовал еще Л. Нидерле, опираясь на античных авторов, «у нижней Савы, между Дравой и Савой, засвидетельствовано название реки *Вуки*, т.е. ‘Волчьей реки’» – гидроним явно славянского происхождения.

В связи с топонимией заслуживает особого внимания и такое наблюдение Трубачева. В европейской *топонимии* он отметил большое число составных названий с первыми компонентами *мало-* и *велико-*: ср. слав. *Малороссия* – *Великороссия*, *Малопольша* – *Великопольша*, ср. также неславянское в русской передаче *Великобритания* и некоторые др. Удалось выяснить, что слово *великий* применительно к топонимам рассматриваемой модели первоначально обозначало ‘новый’, ‘вновь освоенный’, в то время как *малый* – это ‘исходный’, ‘первоначальный’. Таким образом, *Малороссия* – это изначальная территория, а *Великороссия* – территория дальнейшего освоения больших пространств, вторично освоенная. *Великобритания* названа так относительно исходного полуострова Бретань (юг).

Где же располагаются стоящие за топонимами с компонентами *Малый* и *Великий* пространства? Системно-типологический подход показал, что территории, обозначаемые компонентом *Малый*, всегда расположены южнее территорий с начальным компонентом *Великий*. Достаточно посмотреть на географическую карту, чтобы убедиться в этом. Вот что пишет Трубачев о Малопольше и Великопольше:

«То, что вислинские славяне [жившие по берегам Вислы] шли от истоков к устью главной польской реки, постепенно осваивая висло-одерское междуречье на север и северо-запад, подтверждает территориальное распределение названий *Malopolska* (юг) и *Wielkopolska* (вторично освоенный Северо-Запад). Таково обычно типологическое свидетельство географических названий с атрибутом ‘Велико, Великая’: это, как правило, зоны экспансии [т.е. зоны позднейшего заселения]».

Таким образом, рассматриваемый факт дает возможность проследить, откуда и куда шли миграции древних племен. Трубачев в этой связи полагает, что известное в истории древнее княжество (государство) западных славян *Великая Моравия* является также

территорией позднейшего освоения – в таком случае «Малую» Моравию (в исторической литературе – просто Моравия) следует искать ближе к Балканам. Обе Моравии привязаны к одноименной реке.

Примечательно, что такое непонимание вопроса тянется с древности:

«Эта модель [*малый – великий* в топонимах] никакой великодержавности и шовинизма в себе не таит, хотя так подчас охотно думают, начиная с Плиния, который связывал название *Magna Graecia* [‘Великая Греция’] с ‘кичливостью’ греков, пришедших якобы в восторг по поводу красот вновь освоенной страны. На самом деле *Magna Graecia* выражает ориентацию ‘новой’ Греции (Нижней Италии) относительно старой метрополии, Эллады».

Что касается этнонимии, то Трубачев исследовал структуру племенных названий в славянском, германском, кельтском, иллирийском и фракийском языках: если в прагерманском этнонимы по сути равны нарицательному слову, то во всех остальных они оформляются определенными этнонимическими суффиксами, что говорит о «несомненной древней сопредельности или по крайней мере близости иллирийской, фракийской и славянской языковых территорий»⁸. А таковой территорией мог быть только дунайско-балканский ареал. Здесь же, а также в прилегающих областях нашел свое распространение и макроэтноним *славяне / словене*, ср. *словенцы* (Словении), первоначальное название *словенцы* по отношению к хорватам, несколько севернее, но примыкая к Паннонии, – *словаки*. Все эти народы в древние времена назывались *словенами – словене*. Этнонимы *словенцы* и *словаки* функционируют до настоящего времени.

Далее. В свете развиваемой Трубачевым дунайской гипотезы балканские племена *северов (северян)*, *смолен (смолян)*, *другувитов* (или *дреговичей*) оказались в миграционном потоке на северо-восток от Карпат, где они потом обнаруживаются среди восточнославянских племен. Аналогично древнее племенное название *сербов*

⁸ О. Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян. // Вопросы языкознания, М., 1974, № 6. С. 59.

дунайско-балканского ареала в результате миграций отсюда на северо-запад за Карпаты связывается с именем *сербов-лужичан*, проживающих в окружении немцев до сих пор. Заметим только, что в 70-е гг. Трубачев представлял себе направление миграционных потоков с севера на юг.

3) **Языковые контакты** также могут свидетельствовать о центральноевропейском ареале проживания древних славян. В праславянском языке обнаруживаются следы контактов (в виде лексических заимствований) с иллирийскими, итальянскими, кельтскими, германскими, иранскими, финно-угорскими и некоторыми другими племенами. Древнейшими из них являются западноиндоевропейско-славянские связи, т.е. иллирско-славянские, кельтско-славянские, итальянско-славянские, германо-славянские. Показательны в плане выявления мест древнейшего обитания славян контакты с кельтами – древнеиндоевропейскими племенами, обитавшими во второй половине I тыс. до н.э. на территории современной Франции, Бельгии, Швейцарии, части Германии, Австрии, Северной Италии, Северной и Западной Испании, Британских островов, Чехии, частично Венгрии и Болгарии. Их племена выступают с такими названиями: *бойи*, *гельветы*, *белги*, *секваны*, *галаты* и др. К середине I в. до н.э. все они были покорены римлянами. Ныне же кельты представлены небольшими этническими группами, говорящими на ирландском, кимрском, гаэлском (или галском, галльском), бретонском – в виде корнуэлльского, велского (или уэлского), собственно бретонского. С середины I тыс. до н.э. их предки совершают экспансию в Дунайскую котловину. На территории Чехии и Подунавья проникли кельтские племена *бойев* и *вольков* (в древнерусских летописях – *волохи*), что привело к этноязыковому смешению. Встреченных здесь автохтонов – славян они называли приблизительно так: **tout* с первоначальным значением ‘(простой) народ’, ср. др.-ирл. *túath* ‘племя, народ’, кимр. *tūd* ‘страна’ (из **teutā*) и др. В качестве этнонима это слово переняли появившиеся здесь в конце IX в. венгры, ср. венг. *tót* ‘словацкий, словак’. Следы кельтского влияния сохраняются до сих пор на территории Западной Украины: так, например, топоним *Галиция* (*Галичина*) связывается с племенным кельтским названием *галаты*. Как мы заметили ранее, Трубачев связывает кельтское

carvos ‘олень’ со славянским **korva* ‘корова’, кельтское (галльское) **kankos / konkos* ‘лошадь’ со славянским **konь* ‘конь, лошадь’ и др.

Западнобалканские племена иллирийцев распространялись далеко на север – до Силезии и даже до Балтийского моря, но в конце II тыс. до н.э. они снова оказываются на Юге. Трубачев задает вопрос: не возвращение ли это было? Ведь само название *Паннония* – *Pannonia*, считает этот автор, иллирийское по происхождению и должно было обозначать ‘Страна Болотного города’, ср. венг. *Balatón*, заимствованное из слав. **boltъnъ, blatъnъ*, что значит ‘болотный’. Ученый приводит множество примеров италийско/латинско-славянских, германо-славянских и др. отношений и дает их детальный анализ.

Что касается восточноиндоевропейско-славянских связей (с балтами, иранцами, индийцами), то Трубачев считает их «постэтнологичными», т.е. зародившимися уже после того, как праславяне прошли процесс этнического самоутверждения. С балтскими племенами славянские племена столкнулись позднее, став соседями. Случилось это примерно в период железного века, т.е. за несколько столетий до новой эры. Трубачев считал, что связи праславян с западными индоевропейцами – германцами, италиками и кельтами более древние, нежели связи с балтами. На это указывает, помимо прочего, общность ремесленной лексики, а также данные других слоев лексики, отраженных в «Этимологическом словаре славянских языков».

Трубачев считал, что миграции индоевропейских племен шли с Подунавья, т.е. с юга, на север. В этом направлении проходило и распространение славян. Одной из причин, толкнувших часть славян на переселение к Карпатам и Висле, было появление в Подунавье кельтов. При такой интерпретации древних миграций и висло-одерское, и среднеднепровское пространства оказываются периферией, ср.:

«Среднеднепровский славянский ареал (откуда затем вышли все восточные славяне) рассматривается как периферия, а не как центр всего славянского этноязыкового пространства. Вторично освоены были славянами и польские территории, по свидетельствам ономастики, вопреки польской автохтонистской теории висло-одерской прародины славян. И польские, и серболоужицкие земли заселялись славянами с юга».

При этом высказывается предположение о том, что, возможно, предки западнославянских племен первыми стали направляться к Карпатам, перейдя их с запада, и осваивать территории к северу от этих гор. Предки восточных славян направились восточнее (вернее, северо-восточнее) и достигли Среднего Поднепровья. Если вспомним две ранее рассмотренные гипотезы – висло-одерскую и среднеднепровскую, то нужно многое менять в наших представлениях о древнейших местах пребывания и миграций славян.

Трубачев писал о возможности сближения или приближения дунайской и висло-одерской гипотез, поскольку южный фланг висло-одерского ареала примыкает к северной периферии среднедунайского ареала. Такой подход, по мнению ученого, поможет открыть новые перспективы в установлении древнейших мест обитания славян.

Как видим, возрожденная акад. О. Н. Трубачевым дунайская гипотеза, которую он называет «великой идеей», подкреплена весьма разнообразными и заслуживающими серьезного внимания аргументами. Одно из существенных преимуществ данной гипотезы состоит в том, что исследователь стремится оперировать глубинными по времени и значимости фактами – фактами, которые время покрыло мраком и в большинстве случаев предало забвению. Но с помощью языкового материала удастся как-то приоткрыть завесу и увидеть контуры тех далеких событий.

Имеет смысл, по нашему мнению, обратить также внимание и на некоторые фонетические явления, которые, связывая, например, южнославянский и восточнославянский ареалы, могут пролить какой-то свет на исходные места обитания первобытного славянства.

1) Так, в праславянском языке слова на твердый согласный завершались *редуцированным* (ослабленным, сверхкратким) гласным ъ, так как действовал закон открытого слова, при котором все слова должны были оканчиваться на гласный. В X–XIII вв., когда этот закон перестает действовать, происходит так наз. падение редуцированных ъ и ѣ – в безударной позиции и в конце слов, в результате чего звонкие согласные на конце слов и в позиции перед глухими

согласными в большинстве славянских языков стали оглушаться (не на письме, а в речи). Этого не произошло лишь в двух языках – южнославянском сербско-хорватском и восточнославянском украинском.

2) Есть явление **аканья**, т.е. произношение в слове безударного *о* как *а* (в том числе и сильно ослабленного), которое характерно для некоторых говоров словенского языка (южная Славия) – с одной стороны, для белорусского языка и для южновеликорусского наречия (и для русского литературного языка) – с другой.

3) Есть явление **иканья**, т.е. произношение *и* на месте старого ударного *я*т, ср., с одной стороны, в некоторых говорах сербско-хорватского языка *рика* ‘река’, в литературном языке и в некоторых других говорах также *ријека* / *rijeka* при *река* в восточных говорах, с другой – в украинском языке (*riká*, но *ríчка*); в украинском иканье проявилось также на месте древнерусских *о* и *е* по ударением: *сі́ль* ‘соль’, *ніс* ‘нос’.

4) **Отсутствие мягкости согласных** перед *и* и *е* характеризует как южнославянские языки, так и украинский, в то время как в русском, белорусском, польском, словацком в целом наблюдается процесс палатализации таких согласных, т.е. их смягчения.

Следует провести комплексное типологическое исследование указанных явлений и установить направление их движения: если исходным пунктом их иррадиации окажется балкано-дунайский ареал, то это будет еще один аргумент в пользу рассматриваемой гипотезы славянской прародины.

* * *

В свете сказанного становится ясно, что проблема поиска славянской прародины весьма сложна и решается неоднозначно. При этом ученые опираются на материал, который нередко оказывается недостаточным для решения такой кардинальной проблемы, как прародина. Однако и такие подходы имеют ценность для науки.

Широко известна точка зрения немецкого слависта Й. Удольфа (J. Udolph), располагающего славянскую прародину севернее Кар-

пат, в границах исторической Галиции. Основным материалом для доказательства у него служат гидронимы указанного региона, анализ и происхождение которых этот славист проводит тщательнейшим образом. Правда, критики высказывают мнение о том, что названия небольших водных объектов, на которые опирается исследователь, могли часто меняться. Считается, что чем шире и длиннее, например, река, тем древнее ее имя.

Акад. Н. И. Толстой, с 60-х гг. XX в. планомерно предпринимавший диалектологические и этнолингвистические экспедиции в Полесье и собравший вместе со своими сотрудниками в этом регионе богатый материал по языку и традиционной культуре, признавал архаичность Полесья, полагая, что этот регион как-то примыкает к славянской прародине. Его докторская диссертация, опубликованная в виде монографии «Славянская географическая терминология» (1969), и другие труды, написанные в этом направлении, могут послужить серьезной основой для разгадки древних славянских миграций. О Полесье как прародине славян писали также польские ученые: Я. Ростафинский, Х. Улашин, Л. Оссовский и др.

Проблема славянского этногенеза и, в частности, проблема прародины очень привлекательны. Однако некоторым не всегда достает глубины и убедительности. Вряд ли стоит подробно говорить о попытках «решить» проблему только на основании изучения отдельных слов, например, названий в славянских языках глухаря, рябчика и куропатки или одного-двух гидронимов и т.д. Такой подход упрощает проблему, в сложности которой мы уже убедились.

Филологу важно учитывать одно: тайну прародины, отдаленной от нас на многие тысячелетия, можно, оказывается, в определенной мере приоткрыть, если осознать ценность языка и научиться правильно использовать языковой материал.

Глава 5

Славяне в древности по данным письменных памятников, традиционной культуры и языковых контактов

Литература

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. М., 1865–1869; см. также: А. Ф. Журавлев. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Бартмиński Е. Языковой образ мира. Очерки по этнолингвистике. Перев. с польск. М., 2005.

Нидерле Л. Славянские древности. Перев. с чеш. М., 1956; переизд.: М., 2000.

Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1991; т. II (VII–IX вв.). М., 1995.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *его же*. Славяне в древности. М., 1994; *его же*. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н.э. М., 1993.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995; изд. 2-е: М., 2002.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 →. М., 1995 → (издание продолжается).

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995; *его же*. Очерки славянского язычества. М., 2003.

Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959; *его же*. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960; *его же*. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; *его же*. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-ое. М., 2003.

Шафарик П. И. Славянские древности. Перев. с чеш. М., 1848.

Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. Pod. red. J. Bartmińskiego. Т. 1 →. Lublin, 1988 →.

Lehr-Splawiński T. Początki Słowian. Kraków, 1946.

Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. 1–2. Kraków, 1929–1939; wyd. 2, Kraków, 1967–1968.

Słownik starożytności słowiańskich. T. 1–8. Wrocław etc., 1961/1962–1996.

Słownik stereotypów i symboli ludowych. Red. J. Bartmiński. T. 1 →. Lublin, 1996 →.

1. Древние письменные источники о славянах

Впервые славяне попадают в поле зрения античных авторов в начале нашей эры. Мы выделяем римские, готские, византийско-греческие и восточные письменные источники.

1) *Из древнеримских авторов* назовем Публия Корнелия Тацита (ок. 55 – ок. 120 гг.), автора сочинений «История», «Анналы», этнографически ценного трактата «Германия» (о готских племенах; написан ок. 98 г.). Тацит писал о племенах Центральной и Восточной Европы. Среди них он упомянул племя *венетов / вenedов*, под которыми большинство ученых видят славян, поскольку германские племена своих восточных соседей-славян называли и до сих пор называют виндами – *Winden*, например, серболужичан; этот же немецкий этноним использовался и по отношению к южнославянским словенцам.

Гай Плиний Старший (ок. 23–79 гг.) в своей «Естественной истории» описывает земли от Гибралтара до Азовского моря, упоминая при этом такие племена, как сарматы, скифы, гирры и, кроме того, *венеды*, которых он располагает у берегов Балтийского моря.

Из этих двух свидетельств можно сделать вывод о том, что венеды-славяне на рубеже двух эр жили вдоль берегов Балтийского моря – от реки Одра до Вислы и вглубь материка до Карпатских гор. Речь, видимо, идет о северо-западной части славян.

2) *Готские источники* представлены трудом Йордана (VI в.) «О происхождении и деяниях готов» («*Getica*»), написанном в 551 г. Здесь находим очень ценные сведения о делении славян:

«Между этими реками [Тиса, Олт и Дунай] находится Дакия <...>. Начиная от места рождения реки Вистулы [Вислы], на безграничных просторах распространилось многочисленное племя *ве-*

нетов / венедов. Хотя их имена меняются в соответствии с родом и местностями, все же в основном они называются *склавиными* и *антими* <...>».

Упоминание Йорданом этнонимов *венеты / венеды*, *склавины* и *анты* дало повод некоторым исследователям, например, болгарскому индоевропеисту акад. В. Георгиеву (1968), считать, что этим этнонимам соответствует традиционное тройственное деление славян на западных (*венеты / венеды* Вислы), южных (дунайско-днестровские *склавины*) и восточных (днепровские *анты*). О. Н. Трубачев (2003) категорически возражал против такой этнонимической трактовки, указывая на то, что этнонимы *венеты / венеды* и *анты* никогда славянами по отношению к себе не употреблялись, что первоначально они обозначали другие племена и лишь позднее были перенесены на славян. От себя зададим вопрос: можно ли говорить о тройственном соответствии, если у Йордана отчетливо сказано о делении славян на *склавинов* и *антов*, т.е. на две группы (при общем их обозначении в виде *венеты / венеды*)?

3) **Византийско-греческие источники** богаче. Так, у историка Геродота (484–425 гг. до н. э.), в его описании путешествия к северу от Черного моря, встречается спорное племя *невров*, которые располагались севернее скифских племен, т.е. на западе от Днепра, ближе к реке Буг. Этноним *невры* некоторые ученые сближают с названием *Ноурьская земля*, упомянутым в главной древнерусской летописи «Повесть временных лет» (XII в.), указывая при этом на наличие в бассейне реки Западный Буг таких речек, как *Нура*, *Нурец* и под. Однако ряд исследователей ставят под сомнение связь *невров* со славянами.

Прокопий из Кесарии (VI в.), писатель и политический деятель времен Юстиниана (527–565 гг.), современник Йордана, написал труд под названием «История войн», состоящий из 8 книг. Речь здесь идет о войнах с древнегерманским племенем готов. Как и Йордан, он различает *склавинов* и *антов*, но не упоминает *венетов / венедов*. Склавины и анты, по Прокопию, появились на Дунае. Он подробно пишет о взаимоотношениях между славянами и Византией в середине VI в., сначала мирных, однако потом обострившихся. Славяне вели войны с местным населением за укрепления на пра-

вом берегу Дуная. По тексту Прокопия можно проследить ход заселения славянами Балканского полуострова, которое, по О. Н. Трубачеву, имело характер обратного, т. е. вторичного, завоевания в указанное время. В четвертой книге («Война с готами») упоминаются анты, которых Прокопий связывает с Приазовьем.

Маврикий, историк VI в., которого нередко отождествляют с императором Маврикием, правившим Константинополем в 582–602 гг., автор сочинения «Стратегикон» («История военных деяний»), приводит некоторые данные о жизни, социальной структуре и т. д. славян, которые были северными соседями византийцев и проживали по берегам нижнего течения Дуная; здесь они выступают под именами *антов* и *склавинов*.

Иоанн Эфесский (VI в.) в «Церковной истории» писал о захватнических деяниях славян и прочих племен в Греции и других местах. Феофилакт Симокатта (середина VII в.), хронист, автор «Истории» (написана в 628–638 гг.), писал о славянах на Балканах. К VIII в. относится «Земледельческий закон», содержащий нормы византийского права. В нем даются некоторые данные о балканских славянах, соприкасавшихся с Византией. В частности, на основе этого документа вырисовывается картина хозяйственной жизни этих славян. Феофан, византийский историк, сообщал в 664 г. о славянских поселениях в Сирии. Есть сведения о том, что в VIII в. большие группы славян пребывали на полуострове Малая Азия (ныне там располагается Турция), а также в Северной Африке (сведения от IX–X вв.).

Большую ценность представляет сочинение «Об управлении империей», которое приписывается византийскому императору Константину VII Багрянородному (913–959). В нем приводятся ценные сведения о славянах, ср. подзаголовки этого сочинения: «О *росах*, управляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь», «О *сербах* и о стране, где они живут ныне», «О стране Моравии» и др.

4) О восточных источниках

Благодаря восточным, прежде всего арабским, путешественникам, мы имеем кое-какие дополнительные сведения о древних славянах, с которыми они сталкивались. Так, арабский филолог VIII в. аль-Джазих писал о славянских рабах; ибн-Ростех, арабский писа-

тель иранского происхождения, в своей энциклопедии «Книга полезных ценностей» (903–913 гг.) упоминает славян; ибн-Фадлан (X в.), посол к булгарам на Каму, писал, что он

«видел *русов*, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль. И я не видел [людей] с более совершенными телами, чем они».

Отдельные замечания о славянах и русах оставили также арабский историк аль-Масуди (X в.), путешественник аль-Джайхани (X в.) и некот. др.

2. Древнейший быт и культура славян по данным языка

2.1. Славянская этнолингвистика: сущность, проблемы, методы. Этнолингвистика – это одна из дисциплин языкознания и этнографии, которая изучает язык в аспекте его связей с этносом, т.е. объектом исследования здесь является соотношение язык : этнос. Соотношением язык : общество (социум) занимается другая дисциплина – социоллингвистика, а психоллингвистику интересует соотношение язык : психика и т.д. Между этнолингвистикой и социоллингвистикой есть множество точек соприкосновения, главной из которых является то, что любое общество формируется народом, этносом, а возникающая в обществе культура этнически (национально) окрашена; как этнос, так и общество активно взаимодействуют с языком и проявляются в нем. Эти дисциплины противопоставляются друг другу лишь хронологической последовательностью своих объектов: этнолингвистика обращена в глубь истории, ее интересует «живая старина», в то время как социоллингвистика обращена прежде всего к современному состоянию функционирующего в обществе языка (хотя могут рассматриваться и исторические аспекты соотношения языка и общества).

Этнолингвистические идеи возникли довольно рано: в XVIII в. в этом направлении высказывался уже немецкий философ И. Г. Гердер (Herder), в начале XIX в. о соотношении языка и этноса много писал В. Гумбольдт, а, например, в России о воздействии языка на традиционную культуру писали Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня и др. В конце XIX – начале XX вв. австрийский

языковед Х. Шухардт разработал принципы изучения словарного состава языка в связи с культурой и историей народа (его научная школа «Слова и вещи» – «Wörter und Sachen»). Однако как научное направление и дисциплина этнолингвистика формируется лишь в первой трети XX в. благодаря исследованиям бесписьменных языков американских индейцев учеными США (до сих пор в этой стране этнолингвистику в узком смысле предпочитают называть антропологической).

В России данные истории и культуры народа пытались связывать с языковым материалом А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Д. К. Зеленин и др. Реконструкцию древнего состояния культуры с опорой на языковые данные проводили В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов и др. Большой вклад в развитие этнолингвистических идей сделала и делает этимология, которая устанавливает не только древнее языковое, но и этнокультурное состояние (в Славии это: русская этимологическая школа О. Н. Трубачева, Ф. Славский и польская этимологическая школа, южнославянская традиция – Ф. Безлай, П. Скок и др.).

2.2. Акад. Н. И. Толстой и формирование славянской этнолингвистики. Заслуги в формировании славянской этнолингвистики принадлежат выдающемуся русскому слависту акад. Н. И. Толстому. К этой идее ученый пришел в результате многолетней полевой работы: на протяжении четверти века, с 1961 по 1986 гг., вместе со своими сотрудниками из России, Белоруссии, Украины и др. стран он проводил в белорусском Полесье систематические этнолингвистические исследования, поскольку этот славянский уголок оставался и до сих пор остается одним из самых архаичных в языковом и культурном отношении (до 1974 г. полесские экспедиции назывались диалектологическими). Если в 60-е гг. усилия Толстого сводились, в связи с полесскими экспедициями, к созданию атласа говоров Полесья и областного полесского словаря, то в 70-е годы круг задач значительно расширяется за счет специального внимания не только к лингвистическому аспекту полевого материала, но и к его этнографическим и фольклорным характеристикам. Толстой вплотную подходит к необходимости создания междисциплинарной науки – *славянской этнолингвистики*. Он давал два возможных определения славянской этнолингвистики:

«Этнолингвистика может пониматься как раздел лингвистики, объектом которого является язык в его отношении к культуре народа. Она изучает отражения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и ‘переживаний’. Исследования такого характера давно проводила этимология, привлекающая широкий этнокультурный контекст. <...> Но этнолингвистика может также пониматься как комплексная дисциплина, предметом изучения которой является ‘план содержания’ культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.)».

При этом Толстой подчеркивал, что предлагаемые исследования могут вестись преимущественно научными методами, уже разработанными и используемыми в языкознании.

В XIX в. диалектология, изучающая народную речь в географическом распространении, зарождалась и развивалась в недрах этнографии; на рубеже XIX–XX вв. наблюдается ее обособление; в настоящее время «она начала вновь испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией» (Н. И. Толстой), поскольку не всегда исследователь в состоянии установить, результатом внутри-, внешне- или внелингвистических факторов является то или иное изменение в языке.

Комплексный подход обнаруживает свои преимущества, позволяя успешно проводить реконструкцию элементов духовной культуры славян в древности. Особенно плодотворно это было проверено на обрядовом и мифологическом материале.

При рассмотрении славянских обрядов лингвистический аспект сводится к изучению обрядовой лексики; этнографический аспект подразумевает выделение «инвентаря» обрядовых актов, их сравнительно-типологический анализ, после чего следует картографирование (т.е. нанесение на географическую карту) актов обряда, их лексических обозначений, самих предметов и т.д. Все это весьма существенно и направлено на перспективу решения извечной славистической проблемы этногенеза славян в целом и отдельных славянских этнических групп, в частности. Такой подход приводит Толстого к идее «*грамматики*» *славянских обрядов*. Обряд включает в себя три кода – реальный (предметный), акциональный

(действенный) и вербальный (словесный); проводится выявление и синхронно-типологическое классифицирование вариантов обряда в связи с их географическим распространением, устанавливается обрядовая парадигматика (список и иерархия символов) и синтагматика (правила сочетания символов). Примером параллельного кодирования одного и того же смысла с помощью указанных трех параметров может явиться известный у славян мотив пожелания здоровья и плодородия. Предметным символом плодородия может служить ветка вербы, акциональным – ритуальное битье этой веткой человека (или животного), словесным – произносимый при этом действии текст, который может выступать и в поэтической форме.

Генетическое родство, определяемое на основе учета схождения элементов обряда, позволяет реконструировать древнейший вид обряда, т.е. его истоки. Этот подход иллюстрируется обрядом битья веткой, сопровождаемого междометными вскриками (вербальные символы обряда), предметным синонимом (ветка можжевельника, березы и т.д.) и самим действием (акциональный код) (об этом пишет Толстой в статье с красноречивым названием «Из ‘грамматики’ славянских обрядов», 1982).

Лингвистический подход к явлениям неязыкового порядка оказывается настолько продуктивным, что Толстой идет дальше – он проецирует термины, понятия и методы, апробированные в языкознании, на культуру в целом и обнаруживает изоморфизм (т.е. параллелизм в формальном и содержательном плане) структур языка и культуры. Так, оказывается, что культура образованных слоев («книжная», элитарная) соответствует литературному языку, промежуточная, так наз. «третья культура» (городская) соответствует просторечию, народная – наречиям и говорам и традиционно-профессиональная – аргю. В качестве различительных признаков этих коррелирующих (т.е. соотносящихся друг с другом) явлений выступают нормированность ~ ненормированность, наддиалектность ~ диалектность, открытость ~ закрытость (сферы, системы), стабильность ~ нестабильность.

В культуре, как и в языке, обнаруживаются факты стиля, жанра, синонимии, омонимии, полисемии. Носители могут принадлежать к двум и более культурам одновременно, что соответствует в языко-

вой сфере двуязычию и многоязычию. Перспективно также изучение культур, выходящих за рамки одного этносоциума, например, культурного союза, соответствующего языковому союзу, и т.д.

В соответствии с этим Толстой предлагает новый взгляд на диалект, который следует рассматривать не только как лингвистическую территориальную единицу, но одновременно и как этнографическую, и культурологическую, а выделение его должно происходить с учетом не только выявленных изоглосс (линий распространения языковых явлений на карте), но и изопрагм (единиц и признаков материальной культуры), и изодокс (единиц и признаков духовной культуры). В этой связи выдвигается задача построения новой комплексной дисциплины – *культурно-языковой диалектологии*, призванной рассматривать в ареальном аспекте распространение признаков культуры в связи с языком.

Аналогичные принципы используются в связи с изучением вопросов славянской мифологии, при этом мифологический материал считается ценнейшим, а зачастую и единственным источником при реконструкции древнейших славянских представлений о мире. Этот материал важно просматривать с учетом его возможного диалектного дробления, которое должно соответствовать древнему языковому дроблению. Иными словами, мифологемы и мифологические сюжеты вообще, как и диалекты, варьируют по местностям, а это следует учитывать при изучении динамики тех или иных мифологических систем, их географической, этнической и хронологической прикреплённости. Такой подход позволяет ставить вопрос о создании диалектологии славянской мифологии (одна из работ так и называется: «О диалектологии славянской мифологии», 1978).

Весьма перспективно рассмотрение фразеологизмов для целей этнографии, так как в них сохраняются «отпечатки и осколки старого быта, обрядов и верований». Заслуживает внимания и мысль о необходимости создания фразеологического словаря вербальных клише или «народной полуфразеологии» (благопожелания, проклятия, запреты и т.д.).

Если на первом этапе этнолингвистического изучения Полесья стояла задача создания атласа духовной культуры этого края, то с 1981 г. Толстой и руководимая им группа славистов из Института

славяноведения АН СССР (→ РАН) начали работу над грандиозным научным предприятием – составлением этнолингвистического словаря славянских древностей, материалом для которого служат и Полесье, и другие архаичные зоны современной Славии. Проект подобного словаря был выдвинут еще в 1929 г. на I Международном съезде славистов.

«Толстовский» словарь основывается на изучении славянских языков и культурных древностей и подчинен задаче реконструкции древнеславянской духовной культуры и, в конечном счете, – этногенеза и этнокультурной истории славянства. Это толково-функциональный словарь, исходящий не из языка (терминов), а из реалий, т.е. идущий от предмета, формы к смыслу, функции. Всесторонне учитываются в нем ареальные (пространственные) характеристики.

Для того чтобы представить себе, с помощью каких параметров реконструируется и представляется в этнолингвистическом словаре духовная культура древних славян, приведем задействованные в описании системы предметов, действий и связанных с ними словесных обозначений на примере субстантивов: 1) орудия труда; 2) посуда и утварь; 3) одежда; 4) пища; 5) предметы – атрибуты человека и животных (волосы, шерсть, ногти, рога, пот, слюна, след и т.п.); 6) культовые предметы (напр., надгробия); 7) ритуальные предметы (напр., дожинальная борода или свадебное деревце); 8) вещества (металлы, пыль, сало и т.п.); 9) стихии и природные явления (огонь, вода, земля, ветер, гром, туча, радуга, град и т.д.) и под.¹ Так, например, статья «Свадебный обряд» дает представление об общей структуре этого обряда, его частях и их последовательности (сватовство, прощание с девичеством, брак, свадебное торжество и т.д.), об общей семантике обряда (переход из одного состояния в другое), символике предметов, лиц и их действий, системе действующих лиц, об особенностях его предметного оснащения (свадебное деревце, каравай, вывернутая шуба и т.д.), о функции и месте вербального (словесного, речевого) компонента обряда, об особенностях его

¹ Н. И. и С. М. Толстые. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей. // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 222–223.

терминологии и о «стилистике»; кроме того, подаются также сведения о локальных разновидностях обряда во всем славянском мире. Смысл конкретных элементов свадебного обряда дается в частных статьях типа «Венчание», «Брачная ночь», «Каравай» и др.

Многотомное издание «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» начало выходить в Москве с 1995 г. Ниже мы, опираясь на работы Н. И. Толстого, приводим текст, в котором на основе языкового материала и материала традиционной культуры реконструируются фрагменты духовной жизни славян в древности.

2.2.1. Из духовной культуры древних славян: язычество

Язычество было древнейшей религией славян. В нем отразилось их мировосприятие и мироощущение, т.е. вся духовная жизнь, а также ее материальная сторона, поскольку все трудовые процессы древние славяне связывали с какими-то сверхъестественными силами. Разумеется, славянское язычество было присуще не только славянам, но и соседним этносам. В целом оно представляло собой фрагмент системы древних индоевропейских верований, отразившихся в древнеиндийских, древнеиранских, древнегреческих и древнеримских текстах. В древних памятниках письменности мы не находим свидетельств о славянской религии до VI в. Кое-какие данные об этом относятся к VI–XI в. Все это ставит задачу реконструкции древнейшей формы славянской религии – язычества с опорой на позднейший материал (записи XIX–XX вв.) и с применением апробированного в языкознании сравнительно-исторического метода, а также ареально-типологического и культурно-географического (отчасти и лингвогеографического). Такое сочетание подходов дает возможность выделить наиболее архаические явления, которые признаются как древнеязыческие и относятся к праславянскому периоду.

Христианство – это устойчивая, структурно единообразная и закрытая система догматов и религиозных символов, в то время как славянское язычество было неоднородной и открытой системой, что значит, что в нем новое уживалось со старым, все это постоянно дополнялось, образуя разновременные напластования: ранней стадии религиозной жизни свойственны и аниматические верования (т.е. убежденность, что все в природе живое, – камень, огонь,

дерево, молнии и т.п.), и анимические (т.е. представления о душе), которые сочетаются с более поздними воззрениями о трансцендентности души (т.е. способности переходить в другую плоть) и о способности сверхъестественной силы к различным метаморфозам (напр., обращения то в козла, то в собаку, кота, копну сена, черный клубок, в младенца и т.п.). Когда славяне приняли христианство, то сверхъестественная сила стала называться «нечистой», однако в период язычества она принимала антропоморфный, зооморфный или смешанный антропоморфно-зооморфный облик. Славяне-язычники полагали, что такой силой была населена вся вселенная, причем она могла быть опасной, хотя и не всегда вела к плохому или трагическому исходу. Важно, что эту силу можно было умиловить и даже отпугнуть, что и совершалось согласно особым ритуалам и традициям. Постепенно, как можно предположить, из такой системы верований выделились языческие боги, однако о них мы знаем мало, хотя все же можно утверждать, что к VI в. славяне имели не только нечто напоминающее пантеон богов или ряд местных пантеонов, но и были близки к верованию в верховного, еще не христианского, единого Бога. Намек на это находим у византийского историка Прокопия Кесарийского, который в сочинении «Война с готами» замечает, что славяне веровали в единого бога-громовержца, принося ему в жертву быков и волов. Но признаки единобожия, все же не сразу вытеснили многобожие, сливающееся с духами природы, домашнего очага и демонами болезней и повальных бедствий.

Христианство не сразу уничтожило достаточно аморфную структуру язычества, но оно поставило его в иные условия и подчинило своей иерархии ценностей, при этом, как было отмечено, бытовое христианство языческим мифологическим персонажам и представлениям придало статус «нечистой силы», отрицательного духовного начала, противостоящего силе «крестной», чистой и преисполненной святости. В народном фольклорном представлении небо оказалось занятым силами небесными, праведными и божественными, преисподняя, подземный мир, болота, ямы и овраги – силами нечистыми и темными, а земля – место борьбы двух миров и начал, и человек и его душа – средоточие этой борьбы. Силы эти все же неравноправны и не равновелики, ибо воля Божья

и промысел Божий господствует во всем и определяет все. Такое народное христианское мировоззрение, типичное для славян обеих конфессий – православной и католической, нельзя считать и называть двоеверием, поскольку оно цельно и представляет собой единую систему верований. Пример: белорусская Крестьянка Полесья, почитающая христианского св. Николая угодника и в то же самое время производящая различные манипуляции языческого характера, чтобы уберечься от ведьмы, скажем, в Купальскую ночь или в другую пору, не поклоняется двум богам – Богу и Мамоне, а имеет свое определенное отношение и к одному, и к другому миру. Тем не менее это давало некоторым исследователям основание еще в XIX в. говорить о распространенном у славян – в первую очередь у русских – двоеверии, что неверно, так как речь шла не о двух противоположных религиозных системах – язычестве и христианстве, но и о третьей – так называемой ахристианской, которая в основе была народная и прежде всего городская и которая противопоставлялась христианской. Все это создавало определенный симбиоз. В славянскую среду проникали элементы поздней античности-эллинизма, мотивы ближневосточных апокрифов, восточного мистицизма и западной средневековой книжности, которые, вероятно, в славянской народной культуре и религии не функционировали и не воспринимались как определенная система, но придавали всей славянской культуре определенный облик, лицо, полноту и разносторонность ее внешних формальных и внутренних – идеологических и смысловых – проявлений и сущностей. С некоторой условностью к этой «третьей» культуры можно отнести юродство (впоследствии ставшее одним из церковных институтов), скomorошество (периодически то гонимое, то поддерживаемое властью имущими), городскую карнавальную, ярмарочную площадку и лубочную культуру, дожившую до нашего века и имевшую свою автономную эволюцию и свои локальные пути развития. Примером могут служить росписи киевского Софийского собора, где, помимо церковных фресок, выполненных в классическом византийском стиле, на стенах лестницы, ведущей в несохранившийся княжеский детинец, изображены гудцы, скomorохи, потешники, и. е. всему определено свое место.

Структура, развитие, внутреннее членение и функционирование духовной культуры во многом схожи (изоморфны) с теми же особенностями и функциями языка, поэтому методы, выработанные в языкознании и касающиеся определения эволюции, древнего состояния и строя языка, применимы к изучению народной культуры. Скажем более того: язык есть сама часть культуры, ее орудие и ее отражение, поэтому данные языка так широко применяются для реконструкции и описания древней культуры.

Древние славянские представления о мироздании восходят к индоевропейским временам, и поэтому они отличаются большой архаичностью и в то же время некоторой расплывчатостью и неустойчивостью своих форм и проявлений. Естественно, что взгляд на вселенную исходил у славян от земли, от нее определялись и с ней соотносились все другие пространства. Земля славянам представлялась плоской, либо плавающей в воде, либо стоящей на четырех быках, от резких рывков которых происходили землетрясения, причем у земли есть свой край, хотя дойти до него нелегко, это мало кому удавалось и к тому же оттуда не было возврата. Небо же воспринималось как нечто напоминающее натянутую над землей бычью шкуру, медный ток, большую крышку от посуды и т.п. На нем подвешивались или вели свой путь солнце, луна и звезды. Небес насчитывалось много – до семи, что отражено во фразеологизме *быть на седьмом небе*. Эти небеса растворялись в исключительных случаях и в особые дни (или ночи), во время большой грозы.

Солнце – источник жизни на земле и по сей день называется на Карпатах «ликом Божиим», в других местах – «оком Божиим». В славянском фольклоре оно вместе с месяцем и отдельными планетами персонифицируется, т.е. наделяется эпитетами типа «красное», «ясное», «жаркое» и т.п. Предполагали, что каждые сутки солнце окунается в море или уходит за край земли (под землю), чтобы немного остыть и затем появиться вновь. В определенные дни оно бракуется с землей («играет»), его годовому циклу подчинен год славянского земледельца. Сельские работы зависят от фаз второго светила, погасшего (в народных песнях – брат, иногда – сестра солнца), – месяца (луны), «ясного», «светлого» и т.п. Если с солнцем у славян специальные магические действия не связаны, то

месяц (луна) иногда оказывается объектом черной магии (ср. «похищение месяца» у болгар), персонажем многих заговоров («от зубов» и т.п.), местом обитания покойников. Новолунье у славян отмечалось, например, возжиганием костров или печением особого пирога, девичьим гаданием о будущем, свадьбами, началом новых работ – сева, сажания деревьев, строительства дома и т.п.

Кроме антропоморфного, в славянской мифологии известны и зооморфные облики солнца и луны. Солнце может быть буйволом, волом, теленком, петухом, а месяц (луна) – коровой, реже – козлом, бараном (ср. «рогатый» облик молодого месяца).

Интересны названия звездного неба, которые отражают древние аграрные и в какой-то мере скотоводческие представления славян, близкие к представлениям других индоевропейских народов. Например, Большая Медведица у болгар называется *кола* ‘телега’ и состоит из колёс, волов и волка, а *Ралом* называется созвездие Ориона, состоящее также из двух волов, рала, пахаря и волков, собирающихся на них напасть. Плеяды у славян называются *курицей*, *наседкой* (квочка, кокошка) или *стожарами*, т.е. шестью, вокруг которых молотили жито.

Древние славяне, видимо, не поклонялись солнцу (в отличие от некоторых древнеиранских племен) и не видели в нем главного божества. Они не были и огнепоклонниками, хотя почитание огня небесного (молнии) и огня земного (сакрального костра и домашнего очага) занимало важное место в их общем мировосприятии и религиозном поведении.

Воплощением небесной силы, вызывающей преклонение и страх, являлись гром и молния с их проявлениями в виде грохота, огненной вспышки и удара: до сих пор в некоторых польских, украинских и белорусских диалектах (прежде всего в Полесье) эти проявления выражаются тремя словами: гром, маланка (блискавка), перун. В других славянских языках грозная стихия обозначается двумя словами – *гром* и *молния*. Перун в ряде славянских диалектов означает ‘силу, удар’, производимый громом и молнией. Удар этот, по народным представлениям, совершается каменным снарядом – окаменелостью, белемнитом, называемым громовой стрелой, перуновой стрелой и т.п.

У сербов сохранились связываемые с индоевропейской эпохой представления о дождевых тучах как о небесных стадах крупного рогатого скота, об облаках как молочных коровах и о дожде как о небесном молоке, оплодотворяющем и кормящем землю, ср., например, вопли для отгона градовых туч, когда вопленица выходит во двор навстречу туче и кричит: *Устук' биче! Не дај твојим бијелим говедима! Наша су црна, вашу ће надјачати. Побиће ваша говеда!* 'Остановись, бычок! Не пускай твоих белых говяд (коров). Наши черные, они ваших переселят. Побьют ваших говяд' (село Драгачево, Западная Сербия).

Мифологический символ или знак, а также эмблема (нарисованный знак) может быть наделен несколькими смыслами и связан с несколькими денотатами (предметами и явлениями): дождь – небесная влага в облике туч – может быть не только молоком, но и семенем, оплодотворяющим землю, т.е. реализуется семантическая оппозиция 'мужской' ~ 'женский', 'оплодотворяющий' ~ 'оплодотворяемый, способный к зачатию, рождению', ср. в русских заговорах: небо – отец, а земля – мать (у русских *мать сыра земля*, аналогично у сербов *мајка земља*, в которых выражается народный взгляд на землю). Отношение к земле как к женскому началу, рожддающему и плодоносящему, характерно не только для индоевропейской традиции, но и для древней Евразии в целом. Восточные славяне, особенно великороссы, сохранили культ матери-земли в его очень архаических проявлениях: это запрет бить землю палкой или чем-либо иным (кроме случаев ритуального битья для плодородия в определенные дни), тревожить землю до Благовещения, пахать, вбивать в нее колья и т.п., плевать на землю (как и в огонь). Болгары в районе Западных Родоп верили в то, что если землю пахать до Благовещения, из нее будет капать кровь. Нарушение же запретов могло привести к бездождию, к засухе и т.д. Далее. Широко известно обращение к земле и пользование ею в клятвах, когда землю брали в рот, ели ее, клали кусок дерна на голову, потому что земля праведна и она не терпит неправды, наказывает за клятвопреступление, за ложь и обман. Ср. также исповедь земле, отраженную в конце романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

О беременности земли до Благовещения и требования неприкосновенности земли до этого дня, связанные с древнеславянским делением времени года, сохранились в поверьях у белорусов. Вообще древние славяне делили год на две части – на лето и на зиму, которые, в свою очередь, тоже делились на две части, что дает возможность предположить, что в древнеславянском языческом аграрном календаре были четыре точки, делящие год как бы на четыре части, разумеется, не совпадающие с современным европейским делением года на четыре сезона. Такое деление подчинялось периодам солнечного цикла, выделяемым днями равноденствия и солнцеворота.

Обряд годового цикла у древних славян включает культ деревьев, особенно дуба, у восточных и части западных славян – березы, в меньшей мере – клена, липы, явора, в конкретных случаях и вербы (на Вербное воскресенье, Юрьев день). У южных славян широко распространен обряд сжигания рождественского (обычно дубового) полена-бадняка на домашнем очаге, что обнаруживает параллели у многих европейских народов (Средиземноморье, Британские о-ва) и на Кавказе. Этому соответствует восточнославянский ритуал сжигания соломенной куклы в Купальскую ночь. В некоторых сербских регионах (например, около гор. Лесковац) бадняк воспринимался как антропоидное существо, поэтому его пеленали в рубаху, прежде чем класть на огонь, кормили и поили. При этом солома – обязательный атрибут не только купальского, но и рождественского обряда: на ней у южных славян происходит ритуальная трапеза в Сочельник. Но солома также частый компонент родинного и погребального обряда: жизнь начинается и кончается на соломе, что типично для индоевропейских и неиндоевропейских народов. В возжигании огней (костров), в сжигании и постилании соломы многие видят следы почитания солнца как источника жизни, света и тепла, ср., например, «игру солнца», которая наблюдается у славян на Купалу (*солнце купается*), на Рождество, на Благовещение, на Воздвижение (*солнце сдвигается*), а также на Пасху, Троицу и др.

Известны масленичные костры, которые зажигаются весной, чтобы «греть покойников», приглашение умерших «родителей»

к сакральной трапезе в Сочельник или под Новый год (Васильев день), обметание могил у великороссов на Троицу, поминальные дни у белорусов – «деды». Культ предков сочетается с солнечной символикой, с символикой и культом плодородия: по славянским языческим верованиям, покойники («родители») влияют на судьбу землепашца, создавая благоприятные или неблагоприятные условия погоды, при этом «плохие», грешные, покойники – утопленники, самоубийцы, опойцы, неотпетые и не принятые Богом, а иногда и землей, – могли управлять градовыми тучами, подобно небесным быкам или пророку Илье. У сербов покойники на том свете часто занимаются теми же делами, какими они занимались на этом свете, на земле. На «том свете» также может быть хороший или плохой урожай, и об этом можно узнать тогда, когда на небе появится двойная радуга: одна обращена дугой к земле, а другая – дугой к небу, при этом толщина каждого цветового пояса якобы свидетельствует о будущем изобилии или недороде хлеба (желтый цвет), вина или винограда (красный цвет). Поэтому у сербов и македонцев радуга нередко называется *вино-жито*.

Собранный в Полесской экспедиции, которая работала под руководством Н. И. Толстого с 1962 по 1986 г. (до Чернобыльской катастрофы), материал об «обмирании и посещении того света, древние славяне не различали рая и ада (эти представления, видимо, навеяны христианством), а верили в единый загробный мир, который мог находиться и далеко за морем, и на небесах, и в подземном царстве. По полесским верованиям, покойники в поминальные дни могут приходить в родные хаты с кладбища, и некоторые видят, как они идут домой и затем возвращаются на погост, как белые тени. Здесь важно учитывать диалектность, локальность многих форм и явлений славянской народной языческой культуры, которая обнаруживается в наше время, но которая, без сомнения, существовала и в праславянские времена. Такая диалектность в области языка, конкретно – лексики, уже хорошо доказана.

Христианство, потеснившее славянское язычество в сфере народной культуры и занявшее в ней доминирующие позиции, способствовало при этом некоторой унификации и внутренней систематизации языческих верований. Примером воздействия церковной

культуры на нецерковную языческую может служить соотношение и взаимодействие церковного и народного годового календаря. (Заметим, что церковный календарь, формировавшийся в первом тысячелетии нашей эры, ко времени принятия христианства славянскими народами уже сложился).

Народный календарь внешне и формально всецело подчинен церковному календарю, циклическому празднованию господних и богородичных праздников, дней особо почитаемых святых (св. Николая, св. Георгия, св. Ильи, св. Дмитрия, св. Параскевы-Пятницы, св. Варвары, св. Власия, св. Феодора Тирона и др.), памятных дней церковных событий, соблюдению постов. Тем не менее параллельно с христианской (православной или католической) всегда функционировала славянская народная, по своей сути языческая годовая обрядность. Этнографами зафиксировано множество фактов перехода не закрепленных хронологически окказиональных ритуалов в ритуалы календарные, годовые, например, обряд прятания хозяина за пироги, провоцирующий урожай в грядущем году, исполняемый в рождественский сочельник или на Рождество, был известен до недавнего времени у сербов в Косово и Метохии, в Герцеговине, Черногории, болгарам в Западной Болгарии и белорусам в Восточном Полесье (село Кочищи), а исполняемый в канун Нового года (в «Щедрый вечер») – украинцам на Черниговщине (Глуховский уезд). В Герцеговине около гор. Требинье сербы обращались к этому обряду сразу после сбора урожая и молотбы и прятались не за пирог, а за кучу зерна, а в XII в., по сведениям хрониста Саксона Грамматика, ныне ассимилированные и вымершие поморские славяне праздновали завершение летней страды испечением огромного медового пирога, за которым прятался жрец и спрашивал жителей острова Руяна (Рюгена), видят ли они его, на что получал ответ, что он все же немного виден за пирогом. Ритуальный диалог завершался пожеланием, чтобы в будущем году хозяин совсем не был виден (за пирогом большего размера от большего урожая). Этот обряд в большинстве случаев дошел до нашего времени в качестве календарного, а не окказионального обряда, т.е. обряда по случаю окончания сбора урожая. На иной стадии перехода к календарному обряду находится обряд вызывания дождя, который у большинства славян ис-

полняется в засуху, а у великорусов он оказался календарно закрепленным и совершался на Троицу после обедни во время молебна, когда было принято «ронять слезинки» на дерн или на пучок цветов (ср. плакать на цветы, использованное также А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине» и С. А. Есениным в стихах «Троицыно утро»).

Большинство календарных (и не только календарных) обрядов у славян – провоцирующего свойства: они ставят своей целью вызывание плодородия, обеспечение обильного урожая, хорошего приплода скота, изобилия благ земных. Отмечаются также обряды ограждающего, охранительного (апотропеического) свойства, защищающие от болезней, сглаза, козней нечистой силы и т.п. В этом их языческая сущность, часто нами уже не воспринимаемая как таковая, поскольку она подчинена христианской календарной системе. Например, битье вербой мальчиков после обедни в Вербное воскресенье с приговором *Верба бье, не я бью* (Полесье), не осознается нами как провоцирование плодородия, а скорее как забава или как обычай, оживляющий весенний праздник в преддверии Пасхи. Церковный календарь закрепил за ритуалом битья детей вербой воскресенье перед Страстной седмицей, называемое также Неделя Ваи или Вход Господен в Иерусалим, и тем самым во многом сохранил этот ритуал, в котором приговор кончается во вполне языческом духе словами *Будь здоров, как вода! Будь богатый, как земля, и расти, как верба!* Ритуал, как и праздник, оказался подвижным, но ритуал битья скотины той же вербовой веткой ради приплода скота закрепился за неподвижным Юрьевым днем (24-го апреля по старому стилю).

В календарном цикле всегда сосуществовали две системы духовных воззрений и мироощущения – христианская и языческая: одна обращена к небу, божественному началу, другая – к земле, к началу плотскому, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сверхъестественных сил. Эти два мировосприятия и миропонимания уживались в славянском народном календаре еще и потому, что христианство побуждало верующих ежегодно молитвенно переживать жизнь и страсти Иисуса Христа, а язычество воплощало во многих своих обрядах сходную цикличность природных явлений:

возрождение, расцвет, увядание и временную смерть или «засыпание» природы. Таким образом, одно не разрушало другое, а скорее поддерживало его. Присутствует в календарной обрядности и третий элемент в виде «театрального» действия: рождественский вертеп, маскарадные сцены, сюжеты, реквизит и персонажи, включенные в календарные обряды и обычаи.

Реконструкция показывает, что многие обряды были сначала окказиональными, а потом стали календарными, но ряд обрядов не имел такой четкой приуроченности к определенным дням, а исполнялся скорее в определенный сезон. Позже отдельные праздники, уже христианские, оказались притягательными для многих сезонных и окказиональных обрядов. Так, у южных православных славян наибольшее число ритуалов и обрядовых действий оказалось сконцентрированным на Рождестве, Юрьевом дне и примыкающих к ним днях, а меньшую притягательную силу имели Пасха, Троица, Благовещение, Иванов день, Ильин день, а у восточных славян большинство обрядов приходится на дни, связанные с Пасхой, Троицей, Рождеством, Иваном Купалой, Благовещением и в меньшей мере на Юрьев день, Ильин день и др.

Языческой следует считать магию первого дня, совершаемую на Новый год, но чаще на Рождество, когда имитируются сельскохозяйственные работы – пахота, сев, молотьба и когда детям дают в руки какой-нибудь инструмент, предмет и материал, чтобы у них спорилась работа, например, девочке дают иглу, чтобы она начала хорошо шить. Но такие обряды могли проходить и в начале марта, что связано с древним календарем, когда год начинался с марта (церковный календарь имеет началом года 1-е сентября). Пример: болгарский обычай «мартеницы», когда 1-го марта привязывают белые и красные шнурочки детям, девушкам и молодым людям на правую руку или на шею, на шею молодым животным и на стволы фруктовых деревьев для плодородия и носили их до появления первой ласточки или аиста. Ритуалы и гадания, связанные с появлением первых перелетных птиц, первым кваканьем лягушек и т.п., являются самыми древними. Они предвещали начало лета в обоих древних смыслах этого слова (т.е. ‘года’ и ‘лета’).

Частью культа хлеба были культ огня и соломы. До нашего времени сохранился и культ воды, в какой-то мере связанный с магией первого дня, но он также сопутствовал многим основным годовым праздникам. У южных славян (болгар, сербов и македонцев) в рождественское утро вся «старая» вода в доме выливалась (то же самое происходило в доме после выноса покойника), хозяйка шла к колодцу за свежей водой, соблюдая полное молчание, почему такая вода называлась «водой молчания», «молчаливой водой» (болг. *мълчана вода*). Вода – это основной символ и стихия в обряде праздника Крещения (Богоявления) с его языческими элементами (уход нечистой силы под воду, гадания и т.п.), это неотъемлемая часть южнославянского юрьевского обряда с его очистительным купанием и восточнославянского купальского обряда с купанием, бросанием венков в воду и разжиганием костров у воды. День и ночь под Ивана Купалу называется на Русском Севере днем Аграфены Купальницы. Обливание водой молодежи происходит у западных славян нередко в пасхальные дни, а обливание у южных славян групп девушек, обряженных зеленью («додоле», «пеперуда»), практикуется во время засухи и имеет целью вызывание дождя. Обряды обливания связаны с культом воды небесной и земной и с ритуальным обеспечением плодородия. У древних славян было представление о связи подземных и небесных вод (туч), для чего нужно было бить колодец или делать жертвоприношение ему в виде маковых зерен, борща и т.п. Отсюда просиходит сохранившийся до сих пор культ источников и колодцев, многие из которых считаются целебными и священными.

Добавим, что ритуальные огни зажигались не только на Рождество и Ивана Купалу, но и на масленицу и Благовещение, а у восточных славян – в Великий Четверг и иногда в Юрьев день и в Ильинскую пятницу. Древним обрядом было возжигание огня и его употребление как средства против повальных болезней и мора скота. «Живой огонь» добывали трением сухого дерева (обычно липы, реже можжевельника) с особым ритуалом при полном молчании (ср. принесение «молчаливой воды») и с обязательным условием тушения во всем селении «старого» огня (ср. выливание «старой» воды в доме). Нередко общеславянский обряд прогона стада рога-

того скота между двух огней сопровождался также с прогоном его через специально вырытый земляной туннель или через «земляные ворота», а это дает повод утверждать, что очистительное действие огня усиливалось очистительным действием земли. В единичных случаях (на Нижней Волге) скот прогоняли-«плавил» через проточную воду – реку, ручей, т.е. пользовались очистительной силой воды. Таким образом, земля, огонь и вода выполняют в ритуале защиты от падежа скота одинаковые функции. Для защиты от «коровьей смерти» (повальной болезни) село опаживали вокруг и совершали при этом ряд дополнительных ритуальных действий. Это общеславянские обряды, хотя и могли различаться по местностям; кроме того, они окказиональные, так как исполняются в случае эпидемии (чумы, холеры и т.п.).

Среди обрядов, приуроченных не к определенному дню, а к определенной поре, можно назвать «бороду» или «божью бороду» – действие, знаменующее окончание жатвы: жнецы и жницы оставляют на жнивье пучок колосьев, украшают его, нередко кладут рядом хлеб-соль, снесь, водку и поют дожиночные песни. В этом обряде ярко выражен также культ хлеба (еще не обмолоченного). Известен он почти всем славянам. Что касается специально испеченного сакрального хлеба-пирога, то он является атрибутом очень многих календарных и семейных праздников (рождественский пирог «чесница» у сербов, пасхальный «кулич» или «пасха» у восточных славян, свадебный каравай у восточных славян и т.п.). Сюда же относятся и русские блины на масленицу и на поминках.

Проанализированные обычаи и ритуалы являются остатками язычества или же продолжением языческих традиций при том, что многие из них выполняют ключевые ритуальные функции и в христианстве: хлеб в виде просфоры и в виде части св. Тайн замещает в литургии Тело Христово, вода освященная – основа таинства крещения, а святая вода – главный защитник от бесовских наваждений и поползновений, огонь – лампадный и свечной – бескровная жертва Богу, земля – неотъемлемая составляющая погребального обряда, материальная сущность человеческой плоти («яко земля еси есть и въ землю отыдеши»). Язычество и его проявления не следует воспринимать как нечто совершенно чуждое христианству, как его

антипод. Эволюция славянского язычества (паганизма) вела его к особой форме монотеизма, уживающегося с политеизмом. Таковы в общих чертах важнейшие особенности древнего мировосприятия и религии, дошедшие до наших дней и позволяющие нам путем реконструкции и осторожного очищения от поздних и внешних наслоений увидеть то целое, что составляло основу духовной культуры праславян².

3. Давние этнокультурные и языковые контакты славян

Изолированно существующих народов не было ни в древности, нет их и в настоящее время. В процессе своего исторического развития каждый народ так или иначе контактирует с соседними народами: в одних случаях связи между ними оказываются прочными и длительными, в других носят прерывистый или временный характер. Этнические связи могут охватывать различные сферы жизни – хозяйство и торговлю, быт и культуру и т.д., а могут касаться лишь отдельных сторон жизни. Для нас важно то, что свидетелями этих процессов являются языки контактирующих этносов – именно в них остаются следы древних связей в виде слов и даже выражений, как правило, постепенно адаптируемых (т.е. приспособляемых) к особенностям принимающего языка, а потому порою фонетически, грамматически и семантически так или иначе измененных. Историки языка, этимологи как раз и пытаются обнаружить такие языковые элементы.

Однако изучение ранних языковых контактов, удаленных от нас на сотни и тысячи лет, наталкивается на ряд трудностей. Как определить, является ли то или иное слово собственным по происхождению или же оно заимствовано из какого-либо другого языка? Чтобы ответить на этот вопрос, изучают фонетическую, словообразовательную структуру слова, а также значение, которое оно выражает. Например, название германского города *Дрезден*, о чем мы упоминали несколько ранее, содержит не характерное для зву-

² Полный текст см.: Н. И. Толстой. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 10–24 (впервые опубликовано в 1996 г.); здесь приводится в сокращении и в изложении автора настоящей книги.

кового строя немецкого языка сочетание согласных -зд-; опираясь на исторические факты (о древнем проживании славянских племен в указанном месте) и сравнивая этот топоним с подобными топонимами или нарицательными словами в славянских языках, ученые приходят к выводу о том, что данный топоним по происхождению является славянским, ср. собственное географическое название в Подмоскowie *Дрез(д)на*.

Очень часто одно и то же слово этимологизируется разными учеными то как собственное, то как заимствованное. Например, так до сих пор этимологизируют слово *Бог*: с конца XIX в. многие ученые связывают это слово с иранским источником, ср. др.-перс. *baga-* ‘господин, бог’ и далее др.-инд. *bhágah* | ‘благо, счастье’ и под.; с ними не согласны те, кто считает это слово исконно славянским и связывает его со словами **bogaty* ‘богат, -ый’ (а также **ubogъ*, т.е. *и-bogъ*) и ведут далее вглубь к праиндоевропейскому корню со значением ‘богатство’.

Нередко сложность для ученых представляют вопросы, связанные с определением времени, а также места этноязыковых и культурных контактов. С какими же народами контактировали на протяжении своей давней и долгой истории праславяне? Прежде всего это италийцы / италики (балканские латиняне), затем балты, кельты и германцы, иранцы, фракийцы, греки, позднее албанцы, романизированные балканские народы и румыны, финно-угры, турки и некот. др. Славяне сталкивались с ними в разные периоды своей истории и, разумеется, на разных территориях – первоначально на прародине или ближе к ней, попозже севернее и восточнее, т.е. там, куда они постепенно расселялись, формируя западное и восточное славянство.

Итак, дадим краткий обзор давних контактов славян с неславянскими народами и отражением этих контактов в языке. О балто-славянских связях см. в гл. 8 «Праславянский язык и происхождение славянских языков. 3. Балто-славянские языковые отношения».

3.1. Славяно-италийские (латинские) и славяно-кельтские связи и контакты. Италийские народы и языки – это исчезнувшие индоевропейские по происхождению народы и языки средней и южной Италии, письменно зафиксированные в основном со второй

половины I тысячелетия до н. э. и просуществовавшие в большинстве своем до первых веков н. э. Среди них лишь латинский явился языком самой богатой и долгой истории: к началу новой эры он распространился по Аппенинскому п-ову и далеко за его пределами. С V в., после падения Римской империи, латынь стала распадаться, диалектно дробиться по регионам, что в конечном счете привело к образованию на ее основе романских языков. По мнению О. Н. Трубачева, контакты между славянами и италиками оказались возможными уже до II тысячелетия до н. э., т.е. до времени ухода италиков на Аппенинский п-ов из Центральной Европы, прародины индоевропейцев. В славянско-италийских совпадениях Трубачев видит «древность и фондовость семантики», которая отражает природные явления – разливы воды с заболачиванием, низины, сельское хозяйство – ‘плоды, собранные рукой’, примитивное строительство, начатки торговли, элементарные правовые и этические отношения и нормы – ‘дозволено’, ‘не дозволено’ = ‘грешно’ и под. Все это подкрепляется примерами типа праслав. **pola voda* и **polovodъje* – лат. *palūdem* ‘низина с половодьем и заболачиванием’, **roǵyto* ‘горсть колосьев’ – рōтит ‘плод, фрукт’ и др.

Древнеевропейские племена кельтов по одним данным с VIII в. до н. э., по другим – со второй половины I тысячелетия до н. э. занимали, а в какие-то периоды и передвигались по многим направлениям Европы – вплоть до Правобережной Украины, на юго-востоке – до Балкан и т.д. К середине I в. до н. э. кельты попали под власть римлян. Однако эти воинственные племена не исчезли окончательно: их потомки сохранились до наших дней на окраинах современной Европы – в Великобритании, Ирландии, а также на полуострове Бретань на западе Франции (сюда они переселились в V в. из Великобритании). Кельты создали богатую материальную культуру, развивая кузнечное дело, изготавливая предметы для быта и войны. В Подунавье и на территорию Чехии проникли их племена боев и вольков-тектосагов. Последние получили название **Walhōz*, что славянами и их соседями было воспринято как *волохи*. Ученые также связывают украинский топоним *Галиция (Галичина)* с одним из этнических кельтских имен – *галлы (галаты)*. Кельтский источник видят в таких славянских словах, как *корова* и *конь*: первое из

кельт. *carvos* ‘олень’ → праслав. **korva* ‘корова’, второе **konь* ← кельт. **konkos* / **kankos* ‘лошадь’. «Возраст» славянских кельтизмов определяется достаточно широким временным диапазоном в 1–2 тысячи лет.

3.2. Языковые контакты славян и иранцев. Возможно, что первоначальные контакты между древними славянами и иранскими племенами относятся к середине I тысячелетия до н. э. История застает их в виде протоиндоиранцев в Северном Причерноморье, откуда они направились далее на юго-восток. Многочисленностью и могуществом отличались скифы (жили от VII в. до н. э. и до III в. н. э.), кочевники и земледельцы, скотоводы и т.д. в IV в. до н. э. создавшие государство Скифия. Они были потеснены сарматами. С восточнославянским этносом иранцы имели связи в Северном Причерноморье. Иранизмы в славянском касаются культовой (религиозной) и военной сфер, а также быта: **rajь* ‘рай’, **divь* ‘див / диво, чудо’, ‘злой дух’, **toporь* ‘топор’ сравнивают с др.-иран. **tapara*, **vatra* ‘огонь’ (первоначально означало ‘жертвенный огонь’, в таком случае рус. *ватрушка* – ‘жертвенный хлеб’). Не все ученые признают иранизмами слова **Bogь* ‘Бог’ (см. выше), **mogyla* ‘могила’, а что касается слова *собака*, то его неиранское происхождение было доказано О. Н. Трубачевым.

3.3. Славяне и германцы: соседство, отраженное в языке. С древними германцами у славян были достаточно тесные и длительные по времени связи. Их следует датировать серединой I тысячелетия до н. э., когда прагерманские племена стали сталкиваться со славянами, осевшими по берегам рек Лаба (нем. Эльба / Elbe), в междуречье Одры (нем. Одер / Oder) и Вислы. Таким образом, прагерманцы шли с запада на восток, в сторону славянских поселений. К числу прагерманских заимствований в славянском относятся, например, **xlěbь* ‘хлеб’ из прагерм. *hlaiba* ‘хлеб, кусок (пищи)’ – при более древнем собственно славянском **kriхь*, сохранившемся только в южнославянских языках, далее **хьlмь* ‘горб, холм’, **хузь* / **хузь* или **хуза* ‘хижина, хата’, **šelmь* ‘шлем’, **кьnєdzь* ‘князь’ и некот. др. Заимствования касаются как быта, так и социальной жизни (последний пример). Особого внимания заслуживает здесь так наз. «Склавания» (Scлавania) в бассейне р. Майн, впадающей в

Рейн. Ныне это историческая область Восточная / Верхняя Франкония (Германии). Местное славянское население – так наз. майнские веныды – было постепенно ассимилировано, оставив заметные следы в ономастике. Происхождение и прозрачность славянской структуры многих слов не оставляет никаких сомнений, ср.: **dobrъ*, **dolica* (уменьшит. от **dolъ*), **drěvesa*, **xlěvъ*, **ključъ*, **koryto*, **lěsъ*, **niziny*, **pasěka*, **polica*, **rěčica*, **vъrba* и под. Процесс проникновения праславянизмов в прагерманский язык иллюстрируют такие слова: **skatta* ‘скот’ – из праслав. **skotъ*, **plata* / **platja* ‘кусочек ткани’ – из **platъ*, **platъje*, **tūn-* ‘забор, изгородь’ – из **tynъ*, **baru* ‘бор’ – из **borъ* и под.

3.4. Славяно-финно-угорские контакты обычно относят к позднему времени, полагая, что они возникли уже после распада праславянского языка.

Приблизительно в конце III тысячелетия до н. э. прафинно-угры, жившие к западу от Урала, направились дальше, в Восточную Европу, достигнув Балтийского моря, другая часть, названная угорской, оставалась на востоке (предки манси, ханты, венгров). Если манси и ханты остались и до сих пор проживают на своей исконной территории, то предки венгров в первой половине I тысячелетия до н. э. подались на юго-запад, в Приуралье, затем к Дону и Кубани и уж к концу IX в. захватывают населенную славянами Паннонию и Карпатский бассейн, где и проживают до сих пор. Приблизительно во II тысячелетии до н. э. прибалтийско-финские племена столкнулись с балтами, затем, в I тысячелетии до н. э., с германцами и в этом же тысячелетии, но несколько позже, со славянами³. Все это нашло отражение в языках славян и финно-угров. Результатом контактов и связей нередко становилось этническое и языковое смешение, приводившее к двуязычию и в конечном счете к потере языка. Так случилось с племенами меря (ныне Владимирская, Московская, Тверская, Ярославская, Ивановская, Костромская области), ассимилированными к XVI–XVII вв., такова же судьба племен *мещера* (ср. *Мещёра* – низменность между рекой Клязьма, г. Москвой, реками Ока и Колпь), *мурома* (ср. название города *Муром* во Владимирской

³ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975. С. 6–11.

области), *чудь* (ср. гидроним *Чудское озеро*) и др. Подобное произошло со славянским населением Паннонии, которое с захватом ее венграми постепенно растворилось в пришельцах.

В финно-угорских языках имеются древние заимствования позднепраславянского периода: это слова со значениями ‘язычник’, ‘ячневая каша’, ‘каша из ржаной муки’, ‘серп’, ‘острогá’ (колющее рыболовное орудие в виде вил с несколькими зубьями), ‘верша’ (рыболовная снасть из ивовых и проч. прутьев в виде узкой корзины с воронкообразным входом), ‘печь’ и др. В качестве позднейших заимствований выступают восточнославянские, прежде всего русские слова (а в связи с венгерским языком – и украинские). Так, на территории нынешней Ленинградской области России проживали племена под названием *водь*, позднее сюда присоединились и *ижорцы*, затем жители из восточной части Финляндии. Длительное соседство и билингвизм (двуязычие) привели к тому, что в этих говорах отмечаются тысячи русских (древнерусских, северновеликорусских диалектных) слов, которые обслуживают, наряду с собственными (финскими), быт, социальные отношения, родственные связи, сельскохозяйственный труд, торговлю, транспорт, употребляются в области религии, верований и обычаев, обозначают некоторые явления природы, растительный и животный мир и проч.: *rot-u* ← рус. *род* ‘род, родня, порода’, *surina* ← рус. *шурин* ‘брат жены’, *svojakka* ← рус. диал. *своjak* ‘муж свояченицы, муж сестры жены’, *ristemo*, *muakku* ‘название цветов’, ‘маки’ ← рус. *мак*, *romaska* ← рус. *ромашка* и др.

В то же время в северновеликорусские говоры вошло большое число финно-угорских слов типа *káska* ‘подсека’, ‘лес, срубленный при подготовке участка для пашни’ – из *вепского* *kask*, *kas’k* ‘подсека’, *видзь* ‘сенокосный луг’, *кибас* ‘грузило сети’, *лógдас* ‘поплавок у невода в виде деревянного бруска или куса бересты’, *турбáк* ‘(рыба) голавль’, *кóкач* / *кокáч* ‘пирожок с начинкой’ и др. Финно-угорские следы остались в топонимии Русского Севера с элементами: *-нема* – *Хижнема*, *Ярнема* (из *Ярвнема*), *-вонга* / *-ванга* (карел. *вонга* ‘глубокое место, омут’) – *Мареванга*, *Патованга* и др.

Особо стоит вопрос о *славяно-венгерских* языковых и культурных взаимоотношениях. Исследованиями А. М. Рота установлено,

что эти отношения установились за 200–250 лет до поселения в Паннонской низменности, во время пребывания венгерских племен в регионе Дона и Кубани (юг нынешней России), где они впервые встретились с восточными славянами⁴. Это период древнерусско-древневенгерских языковых и культурных контактов, затронувших: земледелие, ср.: *borona*, *barázda*, *széna*; рыбное дело: *lésza* ← др.-рус. *лѣса* ‘леска’, *ikra* ← др.-рус. *укра* и под.; жилище: *bervena* ← др.-рус. *брьвьно*, рус. *бревно*; *palota*, *palata* ← др.-рус. *по-лата* ‘дом, шатер’, *terem* ← др.-рус. *теремъ*. В середине XX в. на основе этимологического словаря венгерского языка Г. Барци (1941) было установлено, что в этом языке только 46,3% слов являются финно-угорскими, 12,4% – это славянские, а с немецкими, тюркскими и др. чужими словами – всего 35,6% заимствований, к которым прибавляются 18% слов неизвестного происхождения. Венгерский славист И. Книежа, хотя и в шутку, но заявлял, что «просто случайностью можно объяснить то, что венгерский язык не стал вслед за болгарским славянским языком» (имеется в виду язык болгарских племен, в VII в. захвативших на востоке Балкан часть славян и растворившихся в них). В какой-то мере это напоминает также ситуацию с румынским языком.

3.5. Славяно-тюркским отношениям не менее двух тысяч лет. Возможно, уже в позднепраславянское время тюркоязычные племена sporadически доходили до славянских земель, о чем, например, свидетельствуют тюркизмы типа *толмач* ‘переводчик’ (проникло во все славянские языки, а это значит, что оно было заимствовано еще до окончательного распада праславянского языка), *обрин* (мн. ч. *обры*) ‘авар, авары’, ср. др.-рус. *объринъ*, *обьринъ*, в русской топонимии также *Оброво*, западнославянские словац. *obor*, чеш. *obr*, в.-луж. *hobr*, др.-польск. *obrzum*, польск. *olbrzum* – все со значением ‘великан, исполин’, южнославянские – старое словен. *óber* ‘великан’, серб.-хорв. в топонимах *Обре*, *Обров*, *Обровац*.

Первыми после распада праславянского языка с тюркоязычными племенами, шедшими с Востока, столкнулись предки восточных славян. Несколько веков позднее тюркские племена встретились с

⁴ А. М. Рот. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973. С. 195 и далее.

южными славянами. Что касается западных славян, то их связи с тюрками носили спорадический характер.

Кочевые племена гуннов сложились в Приуралье примерно во II–IV вв. Продвинувшись на юго-запад, они уже в IV в. были вовлечены в процесс, получивший в истории специальное название «Великое переселение народов». Их успехи в набегах на западные земли относятся во времени царствования Аттилы. Союз гуннских племен распался в середине V в.

Племенной союз аваров (обров) совершал набеги сначала на восточных славян, позднее продвинулся на Балканы и в прилегающие регионы, где сталкивался с Византией и германским племенем франков. В VI в. на берегу Дуная (в Паннонии) они создали Аварский каганат, откуда предпринимали набеги на Византию, славян и др. В конце VIII в. каганат был разбит франками.

Племена болгар сформировались на Волге, создав в IX в. государство Волжская Булгария, просуществовавшее до 1236 г. Этому периоду соответствуют эпоха Киевской Руси (до середины XII в.) и эпоха феодальной раздробленности, завершившейся усилением Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества (с XII в. до середины XIII в.). Однако еще в IV–V вв. часть болгарских племен спустилась на юг, где рядом с тюркоязычными хазарами некоторое время эти племена кочевали по Западно-Прикаспийской степи. Постепенно болгары стали продвигаться через Северное Причерноморье на запад и в конце VII в. достигли Балканского п-ва, где под руководством Аспаруха завоевали его восточную часть (678 г.) – территорию исторической области Мизия, к тому времени населенную славянскими племенами. Это положило начало Болгарскому государству (Первое Болгарское царство). К IX в. тюркоязычные болгары потеряли свой язык, растворились в славянском этносе, оставив ему свое имя.

Объединение печенегов, кочевников-скотоводов, возникло в завожских степях в VIII–IX вв., откуда в IX в. они передвигаются в южнорусские степи и делают набеги на Русь. В XI в. они были разбиты восточными славянами.

Половцы (кипчаки) и близкие к ним племена **куманов** занимались кочевым скотоводством в южнорусских степях, откуда напада-

ли на Русь. В начале XII в. восточные славяне нанесли им серьезное поражение. Некоторая их часть направилась на запад, достигнув Балкан и Паннонии (здесь они слились с венграми), а прибывшие на восток Балкан поддерживали болгар в их борьбе с Византией и тем самым способствовали созданию Второго Болгарского царства (со столицей в Тырново). Позднее они растворились в местном славянском населении.

Встает вопрос: отразились ли описываемые исторические действия в затронутых событиями славянских языках? Вероятно, в период военных, торговых и хозяйственных контактов и столкновений тюркизмы проникали в славянскую речь. Однако сразу же нужно сказать, что в большинстве случаев такие лексические элементы оставались не надолго: с изменением ситуации они могли попросту исчезать. Лишь *булгары* оставили свой след в материальной культуре болгарского населения Мизии, а также в виде лексических тюркизмов в их языке. Впрочем, до сих пор нет уверенности в том, действительно ли они болгарские по происхождению и не связаны ли некоторые из них с языками других тюркских племен – печенежским, хазарским, половецким или куманским. Вот в какой форме они отражены в памятниках старославянской и староболгарской письменности: *ханъ*, *боларинъ*, *багатъръ* ‘богатырь’, *самъчинъ* ‘управляющий хозяйством’, *капъ* ‘образ, идол’ (отсюда *капище* ‘языческий храм’), а также *висерьъ* или *висерьъ*, *бѣлѣгъ* ‘знак’, *съръ* ‘серый’ и некоторые другие. Показательно, что некоторые из этих слов полностью вышли из употребления.

В восточнославянские языки многочисленные тюркизмы вошли в течение XII–XVI вв. Так, заметное количество тюркских лексических элементов отмечается уже в тексте памятника XII в. «Слово о полку Игореве»⁵. В русских грамотах XIV–XV вв. отмечаются слова типа *баскакъ* ‘правитель’, *орда* ‘ханская ставка’, ‘лагерь’, *казна* ‘кладовая’, ‘сокровищница’, ‘казна’, ‘сокровище’, *ямь* ‘почтовая станция’, *кабала* ‘письменное долговое обязательство’, *тамга* ‘печать’ и др. (выражают предметы быта, торговые и административные понятия, названия животных, рыб и птиц, одежды и обуви,

⁵ К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

масти лошадей, военных объединений, чинов и снаряжения и др.). Сохранилось немало фамилий тюркского происхождения: *Аксаков, Самарин, Баранов, Караулов, Болтин, Тургенев, Рахманинов, Огарев, Ермолов, Бухарин* и др.

В середине XIV в. на Балканах появляются турки. Под турецким владычеством находились Болгария и Сербия (до последней трети XIX в.), Македония (до начала XX в.). Наиболее интенсивным турецкое воздействие на болгарский (и македонский) и сербский языки наблюдалось в течение первых трех веков. Государственным языком был турецкий, он же использовался в администрации, суде, в торговле и т.д. В первом сербском словаре В. С. Караджича каждое девятое слово – турцизм. В словаре «Турцизмы в сербско-хорватском языке» А. Шкалича (1965) зафиксировано 8 742 заимствования, в македонском выделено около 3 000 турцизмов, в болгарском полного их описания пока нет. Вот как выглядят турцизмы в болгарском языке: *чорани* ‘чулки, казан’, *котел*, *маймуна* ‘обезьяна’, *сандък* (ср. в рус. *сундук*), *памук* ‘хлопок’, *ракия* ‘водка, самогон’, *шербет* и под.; в серб.-хорв.: *boja* ‘цвет’, *čekić* ‘молот, молоток’, *patuk* ‘хлопок’, *čorba* ‘мясной суп’, *sanduk* ‘деревянный ящик, ларь’ (ср. в болг. *сандък*, в рус. *сундук*) и др.⁶. Турецкое влияние коснулось также фонетики, грамматики и словообразования южнославянских языков. В то же время и южнославянские языки влияли на турецкий язык Балкан.

Русский язык оказал большое влияние на формирование словаря чувашского, татарского и башкирского языков. На протяжении X–XVII вв. эти языки восприняли массу русских слов, которые касаются: 1) сельского хозяйства: *соха, борозна, зерно, овес, рожь, озимь, копна, солома, цеп, совок* и под.; 2) в т. ч. стойлового животноводства: *ясли, хомут, супонь* ‘ремень, которым затягивают хомут’, *ось*; 3) ремесел: *мехи, мельница, колодка, кожевник, куделя / кудель*

⁶ См.: А. Škaljić. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1965; S. Stachowski. Studia nad chronologią turczyzmów w języku bułgarskim. Kraków, 1967; 2-ое изд.: Kraków, 1971; A. Grannes, K. R. Hauge, H. Süleymanoğlu. A Dictionary of Turkisms in Bulgarian. Oslo, 2002; О. Јашар-Настева. Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Скопје, 2001.

‘лен, приготовленный к пряже’; 4) рыболовства: *сеть, морда* ‘рыболовная снасть, сплетенная из прутьев’; 5) пчеловодства: *пчельник, улей*; 6) торговли: *лабаз, гиря, безмен, кошелек*; 7) строительства: *бревно, брус, свая, шест, гвоздь, рычаг, потолок, труба, полено, деготь, желоб*; построек: *палата, изба, баня, печь, горница, погреб*; 8) домашней утвари: *горшок, черпак, бочка, ведро, веник, кувшин, кочерга, крюк, мешок, мочало, сор, терка*; 9) пищи: *блин, калач, кисель, крупа, пельмени, сок*; 10) частей тела: *горб, мочка, череп*. Имеются заимствования, выражающие различные болезни, рельеф и климат, понятия судопроизводства и религии, военного дела и т.д. Как видим, заимствовались, начиная с древнерусского периода, единицы базового словаря русского языка. Основная масса этих слов употребляется в волго-камских тюркских языках до настоящего времени⁷. Добавим, что влияние русского языка распространялось и на многие другие тюркские языки.

3.6. Славяне и их связи с другими этносами по языковым данным. *Фракийцы* были южными соседями славян. Это индоевропейские племена, занимавшие северо-восток Балканского полуострова, а также часть северо-запада полуострова Малая Азия (там, где ныне располагается Турция). Ученые полагают, что древние славяно-фракийские связи были достаточно тесными и длительными по времени. Более всего следов фракийский язык оставил в болгарском: *катерица* ‘белка’ и *катеря се* ‘карабкаться’ (фрак. *kater-* ‘то, что скачет’), *руфя* ‘молния’, *газя* ‘бродить’, ‘топтать траву’, ‘шлепать по грязи’, *карпа* ‘скала’ и под. Как видим, заимствования касаются природных явлений.

Греки (эллины) пришли на территорию Греции скорее всего с севера (а с точки зрения центральноевропейской прародины индоевропейцев – с юга). Одним из доказательств тому являются полуполюгендарные греки-данайцы (Δαναοί), своим именем напоминающие архаичное название Дуная (в его среднем течении). Относительно того, имели ли древние греки контакты с праславянскими

⁷ Подробнее: К. Адыгаши. Ранние русские заимствования тюркских языков волго-камского ареала. Ч. I. Дебрецен, 2005.

племенами, в славистике нет единства мнений. И все же к числу наиболее ранних, хотя и немногочисленных грецизмов в праславянском относят, например: **korablъ* ‘корабль’ – из греч. *καράβιον*, **ogurьсь* ‘огурец’ – *ἄγουρος*, **višьnja* ‘вишня’ – *βυσσινια*. Что касается религиозной, научной и общекультурной лексики греческого происхождения, то она хорошо известна не только славянским, но всем европейским языкам. В начале XX в. М. Фасмер насчитывал в церковнославянском языке около 650 грецизмов (половина из них книжного характера). Особенно представительны грецизмы в южнославянских языках. По новейшим данным, в болгарском языке наличествует около одной тысячи, а в македонском – более 1750 грецизмов.

В самой Греции остались следы славянского влияния на греческий язык в виде топонимов, фиксируемых по крайней мере с VI в. Этому вопросу посвящена фундаментальная монография М. Фасмера «Славяне в Греции»⁸. Примечательно, что византийско-греческие лексические элементы нередко проникали в некоторые европейские языки через славянское посредство. Так, выявлено, что на протяжении VII–XV вв. в румынский язык вошло около 280 грецизмов, из них 254 – через славянские языки, при этом 142 из них относятся к церковной сфере, 47 терминов касаются социальной жизни, 10 – это названия растений и животных и т.д.

Албанцы и их язык занимают изолированное место в рамках индоевропейской семьи. Албанский считается продолжением исчезнувших палеобалканских индоевропейских языков, был близок к иллирскому. Существует также точка зрения о том, что древнеалбанский и фракийский представляли собой некое языковое единство. Полагают, что начало тесных славяно-албанских языковых отношений относится к VI–VII вв. и связано с расселением славян в западной части Балканского п-ва. Более 600 заимствований в албанском обнаружил А. М. Селищев, изучавший славянские поселения в Албании. По преимуществу это слова, обозначающие реалии повседневной жизни. Вот как выглядят славянские слова

⁸ М. Vasmer. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970; первое издание книги вышло в 1941 г.

в албанской графической «упаковке»: *bisedë* – ‘беседа, разговор’, *nevojë* – ‘необходимость, нужда’ (в скобках здесь и далее приводим в основном параллели из русского, ср. *неволя*), *trup* – ‘тело’ (ср. рус. *труп*), *gëllit* – ‘глотать’, *vërtit* – ‘вертеть’, *neverit* – ‘пре-небрегать’ (ср. рус. *не верить*) и др. О. Н. Трубачев склонен был возводить первые славянские заимствования в албанском языке к праславянской эпохе.

Восточные романцы, к которым относятся румыны, молдаване, аромыны и др., стали контактировать со славянами в VI–VII вв. В XI–XII вв. славяне, которые занимали территории по левому берегу Дуная (это часть Дакии), постепенно были ассимилированы романским населением. В науке речь славян указанного региона называют также дакославянским языком. На определенной стадии этнического смешения возникло славяно-румынское двуязычие. Глубина этого влияния была настолько великой, что в румынских княжествах и в Трансильвании в XIV–XV вв. в качестве языка культуры, церкви и администрации функционировал особый книжно-славянский (церковнославянский) литературно-письменный язык румынской редакции. Примеры заимствований: *vrëme* ‘время’, *veak* ‘век, столетие’, *zóri* ‘заря’, *vîrf* ‘верх’, *obraz* ‘образ’, ‘личность’, ‘щека’, *lapă* ‘рука’ (ср. рус. *лапа*) и т.д.

* * *

Таким образом, рассмотрение ранних контактов и связей славян с народами, с которыми они на протяжении своей многовековой истории непосредственно соседствовали, показывает, что эти связи в одних случаях были длительными и разносторонними, в других характеризовались спорадичностью. В большинстве ситуаций взаимодействие славян с неславянами отражалось в их языках. По семантике заимствований мы можем судить о том, каких сторон жизни касались контакты. Этим материалом, как было показано, можно реконструировать фрагменты быта, социальной организации и культуры древних славян и их соседей в разные исторические периоды их жизни.

Глава 6

Славянская этнонимика

Литература

- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
- Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж, 1991; *его же*. Этнос и имя. Воронеж, 2003.
- Нерознак В. П. Этнонимика. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 598–599.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.
- Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян. // Вопросы языкознания, М., 1974, № 6. С. 48–67; *его же*. Этногенез и культур древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-ое. М., 2003.
- Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» (в связи с задачами реконструкции восточнославянского плоттогенеза). М., 1979.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974, вып. 1→ (издание продолжается).
- Этнография имен. М., 1971.
- Этнонимы. [Сборник статей под ред. В. А. Никонова]. М., 1970.
- Этническая ономастика. М., 1984.
- Otrębski J. Słowianie – rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1947.
- Weingart M. Společný názv Slovanů. // M. Weingart. Slovanská vzájemnost. Úvahy o jejích základech a osudech. V Bratislavě, 1926. S. 15–20.

1. Этнонимы – этнонимия – этнонимика

Термин *этноним* составлен на базе греч. *ἔθνος* / *éthnos* ‘народ, племя’ и *ὄνομα* / *onom(a)* в форме *onim(a)* [онома] / греч.-эолийское *ὄνυμα* / *онута* ‘имя, название’. Таким образом, этноним – ряд слов, обозначающих племена, родовые и племенные объединения, народы и народности, т.е. этносы. Этноним является основным объектом особого направления в ономастике – *этнонимике*. В то же

время этноним – это основной объект этнографии. Поскольку речь идет об этнонимах как о словах, то они являются и объектом языкознания. Совокупность этнонимов называют *этнонимией*.

Важно знать происхождение этнонимов, структуру, их развитие, распространение или исчезновение, особенности употребления. Этнонимы содержат в себе ценную историко-культурную и языковую информацию, в т. ч. и ту, что связана с этногенезом и лингвогенезом (происхождением языка), прародиной, с языковыми контактами и т.д. Их относят к древнейшему (хотя и не самому древнему) пласту словаря – по крайней мере, они возникают еще в эпоху позднепервобытного общества, когда родоплеменные объединения начинают формировать свое этническое самосознание, т.е. начинают осознавать себя отличающимися от этнических образований, живущих по соседству. Этнонимы изучаются в этнографии, демографии, антропологии, истории, исследующих этносы с различных точек зрения. С этнонимами соотносятся *лингвóнимы* – наименования языковых групп, языков, диалектов и говоров, которыми оперирует языкознание. [О лингвонимии см. гл. 10 «Славянские языки и славянская лингвонимика»]. Этнонимы соотносятся также с *топонимами*: от этнонима *чехи* образовано название страны – топоним / хороним *Чехия*, от топонима *Австрия* произведен этноним или этнотопоним *австриец*. Иногда связь между топонимами и этнонимами сильно затемнена. Этноним следует отличать от *катойкóнимов* – названий жителей по местности (*киевлянин*, *белградец* и под.). Этнонимы делятся на *макроэтнонимы* – наименования групп народов и собственно этнонимы – наименования конкретных этносов.

Этнос формируется в тот период, когда той или иной общностью осознана антитеза «мы – они», т.е. когда коллектив осознает себя отличным от других соседних коллективов. Осознание своего группового единства – это первый шаг к формированию этнического самосознания, внешним выражением которого становится этноним. Таким образом, первоначально складывается этническое самосознание как важнейший признак любого этноса, а затем формируется этноним, покрывающий соответствующий этнический коллектив. Считается, что древнейшими этнонимами, или предэтнонимами, могли быть нарицательные слова со значением ‘человек – люди – народ’, имя родоначальника или вождя при родовом

строе, место проживания. В семантике этнонимов может отражаться все, что связано с этническим коллективом: внешние приметы, занятия, обычаи, черты этнического характера, оценки положительного и негативного свойства этноса и т.д. Что касается словообразовательных типов древних славянских этнонимов, то их можно выделить по крайней мере четыре:

1) вероятно, самая древняя модель бессуффиксальная: а) со смягчением конечного согласного корня или основы – *рось* / *русь*, *сербь* (славянские племена), *чудь* / *чюдь*, *водь*, *весь*, *пермь* (древние финно-угорские племена); *голядь*, *жмудь*, *ятвязь* (балтские племена); б) с гласной флексией *-a* / *-’a* в II. пад.: *меря*, *мурома* (финно-угорские племена);

2) модель с суффиксом **-ič(i)* = *-ич(и)*, присоединяемом как к основам собственных, так и нарицательных слов: *кривичи*, *радимичи*, *вятичи*, *дреговичи* и под.;

3) модель с суффиксом **-ĕn(e)* / **-an(e)* / **-en(e)* = *-Љн(e)* / *-ан(e)* / *-ен(e)*, на основе которой производились этнонимы не только конкретно-территориального содержания – *поляне* (от *поле*), *бужане* (от названия реки *Буг*) и т.д., но и обобщающего – самым показательным здесь является макроэтноним **slověne* / *словЉне* ‘славяне’;

4) модель с суффиксом ед. ч. **-ьсь*, мн. ч. **-ьсѣ* = ед. ч. *-ьць*, мн. ч. *-ьци* / *-ьцы*: **нѣтьсь* / **нѣтьсѣ* = *нЉмьць* / *нЉмьци* ‘немец, немцы’.

Первая модель выражает собирательное значение и часто обозначает, за исключением *русь*, неславянские (недревнерусские) племена, но – по славянской модели, ср. построенные на базе этой модели нарицательные слова: *челядь*, *голь* и др. На смену собирательной пришли грамматически различающие единственное и множественное число модели – сначала вторая, а затем – третья. Последняя формируется по отношению к этнонимам по модели **нѣть* → *нѣтьсь* ‘нем, немой → немой человек’, *слѣрь* → *слѣрьсь* ‘слеп, слепой → слепец, слепой человек’, **малъ* → **малъсь* ‘мал, малый → малец’ позднее всех, постепенно вступая в конкуренцию с моделью на **-ĕn(e)*, ср. древнее *смоляне* – позднейшее *смоленцы* и под. В целом этнические названия обслуживаются ограниченным составом суффиксов. Этнонимы, построенные по модели на **-ič(i)*, давно вышли из употребления, модели на **-ĕn(e)* воспринимаются в ряде славянских языков уже как исторически далекие от нас, хотя и не утратились до конца.

А теперь сделаем краткий обзор гипотез о происхождении славянских этнонимов. Сначала обратимся к макроэтнониму *славяне*.

2. Происхождение макроэтнонима *славяне* / *словене*

Этимология названия *славяне* разрабатывается давно, литература по этой теме по существу безбрежна. Сначала представим хронологически обзор гипотез с указанием авторов, этимологий и выделяемых значений макроэтнонима *славяне*.

Таблица № 1

<i>время</i>	<i>автор</i>	<i>этимология этнонима *slověne/словѣне</i> ‘славяне’	<i>кем были праславяне</i>
XIII–XIV вв. →		← а) <i>слово</i> ; ← б) <i>слава</i>	а) ‘имеющие слово, ясно говорящие’; б) ‘славные люди’
кон. XVIII – нач. XIX вв.	Й. Добровский / J. Dobrovský, чеш. славист	от топонима с корнем *slov-: как <i>мораване</i> от <i>Моравы</i> и под.	
с 20-х гг. XIX в.	Я. Коллар / J. Kollár, словац.	← *slava ‘слава’	‘славные люди’
с 40-х гг. XIX в.	П. Й. Шафарик / P. J. Šafárik, словац.	← *slovo ‘слово’	‘имеющие слово, ясно говорящие’
1900	И.А.Бодуэн де Куртенэ / J. Baudouin de Courtenay, польско-русский славист	из частых слав. имен на -слав (<i>Бори-слав</i> , <i>Миро-слав</i> и т.д.) романцы (в т. ч. и римляне) перенесли элемент -слав на весь этнос, а последний принял в качестве своего этнонима	
1902	Й. Миккола / J. Mikkola, финн.	ср. с греч. <i>σλαως</i> , кельт. *slou—gos ‘толпа, масса, взвод’	‘член племени’

<i>время</i>	<i>автор</i>	<i>этимология этнонима *slověne/сло-вѣне</i> ‘славяне’	<i>кем были праславяне</i>
1919	Г.А. Ильинский	ср. греч. <i>slawŋ</i> ‘обработанная земля’ ← и.-е. * <i>sElo</i> ↓ <i>u</i> — <i>a</i> ↓	‘человек, живущий на обработанной земле, земледелец’
1921	Л. Мазинг	ср. гот. * <i>slavan</i> ‘молчать, быть тихим, спокойным’	
20-е гг. XX в. →	М. Будимир, сербск.; польские ученые Я. Розвадовский / J. Rozwadowski, Т.Лер-Сплавинский / T. Lehr-Spławinski, С. Роспонд / S. Rospond	и.-е. * <i>kleu-</i> ‘течь’, ‘плыть’, ‘чистить’ и др. → * <i>slov-</i> / * <i>slav-</i> в гидронимах	‘жители болотистых, влажных мест’
1927	А. Брюкнер / A. Brückner, польск.	а) ← гот. * <i>slavan</i> ‘молчать’; б) ← и.-е. * <i>sleu-</i> / * <i>slou-</i> ‘слабый, вялый’, ср. польск. <i>słowień</i> ‘лен, льняное полотно’ → (переносное) ‘слабак’	а) ‘молчальник, бирюк’; б) ‘медлительный, неповоротливый’
1957	К.Мошинский / K. Moszyński, польск.	* <i>slov-</i> / * <i>slav-</i> ‘чистый’, ср. лат. <i>cluo</i> ‘я очищаю’	‘жители чистых полей’
1947 →	Я. Отрембский / J. Otrębski, польск.	а) ← * <i>seb</i> / * <i>sob</i> ‘свой’, ср. гот. <i>silba</i> ‘сам’; б) ← литов. название села <i>Šlavė nai</i> на реке <i>Šlavė</i> ↓	‘свои люди’

<i>время</i>	<i>автор</i>	<i>этимология этнонима *slověne/словѣньне ‘славяне’</i>	<i>кем были праславяне</i>
1978	Л. Мошинский / L. Moszyński, польск.	* <i>slovo</i> → * <i>slověne</i>	‘побратимы по языку’
1982	Г. Шрам / G. Schramm, нем.	← * <i>Sloven(t)-n-</i> ← * <i>SlovΠta</i> ‘Днепр’	‘днепряне’
70–80-е гг. XX в.	О.Н. Трубачев	← * <i>slovo</i> ‘слово’ / ← * <i>sluti</i> , * <i>slovΠ</i> ‘слыть, слышу’	‘ясно говорящие’

К настоящему времени актуальными считаются по крайней мере две этимологии макроэтнонима **slověne/словѣньне*:

2.1. «Речевая (или языковая)» этимология, высказанная еще в раннем Средневековье, объясняет происхождение макроэтнонима от общеславянского (и праславянского по происхождению) слова *слово* (см. таблицу № 1). Ныне ее поддерживают многие этимологи, приводя высказанную еще в XIX в. П. Й. Шафариком аналогию с древним племенным названием др.-рус. *кличане* ‘охотники, поднимающие дичь криком’ – от *клик* / *крик*, как *словене* – от *слово*. То есть в словообразовательном плане здесь нет препятствий для производства макроэтнонима от нарицательного *слово*.

В глубокой древности соседствовали не только племена, понимавшие язык друг друга, но также и такие, которые пользовались непохожими языками. Естественным образом возникала оппозиция «свои – чужие» или, по-другому, «мы – они». В этих условиях *мы* говорим понятно, *они* – так, что мы их не понимаем. Значит, *мы* – ‘свои, наши люди, говорящие на понятном языке’, в то время как *они*, их речь непонятна нам, с ними говорить – что с *немymi*. Отсюда этноним для *них* – *немцы*, ед. ч. *немец* (**нѣтьсі* / *нѣмьци*, ед. ч. *нѣтьсь* / *нѣмьць*), образованный от краткого прилагательного (в праславянскую пору – существительного-прилагательного) **нѣть* / *нѣмь* ‘немой’ – как от *мал* – *малец*, от *хитр* – *хитрец* и под., т.е. все производные формы по этой модели (*немец*, *малец*, *хитрец*) связаны с антропоморфным значением – значением, обозначающим че-

ловека, людей. Таким образом, «речевая» этимология в частеречном плане становится двоякой: существительное + глагол, а в содержательном остается практически той же.

2.2. «Водная (или гидронимическая)» этимология, предусматривающая ту или иную связь с влагой:

а) на Балканах имеется немало гидронимов (названий рек и их притоков) с корнем **slav-*: *Slavin*, *Slave*, *Slavica*, *Preslavica*, *Slavnica*, *Slavinac*; в прилегающей Паннонии (где ныне Венгрия) гидронимы в венгерской огласовке, но славянский корень в них сохранился хорошо, ср. *Szalava* [*Salava*], *Szalavény* (← *Szlavény*) [*Salaven'*, *Slaven'*]; ср. в Польше *Slawa*, *Slawica*, *Slawoczna*. В древности Днепр назывался также *Словутичем* / *Славутичем*. Вот пример из «плача Ярославны» в «Слове о полку Игореве»:

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѢ, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозѢ землю Половецкую <...>».	Ярославна рано плачет на забрале [‘крепостной стене’] города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую <...>».

б) в южнославянских языках отмечается нарицательная лексика, связанная со значением воды, влаги, ср. серб.-хорв. *slávelj*, *slàvina* ‘трубка для пропускания жидкости’; по свидетельству словацкого лингвиста Я. Станислава, в хорватском имеются слова *slavak* ‘вода с уксусом’, *sláviti* ‘разбавлять водой’¹. Таким образом, в соответствии с этим представлением макроэтноним *славяне* следует «читать», как ‘жители рек, увлажненных мест’.

2.3. О географии макроэтнонима «славяне»

В современной науке постоянно подчеркивается, что этноним с корнем *слов-* / *слав-* оказывается периферийным, т.е. он привязан к окраинным ареалам расселения славян. При этом, как ни странно, имеются в виду уже оформившиеся границы славянства, которые в целом сохраняются поныне. Поясним, что имеется в виду. Если ис-

¹ См., например: J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava, 1967. S. 117.

ходить из требований среднеднепровской гипотезы, то окраинными здесь были располагавшиеся на северо-западе племена *новгородских словен*, о которых у нас сохранилась только историческая память. Если отталкиваться от висло-одерской гипотезы, то у берега Балтийского моря (в области, называемой Поморьем) еще в XX в. сохранялась небольшая ветвь кашубов – *словинцы*. Ныне их уже нет. Далеко на западе, в районе р. Майнц (Германия), располагалась не сохранившаяся ныне «Склавания/ Склавиния» – *Sclavania*. Если придерживаться дунайско-балканской гипотезы, то в прилегающих к ней регионах до сих пор проживают альпийские *словенцы* (Словении и части Австрии, а также Италии), а в направлении северо-запада, минуя Паннонию и Австрию, – *словаки*.

Действительно, нарисованная картина представляет всех перечисленных славян в качестве периферийных этнических общностей, причем частично утраченных. Однако ситуация, по нашему мнению, должна рассматриваться иначе, если опираться на последнюю гипотезу, которая представляется нам лучше, чем другие, обоснованной. Акад. О. Н. Трубачев так рисует общую картину расположения славян в древности:

«<...> в жизни славян (на Дунае и в прилегающих землях) был период, когда этноним **slověne* отсутствовал, и это зафиксировали античные писатели. Когда писатели византийского времени упоминают о славянах-склавенах, они связывают это имя опять-таки с населением околонунайских районов; особенно четко это представлено у Иордана, где говорится, что севернее склавен живут венеты, а к востоку, за Данастром [Днестром] анты. Периферийные венеты, веныды и анты – тоже славяне, но они названы заимствованными именами, как часто бывает в пограничных районах, а срединные склавены-славяне носят свой исконный аутоэтноним»².

Есть также основания полагать, что упоминаемые в исторических источниках *венеты* или *венеды* были западноиндоевропейским племенем, территория которого широкой полосой простиралась с юга – от северо-восточной Италии (отсюда название Венеции) на

² См.: О. Н. Трубачев. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 250.

север до Балтийского моря. Вероятно, миграции венетов на север проходили раньше, чем шло расширение славянских территорий. Венеты со временем растворились в италиках, германцах и расширяющихся славянах (расширяющихся на Балканах и далеко на северо-запад, ближе к германцам), в результате чего и италики, и особенно германцы перенесли имя *венеты* в форме *винды* и *венды* на славян. Длительное время в литературе существует мнение о том, что на севере через германское посредство этноним уже со славянским содержанием попал в прибалтийские финно-угорские языки в виде фин. *venäläinen*, эстон. *venelane* со значением ‘русский’³. Но сами славяне так себя никогда не называли.

Что касается *антов*, то под ними многие ученые видят предков восточнославянских племен. Сами себя восточные славяне так никогда не называли. Это этноним неславянского происхождения: по одним утверждениям, он происходит от иран. *ant* ‘равнина’, по другим – от др.-инд. *ánta-* ‘край’, ‘конец’ (имеется в виду, что такое имя было им дано в период пребывания древних индоиранских племен в Северном Причерноморье).

Для нас важно сейчас обратиться к этнониму *славены* – *Sclaveni* и к его варианту *Sclavi*, зафиксированных в греческой и латинской форме в исторических источниках первой половины I тыс. н. э. Вставное -к- появляется в слове по той причине, что указанные языки не допускают сочетания согласных типа -sl-/ -сл-. Далее. Примечателен также факт наличия в интересующем нас слове славянского этнонимического суффикса -ен- / -en-. Без сомнения, в форме **slověne* он функционировал в регионе предполагаемой славянской прародины с того времени, когда отделившаяся в результате распада индоевропейской общности группа сформировала у себя сознание этнической отдельности, т.е. выработала собственное славянское этническое самосознание. Это самосознание было двухслойным: на первом этапе преобладали племенные названия, на последующем постепенно вырабатывалось общее название для всех близ-

³ Иная и новейшая по времени точка зрения на происхождение этнонима с корнем *ven(e)* в прибалтийско-финских языках рассматривается нами в гл. 4 «Славянская прародина. 5.5. Дунайская (дунайско-балканская, центральноевропейская) гипотеза прародины славян».

кородственных племен, выразившееся в макроэтнониме **slověne*. Именно этим можно объяснить, с одной стороны, наличие племен с одинаковыми этнонимами в дунайско-балканском ареале и в связи с последующим распространением – на северо-западе (ср. *сербы* на Балканах и *сербы*, или *серболужичане*, в нынешней Германии) и на северо-востоке Европы (ср. *смолены*, жившие по берегам балканских р. Места и Стримон, и *смоляне* средней полосы России и др.). Примечательно, что локальные обозначения племен даже при наличии уже общего этнонима **slověne* продолжали еще длительное время функционировать наряду с ним.

Разумеется, ближе к границам предполагаемой прародины этноним **slověne* приобретал особую значимость в виду усиливающегося контраста с неславянскими соседями, когда нужно было обозначить в первую очередь не свою локальную (племенную) малость, но – принадлежность к огромному этнически родственному массиву, который как раз и покрывался макроэтнонимом **slověne*. В доказательство этого обратимся к этнонимической ситуации Хорватии, Словении и Словакии.

В Хорватии местное население выступало преимущественно под этнонимом с корнем *slov-*: *Slovin*, *Slovinac*, пройдя следующее семантическое развитие: ‘славянин’ → ‘(южный) славянин’ → ‘хорват’. Это зафиксировано памятниками письменности со времени раннего Средневековья. В северной части Хорватии был также известен этноним *Sloveni* – ‘славяне’, ‘славяне-хорваты’. В XVI–XVII вв. между р. Драва и Сава (притоки Дуная) этноним использовался с корнем *slov-*, лишь в части Приморья и островов Адриатического моря появлялся этноним *хорват*, а далее на юг вдоль Адриатики – снова этноним с корнем *slov-*. Не забудем также об исторической области Хорватии, которая до сих пор называется *Славонией* – *Slavonija*, с чем связаны также *Slavonac* ‘славонец’, *Slavonci* ‘славонцы’ и т.д.⁴

Аналогичная ситуация со словаками Словакии и некоторыми другими западными славянами. Первоначально словаки в латинских текстах обозначались как *Slavi* или *Sclavi*, а в славянских – как

⁴ См., например: I. Broz. *Crtice iz hrvatske književnosti*. I. Zagreb, 1866. S. 104–167; F. Fancev. *Građa za povijest književnosti Hrvatske*. XII. Zagreb, 1933. S. 6; J. Vončina. *Jezična baština*. Split, 1988. S. 375–376.

slověne (ед. ч. *slověninъ*), т.е. так же, как и ‘славяне’. Лишь в XIII–XIV вв. активность употребления этого этнонима начинает постепенно снижаться – прежде всего в Чехии и Моравии, в то время как в большей части словацких земель он еще продолжает использоваться. В словацких памятниках письменности XIV–XV вв. он выступает в форме *slowyenyu* (ед. ч.) и *slowyenyu* (вин. пад. мн. ч.). В XV в. конкуренцию ему начинает составлять этноним *slowak* – *scilicet slowak* (впервые зафиксирован в 1458 г.). Однако традиция называния словаков общеславянским этнонимом оказалась весьма живучей и, можно сказать, дожила по крайней мере до конца XVIII в.: первый нормализатор словацкого литературного языка А. Бернолак издает на латинском языке книгу «*Grammatica slavica*» (1790), т.е. «Славянская = словацкая грамматика», и под.

Поляк Я. Мончиньский в середине XVI в. использует этноним *Slawak* в значении ‘славянин’, подогнав его под слово *слава* – *slawa*. Его же: *lud slawácki* – ‘славянский народ’. На севере Польше, в Поморье / Приморье (южный берег Балтийского моря), вплоть до второй половины XX в. существовало племя *словинцев* – *Slovince*, разновидность кашубов. В XIX в. кашуб Ф. Цейнова называл их «*Slovjnse czele Slovi*», т.е. ‘словинцы или словы / славяне’. Примечательно, что у лужицких сербов в XVII в. в некоторых памятниках письменности встречается этноним *Slowak* в значении ‘южный славянин’!

Как видим, предки западных славян, продвинувшись к северозападу от дунайско-балканского региона, долго сохраняли макроэтноним *славяне* как по отношению ко всей славянской общности, так и по отношению к себе самим⁵.

Что касается словенцев Словении, а также части Австрии (область Каринтия) и Италии (так наз. «Итальянская Словения»), где издавна проживают словенцы, то они в своем названии до настоящего времени сохранили прозрачную этнонимическую основу **slověn-*: *Slovenec* ‘словенец’, *Slovenka* ‘словенка’, *Slovinci* ‘словенцы’ – как и словаки (за исключением формы муж. рода ед. ч. *Slovák*

⁵ См.: J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava, 1967. S. 115 и далее; R. Krajčovič. Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovanská geneza slovenčiny. Bratislava, 1974. S. 44–47; J. Dorul’a. O vývine pomenovania Slovákov. // Zahraniční Slováci a národné kultúrne dedičstvo. Martin, 1984. S. 259–270.

и мн. ч. *Slováci*): *Slovenka* ‘словачка’, ср. также топоним *Slovensko* ‘Словакия’. Он так же свидетельствует о том, что древнейшим этнонимом словаков был макроэтноним **slověne*.

Оторвавшись от исходного ареала и двигаясь на северо-восток, предки восточнославянских племен с Юга «потянули» за собой и славянский макроэтноним. Его следы обнаружились, правда, лишь у озера Ильмень (ныне Новгородская область России), где, согласно «Повести временных лет», проживали *новгородские словѣне*, ср. следующее высказывание из летописи:

«Σλοϝνε <ε, πρεω[δϝωε σϝ Δ]ναTM, σ[δωα око̀ло еφερα ΙλμερTM, ι προφπαωαTM σποιμ[ιμεν[μ[ι, ι σϝδ[λαωα γραδϝ, ι varekowa ι Novϝγοροδϝ» ‘Словене же, придя с Дуная, осели около озера Ильмень и прозвались именем своим, и построили город, и нарекли его Новгород’.

Как видим, практически вся Славия – южная, восточная и западная – в одних случаях лучше, в других – хуже сохраняла или сохранила до сих пор макроэтноним **slověne* / *словѣне* ‘славяне’. Показательно, что на определенном этапе развития этнонимической системы славян допускалась синонимизация макроэтнонима и формирующегося этнонима для конкретного этноса, ср. *славянин* и *хорват*, *славянин* и *словак*, а также тождество форм *словѣньскъ* ‘славянский’ и *русьскыи* ‘русский’, отраженное в «Повести временных лет». При этом нельзя не заметить концентрацию макроэтнонима на территориях, непосредственно расположенных или прилегающих к дунайско-балканскому ареалу. Как нам кажется, это еще одно важное основание доверять гипотезе центральноевропейской, или дунайско-балканской, прародины славян.

3. Этнонимы восточнославянских народов

Из трех восточнославянских этнонимов наиболее спорным в этимологическом плане является наименование *русские*, в то время как два другие – *белорусы* и *украинцы* – имеют достаточно прозрачное происхождение.

3.1. Белорусы (белорус. *беларусы*) – единственный среди восточнославянских этнонимов является сложным по структуре: *бел-* +

-о- + -рус, т.е. корень-основа прилагательного *бел-* присоединяется к уже существующему этнонимическому корню-основе *рус-*. С современных позиций четко «прочитываются» оба компонента. М. Фасмер так и считал, что этот этноним объясняется «светлым цветом волос и белой одеждой населения». Аналогичного мнения придерживался и Е. Ф. Карский. Однако именно на семантическом уровне как раз и таится загадка этнонима. Дело в том, что цветовая символика в собственных именах – топонимах и этнонимах – это своего рода остатки давно вышедшей из употребления древней системы географической ориентации, в соответствии с которой *Червон(н)ая Русь* – это ‘южная (или волынская) Русь’, *Черная Русь* – это ‘Северная Русь’, а *Белая Русь* – это ‘Западная Русь’. По письменным памятникам название *Белая Русь* известно с XIV в. В Древней Руси *Белое море* означало ‘Западное море’. В Средневековье *Западную Русь* татары называли *Ак Урус(ь)*, т.е. ‘Белая Русь’. Таким образом, *белорус* – это ‘западный русич / русин / русский’, как, впрочем, и древнее племя *белых хорватов*, продвинувшихся в своей миграции далеко на запад. Такую трактовку в 80-е гг. XX в. дал, например, ономаст В. А. Никонов. С этой этимологией спорит другая, высказанная еще в XIX в. А. А. Потебней: *Белая Русь* (и, следовательно, *Белоруссия*) – это ‘свободная Русь’. В таком случае *беларусы / белорусы* – это ‘свободные русичи’. Но все же географическая составляющая значения этнонима *белорус* считается ныне более убедительной.

3.2. Украинцы (укр. *украї́нці*). Несмотря на то, что правобережье Днепра было заселено предками восточных славян уже в I тысячелетии до н. э., этноним *украинцы* достаточно позднего происхождения. В нем четко просматривается словообразовательный состав – приставка, корень и два суффикса, т.е. это производное слово: у- + -краи- + -ин- + ец / -ц(и). Как показывает структура, этноним возник на базе нарицательного слова в косвенной форме (в данном случае – еще и с предлогом): у *края*, т.е. ‘на краю, по окраине’. Со временем предлог слился с самим словом: ср., с одной стороны, пример из летописного древнерусского текста XIV–XV вв. *новгородци на украї* ‘новгородцы на окраине государства’, с другой – народное укр. *украї́й* ‘на краю / на край, по окраине’. Постепенно на

основе новообразования *украї* формируется слово *украина* (др.-рус. *оукраина*) со значением единичности, которое в конце концов вытесняет форму *украї*, ср. из Ипатьевской летописи конца XII в.: *Украина Галичская*; выражение из памятника XIV–XV вв.: *и взяша с украины нѣколико псковскихъ сѣлъ* ‘и взял (занял) из окраинной земли несколько псковских селений’, а от него уже образуется с помощью суффикса *-ецъ* этноним *українець*, во мн. ч. – *-цѣ(i)*. *Украиной* начинают называть юго-западную часть Московского государства (затем – Российской империи). Таким образом, к интересующему нас этнониму привела следующая словообразовательная цепочка: *край* → *у край* → *украї* → *украина*, от которой образовано название страны *Украина* и этническое имя *українцы*, т.е. ‘живущие на окраине’ (по отношению к начинавшей формироваться и развиваться Великой Руси). В этом смысле интерес представляет собою семантическая параллель с древним этнонимом *анты*, данным для восточных славян (юга нынешней Украины) античными авторами. Как уже было сказано выше, некоторые ученые выводили его от иран. *ant* ‘равнина’ или др.-инд. *ánta-* ‘край, окраина’, полагая, что это слово было дано восточным славянам жившим с ними в древности по соседству в северном Причерноморье индийским племенем синдов.

Длительное время Украина называлась также *Малой Русью* (позднее в слитном написании – *Малороссия*) – в противоположность *Великой Руси*, или *Великороссии*. Эти составные топонимы возникли задолго до того, как они были в первый раз отмечены в текстах константинопольской греческой патриаршей канцелярии в XIV в. Как выясняется, с уничижительностью это противопоставление двух составных топонимов не имеет ничего общего. Дело в том, что еще в глубокой древности *Русь изначальная* (Киевская Русь, часть нынешней территории Украины) постепенно стала расширяться на север и северо-восток, колонизуя там новые земли и образуя в конечном счете *Великую Русь*, т.е. ‘Русь вторичную, новоколонизованную’. *Изначальную Русь* в таком случае со временем стали называть ‘Малой’ (впрочем, в пространственном плане она оказывалась действительно меньше *Великой*). Таким образом, противопоставление *Малороссия* – *Великороссия* следует сначала пони-

мать, как ‘изначальная Русь’ – ‘новоколонизованная Русь’, а уж потом прибавлять сюда пространственные параметры. На этой основе возникает этноним *малоросс* и его вариант *малорус* (ср. также формы прилагательных *малоросский*, *малорусский*). Это устарелый этноним, и он давно уже не употребляется.

Называние части украинцев, живущих на западе Украины, этнонимом *русины* и его вариантом *руснаки* рассматривается ниже в связи с этнонимическим корнем *рус-* / *рос-* (см. *русские*).

3.3. Русские. Литература по этимологии этого этнонима безгранична. Выдвинуто и необычайно большое число гипотез о его происхождении. Коснемся важнейших из них. Сразу же заметим, что попытка видеть в рассматриваемом корне заимствование из какого-либо языка представляется на сегодняшний день едва ли обоснованной. Так, согласно оформленной в 70-е гг. XIX в. так наз. скандинавской (норманнской) гипотезе, этнотопоним *русь* / *Русь* объяснялся финской передачей этнонима *швед* в виде *Ruotsi*. Отсюда делался вывод о том, что предки шведов варяги основали Русь и дали это же имя ее народу⁶. Толчком к такому выводу послужило следующее выражение из летописи «Повесть временных лет» (XII в.):

«α Σλοβενσκηι (ζ)κ↓ ι Ρυσ|σκηι: οδνο εστ| οτ↓ ζαρ(γ)↓ βο προζπαωασ| Ρυσ| α περвое β|ωα Σλοβενε αθε Πολ|νε ζπαξ|σ|».

Выражение οτ↓ ζαρ(γ)↓ βο προζπαωασ| Ρυσ| многие авторы прочитывают так, что славяне, якобы, получили имя Ρυσ| от варягов. Здесь, однако, вернее было бы иное прочтение: ‘от (времени появления) варягов [словене] прозваны русью’. Значит, речь идет не об объекте (кто от кого образовался), а о временной границе («от тех времен»). Сторонники финно-угорского объяснения этнотопонима *русь* / *Русь* пытаются аргументировать тем, что такой структурой (на конечный мягкий согласный корня) и с таким собирательным значением в древнерусском языке выступают названия большинства финно-угорских племен, ср. *чудь* / *чюдь*, *весь*, *вoдь*,

⁶ Основательно эта точка зрения изложена в раб.: А. Stender-Petersen. Четыре этапа русско-варяжских отношений. // А. Stender-Petersen. A Bibliography. Published as a supplement to VARANGICA in honour of the author's 60. birthday 21. July 1953. Aarhus, 1953. P. 241–262.

пермь и под. Между тем это неверно. В древнерусском языке были употребительны этнонимы типа славянского *сербъ* ‘сербы’ (и ‘Сербия’), по отношению к балтским племенам – типа *голядь*, *жмудь*, *ятвязь*, созданные по аналогии с нарицательными словами типа *челадь*, *чернь*, *знать* и под. Обнаруживаются подобные этнонимические модели и в некоторых других славянских языках.

Есть даже малоубедительные попытки связать этноним *русь* / *рось* с романизированным галльским (кельтским) племенем *руте-нов* или же считать германским заимствованием. Кстати, форма *рос-* встречается в средневековых греческих источниках, ср. у Константина VII Багрянородного в сочинении «Об управлении империей» (X в.), в котором он писал «о *росах* из *Рѹсии*», поддерживающих контакты с балкано-дунайским славянским населением и с самим Константинополем.

Новая в этом русле этимология в 70-е гг. XX в. была предложена акад. О. Н. Трубачевым, который выводил ее из др.-инд. *rukṣa*, что значит ‘светлый’, ‘блестящий’. Он полагал, что этноним возник в Северном Причерноморье, где обитали некоторое время индийские (и иранские) племена, в том числе и синды, – на пути дальнейшего их продвижения на юго-восток, в Азию. Между тем трудно себе представить, чтобы чужое имя смогло охватить столь огромную территорию, уже занятую восточнославянскими племенами, и утвердиться на ней. Обратим также внимание на то, что рассматриваемый этнонимический корень является однослоговым словом, и в этом смысле нельзя исключать также возможность случайной звуковой близости или даже совпадения славянского и чужого слова (корня).

Все же более убедительной в настоящее время представляется точка зрения о гидронимическом происхождении этнонима – от названия правого притока Днепра *Рось* (ныне в Черкасской области Украины). При этом обратим внимание на то, что к этому гидрониму прибавляется еще масса других с корнем *рос-* / *рус-*, расположенных в разных частях Восточной Славии. Случайно ли это? В памятнике «Хронограф» (копия 1512 г.) прямо говорится: «И нарекошася своим именем *Русь* реки ради *Русы*» ‘И нареклась своим именем *Русь* из-за реки (= по названию реки) *Русь* / *Русы*’.

Гидроним *Рось* хорошо согласуется с и.-е. **ros-* ‘роса’, ‘влага’. Бассейн реки *Рось* долгое время был либо южной границей, либо близкой к ней территорией славянского племенного массива, а позднее – границей между Киевской Русью и Диким полем. Сам регион, связанный с рекой, с середины XII в. называется *Поросье*. Исследованиями установлено, что гидронимия Поросья своими корнями уходит в древнерусское и далее в праславянское время. Более того, часть гидронимов, в том числе *Рось*, *Поть* и некоторые другие, связываются с древним индоевропейским происхождением. Примечательно, что жители *Поросья* назывались *поршани*, т.е. так же, как от топонима *Руса* – *рушане* или *рушаны* (как зафиксировано в одном из памятников письменности начала XIII в.). Впрочем, от этого же топонима в памятниках, например, XV в. находим и *русяня* (мн. ч.). Ср. также: от названия города в Новгородской области *Старая Русса* – и *рушане*, и *русяне*⁷.

Тот же корень и то же значение подтверждают также: 1) редко используемое, почти забытое (не потому ли, что древнее?) *Русское море* для обозначения озера Ильмень (письменно известно с 1471 г.); 2) гидроним *Руса* – река в Курской области; 3) гидроним *Неруса* (*Не-руса*) – левый приток Десны, образованный, вероятно, от *не-* + *рус-* + *-л-* + *-о*. Происхождение гидронимов *Рось* и *Руса* связано, видимо, и со словом *русло*.

Чередование, проявляющееся в корне *рус-* / *рос-*, несет в себе, как можно допустить, следы древней индоевропейской мены корневых гласных. В то же время можно также допустить, что варьирование гласных *-у-* и *-о-* в одном и том же корне – не что иное, как древняя территориальная неустойчивость, проявившаяся в рамках одного способа образования гласных, т.е. губного (оба гласные – огубленные). Эта особенность сохраняется в говорах рассматриваемого и близлежащих регионов до сих пор. Древний **-о-* переходил в *-у-* постепенно: сначала он приобретал оттенок звука *у*, в результате чего образовывалось *ô*, – это *о* «закрытое», т.е. *о* с оттенком *у* либо в виде дифтонга *у↑о*. Как свидетельствует бело-

⁷ О Поросье см.: И. М. Железняк. Рось і етнолінгвістичні процеси середньонадніпряньського Правобережжя. Київ, 1987.

русский диалектолог Ф. Д. Климчук, основательно изложивший эту проблему в своей монографии «Говоры Западного Полесья» (1983), процесс перехода *о* в *у*, называемый уканьем, широко распространен в славянском мире. Его знают: многие польские говоры, многие словацкие, некоторые говоры чешские, верхнелужицкие, украинские закарпатские (около половины говоров), многие полесские украинские, большинство юго-западных белорусских говоров; кроме того, это явление отмечено также в южнославянских говорах – в словенском, сербско-хорватском. Следует только иметь в виду, что в одних случаях процесс такого перехода завершился полностью, в других – частично. Ср. в украинских говорах Полтавской области: *до сорок первого рѣку* ‘до сорок первого года’, *ѣ триц’ат’ с’ом’ім гѣд’і* ‘в тридцать седьмом году’; в Черниговской области: *гр(у)ом* ‘гром’, *н(у)оч* ‘ночь’ и под.; в севернозагородских говорах брестско-пинского ареала в Белоруссии: *вун* ‘он’, *бульш* ‘больше’, *муй* ‘мой’, *пуйдыш* ‘пойдешь’, *кунь* ‘конь’, *нус* ‘нос’, *поруг* ‘порог’ и т.д. Примечательно, что в некоторых белорусских говорах зафиксированы также формы *росáлка*, *росáвка*, т.е. ‘русалка’⁸.

От *рос-* возникли *Рось*, *росский*, с ним связано греко-латинское название страны с суффиксом *-иј-* – *Россия* (ср., однако, русское народное *Расея* / *Росея* – скорее всего вторичное), а отсюда – *российский*; от *рус-* – *Русь*, *русичи*, *рус-ск-ие*. Налицо, таким образом, генетическое единство *рос-* и *рус-*, на основе которых в дальнейшем произведены параллельные словообразовательные процедуры, приведшие в конечном счете к функционально-семантическому расхождению: *русский* употребляется преимущественно в этнонимическом значении, а *российский* – в географическом (или территориальном).

Итак, *рось* в этнонимическом значении имело собирательный смысл, т.е. выражало собирательное множество, ср. пример из «Суздальской летописи» по списку 1284 г.:

«Два бесурменина идоста ись свободы въ другую свободу, а *Руси* съ нима боле 30 ч[е]л[о]в[ѣ]къ».

⁸ Подробнее об этом: Ф. Д. Клімчук. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск, 1983. С. 29 и далее; см. также: Говори української мови. (Збірник текстів). Київ, 1977.

В единственном числе использовалась форма *русин* 'рус / росс → русский', ср. созданные по этой же модели древнерусские этнонимы в единственном числе *гречин*, *литвин*, *угрин*, *чудин* и др. Эта форма встречается в памятниках древнерусской письменности, начиная с X в. Так, в договоре Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой 1223 г. сказано: «*Русину* не звати Латина на поле бит[и]ся». В известном «Хожении Афанасия Никитина за три моря» (1466–1472) в Индию сказано:

«А въ томъ Чюнерлъ ханъ у меня взялъ жерепца, а увѣдаль, что язъ не бесерменинъ, *русинъ*, и онъ молвить <...>»⁹.

Постепенно в конкуренцию форме *русин* вступает адъективная форма (т.е. имеющая вид прилагательного) *рус-ск-ий*, которая становится и существительным (не только *какой? чей?*, но и *кто?*).

Однако форма *русин* (мн. ч. *русины*) не исчезает. Она сохраняется на периферии Восточной Славии, в частности, на западе нынешней Украины, в Галиции, где активно используется до XIX в. включительно. В XX в. здесь закрепляется этноним *украинцы*. Однако далее на запад, в Прикарпатье (Закарпатская область, большая часть бывшей Подкарпатской *Руси*), он продолжает функционировать до настоящего времени, причем вместе с вариантом *руснак* (мн. ч. *руснаки*). Последний, как считают некоторые ученые, распространен в Прикарпатье шире и воспринимается как живое этнонимическое обозначение, в то время как *русины* – якобы, книжного происхождения. Вероятно, серьезных оснований так рассуждать все же нет, поскольку, как было показано выше, этноним *русин* – древнего происхождения. Скорее всего позднейшей формой следует считать именно форму *руснак*, возникшую в качестве локальной особенности. Разумеется, обе формы связывает один корень – *рус-*.

Этноним *руснак* / *русин* используется также среди карпатско-украинского населения Восточной Словакии, Северной Венгрии, лемковско-украинских регионов Польши (пограничных со Словакией и частично с Украиной), а также в области Марамуреш в Ру-

⁹ Так, например, в статье: Г. Геровский. О слове *Русин*. // Свободное слово Карпатской Руси, Mount Vernon, N.Y., 1973, № 1–2. Р. 2.

мынии. В Сербии (в Автономной области Воеводина), а также частично в Хорватии (в исторической области Славония) с 40-х гг. XVIII в. проживает переселенческая группа южных (югославских, южнославянских) русин, которые себя называют *Руснаки* / *Руснаци*, а свой язык – *руски язык* ‘русинский язык’. Среди них используется также форма *Русини* ‘русины’, но она считается книжной и характерной для других языков. Напомним также, что за пределами рассматриваемых территорий есть еще одна, где этноним *русин* является живой категорией, – Болгария: в болгарском языке ‘русский’ – это *русин*.

4. Этнонимы южнославянских народов

4.1. Болгары (болг. *българи*). Этноним является тюркским по происхождению. Тюркоязычные племена булгар к середине I тыс. н. э. занимали огромные пространства – от Волги до степей южной России. Южнее Казани до сих пор сохраняется название небольшого города *Булгар* – ныне *Болгары*, некогда столица Золотой Орды, а в XIX в. на Юге России существовал хутор *Булгарин* (ныне в Волгоградской области).

Уже в V в. болгары стали предпринимать походы на Византийскую империю. Самым известным их предводителем был хан (князь) Аспарух. Укрепившись на Дунае, они в течение VII–IX вв. постепенно были ассимилированы местным славянским населением, вместе с которым входили в состав Первого Болгарского царства. Ассимилировавшись, болгары оставили славянскому населению свое этническое имя, которое происходит, согласно мнению большинства этимологов, от тюрк. **bulgar*, что значит ‘(человек) смешанного происхождения, метис’ (ср. тюркский глагол **bulgamak* ‘мешать, перемешивать’). Предпринятая на рубеже XIX и XX вв. попытка болгарского ученого И. Шишманова связать этноним *булгары* / *болгары* с названием реки *Волга* (плюс тюрк. **er* / **är* или **er(kek)* ‘человек’, ‘самец’) не была поддержана в науке.

4.2. Македонцы (мак. *Македонци*). Этноним происходит от греческого слова *μακεδνός* [*makednós*] ‘длинный’, ‘высокий’, а также

‘горец’ – так называлось одно из греческих дорийских племен. Древнегреческий поэт Гесиод передал нам миф о том, что у Бога Зевса был сын по имени *Македон*. Древнее государство Македония существовало на Балканском п-ове с V по II вв. до н.э. Отсюда вышел знаменитый полководец Александр III Македонский. Со временем Македония становится частью Римской империи, а в конце IV в., в связи с ее разделом, – Восточной Римской империи. С распространением в середине I тыс. н. э. славян на земли Македонии постепенно были ассимилированы местные греческие и некоторые романизованные племена. Этот этнический сплав с преобладанием славянского элемента стал обозначаться по названию местности, т.е. *македонцами*. Древних, дославянских, жителей Македонии в исторической литературе называют *македонянами*.

В 1991 г., когда в результате развала Югославии Македония как наследница Социалистической Республики Македония в ее составе стала самостоятельным государством, соседняя Греция не признала ее, заподозрив «в экспансионистских намерениях» на том основании, что одна из северных греческих провинций называется тем же именем – Центральная *Македония*, ср. также название другой провинции – Эгейская *Македония*. Тем не менее Республика Македония, как и населяющий ее славянский этнос *македонцы*, признана ООН и существуют под этим именем.

4.3. Сербь (серб. *Срби*). Нет единства по поводу происхождения данного этнонима, общего для южнославянских сербов и западнославянских лужицких сербов (серболужичан). Его первое письменное упоминание относится к IX в. Польский славист А. Брюкнер связывал этот этноним с термином родства, ср. польск. *pasierb* (из более раннего *pasirzb*), что значит ‘пасынок’; ср. также укр. *на-серб* ‘то же’, встречающееся также в некоторых русских говорах. Некоторые исследователи (в частности, К. Мошинский, 1957) считают, что с этим значением связано первоначальное значение праслав. **sьrbь* ‘союзник’, происходящего от и.-е. **ser-v-* ‘охранять’, которое затем в иранском скифском дало **xarv*, откуда этноним **xьrv-ati* / **x"vati* ‘хорваты’. В «Словаре украинского языка» (1907–1909)

под редакцией Б. Д. Гринченко имеются близкие по значению глаголы *присѣрбити* [при-серб-и-ти-ся] ‘присоседиться, пристать, привязаться’, а также *сербувати* [серб-ува-ти] ‘служить наемником в войске’. В последнем случае, правда, следует иметь в виду, что в украинском народном языке такое слово и такое его значение могли также появиться в связи с образованием в 1753–1764 гг. на правом берегу Днепра (ныне частично Луганская, Донецкая и Полтавская области) сербских военно-земледельческих поселений для охраны границы от турок и крымских татар (историческая область Славяносербия).

О. Н. Трубачев связывает происхождение этнонима с индоарийским источником в районе Приазовья (восточная часть древней Скифии и территория Сарматии), в частности, с упоминанием «античных сербов» на Северном Кавказе, шире – между Кавказом и Волгой (так у Птолемея – *Σέρβοι* [Serboi], у Плиния – *Serbi*). По древним письменным памятникам этноним обнаруживается также на Дунае, в Трансильванских Альпах и Карпатах, на Южном Буге. В этой связи возможно также предположение о том, что движение этого этнонима шло с запада на восток, где и терялось во тьме веков (если исходить из гипотезы о центральноевропейской прародине индоевропейцев и славян).

4.4. Хорваты (хорв. *Hrvati*). Этимология этнонима до конца не выяснена. Первое упоминание его в грамоте на латинском языке в виде *dux Chroatorum* относится к IX в. (852 г.). В древности племена хорватов отмечались в западной части Хорватии, в верхнем течении Днестра, в Малопольше, на севере Чехии. На юго-востоке, в устье Дона, в открытой в начале XX в. античной греческой надписи встречается имя *Χοροαθος* [Horovathos]. Некоторые склонны связывать этноним с этим иранским по происхождению словом и по аналогии – с этнонимом *Σαρμάται* [Sarmatai] ‘сарматы’. О. Н. Трубачев считает, что праиранский корень **har-* со значением ‘женщина’ с помощью суффикса *-at-*, т.е. **harvat-* дал прилагательное со значением ‘женский, изобилующий женщинами’. К. Мошинский (1957) связывал с индоевропейским корнем **ser-v-* имя сербов и хорватов (см. выше этимологию этнонима *сербь*). М. Фасмер полагал, что

источником этнонима *хорваты* является др.-иран. **(fšu-)haurvatā* ‘страж скота’. Что касается направления движения этого этнонима, то многие исследователи полагают, что он шел с востока на запад. Однако в свете дунайско-балканской (центрально-европейской) гипотезы движение могло идти с юга в направлении севера и востока.

4.5. Словенцы. О происхождении этнонима (словен. *Slovenci*) см. выше «2. Происхождение макроэтнонима *славяне* / *словене*».

4.6. Черногорцы (серб.-хорв. *Црногорци* / *Crnogorci*). Этноним происходит от топонима *Црна Гора* / *Crna Gora* ‘Черная гора; Черногогория’; ср. итал. *Monte Negro* ‘Черная Гора’.

4.7. Боснийцы (серб.-хорв. *Босанци* / *Бошњаци* – *Bosanci* / *Bošnjaci*). Основой послужили топонимы: хороним в латинском написании *Bosona* ‘Босния, Боснийская земля’ (известен с X в.) и гидроним *Босна* – приток р. Савы, исток которой находится недалеко от Сараева. Есть предположение о том, что топоним имеет дославянское происхождение. Имеются различия между двумя вариантами этнонима *Босанци* / *Bosanci*, ‘боснийцы’ как названия всех жителей Боснии и Герцеговины (и тогда это этнотопоним), и этнонима *Бошњаци* / *Bošnjaci* ‘босняки, бошняки’ как национальной принадлежности, включающей боснийцев-мусульман (ранняя форма этнонима – *Bošnjani* ‘бошняне’). Однако в практике такое различие нередко игнорируется.

5. Этнонимы западнославянских народов

5.1. Словаки (словац. *Slováci*). О происхождении этнонима см. выше «2. Происхождение макроэтнонима *славяне* / *словене*».

5.2. Чехи (чеш. *Češi*, ед. ч. *Čech*). Тайна происхождения этнонима до конца не раскрыта. Разные исследователи производили этноним то от имени типа **Česlavъ* (как его сокращенный вариант), то от **četa* ‘отряд, толпа’, откуда **četъnikъ* ‘член отряда’, то от **čedъ* ‘челядь, люди’ или **čedo* ‘чадо, дитя’ и некот. др. О. Н. Трубачев считает, что этноним *чехи* следует связывать с глаголом **česati* ‘чесать, скрести’, восходящим к и.-е. **kes-* с тем же значением; **čech*, полагает он, – «это этноним-эпитет, обозначавший первоначально боевые качества племени».

5.3. Поляки (пол. *Polacy*). Исходным словом для этнонима явилось праслав. **poljo* ‘поле’, откуда название племен *полян*, расселившихся в древности понад р. Варта и Днепр (вплоть до нынешнего Киева); **poljaninъ* – ‘житель полей’. Устарелое название поляков *ляхи* (ед. ч. *Lech*) является уменьшительной (и сокращенной) формой слова **lędina* ‘целина’.

5.4. Кашубы (кашуб. *Kaszëbi*, польск. *Kaszubi*). Этноним впервые в латинской форме *Cassubitae* появляется в рукописях XIII в., в частности, в «Хронике Великопольской». Мы обнаружили одно из первых печатных упоминаний этого этнонима – оно относится к середине XVI в. и принадлежит К. Гесснеру, автору труда «*Mithridates*» (1555). Этимология этнонима *кашубы* до сих пор до конца не выяснена. Польско-кашубский этимолог Э. Бреза склоняется к тому, что этот этноним произошел от мужского антропонима *Kazimierz*, в частности, от его уменьшительной формы *Kasz*, к которой мог присоединиться суффикс в форме *-ub* или *-ub(a)*. Следует отличать этноним от хоронима *Kaszëbë* (польск. *Kaszuby*), что значит ‘Кашубия’, или ‘Кашубы’ (как земля, территория).

5.5. Серболужичане, сербы (в.-луж. *Serbja*, н.-луж. *Serby*). Об этимологии этнонима см. раздел «4.3. Сербы». Следует иметь в виду, что иногда вместо выше обозначенных вариантов используется в немецкой адаптации этноним *сорбы* (*Sorben*).

* * *

Из изложения видно, что этимологизация славянских этнонимов – весьма сложный и противоречивый процесс: в одних случаях сравнительно легко удастся найти источник их происхождения, в других это оказывается сложным и попросту невозможным. И как результат – возникает множество объяснений и гипотез, нередко противоречащих друг другу. Причина этого – слишком глубокая древность, в период которой формировались этнонимы, в результате чего за многие века и тысячелетия слова, на базе которых создавались этнонимы, изменялись фонетически, семантически и структурно и дошли до нас в нечеткой форме. Однако этимологи, как мы это показали на ряде примеров, все же пытаются проникнуть до первоначал этнонимической истории славян.

Глава 7

Идея славянской взаимности и всеславянского языка в истории славян (славянская интерлингвистика)

Литература

Будилович А. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. II. Зарождение языка на славянскомъ Востоцѣ. Варшава, 1892.

Дуличенко А. Д. Международные вспомогательные языки. Таллинн, 1990; *его же*. Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики. // Вопросы языкознания, М., 1995, № 5. С. 39–55; *его же*. Всеславянский язык и идея славянской взаимности в истории славян. [Программа курса]. // Славянские языки: от прошлого к настоящему. (Slavica Tartuensia VI). Тарту, 2003. С. 282–285.

Дуличенко А. Д. История интерлингвистики. М., 2007.

Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.

Кулаковскій П. Очеркъ историческихъ попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ. // Мефодіевскій юбилейный сборникъ. Варшава, 1885 (оттиск).

Первольфъ И. Славяне. Ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. II. Славянская идея въ литературѣ до XVIII вѣка. Варшава, 1888.

Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском литературном языке как общем литературном языке южных и восточных славян. // Вопросы языкознания, М., 1961, № 1. С. 52–66.

Чуркина И. В. Проблемы создания общеславянского языка в конце XVIII–XIX вв. Национально-политический аспект. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1993. С. 180–195.

Berger T. Vom Erfinden slavischer Sprachen. // Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für P. Rehder zum 65. Geburtstag. München, 2004. S. 19–28.

Duličenko A. D. Sveslovenski jezik Juraja Križanića u kontekstu slovenske interlingvistike. // Јужнословенски филолог, Београд, 1989, т. XLV. С. 71–90; *ibid*. Slovanska in slovenska interlingvistika ter problematika lingvokonstruiranja v zgodovini slovenskega knjižnega jezika. // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. (Obdobja 24). Ljubljana, 2007. S. 13–27.

Kollár J. Rozprawy o slovanske vzájemnosti. Usp. M. Weingart. V Praze, 1929.

Kurz J. Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva. // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha, 1958. S. 13–35.

Majar M. Узаємні правопіс славянські, то је узajemna slovnica ali mluvnica slavjanska. V zlatnom Pragu, 1863–1865.

1. Славянская интерлингвистика: сущность и проблемы

Славянская взаимность – это осознание славянскими народами общности их происхождения, исторических судеб, близости и взаимосвязанности их традиционных культур и языков. **Объект славянской интерлингвистики** – всеславянской язык в его системно-структурном и функциональном (или, шире, социолингвистическом) плане, призванный способствовать преодолению языковых барьеров среди славян. **Всеславянской язык** – рационально созданные проекты всеславянского языка (лингвопроекты) и предложения по выдвижению на роль межславянского средства общения старославянско-церковнославянского или одного из существующих славянских этнических языков. До XX в. использовался лингвоним «общеславянский язык», «всеславянский язык», с XX в. – «межславянский язык», «интерслав = интерславянский язык».

Славянская интерлингвистика – это автономная дисциплина, которая вычленяется из интерлингвистики, являющейся, в свою очередь, разделом лингвистики. Итак, формируется иерархия: лингвистика как наука о языке ← интерлингвистика как один из автономных разделов лингвистики ← славянская интерлингвистика как дисциплина, базирующаяся на идее славянской взаимности. Интерлингвистика занимается изучением проблем международной (или трансэтнической) языковой коммуникации, что предполагает: 1) поиск и выдвижение предложений на роль *международного языка* одного из существовавших ранее или существующих ныне этнических или надэтнических языков и 2) *конструирование* такого языка сознательно, т.е. искусственным (рациональным) путем: до 70-х гг. XX в. в разных странах мира было создано более 900 лингвопроектов универсального, всемирного, международного языков, но социализированы были лишь волапюк (1879), а затем эсперанто

(1887) и некот. др.; 3) в компетенцию интерлингвистики (и славянской в частности) входит *изучение реформ*, связанных с созданием или совершенствованием этнического (национального) литературного языка, и их *нормализация* – постоянно сопровождающий развитие любого *этнического литературного языка* процесс. Это связывает интерлингвистику с собственно лингвистикой, конкретно – с нормативной, или предписывающей, лингвистикой. Интерлингвистика, таким образом, – это органическое продолжение лингвистики в сторону движения ее к большему языковому абстрагированию именно через этнический литературный язык

Лингвопроекты по замыслу их авторов могут носить глобальный характер – если они предназначены для всеобщего (всемирного, мирового) использования, и региональный – если они охватывают определенный культурно-языковой ареал, например, европейский или же какую-то его часть. В истории интерлингвистики известно немало число экспериментов по созданию проектов искусственных языков на базе определенного лингвогенетического материала. Так, в эсперанто синтезированы элементы романского, германского, а также славянского происхождения – потому этот язык легче понимаем в Европе. Проводятся эксперименты и на более узком языковом материале – так появляются лингвопроекты меж- или всероманского, меж- или всегерманского предназначения. В славянском мире уже давно создаются проекты *всеславянского*, или *межславянского*, языка, которые предназначены для использования в рамках славянского этнического мира, т.е. между славянскими народами. Первые эксперименты по созданию проектов всеславянского языка уходят по крайней мере в XVI в. и даже в IX в. – к лингвоконструктивной деятельности братьев Кирилла и Мефодия, создателей первого литературно-письменного языка славянства – старославянского (или старославянско-церковнославянского). Именно многовековое функционирование старославянско-церковнославянского, который не был родным ни для одного народа, в качестве международного литературно-письменного языка среди славян и частично неславян (например, молдован, румын) было толчком к рациональному подходу в создании общего языка.

2. Проекты всеславянских языков в истории славянской интерлингвистики (XVI – середина XX вв.)

Проекты всеславянских языков создаются по крайней мере с XVI в. К середине XX в. их было создано немногим более 20, причем в разной степени разработанности (одни детально, другие – в общих чертах), потому и их теоретическая ценность неодинакова. Указанная цифра, разумеется, не абсолютная. О всеславянских проектах конца XX – начала XXI вв., отраженных в Интернете, см. специальную работу Т. Бергера (2004). Представим проекты всеславянского языка в нижеследующей таблице:

Таблица № 1

№	время	лингвопроект (и его лингвоним)	создатель лингвопроекта	место (страна / город, страна // город)
	XVI век			
1	1583	Slovignsky/ slouignisky iazik	Šime Budinić	Хорватия//Рим
	XVII век			
2	1657–1666	Руски језик	Juraj Križanić	Хорватия//Россия
	XVIII век			
3	1790	[]	G. Sapel	Словения
4	1793	[]	Blaž Kumerdej	Словения
5	1796	[Општи словенски језик]	Стефан Стратимировић	Сербия
	XIX век			
6	1807	[Wspólny język słowiański]	Samuel Linde	Польша
7	1826	Lingua slavica universalis	Joann Herkel	Словакия//Будапешт
8	1847–1849	Sveslavjanski jezik	Matija Ban	Сербия/Хорватия/ Белград, Дубровник
9	1850	Vseslavjanski jezik	Jakob Radoslav Razlag	Словения//Градец → Грац
10	1853	Sveslavenski jezik	Božidar (Matija) Raić/Raič (Reich)	Словения//Загреб

№	время	лингвопроект (и его лингвоним)	создатель лингвопроекта	место (страна / го- род, страна // город)
11	1863–1865	Узајемні славјански језик	Matija Majar	Словения//Прага
12	≈1872	[Vseslovanski jezik]	Oroslav Caf	Словения
	XX век			
13	1907	Neuslawisch	Ignác Hošek	Чехия/Кромержиж
14	1912	Slavina (Slovanské esperanto)	Josef Konečný	Чехия/Прага
15	1912	Slovanština	Edmund Kolkop	Чехия/Евицко
16	1913–1916	[]	Петр Стоян, Д. Чуповский	Россия/Петроград
17	1920	Slavski jezik	B. Holý	Чехия/Нове Место над Метуе (Межле- сье)
18	1940	Свеслав (Свесловенски језик)	Ч. Ђурђевић [Джурджевич]	Сербия/Белград
19	194...?	Slovan	A. E. Zidek	США
20	1954–1958	Mežduslavjanski jezik	Ladislav Podmele и др.	Чехия/Прага
21	20 век	Slawsky	?	Англия

Поляки и словаки предложили всего по одному проекту всеславянского языка, хорваты – 2, сербы – 3, чехи – 5, словенцы – 6, т.е. последние два народа проявили наибольшую активность в лингвоконструировании на славянском материале. Нетрудно заметить, что попытки предложить всеславянский язык исходили прежде всего от южных и западных славян. Причем наиболее активны они были в конце XVIII в. и до 70-х гг. XIX в. Это время развития буржуазных отношений в славянских странах, формирования национального самосознания славянских народов. Эти процессы были связаны с борьбой славян за право на собственную культуру, собственный язык и государственную независимость.

В славистике идею славянской взаимности называют великой идеей. Мысль о единстве происхождения славян, их родстве, о необ-

ходимости объединения в той или иной форме возникла в глубокой древности. Считается, что уже в VI–IX вв. у славян, проживавших в разных регионах Европы, было распространено сознание принадлежности к единой этнической общности, что нашло отражение в наличии макроэтнонима *словене* ‘славяне’ и лингвонима *словенский язык* ‘славянский язык’.

3. Древнеславянский литературно-письменный язык как международный язык

Идеей славянского единства была проникнута деятельность братьев Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия, создавших в IX в. славянскую письменность и первый славянский литературно-письменный язык, который в России в славистике до начала XX в. назывался «древнецерковнославянским языком», а потом получил название «старославянского» (также раннее и ныне у болгар – «древнеболгарского» или «староболгарского»). Сами создатели и их последователи называли этот язык несколько иначе – «словенским». Лингвоним *словенский язык* был обращен ко всем славянам. Первоначально этот язык предназначался для религиозных целей – для переводов священных текстов и проведения богослужения в церкви, но позднее его использование охватило также науку и литературу. Так в славистике возник парадокс: с XI в. и далее все тексты называются уже не старославянскими, а – *церковнославянскими*, хотя, как мы уже сказали, использование языка вышло за пределы церкви. Приблизительно с конца XI и в XII вв. этот язык, широко распространившись среди восточных, части южных, а позднее также среди румын и молдаван и выполняя связующую культурную роль в части православного мира, постепенно приобретает некоторые локальные фонетические, грамматические и лексические черты, т.е. в Болгарии – болгарские, в Сербии – сербские, на Руси – древнерусские и т.д. Формировавшиеся локальные изводы церковнославянского литературного языка, хотя и приобретали местную языковую окраску, все же при этом не утрачивали черты языкового единства, что способствовало широкому использованию этого языка среди многих народов православного мира как языка-посредника в области культуры, а также в других сферах жизни.

Этот язык на протяжении нескольких веков укреплял духовное единство славян. На нем создана богатая литература. Помимо религиозной во всех ее жанрах, на церковнославянском популярным был церковно-ораторский жанр, развивалась светская литература: исторические сочинения, переводные повести, вирши, драмы, сатира. В некоторых частях Славии этот язык использовался также в юридической и деловой практике. Он просуществовал до наших дней, употребляясь в богослужении.

Его изначально надъэтническое предназначение быть языком церкви в славянских, а позднее и в некоторых неславянских (румынских, молдавских) землях, в целом искусственный характер его грамматической системы, расширение функций в связи с выходом в светские сферы жизни среди восточных и части южных славян позволяют нам включить старославянско-церковнославянский литературный язык также в круг вопросов славянской интерлингвистики. К тому же как язык международного распространения в православном мире он имеет параллели с латынью как международным языком католического и протестантского мира. [Подробнее о нем см. гл. 11 «Происхождение и развитие славянской письменности. Старославянский и церковнославянский языки»].

4. Возникновение и развитие идеи славянской взаимности и всеславянского языка до XIX в.

Идея славянского единства отразилась в старых славянских памятниках письменности. Так, в «Повести временных лет» (XII в.) летописец Нестор говорит о славянах как об этносе с особым языком. При этом соблюдается своего рода этническая градация – существует общий этнос с общим именем и его подразделения: *Бѣ единъ языкъ словѣнскъ..., словѣне... прозѣвашася ляхове..., словѣне... нарекошася поляне, а друзии древяне...*

4.1. Юрай Крижанич и его идея славянского единения и всеславянского языка. В XVII в., во времена рационализма, когда разрабатывались теоретические основы априорно-философского лингвопроектирования (полностью искусственного), зарождалась и укреплялась мысль об ином подходе к построению общего язы-

ка. Рационализм, критикуя несовершенства этнических языков, отталкивал в целом и сами эти языки. Между тем росло сознание, что живой язык – это уже готовая модель для построения более совершенного языка. Надо лишь «подправить» такой язык либо, опираясь на ряд других живых или «мертвых» языков, создать новую надязыковую систему, которая отражала бы наиболее общие и существенные черты как в области грамматики, так и словаря. Основоположителем этого магистрального направления в интерлингвистике вообще и в славянской в частности был Юрай Крижанич (1617/1618–1683), хорват по происхождению, славянский патриот и просветитель по призванию, один из виднейших деятелей общественно-политической мысли Хорватии и России XVII в. Крижанич прожил жизнь необыкновенную. Он прибыл в Россию с целью убедить русского царя взять под свою опеку всех славян, испытывавших давление со стороны своих соседей. Однако в начале 1661 г. в жизни Крижанича наступает неожиданный поворот: его арестовывают и предъявляют царский указ о высылке в Тобольске, где он прожил целых 15 лет. Там он написал одно из главных своих сочинений «Политика» – своего рода панорама жизни и перспектив Русского государства, какими они представлялись Крижаничу. Лишь в 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, Крижанич был помилован, а в 1678 г. он навсегда покинул Россию. Вместе с войсками Яна Собеского, направлявшегося на битву с турками, оказывается под Веной. 2 (12) сентября 1683 г. он погиб при осаде Вены. Так закончилась полная мытарств и скитаний жизнь одного из крупнейших славянских мыслителей XVII в., мечтавшего об объединении славянских народов. Так через тернии шел он к лингвистическому решению идеи славянского единства.

По мысли Крижанича, объединенное славянство может успешно развиваться лишь при наличии у него общего языка. Предшественники Крижанича, развивавшие идею славянского единства (южные славяне В. Прибоевич в XVI в., М. Орбини в начале XVII в. и др.), были убеждены в том, что все славяне говорят на одном языке, во всех частях Славии их язык един. Крижанич же сознавал языковую раздробленность славянства, и его задачей было создать, опираясь на конкретные языки, общий язык, провести языковое

объединение всех славянских народов. Проект всеславянского языка он не только детально разработал, но и воплотил его на практике – почти все его сочинения написаны на этом языке. Совершенствование языка – это задача, и ее должен решить человек. Развитый, хорошо нормированный язык, считал Крижанич, способствует социальному прогрессу. Его уверенность в том, что язык можно обрабатывать, совершенствовать и перестраивать, укреплялась тем, что у славян несколько веков уже функционировал старославянско-церковнославянский литературно-письменный язык – такой же международный язык среди славянских народов, а также среди румын – как латынь в Западной Европе. Церковнославянский язык не был по-настоящему разговорным языком, его искусственный характер хорошо сознавали все деятели культуры, в том числе и Крижанич. Грамматику своего всеславянского языка Крижанич мыслил как свободную от неславянских элементов, но при этом усовершенствованной. Несмотря на наличие у славян множества диалектов, они могут иметь общий, понятный им всем язык: «И порешил я говорить общим языком, чтобы всем было понятно», – пишет он.

Для всеславянского языка, названного им *руски језик*, Крижанич применил две системы письма – славянскую (кириллицу) и латинскую (латиницу), причем последняя более походит на польскую с ее характерным *w* [в], *sz* [ш], *cz* [ч] (твердое) и т.д. В грамматическом и лексическом плане всеславянский язык является синтезом элементов разных славянских языков. Общий для всех славянских языков словарный фонд составляет в нем примерно 60%. Большое число слов создал сам Крижанич: *oprawniki* ‘приказчики’, *lawnik* ‘судья’, *rast* ‘процент’, *ustawi* ‘законы’ и под. Его «руски језик» изобилует грамматическими, лексическими и словообразовательными вариантами. И это не случайно: Крижанич все время «перебирал» языковые элементы, пытаясь дойти до самых удобных, необходимых, «совершенных». В синтезе различных элементов славянских языков отразилась характерная для эпохи барокко тенденция к пестроте, использование разнородных источников, тенденция к некоторой громоздкости. Тем не менее, как справедливо считал акад. В. Ягич, «в грамматике Крижанич засвидетельствовал большую остроту ума». Польский славист А. Брюкнер назвал всеславянский

язык Крижанича «попыткой, чрезвычайно великой в истории лингвистики» (1887). Сам Крижанич критически относился к своей работе: «Лед неудобства, – писал он, – для тех трудолюбцев, которые пойдут после меня, пробит»,

а там, где выявятся пропуски или недостатки, потомки могут «и добавить, и исправить».

Всеславянский язык Крижанича представляет собой апостериорную лингвосистему, которая не накладывается (т.е. не совпадает) полностью ни на один славянский язык, в том числе и на церковнославянский. Вот образец языка Крижанича:

текст Крижанича	перевод на русский язык
<i>Iazika sowerszenost iest samo potreбно orudie k' mudrosti, i iedwa ne stanowito iee zname. Czim kiy narod imaet izradneyi iazik, tim prigodnee i witwornee razprawlyaet remestwa i wsakije umitelyi, i promisli. Obilie besedi, i legota izgowora, mnogo pomagaet na mudrich sowetow izobretenie, i na wsakich mirnich i ratnich del leznee obwerszenie.</i>	‘Совершенство языка – самое необходимое орудие мудрости и едва ли не главный ее признак. Чем лучше язык какого-либо народа, тем успешнее и удачнее занимается он ремеслами и разными искусствами и промыслами. Обилие слов и легкость произношения очень помогают созданию мудрых планов и более удачному осуществлению разных мирных и ратных дел’.

Идея интерслага – межславянского языка, который объединил бы в культурном и языковом плане славянские народы, сопровождает всю славянскую историю. Утопизм ее становится все более очевидным по мере того, как укрепляются во всех сферах жизни и совершенствуются литературные языки славянских народов. А это происходит в основном в XIX в.

5. Идея славянской взаимности и всеславянского языка в XIX в.

В XIX в. идея славянской взаимности находит все более широкое распространение. южные и западные славяне переживают ряд событий, среди которых – движение за национальное Возрождение.

Одним из важнейших вопросов этого движения было создание литературных языков на народной основе. У сербов эту работу проделал Вук С. Караджич (1787–1864), у хорватов Людевит Гай (1809–1872), у словаков Людовит Штур (1815–1856) и др. Однако новые идеи не сразу пробивали себе дорогу. Нередко споры вокруг основ национального литературного языка выходили за рамки чисто национальных проблем и затрагивали славянскую идею.

Среди южных славян идея языкового, литературного и политического объединения был весьма актуальной. В качестве общего языка предлагалось либо слияние всех южнославянских языков в один, либо их сближение (а точнее – приближение) на базе сербско-хорватского языка – ср. попытки создания так наз. «иллирского», или «южнославянского», языка для хорватов, словенцев и сербов. Суть «иллирской» социолингвистической стратегии заключалась в следующем: все южнославянские народы представляют собой этническое единство, а их разошедшаяся речь должна была постепенным сближением лексики и грамматики вылиться в конечном счете в единый «иллирский язык». Этот тип лингвоконструирования ограничен рамками южнославянских языков, хотя и предусматривал обращение к лексике и грамматике других славянских языков и прежде всего русского. Отсюда открывался следующий этап – к созданию всеславянского языка. В середине XIX в. в Загребе Р. Разлаг издавал журнал «Зоря», в котором дискутировался вопрос об основах такого языка, а Б. Раич даже опубликовал «Введение во всеславянскую грамматику». Наряду с этим выдвигались предложения и проекты взять за основу какой-либо из существующих славянских языков (см. ниже). Серб А. Орешкович даже выдвинул идею создания «Всеславянского союза», которым руководил бы русский царь! В развитии славянской идеи значительную роль сыграли славянские съезды – первый состоялся в 1848 г. в Праге, а второй – в 1867 г. в Москве.

5.1. Ян Коллар и литературная взаимность славян. В 1826 г. словак Ян Геркель выпустил на латинском языке книгу – разработанный им проект *lingua slavica universalis* ‘всеобщий славянский язык’. В алфавит, базирующийся на латинской основе, включены некоторые кириллические буквы. Автор пытался сделать свой язык «прозрачным», ср.: *Za starego veku byla jedna kralica, koja mala pr-*

elepíje dievice: milicu, krasicu a mudricu... Геркель полагал, что его язык должен стать «общим органом славянских литератур». Эту идею отстаивал и Ян Коллар (1793–1852), словацкий поэт эпохи словацкого национального Возрождения, философ и теолог. Он выдвинул *идею литературной взаимности славян* (позднее – *славянская взаимность*). В 1824 г. в поэме «Дочь славы» он воспел единство славянского племени и высказал необходимость духовного единения всех славян: «Кто ты? Русский; кто ты? Серб; кто ты? Чех; кто ты? я есть поляк; Детки мои: (согласен)! (Но) не желайте этого, а говорите: славянин». Как бы в подтверждение единства славянского рода Коллар пытается объяснить происхождение макроэтнонима *славяне* от слова *sláva* (в оригинале *sláva*) ‘слава’.

В отличие от Ю. Крижанича, Коллар понимал славянскую взаимность не как политическое объединение, а прежде всего как литературное (духовное) единение славян на основе «четырех главных наречий» – русского, «иллирского», т.е. сербско-хорватского, польского и «чехословацкого», т.е. чешского. На этих «наречиях» предлагалось вести литературное творчество, на следующем этапе следовало изучить «второстепенные» языки, т.е. украинский, словенский, болгарский, лужицкий и др. Ученые и особенно лингвисты должны были знать все славянские языки. Для достижения литературной взаимности и для того, чтобы каждый славянин с гордостью смог заявить «*slavus sum, nihil slavici a me alienum esse puto*» ‘я славянин, ничто славянское мне не чуждо’, Коллар считал необходимым организовать межславянскую торговлю книгами, обмен изданиями, учреждение славянских (и славистических) кафедр в университетах, издание общеславянской хрестоматии и газеты, словарей и грамматик, произведений фольклора. Кстати, впоследствии практически все это было в различной степени осуществлено. В лингвистическом смысле, по мнению Коллара, следовало бы устранить из славянских «наречий» (языков) иностранные заимствования, унифицировать строй некоторых из них, усовершенствовать системы правописания и др.

Идея литературной взаимности Коллара воодушевила многих славянских деятелей, хотя ряд ее положений был утопичным (изучение 4 славянских языка, а затем и всех остальных и под.).

5.2. Матия Маяр и его проект «взаимного языка». Матия Маяр (1809–1892) – один из крупных деятелей культурной истории словенцев и словенского национального Возрождения, автор ряда трудов по вопросу о славянской взаимности. Его воззрения на славянскую взаимность выразились в двух идеях – в идее «южнославянского языка», называемого также «иллирским», и в идее культурного единения славянства на основе всеславянского языка. О проекте «иллирского языка» было сказано выше. В 1848 г. в статье «Иллирско-славянский язык» он писал, что для создания такового необходимо употреблять словенские формы только в 8 случаях, например: союз *i* (как в сербско-хорватском) вместо *in* (как в словенском) ‘и’, соответственно предлог *u* вместо *v* ‘в’ и под. Трудом, в котором обосновывались принципы и давались рекомендации по сближению и даже слиянию южнославянских языков, были его «Правила, как образовывать иллирское наречие и вообще славянский язык» (1848).

От идеи «литературного южнославянского языка» Маяр приходит в мысли о необходимости создания всеславянского языка, который мыслился ему по-разному. Первоначально он представлялся ему, помимо старославянского, в виде «четырех главных наречий» – чешского, польского, «иллирского» (= сербско-хорватского + словенский) и русского. Каждое наречие он делит на поднаречия, которые называет созданным им термином «язычки» (словен. *jezikiči*), например, иллирское наречие – на словенское, хорватское, сербское и болгарское поднаречия. Необходимо, чтобы поднаречия приближались к наречиям и, в конце концов, должен будет образоваться общий славянский язык. Таким образом, создание общего славянского языка предполагало постепенное сближение грамматических, лексических и иных элементов всех славянских языков.

Понимая, видимо, нереальность в практике такого пути, Маяр в 1863–1865 гг. выдвигает проект создания всеславянского языка – искусственным путем, на основе учета общих и наиболее характерных элементов славянских языков. Называет он такой язык *uzajemni jezik* / *uzajemni jezik* ‘взаимный язык’, добавляя иногда и определение *славянский*. По лингвониму можно догадаться, что Маяр предлагал использовать две системы письма – кириллицу и латиницу.

Он руководствовался принципом «общности» форм и принципом их «правильности», сверяя все это по формам праславянского и живых славянских языков. Сравнение как технический прием Маяр использовал для конструирования славянской языковой перспективы, хотя и утопичной уже для его времени. Важно при этом обратить внимание на то, что образ гипотетического будущего славянского языкового единства в виде «взаимного славянского языка» сформировался у Маяра и поддерживался осознанием прошлого языкового единства – старославянского и, разумеется, праславянского. И если языковое прошлое можно было реконструировать (чем занимается сравнительно-историческая грамматика славянских языков), то предстоящее единое языковое будущее славянства следовало конструировать. Помимо выбора элементов и форм из славянских языков, Маяр отдал дань также созданию искусственных элементов. Маяр интуитивно применил в этом труде некоторые из принципов интерлингвистической апостериоризации¹. Вот образец на «взаимном славянском языке» Маяра: *To sem dal svojemu otčimu i tvojeј machiЉ; on љubi svojego pasinka i tvoју vnučku* ‘Это я (от)дал своему отчиму и твоей мачехе; он любит своего пасынка и твою внучку’.

Для пропаганды «взаимного языка» Маяр издавал в 1873–1875 гг. специальный жур. «Slavjan» (‘Славянин’). В нем он помещал статьи, написанные кириллицей и латиницей на «взаимном славянском языке», на родном словенском, русском и других языках. Став сотрудником российского «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» и действительным членом «Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете», Маяр не переставал пропагандировать свой язык. Маяр назвал свой лингвопроект «взаимным славянским языком», что соответствует обозначению идеи славянской взаимности. Это единственный такого рода прецедент в истории славянской интерлингвистики. Маяр имел последователей среди южных славян. Но его деятельность была широко известна и за пределами южнославянских земель. Всеславянские идеи Маяра

¹ Об этом см.: A. D. Duličenko. Фран Миклошич и Матия Маяр Зильский: от языка праславянского к языку всеславянскому. // Miklošičev zbornik. (Obdobja 13). Ljubljana, 1992. S. 431–444.

были утопичными, поскольку формирование и развитие каждого литературного языка южных славян (кроме македонского) к этому времени уже набирало силу. Именно к 70-м гг. XIX в., когда нормы родного Маяру единого словенского литературного языка по существу уже были стабилизированы, наметился и стал развиваться единый словенский литературно-языковой процесс. Сами эти процессы проходили небезболезненно. Проекты М. Маяра как раз и отразили кризисные моменты в истории формирования как словенского, так и других южнославянских литературных языков.

6. Этнический язык как межславянское средство общения

На роль трансэтнического (или межэтнического) средства общения уже в течение более двух веков выдвигаются различные языки – как вышедшие из активного употребления, но сыгравшие значительную роль в культурном развитии мира, так и реально функционирующие. Интерлингвистика изучает и такой путь решения международной языковой коммуникации. В Европе на эту роль в разное время выдвигали латынь, затем такие европейские языки, как французский, немецкий, а с предыдущего столетия и по настоящее время – английский.

В славянской интерлингвистике эта сторона вопроса также дискутировалась на протяжении многих десятилетий уже в XIX в. На роль всеславянского языка предлагалось несколько славянских языков. Крупнейший представитель чешского национального Возрождения Йозеф Юнгман (1773–1847) еще в начале своей деятельности горячо высказывался за необходимость принятия славянами единого общеславянского языка:

«Я искренний чех и люблю свой народ, но я готов и чешский язык принести в жертву всеславянскому литературному языку, ибо хорошо знаю, что, на каком бы наречии мы ни писали, все же останемся и тогда славянами».

Однако Юнгман не называл конкретный славянский язык, который, по его мнению, мог бы выполнять функцию всеславянского. Правда, он считал, что «славянские наречия когда-то сольются» и

тогда «мы от русских, он же [русский язык] от нас примут усовершенствованный язык»...

Деятель словацкого Возрождения Мартин Гаттала (1821–1903), поддержав идею литературной взаимности Я. Коллара, был против искусственного создания всеславянского языка, а на эту роль он прочил сербско-хорватский язык как «прекраснейший из славянских языков». В то же время некоторые его соотечественники видели во всеславянской роли русский язык (Карл Кузmani, Михал Годжа и др.). Один из лидеров словацкого Возрождения Л. Штур в книге «Славянство и мир будущего» писал:

«В вопросе об общеславянском литературном языке может быть выбор только между древнеславянским (церковнославянским) и русским языком. Но древнеславянский уже вышел из употребления, почти мертвый, лишенный гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся в живом слове. Остается, значит, один русский язык как исключительно на то способный, ибо это язык величайший, единственного самобытного и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени <...>».

Особенно активно в XIX в. обсуждением качества того или иного славянского языка в плане сделать его всеславянским средством общения занимались словенцы: Орослав Цаф, сам работавший над проектом всеславянского языка, обращался к участникам «Славянского съезда» в Праге в 1848 г. и просил их избрать «какое-либо славянское наречие» для всеславянской роли; в 1849–1951 гг. Петер Хицингер предлагал в качестве всеславянского принять старославянский, так как, по его мнению, он не только не устарел, но и сохранил «все корни и формы», свойственные тем или иным славянским языкам. В качестве первого этапа к старославянскому как всеславянскому языку Хицингер призывал усвоить кириллицу. В дальнейшем, правда, Хицингер отказался от этой идеи и высказался за признание всеславянским языком русского. Церковнославянский призывал принять в качестве всеславянского Андрей Бляйвайс (1851). Под влиянием русофильства в Словении становится популярной идея русского языка как всеславянского. Так, Фран Целестин и Фран Подгорник считали, что для культурных слоев населения и для использования в науке и в литературе больше всего по-

дойдет русский язык. Эту точку зрения поддерживали и некоторые другие деятели словенского просвещения.

Идеи русофильства были сильны и в Сербии. Так, А. Орешкович ратовал за создание «Всеславянского союза» под руководством России. Что касается языка такого союза, то им может быть русский. Эту идею поддерживал также М. Полит-Десанчич, участник «Славянского съезда» 1867 г. в Москве. Сербское русофильство дожило до XX в. В 1901 г. член Сербской Академии наук Л. Стоянович в статье «Славянский общий язык», опубликованной на сербском языке в венском журнале «Славянский век», писал, что славяне, чтобы противостоять германскому давлению, должны стать «под протекторат России», для чего необходимо издание русских книг для славянских стран и в первую очередь – грамматики, хрестоматии, книг научного и учебного характера, периодики; расширить торговлю книгами и под. Примечательна также дискуссия, разгоревшаяся на страницах сербского журнала «Славянская мысль» в 1940 г. в связи с появлением проекта искусственного языка «свеслав» ('всеслав') Ч. Джорджевича. Критики проекта отвергли мысль об искусственном характере межславянского языка. Один из них высказался за то, чтобы таковым стал сербско-хорватский язык, в то время как другой полагал, что «самым практичным решением является избрание русского языка на роль всеславянского».

В России по вопросу о роли русского как предполагаемого общего языка всех славян не было единства мнений. Более всего эта идея притягивала к себе панславистов, ратовавших за объединение славян под эгидой России (как идейное течение панславизм был характерен для конца XVIII – начала XX вв.). В русской периодике и в научных сочинениях второй половины XIX в. вопрос о всеславянском языковом средстве обсуждался весьма активно, при этом большинство авторов на эту роль прочат русский язык, по-разному акцентируя его будущие функции между славянскими народами: это «единый общеславянский язык», «единый дипломатический язык славянства», «общелитературный язык славянства», «международный язык славянства», «интернациональный научный язык славянства», «интернациональный язык науки», «единый общеславянский литературный и дипломатический язык» и проч.

Историк М. П. Погодин (1800–1875) после возвращения в 1839 г. из путешествия по славянским землям писал, что русский язык «самъ по себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ меръ, рано или поздно делается общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ». Для этого он предлагал сделать некоторые практические шаги: издать сравнительную грамматику и словари славянских языков, сборники народных песен, пословиц и поговорок, славянскую хрестоматию, написать историю и географию славянских государств и, наконец, организовать издание всеславянского журнала.

Особенно активно с русофильских позиций выступал историк-славист В. И. Ламанский (1833–1914), написавший в этом направлении множество работ. Он высказывал мысль о том, что спасти от чужеземного влияния южных, а также западных славян может, якобы, только русский язык, признавая при этом, правда, необходимость сохранения и всех других славянских языков: Ламанский даже предлагал выделить премию для тех, кто убедительно раскрывает вопрос «об общем литературном языке для всех славян». На русский язык как общий славянский язык смотрели также Н. Я. Данилевский, П. А. Кулаковский, Т. д. Флоринский, а А. Ф. Гильфердинг даже разработал в 1871 г. проект «общеславянской азбуки» на основе кириллицы. Очень много усилий приложил к исследованию проблем славянской интерлингвистики славист А. С. Будилович (1846–1908). Венцом его исследований в этом направлении явилась двухтомная монография «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы», особенно ее второй том, посвященный «общеславянскому языку» (1892). Вообще его работы об «общеславянском языке» особенно активно стали появляться в печати с 70-х гг. XIX в. Лейтмотив всех публикаций один: русский язык должен стать общим языком всего славянства – он, якобы, «прямой наследник» старославянского языка, для него роль всеславянского языка «есть вопросъ силы <...>, но для всѣхъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій и народностей это есть вопросъ существованія»; другие народности и наречия, в отличие от русских и их языка, «впали въ раздробленіе» и т. д. Литературовед А. Н. Пыпин («Теорія общеславянскаго языка», 1892) перспективу «общеславянского» связывал с возможностью «литературного единства славянских племен», опирающегося на русский язык.

7. Идея межславянского языка в XX в.

Таким образом, в последние десятилетия XIX в. идея славянской взаимности и всеславянского языка – это активно дискутируемая в интеллектуальных кругах славянских стран проблема. Русский языковед, интерлингвист П. Е. Стоян так выразил атмосферу всеславянской идеи начала XX в.:

«Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ является сейчасъ наболевшимъ вопросомъ въ славянствѣ и отъ его рѣшенія всецѣло зависитъ будущее славянскаго единенія»².

Примечательно в этой связи, что, предлагая в 1904 г. тематику для первого международного съезда славянских филологов и историков, И. А. Бодуэн де Куртенэ среди выделенных им 16 тем одну посвятил славянской интерлингвистике: «О славянскомъ ‘взаимномъ’ (международномъ) языке Матиі Маяра и Орослава Цафа». Этот факт свидетельствует также о том, что идея всеславянского ~ межславянского языка продолжает занимать умы и в научной среде.

В начале XX в. проблему активизировал международный венский журнал «Славянскій векъ», в котором, кстати, предлагалось, помимо прочего, употреблять вместо лингвонима *всеславянский язык* – *меж(-ду)славянский язык*. В дискуссиях отвергалась идея искусственного межславянского языка. Авторы склонялись к тому, что объединяющее славян лингвистическое средство следует искать среди славянских языков. Большинство из них на эту роль прочили русский язык (ср. названия статей в журнале типа «Русский язык – всеславянский цемент» и под.) и только на базе кириллицы (статьи типа «Кириллица как всеславянское письмо» и др.). Примечательно, что в этом журнале о судьбе русского языка высказался также И. А. Бодуэн де Куртенэ:

«Русскому языку указываетъ, однако, исторія роль болѣе важную, чѣмъ роль духовнаго посредника между славянами. По природѣ вещей, ввиду политическихъ и географическихъ условій, далѣе ввиду сильнаго своего распространенія, языкъ этотъ долженъ развиваться въ ближайшемъ будущемъ до степени всемирнаго и сделаться звеномъ, соединяющимъ Азію съ Европой въ культурно-литературномъ отношеніи <...>»³.

² П. Стоянь. Славянство и эсперанто. Саратовъ, 1914. С. 3.

³ См.: Бодуэнъ де Куртенэ о будущей роли русскаго языка. // Славянскій вѣкъ, Вена, 1901, № 17. С. 4–5.

Таким образом, И. А. Бодуэн де Куртенэ один из первых указал на будущие функции русского языка – с одной стороны, как всемирного языка, с другой – как трансконтинентального коммуникационного моста между Европой и Азией. Этот социалингвистический аспект русского языка до сих пор в достаточной степени не разработан ни в современной социалингвистике, ни в славянской интерлингвистике.

Показательно, что в начале XX в. и вплоть до 30-х гг. в разных странах идея славянской взаимности поддерживалась появлением как специальных исследований и размышлений на эту тему, так и изданием периодики всеславянской направленности, ср., например, краковский журнал «Славянский мир» («Świat słowiański»), затем загребский «Всеславянская мысль» («Sveslavenska misao/ Свеславенска мисао»). А в 1930 г. в Загребе даже вышел под красноречивым названием «Всеславянский сборник».

Не прекращается также работа по созданию проектов межславянского искусственного языка. Так, чехи и словаки выступили с целым рядом новых языков, предназначенных для межславянского общения; это *новославянский язык* Й. Гошека (*Neuslawisch*, 1907), *Славина* Й. Конечного (*Slavina*, 1912), *Славянский язык/ Слованичина* Э. Колкопа (*Slovanština*, 1912–1913), *Славянский язык* Б. Голого (*Slavski jezik*, 1920). Не угасает лингвоконструирование и среди южных славян. В 1912 г. люблянский журнал «Знание» распространяет среди своих читателей «Анкету о языковом сближении югославян» – своего рода попытка возродить идею создания общего южнославянского «иллирского» языка середины XIX в. В 1940 г. в Сербии Ч. Джурджевич публикует лингвопроект *Свеслав* («Всеславянский язык»), который, однако, не нашел поддержки в научной среде.

Прогнозы о перспективах русского языка, высказанные в XIX в. А. С. Будиловичем, Н. А. Пыпиным и др., лишь частично оправдались в XX в. Решающая роль Советского Союза в исходе Второй мировой войны и образование содружества социалистических стран, в которое вошли все славянские страны, стали важнейшими факторами в международном распространении русского языка во второй половине XX в., в т. ч. и среди неславянских стран социа-

листической ориентации. Во всех этих странах русский язык стал обязательным предметом в школе и в вузе, он широко употреблялся в межгосударственных сношениях, в культуре и науке. В известной мере предсказание И. А. Бодуэна де Куртенэ начала XX в. стало реализовываться: русский язык стал одним из рабочих языков ООН и, следовательно, приобрел официальный статус международного (всемирного, мирового) языка, одновременно он вошел в так называемый «клуб мировых языков».

В это время идея рационального создания межславянского языка практически угасает. Можно лишь указать на достаточно хорошо разработанный рукописный проект *межславянского языка*, созданного в середине XX в. в Чехословакии под руководством Л. Подмеле и его коллег (*Mežduslavjanski jezik*, 1954–1958) на основе грамматического и словарного материала большинства славянских языков. Вот образец небольшого текста из переписки автора настоящего учебника с Л. Подмеле:

<i>межславянский язык</i>	<i>перевод</i>
<i>Dragi drug, blagodarim Vas za Vaše interesne pismo iz 3.II.1974. Vi krasivo ocenili moju rabotu v oblasti mežduslavjanskega jezika <...>. Izučit mnogi slavjanski jeziki veliko trudno delo, no izučit mežduslavjanski jezik, koji je ne toliko prirodni, naturalni, no tože pravilni, znači će možno jego prakticki i aktivno bistro izučit. Eto interesuje ljudi, koji bi mogli bistro srazumivat se s Slavjanami <...>.</i>	Дорогой друг (товарищ), я благодарю Вас за Ваше интересное письмо от 3.II.1974. Вы высоко оценили мою работу в области межславянского языка <...>. Изучить многие славянские языки – это очень трудное дело, но изучить межславянский язык, который является не только естественным, но также и правильным, означает, что его можно практически и активно быстро изучить. Это интересно людей, которые могли бы быстро общаться со славянами <...>.

В последние десятилетия XX в. в связи с развитием Интернета проекты межславянского языка появляются чаще. Т. Бергер (2004) проанализировал новейшие проекты, среди которых *Glagolica*, *Proslava*, *Ruslavsk*, *Slavisk*, *Slovio* и др. В плане внедрения их в жизнь

практически нет никаких шансов. Подобные эксперименты относятся к сфере социальной утопии. И тем не менее они появляются, отражая тоску по утерянному языковому единству славянства. Даже последовавшее после распада праславянского языка самостоятельное развитие славянских языков не создало между ними дистанции непонимания. Еще в 1900 г. акад. В. Ягич в жур. «Славянскій векъ» писал, что ни германцы, ни романцы, ни финно-угры не понимают друг друга так, как славяне, и заключал: «Это наша всемирная привилегия». Можно думать, что эта «привилегия» как раз и толкает к поискам все нового и нового языкового, а значит и духовного сближения славян. Но социальная утопичность этих действий не должна закрывать теоретическую значимость славянских лингвопроектов, которые могут рассматриваться как своего рода лингвистические модели с отражением в них центра и периферии структуры современных славянских языков.

* * *

«Перестройка» 90-х гг. XX в. в СССР, а затем и в славянских странах привела к их развалу: из СССР (= Союз Советских Социалистических Республик) выделились Белоруссия, Россия и Украина, Чехословакия разделена на Чехию и Словакию, а вместо Югославии в конечном счете появились Сербия, Черногория, Македония, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина (с Республикой Сербской). Разрыв был трагическим, особенно для Югославии, которая из цветущей страны превратилась на многие годы полигоном жестоких сражений между братскими славянскими народами. Развал СССР повлек за собой ослабление завоеванных ранее позиций русского языка как языка межславянского и международного (всемирного) общения. Вопреки мнению А. С. Будиловича южные и западные славяне, как и в XIX в., предпочитают изучение западноевропейских языков, но не столько немецкого или французского, сколько английского. Такими причудливыми оказываются пути к общим языкам «новой Европы»... Натянутость отношений между славянами на рубеже XX и XXI вв. метко отразил в стихотворении «Славяне» (1991) современный русский поэт Константин Сковцов:

Солнце встает	на краю разоренной эпохи.
Празднует мир Воскресенье	и Господа славит.
Налиты чаши Байкала	и озера Охрид,
Что ж вы столы не сдвигаете,	братья славяне?
Или латиница цепью	сковала нам ноги?
Или уже не отцы нам	Кирилл и Мефодий? <...>
Что ж вы в глаза не глядите	друг другу, славяне,
Память ли нам, дорогие братья,	изменила? <...>
Празднует мир Воскресенье	распятой эпохи
Нами поруганных	Веры, Любви и Надежды.
Налиты чаши Байкала	и озера Охрид.
Сдвинем столы и обнимемся,	братья, как прежде.

Однако отчуждение между славянскими народами (а точнее – между их правящими элитами), вызванное указанными выше событиями, все же не похоронило идею славянской взаимности. Ее проявления в современной жизни славянских государств имеются, о чем, например, свидетельствует регулярное проведение в Болгарии, а с 1986 г. и в России праздников славянской письменности и культуры в честь первоучителей Кирилла и Мефодия. В 1995 г. создан международный союз «Всеславянский Собор», который ставит задачу объединения «на добровольной основе общественных организаций славянских стран, выступающих за укрепление культурных, политических и экономических отношений между славянскими государствами и народами в интересах сохранения и развития славянской цивилизации как неотъемлемой части европейского и миро-

вого сообщества». С 90-х гг. проводятся «Всеславянские съезды», которые определяют пути развития международного славянского движения. В начале XXI в. в славянских странах постепенно оживляется интерес к русскому языку как к международному средству общения. Продолжает деятельность созданный в XX в. «Международный Комитет славистов», объединяющий ученых не только славянских, но и многих неславянских стран мира для разработки проблем истории, языков, культур, литератур и т.д. славянства, в том числе и проблемы славянской взаимности в ее историческом, культурном и языковом выражении.

III. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Глава 8

Праславянский язык и происхождение славянских языков

Литература

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. Перев. с англ. М., 1987.

Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. Перев. с серб.-хорв. М., 1984.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. Київ, 1966.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984.

Журавлев А. Ф. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перев. с франц. М. /Л., 1938; *его же*. Общеславянский язык. Перев. с франц. М., 1951.

Нахтигал Р. Славянские языки. Перев. со словен. М., 1963.

Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.

Супрун А. Е. Праславянский язык. Минск, 1993.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991; 2-е изд., 2003.

Arumaa P. Urslavische Grammatik. Bd. I–III. Heidelberg, 1964–1985.

Furdal A. Rozpad jęzika prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961.

Horálek K. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1962.

Panzer B. Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Sprachstrukturen und Verwandtschaft. 2. Aufl. Frankfurt am Main etc., 1996.

Rudnicki M. Praslówiańszczyzna, Lechia, Polska. I–II. Poznań, 1959–1961.

Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Cz. I–II. Warszawa, 1969–1973.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. I–IV. Lyon etc. / Paris, 1950–1974.

Wijk N. van. Les langues slaves: de l'unité à la pluralité. The Hague, 1956.

*** Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1 →. М., 1974 → (с вып. 32–33 под ред. А. Ф. Журавлева).

Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1–2. Praha, 1973–1980.

Słownik prasłowiański. T. I →. Wrocław etc., 1974 →.

Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923; 2-е изд., – 1970.

Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I–II. Göttingen, 1906–1908; 2-е изд., Göttingen, 1924–1928.

1. Сравнительно-историческое языкознание и индоевропейский праязык

Проблема происхождения славянских языков входит в круг наиболее важных вопросов палеославистики – направления славистики, занимающегося различными аспектами славянских древностей. В языкознании процесс возникновения и развития человеческого языка обозначают термином, состоящим из двух греческих компонентов, – *глоттогенез* ‘происхождение языка’, т.е. *γλώσσα* [*glóssa*, *glótta*] ‘язык, речь’ + *γένεσις* [*genesis*] ‘происхождение’. Таким образом, славянский глоттогенез подразумевает изучение процесса становления славянской речи и, в конечном счете, происхождение самих славянских языков. Естественно, что ответы на эти вопросы следует искать в глубокой древности, подходя к тому первоначальному источнику, из которого вычленилась речь, ставшая впоследствии материалом и основой славянских языков. Что же является первоисточником славянской речи и каким образом и что можно узнать о нем?

С конца XVIII – первой трети XIX вв. было установлено, что на огромной территории, охватывающей большую часть Европейского континента и значительную часть Азии, издревле располагались народы, говорившие на индоевропейских языках, к которым принадлежат и славянские. Индоевропейские языки распространились в обеих частях Америки, в Австралии, частично в северной Африке. Носители этих языков – индоевропейцы, а их предки – праиндоевропейцы, представлявшие собою совокупность племен, близких или родственных, а возможно, частью и вовсе неродственных по происхождению. Аналогичное соотношение наблюдается и в языковом вопросе: индоевропейские языки вышли из индоевропейского праязыка (или праиндоевропейского языка). Образно говоря, предполагается, что прародителем индоевропейских народов были праиндоевропейцы, а индоевропейских языков – индоевропейский праязык. Доиндоевропейское население, о котором мы знаем очень мало, называют протоиндоевропейцами, а их язык – протоиндоевропейским.

Как было уже сказано в гл. 4 «Прародина славян», первоначальные места обитания индоевропейцев ученые располагают в нескольких местах: на конец XX – начало XXI вв. развития индоевропеистики это либо север от Каспийского и Черного морей, либо юг – п-ов Малая Азия, либо – что лучше всего аргументировано – центральноевропейский, или дунайско-балканский, регион. Естественно, что и зарождение индоевропейской речи следует искать в указанных регионах. В связи со сказанным проблему славянского глоттогенеза нужно считать частью общей проблемы глоттогенеза индоевропейцев.

Что касается индоевропейского праязыка, то мысль о его существовании формируется в связи с тем, что учеными были замечены отдельные черты подобия как внутри языков, располагающихся на территории Европы, так и между некоторыми европейскими и азиатскими языками. Замечено это было при сравнении таких языков.

Наиболее ранние представления о родстве европейских языков относятся к XVI–XVII вв. Однако истинное открытие похожести и, следовательно, родства (т.е. происхождения из одного источника, от одного «прародителя») между некоторыми европейскими и азиат-

скими языками относится к концу XVIII в., когда англичанин Вильям Джонс (1746–1794) в докладе «Азиатскому обществу» в Калькутте, сравнив слова и грамматические формы древнеиндийского языка санскрит и некоторых европейских языков, обнаружил между ними формальные и функционально-семантические совпадения. Это навело его на мысль о том, что это не случайные совпадения – ведь санскрит и европейские языки отделяют друг от друга тысячи километров, что сравниваемые языки произошли от общего праязыка. Так было сделано открытие языкового родства.

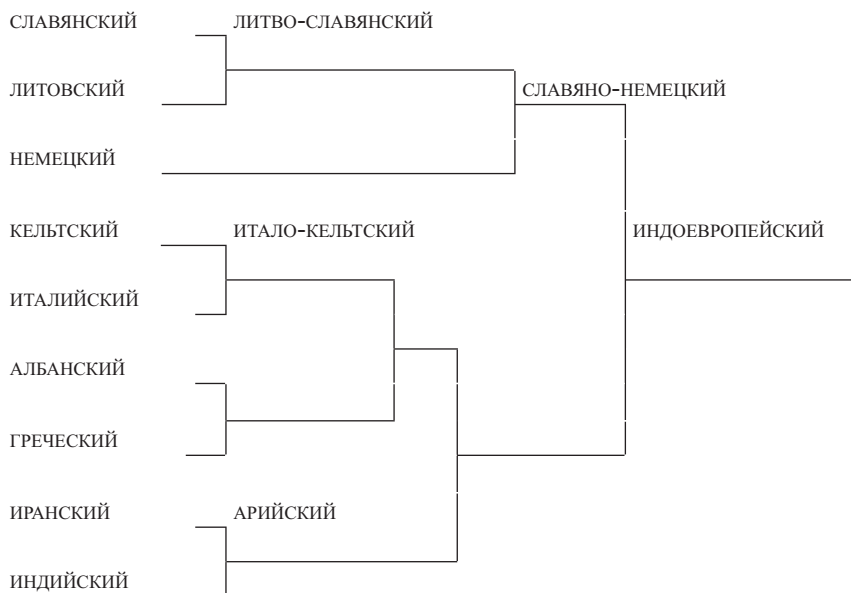
Идея родства языков произвела своего рода революцию в европейском языкознании: в начале XIX в. формируется сравнительный метод, позже названный сравнительно-историческим, и целое направление, его представляющее. Метод разрабатывался практически одновременно в нескольких странах Европы. Суть его заключалась в том, что сравнивались на исторической основе элементы разных уровней различных языков с целью проникнуть в глубь веков, к их единому источнику – праязыку (или, как ранее писали, языку-основе). Сравнительно-историческое языкознание, которое иначе называют также лингвистической компаративистикой, на протяжении всего XIX в. было ведущим направлением в мировом языкознании. Причем первоначально такие исследования проводились в индоевропеистике, т.е. в рамках индоевропейских языков, и лишь позднее сравнительно-исторический метод был применен по отношению к другим языковым семьям Земли.

1.1. К периодизации истории сравнительно-исторического языкознания. Существуют разные периодизации сравнительно-исторического языкознания. Мы выделяем по крайней мере три основных периода.

1) Начальный период (первая половина – 70-е гг. XIX в.): это время, когда закладываются основы сравнительно-исторического метода трудами компаративистов – немецких Ф. Боппа (1791–1867) и Я. Гримма (1785–1863), В. Гумбольдта (1767–1835), датского Р. Раска (1787–1838) и российского А. Х. Востокова (1781–1864). Наиболее весомые результаты связаны с именем немецкого компаративиста А. Шлейхера (1821–1868), издавшего 2-томный «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков»

(1861–1862), а до того предложившего первую генетическую (или генеалогическую) классификацию индоевропейских языков (1852), согласно которой родственные языки образуют «языковое древо», разделяющееся в результате распада на языковые ветви (группы):

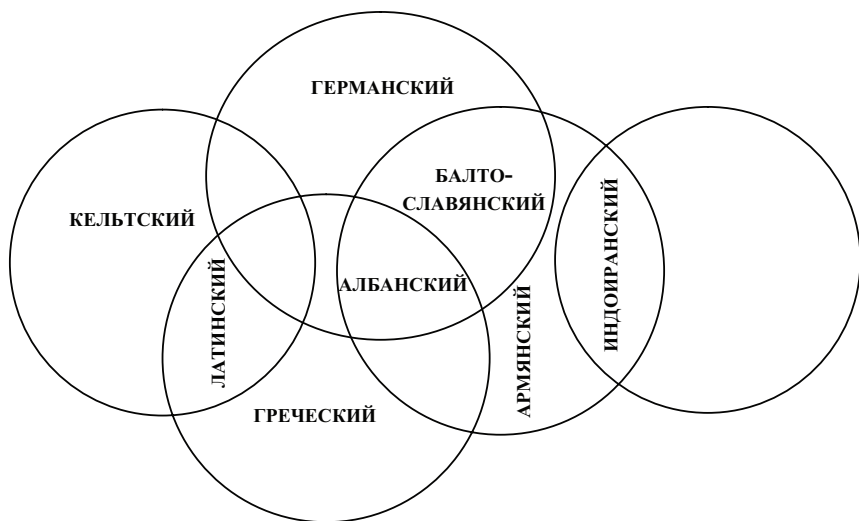
Схема № 1

Как видно из схемы, индоевропейский праязык первоначально распался на две ветви – славяно-балто-германскую («славяно-немецкую») и арио-греко-итало-кельтскую («итало-кельтский» + «арийский»), впоследствии эти промежуточные праязыки постигла та же судьба, что и их прародителя: славяно-балто-германский распадается на балто-славянский («литовско-славянский») и на германский («немецкий»), позднее из балто-славянского → праславянский («славянский») и прабалтский («литовский») и т.д. «Родословное древо» А. Шлейхера вызвало большой резонанс в индоевропеистике. Однако вскоре стало ясно, что создатель этой классификации исходил из представления об индоевропейском праязыке как о некоем

бездиалектном монолите, который четко распадался на языковые «кирпичики»-группы, и т.д. Неудовлетворенность такой трактовкой вызвала к жизни новую гипотезу, автором которой был ученик А. Шлейхера Й. Шмидт (1872). Эта гипотеза переросла в «теорию волн». В соответствии с этим представлением от праязыкового центра в течение длительного времени распространялись концентрические круги, становящиеся все слабее по мере их удаления от ядра к периферии, т.е. инновации (языковые новообразования, более поздние языковые явления) распространялись из определенного центра, ср:

Схема № 2

Преимущество такой гипотезы состояло в том, что, в сравнении с родословным древом, здесь проглядываются многосторонние генетически связи между языковыми группами: набегающие друг на друга и перекрещивающиеся «волны» показывали, что, например, балто-славянский частью своих признаков генетически связывается с германским, кельтский – с латинским и германским и т.д. Однако такая схема, по сути, не отражает фактор времени (непонятно, например, в какой хронологической последовательности выделялись отраженные на схеме языковые группы).

Основными особенностями этого периода было признание индоевропейского праязыка, который в целом мыслился в виде санскрита либо в приближенном к нему виде, разработка приемов внутренней и внешней реконструкции праформ, попытка классифицировать индоевропейские языки на основе установления путей распада праязыка и др.

2) Второй период (с 70-х гг. XIX в. и до сер. 20-х гг. XX в.). Стержнем этого периода являются исследования «Лейпцигской школы компаративистики», состоявшей из учеников А. Шлейхера («младограмматиков»), которые стремились к выработке более строгих и точных методов анализа: К. Бругман (1849–1919), Г. Осгоф (1948–1907), А. Лескин (1840–1917), Г. Пауль (1846–1921), Б. Дельбрюк (1842–1922). Позднее в этом русле работали и многие компаративисты других стран. Важнейшие положения этой школы: 1) язык – продукт психофизической деятельности, благодаря которой и вызываются языковые изменения; 2) принцип историзма, т.е. понимание языка как исторически изменчивого явления, а само исследование должно проводиться только под историческим углом зрения (младограмматики сделали синонимами «исторический подход» и «научный подход»); 3) формулирование фонетического закона и установление причин языковых изменений, при этом младограмматики абсолютизировали звуковые законы, особенно на начальном пути, когда требовали выведения закона без исключений; 4) применение аналогии к действию звуковых законов и др. Значительным достижением младограмматиков было установление ряда фонетических законов – о палатализации, о продвижении ударения на долгий гласный с предшествующего недолгого гласного в славянском и балтском и т.д.

Однако уже к концу XIX в. стали выявляться недостатки младограмматического подхода. И. А. Бодуэн де Куртенэ, первоначально сторонник младограмматических идей, высказался против абсолютизации исторического подхода, признав важность вовлечения в исследования также синхронного аспекта. Кроме того, он считал неверным положение о том, что фонетические законы не должны содержать исключений, и т.д.

3) Третий период (с середины 20-х гг. XX в. и далее) связан с открытием ранее неизвестных индоевропейских языков – мертвых хеттского, тохарских, с рашифровкой крито-микенских табличек линейного письма и др. Совершенствуются приемы реконструкции, учитывается внутренняя эволюция праязыка, изучаются нарушения фонетических и проч. закономерностей, учитывается влияние социального фактора на языковое развитие; дальнейшее развитие получают индоевропейская фонология, морфонология, синтаксис, лексикология, словообразование. Большой вклад в разработку сравнительно-исторического индоевропейского языкознания в этот период внесли А. Мейе, Н. С. Трубецкой, В. Пизани, Х. Хирт, А. Мартине, Э. Бенвенист, Е. Курилович, В. И. Георгиев, В. Порциг, О. Семереньи, А. В. Десницкая, А. Эрхарт, Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, В. Ф. Леман и др.

2. Реконструкция индоевропейского праязыка

Лингвистическая реконструкция – это совокупность приемов, основанных на сравнении единиц и форм того или иного языка, а также группы и даже семьи языков в целях воссоздания древних языковых состояний, которые не были засвидетельствованы письменными памятниками, т.е. речь идет о дописменном состоянии языков. В понятие «языковые состояния» входят слова, их грамматические формы как в парадигматике (т.е. в вертикальном перечислении, или «столбиком», всех форм, например, падежных или форм глагольного лица), так и в синтагматике (т.е. в связи тех или иных форм с другими формами справа и слева, т.е. в составе каких-то синтаксических структур). При этом в задачи реконструкции входит также и значение слова. Самые древние реконструированные слова и формы называются **архетипом**. Обнаружение в родственных языках большого числа материально и семантически родственных элементов, их массовая встречаемость или же повторяемость есть признак того, что данное слово и его форма существовали в праязыке. Конечная цель реконструкции – установление праязыка, т.е. выявление и системное представление всех уровней праязыка – фонетического, грамматического и лексико-семантического.

В компаративистике второй половины XX в. некоторые исследователи предпочитают вместо понятия «праязык» использовать термин «праязыковая модель». И в этом есть определенный смысл: ведь далекий от нас по времени праязык представить в полном виде никогда не удастся, так как немало элементов и свойств праязыка ушли от нас безвозвратно. Термин «праязыковая модель» адекватнее отражает то, что мы достигаем методом реконструкции: это прежде всего контуры праязыка, некая схема, модель, хотя и очень похожая на «живой» язык. Тем не менее в научной и учебной литературе по традиции чаще употребляется старый термин «праязык». Будем его использовать и мы, имея также в виду и высказанное соображение о праязыковой модели.

Сравнительная процедура проводится в такой последовательности: 1) первоначально сравнивается материал одного языка, причем сам материал может относиться к разным историческим эпохам развития языка: например, брать для сравнения данные древнерусского языка, после чего обратиться к современному русскому языку и, разумеется, к русским диалектам и говорам, хорошо сохраняющим архаичные элементы; 2) затем привлекается материал близкородственных языков, т.е. языков одной группы; 3) после этого обращаются к данным других языков одной и той же лингвосемьи.

Что́ следует сравнивать? Сравнению прежде всего подлежат языковые элементы таких сфер, которые считаются наиболее устойчивыми во времени:

1) Это основной словарный фонд языков: названия предметов и явлений окружающего мира, названия действий, важных для жизнеобеспечения человека, указания на лица или предметы – местоимения, количественные слова (числительные), слова, называющие признаки и свойства, – прилагательные, затем предлоги и др., а также ономастический материал – топонимы (из них гидронимы характеризуются наибольшей надежностью), в известной мере также антропонимы и этнонимы.

2) В морфологии надежны словоизменительные средства – грамматические морфемы (суффиксы, окончания), которые, как считается, обычно не заимствуются.

3) Словообразовательные средства – суффиксы, префиксы менее надежны, так как в них могут обнаружиться заимствования.

4) Свидетельства письменных памятников, если они имеют глубокую датировку.

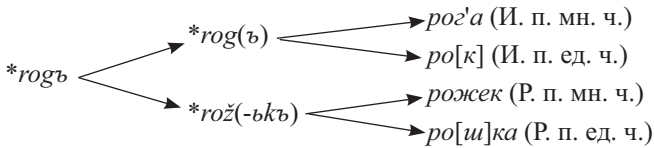
Малопригодны для сравнения междометия, звукоподражательные слова, некоторые социальные термины и термины культуры, поскольку они обычно возникают на поздних стадиях развития общества и языка и среди них могут быть заимствования из других языков, хотя иногда с их помощью все же удастся решить те или иные вопросы.

Реконструкция проводится по языковым уровням. К настоящему времени успешнее всего реконструирована праязыковая фонетика (звуковой уровень) и фонология (фонемный уровень, т.е. уровень смыслоразличительных элементов), за ней следует морфология, лексика и синтаксис.

2.1. Реконструкция внутренняя и внешняя. Нередко деление на внутреннюю и внешнюю реконструкцию оказывается чисто формальным, поскольку зачастую их вынуждены совмещать.

Внутренняя реконструкция ограничена восстановлением праединиц и праформ и системы в целом в одном языке и в рамках этого же языка. В 1820 г. это сделал А. Х. Востоков при выявлении позиций редуцированных *ь* и *ъ* в связи с беглостью гласных: в слабой, т.е. в безударной позиции и позиции конца слова, они не произносятся, а в сильной позиции, т.е. под ударением и перед слогом с редуцированным, они «проясняются», т.е. становятся гласными полного образования, ср. И. пад. *мох*, но Р. пад. *мха*, *день*, но *дня* и под., что дает возможность реконструировать древнерусские формы этих слов в И. пад. ед. ч. как соответственно *мъхъ* и *дньь*. Но теоретиком внутренней реконструкции считается польский компаративист Е. Курилович (1962), подробно рассмотревший основные ее аспекты¹. С помощью внутренней реконструкции мы устанавливаем, например, правильное написание слов и их корней, подбирая соответствующие формы, ср.:

¹ Русский перевод его статьи см.: Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции. // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С. 400–433.

Из исторической фонетики известно, что заднеязычный [g] перед гласными переднего ряда, в том числе и перед [ь], переходил в шипящий [ž] (по первой палатализации заднеязычных согласных). Из сказанного вытекает, что в слове *rog* этимологическим является именно *g*, а не его позиционный вариант *k*. На этом основании и устанавливается такое написание, т.е. с *g*.

Однако внутренняя реконструкция, по сути своей являясь в хронологическом плане ближней, т.е. достигающей относительно небольшой временной глубины, не всегда оказывается достаточной для того, чтобы установить тот или иной архетип. В таком случае прибегают к внешней реконструкции, а нередко и к синтезу обоих ее видов.

Внешняя реконструкция подразумевает воссоздание праэлементов и праформ с выходом за рамки одного языка, т.е. с привлечением родственных языков одной группы и всей лингвосемьи. Она основывается на высокой частотности реконструируемых явлений в языках одной генетической общности и сводится к следующим основным процедурам: 1) производится отбор материала разных языков и проводится сравнение материально тождественных и семантически и функционально близких элементов или же их форм; 2) выявляются на этой основе системы закономерных соответствий – фонетико-фонологических, морфологических, лексико-словообразовательных и т.д.; 3) определяется временная соотнесенность сравниваемых языковых элементов и устанавливается хронологическая глубина самой реконструкции; 4) наконец, восстанавливаются исходные элементы, или архетипы.

Образец восстановления архетипа на примере названия бере-зы:

Таблица № 1

	языки и языковые группы	слово береза в языке вообще	в диалек- тах дан- ного яз.	значение слова ‘береза’	другие (близкие) значения
1	албанский	<i>bardh</i>			‘белый’
2	латинский	<i>fraxinus</i>			‘ясень’
3	др.-исландский	<i>bjǫrk</i>		+	
4	немецкий	<i>Birke</i>		+	
	готский	<i>bairhts</i>			‘светлый, блестящий’
	др.-в.- немецкий		<i>birihha</i>	+	
	др.-английский	<i>beorc</i>		+	
5	ц.-славянский	<i>брѣза</i>		+	
	русский и др.	<i>береза</i>		+	
	болгарский		<i>брыз</i>		‘в белых пятнах (о буйволе)’
	серб.- хорватский		<i>брéза</i>		‘о домаш. животн. с белой шкурой и красн. пятнами’
6	прусский	<i>berse</i>		+	
	литовский	<i>béržas</i>		+	
	латышский	<i>bērze</i>		+	
7	осетинский	<i>b(r)z, b(r)zʼ</i>		+	
	таджикский	<i>burz</i>			‘арча’
	памирские	<i>furz/ bErež/ bEruʼ</i>		+	
	афганский (пушту)	<i>barʼ</i>			‘лыко (полоса бересты, березовой коры)’
	хотано- сакские	<i>bramja/ brumjE-</i>		+	‘береста (кора березы как мат-л)’
8	санскрит	<i>bhūrjā-</i>			‘вид березы, из коры которой изготавливали мат-л для письма’
9	дардские	<i>brhuʼ u brūʼ/ bluz</i>		+	

Примечание: знак $\downarrow$ выражает аффрикату, т.е. сложную фонему [$d^{\downarrow}z$]; E – э-образный звук, / – синтез обозначенных гласных.

В таблице материал более чем 20 языков, относящихся к 8 группам индоевропейской семьи: албанский язык (1), итальянская группа (2), кельтская (3), германская (4), славянская (5), балтская (6), иранская (7), индийская (8). На основе сравнения делается заключение о том, что древнейшей индоевропейской формой слова *береза* было **bherEg $\downarrow$ los* или *bherEg $\downarrow$ ā*:

а) *bh*-придыхательное (с *h*), поскольку в латинском и памирских языках находим на месте первого элемента придыхательный щелевой (или фрикативный) согласный *f* – ср. соответственно *fraxinus* и *furz*, ср. также лат. *frater* при слав. *брат* / *brat* ‘брат’;

б) между *bh*- и *-r*- должен быть гласный, в данном случае выводится *-e-*;

в) лучше всего сохранился сонант *-r-*, передвигаемый по разным языкам то за счет гласного в позицию второго элемента слова (лат. *fraxinus*, ц.-слав. *бръза*, хотано-сак. *bramja* / *brumjE-*), то оставаясь третьим элементом с последующим гласным либо без него (ср. др.-в.-нем. *birihha*, но лит. *béržas*, латыш. *bērze*);

г) на месте мягкого $[g]\downarrow$ находим то отверждение вместе с оглушением (ср. др.-исланд. *bj[$\downarrow$ rk*, нем. *Birke*), то чередование, т.е. переход в свистящие либо шипящие согласные (ср. соответственно ц.-слав. *бръза*, лит. *béržas*) и т.д.

Далее, приведенные слова выступают: а) преимущественно со значением ‘береза’; б) однако в двух языках – латинском и таджикском – названы другие деревья (но – деревья!); в) в нескольких других языках акцент сделан на бересте – белой коре березы; г) в нескольких случаях, как и в предыдущем, подчеркивается цвет – ср. готский, в т. ч. и на животных (болгарский и сербско-хорватский). Из этого делается вывод о том, что в древнейшую эпоху реконструированный нами лексический архетип имел значение ‘блеск’, ‘белый цвет’. Со временем это слово было привязано к названию интересующего нас дерева.

Сравнительно-исторический (или генетический) метод все чаще дополняется типологическим, лингвогеографическим, а также статистическим подходами.

При реконструкции важно учитывать *относительную хронологию* явлений, т.е. устанавливать, какое явление возникло и сформировалось раньше другого, от чего это зависело и т.д. Например, сочетания на носовой согласный типа *an*, *at*, *on*, *ot* и под. существовали раньше, чем возникшие на их основе носовые гласные; палатальные согласные перед гласными переднего ряда [e], [i] возникают позже непалатальных согласных в тех же позициях; усеченное слово появляется позже, чем его полный вариант и под.

О временных рамках существования индоевропейского праязыка в компаративистике нет единого мнения. Приведем одно из них: 1) ранний период – до VI тыс. до н.э., 2) средний – охватывает V–IV тыс. до н.э., 3) поздний – IV–III тыс. до н.э.

2.2. Причины и направления распада индоевропейского праязыка. В качестве причин дивергенции индоевропейского праязыка называют внешние и внутренние факторы. Число носителей индоевропейской речи постепенно увеличивалось, племена расселялись на огромных пространствах, нередко отрываясь друг от друга либо, напротив, смешиваясь или меняя соседство с другими родственными и неродственными племенами. Таким образом, нарушалась компактность индоевропейского населения, что вызывало усиление изначально существовавших в самом индоевропейском ареале диалектных различий. Внутренние изменения в массиве индоевропейской речи, связанные с расхождением прежде всего в лексике, затем также в фонетике и грамматике, приводили к временной консолидации фрагментов общего массива, а затем и к более или менее самостоятельному пути их развития. Впоследствии консолидированные речевые массивы, называемые также праязыками (некоторые из них окажутся промежуточными), подвергнутся распаду и в конечном счете приведут к образованию самостоятельных языков.

С 80-х гг. XIX в. становится популярной гипотеза о делении индоевропейских языков в направлении «запад – восток», высказанная немецким языковедом П. Брадтке (1888). В основе этого деления лежал фонетический признак, а именно судьба палатальных заднеязычных согласных [k'] и [g'], которые в западной части индоевропейского массива отвердели, а в восточной перешли в свистящие или шипящие согласные. Числительное и.-е. *k'm $\pm$ tom 'сто' стало в

основе названия этой гипотезы, а именно: исходя из рефлексов этого слова в латинском и авестийском языках, западные языки стали называть **кентум-языками**, а восточные – **сатем-языками** (или же: **языки кентум и сатем**). Покажем это на материале конкретных языков:

Таблица № 2

<i>языки</i>	<i>западный и.-е. массив</i>	<i>восточный и.-е. массив</i>
латинский	<i>centum</i> (раннелат. произнош. [k])	
греческий	<i>ékaton</i>	
др.-ирландский	<i>cét</i> ($k \rightarrow c$)	
готский	<i>hunda</i>	
немецкий	<i>Hund</i>	
др.-английский	<i>hund</i>	
ст.-славянский		σδτο (<i>syto</i>)
литовский		<i>šimtas</i>
латышский		<i>simts</i>
др.-индийский (санскрит)		<i>śatám/çatám</i>
авестийский		<i>satEm</i>
	языки кентум	языки сатем
тохарский А	<i>känt</i>	
тохарский Б	<i>känte</i>	

В соответствии с этим были выделены праиндоевропейские диалекты (или диалектные массивы), из которых впоследствии развились группы близкородственных языков: индоиранская, славянская, балтская, албанский и армянский – с одной стороны, и итальянская, германская, кельтская, иллирская – с другой. Так возникла первая классификация индоевропейских языков, поделившая их на западные и восточные (по другой терминологии – на периферийные и центральные). До открытия тохарских языков эта гипотеза привлекала к себе внимание многих ученых. Однако данные относящихся к восточному массиву тохарских языков по указанному фо-

нетическому признаку неожиданно связывались с западной группой (см. таблицу № 2). Правда, некоторые исследователи квалифицировали этот факт как «несущественное исключение».

2.3. «Басня» на индоевропейском праязыке как показатель прогресса в реконструкции. Вероятно, наилучшей демонстрацией совершенствования методов реконструкции является басня, написанная А. Шлейхером на «праиндоевропейском» языке. Шлейхер с большим энтузиазмом проводил реконструкцию праиндоевропейского языка. И хотя его «Компендий» касается реконструкции в основном фонетического, а также морфологического уровней, он был уверен, что написал индоевропейскую грамматику, на основе которой можно было составлять и тексты. В 1868 г. Шлейхер написал небольшую басню и перевел ее на «праиндоевропейский», попытавшись тем самым «заставить зазвучать» праязык, удаленный от нас на многие тысячелетия. Этот опыт восхитил многих, хотя вскоре последовала критика, заключавшаяся в следующем: в деталях праязык никогда не будет восставлен так, чтобы он стал аналогом живых языков. Кроме того, ко времени деятельности Шлейхера далеко не все вопросы индоевропейской структуры были выявлены и описаны. И, наконец: кто бы мог гарантировать, что текст отражает действительное состояние связанной индоевропейской речи?!

Тем не менее как эксперимент басня Шлейхера привлекает к себе внимание ученых. Для последующих поколений индоевропейцев появилась возможность попытаться «подправить» текст басни, отражая в нем новый уровень развития сравнительно-исторического языкознания и знаний об индоевропейском праязыке в частности. И, действительно, в XX в. появились еще два текста шлейхеровской басни, изучая которые можно создать себе представление о том, как совершенствовались методы сравнения и как изменялись представления об индоевропейском праязыке вообще: это текст Х. Хирта, опубликованный в 1939 г., и текст У. Ф. Лемана, «переведенный» в сотрудничестве с Л. Згустой и вышедший 40 лет спустя, т.е. в 1979 г.²

² Их сравнительный анализ проведен в раб.: Š. Ondruš. Súčasná komparatistika a Schleicherova indoeuropska bájka. // Jazykovedný časopis, roč. 34, Bratislava, 1983, № 1. S. 14–25.

Басня называется «Овца и кони». Для наглядного сравнения представим параллельно тексты: 1868 – А. Шлейхера, 1939 – Х. Хирта, 1979 – У. Ф. Лемана и Л. Згусты:

«Овца и кони»

1868: «Avis akvasas ka»

1939: «Owis ek'wōses-k5e»

1979: «Owis ek'wōsk5e»

‘Овца, [на] которой не было шерсти (= стриженная овца),

1868: *Avis, jasmine varna na ā ast,*

1939: *owis, jesmin wʰEnā ne ēst,*

1979: *G5Erēi owis, k5esyo wʰhnā ne ēst,*

Увидела коней, везущих тяжелую повозку

1868: *dadarka akvams, tam, vāgham garum vaghantam,*

1939: *dedork'e ek'wons, tom, woghom g5ʷrum, weg'hontm±,*

1979: *ek'wōns espek'et, oinom ghe g5ʷum wog'hom weg'hontm±,*

[с] большим грузом, быстро несущих человека.

1868: *tam, bhāram magham, tam, manum āku bharantam.*

1939: *tom, bhorom megam, tom, gh'ʷmonm± ōk'u bherontm±.*

1979: *oinomk5e meg'am bhorom, oinomk5e g'hm±enm± ōk'u bherontm±.*

Краткий перевод оставшейся части басни: ‘Овца сказала коням: сердце теснится [во] мне (сердце мое печалится), видя коней, везущих человека. Кони сказали: послушай, овца, сердце теснится [от] увиденного: человек – господин, делает шерсть овцы теплой одеждой [для] себя и [у] овец нет шерсти (им хуже, чем коням). Услышав это, овца повернула [в] поле (удрала)’.

Для компаративиста нетрудно заметить, что «индоевропейский» праязык А. Шлейхера походит на санскрит. Кроме того, он беден гласными – *a* и *ā*, *i*, *u* (вообще же Шлейхер признавал всего лишь один вокалический архетип в индоевропейском – *a*), в нем только неслогообразующие *l* и *r*, обилие носовых согласных и под. В двух последующих реконструкциях заметно существенное увеличение системы гласных за счет как количества, так и наделения их краткостью и долготой, отражение так называемого шва (ʷ), заднеязычные смычные выступают не только в нейтральном виде – *g* и *k*, но и в виде мягких (*g'*, *k'*) и лабиальных, т.е. губных (*g5*, *k5*), корелятов и т.д. Можно самостоятельно провести дальнейший анализ

трех реконструкций, выделяя общее и акцентируя внимание на тех особенностях, которые проявлялись от текста к тексту.

3. Балто-славянские языковые отношения

Индоевропейцы уделяют особое внимание так наз. *промежуточным праязыкам*, формировавшимся после распада индоевропейского праязыка. Так, еще в начале XX в. А. Мейе в книге «Индоевропейские диалекты» (1908) предположил, что иранской и индийской этноязыковой общности предшествовала индо-иранская общность, италийской и кельтской – итало-кельтская, а балтская и славянская общности имели древние связи, хотя, по Мейе, нельзя говорить о существовании балто-славянского праязыка. В свое время А. Л. Крёбер и К. Д. Кретьен (1937), опираясь на определенные лексико-статистические признаки, попытались на основе цифровых показателей установить коэффициент близости между группами индоевропейских языков. В соответствии с полученными результатами наивысший коэффициент близости выявлен между славянскими и балтскими языками – 92, затем следует индо-иранская ветвь – 91, италийско-кельтская – 87 и т.д. Но даже если не вникать в детали приведенных выше выкладок, единодушие ученых в высокой степени похожести славянских и балтских языков не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, чем объясняется такая близость рассматриваемых соседних языковых массивов? На начало XXI в. было выдвинуто несколько гипотез.

3.1. Гипотеза о балто-славянском праязыке наиболее ранняя. Толчком для нее стало «родословное древо» А. Шлейхера, на котором «славяно-немецкая» ветвь привела к формированию промежуточного «литовско-славянского», т.е. балто-славянского, праязыка – с одной стороны, и «немецкого», т.е. прагерманского, – с другой. Промежуточность такого праязыка как бы демонстрирует, что славянский и балтский достаточно поздно разъединились, а потому в них должно наличествовать большое число схожих элементов.

Идею балто-славянского праязыка горячо поддержал К. Бругман, который привел около десятка фонетических и морфологи-

ческих балто-славянских признаков, среди них: и.-е. слогообразующие [≥], [ʳ], [m±], [n±] (в позиции между согласными или конца слова) перешли в сочетания [ir-ur], [il-ul], [im-um], [in-un], которые сохранились в балтском и подверглись дальнейшим изменениям в славянском; устранение двойных согласных типа [ss] → [s], [dt/tt] → [st] и др.: *jes-si ‘ты есть’ → *jesi ‘то же’, *vēd-ti → vēs-ti ‘вести’ и под. Насчитывается около 1600 слов, которые связывают обе группы языков; в небольшом балто-славянском словаре Р. Траутмана (1923) 30% слов составляют именно балто-славянские инновации. В русской славистике также были сторонники балто-славянской гипотезы – Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, В. К. Погребинский и др.

2.2. Гипотеза о параллелизме и общности. И. А. Бодуэн де Куртенэ, а вслед за ним А. Мейе выразили сомнение в существовании единого балто-славянского праязыка. Последний объяснял похожесть балтских и славянских языков параллелизмом их развития в условиях смежности проживания. Такого рода высказывания авторитетного индоевропеиста посеяли у некоторых исследователей семена сомнения. Были высказаны некоторые соображения против гипотезы балто-славянского праязыка. Так, праславянский материал здесь сравнивается с материалом живого литовского языка, поскольку балтский праязык восстановить не удастся по причине исчезновения большинства языков этой группы. Между прабалтским и литовским нельзя ставить знак полного равенства. Игнорирование этого методологического принципа нарушает хронологический критерий сравнения языкового материала и может привести к недостоверным результатам. Приводится и ряд фонетических доказательств.

3.3. Гипотеза о «дочернем / сыновнем» взаимоотношении. Во второй половине XX в. возникают две так наз. «дочерние/ сыновние» гипотезы балто-славянских языковых отношений. С одной из них выступили Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров (1958). На основе учета выделенных фонологических и морфологических признаков праславянского и «прабалтского» (литовского) авторы пришли к заключению: славянская модель характеризуется, якобы, много-

численными инновациями, т.е. новейшими и позднейшими по времени элементами развития, которые выводятся из балтского как более архаичного и тем самым теснее связанного с позднеиндоевропейским праязыком. Вывести, по мнению этих авторов, балтский из славянского не представляется возможным по указанным выше причинам³. Таким образом, получается, что «прабалтский» (который, кстати, невосстановим из-за того, что из языков этой группы сохранились всего лишь два) выводится непосредственно из индоевропейского праязыка, а праславянский, в свою очередь, – из него: праслав. **cěna* ‘цена’ – литов. *kainà* ‘то же’, где праслав. *-ě- (ять) действительно вторично, так как происходит из и.-е. дифтонга – ср. реконструированную форму этого слова в и.-е. как **k5oi—nā* ‘то же’. Следы индоевропейского дифтонга -*o↑i*— сохранились в санскрите (*cáyati* ‘складывает’, т.е. -*áy-*), авестийском (**kaēna-* ‘возмездие, место, наказание’, т.е. -*aē-*), а также в литовском языке, хотя, как видим, не во всем: -*o↑i*— → -*a↑i-*. Только авторы гипотезы делают из этого вывод о том, что праслав. *-ě- вышло не непосредственно из индоевропейского дифтонга, а из «прабалтского» (в действительности литовского) рефлекса этого дифтонга, т.е. праславянский элемент «моложе» и выводится из «прабалтского».

Кстати сказать, идея этноязыковых «родителей и дочерей/ сыновей» по отношению к балтскому и славянскому не нова. Еще в 1922 г. акад. А. И. Соболевский пытался обосновать мысль о том, что праславянский язык – это иранский языковой субстрат (следы исчезнувшего языка в победившем языке) + балтский. Тем не менее именно во второй половине XX в. «дочерне-сыновняя» гипотеза стала переживать своеобразный бум. Ее сразу же поддерживали литовские и латышские языковеды, а также некоторые специалисты других стран. Чешский компаративист А. Эрхарт даже пытался показать последовательность процесса трансформации одного праязыка в другой с указанием времени, когда это все происходило:

³ См. Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 273–305.

западноевропейский праязык (около 3000–1500 гг. до н.э.)
↓
протобалтский (около 1500–700 гг. до н.э.)
↓
предславянский, или протославянский (около 700 до н.э. – 300 г. н.э.)
↓
(пра)славянский язык (около 300–1000 гг. н.э.).

Налицо удревнение балтского (помещение его полностью в рамках доисторического времени) и, напротив, «омоложение» славянского (который, в сущности, формировался в историческом времени, т.е. в основном в период новой эры). Сомнения как раз и вызывают такая временная дистанция между двумя праязыками (один из которых – «прабалтский» – так и не восстановлен!), а также «предельно точные» временные границы их существования⁴. Эта гипотеза во всех ее вариантах вызывает серьезную критику ряда современных исследователей. О. Н. Трубачев, например, называет такие рассуждения «радикальными теориями», рассчитанными на внешний эффект и популярность и приведшими к надуманной проблеме «несуществования славян без помощи балтов».

3.4. Гипотеза о языковом союзе возникла в XX в. На рубеже XX–XXI вв. идею союза энергично развивает О. Н. Трубачев (особенно в его последней книге «Этногенез и культура древнейших славян», 2003). Он относит балто-славянскую проблему к мифам сравнительного языкознания. При решении вопросов, связанных с доисторическими эпохами, методологически важно, считает исследователь, переставить акценты на приоритет лексических свидетельств над традиционными фонетическими и морфологическими.

⁴ Подробно см.: А. Erhart. U kolébky slovanských jazyků. // Slavia, roč. 54, Praha, 1985, seš. 4. S. 337–345.

До последнего времени этого так и не сделано. Параметры фонетики и морфологии исчислимы, т.е. характерные для них элементы и признаки могут быть подсчитаны полностью (фонетическая система того или иного языка насчитывает столько-то фонем, склонение имен осуществляется с помощью такого-то количества падежей и т.д.), в то время как лексико-семантическая сфера практически необозрима и потому неисчислима. К тому же множество слов несут в себе фрагменты содержательной картины мира, удаленного от нас на многие тысячелетия. Трубачев считает, что сначала у праславян и прабалтов была самостоятельная жизнь и миграции, и лишь позднее сближение (контакты), которое происходило в железном веке, т.е. в последние века до н.э. Славянский языковой массив, по автору, был ориентирован на связи с потомками западных индоевропейцев – германцами, италийцами и кельтами. Какие же аргументы приводит Трубачев? Из традиционных фонетико-морфологических различий:

1) эволюция долгих гласных осуществлялась в балтском и славянском в противоположных направлениях (в доказательстве Э. Станкевича);

2) неодинаковый рефлекс палатализации заднеязычного смычного и.-е. [$*k\perp \rightarrow \check{s}$], т.е. в шипящий в балтском, но при свистящем в праславянском: [$*k\perp \rightarrow (c) \rightarrow s$];

3) вообще палатализация согласных, столь обильная в славянском, в балтийском проходила все же иначе, а в чем-то и была ограничена;

4) именная флексия в балтском более архаична, чем в славянском, хотя праславянский также не лишен был архаичных форм (Р. пад. ед. ч. **ženy* из и.-е. **gʰenōm-s*);

5) флексии и в целом формы славянского глагола архаичнее балтских и стоят ближе к индоевропейскому состоянию и др.

Трубачев усматривает также глубокие различия и в лексике: в первых семи выпусках издаваемого им «Этимологического словаря славянских языков» (с 1974 г.) с помощью сплошной проверки выявлено, что такие важнейшие понятия, как ‘ягненок’, ‘яйцо’, ‘бить’, ‘мука’, ‘живот’, ‘дева’, ‘долина’, ‘дуб’, ‘долбить’, ‘голубь’, ‘господин’, ‘горн (кузнечный)’, в славянском и балтском выражаются

разными словами. Список может быть также дополнен и несовпадениями в ономастической лексике.

* * *

Итак, рассмотрев наработанные к настоящему времени гипотезы балто-славянских языковых отношений, нетрудно убедиться в том, что перед нами сложнейшая проблема индоевропейского и славянского языкознания. Сторонники каждой из представленных гипотез, чтобы доказать свою правоту, оперируют различными аргументами, а там, где аргументы одинаковы, трактуют их по-своему. Совокупность аргументов – это пока все, что могут предложить ученые. А в такую совокупность могут попадать признаки разновременного происхождения, элементы влияния или заимствования и т.д. Отсюда вытекает, что в исследовании такого рода сложнейших вопросов присутствует и нежелательный субъективный фактор. Следует согласиться с акад. О. Н. Трубачевым в том, что необходимо проводить генетический анализ материала двух языковых массивов последовательно и систематически, со всеми его схожестями, различиями и противоречиями, а также учитывая лингвогеографический (ареальный) и, мы бы добавили, типологический и количественный аспекты. Разумеется, анализ должен сопровождаться обращением к фактам археологии, этнографии (традиционная культура) и некоторых вспомогательных дисциплин.

4. Праславянский язык

4.1. Лингвистическая палеославистика и ее периодизация.

Итак, мы убедились в том, что славянские языки являются в конечном счете потомками индоевропейского праязыка. Независимо от того, произошло ли это через промежуточный праязык (прабалто-славянский) или же развитие шло непосредственно из индоевропейского праязыка, в славистике давно утвердилось мнение о том, что праславянский язык существовал (в немецкой компаративистике – *Urslavisch* или *die urslavische Sprache*, во французской *slave commune* и в англо-американской *Common Slavic*). Его контуры, конечно, гипотетичны, т.е. предположительны, так как существовал он мно-

гие сотни, а то и тысячелетия назад и, разумеется, не был зафиксирован в памятниках письменности. Это восстановленный с помощью реконструкции праязык, своего рода лингвистическая модель, базирующаяся на важнейших признаках – фонетических, грамматических и лексических. Тем не менее мы можем с уверенностью говорить о том, что это был изначально варьируемый территориально язык, т.е. представлявший собою совокупность родственных и, предположительно, некоторых неродственных говоров или диалектов. Он распространялся на определенной территории, которую занимали общавшиеся между собою племена. По причине расширения или перемещения территории обитания связи между отдельными частями славянского этноязыкового ареала слабели, в речи на всех уровнях начинали развиваться местные особенности, что в конечном счете приводило к некоторому разрыву связей и формированию самостоятельного русла развития. Опираясь на изложенную логику этноязыкового развития, мы можем называть праславянский язык прародителем всех славянских языков, некогда существовавших и существующих теперь.

К настоящему времени сформировалась отдельная дисциплина, изучающая проблемы праславянского языка, – *лингвистическая палеославистика*, которая является составной частью общей палеославистики. При этом в сферу ее интересов следовало бы включать и вопросы традиционной культуры, реконструируемой на основе и с помощью языка. Этой дисциплине уже полтора века. Предлагается следующая периодизация ее развития:

1) *первый этап* – зарождение науки о праславянском языке, связываемое с работой А. Шлейхера «Краткий очерк истории славянских языков» (1858) и такими именами, как Ф. Миклошич, А. Лескин, Ф. Ф. Фортунатов, В. Ягич, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртене, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, С. М. Кульбакин, В. Вондрак, А. Мейе, Я. Розвадовский и др.;

2) *второй этап* начинается со времен Первой мировой войны, когда появляется труд Г. А. Ильинского «Праславянская грамматика» (1916) и когда работали, совершенствуя метод реконструкции, А. Белич, П. А. Бузук, Н. Н. Дурново, Н. Ван-Вейк, О. Гуйер, Й. Зубатый, Н. С. Трубецкой, А. Вайан, Л. А. Булаховский, Т. Лер-Сплавинский, Р. Нахтигал и др.;

3) *третий этап* развивается со второй половины XX в., обогащаясь все новым материалом, новыми подходами к реконструкции праславянского языка, появлением обобщающих трудов как по грамматике, так и по лексике; среди исследователей можно назвать Ф. Мареша, С. Б. Бернштейна, Т. Лер-Сплавинского, В. И. Георгиева, Е. Куриловича, Р. Якобсона, Х. Станга, Ю. Шевелева, И. Лекова, П. С. Кузнецова, В. Кипарского, О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Н. И. Толстого, Э. Станкевича, Х. Бирнбаума, В. К. Журавлева, В. А. Дыбо и многих др.⁵.

4.2. Предполагаемые датировки существования праславянского языка и основных этапов его развития. Как и в случае с индоевропейским праязыком, на протяжении XX в. высказаны десятки предположений о времени существования праславянского языка, ср.:

Таблица № 3

время	авторы	зарожд. слав. речи	первый этап	средний этап	поздний этап	распад
1922	А. Белич/ А.Белић					ок. 500 г. н.э.
1924	А. Мейе/ А. Meillet					до IX в.
1939	А. Майер/ А. Mayer					кон. IX в.
1946	Я. Кост- жевский/ J. Kostrzewski					от I в. до н.э. – I в. н.э.
1954	В. Хенсель/ W. Hensel	2000 г. до н.э.				
1956	Т. Лер-Спла- винский/ T. Lehr- Splawiński	к сер. II тысяч. до н.э.	1-й: [до III в. до н.э.]		2-й: с кон. III в. до н.э. – III в. н.э.	
1957	А. Брюкнер/ A.Brückner					ок. 500 г. н.э.

⁵ См.: В. К. Журавлев. Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов. // Х. Бирнбаум. Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции. М., 1987. С. 453–493.

<i>время</i>	<i>авторы</i>	<i>зарожд. слав. речи</i>	<i>первый этап</i>	<i>средний этап</i>	<i>поздний этап</i>	<i>распад</i>
1959	В. Н. Топоров				до X– XII в.	
1961	С. Б. Берн- штейн					2-я пол. I тысяч. до н.э.
1961	Я. Рудницкий/ J. Rudnicki	1500 г. до н.э.				600 г. н.э.
1964	Ю. Шевелев/ G. Shevelov	Примерно 2000 г. до н.э.				перед 1000 г. н.э.
1968/ 1970	З. Штибер/ Z. Stieber	нач. I тысяч. до н.э.			до 500 г. н.э.	
1970– 1975	Х. Бирнбаум/ H. Birnbaum	незадолго до нач. н.э.				X–XII вв.
1970	А. Зенн/ A. Senn	VI в. до н.э.				VI в. н.э.
1971	М. Фасмер/ M. Vasmer	с 400 г. до н.э.				400 г. н.э.
1962– 1972	Ф. П. Филин		до кон. I тыс. до н.э.	с кон. I тыс. до н.э. – III– V вв.	V–VIII вв.	до VI– VII вв. н.э.
1973	В. И. Георгиев	II–I тысяч. до н.э.	с нач. или со второй пол. II тысяч. до н.э. – до сер. I тысяч. до н.э.	с сер. I тысяч. до н.э. – III–IV вв. н.э.	с III–IV вв. по VIII–IX вв. н.э.	
1975	Г. Лябуда/ G. Labuda	2500 г. до н.э.				500 г. н.э.
1978	А. Лампрехт/ A. Lamprecht	500 г. до н.э.		400– 800 гг. н.э.	до 800– 1000 гг. н.э.	1000 г. н.э.

<i>время</i>	<i>авторы</i>	<i>зарожд. слав. речи</i>	<i>первый этап</i>	<i>средний этап</i>	<i>поздний этап</i>	<i>распад</i>
1988	В. Н. Чекмонас (Чекман)	с VI в. до н.э.			1-е вв. н.э.	
1989– 1993	А. Е. Супрун	ок. рубежа III и II тысяч. до н.э.			сер. I тысяч. н.э.	

Из таблицы видно, что далеко не все ученые брали на себя смелость датировать все этапы существования праславянского языка. Более того, нередко некоторые из них меняли свои представления относительно периодизации праславянского языка. Это следует иметь в виду при знакомстве с предлагаемой таблицей.

Просмотр датировок по вертикали дает полезную пищу для размышлений. Разноголосица в трактовке времени зарождения славянской речи очевидна: от «около рубежа III и II тысячелетия до н.э.» до «незадолго до начала н.э.», аналогично и в случае распада праславянского языка – от доисторической эпохи 2-й половины I тысячелетия до н.э. до X–XII вв. н.э. Счет, таким образом, идет на тысячелетия. Особенно сомнительны цифры с точностью до столетия.

4.3. Принципы реконструкции праславянского языка. Праславянская реконструкция на основе сравнительно-исторического метода проходит успешнее, чем восстановление индоевропейского праязыка. Это и понятно: время существования праславянского ближе к нам, а материал славянских языков, все еще остающихся самыми близкими друг по отношению к другу языками в кругу индоевропейской лингвосемьи, способствует реконструкции. Эти факторы благоприятствуют также тому, что большое число слов и их форм нередко реконструируются, не выходя за рамки славянских языков и диалектов. Имеет смысл в этой связи говорить о внутригрупповой, а в нашем случае – *о внутриславянской реконструкции*, которую можно также рассматривать, как расширение реконструкции внутренней. Впрочем, для большей убедительности полученных результатов все же и здесь обычно приходится прибегать к контрольной проверке по данным других индоевропейских языков.

Прежде чем проиллюстрировать это положение примерами, заметим, что из-за близости многих элементов и признаков праславянский нередко отождествляют со старославянским языком – как это делали в начальный период развития сравнительно-исторического метода, когда индоевропейский праязык фактически приравнивали к древнеиндийскому санскриту. Впрочем, это касается не только праславянского языка. Стало традицией в подобную зависимость ставить, например, латынь и романские языки, древне-норвежский и древнескандинавский, литовский и балтский. В такой постановке вопроса есть существенное противоречие: если, скажем, праславянский отождествлять со старославянским, созданным в IX в. на основе болгаро-македонских говоров, тогда не следует в классификации помещать его в подгруппу южнославянских языков и вообще не следует говорить о его диалектной основе! Речь должна в этом случае идти о максимальной генетической близости, но не о тождественности. Это важно иметь в виду.

Итак, займемся реконструкцией, скажем, слова *брат* – и.-е. **b4rāter* → праслав. **bratrъ*. Чтобы реализовать первый этап реконструкции, необходимо привлечь материал всех славянских языков и посмотреть, какова там ситуация с этим словом:

Таблица № 4

восточнославянские		южнославянские		западнославянские	
белор.	<i>брат</i>	ст.-слав.	<i>братръ</i>	чеш.	<i>bratr</i>
рус.	<i>брат</i>	болг.	<i>брат</i>	словац.	<i>brat</i>
укр.	<i>брат</i>	макед.	<i>брат</i>	польск.	<i>brat</i>
		с.-хорв.	<i>брат/brat</i>	в.-луж.	<i>bratr</i>
		словен.	<i>brat</i>	н.-луж.	<i>bratš</i>
в итоге:	<i>*brat-</i>		<i>*brat-/ *bratr-</i>		<i>*brat-/ *bratr-</i>

Представленный для сравнения материал позволяет реконструировать две формы – **brat-* для восточнославянских языков и вариантно **brat-/ *bratr-* для южно- и западнославянских языков (нижнелужицкий конечный элемент [š] возник из [r] в результате палатализации). Как же решить возникшую дилемму? Что считать

праславянской формой – **brat-* или **bratr-*? В таком случае не всегда помогает количество языков: может случиться так, что первая форма без конечного согласного *-r-* возникла в результате его отпадения – в таком случае форма с *-r-* первоначальна? И поэтому именно она была представлена в праславянском языке?

Решить этот вопрос можно с помощью *внешней реконструкции*, а для этого нужно расширить круг сравниваемых языков, т.е. выйти за пределы славянских, обратившись к другим индоевропейским языкам, ср.:

Таблица № 5

лат. <i>frāter</i>
греч. <i>φράτηρ</i>
ирл. <i>brāthir</i>
гот. <i>brō ar</i>
др.-прус. <i>bratrikai</i> ‘братья’
литов. <i>broter-ēlis</i> ‘братец’
латыш. <i>brātarītis</i> ‘братец’
арм. <i>elbair</i>
санск. <i>bhrātā</i>
авест. <i>brātar</i>
тохар. <i>pracar</i>

Нетрудно заметить, что слово *брат* в приведенных неславянских индоевропейских языках отчетливо (за редким исключением) демонстрирует конечное *-r*. Ничего не остается делать, как приписать это *-r* форме интересующего нас слова праславянского языка, что внутри языковой группы подтверждают также один южнославянский (старославянский) и два/ три западнославянских языка (чешский и верхне- и нижнелужицкие), в которых лучше всего и сохранилась праформа.

4.4. Преобразование индоевропейской фонетической системы в праславянском языке. Фонетическая система праславянского языка формировалась на основе индоевропейской, т.е. индоевропейские элементы трансформировались в праславянские. Покажем это на примере системы гласных и дифтонгов:

и.-е. гласные и дифтонги	переход в праслав. гласные	примеры праславянские и из других и.-е. языков
$\bar{a} \rightarrow$ $\bar{o}$	<i>a</i>	* <i>mati</i> – лат. <i>māter</i> * <i>dati</i> – лат. <i>dōnum</i>
$\bar{o}$ $\bar{a}$	<i>o</i>	* <i>oko</i> – лат. <i>oculus</i> * <i>osъ</i> – лат. <i>axis</i>
$\bar{e} \rightarrow$	<i>e</i>	* <i>ber</i> Π – лат. <i>fero</i>
$\bar{e}$ $o\uparrow i - / \bar{o}\uparrow i -$ ($a\uparrow i - / \bar{a}\uparrow i -$)	<i>ě</i> (ять)	* <i>děti</i> – литов. <i>dėti</i> * <i>cěna</i> – литов. <i>kaina</i>
$\bar{i}$ $e\uparrow i - / \bar{e}\uparrow i -$ $o\uparrow i - / \bar{o}\uparrow i -$, $a\uparrow i - / \bar{a}\uparrow i -$ $i -$	<i>i</i>	* <i>živъ</i> – санскр. <i>jīvas</i> * <i>vidъ</i> – литов. <i>veidas</i> * <i>stoli</i> – литов. <i>stalai</i> (← * <i>stoloi</i>)
$\bar{i}$ E	<i>ь</i>	* <i>тъgla</i> (← * <i>mīgla</i>) – литов. <i>miglà</i> * <i>цьtyre</i> (← * <i>k5Etur</i>) – лат. <i>quattuor</i>
$\bar{u} \rightarrow$	<i>y</i> [bɪ]	* <i>dymъ</i> – лат. <i>fumus</i>
$\bar{y}$ E	<i>ъ</i>	* <i>snъxa</i> – санскр. <i>snus</i> $\bar{a}$ * <i>vъzъ</i> – литов. <i>už</i>
$o\uparrow u - / \bar{o}\uparrow u -$ $a\uparrow u - / \bar{a}\uparrow u -$	<i>u</i>	* <i>synu</i> – гот. <i>sunaus</i> (← * <i>sūnoui</i> —s) * <i>turъ</i> – лат. <i>taurus</i> ‘клеймо’
<i>en, em an, am</i> <i>on, om</i>	ξ Π	* <i>devęть</i> – литов. <i>devintas</i> * <i>pΠtb</i> – лат. <i>pontis</i> (Р. п.)

Нетрудно заметить, что вокалическая система индоевропейского праязыка на праславянской почве претерпела значительные изменения:

а) на базе [$\bar{e}$] и дифтонгов появился особый [$\bar{ě}$] (ять);

б) краткие [$\bar{i}$], [$\bar{u}$], [E] преобразовались в редуцированные [ɔ] и [ɤ]; в некоторых случаях [ɤ] и [ɔ] возникали на месте индоевропейских основ на -os, -on, -om (**vьbъkъ* ‘волк’ ← **ulkom*) и -m±, -n± (В. п. **materъ* ‘мать’ ← и.-е. **māterm*±), а также под влиянием некоторых типов склонения и др.;

в) особенно сильному изменению подверглись дифтонги (произошла их монофтонгизация);

г) дифтонгические сочетания на носовые *-m* и *-n* преобразовались в носовые гласные и т.д.

Теперь сопоставим раннепраславянскую и позднепраславянские системы согласных по способу образования:

Таблица № 7

<i>раннепраслав. период</i>			<i>позднепраслав. период</i>		
<i>смычн.</i>	<i>сонор.</i>	<i>фрикат.</i>	<i>смычн.</i>	<i>сонор.</i>	<i>фрикат.</i>
<i>b</i>			<i>b</i>		
<i>d</i>			<i>d</i>		
<i>g</i>			<i>g</i>		
<i>p</i>			<i>p</i>		
<i>t</i>			<i>t</i>		
<i>k</i>			<i>k</i>		
		(<i>z</i>)			<i>z</i>
		<i>s</i>			<i>s</i>
		<i>x</i>			<i>x</i>
					<i>č</i>
					<i>ć</i>
					<i>d↑ž</i>
					<i>ž</i>
					<i>š</i>
	<i>r</i>			<i>r-r'</i>	
	<i>l</i>			<i>l-l'</i>	
	<i>j</i>			<i>j</i>	
	<i>m</i>			<i>m</i>	
	<i>n</i>			<i>n-n'</i>	
	<i>w</i>			<i>v</i>	

Приведенные в таблице данные показывают, что система согласных раннепраславянского периода претерпела значительные качественные (позиционный [*z*] стал полноправным согласным, среди сонорных появилось противопоставление по твердости ~ мягкости, [*w*] перешел в [*v*]) и количественные изменения (появились свистящие и шипящие, аффрикаты).

Фонетические изменения были вызваны открывшейся *общей тенденцией к консолидации слога*, которая выражалась в двух конкретных тенденциях – к *восходящей звучности* и к *гармонии слога*. Сформировалось несколько ступеней звучности: глухие, далее следовали звонкие согласные и самыми звучными оказывались гласные. Такое распределение звуков привело к *закону открытого слога*, выявленному на материале старославянского языка. Устанавливалось правило: каждый слог в слове должен быть открытым. Нарушения этого правила обычно устранялись:

1) конечные согласные утрачивались: **slovos* → **slo-vo* ‘слово’;

2) происходило упрощение групп согласных: **metti* → **me-sti* ‘места’;

3) сочетания на носовой согласный перед другим согласным или в конце слов переходили в носовые гласные и тем самым открывали слог: **rankā* → **rΠ-ka* ‘рука’;

4) дифтонги монофтонгизировались (см. выше);

5) сочетания на плавный *-ol-* и *-or-*, *-el-* и *-er-*, т.е. *tolt* и *tort*, *telt* и *tert*, чтобы не закрывать слог, подверглись перестановке – метатезе и одновременно изменению качества гласного, что приняло вид *tlat* и *trat*, *tlēt* и *trēt* (это отражено в южнославянских и частично в западнославянских языках) либо привело к появлению после плавного аналогичного гласного (характерно для восточнославянских языков), т.е. сформировалось явление, известное как неполногласие и полногласие: серб.-хорв. *krava*, словац. *krava* – укр. *корова* и т.д.

Тенденция к гармонии слога подразумевала сочетание близких по качеству элементов в пределах слога, например, смягчение согласных перед мягким согласным элементом или перед гласными переднего ряда. Эта тенденция обогатила систему согласных мягкими вариантами и новыми единицами. В чем это выражалось?

1) в смягчении заднеязычных [g], [k], [x] (*ch*) перед [j] (из [i—]) и переходе их в шипящие – соответственно в ([d↑ž] →) [ž], [č], [š]: **lugja* → *luža* ‘лужа’, **sěkja* → *sěča* ‘сеча’, **duxja* → *duša* ‘душа’; процесс проходил до распада праславянского языка, поскольку эти переходы отразили все славянские языки; аналогично и чередование при встрече [s] и [z] с [j];

2) переднеязычные [d] и [t] перед [j] через стадию аффрикат [dʃ] и [tʃ] переходили соответственно в [ž] и [š]; процесс проходил в период распада праславянского языка, поэтому он неравномерно отразился в разных языках: **sadja* ‘сажа’ – словац. *sadza* – болг. *сажда* – белорус. *сажа* и т.д.;

3) плавные [l], [r] и носовой [n] перед [j] смягчались, но этот процесс проходил уже в период распада праславянского языка и поэтому имел разные результаты, ср. [r + j → r’]: **morje* ‘море’ → **mor’e* (рус. *море*) и без смягчения (с твердым [r]: серб.-хорв. *more* / *more*), но и с сохранением соседства с [j] (только в словен. *morje* и с.-луж. *morjo*);

4) в так наз. I палатализации, при которой заднеязычные перед гласными переднего ряда [e], [ě], [e], [i], [b] переходили в шипящие: [g → ž], [k → č], [x (ch) → š] (через стадию аффрикат), ср. **givъ* → **živъ* ‘жив(ой)’, **ketyre* → **četyre* – ср. литов. *keturi* ‘четыре’, **sluxėti* → (*slušėti*) → *slušati* ‘слушать’;

5) во II палатализации, когда заднеязычные перед гласными переднего ряда [ě] и [i] дифтонгического происхождения (из [o↑ i—]) переходили в свистящие: **noga* ‘нога’ – местн. п. **nodzě* (← **nogě* ← **nogoi*) и т.д.;

6) в III (нерегулярной) палатализации, прогрессивной по направлению (была открыта И. А. Бодуэном де Куртенэ): заднеязычные смягчались и переходили в свистящие (тот же результат, что и по II палатализации), находясь после гласных переднего ряда [i], [b], [e]: **věньсь* – литов. *vainikas* ‘венки’ и под.

Примеры можно было бы продолжать.

Говоря о такого рода фонетических процессах, важно не забывать об их хронологии, т.е. иметь в виду очередность или параллельность тех или иных процессов. Иными словами, необходимо учитывать фактор *относительной хронологии*, хотя это далеко не всегда просто. Но все же отдельные моменты поддаются временной интерпретации. Так, например, II палатализация могла проходить только после монофтонгизации дифтонгов, когда гласные переднего ряда [ě] и [i] были дифтонгического происхождения, т.е. появились на месте дифтонгов (см. выше), – в противном случае палатализация не состоялась бы.

4.5. Преобразование индоевропейской морфологической системы в праславянском языке. Индоевропейский праязык к своему распаду имел четыре части речи: имя, глагол, местоимения и наречия. На этой базе шло формирование праславянских частей речи, в процессе чего их число увеличилось более чем вдвое: имя существительное и прилагательное, местоимение, наречие, глагол, причастие (синтез свойств прилагательного и глагола), а также служебные – предлоги, частицы, союзы.

1) Из имени, выражавшего предметность, постепенно вычленилась категория имени признака – прилагательное; обе части речи характеризовались грамматическими признаками рода, числа (кроме ед. и мн., также двойств.) и падежа.

2) Склонение имени существительного и именного (так наз. краткого) прилагательного было идентичным; сохранялось согласование между именами по роду и числу.

3) С помощью указательного местоимения в форме трех родов (своеобразный постпозитивный артикль), присоединяемого к краткой форме прилагательного, образована категория местоименных (или полных) прилагательных, которые согласовывались с определяемыми ими существительными в роде, числе, падеже. Этими свойствами были затем наделены также причастия.

4) Из индоевропейского праязыка не перешел в праславянский аблатив, или отложительный падеж (его заменил родительный); всего же в праславянском было 7 падежей (наряду с известными также звательный, или вокатив).

5) Местоимения, указывавшие на предмет, хотя и исчисляемая, но самая разнородная часть речи: личные характеризовались категорией лица, изменялись по падежам, но не имели рода, а возвратное склонялось, но не имело числа. Зато указательные и притяжательные местоимения имели род, число и падеж, согласованные с соответствующими категориями имени, с которыми употреблялись.

6) Наречия выражали признак признака и формировались за счет прилагательных, застывших падежных форм существительных и т.д.

7) Считается, что наречие стало источником создания служебных частей речи – предлогов, союзов и частиц.

8) В области глагола праславянский что-то сохранил от индоевропейского, а что-то сформировал уже в отрыве от него.

9) Категория активности ~ пассивности отразилась на системе лица (1 и 2 л. как результат активности и 3 л. – как результат пассивности).

10) Эта же категория повлияла и на залог: если действительный (активный) залог перешел из индоевропейского, то страдательный (пассивный) и средний были утрачены; страдательный залог сформировался на праславянской почве в виде особой возвратной структуры.

11) Из индоевропейского было унаследовано изъявительное наклонение, в то время как желательное наклонение (оптатив) превратилось в повелительное, а сослагательное сложилось заново.

12) Сложна ситуация с категорией времени. Праславянский унаследовал из индоевропейского систему настоящего времени и одну из простых форм прошедшего времени – аорист (на основе глаголов несовершенного вида выражал действие безотносительно к его длительности), в то время как имперфект (на основе глаголов несовершенного вида выражал длительность действия в прошлом) был заменен новым имперфектом. В праславянском сформировался и новый перфект (с помощью спрягаемых форм вспомогательного глагола *быть* и причастия на *-л* выражал действие в прошлом, имеющее результат). Подобная же ситуация с плюсквамперфектом – предпрошедшим, или давнопрошедшим, временем.

13) Предшественником категории славянского вида в индоевропейском были способы глагольного действия, выражавшие длительность или многократность, краткость, начинательность или завершенность действия и т.д. Эти способы составили семантический стержень категории, которая выразилась в простивопоставлении совершенного и несовершенного видов. При этом нужно подчеркнуть, что эта категория с самого начала взаимодействовала с категорией времени.

Приведем несколько образцов склонения и спряжения праславянского языка. В праславянском было 6 типов склонения, которые разграничивались по формальным конечным показателям. Это твердая и мягкая разновидности –

а) на *-ā* (**žena* ‘жена, женщина’) и *-jā* (**staja* ‘стая’),

- б) -*ǫ* (**rodь* ‘род’) и -*jǫ* (**konь* ‘конь’), затем на
 в) -*ǫ* (**synь* ‘сын’) и
 г) -*ǫ* (**sveky* ‘свекровь’),
 д) -*ǫ* (**ognь* ‘огонь’) и
 е) на согласный -*r*, -*ent* и др. (**mater-* ‘мать’, **telę* ‘теленок’).

В течение длительного времени проходили процессы взаимодействия и унификации указанных типов склонения, в результате чего славянские языки пришли к распределению склонения по грамматическому роду, т.е. уменьшили число типов склонения.

4.6. Образцы некоторых типов склонения и спряжения праславянского языка

Имя существительное

Таблица № 8

<i>единственное число</i>				
<i>падежи</i>	<i>-ā-</i>	<i>-jā-</i>	<i>-ǫ-</i>	<i>-ǫ-</i>
И.	* <i>ryb-a</i> ‘рыба’	* <i>duš-a</i> (<i>duš’a</i>) ‘душа’	* <i>rod-ь</i> ‘род’	* <i>synь</i> ‘сын’
Р.	<i>ryb-y</i>	<i>duš-e</i>	<i>rod-a</i>	<i>syn-u</i>
Д.	<i>ryb-ě</i>	<i>duš-i</i>	<i>rod-u</i>	<i>syn-ovi</i>
В.	<i>ryb-Π</i>	<i>duš-Π</i>	<i>rod-ь</i>	<i>syn-ь</i>
Т.	<i>ryb-Π (-ojΠ)</i>	<i>duš-Π (-’ejΠ)</i>	<i>rod-omь</i>	<i>syn-ьmь</i>
Местн.	<i>ryb-ě</i>	<i>duš-i</i>	<i>rod-ě</i>	<i>syn-ovь, -u, -a</i>
Зват.	<i>ryb-o</i>	<i>duš-e</i>	<i>rod-e</i>	<i>syn-u</i>

двойственное число

И., В., Зват.	<i>ryb-ě</i>	<i>duš-i</i>	<i>rod-a</i>	<i>syn-y</i>
Р., Местн.	<i>ryb-u</i>	<i>duš-u</i>	<i>rod-u</i>	<i>syn-ovu</i>
Д., Т.	<i>ryb-ama</i>	<i>duš-ama</i>	<i>rod-oma</i>	<i>syn-ьma</i>

множественное число

И.	<i>ryb-y</i>	<i>duš-ę, -ě</i>	<i>rod-i</i>	<i>syn-ove</i>
Р.	<i>ryb-ь</i>	<i>duš-ь</i>	<i>rod-ь</i>	<i>syn-ovь</i>
Д.	<i>ryb-amь</i>	<i>duš-amь</i>	<i>rod-omь</i>	<i>syn-ьmь</i>
В.	<i>ryb-y</i>	<i>duš-ę, -ě</i>	<i>rod-y</i>	<i>syn-y</i>
Т.	<i>ryb-ami</i>	<i>duš-ami</i>	<i>rod-y</i>	<i>syn-ьmi</i>
Местн.	<i>ryb-axь</i>	<i>duš-axь</i>	<i>rod-ěxь</i>	<i>syn-ьxь</i>
Зват.	<i>ryb-y</i>	<i>duš- ę, -ě</i>	<i>rod-i</i>	<i>syn-ove</i>

Склонение кратких прилагательных, указательного местоимения *jь* и полных прилагательных в мужском роде

Таблица № 9

единственное число

<i>надежи</i>	<i>именное (краткое) прилагательное</i>	<i>указат. местоим. jь</i>	<i>местоименное (полное) прилагательное</i>
И.	<i>*star-ъ</i>	<i>jь</i>	<i>*starъ- jь</i>
Р.	<i>star-a</i>	<i>ja, jego</i>	<i>stara-jego</i>
Д.	<i>star-u</i>	<i>jemu</i>	<i>staru- jemu</i>
В.	<i>star-ъ</i>	<i>jь</i>	<i>starъ- jь</i>
Т.	<i>star-ъ</i>	<i>jimъ</i>	<i>starъ- jimъ</i>
Местн.	<i>star-ě</i>	<i>jemъ</i>	<i>starě- jemъ</i>

двойственное число

И., В.	<i>star-a</i>	<i>ja</i>	<i>stara-ja</i>
Р., Местн.	<i>star-u</i>	<i>jeju</i>	<i>staru-ju</i>
Д., Т.	<i>star-ъ</i>	<i>jima</i>	<i>starъ-jima</i>

множественное число

И.	<i>star-i</i>	<i>ji</i>	<i>stari-ji</i>
Р.	<i>star-ъ</i>	<i>jixъ</i>	<i>starъ-jixъ</i>
Д.	<i>star-ъ-</i>	<i>jimъ</i>	<i>starъ-jimъ</i>
В.	<i>star-y</i>	<i>ję/jě</i>	<i>stary-jě/ję</i>
Т.	<i>star-ъ-</i>	<i>jimi</i>	<i>starъ-jimi</i>
Местн.	<i>star-ъ-</i>	<i>jixъ</i>	<i>starъ-jixъ</i>

Примечания. Краткие прилагательные склонялись так же, как и существительные; при присоединении форм указательного местоимения (постпозитивного артикля) происходило фонетическое взаимодействие в виде стяжения или упрощения, ср. **starъ + jь* → **staryi*, ** stara + jego* → **starogo* или **starego* и т.д.

Склонение личных местоимений праславянского языка

Таблица № 10

1 лицо

падежи	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
И.	*azъ ‘я’	*vě ‘мы двое’	*my ‘мы’
Р.	mene, (menę)	naju	nasъ
Д.	тъně; mi, (mě)	nata, (na)	namъ, ny
В.	mene; me	na	ny, nasъ
Т.	тъnojП	nata	nami
Местн.	тъně	= Р.	= Р.

2 лицо

И.	*ty ‘ты’	*va ‘вы двое’	*vy ‘вы’
Р.	tebe, (tebe)	vaju	vasъ
Д.	tebě, tobě; ti, te	vata	vamъ, vy
В.	tebe, te	= И.	vy, vasъ
Т.	tobojП	= Д.	vami
Местн.	tebě, tobě	= Р.	vasъ

Примечание. Склонение личных местоимений называют супплетивным, так как падежные формы одного и того же слова образованы от разных корней или основ. Формы, заключенные в круглые скобки, нерегулярны. В некоторых падежах полные формы сопровождаются краткими (энклитическими), обычно безударными.

Образец спряжения праславянского глагола в настоящем времени

Таблица № 11

число	лицо	атематические глаголы		тематические глаголы	
		*byti ‘быть’	*dati ‘дать’	*nesti ‘нести’	*kydati ‘кидать’
ед.	1	jesmъ	damъ	nesП	kydajП
	2	jesi	dasi	neseši	kydaješi
	3	jestъ	dastъ	nesetъ	kydajetъ
дв.	1	jesvě	davě	nesevě	kydajevě
	2	jesta	dasta	neseta	kydajeta
	3	jeste	daste	nesete	kydajete
мн.	1	jesmъ	damъ	nesemъ	kydajemъ
	2	jeste	daste	nesete	kydajete
	3	sПтъ	dadęтъ	nesПтъ	kydajПтъ

Примечание. Атематическими называют глаголы, к корню которых окончание присоединяется непосредственно; в тематических же глаголах между корнем и окончанием есть тема, т.е. гласный *-e-* или *-o-*. Окончание 1 л. атематических глаголов распространилось впоследствии на тематические глаголы (за исключением восточнославянских языков).

Образцы спряжения праславянского глагола в аористе, имперфекте и перфекте

Таблица № 12

число	лицо	аорист (сигматич.)	имперфект	перфект
ед.	1	* <i>nesoxъ</i> ‘нес’	* <i>nesěaxъ</i>	* <i>jesmъ</i> }
	2	<i>nese</i>	<i>nesěaše</i>	<i>jesi</i> { <i>nesl-ъ, -a, -o</i>
	3	<i>nese</i>	<i>nesěaše</i>	<i>jestъ</i> }
дв.	1	<i>nesoxově</i>	<i>nesěaxově</i>	<i>jesvě</i> }
	2	<i>nesosta</i>	<i>nesěašeta</i>	<i>jesta</i> { <i>nesl-a, -ě, -ě</i>
	3	<i>nesoste</i>	<i>nesěašete</i>	<i>jeste</i> }
мн.	1	<i>nesoxomъ</i>	<i>nesěaxomъ</i>	<i>jesmъ</i> }
	2	<i>nesoste</i>	<i>nesěašete</i>	<i>jeste</i> { <i>nesl-i, -y, -a</i>
	3	<i>nesoše</i>	<i>nesěaxΠ</i>	<i>sΠtъ</i> }

Примечания. Сигматическим называется аорист, в окончаниях которого сохранился и.-е. суффикс *-s-* (в греческом *σ* – сигма); в асимметрическом, или простом, аористе окончания лица сразу присоединяются к корню, ср. 1. л. ед. ч. – **padъ* ‘пал’, 2 и 3 л. – *pade* и т.д. Перфект образовывался сочетанием спрягаемых форм вспомогательного глагола *быть* и причастия на *-л*. Хорошо сохранился в южнославянских, а также в западнославянских и серьезно деформировался в восточнославянских языках, утратив спрягаемые формы глагола *быть*.

4.7. О реконструкции праславянского словаря. Реконструкция праславянского словаря ведется на протяжении последних полутора веков. Показателем ее современного уровня является издание этимологических словарей славянских языков (праславянских словарей). С помощью лексико-семантической реконструкции не только восстраивается словарь праязыка, но одновременно и картина жизни древних племен. Следовательно, реконструируя лексические

единицы, мы тем самым приоткрываем контуры древней славянской культуры. Так как некоторая часть слов и их значений насчитывает не одно тысячелетие, то можно говорить о существенном преимуществе данных лексико-семантической реконструкции над данными реконструкций фонетической и грамматической.

Однако лексико-семантическая реконструкция – весьма сложный процесс, который таит в себе множество неожиданностей. Скажем более того: есть немало исследователей, которые скептически относятся к возможности более или менее точного установления реальной семантики праязыковых слов. Нужно иметь в виду, что сами представления носителей древних языков о себе и об окружающем их мире не могут проецироваться в полной мере на наши представления, так как в течение многих тысячелетий они менялись, стирались, переплетались и т.д., скрывая тем самым от нас первоначальное их состояние. Так же, как и представления о мире, менялись и сами слова и их значения. На этот процесс всегда влияли внутренние и внешние факторы. Так, внутренние факторы проявлялись в том, что значение слова могло сдвинуться или измениться под воздействием каких-то новых ассоциаций (связей с другим предметом и значением), употребления его в метафорическом смысле, в расширении или сужении первоначального значения и т.п. Внешние факторы проявлялись в изменении окружающего мира и во влиянии окружающих языков.

Тем не менее у нас не остается никакого иного выхода, кроме как по доступным для нас данным пытаться восстановить древнюю картину мира. Опираясь на логику и историю хозяйственного развития древнего человека и древних обществ, исследователи полагают, что древнейшие пласты лексики связаны с собирательством, охотой, затем со скотоводством и земледелием. Разумеется, рано был обозначен в языке сам человек во всех его ипостасях – в возрасте, родстве, роде занятий и т.д., предметы быта и связанные с ним различные действия, окружающая природа и т.д.

В качестве примера возьмем реконструкцию праславянского **kPтъ* ‘кут (устар.), угол’. Это слово связано с огнем, очагом, что подсказывает такое сравнение: болг. диал. *кът* ‘место для сидения близ очага’ – в таком случае в производной форме болг. *къщца*

(ср. праславянское производное слово **kPlja*) нужно видеть значение ‘помещение с очагом’ (современное ‘кухня’). Это значение распространено в южнославянских языках, однако само слово и близкие значения сохранились и в восточнославянских языках, ср. в русских памятниках XV–XVII вв. *куть* – ‘угол (в каком-то помещении)’, рус. диал. *кутях* ‘часть избы перед русской печью’, укр. диал. *кухча* ‘узкое пространство под русской печью’, белорус. диал. *кухча* ‘место под печью’. Таким образом, у производящего слова **kPlъ* очерчиваются близкие оттенки значения: ‘место у очага’, ‘часть дома, где раскладывался очаг’, ‘задняя часть или угол в русской печи’. При этом **kPlъ* обозначало внутренний угол. На основании учета производного **kPlja* – ср. болг. *къщица* ‘дом’, серб.-хорв. *кућна* /*ku%óca* ‘дом’, словен. *kóča* ‘хижина’, вырисовывается примитивное жилище прямоугольной формы (ср. **kPlъ* ‘угол’) с очагом или печью в углу. Это есть реконструкция не только древнего лексического значения, но одновременно и фрагмента древней славянской культуры. Примечательно, что именно такое состояние вопроса подтверждается данными археологии: расположение очага (печи) в углу характерно для прямолинейных землянок и полужемлянок, которые являлись типичными жилищами для большей части древнего славянского мира.

В 1974 г. произошли два крупных события в мировой славистике: Институт русского языка АН СССР и Комитет языкознания Польской АН приступили к изданию многотомных этимологических словарей праславянского языка. Теоретиком, инициатором, одним из авторов и редактором «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» был О. Н. Трубачев (после его смерти издание продолжается под редакцией А. Ф. Журавлева), «Праславянский словарь» («*Słownik prasłowiański*») начал выходить под редакцией Ф. Славского. Словари эти еще не завершены. Особенностью словарей является то, что в них, помимо лексем общеславянского распространения, включены также слова, характерные для части славянской территории, т.е. лексические диалектизмы, которые проецированы в праславянское время. В московском словаре будет отражено более 20 тысяч слов, включая производные, а также локальные (диалектные). После завершения

издания обоих словарей можно будет успешнее реконструировать фрагменты древнего славянского миропонимания и мироощущения. В то же время это поможет также в определении степени близости славянских языков друг по отношению к другу.

Основную массу древнейших слов праславянского языка составляют исконно славянские по происхождению слова. Они выражают все стороны жизни древнего славянства. Покажем это на примере одного лексического микрополя – названия частей человеческого тела:

Таблица № 13

слово	значение	слово	значение
*tělo	‘тело’	*mozg	‘мозг’
*plъtь	‘плоть’	*oko	‘око, глаз’
*čelnъ и *udъ	‘член’, ‘часть тела’, ‘конечность’	*bry (pod. n. *brъve)	‘бровь’
*Ptroba	‘утроба’, ‘внутренности’, ‘живот’	*uxo	‘ухо’
*br’uxo	‘брюхо’	*usta	‘уста’
*červo	‘чрево’	*zPbъ	‘зуб’
*sъrdьce	‘сердце’	*rPka	‘рука’
*čerpъ	‘череп’	*noga	‘нога’
*golva	‘голова’	*rebro	‘ребро’
*stegno	‘часть ноги от таза до коленного сгиба’,	*kolěno	‘колено’
*gъrbъ	‘горб’	*stopa	‘стопа’
*bedro	‘бедро’	*(v)Pcъ ...	‘волос на лице (усы / борода)’
*ęzyk	‘язык’	*nosъ	‘нос’
*pъrsъ	‘грудь’	*tēmę	‘темя’
*golěнь	‘голень’	*žila	‘жила’
*lice	‘лицо’	*olkъtъ...	‘локоть’

Эти слова имеют не только единое происхождение (т.е. являются генетически родственными), но и в большинстве случаев получают общеславянское распространение. Что касается заимствований из других языков, то они отмечаются с глубокой древности (см. гл.

5 «Славяне в древности по данным письменных памятников, традиционной культуры и языка. 3. Давние этнокультурные и языковые контакты славян»).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что происхождение праславянского языка – весьма длительный, сложный и нередко противоречивый процесс. Наши представления о нем осложняются также трудностями реконструкции. Однако, несмотря на это, праславянскую грамматическую систему и праславянский словарь ученые восстановили хорошо, о чем свидетельствуют изданные праславянские грамматики и издающиеся праславянские словари.

Глава 9

Выделение славянских языков и их классификация

Литература

Джурович Д. П. Говоры общеславянского языка (с лингвистической картой). Варшава, 1913.

Леков И. Значението на граматическите, словообразователни и лексикални данни за класификацията на славянските езици от съвременна гледна точка. // Славянская филология. IV Международный съезд славистов. Сб. статей. II. М., 1958. С. 64–78.

Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 1 →. Белград и др., 1988 →; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965 → (издание продолжается).

Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980; Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982.

Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты). // Славянское языкознание. М., 1968. С. 366–378.

Czekanowski J. Różnicowanie się dialektów prastłowiańskich w świetle kryterium ilościowego. // Sborník prací slovanských filologů v Praze 1929. Sv. II. Přednášky. V Praze, 1932. S. 485–504 (с таблицами).

Lehr-Splawiński T. O dialektach prasłowiańskich. // Sborník prací slovanských filologů v Praze 1929. Sv. II. Přednášky. V Praze, 1932. S. 577–585; *ibid.* Problem ugrupowania języków słowiańskich. // Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego, Warszawa, 1955, t. XIV. S. 112–121.

Nalepa J. Słowiańszczyzna północnozachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Lund, 1967; переизд.: Poznań, 1968; *ibid.* Miejsce uformowania się Prasłowiańszczyzny. // Slavica Lundensia, Lund, 1973, t. 1. S. 55–114.

1. Причины и направления распада праславянского языка

В качестве причин распада называют некоторые внешние и внутренние факторы, в одних случаях делая акцент на внешних, в других – на внутренних. Так, в качестве внешних факторов выступает расселение славянства на обширных территориях, передвижения его отдельных частей по различным направлениям, утрата единства в политико-административном и культурном плане, влияние различных исторических событий и под. К внутренним причинам относят лингвистические факторы. Обычно это те или иные фонетические процессы, которые начал переживать праславянский язык в связи с потерей территориального, социального и проч. единства. Некоторые слависты настаивают на том, что внутренне распад был подготовлен разнонаправленным развитием системы гласных, действием закона открытого слова, вызвавшего, помимо прочего, монофтонгизацию дифтонгов, а также палатализацию согласных, в результате чего могли образовываться не только противопоставляющиеся пары по твердости и мягкости, но и появлялись новые согласные (шипящие, свистящие, некоторые аффрикаты). Так считал, например, польский славист Л. Мошинский (1965).

Относительно направления, по которому шел распад праславянского языка, высказаны различные точки зрения. В начале XIX в. словенец В./ Е. Копитар представил картину распада на две части – северо-западную (ныне западнославянская) и юго-восточную (ныне южно- и восточнославянская). Уже в XX в. польский славист А. Фурдаль (1961), напротив, учитывая судьбу палатальных согласных, отметил глубокие различия между северно-славянскими (западно- и восточнославянскими) и южнославянскими языками.

Постепенно оформляется представление о том, что первоначальное разделение праязыка проходило в направлении «запад – восток», в результате чего образовались два огромных диалектных массива – западный и восточный. Первый стал источником западнославянских языков, второй – восточно- и южнославянских. Эту гипотезу обосновывал А. А. Шахматов, видевший в западном массиве западнославянский праязык, а в восточном – восточно- и южнославянский праязыки. Ныне представления об этих двух «праязыках» значительно изменились, если не сказать, что далеко не все исследователи их признают. Сторонники такой точки зрения считают, что это было вызвано, с одной стороны, передвижением племен, с другой – появлением различий в языке, в частности, в разнонаправленности фонетического развития. Так,

1) праславянские сочетания согласных [gv], [kv] сохранились на западе; на востоке заднеязычные компоненты этих сочетаний перешли в свистящие – [zv], [cv]: словац. *kvet* – рус. *цвет(ок)*, серб.-хорв. *цвѣт*;

2) сочетания [dl], [tl] сохранились на западе, но потеряли на востоке взрывной компонент: польск. *mydło* – белорус. *мыла*, словен. *milo* ‘мыло’;

3) заднеязычный *x* перед гласными переднего ряда перешел на западе в шипящий [š] (по результатам I палатализации), а на востоке в свистящий [s'] (по II палатализации): чеш. *kožich* ‘кожух’, но И. п. мн. ч. *kožiši* – серб.-хорв. *кожух* ‘кожух’, И. п. мн. ч. *кожуси*; польск. *szary* ‘серый’ – рус. *серый* и под.;

4) после губных согласных [p], [b], [m], [v] мягкий эпентетический призвук [:] (*l'*) на востоке развился в полноценный [l], а на западе этого не произошло: словац. *zem* – укр. и рус. *земля*, серб.-хорв. *земља*;

5) переднеязычные [d], [t] перед [j] на западе переходили в свистящие [ʒ'/z], [c'], а на востоке – в шипящие: польск. *miedza*, чеш. *mez* ‘межа’ – рус. *межа* и др.

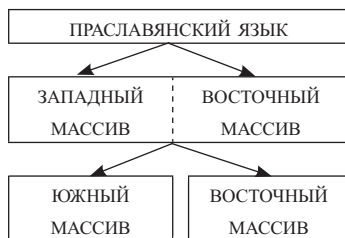
Но даже эти признаки различия между двумя частями распавшегося праславянского массива небыстречны в последовательности рефлексов. Так, эпентетический *l* не оформился до конца в языках будущих южных славян: его нет в болгарском и македонском. Там

же неодинаков результат перехода $[d]$, $[t]$ перед $[j]$, ср. болг. *межда*, серб.-хорв. *међа*, словен. *meja* ‘межа’, т.е. $[žd] - [h] ([dʲzʲ]) - [j]$.

На фонетические различия опираются также тогда, когда рассматривают внутреннее деление образовавшихся диалектных массивов. В соответствии с изложенной точкой зрения, которую можно считать традиционной, на западе консолидировавшийся было диалектный массив распадается в направлении «север – юг» – на базе северного поддиалекта формируется группа лехитских языков (польский, кашубский) с переходным серболужицким поясом, а из южного поддиалекта вычлениются словацкий и чешский языки. Что касается восточного массива, то, согласно этой точке зрения, он также делится на две части: восточную, давшую жизнь восточнославянским языкам, и южную, на основе которой образовались южнославянские языки. Внутри южного массива также произошло разделение в направлении «восток – запад»: на востоке формируется болгаро-македонский массив, а на западе – сербско-хорватско-словенский. Из аргументов такого деления укажем на приведенный выше пример с рефлексам $[d]$, $[t]$ перед $[j]$, а также на судьбу эпентетического $[l]$ после губных согласных. Итак, в соответствии с изложенной гипотезой распад праславянского языка схематически можно изобразить так:

2. Схемы распада праславянского языка в направлении «запад – восток → юг» и «восток – запад → юг»

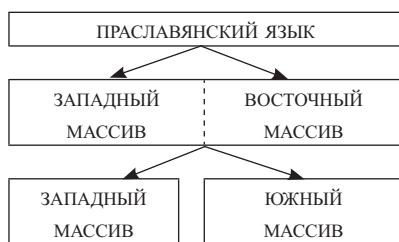
Схема № 1

Следовательно, с этой точки зрения наибольшую близость между собой обнаруживают языки восточных и южных славян.

Не заставила себя ждать гипотеза, согласно которой после распада праславянского языка в направлении «запад – восток» южнославянский диалектный массив вычленился не из восточного, но – из западного. С позиций этой гипотезы подчеркивается наибольшая близость между западными и южными языками славян. Схематически это выглядит следующим образом:

Схема № 2

Эту точку зрения суммировал и дополнил некоторыми новыми аргументами польский славист Е. Налепя в своих работах 60–70-х гг. XX в. В чем они заключаются? Этот исследователь указывает на наличие связующего этнонима *сербы*, бытующего среди западных (*сербы-лужичане, серболужичане*) и южных славян (*сербы* Сербии и др. регионов). Далее он ссылается на Константина Багрянородного (Порфиrogenета), который писал о прибытии на Балканы сербов из Полабья и из-под р. Вислы, т.е. с запада (точнее – с северо-запада). Затем рассматриваются лингвистические аргументы, среди которых приводится небольшой список западно- и южнославянских лексических соответствий, а также фонетический материал. Так, в названии числительного *семь* (праслав. **sedmь*) автор видит наличие *-d-* в западных и южных языках и его отсутствие в восточных:

Таблица № 1

зап.-славян. языки	числит. «семь»	вост.-славян. языки	числит. «семь»
польский	<i>sie-dem</i>	белорусский	<i>сем</i>
в.-лужицкий	<i>sy-d-om</i>	русский	<i>семь</i>

зап.-славян. языки	числит. «семь»	вост.-славян. языки	числит. «семь»
н.-лужицкий	<i>se-d-ym</i>	украинский	<i>сім</i>
чешский	<i>se-d-m</i>		
словацкий	<i>se-d-em</i>		
юж.-славян. языки			
словенский	<i>se-d-em</i>		
серб.-хорватский	<i>se-d-am</i>		
македонский	<i>се-д-ум</i>		
болгарский	<i>се-д-ем</i>		

Приводя этот аргумент, автор, однако, не заметил, что, например, в русском элемент [-d-] сохранился в форме порядкового числительного – *се-д'-мой* (орф. *седьмой*). Касается Е. Налепы и начального [je-] в словах типа западнославянского польск. *je-den* ‘один’, *je-leń* ‘олень’, *je-sień* ‘осень’, *je-zioro* ‘озеро’ и соответственно южнославянского с.-хорв. *je-dan*, *je-len*, *je-sen*, *je-zero* – при восточнославянском [o-], ср. рус. *о-дин*, *о-лень*, *о-сень*, *о-зеро*. Рассматриваются и некоторые другие признаки.

Из всего этого можно сделать вывод о том, что для аргументации исследователи подыскивают определенный набор таких признаков, которые не противоречили бы избранной гипотезе. Показательно, однако, что сторонники и той, и другой гипотезы о путях распада праславянского языка и образования славянских языков сходятся в одном: они признают трехкомпонентное деление славянской языковой территории.

3. Принципы классификации славянских языков

Первые печатные сведения о славянских языках обычно подавались списком, т.е. перечислением. Так поступил чех Я. Благовослав в своем грамматическом труде о чешском языке 1571 г. (опубликован только в 1857 г.), в котором он отмечает чешский, затем «словенский» (вероятно, словацкий), куда он относил также язык хорватов, далее следует польский язык; упоминает он и южный (возможно, церковнославянский), «мазовецкий» (в действительности польский диалект),

«московский» (т.е. русский). Ю. Крижанич, сравнивая в XVII в. некоторые славянские языки, говорил о близости некоторых из них друг по отношению к другу, однако классифицировать их не решился.

«Списочные классификации» славянских языков, т.е. попытка выделить их перечислением и тем самым отличить от других индоевропейских языков, характерны и для XVIII в., хотя изредка встречаются и в XIX в. Так, в 1787–1789 гг. по указу императрицы Екатерины в Санкт-Петербурге был издан двухтомник «Сравнительные словари всех языков и наречий» – попытка собрать сведения обо всех известных к тому времени языках мира и дать параллельно на них заданные списки слов. Для нас важно, что среди «всех языков и наречий» оказалось и 13 поданных здесь списком славянских языков («наречий»): слова там даны «1 – по Славянски, 2 – Славяно-Венгерски, 3 – Иллирийски, 4 – Богемски, 5 – Сербски, 6 – Вендски, 7 – Сорабски, 8 – Полабски, 9 – Кашубски, 10 – Польски, 11 – Малороссійски, 12 – Суздальски» + 13 «по русски»; «Славяно-Венгерски» – это словацкий, «Вендски» – один из серболужицких языков, «Суздальски» – социальный жаргон!

Ф. Миклошич в «Морфологии славянских языков» (1852) подает языки в таком порядке: а) старославянский, б) новословенский (словенский), в) болгарский, г) сербский (и хорватский), д) малорусский, или украинский (и белорусский), е) великорусский, ж) чешский (и словацкий), з) польский, и) верхнелужицкий, й) нижнелужицкий; но без полабского и кашубского.

4.1. Классификация Й. Добровского. Попытки классифицировать славянские языки на научной основе относятся к началу XIX в. и связаны с именем основоположника славянской филологии Й. Добровского. Впервые список славянских языков и наречий Добровский привел в 1791–1792 гг. в книге «История чешского языка и литературы», изданной на немецком языке. Здесь еще не было классификации. Он выделил «полный» славянский язык и перечислил его наречия, среди которых русский язык, «польский с силезским», «иллирский» язык с болгарским, «рацско-сербским», боснийским, «славонским» (говоры исторической области Славонии в Хорватии), «далматинским и дубровницким», хорватский с кайкавским, с «виндским» (словенским), «чешский с моравским, силезским и словацким», лужицкие. Во втором издании этой книги (1818) и особен-

но в своем главном труде о старославянском языке по его диалектам («Institutiones linguae slavicae dialecti veteris», 1822) Добровский впервые представляет научную классификацию славянских языков, разделяя их по двум группам (в каждой по 5 языков):

А (восточные): русский, церковнославянский (Slavica vetus), «иллирский», или сербский, хорватский, словенский, или «виндский» («в Крайне, Штирии и Каринтии»);

Б (западные): словацкий, чешский, «вендский верхних лужичан» (= верхнелужицкий) и «вендский нижних лужичан» (= нижнелужицкий), польский.

Й. Добровский опирался на 10 признаков фонетического, словообразовательного и лексического свойства, ср.:

Таблица № 2

<i>группа А</i>	<i>группа Б</i>
1. раф: раф^м	роф: роф^м
2. ιφ: ιφδατι	ψψ: ψψδατι
3. λ-эпентетикум: κοραβλ φεμλ© ποσταϖλεν	κοραβ φεμ© ποσταϖεν
4. σαλο, κριλο πραπιλο μολιτισ©	σαδλο, κριδλο πραπιδло μодλιτισε
5. पेθι, मोथि पेθ, मोथ (पेथि, मोथि)	पेचि, मोचि पेच, मोच
6. φω φδα, χω τ	γω φδα, κω τ
7. τ↓, (τοέ)	τεν
8. πεπελ	ποπελ
9. πιχα στ^δενεχ	πтак στ^δνιχα
10. δεσνιχα	πραπιχα

В дальнейшем признаки 3 (λ-эпентетикум), 4 (сочетания [dʎ], [tʎ]) и 6 (сочетания [gv], [kv]) будут регулярно, вплоть до наших дней, использоваться исследователями при сравнении трех под-

групп славянских языков. Иные признаки останутся не востребуемыми, например, префикс *роз-*, характерный также для восточнославянских языков, в частности, для украинского (*розум* ‘ум’). Кроме того, в классификации недостает нескольких языков – украинского, кашубского, болгарского.

4.2. Взгляды на классификацию после Й. Добровского. Вскоре после Добровского классификацией славянских языков занялся крупнейший славист XIX в. П. Й. Шафарик. В книге «История славянских языков и литератур» (1826) и особенно в знаменитых «Славянских древностях» (1837) и «Славянской этнографии» (1842) он, вслед за Добровским, представил двухкомпонентную классификацию «славянских наречий»:

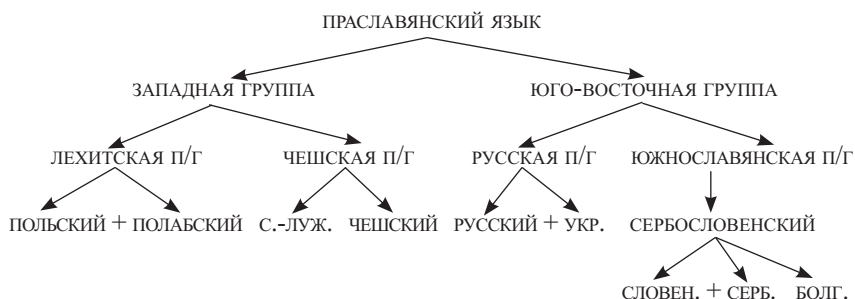
1) *юго-восточная группа*: русский, болгарский, «иллирский» (сербский, хорватский, словенский);

2) *северо-западная группа*: «лехитский» (польский, кашубский), чешский (чешский, моравский, словацкий), полабский (+ верхне- и нижнелужицкий).

Из 10 признаков Добровского Шафарик использовал только два фонетических – № 3 и № 4, остальные посчитал несущественными. Зато добавил такой признак: выпадение [d] и [t] перед [n] в юго-восточных и сохранение – в западных типа $\text{w} \odot \text{v} \text{J} \text{ti}$ – *vadnouti* ‘вянуть’.

Показательно, что создатель гипотезы «родословного древа» А. Шлейхер приложил ее и к славянским языкам. Так, излагая развитие северо-восточной ветви индоевропейских языков (1865), он предлагал следующую схему дифференциации славянских языков:

Схема № 3

Здесь западная группа противопоставлена объединенным южной и восточной. Отсутствуют словацкий, кашубский, белорусский языки, зато нашел отражение украинский наряду с великорусским.

Двухкомпонентные классификации страдали большими обобщениями, пропуском тех или иных языков и, кроме того, базировались на минимальном числе языковых отличительных признаков. Приведем сводную таблицу важнейших двухкомпонентных классификаций славянских языков XIX в., чтобы увидеть, как далеко ушла сменившая их трехкомпонентная классификация (см. ниже):

Таблица № 3

авторы	<i>Добровский</i> (1822)	<i>Шафарик</i> (1842)	<i>Копитар</i> (1836)	<i>Шлейхер</i> (1865)	<i>Даничич</i> (1867–74)	<i>Гебауер</i> (1869–82)
<i>группа I</i>	<i>А (вост.)</i>	<i>юго-вост.</i>	<i>«по сю сторону Дуная»</i>	<i>юго-вост.</i>	<i>I</i>	<i>юго-вост.</i>
рус.	+	+		+	+	рус. с в.-рус. нареч.
белорус.	–	ветвь рус. (белорусы)		–	–	рус. с белорус. нареч.
укр.	–	ветвь рус. (украинцы)		+	–	рус. с укр. нареч.
ст.-слав.	+	+	+		–	+
болг.	–	+	+	+	+	+
серб.-хорв.	иллир.	иллир.	иллир. (chorvato-serbica)	+	+	+
словен.	иллир.	иллир.	+	+	+	+
<i>группа II</i>	<i>Б (зап.)</i>	<i>зап.</i>	<i>по ту сторону Дуная</i>	<i>зап.</i>	<i>II</i>	<i>зап.</i>
словац.	+	+	+	–	–	чеш. с нареч. словац.
чеш.	+	+	+	+	+	+
польск.	+	+	+	+	+	+
в.-луж.	+	(+)	–	(+)	(+)	+
н.-луж.	+	(+)	–	(+)	(+)	+
кашуб.	–	(поморяне)	–	–	–	польск. с нареч. кашуб.
полаб.	–	+	–	+	+	полабо-балтск.

Примечания: 1) По Копитару, украинский (*lingua ruthenica*) и русский (*lingua russica*) относятся к группе II; 2) знак + заключается в круглые скобки, когда неясно, идет ли речь об обоих лужицких языках.

Читая приведенную таблицу по горизонтали и по вертикали, нетрудно установить, какие языки и как отражены в той или иной классификации; прочерк (знак —) может сигнализировать о том, что автор не знал о существовании того или иного языка либо считал его наречием (диалектом) более крупного языка и под.

4.3. Трехкомпонентная модель классификации и ее недостатки. На смену двухкомпонентной классификации приходит трехкомпонентная. Сомнения в предложенной Й. Добровским двухкомпонентной классификации высказал А. Х. Востоков, указав, что русский язык по ряду своих признаков занимает самостоятельное положение между южными и западными языками. Можно говорить, что именно к Востокову и восходит идея трехкомпонентного деления славянских языков, поддержанная позднее М. А. Максимовичем (работы 1836, 1838, 1845 гг.), Н. Надеждиным (1836), чехом Ф. Палацким (1836) и др. Максимович развил мысль Востокова, выделив западную, южную (или задунайскую) и восточную ветви. Палацкий, сделав акцент на географическом принципе, разделил славянские языки на юго-западные (= южнославянские), северо-западные (= западнославянские) и восточнославянские.

Эта классификационная модель укреплялась на протяжении большей части XIX в. В ее утверждении особую роль сыграл И. И. Срезневский (1843). Основываясь на историко-этнографическом (общность исторических судеб отдельных групп славянских народов, общность материальной и духовной культуры и проч.) и лингвистическом критериях, он предложил распределить славянские «наречия» следующим образом:

- 1) восточные наречия: великорусский, украинский;
- 2) юго-западные наречия (= южнославянские): старославянский, болгарский, сербский и хорватский, «хорутанский» (= словенский);
- 3) северо-западные наречия (= западнославянские): польский, полабский, лужицкие, чешский и словацкий.

Классификация И. И. Срезневского используется до настоящего времени. В нее, правда, внесены некоторые изменения, например, в терминах: вместо «наречий» – языки; в наименованиях подгрупп – соответственно восточнославянская, южнославянская и западнославянская; в восточнославянскую включен белорусский язык, а в западнославянскую – кашубский.

Однако и эта классификация подвергается критике. Дело в том, что материал каждого славянского языка или диалекта достаточно разнообразен и далеко не всегда вмещается в рамки классификаций, которые, как правило, основываются на учете лишь нескольких – обычно фонетических – признаков, по которым и включаются языки в ту или иную подгруппу. За бортом классификационных принципов остаются многочисленные языковые признаки, которые сближают языки, традиционно относимые к разным подгруппам. Такие признаки нередко просто не принимаются во внимание.

Если языковая гипотеза делала акцент на общности того или иного языкового массива (разумеется, подчеркивая не абсолютность общих признаков, а их относительность и даже некоторую противоречивость), то противники ее стали на первый план выдвигать различия языковых признаков, что в конечном счете прокладывало дорогу к тому, чтобы родной язык объявить прямым потомком праславянского и, таким образом, углубить и продлить его историю – это с одной стороны, а с другой – оторвать от языка исторических соседей.

Разумеется, не могло считаться научно обоснованным мнение о четкости границ между славянскими группами – напротив, уже к концу XIX – началу XX вв. славистика утвердилась во взгляде на нечеткость таких границ, на переплетение, параллелизм и под. черт разных языковых уровней, пронизывающих славянские языки, которые попадают в классификациях в разные подгруппы. Кроме того, не всегда соблюдалась последовательность и полнота состава славянских языков. Наиболее «спорными» оказывались белорусский, украинский, словацкий, кашубский языки, которые то представлялись как равноправные другим славянским языкам, то квалифицировались как диалекты (наречия) более крупных соседних языков, то вообще не упоминались ни в каком статусе.

5.1. Метод изоглосс и его роль в классификации диалектов и языков. Только в XX в. стала оформляться процедура выявления языковых параллелей с помощью *метода изоглосс*. Этот метод формулируется как установление на лингвистической (диалектологической) карте линий распространения того или иного языкового явления с целью определения степени близости между диалектами и говорами внутри отдельных языков и между языками – внутри отдельных языковых подгрупп или групп. Метод изоглосс, применяемый к языковому материалу всех уровней (т.е. к фонетическому, грамматическому, лексическому), позволяет четче определить место и отношение друг к другу родственных языков, что может привести к пересмотру некоторых положений традиционной классификации. Об этом в свое время справедливо писал О. Н. Трубачев (1974), указывая на недостаточность трехкомпонентной классификации, которая слабо учитывает изначальную диалектную дробность праславянского языка:

«1) Западнославянская, восточнославянская и южнославянская языковые группы вторично консолидировались из компонентов самого разного языкового происхождения,

2) первоначальная Славия была не языковым монолитом, а его противоположностью, т.е. <...> сложной совокупностью изоглосс».

Обратимся теперь к материалу. Так, еще в начале XX в. словацкий диалектолог С. Цамбель выдвинул гипотезу о южнославянском происхождении словацкого языка. При этом он опирался на некоторые общие признаки, в том числе указывал на единую флексию *-m* для 1 л. ед. ч. глаголов настоящего времени и др. К этой идее присоединился позднее и русский славист Н. Н. Дурново, который к тому же предлагал отнести к южнославянским языкам и чешский.

По мнению некоторых специалистов, внутри восточнославянской подгруппы более далеки друг от друга русский и украинский, в то время как белорусский занимает как бы промежуточное положение между ними (есть также, правда, мнение о большой близости белорусского и русского языков). Как бы то ни было, но одни черты сближают белорусский с русским языком (например, аканье), другие – с украинским (например, наличие в обоих языках давно-прошедшего времени). Давно замечено, что в украинском языке имеется ряд черт, объединяющих его с южнославянскими языками (особенно с их западной частью), например, флексия глаголов

1 л. мн. ч. настоящего времени -мо: *пише-мо* ‘мы пишем’, *працює-мо* ‘мы работаем’ и т.д. – ср. южнославянские серб.-хорв. *пише-мо*, *ради-мо*, словен. *piše-mo*, *dela-mo* и др.

Обратим также еще раз внимание на черту, объединяющую южнославянские болгарский и македонский языки с западнославянскими: в этих языках отсутствует эпентетический [л] после губных согласных, ср. польск. *ziemia*, болг. *земя*, макед. *земја* (но *земен* ‘земляной’) – при белорус. *зямя*, укр. и рус. *земля*, словен. *zemlja* и др.

5.2. Методы, основанные на фонетическом и словообразовательном материале.

Попытки на основе некоторых признаков установить, в каком направлении проходило развитие речевого массива после распада праславянского языка, не прекращаются до настоящего времени. Новейшая гипотеза по этому вопросу принадлежит белорусскому слависту Ф. Д. Климчуку (2007). Им анализируется фонетическое развитие в современных славянских языках и диалектах ряда элементов в выделенных специально для этих целей древних словах – *десять*, *тетерев*, *дикий*, *тихий* и *дым*. Вот как эти слова выглядят в фонетической передаче:

Таблица № 4

языки	‘десять’	‘тетерев’	‘дикий’	‘тихий’	‘дым’
вост.-слав.					
белорусский	<i>dz'es'ac'</i>	<i>c'ec'aruk</i>	<i>dz'ik'i</i>	<i>c'ix'i</i>	<i>dym</i>
русский	<i>d'es'at'</i>	<i>t'et'er'ev</i>	<i>d'ik'ij</i>	<i>t'ix'ij</i>	<i>dym</i>
украинский	<i>des'at'</i>	<i>teterev, teteruk</i>	<i>dykyj</i>	<i>tyxyj</i>	<i>dym</i>
зап.-слав.					
польский	<i>dz'es'ęc'</i>	<i>c'etšev</i>	<i>dz'ik'i</i>	<i>c'ixy</i>	<i>dym</i>
в.-лужицкий	<i>dz'esac'</i>	<i>c'ec'or</i>	<i>dz'üy</i>	<i>c'ixy</i>	<i>dym</i>
н.-лужицкий	<i>z'ases'</i>	<i>z'eüs'</i>	<i>z'üy</i>	<i>s'ixy</i>	<i>dym</i>
словацкий	<i>d'esat'</i>	<i>t'etrov</i>	<i>d'ivi</i>	<i>t'ixi</i>	<i>dim</i>
чешский	<i>deset</i>	<i>tetřev</i>	<i>d'ivoki</i>	<i>t'ixi</i>	<i>dim</i>
юж.-слав.					
болгарский	<i>deset</i>	<i>tetrev</i>	<i>div</i>	<i>tix</i>	<i>dim</i>
македонский	<i>deset</i>	<i>tetrev</i>	<i>div</i>	<i>tix</i>	<i>dim</i>
серб.-хорв. (диал.)	<i>deset</i>	<i>tetreb</i>	<i>divl'i</i>	<i>tix</i>	<i>dim</i>
словенский	<i>deset</i>	<i>tepsti</i>	<i>diuji</i>	<i>tih</i>	<i>dim</i>

В соответствии с этим славянский диалектный континуум распадается на две зоны – северную и южную. Для доказательства этого следует сформулировать условия и проследить, в каком виде реализовались в конкретных славянских языках и диалектах выделенные фонетические элементы. Речь идет о

а) реализации согласных $[d]$, $[t]$, $[z]$, $[s]$, $[n]$ перед этимологическими $[e]$, $[i]$;

б) о различении гласных $[i]$ и у $[y]$ или их слиянии в одном звуке.

В северной зоне согласные $[d]$, $[t]$, $[z]$, $[s]$, $[n]$ в указанной позиции мягкие, в южной зоне – твердые (т.е. веляризованные или невелиаризованные, нередко называемые полумягкими). Гласные $[i]$ и у $[y]$ в северной зоне сохранили свое качество, в южной зоне они слились в одном звуке.

В языках праславянском, старославянском и книжном древнерусском раннего периода гласные $[i]$ и у $[y]$ отличались между собой, представляя два самостоятельных звука. Согласные $[d]$, $[t]$, $[z]$, $[s]$, $[n]$ перед этимологическими $[e]$, $[i]$ в указанных языках произносились «полумягко». Иначе говоря, они были твердыми, но невелиаризованными.

Праславянская модель реализации согласных $[d]$, $[t]$, $[z]$, $[s]$, $[n]$ перед $[e]$, $[i]$ сохранилась только в некоторых регионах и микрорегионах Славии – во многих говорах Карпат и верховьев р. Сан, иногда в Полесье, а также в северной и южной частях России. В значительной части говоров славянских языков северной зоны мягкие согласные $[d]$, $[t]$ перешли соответственно в $[dz']$, $[c']$. Это явление получило наименование *цеканья-дзеканья*.

К типичным говорам южной зоны относится большинство говоров украинских и южнославянских. В говорах южной зоны согласные $[d]$, $[t]$ произносятся твердо как перед $[e]$, так и перед $[i]$.

К типичным говорам северной зоны относится большинство говоров белорусских, польских, лужицких. В них $[d]$, $[t]$ в рассматриваемой позиции перешли в мягкие $[dz']$, $[c']$. Большинство говоров русского и словацкого языков и некоторые говоры Полесья (бережновский тип) относятся к северной зоне, но имеют уже признаки переходности к зоне южной: $[d]$, $[t]$ произносятся перед $[e]$, $[i]$ мягко, но они не перешли в $[dz']$, $[c']$.

В большинстве чешских говоров и в некоторых говорах Полесья (стригинский тип) перед [e] согласные [d], [t] твердые, перед [i] – мягкие, перехода их в [dz'], [c'] не произошло. Среди диалектно-языковых единиц, которым характерна большая или меньшая степень переходности между говорами северной и южной диалектных зон, чешские и полесские говоры стригинского типа стоят ближе к говорам южной зоны, нежели другие диалектно-языковые типы этой серии: в них соединились южная и северная тенденции развития [d], [t], [z], [s], [n], а также [i] и у [ы]. Очевидно, у «предков» этих говоров долго сохранялась старая праславянская модель «полумягких» [d], [t], [z], [s], [n] перед [e], [i] и различение гласных [i] и у [ы].

В ареале русского языка сохранились или до недавнего времени сохранялись острова и массивы говоров, в которых согласные [d], [t], [z], [s], [n] перед [e], [i] твердые или «полумягкие», в некоторых из них гласные [i] и у [ы] слились в одном звуке.

Более сложная ситуация наблюдается во многих говорах Полесья, северо-восточной Польши (кашубско-мазовецкий подтип), в ляхских (Чехия), западно- и восточнословацких говорах.

Значительной спецификой характеризуется полабский язык. В нем гласные [i] и у [ы] не слились в один звук. Согласные [d], [t], [z], [s], [n] перед рефlekсами [e], [i] твердые. Таким образом, по рассматриваемым особенностям полабский язык сохранил праславянскую основу, древнее праславянское состояние, не пошел ни по северному, ни по южному пути развития рассматриваемых согласных и гласных звуков.

Возникновение выявленных диалектных зон Славии – северной и южной – скорее всего явление древнее, праславянское, поскольку граница между ними пересекает ареалы славянских языковых групп и отдельных языков. Есть основания полагать, что оно отражает какое-то деление праславян в прошлом на северную и южную группы. Возможно, выделение южной зоны в какой-то степени связано с контактами праславян с потомками тех индоевропейских народов Южной и Центральной Европы, в языках которых отсутствовал звук у [ы]. Как известно, этого звука не существовало в индоевропейском языке, он является праславянской инновацией. Полу-

чается, что в говорах южной славянской зоны частично восстановилась старая праиндоевропейская модель, поскольку в них исчез звук у [ʏ], который слился со звуком [i]

Для говоров северной зоны, как и для наиболее архаического балтского языка – литовского, характерна широкая дистрибуция мягких согласных. Напрашивается вывод о том, что в формировании северной славянской диалектной зоны сыграли роль контакты праславян с балтами.

Фонетические изоглоссы, разделяющие славянский речевой массив по выделенным признакам, хорошо видны на нижеследующей карте:

Карта № 1

Две славянские зоны — северная и южная

Изучая распределение по славянской территории более 70 суффиксов имен существительных, а также проведя групповой анализ географической и ихтиологической (название рыб и всего, что с ними связано) лексики, А. С. Герд и В. М. Мокиенко (1974) выделили на этой основе четыре славянских ареала, противопоставляющихся друг другу:

- 1) западно-восточнославянский — южнославянский;

2) западно-восточнославянский + словенский – южнославянский (кроме словенского);

3) восточнославянский – западно-южнославянский;

4) северно-славянский и западно-южнославянский – восточно-южнославянский (болгарский и македонский).

5.3. Количественный метод на основе фонетико-морфологических признаков. В XX в. оформляется еще один подход к изучению путей распада праславянского языка и установления степени близости славянских языков друг по отношению к другу. Этот подход называется количественным, или статистическим. Первым по отношению к славянскому материалу его применил поляк Я. Чекановский в 1929 г. На основе предоставленного ему Т. Лер-Сплавинским списка в несколько десятков фонетических и морфологических признаков, характерных для различных регионов Славии, Чекановский составляет специальную таблицу с указанием наличия ~ отсутствия таких признаков в том или ином языке, после чего специальными статистическими приемами устанавливает индекс близости между языками.

Серболужицкие языки занимают центральное место в ареале западнославянских языков. Полабский язык стоит ближе к чешскому и словацкому, нежели к польскому. Чекановский приходит также к выводу о том, что существовали глубокие связи между лехитскими языками и северновеликорусскими говорами. Более того, автор полагает, что будущий восточнославянский массив под воздействием аварских набегов оторвался от северного, который объединял и западных, и восточных славян.

До прихода венгров в Паннонскую низменность (конец IX в.) западные и южные славяне составляли широкий пояс, тянувшийся с севера на юг (до Балкан). Экспансия венгров разъединила западных и южных славян. Следы былых связей в виде общих черт отмечаются в языке чехов и словаков, с одной стороны, и в словенских говорах – с другой. И в самом южнославянском массиве произошло разделение на ветвь западную (словенский, сербско-хорватский) и на ветвь восточную (старославянский, болгарский, а позднее и македонский). Чекановский считал, что его выводы должны пошатнуть существовавшее мнение о прямолинейности деления праславянского на три массива.

Во второй половине XX в. количественный подход вновь начинает привлекать внимание ученых. Были предложены две «фоно-статистические» модели изучения родства славянских языков – В. Н. Чекмана – О. С. Широкова (1962) и В. И. Перебейнос (1967). Основу этих моделей составляли соответственно 38 признаков, перечисляемых хронологически с I по XIV вв., и 180. В соответствии с моделью 1962 г., опирающуюся на факты исторической фонетики, самая тесная связь характеризует диалекты словенского языка, далее следуют северное и южное наречия русского языка, затем хорватские кайкавский и чакавский диалекты, чешский и словацкий и т.д. Самые слабые связи обнаруживаются между сербско-хорватскими штокавским и чакавским диалектами и севернопольскими и поморскими (кашубскими) говорами. По данным Перебейнос, славянский ареал делился на два больших массива: на основе одного из них сформировались восточнославянские языки, а на основе другого – западно- и южнославянские языки.

5.4. Метод лексико-статистического моделирования. Качественно новый поворот знаменует собою появление в 1994 г. монографии А. Ф. Журавлева «Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства» (на основе докторской диссертации, защищенной в 1992 г.). Автор впервые обращается к праславянскому лексическому материалу, который по количеству в сотни раз превосходит традиционно используемые для определения языкового родства фонетико-морфологические признаки. Между этими двумя категориями признаков есть существенная разница: если фонетико-морфологические признаки эволюционируют преимущественно путем вытеснения одних элементов другими, то развитие словаря идет главным образом путем накопления (кумуляции) все новых и новых слов. Кроме того, автор справедливо считает лексику более устойчивой во времени, нежели фонетика и морфология, причем имеется в виду лексика древнейшего ее слоя. Журавлев делает сплошную выборку из первых 15 выпусков «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева (до слова **lokašь* ‘лужа, выбоина на дороге’) – всего 7557 позиций (заглавных слов), при этом он избегает послепраславянских, книжных и некоторых других категорий слов, отсутствовавших в прас-

лавянское время. Выяснилась интересная статистика праславянских лексики, сохранившейся в анализируемых славянских языках и диалектах:

Таблица № 5

<i>группы и языки</i>	<i>число праслав. слов</i>
<i>южнославянская группа</i>	
старославянский	1 124
болгарский	3 262
македонский	2 035
сербско-хорватский	4 568
словенский	3 519
<i>западнославянская группа</i>	
чешский	4 264
словацкий	2 933
верхнелужицкий	1 895
нижнелужицкий	1 574
полабский	452
польский	3 350
кашубско-словинский	1 683
<i>восточнославянская группа</i>	
древнерусский	2 681
великорусский	4 956
северновеликорус. наречие	4 168
среднерусские говоры	3 834
южновеликорус. наречие	3 833
украинский	3 905
белорусский	3 288

Следует заметить, что на представленные данные в известной степени влиял такой фактор, как полнота или неполнота собранной лексики по тому или иному языку (как, например, для полабского – исчезнувшего языка и известного только по записям и письменным памятникам).

Исключительно в южнославянских языках отмечено 475 слова (или 6 ,3%), исключительно в западнославянских – 483 слова

(6,4%), исключительно в восточнославянских – 654 слова (8,7%). В целом картина сопоставимая, хотя и с некоторым преобладанием восточнославянского. Статистическая обработка материала позволила заключить: наибольшей теснотой генетических связей отличаются верхне- и нижнелужицкие, наименьшей – полабский по отношению к русскому и особенно к его северовеликорусскому наречию. Также высоким индексом генетической близости обладают: болгарский и македонский, далее идут: среднерусские говоры и южновеликорусское наречие, северновеликорусское наречие и среднерусские говоры, старославянский и древнерусский.

После этого следуют: северно- и южновеликорусские наречия, украинский и белорусский, южновеликорусское наречие и белорусский, польский и кашубско-словинский, нижнелужицкий и кашубско-словинский, чешский и словацкий, нижнелужицкий и полабский, полабский и кашубско-словинский, сербско-хорватский и словенский и т.д.

С учетом выведенных индексов генетической близости русский язык, например, характеризуется следующими связями:

а) внутри восточнославянской подгруппы: северно- и южновеликорусские наречия лексически ближе к белорусскому, чем к украинскому;

б) вне восточнославянской подгруппы статистическое сходство праславянского лексического наследия северновеликорусского наречия ближе к сербско-хорватскому языку,

в) в то время как южновеликорусское наречие обращено к польскому,

г) русский язык как целое на уровне праславянской лексики ближе к польскому

д) и к сербско-хорватскому.

Интерес представляют так наз. эксклюзивные связи (т.е. характерные только для анализируемых объектов). Так, в русском языке таких слов всего 375, из них 74 наличествует в сербско-хорватском, 61 – в белорусском, 54 – в украинском, 32 – в словенском, 30 – в чешском, 17 – в болгарском, 12 – в словацком, 11 – в польском, 9 – в кашубско-словинском, 7 – в верхнелужицком, 5 – в нижнелужицком, 1 – в македонском и полабском, 0 – в старославянском.

Между южно- и западнославянскими отмечено 632 лексические связи (или 8,4% всего анализируемого праславянского словаря), между южно- и восточнославянскими – 816 (10,8%), между западно- и восточнославянскими – 809 (10,7%). Статистические выкладки позволяют увидеть перевес восточнославянской «лексической ориентации» во внешних связях сербско-хорватского языка, южнославянской «лексической ориентации» у чешского и верхнелужицкого языков, в то время как польский и нижнелужицкий отдают «предпочтение» связям с восточнославянскими языками и т.д. Полученные Журавлевым индексы генетической близости на основе общности праславянского словаря позволили ему высказать сомнения в наличии некогда единого «прасерболужицкого» (для верхнелужицкого и нижнелужицкого) и «пралехитского» (для польского и кашубско-словинского).

Различие между результатами, полученными фоностатистическим и лексико-статистическим методами, обнаруживаются, например, в квалификации языков с наивысшей степенью близости: в первом случае на уровне языков это чешский и словацкий, а во втором – серболужицкие. Журавлев склонен считать, что такое расхождение вызвано прежде всего в различии опорного материала – фонетики и лексики и в несогласованности и в неодинаковом темпе их исторического развития. В то же время оба подхода позволяют сделать вывод о том, что западнославянская группа в целом демонстрирует свой негомогенный, т.е. неоднородный, характер. В этой связи высказывается мысль о том, что практика первоначального деления праславянского на западный и восточный массивы и далее на восточный и южный или на западный и южный должна уступить место другим, более сложным и многомерным отношениям.

6. Традиционная классификация с учетом некоторых новейших данных

Как видим, совокупность одних признаков расчленяет славянский языковой массив в одном направлении, совокупность других – в ином. Более того, и внутри самих намечаемых зон языковые и диалектные изоглоссы могут распределяться в разном направле-

нии, лишая подгруппы (западную, южную и восточную) известной генетической классификации более или менее четких границ, – напротив, очерчивая их то как пересекающиеся друг с другом, то как входящие друг в друга, то в виде изолированных ситуаций, оказавшихся оторванными от основного массива, и т.п. Все это говорит о том, что как праславянский речевой массив, так и массивы, образовавшиеся после его распада, характеризовались постоянным качеством – изначальной диалектной дробностью, отсутствием четких границ между локальными речевыми массивами, их подвижностью и т.д.

Учитывая достижения метода изоглосс, количественного анализа близости языков и диалектов, а также принимая во внимание ситуации лингвистической непрерывности и проч., традиционную трехкомпонентную классификацию славянских языков в настоящее время можно схематически представить таким образом:

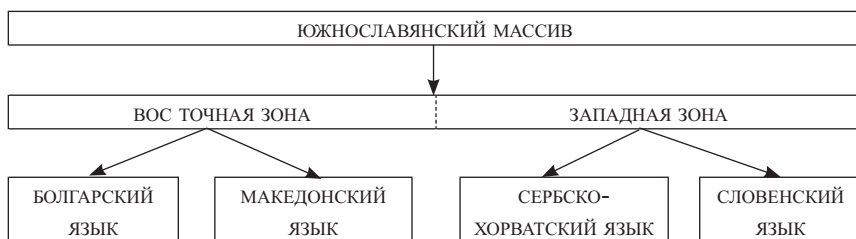
1) восточнославянские языки:

Схема № 4

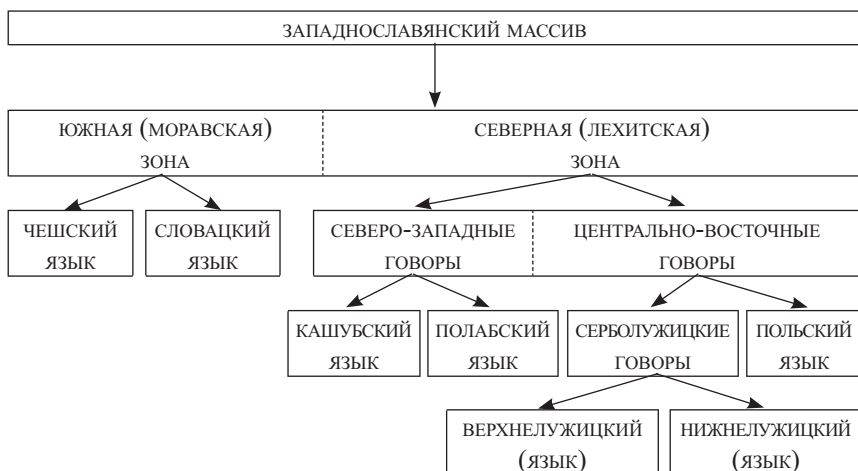
2) южнославянские языки:

Схема № 5

3) западнославянские языки:

Схема № 6

7. Роль Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) в решении проблемы классификации славянских диалектов и языков

Таким образом, проблема классификации славянских языков окончательно так и не решена. Полагают, что ее решение будет зависеть от составления Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), вопрос о котором был поставлен еще на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 г. С 1961 г. при Международном Комитете славистов работает Комиссия по ОЛА, в которую входят специалисты по лингвистической географии и диалектологии всех славянских и ряда неславянских стран. Материал собирается в 850 славянских (обычно сельских) пунктах, в том числе и на некоторых переселенческих территориях. Для этой цели составлен вопросник, включающий 3 454 вопроса, – по фонетике, грамматике, лексике и словообразованию. Изучается распространение признаков и делается нанесение их на карту (действует принцип: один признак – одна карта), при этом обращают внимание на изоглоссы и их пучки, т.е. скопления.

С 1965 г. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН в Москве регулярно издает сборники исследований и материалов под общим названием «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования», а в 1988 г. появился и первый выпуск атласа, посвященный рефлексам ятя (*ě) на современной славянской территории. Слова с рефлексами указанного гласного подаются в транскрипции. Впервые представляется возможность увидеть, например, слово и его передачу в транскрипции во всех его фонетических тонкостях на огромной территории проживания современного славянства. В качестве примера приведем праславянское слово **čelověkъ* ‘человек’ и посмотрим, в каких произносительных формах оно реально выступает в разных славянских ареалах (штрих ' обозначает, что следующий за ним слог – ударный): *človjek – člouk – člajk – č'lo'vek – č'lo'vik – šlo'vik – čo'vek – č'ojek – čojak – čvek – čoek – člov'ek – čala'v'ek – čolo'v'ik – č'ila'v'ek – čuek – c'elo'v'ek – c'olo'v'ek – š'ila'v'ek – cu—ov'ek* и т.д. и т.п.

Что же показывает подобное лингвогеографическое распространение данного слова? А то, что в реальности слово в процессе исторического развития подвергается серьезным фонетическим изменениям. Что осталось от фонетических элементов, составлявших праславянское слово **čelověkъ*? Устойчивым оказался лишь один элемент – конечный *-k*, в то время как первый элемент выступает то в твердом, то в мягком виде, то вообще переходит в свистящий ([c], [c']) или в шипящий ([š], [š']); [e] где-то сохраняется, а где-то переходит в [i], [o], [a] либо вовсе исчезает. Извилиста и судьба последующих гласных и согласного.

Это метод показывает нам, как реально живет одно и то же слово в разных славянских ареалах. Из этого можно сделать вывод о том, как сложно протекают фонетические и прочие процессы и как непросто ученым проследить за ними и расклассифицировать с определенными целями их результаты. Тем не менее ставшая уже классической трехчленная генетическая классификация славянских языков до настоящего времени активно используется исследователями.

Глава 10

Славянские языки и славянская лингвонимика

Литература

Дуличенко А. Д. Очерки по общей и русской лингвонимике. 1. К метаязыку лингвистики: лингвонимы как особый класс терминов. // Семантика номинации и семиотика устной речи (УЗ Тартуского ун-та. Вып. 442). Тарту, 1978. С. 23–52; *его же*. ... А также язык, распространенный в верховьях Меконга. // Грани слова. Сборник статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 448–451 (теоретические аспекты лингвонимики).

Копыленко М. М. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? // Советское славяноведение, М., 1966. № 1. С. 36–41.

Крстић В. О називу језика у прошлости Хрватске. // Зборник о Србима у Хрватској. 2. Београд, 1991. С. 225–258.

Младеновић А. Назив *српски језик* – најстарија потврда из XIV века? // Philologia slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993. С. 340–345.

Нерознак В. П. Этнонимика. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 598–599.

Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. // Вопросы языкознания, М., 1961. № 1. С. 52–66; *его же*. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.). // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. М., 1976. С. 177–204.

Back O. Glottonyme und Ethnonyme. // Die slawische Sprachen, Salzburg, 1988. Bd. 14. S. 5–9.

Duličenko A. D. La lingvonimiko. (Ĝiaj esenco kaj problemoj). // Scienca Revuo, vol. 24, Beograd, 1973. N 2/3. P. 83–90.

Goebel H. Glottonymie, Glottotomie und Schizoglossie. // Ladinia, 1979. N 3. S. 7–38; то же в изд.: Die slawische Sprachen, Salzburg, 1988. Bd. 14. S. 23–66.

Keipert H. Церковнославянский in verordnetem Vergessen. // Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici. Maribor, 2006. S. 129–144.

Lencek R. L. For the History of the Term «Serbo-croatian» Language. // Зборник за филологију и лингвистику, Нови Сад, 1976, св. XIX, № 1. С. 45–53.

Panzer B. Slawische Alt- und Neusprachen. Kontinuität, Entwicklung, Neubeginn. // Die slawische Sprachen. Salzburg, 1988, Bd. 14. S. 99–120.

Vascenco V. Din istoria metalimbii slavisticii românești. II. Termini pentru paleoslava. // Romanoslavica, București, 1972, t. 18. P. 93–107.

1. Общая и славянская лингвонимика: теоретические аспекты

Если принять во внимание установившееся деление языкознания на общее и частное, то окажется, что, например, частная лингвистика – самый обширный раздел, обращенный к анализу нескольких тысяч языков и диалектов мира и дающий материал для общетеоретического языкознания, – не имеет строгого обозначения объекта своего исследования – языков и их подразделений (диалектов, говоров и т.д.). Положение, когда для называния понятых и осознаваемых различий (в том числе и основного объекта) либо нет подходящих знаковых средств (слов, терминов), либо таких средств слишком много (и, следовательно, они лишь приближенно отражают объект исследования и используются при этом синонимически), характерно не только для частного языкознания – поиски основного термина ведутся долго велись, например, в географии, где вместо традиционно использующихся «географическая оболочка», «биогеоносфера», «антропогеносфера», «ландшафтная сфера», «геосфера», «окружающая сфера», «биосфера» в 60–80-е гг. XX в. предлагался термин «эпигеосфера».

Основа любого лингвистического исследования – конкретные языки и их подразделения – оказывается лишенной строгого и точного обозначения. Так, по отношению к такому объекту, как «русский язык», могут употребляться следующие препозиционные лексемы: *название, наименование, термин, понятие, обозначение, выражение, словосочетание, определение, имя*, т.е. *название* «русский язык», *термин* «русский язык» и под., а если нет компонента *язык*, как, например, в случае с санскритом или латынью, то – просто *слово, термин* и др., т.е. *слово* «санскрит» и под. Расплывчатость и обобщенный семантический характер указанных выше определительных лексем не вызывает сомнения. Используясь синонимически, они не несут, следовательно, полной терминологической нагрузки (в идеале термин должен быть однозначен, невариативен). Это требует

постановки вопроса о создании непротиворечивого термина (а также производных от него и сопутствующих) как основного в пределах частного языкознания – давно и успешно аналогичный вопрос решен в этнографии (или этнологии), где по отношению к лексическим знакам, выражающим понятия «народ», «национальность», «народность», «племя» и т.д., употребляется термин *этноним*, например, *этноним* «русские», *этноним* «словаки» и под.

Мысль о выделении в лингвистике особого лексико-терминологического пласта названий языков и связанных с ними лексических единиц возникла в 60-е гг. XX в. по аналогии с лексической (ономастической) серией этнонимов, использующихся в этнографии. Тогда этот вопрос обсуждался автором настоящей книги в беседах со специалистом по ономастике В. А. Никоновым, со славистами Н. И. Толстым и А. Е. Супруном, которые весьма благосклонно отнеслись к предложенному термину *лингвонимы*, гибриднему по образованию, – от лат. *lingu(a)* ‘язык’ и греч. *ἔνωμα / ὀνόμα(α)* в форме *оним(α)* ‘имя, название’, ср. аналогичные генетически разнородные сложные образования типа *патронимия*, *лингвосемиотика*, *лингвофилософия*, *лингвогеография* и под. (первые компоненты латинского, вторые – греческого происхождения). От чисто греческой искусственной композиты типа *глоттонимы* или *глоссонимы* (от *glâtta / glotta – glossa / glossa* ‘язык’) пришлось отказаться, чтобы соблюсти симметрию в обозначении двух связанных друг с другом наук и двух основных объектов, стоящих за их терминологическими, ср.:

а) *этнография / этнология – этнонимы* (наложение конечного *-о* в *этно-* на начальное *о-* в элементе *оним*);

б) *лингвистика – лингвонимы*.

Первая публикация об этом появилась в 1973 г. (см. «Литературу»), а в 1978 г. вышла первая часть теоретической серии «Очерков по общей и русской лингвонимике», в которой на широком материале многочисленных языков мира обосновывается необходимость выделения данного лексического пласта, исследуется структура лингвонимов, их состав, вариантность, источники формирования, соотношение лингвонимов и этнонимов и т.д. (Дуличенко 1978). После этого стали появляться статьи и в некоторых англо- и немец-

коязычных изданиях конца 70-х – 80-х гг. XX в., в которых, правда, предпочли термин *glottonym* – англ. *glottonym* у Д. Л. Голда (колебался между терминами *linguonym* и *glottonym*), нем. *Glottonym* – у Х. Гёбла, О. Бака и др. (см. «Литературу»). Все эти работы посвящены интерпретации конкретных лингвонимов некоторых языков, в том числе и славянских. Позднее предложенные нами понятие и термин нашли отражение в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» РАН (1990, с. 598–599) и в ряде других изданий.

Понятие лингвонима шире, чем просто обозначение языка: в него следует включать также специальные обозначения единиц ниже уровня «язык», т.е. диалекты (наречия), поддиалекты, говоры, а также различные языковые разновидности, остающиеся за пределами генетической классификации языков, например, смешанные и так наз. тайные языки, социальные диалекты, если они имеют специальные обозначения, и проч.

В качестве важнейших *терминов и понятий* выступают следующие:

а) **лингвоним** – основная единица, принятая в лингвонимике для обозначения языков и языковых разновидностей, – говор, диалектов (наречий) и т.д., ср. в этнографии (этнологии) – *этнонимы*;

б) **макролингвоним** – лингвоним выше уровня «язык», т.е. обозначающий языковые группы, ветви и семьи, например, *славянские языки*, *тюркские языки* и т.д.;

в) **лингвони@мия** – совокупность лингвонимов, существующая для обозначения языков мира и их разновидностей в одном языке, в группах языков и т.д., ср. *этнонимия*;

г) **таксон** – термин общего языкознания типа *язык* ← *диалект* / *наречие* ← *говор*, перешедший в состав лингвонимического знака, или лингвонима;

д) **детерминатив** – определение к таксону, дифференцирующий компонент в составе лингвонима, например, *украинский* по отношению к *язык*, *севернорусское* по отношению к *наречие* (*-ий диалект*) и под.;

е) **лингвонимика** – направление в лингвистике, занимающееся изучением вопросов, связанных с происхождением, формированием, структурой, функционированием и т.д. лингвонимов, ср. *этнонимика*.

2. Историческое развитие лингвонимии

Сделаем небольшой исторический экскурс с целью показать издавна появившуюся практическую и теоретическую необходимость обращения к материалу, связанному с обозначением языков.

Наиболее ранние собрания лингвонимов относятся к XVI в. Появление их было вызвано, с одной стороны, стремлением свести воедино некоторый накопленный материал по различным языкам, с другой стороны, желанием расширить представление о языковом многообразии мира хотя бы по названиям языков. Так, в одном из трудов за 1555 г. швейцарского естествоиспытателя К. Геснера представлены сведения о более чем 20 языках и о сотнях (!) народов, пользующихся ими. В 1613 г. появилось сочинение К. Дюре по истории языков Вселенной: только в заглавии этого трактата перечислено 55 лингвонимов! Количественно возросший ассортимент языков с минимальными сведениями о них дает XVIII в. и особенно XIX в. Полиглоттика для многих становится одним из любимейших занятий. В вышедшем в Лейпциге в 1748 г. «Восточном и западном указателе языков» представлено уже 200 лингвонимов на уровне языков и диалектов. 300 лингвонимов с некоторыми сведениями о соответствующих языках содержатся в «Каталоге языков известных народов <...>» испанца Л. Эрваса-и-Пандуры (в 1800–1806 гг. издано 6 томов этого труда). В 1806–1817 гг. в 6 книгах появился «Митридат, или всеобщее языкознание» с молитвой «Отче наш» на почти 500 языках и диалектах Й. Х. Аделунга (начиная со второго тома, материал обрабатывал Й. С. Фатер). В индексе этого труда примерно 1200 единиц – правда, среди них немало этнонимов и топонимов. В XIX в. появляются обзоры и списки языков по отдельным регионам мира.

В России интерес «ко всем языкам» проявила императрица Екатерина II, при содействии которой вышел двухтомник «Сравнительные словари всех языков и наречий <...>», подготовленный акад. П. С. Палласом. В первом издании 1787–1789 гг. этого труда содержался лексический материал по 200 языкам и диалектам, во втором издании 1790–1791 гг. – по 272. Одно из первых лингвонимических собраний было издано на немецком языке в Санкт-Пе-

тербурге в 1820 г.: это «Обзор всех известных языков и диалектов» Ф. Аделунга, племянника сочинителя «Митридата» 1806–1817 гг. По «географическо-лингвистическому» признаку, как писал сам автор, представлен список 3064 лингвонимов, из которых 987 – азиатских, 587 (!) – европейских, 276 – африканских и 1214 – американских. Это лингвонимическое собрание содержало массу путаницы, повторений или же просто фантастических сведений. Тем не менее, как указывал немецкий языковед А. Ф. Потт, после его выхода число указанных в нем языков и диалектов мира повторялось почти во всех лингвистических трудах. Как бы то ни было, но подобные сочинения как в России, так и в других европейских странах, часто поверхностные, расширяли кругозор «языкоиспытателей» и так или иначе содействовали становлению научного (в частности, сравнительно-исторического) языкознания.

В XX в. обзоры языков проводятся, как правило, на генетической основе, т.е. в виде классификаций, в которых языки сгруппированы по принципу близости друг к другу. Позади длительный путь развития сравнительно-исторического языкознания и практического изучения массы ранее неизвестных языков и диалектов мира. Таковы всеохватывающие работы «Языковые группы Земного шара» Ф. Н. Финка (1909), «Языковые семьи и языковые ветви Земли» В. Шмидта (1926), «Языки Земли» А. Кикерса (1931), широко известный двухтомник «Языки мира», созданный под руководством А. Мейе и М. Коэна (первое издание вышло в 1924 г.; последующие издания значительно расширены), японская «Всеобщая лингвистическая энциклопедия» (1955). В последних двух изданиях указатели содержат приблизительно по три тысячи лингвонимов. Специально лингвонимическими изданиями являются изданный в Женеве в 1927 г. «Каталог языков <...>» русского языковеда П. Стояна., а также «Словарь языков для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 г.» и аналогичный словарик 1939 г. Изданы и другие справочники.

Уже первые собиратели лингвонимов столкнулись с рядом трудностей, требовавших теоретического осмысления. У отдельных языков было отмечено наличие дублетных лингвонимов, зафиксировано частое несоответствие между этнонимом и лингвонимом, был поставлен вопрос о происхождении «имени языка». Многие

языки до сих пор не имеют строгого и повсеместно принятого лингвонимического обозначения.

История происхождения и развития лингвонимов – это в известной степени и история изучения языковой картины мира, а по отношению к отдельным языкам – история изучения этих языков. Речь идет в первую очередь о языках, для обозначения которых использовались не один, а несколько лингвонимов.

К сожалению, славянская лингвонимия и изучающее ее направление лингвонимика до сих пор не нашли достойного отражения в славистике. Правда, отдельные статьи и рассуждения о том, как называть тот или иной язык, например, в русской и других славянских и неславянских научных традициях, имеются. Между тем речь идет не о формальном увлечении все новыми и новыми терминами, но о выстраиваемом в длинный лексический ряд материале, системное и многоаспектное изучение которого может пролить свет на историю изучения того или иного языка. Скажем более того: за некоторыми лингвонимами нередко можно разглядеть или разгадать научную позицию исследователя относительно происхождения, социокультурных и проч. связей, касающихся того или иного языка. И еще: история развития некоторых лингвонимов тесно переплетается с историей славянских литературных языков, что само по себе говорит о важности лингвонимического компонента в историко-типологическом изучении славянских языков (и не только славянских).

3. Структура славянских лингвонимов

Структура славянских лингвонимов (впрочем, как и большинства лингвонимов других языков мира) изначально формировалась как двухкомпонентная. Вероятно, на заре человечества это была модель типа *наш язык* – в отличие от языка соседей (т.е. проявление древней антитезы «мы – они»). Позднее выработалась более отчетливая модель: один ее компонент является уровневым – его мы будем называть *таксоном*, другой представляет собой определение к нему, которое можно обозначить как *детерминатив*.

Таксономический уровень составляют единицы уровня «язык» и ниже: *язык* ← *диалект* / *наречие* ← *говор*, в то время как сово-

купность определений к ним, меняющихся в зависимости от объекта, образует детерминативный уровень лингвонимов, ср.: *русский язык* ← *севернорусское наречие* ← *онежские говоры*, т.е. термины *язык* ← *диалект / наречие* ← *говор* (также *поддиалект / подговор / идиом* и т.д.) являются терминами общего языкознания, однако, оказавшись в составе лингвонимического знака, теряют свое обобщающее значение и вместе с детерминативом выражают конкретную лингвонимическую единицу. В этом легко убедиться, если сравнить *язык* как общелингвистический термин, т.е. термин в значении ‘язык (вообще)’, ‘язык человеческий’ и др., и как составной компонент лингвонима, например, *словацкий язык*, *кашубский язык*, *белорусский язык* и под.

Для славянских языков, таким образом, первичная структура лингвонима предстает в виде «детерминатив + таксон», ср.: рус. *русский язык*, чеш. *český jazyk*, ю.-руси́н. *руски язык* ‘русинский язык’ (а ‘русский язык’ – *велькоруски язык* или *русийски / росийский язык*) и под. Лишь в польском языке детерминатив оказывается, как правило, в постпозиции по отношению к таксону: *język polski* ‘польский язык’, *język słoweński* ‘словенский язык’ и под. Для детерминатива во всех славянских языках используется суффикс *-ск-*, который в этом контексте можно называть также лингвонимическим суффиксом. Русский суффикс *-ическ-*, популярный в XVIII и даже в XIX вв., – ср. *коптический (язык)*, *кельтический* и *цельтический (язык)* и под., следует считать архаическим, поскольку его повсеместно вытеснил суффикс *-ск-*, ср.: *коптический* → *коптский (язык)*, *кельтический* → *кельтский (язык)*.

Еще предстоит исследовать вопрос о том, каким образом в рамках одного языка двукомпонентные лингвонимы свертывались в однокомпонентные, которые тоже характерны для славянской лингвонимии, однако их формирование носит явно более поздний по времени характер. Становление однокомпонентных лингвонимов шло за счет суффиксального словообразования, которому подвергались детерминативы. Эту систему развили лишь некоторые славянские языки, среди которых один южнославянский – словенский, четыре западнославянских – словацкий, чешский и серболужицкие, т.е. верхнелужицкий и нижнелужицкий. При этом важно подчеркнуть,

что развитие в направлении однокомпонентности не устранило первичную двукомпонентную модель: в таких языках используются обе модели – ср. словенский: *slovenski jezik* → *slovenščina* ‘словенский язык’, словацкий: *slovenský jazyk* → *slovenčina* ‘словацкий язык’, чешский: *český jazyk* → *čeština* ‘чешский язык’, (верхне)лужицкий: *(hornjo)serbska rěč* → *(hornjo)serbšćina* ‘верхне-лужицкий язык’, (нижне)лужицкий: *(dolno)serbska rěč* → *(dolno)serbšćina* ‘нижне-лужицкий язык’. Нетрудно заметить, что однокомпонентные единицы формируются за счет одного и того же лингвонимического суффикса (с вариациями): *(-šč)in-a* / *(-ć)in-a* / *(-št)in-a* / *(-šć)in-a*.

В сербском однокомпонентная модель не развилась, в то время как в хорватском попытки развить ее предпринимались в XIX в., начиная с периода национального Возрождения, однако эти эксперименты в конечном счете не дали результата. Однокомпонентные лингвонимы в сербско-хорватском языке редки и находятся на периферии лингвонимического пространства, ср. *čakavsko narječje* / *čakavski jezik* → *čakavština* ‘чакавское наречие / чакавский язык’, *kajkavsko narječje* / *kajkavski jezik* → *kajkavština* ‘кайкавское наречие / кайкавский язык’.

В русском языке однокомпонентная модель периферийна, ср. редкие случаи (если говорить о хорошо усвоенных лингвонимах) типа *латынь*, *санскрит*, а также требующие таксономического подтверждения лингвонимы типа (язык) *африкаанс*, (язык) *хинди* / *хиндустани*, (язык) *пушту* и под., наконец, полисемантические *кайкавица* – наряду с *кайкавский* (литературный) язык / *кайкавское наречие*, *чакавица* – наряду с *чакавский* (литературный) язык / *чакавское наречие* – эти однокомпонентные модели могут здесь выражать и собирательное значение, т.е. *кайкавица* – это не только ‘кайкавский язык / -ое наречие’, но и ‘кайкавская традиция’, ‘кайкавская культура’ и т.д.

4. Источники образования лингвонимов

Каковы же источники образования славянских лингвонимов? Прежде всего обратим внимание на то, что речь здесь должна, разумеется, идти о детерминативном компоненте. Вероятно, древней-

шей основой лингвонимических образований были **(1) этнонимы**. Еще в начале XIX в. А. С. Шишков, президент Российской Академии наук, в целом справедливо писал: «Языки назывались и ныне всегда называются именами говорящих ими народов»¹.

И. А. Бодуэн де Куртенэ указал на этническое значение как на одно из древнейших значений слова *язык*. При этом он приводил пример из «Священного Писания», в котором лингвоним *язык самаритянский* употреблен в этнонимическом значении, т.е. ‘самаритяне’. Из этого можно сделать вывод о том, что в глубокой древности *имя народа* (этноним) и *имя языка* (лингвоним) нередко могли совпадать. Реликты такого семантического синкретизма дожили до нашего времени. Достаточно вспомнить бытовавшее в XIX в. в науке мнение о тождестве типа «народ – язык» и далее «народность – наречие / диалект», чтобы понять, насколько тесна связь двух значений – этнонимического и лингвонимического. Напомним также об известной строке из А. С. Пушкина: «<...> И назовет меня всяк сущий в ней *язык* <...>», где слово *язык* употреблено в этнонимическом значении. Однако в целом этноним следует признать более древним и более распространенным именем, на базе которого уже формировалась лингвонимическая система. Итак, ср.: рус. *сербы* → *сербский (язык)*, серб. *Срби* → *српски (језик)*; (*рось / русь* →) *русские* → *русский (язык)*; рус. (*поляне* →) *поляки* → *польский (язык)*, польск. *Polacy* → (*język*) *polski* и под.

(2) Топонимическую основу лингвонимов можно, вероятно, считать моложе этнонимической, хотя допускаем, что в ряде случаев они могли находиться в одной временной плоскости. Вот примеры отчетливой связи между топонимами и образованными на их основе лингвонимами (возможно также через этнонимический этап): *Украина* → (*украинцы*) → *украинский (язык)*, *Белая Русь* (→ *Белоруссия*) → (*белорусы*) → *белорусский (язык)* и под. Ср. также случаи с таксоном ниже уровня «язык»: *среднеподнепровские говоры* (← юго-восточного наречия украинского языка), *моравские говоры* (← чешского языка) и под. Нетрудно заметить, что в послед-

¹ См.: А. С. Шишковъ. Опытъ рассужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ.// Извѣстія Россійской академіи, С.-Петербургъ, 1817, кн. 5. С. 2–3.

нем случае речь идет о лингвонимах, образованных в науке в связи с исследованием ареальных различий в языках и в связи с созданием диалектных классификаций, т.е. это, можно сказать, чисто метаязыковый уровень – в отличие от лингвонимов с таксоном «язык», которые следует квалифицировать не только как элементы метаязыкового, но и лингвокультурологического уровня.

(3) Смешанную **этнонимическо-топонимическую основу** имеют такие лингвонимы, как, например, *серболужицкий язык* (или *серболужицкие языки*): *серб(ы) + лужицкий* из *Лужица* (нем. *Lausitz*). Научный характер имеют и лингвонимы, учитывающие (4) **географические обозначения** типа *степные говоры* (← юго-восточного наречия украинского языка), *восточные говоры* (← южнорусского наречия русского языка). Чаще всего географические обозначения выступают в виде препозитивного компонента лингвонима ниже уровня «язык», детерминативный компонент которого маркирован, т.е. уже содержит указание на принадлежность тому или иному языку, ср.: *западномакедонское наречие* (← македонского языка), *южнорусское наречие* (← русского языка), *среднесловацкое наречие* (← словацкого языка) и т.д. Нетрудно увидеть, что в этом случае лингвонимические единицы такого плана не требуют специального пояснения взятыми нами здесь в скобки лингвонимами на уровне «язык».

(5) **Лингвистические особенности**, ср. обозначения на основе

а) **фонетико-лексических элементов**: *серб.-хорв. штокавское наречие* (-ий диалект) или *штокавица*, образованное от вопросительно-относительного местоимения *што* ‘что’ (соответствует русскому произношению); *лемковские говоры* – по специфическому словечку *лем* ‘только’ при общеукраинских *тільки, лиш(е)* и др.;

б) в интерлингвистике, науке о международном вспомогательном языке, лингвонимы образуются обычно **на основе нарицательных слов** различной семантики: *волапюк / Volapük* – ‘язык мира’, ‘всемирный язык’ (из англ. *world* ‘мир’ и *speak* ‘речь’), *эсперанто / Esperanto* – ‘надеющийся’, *интерлингва / Interlingua* – ‘международный язык’ и под.;

в) **способом контаминации** отмечено с середины XX в. появление нового типа лингвонимов, ср. *франглэ / franglais* ‘француз-

ско-английский язык' ← *francais* + *anglais* 'французский (язык) + английский (язык)', *русангл* 'русско-английский язык' ← из *русский* (язык) + *английский* (язык), *денглиш* или *дэнглиш* / *Denglish* или *Dennglisch* 'немецко-английский язык' ← *Deutsch* 'немецкий язык' + *English* или *Englisch* 'английский язык' и др.

(6) Функциональные особенности, т.е. предназначение языка: *книжно-славянский язык* – в рамках письменной культуры, *церковнославянский язык* – преимущественно в церкви (однако со временем выходил в своем функционировании за ее пределы); *риксмол* – 'государственный язык' и *букмол* 'книжный язык' (оба в Норвегии).

5. Лингвонимическая история первого литературно-письменного языка славянства – старославянско-церковнославянского

Из последовательного и систематического изучения исторического развития конкретных лингвонимов можно вывести определенные закономерности в их эволюции. В качестве примера обратимся к названиям старославянско-церковнославянского языка, просматривая их в хронологической плоскости, – как они представлены в русской славистической традиции. Ясно, что в данном случае речь идет не о народном, а о научном (книжном) лингвониме.

5.1. Лингвонимы и их варианты до конца XVIII в. Сначала представим лингвонимы и их варианты по восточнославянским источникам с XII по XVIII вв. (сохраняем в этой и в следующей таблице оригинальное написание в некоторых случаях лингвонимов с прописной буквы):

Таблица № 1

время	автор, составитель, издание	лингвоним словенский язык / славенский язык	другие лингвонимы
XII в.	летописец Нестор	словѣньскыи ѡзыкѣ	
1348	Синодальный (Лаврентьевский, Ивана Александра) Сборник	(словѣньскыи ѡзыкѣ)	

XIV в.	словарик к «Лествице» Иоанна Синайского	(словѣнски рѣчи)	
XVI в.	Зиновий (Отенский)		(русскіи языкъ, книжная рѣчь)
конец XVI в.	Иван Вишенский	(язык славенский, словенский язык)	
1581	Евангелие в перев. В. Негалева	(языкъ словенский)	
1591	грамматика «Адельфотис»		(еллино-славенскій языкъ)
1596	Лаврентий Зизаний	(Словенска Грамматика)	
1619	Мелетий Смотрицкий	(славенскій языкъ)	
1627	Памва Берында		(славенор)сскій, славенороссийскіи языкъ)
1631–1648	Р. Левакович	(език словенскіи, славинскіи языкъ)	
1730–70-е гг.	В.К.Тредиаковский	языкъ славенской /славенской, славен-скій языкъ /языкъ, словенскій языкъ	Славенци(з)на, Славеноросійскій языкъ, книжный церковный языкъ
1736	Ф. Прокопович	(Славенскіи языкъ)	
1741	М. Караман	(славенскіи языкъ)	
1739–1757	М. В. Ломоносов	Славенскій языкъ, старый Словенскій языкъ, Древнецерковнославенскій языкъ	
1763	А. П. Сумароков		старое нарѣчіе
1786	А. Б.	Словенскій языкъ	
1790-е гг.	И. П. Елагин		Славянчизна

Примечание: в скобки взяты лингвонимы, в написании переведенные нами с церковной азбуки на гражданскую.

Нетрудно заметить, что первоначальным обозначением был лингвоним *словен(ь)ский язык*; спустя несколько веков появляется его вариант *славенский язык*. Указание на первоначальную сферу (*церковный*) и форму применения языка (*книжный*) содержится в одном из лингвонимов В. К. Тредиаковского – *книжный церковный языкъ*; позднее у М. В. Ломоносова лингвонимом *Древнецерковнославенскій языкъ* подчеркнута не только сфера применения (*-церковно-*), но также временной признак (*древне-*) и этнически конкретизирующее *-славенскій*. В лингвонимах *рлсскiи языкъ*, *славенорлсскiи языкъ*, *Славенороссiйскiи языкъ*, примененных по отношению к первому литературно-письменному языку славян, подчеркивается его локальная связь и позднейшее развитие, известное под лингвонимом *церковнославянскiи языкъ русскаго извода*. Что касается однокомпонентных лингвонимов типа *славеници(з)на*, *славянчизна*, то они могли использоваться как стилистически маркированные единицы. М. В. Ломоносов в некоторых своих текстах осложняет основной лингвоним еще одним определением – *старый*, т.е. *старый Славенскiи языкъ*, что можно, вероятно, считать одним из первых приближений к получившему в XIX и особенно в XX вв. широкое распространение лингвониму *старославянскiи языкъ*.

5.2. Лингвонимы и их варианты в XIX и XX вв. В таблице № 2 представлены более разнообразные лингвонимы для «словенского / славенского языка»: употреблявшиеся в России и собранные нами преимущественно по библиографическому указателю изданий по русскому языкознанию за 1825–1880 гг.²:

² Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. VI. Учебная и методическая литература. М., 1957.

Таблица № 2

<i>время</i>	<i>словенский / славенский язык</i>	<i>старосла- вянский язык</i>	<i>церковносла- вянский язык</i>	<i>другие линг- вонимы</i>
нач. XIX в.	<i>Славенскій языкъ, Славен- ской языкъ</i>			
1803				<i>древнее Сла- вянское на- рѣчїе</i>
1808	<i>Славенскій языкъ</i>			
1811				<i>Славено-Рос- сійскій языкъ</i>
1820	<i>Славянскій языкъ, Словен- скій языкъ</i>		<i>Церковно- Сла-вянскій языкъ</i>	
1821				<i>Славенорос- сійскій языкъ</i>
1822			<i>церков- ный языкъ славянскій</i>	
1823			+	
1824	<i>языкъ словенскій</i>			
1833–1834				<i>языкъ сла- вянскій по древнему на- рѣчїю</i>
1843				<i>церковно-кни- жный языкъ</i>
1846				<i>священный языкъ Сла- вянъ</i>
1847			<i>церковносла- вянское на- рѣчїе</i>	
1847–1848				<i>церковный языкъ</i>

<i>время</i>	<i>словенский / славенский язык</i>	<i>старосла- вянский язык</i>	<i>церковносла- вянский язык</i>	<i>другие линг- вонимы</i>
1851			+	
1852		+		
1852		<i>старо- славянское нарѣчје</i>		
1852				<i>древній сла- вянскій языкъ</i>
1857			<i>славяно-цер- ковный языкъ</i>	
1858			<i>славяно-цер- ковный языкъ</i>	
1860–1861			+	
1863			+	
1865		+		<i>древнесловен- скій языкъ</i>
1868		+		
1872		+		
1875		+		
1875			+	
1876			+	

Из таблицы видно, что до первой трети XIX в. интересующий нас язык называли в основном *словенский язык* или *славенский язык*, хотя некоторое распространение уже с XVIII в. получал также лингвоним *славянороссийский язык*. По справедливому заключению Н. И. Толстого, высказанному еще в 70-е гг. XX в., лингвоним *словенский язык* или *славенский язык* выполнял различные функции: под ним могли подразумевать праславянский язык (правда, это уже в основном в начале и середине XIX в.), далее – старославянский и церковнославянский языки и, наконец, один из южнославянских языков. Таким образом, лингвонимы, как показывает этот пример, могли быть полисемантическими, и в каждом конкретном случае следует обращать на это особое внимание.

С конца XVIII – начала XIX вв. в науке и культуре все сильнее ощущается потребность поточнее определить язык, которым пользовались и пользуются для книг, особенно религиозной тематики. Лингвонимических предложений, особенно в XIX в., – масса. А. С. Шишков, как и М. В. Ломоносов, полагал, что «языкъ у насъ *Славенскій* и *Рускій* одинъ и тотъ же. Онъ различается только <...> на высокой и простой», т.е. речь идет всего лишь о стилистическом разграничении.

В то же время *славенскій язык* могли ошибочно считать «отцомъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій (языков)», в том числе и русско-го, – об этом так и пишет в 1809 г., например, славист М. Т. Каченовский. В 1820 г. в знаменитом труде «Рассуждение о славянском языке», а позднее и в ряде других работ (см. табл. № 2) А. Х. Востоков употребляет лингвонимы *Славянскій языкъ* и *Словенскій языкъ*. Здесь же он начинает использовать лингвоним *Церковно-Славянскій языкъ*, образованный, по-видимому, синтезом лингвонимов XVIII в. *книжный церковный языкъ* В. К. Тредиаковского и некоторых других авторов, ломоносовского *Древнецерковнославенскій языкъ*. Немецкий славист Х. Кайперт опровергает мнение некоторых авторов о том, что лингвоним *церковнославянский язык* был, якобы, переводом немецкого *Kirchenslavisch* ‘церковнославянский язык’, впервые употребленного в изданной в 1808 г. на немецком языке «Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» В. Е. Копитара. Он обнаружил, что А. Х. Востоков использовал указанный лингвоним в 1810 г. в оставшемся в рукописи переводе статьи А. Л. Шлецера; последний писал о *Slavonisch* ‘славянский язык’ и *AltSlavonisch* ‘старый славянский язык’, которым А. Х. Востоков дал русский эквивалент в виде именно *церковнославянского языка*.

Примечательно, что примерно с первой трети XIX в. в России активным становится употребление лингвонима *древнеболгарский язык* для обозначения *славянского*, или *церковнославянского*, языка. Так, Ф. И. Буслаев в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858), а позднее и в других трудах использует лингвоним *церковнославянскій языкъ*, подразделяя его на «древний» и «позднейший», что сейчас можно интерпретировать как *старославян-*

ский язык – церковнославянский язык (русского извода). Славянскую – болгарскую – среду и место создания этого языка (Солунь, ныне Фесалоники / Салоники, и его окрестности входили в состав Царства Болгарского) он отразил в лингвониме *древнеболгарский язык*. Правда, еще в 1824 г. у К. Ф. Калайдовича встречается близкий к этому лингвоним *славеноболгарский языкъ*. Для акад. А. А. Шахматова лингвоним *древнеболгарский язык* подкреплял его гипотезу о «древнеболгарском происхождении русского литературного языка». В болгаристике предпочитают говорить именно о *древнеболгарском* или *староболгарском* (литературном, письменном) языке, о *древнерусском* (или *русском*) *изводе-редакции древнеболгарского языка* и под.³, в то время как в русской (и не только в русской) славистической традиции принято начальный этап существования первого литературно-письменного языка славянства называть *старославянский язык*, а его последующее развитие приблизительно с XI – начала XII вв. в православных славянских странах – *церковнославянским языком* (русского, сербского, хорватского и др. изводов).

Для первоначальных этапов деятельности И. И. Срезневского было характерно в целом синтезированное понимание старославянского и церковнославянского языков, однако позднее он выделял церковнославянский язык. Несколько похожее восприятие было и у Ф. Ф. Фортунатова. В конце XIX в. А. С. Будилович пытался приложить к древнейшему славянскому литературно-письменному языку лингвоним *общеславянский языкъ*, правда, включая в него и проекты, а также предложения по созданию искусственных всеславянских (межславянских) языков. И. А. Бодуэн де Куртенэ, вероятно, много раздумывал над тем, как называть первый письменный язык славянства, о чем свидетельствуют использовавшиеся им многочисленные варианты типа: *древнецерковный языкъ*, *первичный древ-*

³ И не только в болгаристике – ср., например, «подход» к этому вопросу Р. М. Цейтлин: в 1977 г. на с. 13 книги «Лексика старославянского языка» она пишет: «Мы не принимаем наименования для старославянского языка ‘древнеболгарский’...», а десятью годами позже, в 1986, в Софии она выпускает практически ту же монографию под названием «Лексика *древнеболгарских* рукописей X–XI вв.»!

нецерковный языкъ, церковный языкъ, книжноцерковный языкъ и церковнокнижный языкъ, а на 1911–1912 учебный год он объявил для студентов курс *древнецерковнославянского языка*. Употреблял И. А. Бодуэн де Куртенэ и лингвоним *церковнославянский язык*. Лингвоним Р. Ф. Брандта *староцерковный язык*, предложенный им в начале XX в., был подвергнут критике со стороны В. К. Поржезинского, который считал, что использование его, равно как и лингвонима *древнецерковнославянский язык*, неудобно, поскольку может быть легко смешиваемо с лингвонимом *церковнославянский язык*⁴. Р. Ф. Бранд тогда же предлагал для современного языка православной церкви лингвоним *новоцерковный язык*.

Если мы еще раз обратимся к таблице № 2, то по приведенным в ней данным обнаружим, что конкуренция проходит преимущественно между лингвонимами *церковнославянский язык* и *старославянский язык*. Лингвоним *древнеславянский язык* и его варианты (*древнесловенский язык*, *древле-славянский язык* и под.) употреблялся в это время лишь sporadически. В конечном счете в XX в., особенно в советскую эпоху, предпочтение было отдано именно лингвониму *старославянский язык* – не в последнюю очередь по причине не официальной атеистической идеологии Советского государства, чему противоречил бы лингвоним *церковнославянский язык*. Впрочем, запретов никаких не было: в специальной научной литературе использовался и он. Считается, что в лингвониме *старославянский язык* подчеркнут временной аспект (*старо-*), а также историко-культурный, связанный с его распространением среди большей части славян (*-славянский*).

Как видно, для решения вопроса (если он вообще разрешим!) необходим, помимо прочего, систематический и последовательный анализ предложенных на протяжении веков лингвонимов со всеми их семантическими, функциональными, стилистическими и проч. нюансами, а это уже – одна из актуальных задач, которая стоит перед славянской лингвонимикой.

⁴ В. Поржезинский. Ввѣденіе въ языковѣденіе. М., 1916. С. 65.

6. Из истории лингвонима для русского языка

А теперь проследим развитие лингвонима *русский язык*.

Таблица № 3

<i>время</i>	<i>автор, составитель, издание</i>	<i>русский язык</i>	<i>российский язык</i>	<i>другие лингвонимы</i>
XIV в.	перев. «Лествицы» Иоанна Синайского	(роускый языкъ)		
XVI в.	Зиновий (Отенский)			(обща рЛьчъ)
1519	Ф. Скорина	(рускии языкъ, рЛскии языкъ)		
1556–1560	Пересопницкое евангелие	(мова руская)		
1581	Евангелие В. Негалевского	(реч руская)		
1627	Постная Триодъ		(россійская бесЛьда)	
1672–1673	Аввакум Петров	(рЛскои ѳзыкъ, рускои языкъ)		
1706	И. Ф. Копиевич (Копиевский)	(рЛскый языкъ)		(грамматыки во славѣноросійскоу или Московскою ко употребленію оучащихсѣ ѳзыка Московскаго)
1717	«Юности честное зерцало»		россійскимъ языкомъ	
1717	Я. В. Брюс		Россійскій языкъ	
1731	Э. Вейсманн	рускій языкъ		

<i>время</i>	<i>автор, составитель, издание</i>	<i>русский язык</i>	<i>российский язык</i>	<i>другие лингвонимы</i>
1735–1748	В. К. Тредиаковский	<i>рускій языкъ</i>	о чистотѣ <i>Россійскаго Языка, російскій языкъ</i>	
1744	А. Кантемир	<i>на Русскомъ языкѣ</i>		
1755–1757	М. В. Ломоносов		<i>Россійскій языкъ</i>	
1755–1764	С. Волков		<i>Россійскій языкъ</i>	
1750–1770-е гг.	А. П. Сумароков	<i>при Русскомъ языкѣ</i>		
1768	В. Н. Татищев			Рускій Московскій языкъ
1772	Н. И. Новиков	<i>Руской языкъ</i>		
1780–1782	И. Норстет		<i>Россійскій языкъ</i>	
1786	В. Протопопов		<i>Россійскій языкъ</i>	

Примечание: в скобки взяты лингвонимы, переведенные нами с церковной азбуки на гражданскую.

Обратим внимание на то, что с XIV по конец XVIII вв. преобладает этнически ориентированный лингвоним *русский язык*, связанный с этнонимом *русские*. Правда, нужно иметь в виду, что для части приводимых документальных свидетельств (особенно для XVI в. – см. таблицу № 3) характерна ориентация на так наз. западно-русский язык, под которым традиционно понимаются староукраинский и старобелорусский языки, хотя это не исключает использования в обозначенных источниках собственно русского языкового материала. По приведенным данным, государственно и географически ориентированный лингвоним *российский язык* появляется позже: он дает о себе знать в XVII в., но особенно – в XVIII в. Веро-

ятно, не будет ошибкой сказать, что именно с XVIII в. начинается конкуренция между этими двумя лингвонимами.

В конце XVIII в. – в первые десятилетия XIX в. А. С. Шишков употреблял оба лингвонима – *Рускій языкъ* и *Россійскій языкъ*, отделяя русский язык от славянского, но делал он это только на уровне стилей (высокий – низкий). М. Т. Каченовский в одной из своих публикаций использует лингвоним *Великороссійскій языкъ* (1812). Впрочем, не только он. Н. И. Греч в «Пространной Русской грамматике» (1830 г.) четко отделил *Русскій языкъ* от *Церковного языка*, который он называл также *Церковно-Славянским языкомъ*, причем заслуги в разграничении этих двух языков он приписывал Петру I и М. В. Ломоносову.

Следующая таблица демонстрирует нам такое хронологическое распределение в заглавиях книг интересующих нас лингвонимов, охватывающее большую часть XIX в.:

Таблица № 4

<i>время</i>	<i>российский язык</i>	<i>русский язык</i>
1825–1826	(+)	
1827	+	
1821		+
1830	(+)	+
1832		(+)
1834	(+)	(+)
1835	(+)	+
1837	(+)	+
1838	(+)	
1839		(+)
1841		(+)
1843–1848		+
1849–1850		(+)
1852		+
1854–1860		+
1862–1863		+
1866–1870		+
1872		+
1874–1880		+

Примечание: в круглых скобках даны «полулингвонимы» типа *рос-сийская грамматика, русская грамматика*, хотя очевидно, что это – грамматика *российского языка*, грамматика *русского языка*, да и в самом тексте книг используются лингвонимы – соответственно *российский язык* и *русский язык*.

Нетрудно заметить, что государственно и географически ориентированный лингвоним *российский язык* едва дотягивает до середины XIX в., в то время как этнически ориентированный лингвоним *русский язык* выходит в конечном счете «победителем». Приблизительно с этого времени использование лингвонима *российский язык* гаснет, он постепенно архаизируется и становится лексическим историзмом.

6.1. «Славянский язык» и «русский язык»: попытки разъединения. Нельзя не сказать о сложности разъединения языков, обозначенных как *славенский (старославянско-церковнославянский) язык* и *русский язык*. Можно утверждать, что в содержательном плане вплоть до конца XVIII – начала XIX вв. четких различий между двумя языками не проводилось: нередко одно могло подменять другое или переходить в другое, а это знак того, что лингвонимы необходимо изучать в историческом контексте, притом не только формально, но и содержательно. Показательным в этом отношении является «Словарь Академии Российской», первым изданием вышедший в 1789–1794 гг. По существу это словарь «славянорусского языка», т.е. объединения в одном труде славянского (церковнославянского) и собственно русского слоя лексики. Такие же лексические пласты составляют и 4-томный «Словарь Церковного и Русского языка» той же Академии (1847). В 1810 г. И. Орнатовский называет «нашъ языкъ Славяно-Россійскимъ». Лингвоним *славянорусский языкъ* употреблял также А. С. Пушкин.

Несмотря на сложности в разграничении двух языков, уже в XVIII в. многие авторы сочинений и составители словарей и проч. осознавали реальность этого различия и важность для культурного развития общества именно собственно русского языка, о чем свидетельствуют выражения в их рассуждениях типа *нашъ языкъ* (Ф. Поликарпов, 1704; А. Кантемир, 1744), *нашъ языкъ какъ природной, на свой языкъ* (Петр I, 1724), *природной свой языкъ* (В. К. Тредиа-

ковский, 1730), *съ природнымъ языкомъ своимъ, въ родномъ языкѣ, нашъ языкъ* (А. П. Сумароков, 1763), *на нашемъ языкѣ* (В. И. Лукин, 1765), *обыкновенный языкъ* («Словарь Академии Российской», конец XVIII в.) и т.д. Правда, иногда под выражениями типа *нашъ языкъ, на нашемъ языкѣ* и под. понимался также и *славенский язык* – в любом случае на это следует обращать в каждом конкретном случае специальное внимание. Однако в целом это дела не меняет. В XIX в. выражений, подобно приведенным выше и ориентирующих на лингвоним *русский язык*, становится значительно больше.

7.1. Из истории лингвонима для белорусского языка. Лингвоним *белорусский язык* появляется достаточно поздно. В XVI в. этот язык называется преимущественно *рускии язык* – р|ски / рлски™¹цук (Ф. Скорина, 1519); таким же образом именует его в 1562 г. и С. Будный. Этот лингвоним использовался и в XIX в. До XVII в. использовался также лингвоним *проста мова* ‘простой язык’. В XVIII в., когда центр и запад Белоруссии назывались Литвой, распространение получает оттопонимический лингвонимы *литовский язык* (*литовская мова*) в значении ‘белорусский язык’, *литовско-русский язык*. Его употребляли в научной литературе и в XIX в. – наряду с *рус(ь)кий язык, руски язык, руская мова, русинский язык* (-ая мова), *рутенский язык, кривичский язык, литовско-русский язык, славяно-литовский язык, польско-русский язык* и др. В конце XVIII – начале XIX вв. некоторое распространение получает уже и лингвоним *белорусское нарѣчје*. Однако этноним *белорус(ец)* фиксируется уже в изданиях XVI в. (по одному из документов – в 1582 г.). Детерминатив *белорусский* как компонент будущего лингвонима *белорусский язык* отмечается в письменности XVII в. В частности, о белорусском языке пишет Ю. Крижанич в своем сочинении «Грамматично изказанје об руском језику» («Грамматическое повествование о русском (= славянском) языке», 1666).

В конце XVIII в. лингвоним *белорусское нарѣчје* употребил А. Мейер (рукопись его сочинения была напечатана только в 1901 г.). По свидетельству С. Запрудского, в 1813 г. лингвоним *белорусский язык* употребил В. Сопиков в «Опыте российской библиографии», в 1815–1816 гг. – польский лексикограф С. Линде (*po białorosyjsku* ‘по-белороссийски’, *język białoruski* ‘белорусский

язык', но чаще – *język ruski* 'русский / русский язык'). М. Каченовский, чтобы не смешивать с собственно русским языком, применял для белорусского и украинского языков лингвоним *руський языкъ*. К. Калайдович в 1819 г. применил нелингвонимичное выражение «*русской языкъ въ престонародномъ польскомъ или, правильнѣе, белорусскомъ выговорѣ*»! В 1823 г. Н. Ф. Грамматин упоминает *Белорусское нарѣчіе*, а Ф. Голотузов издал брошюру «*Замѣтки касательно белорусскаго нарѣчія*» (1852). В 1860 г. И. Орнатовский среди «Славено-Рускіхъ нарѣчій» упоминает *белорусское нарѣчіе*, а в 1867 г. появляется первый том «Сборника *белорусскихъ пословицъ*» И. И. Носовича с характеристикой некоторых особенностей белорусского языка. В дальнейшем постепенно закрепляется лингвоним *белорусское наречіе*. Лишь в XX в. лингвоним *белорусский язык* занимает лидирующие позиции и закрепляется в обществе и в науке. За пределами Белоруссии, особенно в белорусской диаспоре XX в., белорусский язык могли называть *крыўская мова* или же *кывічская мова*.

7.2. Из истории лингвонима для украинского языка. В чем-то схожа с белорусской история становления лингвонима для украинского языка. На западе Украины с давних времен функционировали лингвонимы *руський язык* (язык) и *руська мова*, *русинський язык* (язык) и *русинська мова*, а также *руснацький язык* (язык) и *руснацька мова*. Отсюда и польские лингвонимы типа *ruska mowa* 'русская / русинская / украинская речь (язык)', *rusińska mowa* 'русинская речь (язык)', *rusiński język* 'русинский / украинский / русский язык' и далее – немецкое *die ruthenische Sprache* 'русинский / украинский язык'. На востоке в употреблении был лингвоним *проста мова* 'простой, обычный язык / -ая речь', хотя население называло себя также *руськими* или *рускими*. В письменности встречается также лингвоним *казацкое нарѣчіе*. Консолидации украинцев и их языка мешала их разделенность – проживание в различных странах. В Российской империи украинский язык считался наречием (велико)русского языка и его использование в официальной среде было ограничено. Тем не менее идея его самостоятельности так или иначе завоевывала свои позиции. От топонима *Малая Русь*, зафиксированного в XIV в., а затем и *Малороссия* (в противоположность *Ве-*

ликороссии), были образованы этноним *малороссияне* и лингвоним *малороссийский язык* – *малоросійскій языкъ*, *малоросійська мова*, а затем также и *малорусский язык* – *малорусскій языкъ*, *малоруська мова*, которые, однако, населением практически не использовались. В «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787–1789) употребляется неполноценный лингвоним (*по*) *Малоросійски* (← из полной формы лингвонима *малоросійскій языкъ* /-ое нарѣчіе). Первая украинская грамматика, написанная и изданная в Санкт-Петербурге А. Павловским в 1818 г., называлась «Грамматика *малоросійскаго нарѣчія*». В 1830 г. славист М. А. Максимович пишет работу «Мнѣніе о *малорусскомъ языкѣ* и правописаніи онаго», а в 1859 г. – «Замѣчаніе о чтеніи *по украинскому выговору*!» Дополнительно вводится лингвоним *южнорусскій языкъ* (с вариантами). Так, Я. Ф. Головацкий публикует во Львове в 1849 г. «Грамматику *русскаго языка*», т.е. украинского, и небольшую книгу под названием «Розправа о *ѣзыцѣ южнорусскомъ*», что демонстрирует постепенную замену лингвонима *русский язык* в значении ‘украинский язык’ на лингвоним с уточняющим (локализующим) компонентом *южно-* с тем же значением (ср. также лингвоним *галицко-русскій языкъ*). Однако, как и в случае с лингвонимом *малоросійскій языкъ*, это обозначение являлось научным и политическим, а не народным. В 1843 г. П. Белецкий-Носенко издал словарь «*малорусскаго или юго-восточнорусскаго языка*», а неизвестный автор публикует в «Журнале Министерства народного просвѣщенія» в 1863 г. статью об особенностях «*южнорусскаго (малорусскаго) языка*». Ф. Пискунов издает в 1873 г. в Одессе книгу «Словниця *української (або Югової-руської) мови*». Как видим, здесь *южнорусский язык* – *Югово-руська мова* уже отодвигается на второй план. В печати начинают конкурировать в основном лингвонимы, с одной стороны, *малорусский язык* и *малоросійскій языкъ*, с другой – *украинский язык* в виде *українська мова*. И, действительно, на рубеже XIX–XX вв. (особенно в связи с полемикой в науке и в обществе в это время о статусе украинского языка) последний начинает лидировать и закрепляться как единый для всего языка украинского народа.

7.3. Из истории лингвонимов с этнонимическим корнем «слов-/слав-». Представляет интерес судьба лингвонимов, связан-

ных с этнонимическим корнем *слов-/слав-*. Так, западнославянский по происхождению *словацкий язык* по-словацки называется двойко – *slovenský jazyk* и *slovenčina*, в то время как этноним имеет несколько видоизмененную основу – *Slováci* ‘словаки’ (ед ч. *Slovák*), появившуюся в письменности с XV в. В 20–30-е гг. XX в. в Чехословакии была предпринята попытка объединения словацкого и чешского в один язык, для которого в печати некоторое время использовали лингвоним *československý jazyk* ‘чехословацкий язык’.

Несоответствие этнонимической и лингвонимической основ приводило к путанице в обозначении словацкого языка за пределами Словакии. Так, например, в русской славистике этот вопрос долгое время не был упорядочен: в XIX – начале XX вв. словацкий язык называли *словенский язык* (т.е. в соответствии с оригинальным лингвонимом – *slovenský jazyk*), иногда – *венгеро-словенское нарѣчје* (у П. И. Кеппена в первой четверти XIX в.) и даже «*славяно-венгерский языкъ*» – *Славяно-Венгерски* записано в Санкт-Петербургских «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787–1789).

Однако лингвоним *словенский язык* совпадал с оригинальным названием южнославянского по происхождению словенского языка – *slovenski jezik*. Когда это осознали, то стали предлагать отэтнонимический лингвоним *словацкий язык*, который, кстати, используется также в польском языке (*język słowacki*) и некоторых других языках. На рубеже XIX и XX вв. в славяноведческих трудах эту лингвонимическую вариантность представляли следующим образом: *словенский (словацкий) язык* или *словацкий (словенский) язык*, пока лингвоним с отэтнонимическим детерминативом (*словацкий язык* – от *словак*), наконец, не занял лидирующую позицию. Славянские языки словаки называют *slovanský jazyk*, а южнославянский словенский язык – *slovinský jazyk* или *slovinčina*.

У словенцев лингвонимическая (как, впрочем, и этнонимическая) ситуация непростая. В XVI в. словенец-протестант Примож Трубар употребляет лингвоним *Slouenski Jesik* ‘словенский язык’, а его соратник Юрий Далматин в переводе 1584 г. «Священного Писания» на словенский язык называет последний *Slovénski ali Besjáhki* ‘словенский или безъячский (язык)’, применяет оттопони-

мические *Crajski* ‘крайнский (язык)’, *Coroshki* ‘корошский, или каринтийский (язык)’. Первый словенский поэт и журналист Валентин Водник в 1797 г. использовал лингвоним *krajski jezik* в значении ‘словенский язык’. Однако именно с конца XVIII в. такого рода лингвонимы вытесняются и в XIX в. постепенно заменяются лингвонимами *slovenski jezik* и *slovenščina* – параллельно с этнонимом *Slovinci* ‘словенцы’. Славянские языки по-словенски обозначаются как *slovanski jeziki*, а словацкий язык – как *slovaški jezik*. Немцы традиционно называли словенцев *Winden*, а их язык – *Windisch* ‘виндский язык’.

7.4. Из лингвонимической истории языка сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев. Историю, достойную специальной лингвистической монографии, имеет наименование языка, на котором говорят сербы, хорваты, боснийцы и черногорцы и о котором уже с XIX в. знали по лингвониму рус. *сербско-хорватский* или *сербохорватский язык*, польск. *język serbochorwacki* и под.

Детерминативы *сербский* и *хорватский* известны со средневековья – с XIV в. Первоначально обычными и употребительными у хорватов и их соседей были лингвонимы с корнем *слов-* (реже *слав-*): в Далмации в XVI–XVII и даже в XVIII вв. это *словинский язык* – *slovinski jezik*, в XVII в. этот лингвоним встречается также в Боснии, а в форме *словенский язык* – *slovenski jezik* он был известен в Словении и в срединной Хорватии у хорватов-кайкавцев. В исторической области Славония язык нередко называли *славонским*. В некоторых памятниках письменности писали о *славинском языке* – *slavinski jezik*. Эта ситуация наводит на мысль о длительном сохранении общеславянской исторической памяти у хорватов и их соседей, т.е. памяти о периоде совместного проживания в этнической популяции, оформившейся в виде праславян со славянским языком (древних *словен* со *словенским языком*) в регионе, близком к среднему течению Дуная (ср. также имя словаков и их языка, располагавшихся к указанному региону с другой его стороны).

Хорватский славист Ф. Фанцев свидетельствовал, что в XVI в. в Дубровнике язык чаще всего называли *словинским* и редко – *хорватским*, при этом оба лингвонима переводили на латинский язык в виде *lingua illyrica*, т.е. ‘иллирский (иллирийский) язык’, так как

территория, на которой сейчас проживают хорваты, называлась древней Иллирией⁵. Действительно, вышедший в 1649 г. хорватско-латинско-итальянский словарь П. Я. Микальи по-хорватски называется «*Blago jezika slovinskoga*» («Благо языка словинского»), а параллельный перевод этого названия на латинский выступает на титульном листе книги в виде «*Thesaurus linguae illyricae*», т.е. «Словарь / свод слов языка иллирского». В XVII–XVIII вв. и даже в XIX в. в хорватских текстах нередко употребления типа *иллирский или словинский язык, иллирский славонский язык* и под. Уже с XVIII и особенно с XIX вв. в конкуренцию с ними вступает лингвоним *хорватский язык*.

Первая половина XIX в. – важная страница в истории рассматриваемого нами языка. Серб В. С. Караджич выступил против распространенного в Сербии книжного славяносербского письменного языка (лингвоним *славеносрпски језик*), препятствовавшего культурному развитию сербского народа (простые люди хорошо его не понимали) и к первым десятилетиям XIX в. представлявшего собою смесь сербского разговорного и книжного языка с русско-славянскими элементами и элементами церковнославянского языка сербского извода. Так в 1814 г. появилась его сербская грамматика – «Писменица *сербскога језика*», затем включенная в «Сербский словарь» (1818) и ориентированная, как и все труды В. С. Караджича, на восточно-герцеговинский говор штокавского наречия, который постепенно и стал базой литературного языка в Сербии, Черногории, Боснии, а с 30-х гг. XIX в. и в Хорватии (вместо функционировавшего здесь литературного языка на базе кайкавского наречия). При этом В. С. Караджич считал, что штокавское наречие является сербским, в то время как чакавское и кайкавское – хорватские, так как именно у носителей этих двух наречий было выражено народное имя «хорваты».

Приблизительно к середине этого столетия в разных вариантах начинает использоваться сложный лингвоним *сербско-хорватский язык* как отражение тенденции к единению южнославянских народов – прежде всего сербов и хорватов, а также боснийцев и черно-

⁵ F. Fancev. Ilirstvo u hrvatskom preporodu.// Ljetopis JAZU za g. 1935/36, Zagreb, 1937, t. 49. S. 37 и далее; *его же*. Там же, 1940, t. 52. S. 119.

горцев. Во многом этому способствовал также так наз. «Венский литературный договор» 1850 г., которым сербские и хорватские деятели культуры провозгласили единство литературного языка. По утверждению хорватского историка литературы XIX в. И. Броза, целесообразность объединения лингвонимов *сербский язык* и *хорватский язык* обосновал в 1866 г. сербский лингвист Дж. Даничич – в виде *hrvatski ili srpski jezik / srpski ili hrvatski jezik* ‘хорватский или сербский язык / сербский или хорватский язык’⁶.

Практические трудности единения отражают предлагавшиеся в это время различные лингвонимические варианты. Лингвоним в сложном или сложно-составном виде начал употребляться еще до 1866 г. – и не только среди самих носителей языка. По утверждению Р. Ленчека (см. «Литературу»), одним из первых его по-немецки в виде *der serbische und illyrische Dialekt* ‘сербский и иллирийский (здесь: хорватский) диалект’ в 1822 г. использовал словенский славист В. /Е. Копитар, после чего в 1824 г. Я. Гримм употребил лингвоним *Serbisch-croatische* ‘сербско-хорватский язык’. И. Мажуранич в своей «Хорватской грамматике для гимназий и реальных школ» (1859) настаивал на лингвониме *хорватско-сербский или сербско-хорватский* – *hèrvatsko-sèrbski, ili: sèrbsko-hèrvatski jezik*. Вопрос о лингвониме был специально поднят даже на заседании Хорватского Собора в Загребе в 1861 г., когда обсуждали такие варианты, как *хорватско-славонско-сербский язык*, *хорватско-славонский язык*, *югославянско-хорватско-сербский язык*, *хорватский или сербский язык*, однако выбрали лингвоним *югославянский язык*. Но уже в 1867 г. Собор остановился на двукомпонентном этнически мотивированном лингвониме с союзом *или*. В 1899 г. Т. Маретич пишет «Граматику и стилистику *хорватского или сербского языка*». После Второй мировой войны в Югославии даже «Новосадский договор» 1954 г., подчеркнувший единство языка и кодифицировавший его двукомпонентный лингвоним (с возможностью перестановки самих компонентов на первое место и обратно), не смог до конца решить вопрос, особенно беспокоивший хорватов.

В 1967 г. ряд хорватских учреждений, заявив об ущемлении прав своего языка (варианта – как тогда считали), выступили с «Де-

⁶ I. Broz. Crtica iz hrvatske književnosti. Sv. I. Zagreb, 1866. S.166.

кларацией о названии и положении *хорватского литературного языка*», в котором выдвигалось требование о «выходе» из двукомпонентного лингвонима, т.е. об использовании только лингвонима *хорватский язык*, что было отражено позднее и в конституции Хорватии в 1974 г. Чтобы как-то избежать «лингвонимического напряжения», в 70-е гг. учебники сербско-хорватского языка в других республиках Югославии выходили под такими громоздкими названиями, как «Учебник *сербско-хорватского / хорватско-сербского языка*» и под.

Еще раньше, с 50-х гг. XX в., единство языка иногда поддерживалось избеганием употребления двукомпонентного лингвонима, поскольку он не покрывал все этносы, говорившие на сербско-хорватском языке. Нередко в таком случае использовался только таксон *язык*, правда, часто с неэтническим детерминативом, ср. названия журналов, посвященных вопросам сербско-хорватского языка, хорватский «*Jezik*» («Язык»), сербский «*Наш jezik*» («Наш язык»), боснийский «*Književni jezik*» («Литературный язык») и др.

Ситуация «перетягивания одеяла на себя» со стороны хорватов вызвала цепную реакцию: боснийцы стали поднимать вопрос о том, что в двукомпонентном лингвониме отражены лишь два народа и не отражено их этническое имя. С начала 90-х гг. XX в., с развалом Югославии, возникшие на ее основе новые государства стали проводить несогласованную друг с другом этническую и языковую политику. Произошел распад «договорного» сербско-хорватского литературного языка, в результате которого в социолингвистическом плане стали в конечном счете употреблять лингвонимы *srpski jezik* ‘сербский язык’ – для сербов (и черногорцев), *hrvatski jezik* ‘хорватский язык’ – для хорватов. С 90-х гг. XX в. в Боснии и Герцеговине боснийцы-мусульмане активизируют лингвоним *bosanski jezik / bosanski jezik* ‘боснийский язык’, что вызывает протесты со стороны сербов и хорватов как в самой республике, так и в Сербии и в Хорватии, поскольку этим лингвонимом покрывается не только мусульманское, но и сербское, и хорватское население республики, поэтому предлагается лингвоним *bošnjački jezik / bošnjački jezik* ‘босняцкий / бошняцкий язык’, который будет относиться только к боснийцам-мусульманам. Однако последние настаивают на первом

лингвониме. Задолго до 90-х гг. XX в. появились попытки создать «черногорский язык» – *црногорски језик* / *crnogorski jezik*.

Если с лингвонимами все, как говорится, в порядке, – в них отражена теперь этническая мотивация, то сложнее дело обстоит с внутриязыковой спецификой, поскольку различия между этими языковыми вариантами практически на всех уровнях (фонетическом, грамматическом и т.д.) минимальные, а это означает, что, как и ранее, носители их в общении друг с другом находят полное взаимопонимание. Уместно в этой связи задать вопрос: не приведет ли это в будущем к новому сближению этих языков и не возродится ли угасающий лингвоним *сербско-хорватский* / *хорватско-сербский язык*? Ответ на этот вопрос даст время. Между тем лингвоним с двукомпонентным детерминативом продолжает употребляться в зарубежной, т.е. неюжнославянской, сербокроатистике.

7.5. О лингвонимах других славянских языков.

Болгарский язык: детерминатив от тюркского этнонима **bulgar* и таксон *език* дают лингвоним *български език*; в XIX в., а также частично в XX в. использовались разные написания и формы лингвонима: *Áíĕāāđñĕē ѡѣѡĕŭ*, *болгарски(й) языкъ*, *български языкъ*, *български языкъ* и др.

Македонский язык: оригинальный лингвоним *македонски јазик*. В XIX в. среди македонской интеллигенции шли поиски лингвонима – типа *славяноболгарский* / *славено-болгарский язык*, *болгарский язык*, *македоноболгарский язык*, *славяномакедонский* / *словеномакедонский язык* и под., но они не нашли поддержки в народе.

Чешский язык: *český jazyk*, позднее и однокомпонентный лингвоним *čeština*. Впервые чешские лингвонимы появились в письменности на латинском языке в виде *lingua Sclavonica* ‘славянский язык’ (начало XII в.), потом *lingua Slavico-Bohemica* или *lingua Slavo-Bohemica* ‘славяно-чешский язык’ и, наконец, *lingua Bohemica* ‘чешский язык’ в последующие столетия.

Польский язык: лингвоним для этого языка можно считать одним из самых устойчивых в славянской лингвонимии; он выступает как в двукомпонентной форме *język polski* ‘польский язык’, так и в однокомпонентной, – *polszczyzna* ‘то же’.

Рассмотренный нами материал недвусмысленно показывает, как важно для истории каждого языка и культуры каждого народа знать их лингвонимическое развитие, которое может идти параллельно, но нередко проходит и иными путями, нежели развитие этнонимическое. В качестве актуальной задачи славянской лингвоники выступает в этой связи конкретно-историческое изучение лингвонимов как совокупности в каждом славянском языке и сравнительно-типологическое исследование их происхождения, структуры и развития внутри славянской группы, в контексте индоевропейских языков и шире – языков мира. Результатом такой работы должен был бы стать толковый словарь славянских лингвонимов. Такой словарь был бы полезным дополнением к собраниям и словарю славянских этнонимов и к систематическому курсу истории славянских литературных языков.

Глава 11

Происхождение и развитие славянской письменности. Старославянский и церковнославянский языки

Литература общего содержания

Литературу по старославянско-церковнославянскому языку см. после очерка.

Библиография: Г. А. Ильинский. Опыт систематической кирилло-мефодьевской библиографии. Под ред. и с доп. М. Г. Попруженко и Ст. М. Романского. София, 1934; М. Попруженко и Ст. М. Романский. Кирилло-методиевска библиография за 1934–1940 год. София, 1942; И. Е. Можаяева. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945–1974 г. М., 1980; И. Дуйчев, А. Кирмагова, А. Паунова. Кириллометодиевска библиография. 1940–1980. София, 1983.

Брайчевський М. Походження слов'янської писемності. Київ, 1998.

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

Графика у славянъ. (Энциклопедія славянської філології. Вип. 3). СПб., 1911.

Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963; изд. 2-е.: М., 1988.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; переизд.: М., 1979.

Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I–IV. София, 1985–2003.

Лавровъ П. А. Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. (Энциклопедія славянської філології. Вип. 4.1). Петроградъ, 1914; *его же*. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. М., 1930.

Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред. В. Д. Королук. М., 1981.

Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

Ягичъ И. В. Разсужденія южнославянскої и русскої старины о церковнославянскомъ языкѣ. (Серія «Изслѣдованія по русскому языку»). СПб., 1895; *его же*. Глаголическое письмо и графика у славянъ. (Энциклопедія славянської філології. Вип. 3). СПб., 1911.

Eckhardt Th. Azbuka. Versuch einer Einführung in das Studium der slavischen Paläographie. Wien / Köln, 1989.

Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

Wójtowicz M. Początki pisma słowiańskiego. Poznań, 2000.

1. Из истории славянской письменности

1.1. О славянской палеографии. Прежде чем говорить о славянской письменности, необходимо затронуть вопрос о палеографии – вспомогательной историко-филологической дисциплине, которая изучает памятники письменности, обращая внимание на их внешнюю сторону: почерк, украшения в виде заставок, инициалов, миниатюр и под., способы и приемы написаний, и, наконец, мате-

риал, на который ложится письмо. Надписи на бытовых предметах относятся к компетенции эпиграфики, хотя и могут дополнительно привлекаться и в палеографии. Чаще всего палеографы изучают тексты прошедших столетий – в большинстве случаев до конца XVIII в., но при необходимости палеографические подходы могут применяться и по отношению к рукописям и печатным изданиям новейшего времени. При этом исследователи ставят задачу установления подлинности памятника, его места и времени написания – последние два фактора не всегда отмечаются в рукописи. В случае недатированных текстов изучают особенности начертания букв, характерные для определенного периода, – например, начертание буквы *к* мало что дает, а вот, скажем, буква *ч* переживала различные модификации в разное время; важен также материал, на котором написан текст, – зная, например, что бумага стала употребляться на Руси с XIV в., нельзя рукописи, выполненные на ней, относить к более раннему времени, и т.д.

В славянской палеографии, и в русской в том числе, выделяют три сменяющих друг друга вида письма:

а) *уставное* (XI–XVI вв.) – строгое, торжественное: буквы пишутся прямо, без наклона, для них характерна геометричность, вертикальные линии толще горизонтальных, равномерная дистанция между буквами, но нет ее между словами;

б) в XIV–XV вв. на смену уставу приходит *полуустав*, разработанный писцами деловых актов для быстроты их оформления: наклоны в ту или другую сторону, размеры букв не выдерживаются, появилась угловатость в их написании, начинается деление на слова и сокращения слов;

в) с XV–XVI вв. полуустав сменяет *скорпись*, что было вызвано распространением грамотности, увеличением объема деловых и проч. текстов: уже нет торжественно-строго написания букв, связываются они друг с другом линиями, почерк размашистый с заметными признаками индивидуальности, появляются выносные буквы над строками – для экономии бумаги, используются титла и т.д.

Что касается материала, то им могли быть: пергамен (особым образом обработанная кожа животных), кора березы – береста, ткани, деревянные доски, каменные плиты, наконец, бумага. Материал

для письма был очень дорог – особенно пергамен, а затем бумага. Утверждается, что, например, написание «Остромирова Евангелия» (1056–1057) потребовало пергамен из кожи 175 телят. Учитывая исполнение и материал рукописей, ученые могут определять оригиналы и подделки. Нередко важнейшим аргументом в решении таких проблем выступает язык, по которому можно установить место (местные диалектные особенности) и даже время создания текста (развитие тех или иных особенностей звукобукв, грамматических форм). Так в XIX в. были разоблачены подделки под древнечешские рукописи слависта В. Ганки, названные им «Краледворская рукопись» и «Зеленогорская рукопись».

Древние памятники письменности дошли до нас в основном в виде книг, грамот и свитков, а также различных надписей. Грамоты писались на отдельных листах и, как правило, на одной стороне. Свитки в виде трубок назывались еще «столбцами»: свод российских законов «Уложение» 1649 г. содержит столбец длиной в 300 метров на 959 листах. Рукописи украшались вязью, орнаментом, миниатюрами.

1.2. О создании славянской письменности. В узком смысле под «славянской письменностью» понимаются нелатинические системы письма – глаголица и кириллица во всех их разновидностях. В широком смысле в это понятие можно включать также и славянское письмо, сформировавшееся позднее на основе латинского с известными дополнениями к нему: с XIII в. для чешского, с XIV в. для хорватского и польского, с XVI в. для серболоужицких, с XVII в. для словацкого; эпизодом без продолжения является памятник словенской письменности «Брижинские (Фрейзингские) отрывки», исполненный латиницей и датировемый X–XI вв.

Вопросу славянской письменности, ее возникновению и распространению посвящена огромная литература, которая появляется уже на протяжении более двух веков. История того, кто, как и когда создавал славянское письмо в узком смысле, освещается во всех университетских учебниках старославянского языка, в научно-популярной литературе и т.д. с достаточной подробностью. Поэтому здесь мы лишь отдельными штрихами представим этот процесс, опираясь на известные источники IX–XI вв., а именно на «Житие

Константина» и «Житие Мефодия», на сказание черноризца Храбра «О письменах», на буллы епископа Адриана в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию» и папы Иоанна VIII от 880 г., на «Итальянскую легенду», сочинения Анастасия Библиандера / Библиотекаря (800–880) и некоторые другие косвенные источники.

Согласно указанным источникам, славянское письмо в IX в. создали братья Константин, в монашестве – Кирилл (826 или 827–869) и Мефодий (ок. 815–885), но большинство источников приписывает авторство именно младшему брату Кириллу, а помощником в этом деле представляет Мефодия. Связано это было с принятием славянами с VIII по X вв. христианства.

– Братья родились в Салониках (по-славянски Солунь) и были славянами по происхождению, хотя нередко источники их называют греками, – это и понятно: они были двуязычны, учились на греческом; служба и деятельность отца и их самих проходила на греческом языке. Все выходцы из Византии как для самой империи, так и для народов за ее пределами, были греками, – точно так же, как сейчас, например, жителей Австрии называют австрийцами, хотя они могут быть не только австрийцами-немцами, но и проживающими там словенцами, хорватами, чехами и т.д. Более того, братья за создание письменности на чужом языке – даже при отличном владении им, не так просто, – язык, кроме всего прочего, нужно еще чувствовать, в противном случае в созданном письме и в текстах переводов обнаружился бы элементарный греческий «акцент» – а в действительности в текстах славянских первоучителей мы усматриваем греческий лишь как модель.

– Нет сомнения в том, что, познавая окружающий мир, изучая другие языки, Кирилл еще в молодости обратил внимание на необходимость того, что славяне должны иметь собственную, хорошо разработанную систему письма («имеют они – будем иметь и мы»). наброски, а скорее всего уже готовый проект славянского письма и первые тексты на нем стали известны не только в Царьграде (Константинополе), – иначе зачем бы моравский князь Ростислав обратился в византийско-греческий религиозно-культурный очаг за помощью в организации у себя богослужения по-славянски?

– «<...> Ростислав, князь моравский, по божьему наущению держал совет с князьями своими и мораванами, а (потом) послал к цесарю Михаилу, говоря: ‘Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Так пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. От вас ведь исходит во все земли добрый закон’», –

написано в «Житии Константина».

– Византийский царь Михаил послал в Моравию братьев – и не только потому, что они, как и солуняне, «все чисто говорят по-славянски» (из «Жития Мефодия»), но и потому, что они были уже готовы к такой миссии: славянское письмо уже было создано, переведены с древнегреческого некоторые религиозные книги и т.д.

– «И когда дошел до Моравии, принял Ростислав его с великою честью и, учеников собрав, отдал их (ему) учить. И вскоре перевел весь церковный чин и научил их и утрне, и часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве. И отверзлись по пророческому слову уши глухих, чтобы услышали слова книжные, и ясна стала речь косноязычных. И Бог возрадовался (видя) это, а дьявол был посрамлен. Когда же стало распространяться Божье учение, изначальный злой завистник, дьявол, не желая терпеть это добро, вошел в орудия свои и стал поднимать (против него), говоря им: ‘Не служит это прославлению Божьему. <...> он (Бог) ведь (избрал) лишь три языка, еврейский, (греческий и латинский), на которых подобает воздавать хвалу Богу’», –

сказано в «Житии Константина».

Действительно, противодействие местных (немецких) священников заставило братьев отправиться в Рим за поддержкой папы.

– Тот же источник сообщает:

«И так 40 месяцев провел в Моравии и пошел рукоположить учеников своих. Принял же их на пути Коцел, князь паннонский, и очень возлюбил славянские буквы, и научился им и дал (ему) до пятидесяти учеников, чтобы научились им, и великую ему честь оказал, и проводил его дальше».

– Поддержка в Риме была получена, однако Кирилл из-за болезни скончался там. Мефодий получает сан епископа Моравии и Паннонии и возвращается, занимаясь просветительством еще 16 лет. Однако ситуация по тем же причинам вновь обостряется, новый

папа Стефан VI предаёт анафеме славянское богослужение, учеников изгоняют, а в 885 г. умирает и Мефодий.

– Ученики продолжают дело своих учителей южнее, среди балканских славян. Из выдающихся учеников Кирилла и Мефодия известна деятельность Климента, создателя в Македонии (исторически – Западной Болгарии) «Охридской школы славянской письменности», и Наума, много сделавшего для создания на востоке Болгарии, во времена царя Симеона (893–927), «Преславской школы славянской письменности», традиции которой развивал его младший ученик Константин. В этот круг входили также черноризец Храбр, экзарх (глава отдельной церкви) Иоанн.

1.2.1. Глаголица и кириллица. Так случилось, что нам до сих пор неизвестно, какое письмо было у истоков славянской письменности: самые ранние тексты указаний на это не содержат. Известно только, что их было два, – глаголица и кириллица. Название первой происходит от слова *глаголь* ‘слово, речь’ – по аналогии со словом *буквица*, что значит ‘письмо’; название второй – от имени *Кирилл* и в память о нем. Ситуация осложняется тем, что от времени деятельности первоучителей не сохранилось памятников письменности. В наших руках преимущественно копии первоначальных текстов либо рукописи, созданные позже.

Все это вызвало массу вопросов: какая система письма была создана ранее и именно Кириллом, каков источник той и другой системы, где были созданы глаголица и кириллица и т.д. В научной литературе за последние два столетия на эту тему появилось бесчисленное количество публикаций на разных языках, которые практически невозможно обозреть. Не будем делать этого здесь и мы. Для удобства приведем таблицу, в которой в хронологическом порядке представим мнения разных исследователей на вопрос о том, какая из двух азбук была создана первой. Сразу же оговоримся: в таблице отражен далеко не полный состав имен, не всегда была возможность установить время появления той или иной гипотезы или мнения исследователя, тем более что некоторые авторы, развивая свои соображения, меняли либо модифицировали свои взгляды, и т.д.

Таблица № 1

<i>исследователи</i>	<i>какое письмо старше</i>	
	<i>глаголица</i>	<i>кириллица</i>
G. Dobner (1785)	+	
J. Dobrovský (1832)		+
B./ J. Kopitar (1836)	+	
P. J. Šafárik (1848, 1858)	+	
В. И. Григорович	+	
И. И. Срезневский		+
А. И. Соболевский (1909)		+
П. А. Лавров (1914)	+	
V. Jagić / И. В. Ягич (1911)	+	
В. Н. Щепкин (1918)	+	
Е. Ф. Карский (1928)		+
Н. Н. Дурново (1929, 1931)	+	
N. S. Troubetzkoy	+	
I. Orićenko (1938)	+	
G. Tschernochvostoff (1949)	+	
А. М. Селищев (1951)	+	
Е. Георгиев (1952 →)		+
Е. Э. Гранстрем (1955)		+
F. V. Mareš (1971)	+	
Т. А. Иванова (1977)	+	

Как видим, в количественном плане преобладают те, кто видит в глаголице первоначальное славянское письмо. Причем такой взгляд был впервые высказан еще в последней четверти XVIII в. Действительно, большинство исследователей и в настоящее время отдают временное преимущество глаголице, приводя такого рода аргументы:

- памятники глаголической письменности по языку архаичнее;
- в кириллических (кирилловских) текстах нередко обнаруживаются вставки глаголицей – случаев же наоборот не отмечено;
- ряд кириллических текстов написан на палимпсестах, т.е. на пергамене или на другом материале со смытой или стертой глаголицей, – случаев же наоборот не отмечено;

– глаголицей исполнены самые старые из сохранившихся текстов, в том числе и тех, которые были составлены и написаны в Моравии;

– в формах глаголических букв больше индивидуальности их создателя, нежели у кириллицы, подкрепляемой массовым опытом использования, и др.

Преимущественное большинство славистов полагает также, что создателем глаголицы был Кирилл, на что указывают и источники, которые нами цитировались ранее. Впрочем, в некоторых регионах, где традиция глаголической письменности не прерывалась, авторство глаголицы приписывали и другим лицам. Так, на побережье Адриатики, начиная с XII в., хорватские глаголяши создателем глаголицы стали считать св. Иеронима (340–420). В течение ряда веков Иероним был большой знаменитостью: он перевел «Библию» на разговорный, «вульгарный», латинский язык (потому перевод стали называть *Vulgata*), а в католическую церковь вместо греческого ввел латинский язык. Глаголяши называли свое письмо «письмом Иеронима» – *littera Hieronymiana*. Эта традиция протянулась там до эпохи Гуманизма.

В связи с глаголицей возникает еще и такой вопрос: что могло стать образцом и / или источником глаголицы? За многие годы высказаны разные предположения. Некоторые из них мы суммировали и хотим показать в нижеследующей таблице, которую также не следует считать безупречной по указанным выше причинам.

Таблица № 2

<i>авторы</i>	<i>мнение об источнике происхождения и / или об образце для глаголицы</i>
C. Grubissich (1766)	возникла до принятия христианства на основе готского рунического письма
R. Abicht (1815)	с опорой на армянское и грузинское письмо
P. J. Šafárik (1853 →)	с опорой на греческое + др.-еврейское и коптское письмо
I. Taylor (1881)	греческий курсив (минускул)
M. Gaster (1887)	с опорой на армянское и грузинское письмо

<i>авторы</i>	<i>мнение об источнике происхождения и / или об образце для глаголицы</i>
V. Jagić (1884, 1911)	греческий курсив (минускул)
V. Vondrák (1896–1897)	возможно, греческий минускул + др.-еврейское и коптское письмо
Н. К. Грунский (1904)	греческое, латинское + еврейское письмо
A. Leskien (1905)	греческий курсив (минускул)
Ф. Ф. Фортунатов (1913)	в целом греческий минускул + коптские знаки
K. Wessely (1913)	латинский курсив VII или VIII вв. среди славян Истрии и соседних областей
R. Nahtigal (1923)	возможно, греческий курсив (минускул)
С. М. Кульбакин (1927)	греческий курсив (минускул)
Н. Н. Дурново (1929, 1931)	греческий курсив (минускул)
J. Vajs (1932)	возможно, греческий курсив (минускул); греческое + др.-еврейское, коптское письмо
М. Hocij (1939)	латинский курсив VII или VIII вв. среди славян Истрии и соседних областей
G. Tschernochvostoff (1949)	индивидуальное творчество Кирилла на основе трех символов христианства – креста, колеса и треугольника
J. Hamm (1947)	готское русинское письмо
А. М. Селищев (1951)	греческое + др.-еврейское, коптское письмо
Е. Георгиев (1952 →)	индивидуальное творчество Кирилла
W. Lettenbauer (1953)	латинский курсив VII или VIII вв. среди славян Истрии и соседних областей
N. S. Troubetzkoy (1954)	греческое письмо и, возможно, восточные
A. Vaillant (1955)	индивидуальное творчество Кирилла
V. Kiparsky (1964)	индивидуальное творчество Кирилла
F. V. Mareš (1971)	индивидуальное творчество Кирилла
V. Tkadlčík (1971)	греческое письмо + восточные
V. Mošin (1973)	индивидуальное творчество Кирилла
Г. А. Хабуграев (1974)	греко-византийский унциал + некоторые модифицированные буквы глаголицы
М. Wójtowicz (2000)	элементы греческого письма + христианская символика

Итак, если судить по приведенным данным, глаголица отражает в известной мере индивидуальные представления Кирилла о письме, хотя и поддерживается в некоторых случаях образцами греческого и некоторых восточных систем, а также христианской символики.

Предполагается, что кириллица создавалась уже после смерти Мефодия, т.е. после 885 г., а конкретнее – на рубеже IX и X вв. В качестве причин поворота в сторону новой системы письма называют необходимость более практичного письма как для церкви, так и для светской сферы, а также требование Византии, под юрисдикцией которой долгое время находилась болгарская церковь, приблизить письмо к общегреческому культурно-религиозному миру.

Сравнение кириллицы с греческим письмом дало возможность исследователям в известной мере сблизить их. Так, Е. Ф. Карский (1928) считал, что кириллица базируется на греческом унциальном письме (маюскуле), правда, с использованием некоторых знаков по образцу других систем. С греческим маюскулом связывали происхождение кириллицы Н. Н. Дурново (1929, 1931), Г. А. Ильинский (1931) и др. Болгарский славист Э. Георгиев (1952 →) полагал, что кириллица – это славянизированное греческое письмо, на основе которого позднее возникла глаголица (эту точку зрения в славистике мало кто поддерживает). В последнее время польский славист М. Вуйтович (2000), рассматривая важнейшие гипотезы, высказал мнение о том, что к кириллице было приспособлено греческое письмо, при этом недостающие знаки создавались по образцу таковых в глаголице.

Немало вопросов возникает и в связи с авторством (создателем) кириллицы и местом ее возникновения. Изложенная выше кратко история славянской письменности и ее культивирование в Моравии показывает, что после изгнания оттуда ученики Кирилла и Мефодия продолжили их дело южнее, а именно на Балканах. Абсолютное большинство исследователей доказывают, что кириллица – дело учеников славянских первоучителей, при этом некоторые уточняют время, называя период царствования в Болгарии Симеона (893–927), – В. Ягич (1911), М. Малецкий (1947), Т. Лер-Сплавинский (1948), Й. Вашица (1966), А. Достал (1969) и др.

Некоторые слависты высказывают также предположения о месте создания кириллицы: для одних это Восточная Болгария, «Преславская школа славянской письменности» (Наум, Константин) – М. Н. Сперанский (1928), А. М. Селищев (1951), Я. Станислав (1967), С. Б. Бернштейн (1961 – Преслав; 1984) и др., для других – это историческая Западная Болгария, ныне Македония, причем авторство здесь приписывается св. Клименту Охридскому, – П. Й. Шафарик (1858), Д. Ангелов (1966), В. А. Мошин (1966), В. Кипарский (1964, 1968), Ф. В. Мареш (1994), М. Вуйтович (2000) и др. Некоторые авторы, как, например, чешский славист В. Ткадлчич (1971, 1972), просто указывают на «болгаро-македонскую среду».

Таким образом, идея первого славянского письма, глаголицы, возникла в IX в. в Византийской империи в славяно-греческой среде, в которой пребывал ее создатель Константин-Кирилл, – по линии от славяно-греческих Салоник до греческого Царьграда (Константинополя), при этом, как свидетельствуют «Солунская легенда» и «Успение св. Кирилла», еще до поездки в Моравию Кирилл пытался пропагандировать свое письмо в окрестностях Салоник. В этом смысле можно говорить, что глаголица, как, впрочем, и кириллица, являются славяно-балканским культурным феноменом, распространявшимся среди славянских народов.

1.2.2. Таблица глаголицы и кириллицы

Таблица № 3

Ѧ	1	<u>аз</u>	а	1	[а]
Ѣ	2	<u>буки</u>	á	–	[б]
Ѧ	3	<u>веди</u>	â	2	[в]
Ѧ	4	<u>глаголи</u>	ã	3	[г]
Ѧ	5	<u>добро</u>	ä	4	[д]
Ѧ	6	<u>есть</u>	å	5	[е]
Ѧ	7	<u>живете</u>	æ	–	[ж']
Ѧ	8	<u>зело</u>	ѕ ѕ̑	6	[д↑з']

Ɔ	9	<u>земля</u>	ç	7	[з]
Ƨ	10	(i) иже	² ċ	10	[и]
Ƨ	20	<u>и</u> (иже)	è	8	[и]
Ƨ	30	<u>гьєрв</u>	(∩)	–	[г’]
Ƨ	40	<u>како</u>	ê	20	[к]
Ƨ	50	<u>люди</u>	ë	30	[л]
Ƨ	60	<u>мыслете</u>	ì	40	[м]
Ƨ	70	<u>наш</u>	í	50	[н]
Ƨ	80	<u>он</u>	î	70	[о]
Ƨ	90	<u>покой</u>	ï	80	[п]
Ƨ	100	<u>рцы</u>	ǒ	100	[р]
Ƨ	200	<u>слово</u>	ñ	200	[с]
Ƨ	300	<u>твердо</u>	ò	300	[т]
Ƨ	–	ижица	ʋ	400	[и, в]
Ƨ	400	<u>ук</u>	îó ȝ	(400)	[у]
Ƨ	500	<u>ферт</u>	ô	500	[ф]
Ƨ	600	<u>хер</u>	ǒ	600	[х]
Ƨ	700	<u>от</u>	ʍ	800	[о]
	800	<u>пѣ (пе)</u>			
Ƨ	900	<u>цы</u>	ö	900	[ц’]
Ƨ	1000	<u>червь</u>	ʋ ÷	90	[ч’]
III	–	<u>ша</u>	ø	–	[ш’]
Ƨ	800	<u>шта</u>	ц	–	[ш↑т’]
Ƨ	–	<u>єр</u>	ú	–	[ѣ]
Ƨ	–	<u>єры</u>	û	–	[ы]
Ƨ	–	<u>єрь</u>	ü	–	[ѣ]
Δ		<u>ять</u>	ѣ	–	[’]
Δ	–	<u>ѣж</u>		–	

Ю	—	ю	ђ	—	[jy, 'y]
Ѣ	—	юс малый	Ѧ	(900)	[e]
Ѥ	—	юс малый йотированный	Ѩ	—	[jɛ, 'ɛ]
Ѧ	—	юс большой	Ѫ	—	[П]
Ѩ	—	юс большой йотированный	Ѭ	—	[jП, 'П]
Ѣ	—	фита	Ѥ	9	[ф]
			Ѧ	—	[je, 'e]
			Ѩ	—	[ja, 'a]
		кси	Ѫ	60	[кс]
		пси	Ѭ	700	[пс]

Примечание: 1) числовые значения в глаголице и кириллице не сопадали; 2) буква гervъ в кириллице практически не употреблялась.

Как видим, славянские буквы, помимо звукового значения, выражали также и число.

Если в Восточной Болгарии судьба глаголицы была в целом недолгой, то на западе и на Адриатическом побережье в частности она задержалась на века.

1.2.3. Из истории глаголицы. В истории глаголицы выделяется несколько периодов:

1) салоникий (салоникско-царьградский) до 863 г., от которого ничто до нас не дошло;

2) моравско-паннонский 863– 885 гг., от которого в списках остались лишь «Киевские листки» (X в.) и «Пражские глаголические отрывки» (XI в.);

3) охридский 886 г. – XII в.;

4) хорватский с XII /XIII в. (а возможно, и ранее) по настоящее время.

В охридский период в Македонии стала использоваться глаголица, в то время как в Восточной Болгарии утверждалась кириллица. В Охриде употреблялась *округлая глаголица*, которой исполнены

«Зографское Евангелие», «Мариинское Евангелие», «Ассеманиево Евангелие», «Сборник Клоца». *Полуугловатой глаголицей* написаны «Синайский молитвенник» и «Синайская псалтырь». С середины XII до середины XIII вв. в употребление входит полукруглая глаголица, которой оформлены «Охридское Евангелие», «Отрывок Гршковича» и др. С XII в. в Македонии уже нет глаголических памятников из-за давления Византии и византийской церкви, а также из-за противостояния к богомилству. Однако еще до указанного времени здесь параллельно стала употребляться кириллица, которая, по некоторым гипотезам, в Македонии и была создана (см. выше).

Самый старый глаголический памятник хорватского периода глаголицы – «Венские листки», затем следуют «Лондонские отрывки» из брeвиара, некоторые эпиграфические памятники типа «Валунской плиты», «Надписи острова Крк», «Пломинской надписи», особенно «Башанской плиты» и др. *Угловатая*, или *унциальная*, глаголица отражена в надписях и в текстах с середины XIII и до конца XV вв.: «Ватиканский мисал», «Врбницкий брeвиар» и ряд других брeвиаров, в XV в. – «Мисал Хрвоя», «Рочский мисал», «Хумский брeвиар» и др. Появляется и еще одна разновидность глаголического письма – *книжный курсив*, на котором написаны «Фращичева псалтырь» 1464 г., юридический документ «Кожлячский развод» (1395) и др. В северной Далмации в XVII–XIX вв. развивается особый курсив. Не забудем, что с XIV в. в Хорватии в конкуренцию к глаголице вступает латиница. Кстати, первой печатной хорватской книгой был глаголический «Мисал по закону Римского двора» 1483 г., после чего последовали другие издания глаголицей вплоть до нового времени.

Немало сделали для развития глаголической письменности протестанты XVI в., которые печатали религиозную и светскую литературу глаголицей, кириллицей и латиницей: из 30 изданных ими книг 13 были напечатаны глаголицей, 8 кириллицей и 9 латиницей. Свои книги они печатали в Урахе (недалеко от Тюбингена) по инициативе словенского протестанта П. Трубара. Для Хорватии их готовили Стипан Конзул и Антун Далматин. В 1561 г. они издали глаголицей и кириллицей учебную книжечку «Таблица для детей», т.е.

основы грамоты. Интересен и такой эпизод в истории глаголицы: в XVII–XVIII вв. католическая церковь, стремясь все далее на восток, а для этого стараясь язык религиозных изданий сделать понятным как можно большему числу славян, решила русифицировать их, чем занимался Р. Левакович и его сотрудники¹. В XIX в. со стороны Рима на глаголическую деятельность хорватских священников оказывается давление. Однако традицию прервать не удалось.

В 1902 г. инициативой епископа А. Махнична на о. Крк была организована «Старославянская Академия», особые заслуги в деятельности которой имеет чешский палеославист Й. Вайс (издал серию глаголических книг и др.). В 1952 г. усилиями историка С. Ритига в Загребе открывается «Старославянский институт», который с этого же года издает серию трудов и научный журнал «Слово» («Sl-ovo»). Показательно, что в конце XX в. глаголизм в Хорватии как культурное явление возрождается: основано и функционирует «Общество друзей глаголицы», издающее газ. «Наследие» («Bašćina») с текстами, исполненными глаголицей, организуются курсы обучения глаголице («малые академии»), конкурсы и под.

1.2.4. Из истории кириллицы. Кириллица также прошла длительный путь исторического развития. Древнейшие кириллические памятники к концу IX и к X–XI вв.: это «Преславская надпись» 893 г. с именами царей Болгарии Бориса и Симеона, «Гнездовская надпись» начала X в. на Руси, далее идет «Добруджанская надпись» 943 г., болгарская «Надпись царя Самуила» 993 г., «Саввина книга» X в., «Супрасльская рукопись» XI в., «Остромирово Евангелие» 1056–1057 гг., грамоты из Великого Новгорода, начиная с XI в., и др. Кириллица меняла формы своих знаков, приспосабливая их к тем или иным условиям. Обратим внимание на некоторые ее локальные особенности.

В западной части Балканского полуострова, вероятно, уже с XI–XII вв. начинает формироваться разновидность кириллицы, получившая название **босанчицы** (по-другому – боснийская кириллица, боснийская азбука, босаница, «западная кириллица» и др.). Как говорит само название, эта кириллица была создана в Боснии,

¹ Этому вопросу посвящена новейшая монография: V. Babič. Vpliv vzhodne cerkvene slovanščine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju. Ljubljana, 2000.

но употреблялась также и в соседних областях – в Дубровнике и в средней части Далмации. В техническом плане ее особенностью является специфическое написание некоторых кириллических букв и некоторые изменения в их составе – см. таблицу № 4:

Таблица № 4

	a		o
ѡ	в	о	p
Ѣ	v	п	r
п	g	р	s
ѣ	d	с	t
Ѥ, Ѧ, ѧ	e	ѡ	u
ѥ	ž	Ѧ	f
Ѧ, ѧ, Ѩ	dz	ф	x
ѩ	z	х	ot
Ѫ	i	ѡ	šč/št
ѫ	đ/ć	Ѣ	c
Ѭ	k	ѣ	č
ѭ	l	ѥ	š
Ѯ	lj	Ѧ	ъ
ѯ	m	ѧ	љ
Ѱ	n	Ѩ	ju
ѱ	nj	ѩ	
Ѳ		Ѫ	
ѳ		ѫ	
Ѵ		Ѭ	
ѵ		ѭ	
Ѷ		Ѯ	
ѷ		ѯ	
Ѹ		Ѱ	
ѹ		ѱ	
Ѻ		Ѳ	
ѻ		ѳ	
Ѽ		Ѵ	
ѽ		ѵ	
Ѿ		Ѷ	
ѿ		ѷ	
Ѡ		Ѹ	
ѡ		ѹ	
Ѣ		Ѻ	
ѣ		ѻ	
Ѥ		Ѽ	
ѥ		ѽ	
Ѧ		Ѿ	
ѧ		ѿ	
Ѩ		Ѡ	
ѩ		ѡ	
Ѫ		Ѣ	
ѫ		ѣ	
Ѭ		ѥ	
ѭ		Ѧ	
Ѯ		ѧ	
ѯ		Ѩ	
Ѱ		ѩ	
ѱ		Ѫ	
Ѳ		ѫ	
ѳ		Ѭ	
Ѵ		ѭ	
ѵ		Ѯ	
Ѷ		ѯ	
ѷ		Ѱ	
Ѹ		ѱ	
ѹ		Ѳ	
Ѻ		ѳ	
ѻ		Ѵ	
Ѽ		ѵ	
ѽ		Ѷ	
Ѿ		ѷ	
ѿ		Ѹ	
Ѡ		ѹ	
ѡ		Ѻ	
Ѣ		ѻ	
ѣ		Ѽ	
Ѥ		ѽ	
ѥ		Ѿ	
Ѧ		ѿ	
ѧ		Ѡ	
Ѩ		ѡ	
ѩ		Ѣ	
Ѫ		ѣ	
ѫ		ѥ	
Ѭ		Ѧ	
ѭ		ѧ	
Ѯ		Ѩ	
ѯ		ѩ	
Ѱ		Ѫ	
ѱ		ѫ	
Ѳ		Ѭ	
ѳ		ѭ	
Ѵ		Ѯ	
ѵ		ѯ	
Ѷ		Ѱ	
ѷ		ѱ	
Ѹ		Ѳ	
ѹ		ѳ	
Ѻ		Ѵ	
ѻ		ѵ	
Ѽ		Ѷ	
ѽ		ѷ	
Ѿ		Ѹ	
ѿ		ѹ	
Ѡ		Ѻ	
ѡ		ѻ	
Ѣ		Ѽ	
ѣ		ѽ	
Ѥ		Ѿ	
ѥ		ѿ	
Ѧ		Ѡ	
ѧ		ѡ	
Ѩ		Ѣ	
ѩ		ѣ	
Ѫ		ѥ	
ѫ		Ѧ	
Ѭ		ѧ	
ѭ		Ѩ	
Ѯ		ѩ	
ѯ		Ѫ	
Ѱ		ѫ	
ѱ		Ѭ	
Ѳ		ѭ	
ѳ		Ѯ	
Ѵ		ѯ	
ѵ		Ѱ	
Ѷ		ѱ	
ѷ		Ѳ	
Ѹ		ѳ	
ѹ		Ѵ	
Ѻ		ѵ	
ѻ		Ѷ	
Ѽ		ѷ	
ѽ		Ѹ	
Ѿ		ѹ	
ѿ		Ѻ	
Ѡ		ѻ	
ѡ		Ѽ	
Ѣ		ѽ	
ѣ		Ѿ	
Ѥ		ѿ	
ѥ		Ѡ	
Ѧ		ѡ	
ѧ		Ѣ	
Ѩ		ѣ	
ѩ		ѥ	
Ѫ		Ѧ	
ѫ		ѧ	
Ѭ		Ѩ	
ѭ		ѩ	
Ѯ		Ѫ	
ѯ		ѫ	
Ѱ		Ѭ	
ѱ		ѭ	
Ѳ		Ѯ	
ѳ		ѯ	
Ѵ		Ѱ	
ѵ		ѱ	
Ѷ		Ѳ	
ѷ		ѳ	
Ѹ		Ѵ	
ѹ		ѵ	
Ѻ		Ѷ	
ѻ		ѷ	
Ѽ		Ѹ	
ѽ		ѹ	
Ѿ		Ѻ	
ѿ		ѻ	
Ѡ		Ѽ	
ѡ		ѽ	
Ѣ		Ѿ	
ѣ		ѿ	
Ѥ		Ѡ	
ѥ		ѡ	
Ѧ		Ѣ	
ѧ		ѣ	
Ѩ		ѥ	
ѩ		Ѧ	
Ѫ		ѧ	
ѫ		Ѩ	
Ѭ		ѩ	
ѭ		Ѫ	
Ѯ		ѫ	
ѯ		Ѭ	
Ѱ		ѭ	
ѱ		Ѯ	
Ѳ		ѯ	
ѳ		Ѱ	
Ѵ		ѱ	
ѵ		Ѳ	
Ѷ		ѳ	
ѷ		Ѵ	
Ѹ		ѵ	
ѹ		Ѷ	
Ѻ		ѷ	
ѻ		Ѹ	
Ѽ		ѹ	
ѽ		Ѻ	
Ѿ		ѻ	
ѿ		Ѽ	
Ѡ		ѽ	
ѡ		Ѿ	
Ѣ		ѿ	
ѣ		Ѡ	
Ѥ		ѡ	
ѥ		Ѣ	
Ѧ		ѣ	
ѧ		ѥ	
Ѩ		Ѧ	
ѩ		ѧ	
Ѫ		Ѩ	
ѫ		ѩ	
Ѭ		Ѫ	
ѭ		ѫ	
Ѯ		Ѭ	
ѯ		ѭ	
Ѱ		Ѯ	
ѱ		ѯ	
Ѳ		Ѱ	
ѳ		ѱ	
Ѵ		Ѳ	
ѵ		ѳ	
Ѷ		Ѵ	
ѷ		ѵ	
Ѹ		Ѷ	
ѹ		ѷ	
Ѻ		Ѹ	
ѻ		ѹ	
Ѽ		Ѻ	
ѽ		ѻ	
Ѿ		Ѽ	
ѿ		ѽ	
Ѡ		Ѿ	
ѡ		ѿ	
Ѣ		Ѡ	
ѣ		ѡ	
Ѥ		Ѣ	
ѥ		ѣ	
Ѧ		ѥ	
ѧ		Ѧ	
Ѩ		ѧ	
ѩ		Ѩ	
Ѫ		ѩ	
ѫ		Ѫ	
Ѭ		ѫ	
ѭ		Ѭ	
Ѯ		ѭ	
ѯ		Ѯ	
Ѱ		ѯ	
ѱ		Ѱ	
Ѳ		ѱ	
ѳ		Ѳ	
Ѵ		ѳ	
ѵ		Ѵ	
Ѷ		ѵ	
ѷ		Ѷ	
Ѹ		ѷ	
ѹ		Ѹ	
Ѻ		ѹ	
ѻ		Ѻ	
Ѽ		ѻ	
ѽ		Ѽ	
Ѿ		ѽ	
ѿ		Ѿ	
Ѡ		ѿ	
ѡ		Ѡ	
Ѣ		ѡ	
ѣ		Ѣ	
Ѥ		ѣ	
ѥ		ѥ	
Ѧ		Ѧ	
ѧ		ѧ	
Ѩ		Ѩ	
ѩ		ѩ	
Ѫ		Ѫ	
ѫ		ѫ	
Ѭ		Ѭ	
ѭ		ѭ	
Ѯ		Ѯ	
ѯ		ѯ	
Ѱ		Ѱ	
ѱ		ѱ	
Ѳ		Ѳ	
ѳ		ѳ	
Ѵ		Ѵ	
ѵ		ѵ	
Ѷ		Ѷ	
ѷ		ѷ	
Ѹ		Ѹ	
ѹ		ѹ	
Ѻ		Ѻ	
ѻ		ѻ	
Ѽ		Ѽ	
ѽ		ѽ	
Ѿ		Ѿ	
ѿ		ѿ	
Ѡ		Ѡ	
ѡ		ѡ	
Ѣ		Ѣ	
ѣ		ѣ	
Ѥ		Ѥ	
ѥ		ѥ	
Ѧ		Ѧ	
ѧ		ѧ	
Ѩ		Ѩ	
ѩ		ѩ	
Ѫ		Ѫ	
ѫ		ѫ	
Ѭ		Ѭ	
ѭ		ѭ	
Ѯ		Ѯ	
ѯ		ѯ	
Ѱ		Ѱ	
ѱ		ѱ	
Ѳ		Ѳ	
ѳ		ѳ	
Ѵ		Ѵ	
ѵ		ѵ	
Ѷ		Ѷ	
ѷ		ѷ	
Ѹ		Ѹ	
ѹ		ѹ	
Ѻ		Ѻ	
ѻ		ѻ	
Ѽ		Ѽ	
ѽ		ѽ	
Ѿ		Ѿ	
ѿ		ѿ	
Ѡ		Ѡ	
ѡ		ѡ	
Ѣ		Ѣ	
ѣ		ѣ	
Ѥ		Ѥ	
ѥ		ѥ	
Ѧ		Ѧ	
ѧ		ѧ	
Ѩ		Ѩ	
ѩ		ѩ	
Ѫ		Ѫ	
ѫ		ѫ	
Ѭ		Ѭ	
ѭ		ѭ	
Ѯ		Ѯ	
ѯ		ѯ	
Ѱ		Ѱ	
ѱ		ѱ	
Ѳ		Ѳ	
ѳ		ѳ	
Ѵ		Ѵ	
ѵ		ѵ	
Ѷ		Ѷ	
ѷ		ѷ	
Ѹ		Ѹ	
ѹ		ѹ	
Ѻ		Ѻ	
ѻ		ѻ	
Ѽ		Ѽ	
ѽ		ѽ	
Ѿ		Ѿ	
ѿ		ѿ	
Ѡ		Ѡ	
ѡ		ѡ	
Ѣ		Ѣ	
ѣ		ѣ	
Ѥ		Ѥ	
ѥ		ѥ	
Ѧ		Ѧ	
ѧ		ѧ	
Ѩ		Ѩ	
ѩ		ѩ	
Ѫ		Ѫ	
ѫ		ѫ	
Ѭ		Ѭ	
ѭ		ѭ	
Ѯ		Ѯ	
ѯ		ѯ	
Ѱ		Ѱ	
ѱ		ѱ	
Ѳ		Ѳ	
ѳ		ѳ	
Ѵ		Ѵ	
ѵ		ѵ	
Ѷ		Ѷ	
ѷ		ѷ	
Ѹ		Ѹ	
ѹ		ѹ	
Ѻ		Ѻ	
ѻ		ѻ	
Ѽ		Ѽ	
ѽ		ѽ	
Ѿ		Ѿ	
ѿ		ѿ	
Ѡ		Ѡ	
ѡ		ѡ	
Ѣ		Ѣ	
ѣ		ѣ	
Ѥ		Ѥ	
ѥ		ѥ	
Ѧ		Ѧ	
ѧ		ѧ	
Ѩ		Ѩ	
ѩ		ѩ	
Ѫ		Ѫ	
ѫ		ѫ	
Ѭ		Ѭ	
ѭ		ѭ	
Ѯ		Ѯ	
ѯ		ѯ	
Ѱ		Ѱ	
ѱ		ѱ	
Ѳ		Ѳ	
ѳ		ѳ	
Ѵ		Ѵ	
ѵ		ѵ	
Ѷ		Ѷ	
ѷ		ѷ	
Ѹ		Ѹ	
ѹ		ѹ	
Ѻ		Ѻ	
ѻ		ѻ	
Ѽ		Ѽ	
ѽ		ѽ	
Ѿ		Ѿ	
ѿ		ѿ	
Ѡ		Ѡ	
ѡ		ѡ	
Ѣ		Ѣ	
ѣ		ѣ	
Ѥ		Ѥ	
ѥ		ѥ	
Ѧ		Ѧ	
ѧ		ѧ	
Ѩ		Ѩ	
ѩ		ѩ	
Ѫ		Ѫ	
ѫ		ѫ	
Ѭ		Ѭ	
ѭ		ѭ	
Ѯ		Ѯ	
ѯ		ѯ	
Ѱ		Ѱ	
ѱ		ѱ	
Ѳ		Ѳ	
ѳ			

Распространение босанчица получила в XIV–XVI вв. и позже (до XVIII в.), причем ее употребляли и боснийцы-мусульмане. Старейшими памятниками босанчицы являются: «Надпись из Повальского порога», «Повальская грамота» и, конечно, «Полицкий статут», текст бана Кулина, перевод «Александриды» и некот. др. С 1512 г. на босанчице начинают издавать и книги².

На Руси кириллица нашла широкое распространение уже в XI в., о чем свидетельствуют *новгородские грамоты на бересте*, обнаруживаемые с 1951 г. «Новгородской археологической экспедицией» в Великом Новгороде во время раскопок (но первые раскопки начались там еще в 1932 г.). Благодаря хорошей сохранности средневековых органических остатков – деревянных настилов уличных мостовых, дворовых вымосток, нижних венцов хозяйственных и жилых построек в условиях повышенной влажности, сохранились не только бытовые предметы, но и тексты – грамоты, написанные на коре березы. К началу 1998 г. таких грамот было обнаружено 873, причем в самом Новгороде 808, остальные – в Старой Руссе, в других местах – во Пскове, Смоленске, Витебске и т.д. В совокупности на этих грамотах нашел отражение достаточно большой лексический слой древнерусского языка – 2700 слов. Новгородские грамоты, как правило, небольшие по объему. Этот жанр был распространен на Руси до XV в., когда бумага начинает постепенно вытеснять бересту как средство письма и переписки. Тексты всех обнаруженных грамот с комментариями публикуются с 1952 г. в академической серии «Новгородские грамоты на бересте». В 1981 г. была обнаружена уникальная грамота (под № 591), на которой представлена кириллическая азбука из 32 букв: α β ϑ γ δ ε < φ ζ λ ν ο // π ρ σ τ ο ς ϕ ξ χ η ω ↓ // | Ј Ј] ⊙ – есть здесь и пропуски некоторых букв, и перестановка местами следования.

К этому следует добавить также открытие С. А. Высоцким азбуки в Софии Киевской. Азбука относится к XI в. и состоит из 27 букв, весьма сходных с греческими³.

² В Хорватии босанчицу предпочитают называть «хорватской кириллицей» – см., например: B. Zelić-Bučan. Bosančica ili hrvatska cirilica u srednjoj Dalmaciji. Split, 2000.

³ См.: С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам XI–XVII вв.). Киев, 1976.

Кириллица подвергалась неоднократным реформам. В России в 1710 г. Петр I ввел так наз. гражданку, освободившись от излишних знаков, за которыми уже не стояло звуковых значений, от надстрочных значков и т.д. Эта система просуществовала до 1917 г. В 1918 г. русская кириллица была вновь реформирована: помимо того, что были удалены излишние знаки, было упрощено правописание, что способствовало демократизации письма и более широкому распространению грамотности. В 1956 г. был предложен новый свод орфографических правил, который в основе сохраняется до настоящего времени, хотя неоднократно предпринимались попытки новых реформ. На основе русской кириллицы в 20–30-е гг. XX в. была создана письменность для многих языков СССР – как для тех, которые письменности не имели вообще, так и для сменивших старую, в основном арабскую, сначала на латиницу, а затем на кириллицу (об этом ниже).

В Сербии реформу старой графики и правописания провел в начале XIX в. Вук С. Караджич, приблизив их к произношению: он избавился от йотированных букв, введя *j*, от некоторых других букв, ввел новые знаки – *љ*, *њ*, *ћ*, *ђ*, *џ* и реализовал, таким образом, фонетический принцип правописания.

Недавно международной группой славистов подготовлен «Стандарт старославянского кириллического письма» с целью унификации и включения универсальную компьютерную систему Unicode⁴.

1.2.5. Таблица различительных знаков кириллицы в алфавитах современных славянских литературных языков. Ныне кириллическую систему письма используют болгарский, македонский, сербский, русский, белорусский, украинский, а также региональные и островные литературные микроязыки – карпаторусинский в Закарпатской Украине, в Восточной Словакии, в южной и юго-восточной части Польши, в Северной Венгрии, южнорусинский в Сербии и Хорватии, западнорусинский в Белоруссии. Ср. отличия алфавитов этих языков в таблице:

⁴ См.: Стандарт старословенског ћирилличког писма / Стандарт старославянского кириллического письма / Standard of the Old Slavonic Cyrillic script. Београд, 2008.

Таблица № 5

<i>буквы</i>	<i>болг.</i>	<i>макед.</i>	<i>серб.</i>	<i>рус.</i>	<i>бело- рус.</i>	<i>укр.</i>	<i>карп.- русин.</i>	<i>южно- русин.</i>	<i>зап.- полес.</i>
Г						+	+	+	
Ѓ		+				+		+	
Є						+	+	+	
Ё				+	+		+		+
И	+	+	+	+		+	+	+	+
І					+	+	+		+
Ї						+	+	+	
Й	+			+	+	+	+	+	
Ј		+	+						+
Ќ		+							
Љ		+	+						
Њ		+	+						
Ў					+				
Щ	+			+		+	+	+	+
Ъ	+			+			+		
Ы				+	+		+		+
Ь	+			+	+	+	+	+	+
Э				+	+				+
Ю	+			+	+	+	+	+	+
Я	+			+	+	+	+	+	+
Ѕ		+							
џ		+	+						
ђ			+						
ћ			+						

Примечания: 1) знаком «плюс» обозначено наличие той или иной буквы;

2) отсутствие буквы знаком «минус» не отмечается;

3) здесь отражен карпаторусинский алфавит Восточной Словакии;

4) звуковое значение представленных букв может различаться, например: *е* в болгарском, македонском и сербском это [э], в русском, белорусском, западнополесском это [’э] после мягких согласных, [jэ-] в начале слов, [-jэ-] между гласными, в украинском, карпаторусинском, южнорусинском это [э] в начале слов и после твердых согласных и т.д.; такого рода

особенности букв отмечены в алфавитах в главах 12 «Языки современных славянских наций» и 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)».

1.2.6. Применение латиницы у славян, как сказано выше, было связано с принятием христианства и с распространением вместе с ним латинского языка. Как следствие этого славянские народы, которые стали исповедовать христианство католического толка, оказались в рамках *Rex Slavia Latina* – отсюда и применение у них письма на основе латинского алфавита, но, разумеется, с добавлением знаков, которых не было в нем. Нижеследующая таблица показывает, в чем специфика славянской латиницы – хорватской, словенской, словацкой, чешской, польской, а также у микроязыков – градищанско-хорватского, банатско-болгарского, кашубского, верхне- и нижнелужицкого.

1.2.7. Таблица различительных знаков латиницы в алфавитах современных славянских литературных языков.

Таблица № 6

бук- вы	хорв.	град.- хорв.	словен.	бан.- болг.	словац.	чеш.	польск.	кашуб.	в.- луж.	н.- луж.
ä					+					
ą							+	+		
ã								+		
ć	+	+		+			+		+	+
č	+	+	+	+	+	+			+	+
cz							+	+		
d'					+	+				
đ	+									
dj	(dj)	+								
dz				(+)	+		+	+		
dž							+	+		
dź							+	+	+	+
dž	+	+		(+)						+
é								+		
ě						+			+	+
ë								+		

<i>бук- вы</i>	<i>хорв.</i>	<i>град.- хорв.</i>	<i>словен.</i>	<i>бан.- болг.</i>	<i>словац.</i>	<i>чеш.</i>	<i>польск.</i>	<i>кашуб.</i>	<i>в.- луж.</i>	<i>н.- луж.</i>
ę							+			
gǝ				+						
ch					+	+	+	+	+	+
ł							+	+	+	+
l'					+					
lj	+	+	+	+						
ń							+	+	+	+
ň					+	+				
nǝ	+	+	+	+						
ó							+	+	+	
ô					+					
ř						+			+	
í										+
rz							+	+		
ś							+			+
š	+	+	+	+	+	+			+	+
sz					+	+	+	+		
t'										
w							+	+	+	+
y					+	+	+	+	+	+
ż							+			+
ž							+	+		
ž	+	+	+	+	+	+			+	+

Примечания: 1) 1) знаком «плюс» обозначено наличие той или иной буквы;

2) отсутствие буквы знаком «минус» не отмечается;

3) взятые в круглые скобки «плюсы» обозначают факультативное употребление соответствующих букв;

4) в таблице отражены алфавиты лишь некоторых литературных микроязыков;

5) звуковое значение представленных букв может различаться – см. параллельные алфавиты восточнославянских, южнославянских и западнославянских языков в главах 12 «Языки современных славянских наций» и 13 «Славянская микролингвистика: славянские литературные микроязыки».

2. Существовала ли письменность у славян до Кирилла и Мефодия?

Ответ на этот вопрос весьма проблематичен, хотя проблематичным его делают все же сами исследователи. Начало сказания черноризца Храбра «О письменах» таково:

«I. Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов.

II. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как можно хорошо написать греческими буквами: *Бог* или *живот*, или *сѢло*, или *црькы*, или *чаание*, или *широта*, или *юдъ*, или *жд*, или *юность*, или *язык* и иные подобные этим (слова). И так было многие годы».

Таким образом, до IX в. славяне культивировали письменную культуру, от которой до нас, к сожалению, практически ничего не дошло. Для одних исследователей это отрицательный ответ на поставленный нами вопрос, для других же – это толчок к поискам. Возможно, что когда-то от «черт и рез» славяне перешли к чужому письму, записывая на нем свою речь. Как длительная была такая практика, мы, к сожалению, не знаем. Но мы не можем отбросить свидетельство человека, который жил в то время, когда еще свежа была письменно-литературная слава первоучителей. Была ли письменность иная, сказать трудно, хотя исследователей мучит известие о том, что, путешествуя на восток, в частности, в Херсонес, Константин-Кирилл обнаружил там и останки (кости) св. Климента, и книги, исполненные какими-то письменами, – то ли «русскими», то ли «сирийскими», то ли еще какими-то. Выдвигается в этой связи идея о существовании среди славян собственного письма (И. Огиенко, 1938), протоглаголицы и протокириллицы (В. А. Истрин, 1963) и др. Заманчивая мысль найти такое письмо приводит иных авторов к высказываниям, полным безудержной фантазии. И очень досадно, когда такие фантазии по серьезнейшему вопросу, касающемуся истоков

культуры, выходят иногда под грифом научного академического учреждения⁵.

3. Смена алфавитов и двуалфавитность в славянских языках

В восточнославянских языках смена алфавитов наблюдалась в разные периоды их исторического развития. Смену алфавитов следует отличать от двуалфавитности, которая формируется тогда, когда к уже культивируемой алфавитной системе добавляется новая, т.е. когда наблюдается графический параллелизм в рамках одного языка. При этом важно заметить, что в славянском и, в частности, в восточнославянском мире проекты смены графических систем шли в основном в направлении к латинице: по крайней мере, проекты перевода какого-либо славянского языка на кириллицу, традиционно использующего латиницу, не столь показательны, хотя и они иногда имели место (см. ниже).

Причины этих явлений чаще всего носили политический и идеологический характер. Это видно на примере попытки перевести украинский язык на польскую латиницу в 30-е гг. XIX в., когда ксендз Й. Лозинский (1834) предложил такой проект, встреченный весьма критически. Экспансия польской латиницы проявлялась и по отношению к белорусскому языку. У белорусов тексты на латинической основе польского типа появляются с середины XVIII в.

⁵ Ср., например, одну из многочисленных книг: В. А. Чудинов. Вселенная русской письменности до Кирилла. М., 2007. В ней безудержные вымыслы «академика, председателя Комиссии РАН по культуре древней и средневековой Руси»: «протокириллица существовала за сотни, тысячи и десятки тысяч лет до святых Кирилла и Мефодия»; «С моей точки зрения, солунские братья Кирилл и Мефодий явились исполнителями задуманного в Ватикане и Константинополе культурного похода против Руси...»; «существование руницы и на территории Украины и Молдавии в эпоху бронзы (трипольская культура), Сербии в неолите (культура Винча) и мезолите (культура Лепенского Вира), во Франции в период верхнего палеолита (пещера Мадлен) и в Северной Америке в период старшего палеолита»; «руница и протокириллица дали старт новым разновидностям славянского письма, в первую очередь греческого и итальянского»; «в глубокой древности на Евразийском континенте и даже в Северной Америке существовали единая письменность и единый язык – русские» и т.д. и т.п. По нашему мнению, это – симптом распада науки!...

Так, по некоторым данным, с 1801 по 1917 гг. на белорусском языке было издано 262 книги, из них 151 кириллицей и 111 латиницей. Из 174 двуязычных изданий на русском и белорусском (кириллицей) языках за это же время издано 142 названия книг, на польском и белорусском (латиницей) языках – 32. При этом в первой половине XIX в. латинические белорусские тексты даже преобладают. Таким образом, по отношению к белорусскому языку XIX – начала XX вв. в целом можно говорить о двуалфавитности, хотя полного параллелизма в использовании кириллической и латинической графических систем здесь все же не наблюдалось.

После Октябрьской революции 1917 г. в России и в СССР проводилось языковое строительство с целью усовершенствования письменности и орфографии языков, латинизации письменности тех языков, которые до того использовали арабское письмо либо письменности вообще не имели (процесс латинизации проходил в основном в 1926–1936 гг.). Однако как только латинизация для многих десятков языков была проведена, по всей стране последовала (в 1936–1941 гг.) новая графическая реформа – переход на русскую кириллицу всех тех языков, которые ранее приняли латиницу. Но «латиническое движение» затронуло и восточнославянские языки, хотя, правда, только на дискуссионно-теоретическом уровне. В 20–30-е гг. XX в. в качестве основного выдвигался идеологический аргумент: латинизация – это шаг к интернационализации во всех областях жизни, это средство распространения идей «мировой революции». Однако сторонников этой «революционной» идеи среди украинцев оказалось не так много, поэтому дискуссии на эту тему постепенно угасали. Дискутировался вопрос о латинизации белорусского письма, но не столь активно. «Графическое обновление» страны коснулось и русского языка. Для этой цели в 20-е гг. была даже создана специальная «Подкомиссия по латинизации русского алфавита» при Главнауке Народного Комиссариата просвещения РСФСР, которая в начале 1930 г. провела заседание, обсудив три проекта на основе так наз. международного латинского алфавита. Однако эти попытки оставались на уровне проектов и предложений. Правда, в 90-е гг. XX в. идея латинизации письма восточнославянских языков поднимается вновь в связи с интернетом, где в

электронной переписке предпочитают латиницу. С другой стороны, некоторая часть современной радикальной интеллигенции в Белоруссии и на Украине пытается видеть в переходе на латиницу возможность как можно дальше отойти от русского языка и русской культуры и сделать свою письменную культуру «более западной». В этой ситуации совершенно скандальной стала попытка в самом начале XXI в. одного слависта Австрии потребовать от болгар перейти с кириллицы на латиницу, поскольку, мол, в Евросоюзе, в который вошла Болгария, господствует исключительно латинское письмо и что приезжающие с Запада в Болгарию туристы не могут прочесть кириллические надписи и т.д. (см. издаваемый им зальцбургский жур. «Die slawischen Sprachen» за 2000–2001 гг.). Добавим также, что с 90-х гг. XX в., после развала СССР, в бывших советских неславянских республиках, использовавших кириллицу, вновь начался процесс латинизации – такова ситуация в Молдавии, Азербайджане, Туркмении, Узбекистане (за исключением Казахстана и Киргизии).

На периферии восточнославянской, в Подкарпатской Руси, языковая жизнь проходила в отрыве от общеукраинского языкового процесса. Здесь издавна существовала традиция кириллицы, но уже с последней трети XIX в. под давлением венгерских властей начинает внедряться венгерская латиница, ср. *nase zakonodatelyszto prineszlo novöj zakon* ‘наше законодательство принесло (приняло) новый закон’; с 30-х гг. XX в. предпринимаются также попытки применить и латиницу чешского типа. Но последняя широкое распространение получила в США и Канаде, где переселенцы из Подкарпатской Руси еще с конца XIX в. начали издавать периодику и книги, а ныне практически оставили кириллицу, ср.: *Žizň krest’anina po vnišnetu vidu tečet odnoobrazno, bez šuma i volnenij* ‘Жизнь крестьянина по внешнему виду течет однообразно, без шума и волнений’. Попытка некоторых деятелей современного карпаторусинского движения в Украинском Закарпатье перейти на латиницу – «аби бути ближче до Європи» (‘чтобы быть ближе к Европе’!) не встретила поддержки. У карпаторусин Польши и Венгрии вопрос о переходе на латиницу вообще не ставится.

Явление кириллическо-латинической дуалфавитности характерно для сербско-хорватского языка (сербского, хорватского, бос-

нийского), активно практиковавшееся в XX в., причем в большей мере такой графический параллелизм был характерен для Сербии, а также для Боснии и Герцеговины и Черногории. В Хорватии эта возможность фактически оставалась на уровне деклараций, хотя теоретически авторам можно было переходить и на кириллицу. Образец параллельного текста на сербском (кириллицей), хорватском и боснийском (латиницей) – см. в главу 12 «Языки современных славянских наций. 3.4. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский)». С «языковым разводом» сербов, хорватов, боснийцев дуалфавитный параллелизм сузился, реализуясь преимущественно в Сербии, а также в Черногории. Правда, в последние годы в Сербии все сильнее проявляется оппозиция по отношению к латинице, усиливаются требования пользоваться преимущественно кириллицей. Организовано и функционирует даже специальное «Общество в защиту кириллицы сербского языка», называемое «Кириллица» («Ћирилица»).

Случаи экспансии кириллицы на славянские языки, традиционно использующие латиницу, редки. В качестве примера сошлемся на проект введения в 60-е гг. XIX в. кириллицы для польского языка, когда Польша находилась в составе Российской империи. Этот проект – свидетельство политического давления на поляков. Особенностью его было сохранение некоторых польских латинических знаков для носовых (e или же $э$, q , в сочетании с предшествующим $j - я\ddot{}$), а также для $и$ ($\leftarrow o$) – $\hat{o}$, $rz - p$. На основе этого проекта были даже изданы учебные книги по арифметике – «Початкова наука» (1866), по грамматике польского языка (1866) и др., ср.: *Pr i pierwszym wykładzie poznawania liter i syllabizowania, już potrzeba zadawać dzieciom na pamięć ćwiczenia rachunkowe*. Разумеется, этот проект перевода польского языка на кириллицу русского типа так и не был реализован прежде всего по причине его неприятия со стороны самих поляков⁶.

⁶ Подробнее см.: A. Duličenko. Changements d'alphabets et doubles alphabets dans les langues slaves orientales: histoire et pratique. // *Slavica occitania*, Toulouse, 2001, № 12. P. 171–189.

4. Старославянский и церковнославянский языки

4.1. Распространение, диалектное членение. Как мы видели из предыдущего рассмотрения, старославянский язык был создан в IX в. Длительное время в славистике стоял вопрос: какие говоры легли в его основу? Согласно доступным источникам, отраженным в житиях Кирилла и Мефодия, а также в некоторых других документах, основой старославянского языка считали болгаро-македонские говоры, распространенные вокруг г. Салоники (слав. Солунь), т.е. южнославянские по происхождению говоры. География распространения «словенского языка» такова:

а) вероятно, первоначально он все же стал известен на родине Константина-Кирилла и Мефодия в районе Салоник,

б) после чего его культивирование в религиозной сфере продолжилось в Великой Моравии, где славянским первоучителям помогали их многочисленные ученики, западные славяне по происхождению;

в) после изгнания из Моравии некоторое время «словенский язык» культивируется в Паннонии у словенского князя Коцела;

г) после назначения Мефодия епископом в Паннонии и Моравии язык продолжает употребляться в богослужебной сфере;

д) после смерти Мефодия и вторичного изгнания славянских просветителей из Моравии ученики продолжают распространять письменность и старославянский язык южнее, на Балканах, в частности, в Болгарском царстве – на его востоке и на западе (ныне Македония), а также по побережью Адриатики (Босния, Далмация и соседние области);

е) затем богослужебные книги на «словенском языке» постепенно входят в жизнь восточных романцев – румын и молдаван;

ж) вместе с принятием христианства восточными славянами письменность и язык успешно распространяются на Руси.

Таким образом, славянская письменность, а вместе с нею и «словенский язык» с X–XI вв. получают широкое распространение на Балканах, в прилегающей к ним Восточной Романии и далее – в Восточной Славии. «Словенский язык» становится межэтническим средством культуры, напоминающим в этом смысле латынь, а еще ранее и древнегреческий.

Что касается диалектной основы старославянского языка, то она, как уже говорилось выше, базировалась на болгаро-македонских говорах окрестностей Салоник. Правда, в славистике не сразу приняли этот взгляд: Й. Добровский, например, считал, что в его основе лежит сербский язык, В. / Е. Копитар, а вслед за ним и Ф. Миклошич отстаивали так наз. паннонскую гипотезу, в соответствии с которой за основу принимались говоры словенского языка. Лишь в конце XIX в. словенец В. Облак, изучив на месте славянские говоры окрестностей Салоник, поставил точку в этом вопросе.

4.2. Об особенностях старославянского языка. Прежде всего следует указать на важное методологическое разграничение: во второй половине IX, в X и в части XI вв. функционировал, как полагают в палеославистике, классический, или канонический, тип письменно-литературного языка, позднее названного *старославянским языком*, в то время как с XI в. (по другим утверждениям – с XII в.) этот язык, культивируясь на достаточно обширной территории, стал приобретать локальные языковые черты, отразившиеся в фонетике, грамматике, а также в словаре. По этой причине дальнейшее развитие (с XI–XII вв.) классического типа языка рассматривают как переход в частично новое качество, обозначаемое лингвонимом *церковнославянский язык*. Таким образом, церковнославянский язык является продолжением, последующей стадией развития старославянского языка. По этой причине нередко пишут о старославянско-церковнославянском языке, имея в виду непрерывность литературно-языкового процесса или же переходный этап от одного к другому. Однако на практике далеко не всегда легко разделить один тип литературно-письменного языка от другого. В этой связи можно сказать, что церковнославянский в известной степени отходил от южнославянской генетической основы, хотя и не становился по этой причине восточнославянским. В целом церковнославянский в языковом плане представляет собою совокупность этнолокальных изводов.

Для старославянского языка характерны следующие особенности:

– наличие носовых гласных [ɛ̃] и [ɪ̃]: ‘пѣть’ ‘”’ ‘пять’, мѣжь ‘муж, мужчина’;

- наличие [ĕ] (ять): **пѣти** ‘петь’;
- наличие редуцированных [b] и [b̥]: **дѣи** ‘день’, **нѣи** ‘сон’;
- на месте *dj, *tj – [žd], [št]: **межда** ‘межа’, **свѣшта** ‘свеча’;
- наличие неполногласия, т.е. *īlat – īlet, trāt – tret*: **глава**, **брада**;
- начальные *lat, rat*: **лакѣтъ** ‘локоть’, **равнѣтъ** ‘равный’;
- начальное *je-*: **ксень** ‘осень’;
- в падежной системе наличествует вокатив для живых существ мужского и женского родов;
- система 5 типов склонения в зависимости от конечного элемента основы слова;
- двойственное число как живая категория: 1 л. ед. ч. **азъ** ‘я’ – 1 л. мн. ч. **мы**, но 1 л. дв. ч. **вѣ** ‘вы (двое)’;
- две категории прилагательных – именные (краткие) и местоименные (полные): **добрѣ** ‘добр’ – **добрыи** ‘добрый’;
- развитая система форм прошедшего времени: простых – аорист и имперфект, сложных – перфект и плюсквамперфект;
- наличие супина – достигательного наклонения с суффиксом **-тъ** – при глаголах движения: **идѣ съпатѣ** ‘я иду спастъ’ и др.

Мы уже говорили о том, что в двух памятниках, относящихся к Великой Моравии, отражены некоторые западнославянские (чешские, чешско-словацкие) фонетические черты, свидетельствующие о влиянии локальной речи на письменный язык через переписчиков. Что касается лексики, то в 18 канонических текстах, составляющих корпус старославянского языка, выявлено около 10 тыс. слов, особенно показательных для религиозной, но также и для светской сферы. Из них приблизительно ок. 20% – это заимствования. Учитывая условия и особенности создания старославянского языка, естественно ожидать греческое (среднегреческое) воздействие на его лексический состав. Больше всего отмечено греческих религиозных терминов типа **аггелъ** или **ангелъ**, **евангелик** и под., собственных имен типа **Адамъ**, **Ернхонъ** и т.д. Имеются и слова, обозначающие научные понятия, – **философия**, объекты природы – **финикъ**, **аспидъ** ‘змея’, названия месяцев – **априль** и т.д.

4.3. Старославянские памятники письменности. Итак, в старославянский текстовый канон входят памятники, датируемые

Х–ХІ вв. Именно на основании этих памятников и была воссоздана старославянская фонетика и грамматика. Преимущественное их большинство написано в Болгарии, причем те, что были исполнены глаголицей, появились в основном в Западной Болгарии (ныне Македония), а кириллицей – памятники Восточной Болгарии. Всего таких памятников письменности 18, причем 12 из них глаголические, остальные – кириллические. Сначала представим памятники, написанные глаголицей:

1) *«Зографское Евангелие»* (четвероевангелие): написано в конце X – в XI вв., найдено в Зографском монастыре на Афоне в середине XIX в., объем 304 листа; издано В. Ягичем в 1879 г., переиздано в 1954 г.

2) *«Мариинское Евангелие»* (четвероевангелие): относится к XI в., названо по монастырю на Афоне, объем 171 лист, издано В. Ягичем в 1883 г., переиздано в 1960 г.

3) *«Ассеманиево Евангелие»* (служебное): относится к XI в., найдено Дж. Ассемани в Иерусалиме в 1736 г., объем 158 листов, издано Й. Вайсом и Й. Курцем в 1929 г. (первая часть), и Й. Курцем в 1955 г. (вторая часть), переиздано в 1981 г.

4) *«Охридские листки»* XI в., найдены В. И. Григоровичем в 1845 г. в Охриде, объем 2 листа, изданы Г. А. Ильинским в 1915 г.

5) *«Боянский палимпсест»* или *«Боянское служебное Евангелие»*: создано в конце XI в., найдено в 1845 г. В. И. Григоровичем в Боянском монастыре близ Софии, издано И. Добревым в 1972 г.

6) *«Зографский палимпсест»*: создан в конце XI в., небольшой по объему, издан И. Добревым в 1971 г.

7) *«Синайская псалтырь»*: создана в XI в., объем 177 листов, найдена в середине XIX в. П. Успенским в монастыре на Синае, издана С. Северьяновым в 1922 г., неоднократно переиздавалась.

8) *«Синайский требник»*: создан в XI в., объем 106 листов, найден П. Успенским на Синае в 1850 г., впервые издан Л. Гайтлером в 1882 г.

9) *«Синайский евхологий»* – см. «Синайский требник».

10) *«Сборник Клоца»*: создан в XI в., объем 14 листов, найден В. /Е. Копитаром в 1830 г. в библиотеке графа П. Клоца, издан

в 1836 г. Копитаром же, затем В. Вондраком в 1893 г., переиздан в 1959 г. и в 1995 г.

11) «*Рильские листки*»: созданы в XI в., объем 7 листов, найдены в Рильском монастыре в Болгарии В. И. Григоровичем в 1845 г., изданы И. Гошевым в 1956 г.

12) «*Киевские листки*»: созданы в X в., объем 7 листов, открыты И. И. Срезневским в 1874 г. в Киеве, изданы В. Ягичем в 1890 г., переизданы в 1928 и 1983 гг.

Кириллицей исполнены следующие канонические памятники письменности:

13) «*Саввина книга*»: создана в XI в., объем 129 листов, названа по имени писца Саввы, издана в 1903 г. В. Н. Щепкиным, переиздана в 1959 и 1999 гг.

14) «*Листки Ундольского*» XI в.: объем 2 листа, названы по имени собирателя памятников В. М. Ундольского, изданы в 1868 г. И. И. Срезневским, переизданы в 1904 и 1978 гг.

15) «*Энинский / Енинский апостол*»: создан в XI в., найден в селе Энин / Енин в Болгарии, объем 39 листов, издан К. Минчевым и Х. Кодовым в 1965 и 1983 гг.

16) «*Супрасльская рукопись*» XI в., объем 285 листов, написана в Восточной Болгарии, а найдена в Супрасльском монастыре около Белостока (Польша) М. К. Бобровским в 1823 г., издана С. Северьяновым в 1904 г., переиздана в 1956 и 1982–1983 гг.

17) «*Хиландарские листки*» XI в.: объем 2 листа, найдены В. И. Григоровичем в 1844 г. в Хиландарском монастыре на Афоне, изданы С. М. Кульбакиным в 1900 г., переизданы в 1978 г.

18) «*Зографские листки*» XI в.: объем 2 листа, найдены П. А. Лавровым в Зографском монастыре на Афоне, им же изданы в 1926 г., переизданы в 1930 и 1978 г.

Предполагается, что большинство этих памятников переписано или написано учениками Кирилла и Мефодия или их последователями.

В этой связи встает вопрос, который обычно обходят в палеославистике стороной: если ученики прибыли из Моравии, будучи в основном западными славянами, – предками нынешних

словаков и чехов, то почему в их текстах, произведенных уже в Болгарии, не отмечаются черты западнославянского типа? Почему в писанных ими документах отражены именно южнославянские признаки – древнеболгарские или, как в «Мариинском Евангелии», частично и сербские? Вопрос, можно сказать, риторический. Что касается изгнанных из Паннонии учеников (вместе с великоморавскими), то они как предки нынешних словенцев были южными славянами (или преимущественно южными славянами). Вопрос, таким образом, касается западнославянских учеников. Есть немало и других загадок, на которые палеославистика до сих пор не дала ответов.

4.4. Старославянский и церковнославянский. Переход от одного языкового состояния к другому проходил, как уже было сказано, в условиях насыщения старославянских текстов элементами родной писцам речи. Считается, что с XII в. переписанные в Болгарии, Сербии и на Руси евангелия уже составляют соответствующие изводы: болгарский – «Добромирово Евангелие» XII в., «Добрейшево Евангелие» XIII в., сербский – «Мирославово Евангелие» XII в., «Вуканово / Волканово Евангелие» XIII в., «Никольское Евангелие» XIV в., древнерусский – «Остромирово Евангелие» 1056–1057 гг., «Мстиславово Евангелие» до 1117 г., «Галицкое Евангелие» 1144 г., «Добрилово Евангелие» 1164 г. и др. То же самое касается и памятников иных религиозных жанров. Чем дальше по времени вперед, к нам, тем различия в изводах становятся очевиднее, как и очевидным становится постепенное сближение религиозного языка с живой речью. Правда, церковь тормозила этот процесс, нередко архаязируя язык богослужебных книг, вернее, стремясь не отрывать его от первоначального вида (ср. так наз. «второе южнославянское влияние»). В таком противостоянии функционирует церковнославянский язык до настоящего времени. Чтобы проиллюстрировать некоторые отличия старославянского и церковнославянского русского извода, обратимся к некоторым грамматическим парадигмам. При этом нужно иметь в виду, что церковнославянские парадигмы подаются как бы в «усредненном виде», поскольку они репрезентируют язык в многовековом диапазоне.

Образец склонения существительных мужского и женского родов

<i>мужской род</i>			<i>женский род</i>	
<i>пад.</i>	<i>ст.-слав.</i>	<i>ц.-слав.</i>	<i>ст.-слав.</i>	<i>ц.-слав.</i>
<i>единственное число</i>				
И	мѣж-ь	мѣж-ъ	зѣмѣ-ѣа	зѣмѣ-ѣа
Р	мѣж-а мѣж-ѣ	мѣж-а	зѣмѣ-ѣа	зѣмѣ-ни
Д	мѣж-ю / мѣжоу	мѣж-ѣ	зѣмѣ-ни	зѣмѣ-ни
В	мѣж-ь	мѣж-ъ	зѣмѣ-ѣа	зѣмѣ-ю
Т	мѣж-ѣмѣ	мѣж-ѣмѣ	зѣмѣ-кѣа	зѣмѣ-кѣю
Местн./ П	мѣж-ни	мѣж-ни	зѣмѣ-ни	зѣмѣ-ни
Зват.	мѣж-ю / мѣжоу	мѣж-ѣ	зѣмѣ-кѣ	зѣмѣ-ѣ
<i>двойственное число</i>				
И, В. Зват.	мѣж-а мѣж-ѣ	мѣж-а	зѣмѣ-ни	зѣмѣ-ни
Р., Местн.	мѣж-ю / мѣжоу	мѣж-ѣ	зѣмѣ-ю	зѣмѣ-ю
Д., Т	мѣж-ѣма	мѣж-ѣма	зѣмѣ-ѣама	зѣмѣ-ѣама
<i>множественное число</i>				
И	мѣж-ни	мѣж-ни мѣж-ѣе	зѣмѣ-ѣа	зѣмѣ-ни
Р	мѣж-ь	мѣж-ъ мѣж-ѣй	зѣмѣ-ь	зѣмѣ-ь
Д	мѣж-ѣмѣ	мѣж-ѣмѣ	зѣмѣ-ѣамѣ	зѣмѣ-ѣамѣ
В	мѣж-ѣа	мѣж-ь	зѣмѣ-ѣа	зѣмѣ-ни зѣмѣ-ѣа
Т	мѣж-ни	мѣж-ь мѣж-ми	зѣмѣ-ѣамни	зѣмѣ-ѣамни
Мест./ П.	мѣж-ниъ	мѣж-ѣхъ	зѣмѣ-ѣахъ	зѣмѣ-ѣхъ

Если внимательно проанализировать представленную парадигму, то нетрудно заметить, что отличия между старославянским и церковнославянским склонением обозначенных существительных

не носят принципиального характера – скорее всего речь идет об отражении некоторых фонетических (И. и В. пад. ед. ч. **мѣжъ** – **мѣжъ**, т.е. -ѣ- – -ѣ-, -ѣ- – -ѣ-, точнее -ѣжъ – -ѣжъ), а также фонетико-морфологических изменений (Местн. / П. пад. мн. ч. **мѣжъ** – **мѣжъ**) и под. Во всех случаях заметен отход от архаики к инновациям, сближающим язык с живой речью.

Если говорить об употреблении языка, то по мере отдаления от временных границ старославянского языка очевидны не только изменения в церковнославянском произношении, но и постепенная редукция в нем грамматических черт архаичного характера, присущих высокому, приближенному к строгим церковным жанрам, стилю; напротив, в текстах, ориентированных на светские сферы и жанры, такая редукция проявлялась более всего: например, от века к веку ослабевало употребление двойственного числа, неохотно использовались некоторые формы прошедшего времени, все более и более ограничиваясь сначала традиционным перфектом, а позднее – деформированным перфектом (без спрягаемых форм вспомогательного глагола *быть*), и под.

4. 5. Формирование и развитие церковнославянского языка. Функциональный статус. Вопрос о церковнославянском языке русского извода изложен при освещении истории формирования и развития русского литературного языка, а церковнославянского языка сербского извода – истории сербско-хорватского литературного языка. [См. главу 12 «Языки современных славянских наций. 2.1. Русский язык». 3.4. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский)»].

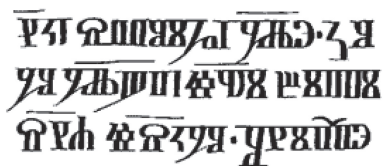
4. 6. Церковнославянский язык и современная православная церковь. Если до XVIII в. включительно в православных странах применение церковнославянского языка было достаточно широким как в религиозной, так и в светской сферах, то с XIX в., когда у русских, сербов и болгар функционировали или формировались литературные языки на народной основе, оно сужается, пока в конечном счете не возвращается в рамки церкви, т.е. церковнославянский язык оправдывает свой лингвоним – становится лишь литургическим, т.е. богослужебным, языком. Примечательно также, что церковнославянский язык украинского извода используется также

в униатской церкви. Тем не менее важно, что церковнославянский язык в границах православной и униатской церковей продолжает оставаться международно-религиозным средством коммуникации.

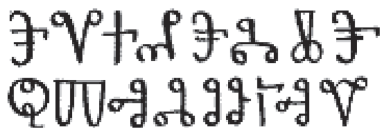
Но уже в XIX в., вероятно, под воздействием национальных возрождений у южных славян, все чаще ставится вопрос о приближении и литургического языка к живой речи верующих. Сторонники такого подхода ссылаются на недостаточную понятность прихожанами служб на церковнославянском языке. Более всего об этом пишут и говорят в Сербии, в то время как, например, в России этот вопрос в указанное время активно не обсуждается. Но уже в начале XX в. в России начинают высказываться о необходимости «осовременения» церковнославянского языка, в целом негативно относясь к замене его русским языком. Развивается идея так наз. *новославянского языка* (в противоположность старославянскому), т.е. еще более приближенного к живым языкам верующих. Так, данной проблематики касался Поместный собор 1917–1918 гг. Русской православной церкви, а в конце XX в. – Архиерейский собор 1994 г. и Собор 2000 г. В материалах Поместного собора 1917–1918 гг. сказано, что замена церковнославянского языка русским и украинским языками не только нежелательна, но и вообще неосуществима, поскольку церковнославянский (славянский) является «великим священным достоянием» православной церкви. Однако было также отмечено, что частичное использование русского и украинского языков в богослужении допустимо для того, чтобы верующие лучше разумели слово Божье. На этих языках возможны молитвы, некоторые песнопения, а в отдельных случаях допускалась даже замена некоторых архаичных и труднопонимаемых слов и выражений соответствующими элементами живых языков. Иными словами, провозглашено медленное движение в сторону так наз. *новославянского языка*. Примечательно, что в сербской, македонской, болгарской и украинской церкви также частично используются свои языки. Считается, что следует активнее переводить богослужебные тексты на соответствующие языки, а для лучшего понимания церковнославянских текстов нужно расширить преподавание этого языка в учебных заведениях, а также начать практику параллельного печатания текстов на церковнославянском и соответствующем этническом языке.

4.7. Образцы текстов:

1) на старославянском языке (глаголицей):

*Отрывок из «Реймского
Евангелия»*

Надпись «Евангелие от Луки»

2) на старославянском языке (кириллицей):

Прѣж(д)ѣ оубо словене не имѣахъ писменъ. нѣ чертами и резанми гадаахъ, погани сѣще. кр(с)тивше же сѧ, рѣмскими и гречьскими писмены; нѣждаахъ сѧ писати, словенскѣ рѣчь безъ ѹстроѧ. нѣ како может сѧ писати добрѣ гречьскими писмены, б+ѣ. или живѡ(т). или сѣло. или цр+кы. или чааніе. или широта. или гадъ. или жды. или жность. или ѡзыкѣ. или ина пѡ(д)обна симь. и тако бѣша многа лѣта.

В писменехъ черноризца храбра.// К. М. Куев. Черноризец Храбър. София, 1967. С. 192.

Примечание: В целях удобного восприятия текста выносные буквы здесь даны в круглых скобках, а диакритические знаки удалены.

3) на церковнославянском языке:

Все сщ+енное писаніе раздѣлѣетсѧ въ два завѣта, сирѣчь во ветхій и новыи. Ветхій завѣтъ приводитъ чтѣщихъ къ боазни чрезъ(ъ) прещеніе казней, и продолжается ѡ(тъ) начала Бібліи, даже до Ѣв+ліи, и раздѣлѣетсѧ на четыре части, сиречь Законниѣю, и Историческѣю, Мѡдростниѣю, и Пр(о)рочекѣю.

БИБЛІА сирѣчь книги Ѣценнагѡ Писанія Ветхагѡ и Новагѡ Завѣта. въ Московской Тѣпографіи, аmsi [1861].

4.8. Литература

• *Учебники и грамматики:* Аверина С. А. и др. Старославянский язык. СПб., 2008.

- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Перев. с франц. М., 1952.
- Ван-Вейк Н. История старославянского языка. Перев. с нем. М., 1957.
- Изотов А. И. Старославянский и церковнославянский языки в средней школе. М., 1992.
- Иванова Т. А. Старославянский язык. М., 1977; 4-е изд.: СПб., 2005.
- Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I–II. М., 1951–1952.
- Супрун А.Е. Старославянский язык. Минск, 1991.
- Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974; 2-е изд.: М., 1986.
- Bielefeldt T. Altslawische Grammatik. Einführung in die slawischen Sprachen. Halle, 1961.
- Kurz J. Učebnice jazyka staroslověnského. Praha, 1969.
- Weingart M. Rukověť jazyka staroslověnského. I–II. Praha, 1937–1938.
- **Словари:** Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- Slovník jazyka staroslověnského. I →. Praha, 1966 →.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- **Периодика:** Slovo, časopis Staroslavenskog instituta, Zagreb, 1952 →; Старобългаристика / Palaeobulgarica, София, 1977 →.

Глава 12

Языки современных славянских наций

Литература

Помещаются публикации общего характера; литература по конкретным славянским языкам для удобства дана в главе после каждого очерка.

Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки. Под ред. А. В. Десницкой, Н. И. Толстого. СПб., 1998.

Славянски езици. Граматични очерци. Ред. Ст. Стоянов. София, 1994 (отсутствует очерк македон. яз.).

Толстой Н. И. История и структура славянских языков. М.: Наука, 1988; *его же*. Избранные труды. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998.

Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanologie). Hg. P. Rehder. Darmstadt, 1986; 3. Aufl. 1998; 4. Aufl., 2003.

Horálek K. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955; переизд.: Praha, 1962.

Lehfeldt W. Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten. München, 1995; 2. Aufl., 1996.

Lehr-Spławiński T., Kuraszkiewicz W., Sławski F. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954.

Lubaś W. Polityka językowa [w krajach słowiańskich]. (Seria: Komparacja współczesnych języków słowiańskich). Red. S. Gajda. Opole, 2009.

Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Hg. M. Okuka. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. 10). Klagenfurt, 2002.

Panzer B. Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Sprachstrukturen und Verwandtschaft. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe, Bd. 3). Frankfurt am Main etc., 1991; 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1996.

The Slavonic Languages. B. Comrie, G. G. Corbett (ed.). London / New York, 1993.

1. Дивергентное развитие славянских языков

В настоящей главе речь пойдет о категории крупных славянских языков, за которыми стоят соответствующие нации. [Славянские микроязыки, в т. ч. серболужицкие и кашубский, рассматриваются в гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)»].

Славянские языки, традиционно подразделяемые на три географически озаглавленные подгруппы, – восточную, южную и западную или, по-другому, географически и этнически – восточнославянскую, южнославянскую и западнославянскую, представляют собою достаточное тесное единство, сохраняющееся с послеprasлавянского времени до сегодняшнего дня. Это значит, что языковое взаимопонимание между славянскими народами в той или иной мере сохраняется, чего нельзя сказать, например, о народах, говорящих на германских или романских языках. Многовековое историческое развитие каждого славянского народа и его языка привело к тому, что в некоторых случаях взаимопонимаемость между носите-

лями славянских языков максимальная, – это когда каждому можно вести диалог на своем языке или же одному из участников диалога перейти на язык своего собеседника. Обычно такие социолингвистические ситуации случаются среди носителей генетически наиболее близких, а географически – соседних языков. Такова ситуация с восточнославянскими народами и их языками, со словаками и чехами, с болгарами и македонцами и их языками. Между ними обычно располагаются смешанные пограничные диалектные зоны, смягчающие переход от одного языка к другому. Так, подобного рода зоны характерны для линий соприкосновения русского и украинского, русского и белорусского языков, белорусского и польского, украинского и словацкого (а также польского), болгарского и македонского, македонского и сербского, словацкого и чешского, хорватско-кайкавского и словенского и некоторых др. Несколько сложнее ситуация обстоит с несоседними языками и их носителями, например, с русскими и словенцами, с русскими и серболужичанами, с македонцами и поляками и т.д. Взаимопонимаемость между ними минимальная, но она все еще сохраняется.

Тем не менее дивергентное развитие славянской речи привело в конечном счете к тому, что сформировались более или менее автономные образования, называемые самостоятельными языками. При этом одни из них рано отделились от своих соседей и оформились в конкретные языки раньше, другие – позже.

Сохранение и динамику изменения общего языкового наследия удобнее всего увидеть и осознать, если углубиться в далекую историю и проследить судьбу некоторых праславянских элементов в современных славянских языках. Обычно для иллюстрации такого рода особенностей прибегают к некоторым фонетическим, а также морфологическим, реже – лексическим элементам праславянского происхождения, при этом нужно иметь в виду, что «чисто», например, восточно- или южно-, или западнославянских признаков не так уж много, поскольку те или иные признаки нередко переключаются с таковыми в другой подгруппе. Чтобы убедиться в этом, достаточно будет обратиться к некоторым фонетическим признакам – см. нижеследующую таблицу:

Таблица № 1

№	праслав. признаки	рефлексы в в.- слав. языках	рефлексы в ю.- слав. языках	рефлексы в з.- слав. языках
1	* <i>dl</i> , * <i>tl</i> : * <i>kridlo</i> ‘кры- ло’	упрощение со- четания: на его месте находим только плавный <i>l</i> : рус., белорус. <i>крыло</i> , укр. <i>крило</i>	упрощение соче- тания: ср.: серб.-хорв. <i>крило</i> / <i>krilo</i> , сло- вен. <i>krilo</i> , болг., макед. <i>крило</i>	сохранение старого состо- яния: польск. <i>kryzldo</i> , чеш. <i>křídlo</i> , словац. <i>kridlo</i>
2	* <i>gv</i> , * <i>kv</i> пе- ред <i>ě</i> (ять): * <i>kvěť</i> ‘цве- т(ок)’	→ * <i>zv</i> , * <i>cv</i> (чере- дование передне- язычного соглас- ного со стистящи- ми): рус. <i>цвет(ок)</i> , белорус. <i>цвет</i> , но укр. <i>квітка</i> и ред- ко <i>цвіт</i>	→ * <i>zv</i> , * <i>cv</i> (чере- дование передне- язычного соглас- ного со стистящи- ми): словен. <i>cvet</i> , серб.-хорв. <i>цвет</i> / <i>cvijet</i> , макед. <i>цвет</i> , болг. <i>цвят</i>	сохранение старого состо- яния: словац. <i>kvet</i> , польск. <i>kwiat</i> , с.-луж. <i>kwět</i> / <i>kwěć</i>
3	* <i>tort</i> , * <i>tolt</i> * <i>tert</i> , * <i>telt</i> , где <i>t</i> – любой согласный: * <i>borda</i> ‘бо- рода’	полногласие в виде * <i>torot</i> , * <i>tolot</i> , * <i>teret</i> , * <i>telet</i> : рус., укр. <i>борода</i> , бело- рус. <i>барада</i> (позд- нейшее аканье)	неполногласие: * <i>trat</i> , * <i>lat</i> , * <i>tret</i> , * <i>tlet</i> : болг., макед. <i>брада</i> , словен., серб.-хорв. <i>brada</i>	неполно- гласие: * <i>trat</i> , * <i>lat</i> , * <i>tret</i> , * <i>tlet</i> : словац. <i>brada</i> , но: польск. * <i>trot</i> , * <i>tlot</i> : <i>broda</i>
4	* <i>ort</i> , * <i>olt</i> , где <i>t</i> – любой согласный: * <i>orst(i)</i> (?) ‘рост, рас- т(и)’	→ * <i>rot</i> , * <i>lot</i> рус. рост, укр. <i>ріст</i> , но род. п. <i>росту</i>	→ * <i>rat</i> , * <i>lat</i> : болг. <i>раста</i> ‘расти’, серб.-хорв. <i>раст</i> / <i>rast</i>	→ * <i>rot</i> , * <i>lot</i> : в.-луж. <i>rĕst</i> , н.-луж. <i>rost-</i> <i>lina</i> ‘растение’ польск. <i>wzrost</i>
5	судьба * <i>j</i> по- сле губных согласных: <i>zem-</i> ‘земля’	сначала как при- звук <i>l</i> , а затем как полноценный (хотя и вторич- ный) <i>l</i> : рус., укр. <i>земля</i> , белорус. <i>зямя</i>	сначала как при- звук <i>l</i> , а затем как полноценный <i>l</i> : серб.-хорв. <i>земља</i> / <i>zemlja</i> , словен. <i>zemlja</i> , но: болг. <i>земя</i> , макед. <i>земја</i>	* <i>j</i> смягчил предыдущий губной: чеш. <i>země</i> , польск. <i>ziemia</i> ,

№	<i>праслав. признаки</i>	<i>рефлексы в в.-слав. языках</i>	<i>рефлексы в ю.-слав. языках</i>	<i>рефлексы в з.-слав. языках</i>
6	начальное <i>e-</i> : *ezero / ezeгъ ‘озеро’	→ <i>o-</i> : рус. <i>озеро</i> , укр. <i>озеро</i>	→ <i>e-</i> : болг. <i>езеро</i> и <i>je-</i> : серб.-хорв. <i>jezero</i> / <i>jezero</i> , словен. <i>jezero</i>	→ <i>je-</i> : чеш., словац. <i>jezero</i> , польск. <i>jeziro</i>
7	* <i>dj</i> , * <i>tj</i> : * <i>medja</i> ‘межа’, * <i>světja</i> ‘све- ча’	→ [ž], [č]: рус. <i>межа</i> , укр. <i>межа</i> , белор. <i>мяжа</i> (‘а из <i>e</i>); рус. <i>свеча</i> , укр. <i>свічка</i>	→ серб.-хорв. [ď] [č]: <i>међа</i> / <i>међа</i> , <i>свећа</i> / <i>sveća</i> , словен. [j] и [č]: <i>meja</i> , <i>sveča</i> , болг. [žd]: <i>межда</i> , макед. [r]: <i>меѓа</i>	→ чеш. [z], [c]: <i>meze</i> , <i>svíce</i> , словац. [dfz], [c]: <i>medza</i> , <i>svieca</i> , польск. [dfz], [c]: <i>miedza</i> , <i>świeca</i> , в.-луж. <i>mjeza</i> , <i>swěca</i> , н.-луж. <i>mjaza</i> , <i>swěca</i>

Формализуем полученные результаты: плюсом покажем совпадение рефлексов между подгруппами, а минусом – несовпадение:

Таблица № 2

Не проставл. номера признаков!!!

№	<i>праслав. признаки</i>	<i>рефлексы в в.-слав. языках</i>	<i>рефлексы в ю.-слав. языках</i>	<i>рефлексы в з.-слав. языках</i>
1	* <i>dl</i> , * <i>tl</i> :	+	+	—
2	* <i>gv</i> , * <i>kv</i>	+	+	—
3	* <i>tort</i> , * <i>tolt</i> * <i>tert</i> , * <i>telt</i>	—	+	+
4	* <i>ort</i> , * <i>olt</i>	+	—	+
5	* <i>j</i> после губ- ных	—	+	+
6	начальное <i>e-</i>	—	(—)	+
7	* <i>dj</i> , * <i>tj</i>	—	+	+
		—	—	—

Как можно интерпретировать эту таблицу? Первые два признака связывают восточно- и южнославянские языки,

1) признак 4 – восточно- и западнославянские,

2) в то время как признаки 3, 5 и 6 объединяют южно- и западнославянские языки.

3) Однако заметим, что среди последних «чистым» оказывается лишь один признак – 6,

4) в то время как остальные два признака совпадают частично: из подобия по признаку 3 выпадает польский, а по признаку 5 – болгарский и македонский.

5) О чем это может свидетельствовать? О том, что признаки 3 и 5 реализовались на соответствующих территориях непоследовательно, – видимо, потому, что процессы рефлексации указанных праславянских элементов проходили в разное время; возможно также, что в процессе древней перегруппировки племен часть их отрывалась от устоявшегося объединения и консолидировалась с другими племенами; допускаем влияние и других факторов.

6) Что касается признака 7, то он, вероятно, является самым поздним рефлексом, так как отличается наибольшей пестротой и тем самым может указывать на существовавшую уже географическую разрозненность славянских племен – в направлении «запад – восток – юг», ср. 7 рефлексов для **dj* – [ž], [d̥], [j], [žfd], [ř], [z], [dfz] и 5 рефлексов для **tj* – [č], [ć], [šft], [k], [c], при этом они практически не совпадают полностью друг с другом.

Приведенный материал показывает, что большинство рефлексов праславянских признаков в плоскости трех языковых пространств нередко накладываются друг на друга, т.е. совпадают, а также пересекаются и даже переплетаются либо вовсе не соприкаются (как в признаке 7), что демонстрирует сложные соотношения древних славянских племен, отразившиеся в их речи. По приведенной таблице видно, что лишь признаки 3 и 6 могут указывать на специфику восточнославянских языков, отличающую их от двух других подгрупп. То есть, их немного, в том числе, кстати, и в области морфологии. Однако, как мы уже подчеркивали, необходимо в рамках трех славянских подгрупп кратко познакомиться со спецификой каждого славянского языка, с его историей и современным состоянием.

В каждой подгруппе славянских языков параллельно даются алфавиты, приводятся (так же параллельно) образцы склонения и спряжения, а для каждого языка – образцы текстов на нем.

Описание конкретного славянского языка проводится по следующей схеме:

1. Диалектное членение.
2. Некоторые особенности современного языка.
3. Формирование и развитие литературного языка.
4. Функциональный статус.
5. Образец текста.
6. Литература.

2. Восточнославянские языки

Итак, распад праславянского языка шел, согласно традиционной точке зрения, в направлении «запад – восток». Позднее восточный прадиалект распался на собственно восточный и на южный, из которых, спустя столетия, выросли соответствующие подгруппы языков.

Языки восточных славян произошли из общего источника, который следует называть *восточнославянским праязыком*. Существование такого праязыка доказано авторитетнейшими славистами еще в XIX в. и вряд ли может подвергаться сомнению, несмотря на неубедительные попытки некоторых славистов (уже в XX в.) преувеличивать, например, отличия украинского языка от двух других восточнославянских и тем самым связывать его происхождение прямо с праславянским языковым источником.

Что касается времени существования восточнославянского праязыка, то в славистике на этот счет существует большая разногласия. Однако если за точку отсчета распада праславянского языка взять несколько веков до новой эры (например, два-три) или же согласиться с привязкой этого процесса к самому началу новой эры, то именно отсюда и нужно начинать его историю. История же дальнейшего развития этого праязыка, датируемая IX–XIV вв., связывается с применением славянской письменности среди восточных славян.

В славистике и в восточнославянской филологии в частности стало традицией называть живой язык восточных славян, их письменность и культивировавшийся на базе этой письменности литературно-письменный язык *древнерусским*, что неверно по существу, если иметь в виду, что этот язык был единым и единственным источником, распад которого привел к формированию на его материале трех восточнославянских языков, – белорусского, русского и украинского. Общий языковой источник следовало бы называть *восточнославянский праязык*. Однако традиция здесь оказывается весьма живучей. По крайней мере, следует иметь в виду, какое содержание каждый раз нужно вкладывать в лингвоним «древнерусский язык».

Как бы то ни было, восточнославянский праязык как дальнейшее развитие праславянского восточного прадиалекта представлял собою большее или меньшее языковое единство (но не языковой монолит!), постепенно, со временем все более варьируемое в пространстве, – по мере того, как восточнославянские племена расселялись в различных направлениях, колонизируя огромные территории. Последнее обстоятельство очень важно не упускать из вида: расселяясь на огромных пространствах, племена восточных славян сохраняли и сохранили в значительной мере языковое единство, которое изначально было объективным фактом, – в противном случае на бескрайних колонизованных территориях появилось бы множество взаимонепонимаемых говоров и диалектов, из которых впоследствии развились бы не три, а множество восточнославянских языков. Такого, однако, не произошло. Фактор общего источника работает также против мнения тех славистов, которые пишут о большей или меньшей близости восточнославянского речевого массива, образовавшейся, якобы, в результате некоей «консолидации» разных (по происхождению?) говоров, – и это в то время, когда, напротив, шло расширение восточнославянского речевого пространства, части которого лишь позднее начинали входить в те или иные союзы или государственные образования.

В то же время становится очевидным, что именно в силу далеких пространств, которые стали разделять те или иные восточнославянские племена, по причине контактов с соседними племенами

и под., появляются и различия в речи, свидетельствовавшие о зарождении диалектных образований. Предполагается, что к началу древневосточнославянского (древнерусского) периода в языке постепенно проявляются отличия в направлении «юго-восток → северо-восток». Юго-восточное направление, сосредоточенное в среднем течении Днепра, было представлено речью таких племен, как поляне, древляне, волыняне, бужане, тиверцы и др.; позднее часть носителей этой речи (радимичи, дреговичи) продвигается вверх по течению Днепра, а также в бассейн р. Ока (племя вятичей). Что касается северо-восточного направления, то оно охватило сначала оз. Ильмень (здесь жили племена словен и части кривичей), а потом – верхние течения рек Днепр, Волга и Западная Двина (часть кривичей) и далее – пространства между Волгой и Окою и др.

Считается, что происходивший приблизительно в X/XI–XII вв. и завершившийся в XIII в. в речи восточных славян фонетический процесс падения редуцированных *ь* и *ѣ* дал толчок к диалектной дифференциации восточнославянской речи. Правда, это изменение проходило по территориям неравномерно и неодновременно, поэтому и датируют его ученые по-разному. Вполне возможно, однако, допустить, что существовали и другие причины, толкавшие к диалектным различиям, в том числе и причины неязыкового свойства (например, татаро-монгольское нашествие на Русь в XIII в.).

Приблизительно в XIII–XIV вв. диалектная картина усложняется за счет дробления больших массивов речи на более мелкие. Так, юго-восточный массив делится на южную и юго-западную зоны, северо-восточный – на собственно северо-восточную и северо-западную, а между этими массивами формируется центральная диалектная зона. Конечно, в целом это весьма общая схема, к тому же являющаяся реконструкцией (по данным речи), однако она все же помогает понять, каким образом создавалась база для дальнейшего трехчастного деления общего языка восточных славян. Так, например, южная (Киевское, Переяславское, Туровско-Пинское княжества) и юго-западная зоны (Галицкое, Владимиро-Волынское княжества) переживают утрату взрывного заднеязычного согласного [g] за счет постепенной замены его фрикативным [h], причем этот процесс позднее распространяется также дальше к юго-востоку.

В то же время северо-восточная (Владими́ро-Сузда́льское княже-ство) и северо-западная зоны (новгородская, псковская земли, се-верное Заволжье) сохраняют этот древний взрывной согласный. Примечательно, что фрикативизация [g] охватила бо́льшую часть восточнославянского пространства, утвердившись затем в украин-ском, белорусском языках и в южновеликорусском наречии, а также в части западнославянских языков – словацком, чешском и верхне-лужицком (незначительно – в некоторых говорах южнославянского словенского языка). Взрывной [g] сохранился лишь в севернове-ликорусском наречии, а затем утвердился в русском литературном языке (не без старославянско-церковнославянского влияния). Разу-меется, дивергенция (расхождение) трех речевых пространств про-ходила за счет значительно большего числа признаков – и не только фонетических.

И все же восточнославянские языки характеризуются рядом общелингвистических черт, часть из которых является результатом одинаковых рефлексов некоторых праславянских элементов, – они в большинстве своем относятся к ранневосточнославянским иннова-циям; другие возникли позднее как результат длительной внутриво-сточнославянской эволюции. Здесь важно также обратить внимание на то, что некоторые восточнославянские признаки пересекаются с таковыми в южно- или западнославянских языках, – в таком случае они явно раннего, позднепраславянско-ранневосточнославянского, происхождения. Для иллюстрации приведем здесь некоторые при-знаки преимущественно внутривосточнославянского распростра-нения.

Восточнославянскими или преимущественно восточнославян-скими можно считать следующие фонетические признаки:

– ударение монотоническое (характеризующееся только ме-стом, но не качеством) и подвижное, или динамичное, т.е. нефикси-рованное на определенном месте в слове, – в отличие от большин-ства западнославянских языков (кроме северно-кашубского диалек-та) и южнославянского македонского: *голов'а* (И. п. ед. ч.) – *г'олову* (В. п.), *в'олосы* (И. п. мн. ч.) – *вол'ос* (Р. и В. п.), *хож'у* (1 л. ед. ч.) – *х'одишь* (2 л.) и под.; эта черта пересекается с болгарским, северно-кашубским, а также с сербско-хорватским и словенским (но в этих

двух последних ударение политоническое, т.е. характеризующееся и местом, и качеством);

– отсутствие противопоставления гласных по краткости и долготе, что характеризует также некоторые южнославянские (болгарский и македонский) и западнославянские языки (польский, серболужицкие, кашубский);

– начальное сочетание **e-* подверглось диссимиляции в сторону лабиализации, превратившись в *o-*: рус. *один*, укр. *один*, белорус. *адзін* (безударное *o-* произносится как *a-*, что и отражается в правописании), – при сохранении в южнославянских болг. и макед. *еден*, а в западных и в южнославянском сербско-хорватском с усложнением с помощью протетического йота – *i—e-* (*je-*): польск. *jeden*, серб.-хорв. *jedan* / *jedan*, но непоследовательно в словенском – *eden* (полн. форма) и *en* (кратк. форма), но *jezero* ‘озеро’;

– падение редуцированных дало в сильной позиции различное распределение рефлексов: праслав. **dьnь* – рус. и укр. *день*, белорус. *дзень*; праслав. **сѣnь* – рус., белорус. и укр. *сон*, т.е. соответственно [e] и [o] для восточнославянских, – такое же распределение в македонском и примерно такое в серболужицких при [e] и [ъ] в болгарском (*ден* – *сѣn*), [a] в сербско-хорватском (*дан* – *сан*), [e] в чешском, словацком и польском (*den*, *deň*, *dzień* – *sen*, *sen*, *sen*);

– полногласие, т.е. переход праславянских дифтонгических сочетаний на плавный **tort* – **tolt*, **tert* – **telt* соответственно в **torot* – **tolot*, **teret* – **telet*: праслав. **korva* → **korova* ‘корова’, **golva* → **golova* ‘голова’ и под. – при неполногласии в западно- и южнославянских языках, ср. словац. *krava* ‘корова’, серб.-хорв. *крава* / *krava* ‘то же’ и под.;

– одна из самых развитых систем оппозиции согласных по мягкости ~ твердости, которая охватывает значительное число единиц (исключение: наличие только твердого [r] в белорусском и некоторых украинских говорах, ср. белорус. *рэдкі* – рус. *редкий*, *рабіна* – рус. *рябина*); эта особенность пересекается с польской, в то время как в других западнославянских языках эта оппозиция представлена скромнее (три единицы в чешском, четыре в словацком и несколько шире в серболужицких), а в южнославянских – просто бедно;

– сохраняется различие между [i] и [y], т.е. [ы] (в украинском, правда, [ы] более переднее и, может быть, менее энергичное в зву-

чании), что пересекается с аналогичной ситуацией в польском; в остальных языках эти два гласные слились в одном [i]; и др.

Из морфологических особенностей можно указать на следующие:

– несколько ослаблена в количественном плане падежная система за счет редукции вокатива, который в русском утрачен вообще, в белорусском сохранились лишь небольшие его остатки, и только в украинском он все еще является живой категорией, но лишь по отношению к одушевленным предметам (*сину! мамо!*), в то время как для неодушевленных используются флексии именительного падежа; из южнославянских вокатив утратил лишь словенский, формально приравняв его к именительному падежу, а из западных сохраняют его только чешский и польский, а в серболужицких – только у существительных муж. рода ед. ч., в словацком он практически утрачен;

– сохранение в 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени флексии: укр. *-ть* (*ведуть*), белорус. *-ць* (*вядуць* из *вядуть*), рус. *-т* (*ведут*), где украинский лучше всего сохранил праславянский ее вид – **-tb*; все остальные славянские языки этой особенности не сохранили;

– все восточнославянские языки утратили спряжение вспомогательного глагола *быть* (остатки спрягаемых форм используются в них ныне в других функциях);

– в количественном плане редуцирована система форм прошедшего времени: во всех восточнославянских языках остался деформированный перфект (т.е. без глагола-связки *быть*: рус. *бегал* на месте *бѣгалъ есмь* ‘я бегал’, *бѣгалъ еси* ‘ты бегал’ и под.), а в украинском и белорусском плюс к этому еще сохраняется плюсквамперфект (укр. *був бігав*, белорус. *хацела была*): перфект сохранился во всех западнославянских языках, плюсквамперфект хорошо сохранился в серболужицких (наряду с перфектом, претеритом и итеративным претеритом), практически исчез либо редко используется в польском, словацком, употребляется, хотя и находится на периферии системы, в чешском; в южнославянских наличествуют все старые формы (кроме словенского, в котором имеется лишь перфект и плюсквамперфект), а в болгарском и македонском система прошедших времен не только не редуцировалась, но и обогатилась новыми формами.

Есть и другие морфологические примеры. Специального изучения заслуживают восточнославянские лексические параллели.

Таким образом, мы видим, что «чисто восточнославянских» черт – единицы, в то время как остальные так или иначе пересекаются с подобными в других подгруппах славянских языков. Этот факт и следует иметь в виду, когда мы рассуждаем о ближайшем родстве внутри каждой такой подгруппы.

2.0. Алфавиты восточнославянских языков

Таблица № 3

<i>белорусский</i>	<i>русский</i>	<i>украинский</i>
<i>Аа</i>	<i>Аа</i>	<i>Аа</i>
<i>Бб</i>	<i>Бб</i>	<i>Бб</i>
<i>Вв</i>	<i>Вв</i>	<i>Вв</i>
<i>Гг</i> фрикат. [h]	<i>Гг</i> [g]	<i>Гг</i> фрикат. [h]
		<i>Гг</i> [g]
<i>Дд</i>	<i>Дд</i>	<i>Дд</i>
<i>Ее</i> [je, 'e]	<i>Ее</i> [je, 'e]	<i>Ее</i> [e]
	<i>Ёё</i> [jo, 'o]	<i>Єє</i> [je, 'e]
<i>Жж</i>	<i>Жж</i>	<i>Жж</i>
<i>Зз</i>	<i>Зз</i>	<i>Зз</i>
	<i>Ии</i>	<i>Ии</i> между [i–ы]
<i>Іі</i> [и]		<i>Іі</i> [i]
		<i>Її</i> [ji]
<i>Йй</i>	<i>Йй</i>	<i>Йй</i>
<i>Кк</i>	<i>Кк</i>	<i>Кк</i>
<i>Лл</i>	<i>Лл</i>	<i>Лл</i>
<i>Мм</i>	<i>Мм</i>	<i>Мм</i>
<i>Нн</i>	<i>Нн</i>	<i>Нн</i>
<i>Оо</i>	<i>Оо</i>	<i>Оо</i>
<i>Пп</i>	<i>Пп</i>	<i>Пп</i>
<i>Рр</i>	<i>Рр</i>	<i>Рр</i>
<i>Сс</i>	<i>Сс</i>	<i>Сс</i>
<i>Тт</i>	<i>Тт</i>	<i>Тт</i>
<i>Уу</i>	<i>Уу</i>	<i>Уу</i>

<i>белорусский</i>	<i>русский</i>	<i>украинский</i>
Ўў губ.-губн.[u]		
Фф	Фф	Фф
Хх	Хх	Хх
Цц	Цц	Цц
Чч (тверже рус.)	Чч	Чч (тверже рус.)
Шш	Шш	Шш
	Щщ	Щщ [š↑ɕ]
	ь	
ьl	ьl	
ь	ь	ь
Ээ	Ээ	
Юю [ju, 'u]	Юю [ju, 'u]	Юю [ju, 'u]
Яя [ja, 'a]	Яя [ja, 'a]	Яя [ja, 'a]

Примечание: *Е* в белорусском и русском, *Ё* в русском, *Є* и *І* в украинском, *Ю*, *Я* во всех алфавитах в начале слова и в середине после гласного обозначают [j] и последующий гласный, т.е. [ji], [jo], [je], [ji], [ju], [ja], после согласного – его мягкость ([’e], [’o], [’e], [’i], [’u], [’a]).

2.1. Русский язык

2.1.1. Диалектное членение. Продвижение части восточнославянских племен с юго-запада (Киевская Русь и прилегающие земли) на северо-восток привело к возникновению Великой Руси, Великой-россии, т.е. новоосвоенной на огромном пространстве Руси, – в отличие от Малороссии, т.е. от первоначально освоенной Руси. Таким образом, Великая Русь – это естественное продолжение первоначальной Руси. Эти пространства стали называться исконной великорусской территорией. Ныне границы ее проходят: на севере – несколько ниже С.-Петербурга, на востоке – от Сольвычегодска и далее до Саранска и восточнее Тамбова и Воронежа, на западе – до Прибалтики, затем юго-западнее – до нынешних белорусских и украинских земель. Считается, что именно в этих пределах еще до распада в XIV в. древневосточнославянской (древнерусской) этнической общности стали формироваться великорусские говоры и диалекты, при этом отличия между ними проявлялись в направлении «север – юг», в результате чего образовались два огромных ди-

алектных массива – северновеликорусский и южновеликорусский. В самих этих массивах проходила внутренняя дифференциация речевых стихий, в результате чего появились образования в виде говоров. Так, на территории *северновеликорусского* наречия выделяются а) вологодские, б) ладого-тихвинские, далее в) костромские и др. говоры; в ареале *южновеликорусского* наречия – это а) рязанские, б) курско-орловские и др. Как наречия, так и говоры характеризуются определенными языковыми признаками, что показывают фонетические, грамматические и лексико-семантические изоглоссы. Таким образом, можно говорить о некотором противопоставлении северного и южного наречий.

Однако непосредственной «встречи» их друг с другом уже давно нет: между ними со временем оформился пояс переходных говоров, которые часто называют также *средневеликорусским* наречием. Если для четкости оперировать административно-географическими единицами XX – начала XXI вв., то эту зону образуют Псковская, Новгородская (частично), Тверская, Московская, Ярославская (частично), Ивановская, Рязанская (частично), Владимирская области. Среднерусские говоры сложились в результате длительных контактов представителей Севера и Юга, стремившихся к активным торгово-экономическим и производственным занятиям именно в центральной части страны. В результате между говорами и наречиями возникали контакты, стали сочетаться черты северного и южного происхождения. Кстати сказать, именно особенности среднерусского наречия и преимущественно его московской разновидности со временем легли в основу русского литературного языка.

Исконно великорусская территория постепенно расширялась – за счет новоосвоенных массивов в направлении юга, но особенно – востока (с XVI в. заселяется Поволжье, а затем Приуралье и далее Сибирь – вплоть до Тихого океана). Здесь сталкивались носители русской речи различного происхождения (а в позднейшее время также украинской и белорусской), и постепенно складывались так наз. *говоры позднего заселения*. По этой причине различия в речи здесь не столь выразительны, а это препятствует классификации таких говоров.

Однако различия как между двумя наречиями, так и говорами позднего заселения не столь значительны и потому не препятствуют взаимопониманию их носителей. Это своего рода «русский язы-

ковой феномен»: огромные пространства, распространяющиеся на тысячи километров с севера на юг и с запада на восток, оказываются достаточно прозрачными в языковом отношении и в силу этого легко взаимопонимаемыми. Приведем некоторые фонетические и морфологические различия между северно- и южновеликорусскими наречиями на фоне нормированного литературного языка (опираемся на материал В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, 2005 г.):

Таблица № 4

№	<i>признаки сев.-русского наречия</i>	<i>признаки юж.-русского наречия</i>	<i>наличие этих признаков в литер. языке</i>
1	оканье: сохранение безударного <i>о</i> : <i>кор'ова</i>	аканье: переход безударного <i>о</i> в <i>а</i> (с некоторой редукцией): <i>кар'ова</i>	совмещение признаков: оканье на письме и аканье – в произношении
2	взрывной заднеязычный согласный [g] и его оглушение, т.е. переход в [k], в конце слов и перед глухими согласными: [g]ород, бе[k], ко[k]ти	фрикативный [h] и его переход в [x] в конце слов и перед глухими согласн.: [h]ород, смо[x], ко[x]ти	[g] и его переход в [k] в конце слов и перед глухими согласными
3	исчезновение <i>j</i> в позиции между гласными, приводящее к их стяжению: <i>знаѣт/ знаат</i> → <i>знат</i> (3 л. ед. ч. наст. времени)	сохранение <i>j</i> в указанной позиции: <i>знаѣтъ</i>	сохранение <i>j</i> в указанной позиции: <i>знаѣет</i>
4	формы род. и вин. пад. личного и возвратного местоимений: <i>меня, тебя, себя</i>	<i>мене, тебе, себе</i>	<i>меня, тебя, себя</i>
5	флексия <i>-т</i> в 3 л. ед. и мн. числа глаголов наст. времени	<i>-тъ</i>	<i>-т</i>
6	флексия <i>-ы</i> в род. пад. у сущ. жен. рода ед. числа: <i>у жсон'ы</i>	<i>у жен'е</i>	<i>у жен'ы</i>
7	постпозитивные согласуемые показатели (частицы) определенности <i>-от, -та, -то, -те /-ти</i> : <i>дом-от, изба-та, поле-то, избы-те</i>	отсутствие таких показателей	отсутствие таких показателей

Все 7 приведенных фонетико-морфологических признаков наличествуют и в литературном языке, причем соответствий между ними и северновеликорусским наречием значительно больше. О первом признаке нужно сказать, что его особенности по двум наречиям литературный язык как бы синтезирует в себе.

У современных русских говоров и наречий в целом сужается круг носителей – преимущественно их носителями является старшее поколение, безвыездно проживающее в селе. Под влиянием литературного языка, СМИ, передвижения и смешения населения русские говоры, как, впрочем, и говоры других славянских (и не только славянских) языков, стоят перед угрозой постепенного исчезновения.

2.1.2. Некоторые особенности современного языка. Как и в случае с восточнославянской группой в целом, большинство фонетико-грамматических, а также лексических признаков выходит за пределы собственно русского языка, т.е. они пересекаются с признаками белорусского и / или украинского языков (и не только с ними) (см. соответствующие разделы настоящей главы «2.2. Белорусский язык», «2.3. Украинский язык»). Рассмотрим наиболее показательные из них:

- фонологический состав включает 5 или 6 гласных [в зависимости от того, считать ли [y] (граф. *ы*) самостоятельной фонемой или же позиционным вариантом фонемы [i] (граф. *и*) и 37 согласных, из которых 15 являются парными по признаку твердости ~ мягкости, остальные беспарные: три всегда твердые – ([c], [ž], [š]) и четыре только мягкие – [j], [čʹ], [šʹ] и периферийное [žʹ];

- наличие [y] (граф. *ы*) как фонемы или же как позиционного варианта [i] (граф. *и*), встречающееся также в белорусском языке (из западнославянских – в польском); аргументы сторонников *ы* как позиционного варианта: он не может стоять после мягких согласных и не может начинать слово;

- наличие взрывного [g] (граф. *з*) в литературном языке и в северновеликорусском наречии – в противоположность другим восточнославянским языкам и южновеликорусскому наречию с их фрикативным [h] (граф. *з*): рус. [g]олова – белорус. [h]алава, укр. [h]олова;

– только мягкое [č'] (граф. ч) в отличие от более твердого укр. [č] и очень твердого белорус. [č];

– [j] может сочетаться с препозиционными мягкими согласными, ср. *платье*, т.е.

[–t'je], но укр. *плаття* [–tt'a], белорус. *плацце* [–c's'e];

– заднеязычные [g],[k], [x] (*ch*) в Д. и П. падежах ед. числа, смягчаясь, сохраняются, в то время как в белорусском и украинском они чередуются со свистящими [z'], [č'] [s'], ср. рус. *на дороге* – белорус. *на дарозе*, укр. *на дорозі* и под.;

– аканье, заключающееся в совпадении [a] и [o] в безударном положении (кроме позиции после [ž] и [š]): *на́ра* – *нага́* (орф. *нога́*);

– русским сочетаниям *-oj*, *-ej* (орф. *-ой*, *-ей*) в белорусском и украинском соответствует *-uj* (орф. *-ый*, *-ий*), ср. рус. *слепой*, *шея* – белорус. *сляпый*, *шыя*, укр. *сліпий*, *шия*;

– ударение силовое (динамическое): ударный слог выделяется силой звучания по сравнению с остальными, безударными, гласными; в пределах слова оно может перемещаться, т.е. является разноместным, ср. *язы́к* (И. п. ед. ч.) – *язык'а* (Р. п. ед. ч.), *нош'у* (1 л. ед. ч.) – *носи́шь* (2 л.);

– в морфологии преобладают формы синтезированного (синтетического, внутрисловного) типа, в то время как аналитизм (выражение грамматического значения вне одного слова) выполняет роль принципа дополнительности; по этой причине русский язык (как и другие восточнославянские языки) следует считать языком синтетико-аналитического строя;

– утрачен звательный падеж (вокатив), функцию которого выполняет именительный падеж; его остатки наблюдаются в белорусском, в то время как в украинском эта живая падежная форма;

– в И. пад. мн. ч. от существительных мужского рода интенсивно развивается ударная флексия *-а*, ср. *остров* – *остров-а*, но белорус. *а́страв-ы*, укр. *о́стров-и*;

– после количественных числительных два, три, четыре существительные стоят в Р. пад. ед. ч.: *два человек-а*, *три стол-а*, *три женщин-ы*, *четыре рубаишк-и*; в белорусском и украинском существительные стоят в И. / В. падежах мн. числа: укр. *два стол-и*, *три читачі* ‘три читателя’, белорус. *два стал-ы*, *чатыры акн-ы* ‘четыре окна’;

– фонетическая трансформация части флексии Р. пад. прилагательных и адъективных местоимений *-go* в *[-vo]* (орф. *-go*), ср. *ново-[vo]* при укр. *ново[ho]*, белорус. *нова[ha]*;

– возвратная частица *-ся* имеет сокращенный вариант *-сь* после гласных глагольной основы (*мыть-ся*, но *мою-сь*); в украинском такая соотносительность наблюдается редко (*мыть-ся*, но *мию-ся* и *мию-сь*), а в белорусском ее вообще нет (*мыц-ца* – *-ца* из *-ся*, *мыю-ся*) и т.д.

О других морфологических особенностях см. ниже раздел «2.4. Параллельные образцы склонения и спряжения восточнославянских языков».

2.1.3. Формирование и развитие литературного языка. Начиная с IX–X вв., в связи с принятием христианства на Руси распространяется «словенский язык» первоучителей Кирилла и Мефодия, известный ныне под лингвонимом *старославянский язык*. При чем пришел он на Русь из Болгарии / Византии. Функционируя здесь, он взаимодействовал с народным языком, в результате чего сформировался его древневосточнославянский (или древнерусский) извод или редакция, называемая также *церковнославянским языком*.

Сложные взаимоотношения между старославянским и древнерусским стали основой ряда концепций происхождения русского литературного языка, ни одна из которых до настоящего времени не является общепринятой. Так, в XVIII в. М. В. Ломоносов считал, что в Киевской Руси функционировало два литературно-письменных языка – старославянско-церковнославянский и древнерусский (точка зрения поддержана затем Н. М. Карамзиным, в XIX в. Ф. И. Буслаевым, позже А. И. Соболевским и др.).

В начале XX в. А. А. Шахматов настаивал на том, что литературный русский язык в основе является церковнославянским (также В. М. Истрин, Л. А. Булаховский, в 60–80-е гг. – Б. Унбегаун, А. В. Исаченко и др.). Против этой точки зрения в 30–40-е гг. XX в. выступил С. П. Обнорский, доказывая древнерусскую основу литературного языка. Обе эти концепции по существу сознательно преувеличивали роль одной языковой стихии и недооценивали роль другой.

В середине XX в. В. В. Виноградов разработал концепцию о двух типах русского литературного языка – книжно-славянском

(старославянско-церковнославянском) и народно-литературном. Ф. П. Филин (1981) фактически возрождает идею М. В. Ломоносова: по его мнению, в Древней Руси функционировали церковнославянский (в виде языка религиозной литературы и славяно-русского) и древнерусский (в виде делового языка и языка повествовательной литературы). Б. А. Успенский попытался применить теорию диглоссии к литературно-языковой ситуации Киевской Руси: литературный язык здесь, якобы, был только церковнославянский, в то время как древнерусский выступал в качестве дополнительного средства и к тому же в разговорном виде (использование его в письменности, наличие деловой разновидности – все это автор почему-то выводит за пределы литературного языка, т.е. фактически исключает из древнерусской письменно-литературной культуры). Концепция была встречена весьма критически, а в последние годы по существу сходит на нет.

В целом дальнейшее развитие получает концепция В. В. Виноградова. Представляется, что в образовании древнерусского литературного языка участвовали две языковые стихии, – старославянско-церковнославянская как образцовая и собственно древнерусская (древневосточнославянская), породившие различные его варианты, в целом укладывающиеся в три важнейших стиля, – сакральный, деловой и славяно-русский (А. М. Камчатнов, 2005). Таким образом, не просто два типа литературного языка, но – стили, формирующиеся в рамках этих типов.

В тысячелетней истории русского литературного языка рациональнее всего выделить, опираясь на особенности языковой ситуации и языкового узуса (употребления), пять основных периодов.

1) Древневосточнославянский (древнерусский) период – IX/X–XIV вв. (от IX в., правда, памятники до нас не дошли), когда литературно-письменный язык составляют стили сакральный, деловой и славяно-русский.

Основу и ориентир *сакрального стиля* составлял старославянский, функционировавший в Киевской Руси со времени принятия христианства, с проникавшими в его ткань восточнославянскими элементами. Очевидными его признаками были:

– неполногласие: *градъ* вм. *городъ*;

- начальные *ра-* и *ла-* в м. *ро-* и *ло-*: *ладья* – *лодька*;
- начальное *е-* в м. *о-*: *единъ* – *одинъ*;
- сочетания согласных *жд*, *шт* (*щ*) в м. *ж* и *ч*: *надежда* – *надежа*, *нощь* – *ночь*;
- приставки *из-*, *въз-*, *низ-* в м. *вы-*, *за-* *с-*: *испити* – *выпити*, *възопити* – *завопити*, *низвергнѣти* – *свергнути* и некоторые др.;
- заимствования и кальки из греческого и т.д.

Сакральным стилем исполнены религиозные тексты – прежде всего переводы «Священного Писания», дошедшие в позднейших списках, «Мстиславово евангелие» 1115–1117 гг., молитвы Кирилла Туровского и др. Места создания памятников типа «Житие Андрея Юродивого», «Студийский устав», «История Иудейской войны», «Житие Стефана Сурожского» и ряд других до сих пор не установлены, т.е. были ли они созданы на Руси или же привезены туда, неизвестно. В круг памятников сакрального стиля входят также тексты таких жанров, как жития («Житие Феодосия Печерского», «Житие о Борисе и Глебе»), торжественные красноречия («Слово о законе и благодати Илариона», «Слова» Кирилла Туровского) и др.

Деловой стиль характеризовался близостью к живой речи, однако не был лишен славянизмов – их, например, можно обнаружить в некоторых древнерусских грамотах. Крупнейшим памятником считается практически свободная от славянизмов «Русская правда» (XI в.) – свод древнерусских законов, демонстрирующий переход от обычного права, основанного именно на обычае, к административному княжескому праву.

Функционируя в русле единого литературно-языкового процесса, эти два стиля породили еще один, синтезированный стиль, – *славяно-русский*, которым были исполнены многие жанры: летописный, или историко-хроникальный («Повесть временных лет», другие летописи), повествовательный («Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Батыем Рязани», переводная «Александрия» и др.), жанр учительного красноречия («Поучение Владимира Мономаха», «Моление Даниила Заточника» и проч.).

В древнерусский период уже обнаруживаются первые попытки осмыслить и описать языковые вопросы. Это ходившие в списках сочинение черноризца Храбра (X в.), «Рассуждение Иоанна Экзар-

ха Болгарского о славянском языке» (XII в.), а также зарождавшиеся лексикографические жанры XIII–XIV вв.: словари-ономастиконы («**рѣчь жидовскаго языка <...>**», содержащая, кроме нарицательных, собственные имена), словари символики, или приточки (обычно в сочинениях, толкующих Псалтырь), славяно-русские словарики (типа «**толкованиѣ неопудобѣ познавакомъ рѣчемъ**» к переводу XII в. «Лествицы» Иоанна Синайского) и словари-разговорники¹.

2) *Старорусский*, или *старомосковский*, период охватывает XV–XVII вв. В связи с татаро-монгольским нашествием от Руси отошла ее юго-западная часть, подпав под влияние Великого княжества Литовского, а затем Польши. После присоединения Юго-Западной Руси к Московской Руси культивировавшаяся там разновидность литературно-письменного языка окажет влияние на литературный язык Московии. Высказывается мнение, что в рассматриваемый период в Московском государстве возникает двуязычие, иногда называемое «литературным двуязычием». При этом ссылаются на замечания некоторых авторов-сочинителей XVI–XVII вв. (и на свидетельствующих иностранцев этого времени), рассуждающих о большой дистанции между письменным и разговорным формами языка, а также о том, что в живом языке в это время происходит ряд изменений прежде всего в морфологии (утрата двойственного числа и звательного падежа, аориста, имперфекта и плюсквамперфекта и т.д.), а также в лексике.

Действительно, дистанция между, с одной стороны, славянским (сакральным) и, с другой – разговорным, а также имеющим с ним тесные связи славяно-русским имелась, однако она была не больше, чем в древнерусский период. Более того: акцентирование на различиях между ними обусловлено тем, что в указанное время все чаще обращают внимание на нормы литературного языка и задумываются над созданием нормативных грамматик, которые мыслятся в той или иной мере оторванными от живой языковой стихии в пользу письменного употребления языка (отсюда и попытки пуризма). Поэтому для данного периода уместно говорить о функционировании

¹ Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.–Л., 1963. С. 7.

литературного языка в его книжно-славянской разновидности или стиле (это своего рода трансформация сакрального и архаической части славяно-русского стиля предшествующей эпохи), и в близкой к живой речи старорусской разновидности, между которыми располагается так наз. смешанный стиль, состоявший из славянских (книжных) и старорусских (живых) элементов.

Книжно-славянская разновидность была представлена агиографическим жанром XV–XVI вв. («Житие Сергия Радонежского», «Житие Стефана Пермского», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского»), повествовательным («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» и др.), а также историко-публицистическим («Книга степенная царского родословия», сочинения Максима Грека, Нила Сорского, Андрея Курбского и др.).

Важно вспомнить также, что в конце XV в. проводилась графико-орфографическая архаизация текстов (традиционно этот процесс относили, вслед за А. И. Соболевским, к концу XIV в. и называли «вторым южнославянским влиянием»), а в XVI в. организованный в Москве около 1553 г. «Печатный двор» стал издавать первые книги: недатированные «Триодь Постную», несколько псалтырей и одно евангелие и др.; в 1564 г. вышла первая датированная книга «Апостол», выпущенная Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Оба справщика затем перебрались в Юго-Западную Русь (конкретно – во Львов), где продолжили печатание книг.

Старорусская разновидность, в отличие от книжно-славянской, не подвергалась пуризму и архаизации и была открыта для синтеза различных стилевых элементов. Старорусским стилем написаны: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (XV в.), «Сказание о Магмет-салтане» (XVI в.), публицистические тексты XVII в., в том числе первая русская газета «Вести-Куранты» (1600–1696). В этом же русле стала развиваться разновидность делового стиля – **приказный стиль**. Что касается **смешанной разновидности**, или стиля, в котором переплетаются книжные и живые элементы, то он представлен в сочинениях Ивана Грозного, в части текста «Домостроя» (где наличествуют и особенности делового стиля) и некоторых др.

Для истории литературного языка важна в рассматриваемый период ситуация в Юго-Западной Руси, подвергшейся в 1596 г. унии (Брестская и Люблинская унии). Объединение после этого Польши и Великого княжества Литовского, образование Речи Посполитой привели к полонизации культурной и прочей жизни. Как противодействие этому процессу стали появляться сочинения на так наз. западнорусском языке (по-другому – «проста мова», или «простой язык»), в том числе переводы евангелия, сделанные В. Негалевским, В. Тяпинским, переводы катехизиса из-под пера Петра Могилы и Исаяи Козловского и др. Объявлялась защита книжно-славянского языка (И. Вишенский, так наз. братские школы, созданная в 1631 г. митрополитом П. Могилой в Киеве академия и под.). Славянские религиозные книги в XV–XVI вв. стали печатать также в Венеции и в Венгрии.

Именно в Юго-Западной Руси зарождается история переводов «Священного Писания», начатая белорусским просветителем Франциском Скориной: сначала изданная им в 1517 г. в Праге псалтырь, затем все книги «Священного Писания» (1517–1519), другие книги, отпечатанные в организованной им в Вильне в 1525 г. типографии. В 1581 г. в Остроге появляется полный перевод «Библии», сыгравшей большую роль в нормализации литературного языка. Выходцы из Юго-Западной Руси, заботясь о нормах книжно-славянского языка, стали описывать его лексикографически и грамматически, правда, привлекая для этого также местный живой разговорный язык. Это изданная учащимися братской школы во Львове в 1591 г. грамматика «еллинославянского языка» «Адельфотес», **«Грамматика Славенска»** 1596 г. Лаврентия Зизания, **«Грамматики Славенския правилное С҃унта҃гма»** 1619 г. Мелетия Смотрицкого.

В XVII в. в Российской империи происходят важные события в политической, религиозной и культурной жизни. Наметились два взгляда на развитие страны – славянофильское, ориентировавшееся на исконно русские ценности, и западническое, образцом для которого были ценности общеевропейские. В связи с угасанием династии Рюриковичей и в связи с «повреждением веры» пришли времена Смуты, а после того, как она была преодолена, был избран царь из рода Романовых. Православие переживало кризисные явления.

В частности, обнаружили расхождения в переводах богослужебных книг с древнегреческими оригиналами. Официальная церковь во главе с патриархом Никоном ставит вопрос об исправлении таких книг, т.е. о приведении их в соответствие с греческим текстом. Занимаются этим приглашенные из Киева справщики во главе с Епифанием Славинецким. В 1654 г. по-новому издается «Служебник», изменены некоторые древнеправославные обряды.

В церкви и в обществе наметился раскол, выделивший, с одной стороны, тех, кто стоял «за старую веру», а исправление книг считал святотатством, с другой – тех, кто пошел за реформами Никона. Так возникло полное трагизма старообрядчество, которое официально преследовалось, потому его сторонники спасались бегством по окраинам империи. Виднейшим представителем старообрядчества был протопоп Аввакум, составитель ряда сочинений, в том числе «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», получившее широкое распространение. Сочинения протопопа, несмотря на заявленную им любовь к «природному русскому языку», представляют собою смешение двух языковых стихий – собственно русской и книжно-славянской. Этим самым Аввакум в какой-то мере как бы предвосхищает дальнейшее развитие нового русского литературного языка. В сторону живой языковой стихии шла бытовая и сатирическая проза XVII в. Что касается книжно-славянской разновидности литературного языка, то она представлена в рамках культуры барокко различными жанрами: это панегирическая (Симеон Полоцкий и др.) и дидактическая поэзия, драматические произведения, а также проповеди (Е. Славинецкий). Особо стоит язык многочисленных переводов религиозных текстов. Причем в империи преобладает киевская книжно-славянская разновидность литературного языка как более «ученая», насыщенная грецизмами. Тексты составляются в духе «плетения (или извития) словес». В поддержании книжно-славянской разновидности литературного языка определенную роль сыграло созданное в последней четверти XVII в. царем Федором Алексеевичем «Еллино-греческое училище», превращенное в начале XVIII в. в «Славяно-латинскую академию» и, наконец, в «Славяно-греко-латинскую академию», просуществовавшую до 1814 г.

В то же время на базе московского говора складывается общенациональное койнэ как результат синтеза речи представителей разных русских наречий.

3) Предпушкинский период падает на XVIII в. Содержание этого периода составляют: языковая политика Петра I, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова и ряд концепций литературно-языкового развития (В. К. Тредиаковский, Н. М. Карамзин).

Петр I провел реформу азбуки (указом 1710 г.), придав буквам округлые начертания (близкие к латинскому шрифту антиква), устранил ряд букв (юсы и др.), убрал титла и т.д. – азбука и письмо стали называться «гражданскими», в отличие от традиционной кириллицы, которая была оставлена для печатания религиозных текстов (газ. «Ведомости» с 1703 г. печаталась церковной кириллицей, а с 1710 г. – «гражданской»). В языковом плане царь требовал ориентироваться на живой язык, особенно на выработанный уже к этому времени приказной стиль. Это время характеризуется интенсивным обогащением лексики, в том числе терминологией естественных наук, за счет внутренних резервов языка (придание обычным словам новых, терминологических значений, создание новых слов по различным словообразовательным моделям) и за счет активных заимствований из европейских языков.

Поиски оптимальных параметров литературного языка активно продолжают и после Петра I. А. Кантемир в текстах своих произведений пытался синтезировать разговорно-просторечную и книжно-славянскую стилистику, разграничивал «высокий» (в одах), «средний» (в переводах) и «низкий» (в сатирах) стили. В. К. Тредиаковский фактически первым создал программу языкового развития, правда, с двумя крайними позициями. Первоначально он предлагал ориентироваться на живой язык (по образцу французского), так как, признавался он, «языкъ славенской нынѢ жестокъ моимъ ушамъ слышится». Но поскольку разграничить русское и «славенское» на практике часто было просто невозможно, В. К. Тредиаковский вынужден был признать это и стал высказываться за синтез обоих языковых стихий, при этом «славенской языкъ» был для него лексико-грамматическим и стилистическим образцом.

С середины века известность получает языковая программа М. В. Ломоносова, написавшего первую систематическую норма-

тивную «Российскую грамматику» (1755–1757) и создавшего стройную теорию «трех штилей» – высокого (его основой была книжно-славянская стихия), среднего и низкого (ориентирован на живой язык). При этом М. В. Ломоносов разграничивал «славенский» и собственно русский, призывал осознанно относиться к заимствованиям из других языков. Ему принадлежат большие заслуги в развитии русской научной терминологии.

Синтезированной «славяно-русской» разновидностью писали в последние десятилетия XVIII в. прозу (Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев и др.). В это время усиливается галломания: высший свет говорит по-французски, в русский язык потоком идут заимствования, по французскому образцу создаются термины и фразеологизмы, строятся некоторые синтаксические конструкции. В этом русле языковую программу «нового слога» предлагает глава русского сентиментализма Н. М. Карамзин, который, подобно раннему В. К. Тредиаковскому, считал французский язык образцовым и предлагал ориентироваться «на язык дам» высшего общества. Такая позиция вызвала резкую критику, в частности, А. С. Шишкова, который считал, что «славенский» язык есть «корень и основание российскаго языка» и что по сути это один и тот же язык, только нужно умело и уместно употреблять элементы и того, и другого. Острые дискуссии по этому поводу показали, что русская культура стоит на пороге создания норм единого литературного языка.

Во многом такому продвижению литературно-языковой мысли способствовали также нормативные руководства, изданные в XVIII в. Помимо «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, следует также назвать неопубликованную одноименную книгу А. А. Барсова, написанную в конце этого века. Что касается лексикографии, то в течение всего этого века в России было издано 277 словарей различного типа, среди которых переводные, т.е. дву- и трехязычные (словари И. Ф. Копиевского, Ф. П. Поликарпова, Э. Вейсмана и др.), а также терминов и непонятных слов («Церковный словарь» 1773 г. П. А. Алексеева и др.). Выдающимся трудом является многотомный «Словарь Академии Российской» (1789–1794), в котором дана нормативная характеристика «славяно-российских» слов.

4) *Новый, пушкинский, период* (с начала XIX в. и по начало XX в.), когда усилиями А. С. Пушкина вырабатывается стратегическое направление в формировании литературного языка нового типа. Не без влияния предшественников А. С. Пушкин, используя составной лингвоним «славяно-русский язык» и не видя в нем два различных языка, говорит о необходимости разграничения книжного и разговорного стилей («языков») и о дальнейшем их сближении. В его текстах славянизмы умело соединяются в стилистических целях с элементами разговорными, он ориентируется при этом на народный язык; что касается заимствований, то А. С. Пушкин в конечном счете выступил за сознательное и умеренное их применение в русском литературном языке. Таким образом, А. С. Пушкин пошел по пути синтеза хорошо понятных обществу языковых элементов разных стилей и сфер, своими текстами он реализовал новые принципы их употребления, воплотившиеся затем в норме, и тем самым положил конец лексико-грамматической пестроте литературного языка предшествующей эпохи. В дальнейшем по этому пути пойдет вся русская художественная литература и культура в целом: М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Горький, И. А. Бунин и многие др. Важно также отметить, что в унификации и совершенствовании норм литературного языка во второй половине XIX в. большую роль играли публицистический и научный стили. Нередко именно от А. С. Пушкина отсчитывают начальную границу «современного русского литературного».

Значительную роль в стабилизации литературного языка сыграли нормативные грамматики и словари. В 1802 г. появилась «Грамматика Российской Академии», правда, повторяющая во многом грамматические принципы М. В. Ломоносова. Н. И. Греч – создатель «Практической русской грамматики» (1827) и «Пространной русской грамматики» (1830), в которых он попытался описать грамматическую систему в целом (правда, еще не всегда четко представляя себе, например, глагольный вид, не заметив сослагательного наклонения и под.). Успешнее в этом плане был А. Х. Востоков, автор «Русской грамматики» (1839): он систематически представил грамматические категории и по существу дал одну из наиболее ран-

них в этот период кодификаций русского литературного языка. Показательно, что стали появляться и работы по стилистике («Краткое руководство к деловой и государственной словесности» 1835 г. М. Л. Магницкого), по вопросам преподавания («О преподавании отечественного языка» 1858 г. Ф. И. Буслаева), по истории, в том числе и литературного языка («Опыт исторической грамматики русского языка» 1858 г. Ф. И. Буслаева, «Очерки по истории русского языка» 1883–1884 гг. А. И. Соболевского, «Очерк древнейшего периода истории русского языка» 1915 г. А. А. Шахматова и др.), по современному языку («Общий курс русской грамматики» 1903 г. В. А. Богородицкого, «Очерк современного русского литературного языка» 1913 г. А. А. Шахматова, «Русский синтаксис в научном освещении» 1914 г. А. М. Пешковского и т.д.). Что касается словарей, то следует указать на трехтомный «Новый словотолкователь» 1803–1806 гг. Н. Яновского, на четырехтомный «Словарь церковного и русского языка» (1847) Российской Академии и др.

5) Новейший период с подпериодами – советским и постсоветским начинается с 20-х гг. XX в. и тянется по начало XXI в. Этот период характеризуется менявшейся культурно-языковой ситуацией и дальнейшим совершенствованием норм и языкового употребления вообще. Так, вскоре после Октябрьской революции 1917 г. была проведена реформа русской графики и орфографии; в 20–30-е гг. Советское общество направило усилия на ликвидацию неграмотности (в рамках новой политики «языкового строительства»), что в конечном счете привело к демократизации литературного языка, который, в отличие от дореволюционного времени, стал доступен широким массам населения. Правда, одновременно этот процесс отразился и на состоянии норм и узуса русского литературного языка, в который стали почти бесконтрольно проникать диалектные и просторечные элементы. В связи с установлением советской социальной системы словарь обильно пополнился лексическими советизмами, отражавшими новые институты власти и культуры и новые социальные отношения. Предпринимаются усилия по упорядочиванию норм русского языка. В 1935–1940 гг. под редакцией и с участием Д. Н. Ушакова издается четырехтомный «Толковый словарь русского языка». В 1947 г. вышла монография

В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове». В 1948–1965 гг. издан 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» (известный как *Большой академический словарь – БАС*), в 1957–1961 гг. появился четырехтомный «Словарь русского языка» (*Малый академический словарь – МАС*). С 1991 г. издается толковый академический «Словарь современного русского литературного языка» в 20 томах. Лексикографически обработаны или обрабатываются все пласты лексики как литературного языка, так и нелитературных форм языка. В 1979 г. вышла первая энциклопедия «Русский язык» (переиздается). Что касается грамматической системы, то в советское время в ее описании сделано очень много: в 1952–1954 гг. издана двухтомная «Грамматика русского языка», в 1970 г. – однотомная «Грамматика современного русского литературного языка», в 1980 г. – двухтомная «Русская грамматика» (все три издания академические, т.е. созданные АН СССР, в частности, ее Институтом языкознания и Институтом русского языка). В рамках истории языка сформировалась специальная дисциплина – история русского литературного языка, в русле которой стали появляться систематические университетские курсы истории литературного языка (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Н. А. Мещерский, А. И. Горшков, Б. А. Успенский, А. М. Камчатнов и др.). Что касается языкового узуса, то в советское время литературный язык обладал развитыми стилями и был хорошо терминологизирован, хотя и отмечалась его застандартизованность как результат мощного однонаправленного идеологического давления.

С развалом Советского Союза советский узус претерпел сильные изменения: нормативные установки во многом были разрушены, произошла мутация некоторых стилей; с 90-х гг. XX в. наблюдается сильная англо-американизация словаря в области культуры и современных технологий; в связи с изменением социального строя проведена десоветизация социально значимой лексики (т.е. устранение советизмов). Таким образом, на смену советского стандарта пришла в известной степени размытость страт литературного языка прежде всего за счет собственных разговорных и просторечных элементов, а также заимствований из чужих языков, чему в значительной мере способствуют так наз. центральные (московские)

средства массовой информации. Особенно активна лексическая, словообразовательная и синтаксическая англо-американизация русского языка, формирующая, например, в молодежной сфере, контуры смешанной языковой системы, для которой уже имеется название, – *русангл*. По этой причине в ряде сфер наблюдается снижение коммуникативных качеств литературного языка.

2.1.4. Функциональный статус. В функциональном плане русский язык менял свои позиции (по крайней мере, декларативно). До Октябрьской революции 1917 г. он был государственным языком Российской империи. В Советское время он фактически сохранял статус государственного языка, хотя официально назывался «языком межнационального общения» между народами СССР. В 1991 г. был принят (а в конституции 1993 г. и закреплён) специальный закон о русском как (обще)государственном языке России, при этом в республиках Российской Федерации он функционирует наряду с тем или иным республиканским («титულным») языком. В постсоветских республиках-странах он по-прежнему выполняет роль языка межнационального общения (в одних в большей, в других в меньшей мере), а в Белоруссии и в Киргизии русский язык является вторым государственным наряду соответственно с белорусским и киргизским языками.

Русский язык – единственный из славянских языков стал международным (мировым, всемирным), являясь в то же время одним из рабочих языков ООН.

К 2002 г. в границах б. Советского Союза русским языком как родным и как вторым пользовались приблизительно 195 млн. человек, из них в России около 143 млн. и в других постсоветских республиках, ставших самостоятельными государствами, примерно 52 млн. человек. Более двух миллионов человек пользуется русским языком (в основном как родным) в разных странах Европы и Америки.

Примечание: Следует иметь в виду, что в связи с интенсивными с 90-х гг. XX в. миграциями приводимую статистику следует воспринимать с известной долей приближенности.

Изучением грамматических систем и социолингвистических аспектов русского языка занимаются: научный Институт русского

языка РАН им. В. В. Виноградова, учебно-научный Институт русского языка им. А. С. Пушкина, кафедры русского языка в университетах и педагогических институтах России и за ее пределами. Университетские исследователи и преподаватели русского языка объединены в «Международную Ассоциацию преподавателей русского языка и литературы» (МАПРЯЛ).

2.1.5. Образец текста:

Что такое ‘русский язык’, представляет себе каждый: он звучит вокруг нас и внутри нас – русских и нерусских его носителей, он заключен в миллионах текстов, написанных за тысячелетие существования русской письменности и литературы, – от первых переводов фрагментов из Библии и древних берестяных грамот до новой вывески в доме напротив и только что вынутой из почтового ящика сегодняшней газеты. Указать на явление, на объект, называемый ‘русский язык’, довольно просто, но рассказать о русском языке содержательно можно только опираясь на науку о нем, на русистику. Соединить в одном описании сведения об отдельном, самостоятельно существующем объекте с современным состоянием науки об этом объекте позволяет особый жанр обобщения и систематизации знаний – энциклопедия.

Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1997, с. 3.

2.1.6. Литература

• Граматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947; 4-е изд. М., 2001.

Грамматика русского языка. Т. I–II. М., 1952–1954.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Русская грамматика. Т. I–II. Praha, 1979.

Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.

Русский язык. Red. naukowy E.Širjajev. Opole, 1997.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Русский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 444–513.

Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. (Slavistische Beiträge. Bd. 317). München, 1994.

Горшков А. И. История русского литературного языка. М., 1969.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.

Камчатнов А. М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века. М., 2005.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Русская диалектология. 2-е изд. М., 1965; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1 → . М., 1986 →.

• **Словари:**

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.–Л., 1948–1965.

Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. Т. 1 → . М., 1991 → .

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1934–1940.

Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1957–1961; 2-е изд.: М., 1981–1984.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949 (и многочисленные последующие переиздания).

Большой толковый словарь русского языка. Ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979; 2-е изд., М., 1997.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Ред. Г. Н. Складчиков. СПб., 1998; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Ред. Г. Н. Складчиков. М., 2001.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977; 3-е изд., М., 1987.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 → . М., 1975 → ; Словарь русского языка XVIII в. Вып. → . М., 1984 → ; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1 → . М., 1988 → .

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Перев. с нем. 3-е изд. М., 1996; Этимологический словарь русского языка. Т. 1 → . М., 1963 → (издание продолжается); П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1 → . М., 1965 → (издание продолжается).

• **История литературы:**

История русской литературы. 1–10. М.–Л., 1941–1956; История русской советской литературы. 1–3. М., 1958–1961; История русской литературы. 1–4. Л., 1980–1983; История русской литературы XI–XX веков. Краткий очерк. М., 1983; История русской литературы. В 3-х т. М.–Л., 1958–1964.

• **Периодика:** Русская речь, Москва, 1967 →; Russian Linguistics, Dordrecht, 1974 →; Русский язык в центре Европы, Bratislava, 1999 →; Русский язык в научном освещении, Москва, 2001 →; и др.

2.2. Белорусский язык

2.2.1. Диалектное членение. Ареал распространения белорусского языка покрывает территорию Белоруссии, частично выходя также за ее пределы, т.е. в соседние российские, украинские, польские, а также литовские и латышские регионы (в т. ч. и островные), где представлены также белорусские и смешанные белорусско-инославянские говоры.

Впервые классификацию белорусских говоров еще в XIX в. предложил Е. Ф. Карский, выделив две группы, – юго-западную и северо-восточную. Несмотря на то, что в основу такого деления были взяты единичные фонетические признаки, эта классификация в своей основе остается до настоящего времени с той лишь разницей, что в 20-е гг. XX в. Н. Н. Дурново предложил особо выделить переходные между указанными группами говоры (названные потом среднебелорусскими), а во второй половине XX в. все эти группы объединили в «основной массив белорусской диалектной речи», противопоставленный западнopoлесским говорам. Разумеется, со временем было увеличено число дифференциальных признаков разных уровней между этими группами, в том числе и на основе материала созданных диалектологических атласов².

² См.: П. Бузук. Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі. Ч. I. Фонэтыка і морфалёгія. Вып. 1-ы. Гаворкі Цэнтральнае і Ўсходняе Беларусі і суседніх мясцовасцяў Украіны і Вялікарасіі ў першай чверці XX в. У Менску, 1928; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гавораў. Мінск, 1968; Ф. Д. Клімчук. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск, 1983 и др.; о диалектологических атласах см. «Литературу».

Таким образом, диалектный массив, включающий почти всю территорию современной Белоруссии, делится на три группы: 1) **основной массив**, состоящий из двух диалектных групп, – а) юго-западной, в пределах которой выделяются гродненско-барановичские говоры, слущко-мозырские, и б) северо-восточной с ее витебско-могилевской и полоцкой группами говоров; 2) **переходные среднебелорусские говоры**, синтезирующие в себе элементы двух ранее указанных диалектов; 3) **западнополесская, или загородская, группа** говоров, называемая также полесской или брестской, которая занимает Западное Полесье, по-другому – Брестско-Пинское Полесье (юго-западная часть Брестской области) и состоит нескольких говоров.

2.2.2. Некоторые особенности современного языка. Белорусский язык весьма близок русскому, но в нем немало одинаковых или похожих черт и с украинским – (см. соответствующие разделы в настоящей главе «2.1. Русский язык», «2.3. Украинский язык»). Традиционно отличительными признаками белорусского языка считаются следующие:

– фонологический состав включает 5 или 6 гласных [в зависимости от того, считать ли [y] (граф. *ы*) самостоятельной фонемой или же позиционным вариантом фонемы [i] (граф. *и*)] и 39 согласных, из которых 15 являются парными по признаку твердости ~ мягкости, остальные беспарные: 8 всегда твердые – [č], [ž], [š], [dʲ↑ž], [r], [d], [t], [j] (орф. *ў*) и только один мягкий – [j];

– аканье, характерное также для южновеликорусского наречия и русского литературного языка: *кас'іць* ‘косить’, *з'орад* – *гарад'ы* ‘город – города’;

– наличие, как и в украинском, фрикативного [h] (орф. *г*) в противоположность периферийному, редко используемому преимущественно в заимствованиях и то непоследовательно [g]: *галава* ‘голова’, *яго* ‘его’;

– наличие, как и в украинском, аффрикаты [dʲ↑ž] из праславянского сочетания *dj: *гляджу* ‘гляжу, смотрю’;

– наличие только твердого [r] и «сверхтвердого» (с точки зрения русского языка) [č]: *гарачы* ‘горячий’, *чыркаць* ‘черкать’;

– наличие неслогового [j] (орф. *ў*) из [v], [l]: *ў Мінск* ‘в Минск’, *чытаў* ‘читал’;

- дзеканье и цеканье типа *дзень* ‘день’, *цiха* ‘тихо’;
- обилие случаев протетического [v] перед губными гласными: *восень* ‘осень’, *вучоны* ‘ученый’;
- отверждение губных согласных в позиции конца слова (как и в украинском): *сем* ‘семь’, *стэп* ‘степь’;
- конечный [j] в И. пад. ед. числа муж. рода прилагательных утрачивается, ср.: *новы* ‘новый’, *добры* ‘добрый’;
- склонение существительных на -мя преимущественно без наращивания, ср. *семя* ‘семя’: И. п. *сем-я*, Р. п. *сем-я*, Д. п. *сем-ю*, В. п. *сем-я*, Т.п. *сем-ем*, П. п. *сем-і*, но и: И. п. *стрэм-я* ‘стремя’, Р. п. *стрэм-я* и *стрэмен-і*, Д. п. *стрэм-ю* и *стрэмен-і* и под.;
- наличие родовой дифференциации в количественном числительном *два* в И. и в косвенных падежах: для муж.-среднего рода – И. п. *дв-а*, Р. п. *дв-ух*, Д. п. *дв-ум* и т.д., для жен. рода – И. п. *дзв-е*, Р. п. *дзв-юх*, Д. п. *дзв-юм* и под.;
- отсутствие, как и в украинском, флексии -т в 3 л. ед. числа глаголов I спряжения настоящего времени: *будуе* ‘(он) строит’;
- наличие, как и в украинском, давнопрошедшего времени (плюсquamперфекта);
- редкое употребление кратких прилагательных;
- редкое употребление действительных причастий настоящего времени на -ач, -уч-;
- редкое употребление страдательных причастий настоящего времени на -ем, -ім и некоторые другие.

О других морфологических особенностях см. ниже раздел «2.4. Параллельные образцы склонения и спряжения восточнославянских языков».

2.2.3. Формирование и развитие литературного языка. В разные периоды своей истории белорусский литературный язык функционировал в условиях письменного двуязычия и даже многоязычия – белорусско-церковнославянского, белорусско-польско-латинского, а позднее также письменно-устного белорусско-украинского, белорусско-русского. Кроме того, в силу неблагоприятных политико-социальных обстоятельств белорусский литературно-языковой процесс прерывался (о чем см. ниже).

Историю литературного языка можно поделить, опираясь на содержание литературно-языкового и литературно-художественного процесса в связи с процессами социальными и общекультурными, на следующие периоды:

1) древневосточнославянский (древнерусский) период – X/XI–XIV вв.;

2) старобелорусский (до конца XVIII в.);

3) новобелорусский XIX в. с «дооктябрьским» подпериодом в начале XX в.;

4) советско-белорусский период с 20-х гг. по конец 80-х гг. XX в. и

5) постсоветский период с 90-х гг. XX по начало XXI вв.

Рассмотрим основное содержание этих этапов.

1) **Древневосточнославянский (древнерусский)** период – IX/X–XIV вв. (от IX в., правда, памятники до нас не дошли), когда литературно-письменный язык составляют стили сакральный (на старославянско-церковнославянской основе), деловой (на народно-литературной основе) и славяно-русский (синтез ранее названных стилей). (Подробнее см. выше «2.1. Русский язык. 2.1.3. Формирование и развитие литературного языка»). Следует лишь иметь в виду, что в некоторых письменных памятниках этого периода, особенно последних двух – двух с половиной столетий, заметны локальные языковые черты, в данном случае – белорусские.

2) К **старобелорусскому периоду** вплотную подходят предшествующие памятники восточнославянской (древнерусской) народности по крайней мере последних двух столетий, в которых отражаются отдельные локальные «западнорусские» черты, – это различные договоры и грамоты, созданные в Полоцке, в пограничном Смоленске и др. местах; в меньшей степени локальные черты отразились в церковнославянских евангелиях (Полоцком, Витебском), в псалтыри. Именно на основе языка этой распадающейся народности и с опорой на западный вариант церковнославянского языка (или, по-другому, книжно-письменного языка) формируется старобелорусский язык, который становится официальным языком Великого княжества Литовского, – так наз. западнорусский литературно-письменный язык (или «пробная мова»), включавший в себя элементы как белорусского, так и украинского типа.

Считается, что наибольшего развития этот язык достиг в XV–XVI вв. Особая роль в развитии старобелорусского языка, в основе которого лежал книжно-письменный церковнославянский язык, принадлежит Франциску (Георгию) Скорине, который заложил основы восточнославянского книгопечатания, издав в Праге в 1517 г. «Псалтирь», после чего последовало его грандиозное предприятие – перевод и издание в 1517–1519 гг. в 22 (23) книгах «Ветхого Завета» и других книг. Книжный язык был здесь ощутимо окрашен элементами живой народной речи, что дает право некоторым исследователям говорить о белорусском изводе церковнославянского языка Ф. Скорины. В направлении белорусизации книжного языка после Ф. Скорины шли В. Тяпинский (переводил евангелие), С. Будный. Западнорусские (белорусско-украинские) элементы обнаруживаются также в сочинениях Л. Зизания, в грамматике М. Смотрицкого, в текстах Л. Карповича, А. Филиповича, А. Римши (в его «Хронологии» 1581 г.; составитель считается также деятелем украинской культуры), «Дописы» XVI в. Кмиты, в «Хронике Великого княжества Литовского и Жемайтского», в Баркулабовской (описывает события с 1563 по 1608 гг.) и некоторых других летописях, в «Дневнике» Евлашевского и др. Функционировал старобелорусский язык и после принятия Люблинской унии в 1569 г., когда Великое княжество Литовское вместе с Польским королевством образовало Речь Посполитую. Старобелорусский отражен в вариантах «Литовского Статута» 1529 (первая редакция), 1566 и 1588 гг., одним из составителей которого был Лев Сапега.

По содержанию старобелорусская книжность в это время носила поучительный характер: тексты в основном были направлены на пропаганду идей христианства и разъяснения его догм. Появлялись и переводы некоторых исторических и рыцарских романов, образцы школьной драмы и политической сатиры, а также опыты поэтического творчества («Повесть о Трыщане», ок. 1588; «Повесть о Скандербеге») и под. (См. также раздел о староукраинском языке в очерке «2.3. Украинский язык. 2.3.3. Формирование и развитие литературного языка»).

Однако с образованием Речи Посполитой позиции белорусского языка начинают ослабевать, поскольку в конкуренцию к нему

вступает польский язык. А это значит, что все деловые документы всех учреждений пишутся теперь преимущественно на польском языке. Политика языковой и культурной полонизации свое юридическое закрепление получила в 1696 г., когда Варшавский сейм официально запретил использовать в канцелярско-юридической сфере белорусский язык, заменив его польским и дополнительно сохранив также латинский язык, на котором еще до образования Речи Посполитой, со времен короля Ягеллы, печатались важнейшие государственные документы. В этот период, по сути, сворачивается белорусское книгопечатание и ощутимо уменьшается число текстов на старобелорусском языке. Лишь в униатской церкви сохраняется узко конфессиональное его применение, в том числе и в так наз. униатских вассилианских школах. Редким исключением являются единичные тексты иного содержания, как, например, духовное завещание 1702 г. бурмистра Михаила Казкевича из Могилева, «Краткое собрание случаев» (1722), «Вакханалия» (1725), «Слепой, хромой, потом пан и тивун» (1751), актовые книги Витебской и Могилевской губерний, рукописный сборник интермедий, написанный в 1787 г. К. Морашевским.

Особым эпизодом в истории старо- и новобелорусского языка является практика передачи белорусских (частично также польских) текстов *арабской графикой*, которую культивировали крымско-татарские пленники и переселенцы времен Великого княжества Литовского (эта практика охватывает период от XVII до XX вв.).

По существу с конца XVII в. и в течение всего XVIII и начала XIX вв. старобелорусский язык постепенно угасает, демонстрируя тем самым перерыв в многовековой книжно-письменной традиции.

3) Новобелорусский период, охватывающий весь XIX в. и начало XX в.

С конца XVIII в. (точнее, с 1772–1795 гг.) белорусские земли оказываются в составе Российской империи, а русский язык интенсивно начинает внедряться в Белоруссии с 30-х гг. XIX в. Это выразилось в том, что школы начинают переводить на русский язык, на него ориентируется молодежь, поскольку это дает возможность учиться затем в учебных заведениях Российской империи и тем самым включаться в общественно-политическую и культурную

жизнь. Разумеется, на русском языке начинает развиваться книгопечатание, а это не только административно-юридические документы (в виде бланков, постановлений, указов, объявлений и проч.), но и периодические издания типа губернских ведомостей, которые издаются в различных крупных городах Белоруссии, – в Минске, Гродно, Витебске, Могилеве. Важно, что в такого рода изданиях печатаются ценные для истории и этнографии белорусского народа материалы.

Как и в период Речи Посполитой, этноязыковая политика российских властей по отношению к белорусам заключалась, по сути, в игнорировании белорусского языка, чему в немалой степени способствовал официально оформившийся взгляд на белорусский как на один из диалектов великорусского языка (на Украине таковым объявлялся «малорусский»). Более того, в 1840 г. было запрещено употреблять белорусский язык в школе и в административной сфере.

Тем не менее именно в новобелорусский период начинает, несмотря на подобные ограничения, возрождаться идея литературного белорусского языка, но теперь уже не на основе и не в связи с книжно-письменным (церковнославянским) языком, а на базе живой речи. Этому способствовали различные факторы, среди которых – внимание деятелей белорусской, а также русской культуры к традициям и языку белорусов, влияние процессов национального возрождения соседних славянских народов и др.

Наряду с записями произведений белорусского народного творчества появляются и первые пробы литературно-художественно плана, т.е. начинает развиваться новая белорусская литература. Так, появляются анонимные «Энеїда навыварат» («Энеида наизнанку»; середина 1820-х гг.) и «Тарас на Парнасе», «Заиграй, заиграй, хлопче малый» (конец 1820-х гг.) П. Багрима, «Крестьянские песенки» (1837–1846) Я. Чечота, «Белоруссия» (1840) А. Рыпинского, «Шляхтич Завальня» (1844–1846) Я. Барщевского и др., позднее произведения В. Дунина-Марцинкевича, В. Каратинского, Ф. Богушевича, А. Гуриновича, А. Абуховича и др. Показательно, что некоторые из них в языковом плане ориентируются, помимо белорусского языка, также на польский, другие – и на русский. Некоторые пишут на двух языках – белорусском и польском, белорусском и русском.

Несмотря на то что эти писатели зачастую опираются на родные говоры (например, В. Дунин-Марцинкевич в своих произведениях исходил из срединной части среднебелорусских говоров, откуда и происходил родом), все же заметно стремление в их текстах отражать общеполорусские языковые черты, что в конечном счете приведет в дальнейшем к унификации диалектной базы белорусского литературного языка.

Примечательно, что во второй половине XIX в. ведется интенсивная работа как по собиранию белорусского фольклора, так и по составлению белорусского словаря. Примером и образцом в этом отношении может стать «Словарь белорусскаго нарѣчя» И. И. Носовича, исследования Е. Ф. Карского по истории и современному состоянию белорусского языка и некоторые др.

В этой связи следует особо сказать о письме, использовавшемся для белорусских текстов. До новобелорусского периода пол-белорусски писали преимущественно кириллицей, однако уже в XIX в. вводится и латиница польско-чешского типа. Причиной тому был запрет на печатание книг на белорусском языке, поэтому книги на нем нередко издавались в католическом мире (тем более что немалая часть белорусов исповедовала католицизм, а также униатство), в частности, в соседней Вильне (совр. Вильнюс), в польских городах Варшаве и Познани и даже в Лондоне и Париже. Не случайно некоторые белорусские писатели рассматриваемого периода истории литературного языка писали и печатались латиницей – таков В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич и некоторые др. Кстати, латиницей выпускалась также и первая белорусская газета «Муžускаја праўда» («Мужичья правда»), инициированная К. Калиновским. Таким образом, вплоть до начала XX в. белорусы в разной, правда, степени использовали две графические системы параллельно, пока полностью не возобладала кириллица.

В *«дооктябрьский» период*, т.е. от начала XX в. и до 1917 г., литературно-языковое и литературно-художественное развитие у белорусов достигает новых успехов. Ослабляются запреты и как следствие этого начинает бурно развиваться художественная литература, стараниями петербургского издательского общества «Загляне сонца і ў наша ваконца» («Заглянет солнце и в наше оконце»)

печатаются учебники белорусского языка (так наз. «лемантары» и «чытанкі»), начинают издаваться газеты «Наша доля» и «Наша ніва» (печаталась также латиницей), что в конечном счете помогает формировать как публицистический, так и научно-учебный стили. В области художественной литературы, которая действительно способствовала формированию и унификации норм, выступает целый ряд писателей, которые стали потом классиками белорусской литературы: А. Тетка, М. Богданович, Т. Гартный, З. Бедуля и особенно Янко Купала и Якуб Колас, творчество которых перекидывается и в следующий, советский, период истории белорусского литературного языка. Появляется фундаментальный труд Е. Ф. Карского «Белорусы» в трех томах (1903–1922). За период с 1835 г. по 1916 г. в России на белорусском языке было издано 224 книги, причем лишь небольшая часть в самой Белоруссии – 27. Важно также подчеркнуть, что в рассматриваемое время белорусская азбука подверглась и некоторым изменениям, а что касается орфографии, то она в отражении гласных формировалась на фонетическом принципе, в то время как в отражении звонких согласных превалировал морфолого-этимологический принцип. Показательно, что только в этот период появляется первая нормативная грамматика белорусского литературного языка, размноженная, к сожалению, шапирографом, потому и не имевшая широкого распространения. Это недавно обнаруженная «Белорусская грамматика» Антона Луцкевича – «Biełaruskaja gramatyka. Čaść I. Fonetyka i etymologija» (Wilnia, 1916, 70 s.), в целом ориентированная на юго-западные говоры³.

4) Советско-белорусский период охватывает большую часть XX в.

Здесь следует напомнить о том, что в 1918 г. была провозглашена Белорусская Народная республика, в 1919 г. преобразованная в Белорусскую Советскую социалистическую республику (БССР) и в 1922 г. вошедшая в состав СССР. Именно в этот период происходят важнейшие события в новейшей истории белорусского литературного языка.

³ К. Gutschmidt. Хто напісаў першую граматыку беларускай літаратурнай мовы? // Prace filologiczne, 1999, t. XLIV. S. 193–199.

Прежде всего нужно напомнить, что в 1924 г. было принято постановление «О практических мерах по проведению национальной политики [в Белоруссии]», которое положило начало так наз. политике белорусизации, т.е. всестороннему процессу организации школьного образования на белорусском языке, а в этой связи и издание учебников и вообще художественной и иной литературы и т.д. Был провозглашен перевод административных, культурных и прочих учреждений на белорусский язык, что в конечном счете было зафиксировано и в республиканской конституции 1927 г. Таким образом была открыта дорога к формированию официально-делового стиля. В 1921 г. в Минске был открыт Белорусский государственный университет, а в 1929 г. – Академия наук БССР.

Была организована теоретическая разботка ряда проблем белорусистики. В частности, окончательно была определена диалектная база литературного языка – среднебелорусские говоры, опираясь на которые и формировалась норма. При этом в выработке норм большие заслуги принадлежат писателям. Уже в 1918 г. издано сразу пять грамматик белорусского языка, наибольшее признание из которых получила вышедшая латиницей – «*Biełaruskaja hramatyka dla Źkoły*» и кириллицей – «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевича. Кроме того, активно в эти годы создаются терминологические системы белорусского литературного языка. Так, в течение 1922–1930 гг. создано и издано 24 терминологических словаря, которые могли стать основой для формирующегося научного стиля. Таким образом, 20–30-е гг. XX в. явились для белорусского литературного языка самыми результативными за всю его историю, если бы не репрессии 30-х гг., которые, с одной стороны, положили конец белорусизации, с другой – открыли путь к внедрению административным способом русского языка во все сферы жизни республики. Показательно, что в это время за пределами Белоруссии, в частности, в Литве, Латвии, в некоторых других европейских странах, а также в Америке традиция белорусского литературного языка сохранялась, правда, письменный язык выступал, как правило, в «латинических одеждах», т.е. использовал латиницу.

После Великой Отечественной войны вместе с восстановлением Белоруссии стал возрождаться и белорусский литературный

язык, что проявлялось в создании терминологических, двуязычных, толковых и других типов словарей («Толковый словарь белорусского языка» в пяти томах, 1977–1984, содержащий около 100 тыс. слов и фразеологизмов; «Этимологический словарь белорусского языка» в 4 томах, 1978–1987; «Исторический словарь белорусского языка» в 8 томах, 1982–1987 и др.). Значительное место стали занимать лексические советизмы. Изданы нормативные грамматики («Курс современного белорусского литературного языка», 1957–1961; двухтомная «Грамматика белорусского языка», 1962–1966 гг.; и др.). Был издан «Диалектологический атлас белорусского языка» (1963), другие атласы и труды по истории и диалектологии белорусского языка.

Однако несмотря на такие внушительные достижения в области теоретической белорусистики, во второй половине XX в. белорусский язык в функциональном плане переживает критические времена (см. ниже п. 6).

Близость белорусского и русского языков, массовое двуязычие привели к появлению особой формы коммуникации в Белоруссии, которая названа специальным термином *трасянка*, что в переводе значит ‘смесь сена с соломой для корма скоту’, т.е. своего рода смешанное образование, которое можно также назвать «белорусский вариант русского просторечия» и под. В последние годы эта форма коммуникации активно изучается.

5) Постсоветский период начинается с 90-х гг. XX в. В 1991 г., в связи с развалом СССР, Белоруссия становится самостоятельным государством. Резко активизируется практическая и теоретическая работа по внедрению белорусского литературного языка во все сферы общества. Появляется масса лингвистических трудов, в которых рассматриваются различные аспекты нормы, их отношение к диалектам, исследуются вопросы истории литературного языка, продолжается также лексикографическая работа и т.д. В 1994 г. впервые издана энциклопедия «Белорусский язык», в 1998 г. в международной серии «Новейшая история славянских языков» (Ополе, Польша) издана коллективная монография «Белорусский язык» («Беларуская мова»), освещающая важнейшие процессы в языке второй половины XX в.

На основе западнополесских говоров в 80-х гг. XX в. была предпринята попытка создания *западнополесского литературного микроязыка* [см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)», а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. II. Образцы текстов. Тарту, 2004. С. 227–281].

2.2.4. Функциональный статус. Как уже было отмечено, еще в 1924 г. белорусский язык в пределах БССР был, по сути, объявлен официальным языком республики, однако в 30-е гг. этот процесс административным путем свернули. Во второй половине XX в. в конституции Белоруссии его статус не был никак обозначен. Именно в это время повторяется ситуация 30-х гг.: функциональные позиции белорусского языка сужают, т.е. он постепенно вытесняется из политико-административной, научной и других сфер, и на его место выдвигается русский язык. Уменьшается число школ с белорусским языком обучения, в издательском деле (книги, газеты, журналы) преобладает русский язык. Официально стимулируется белорусско-русское двуязычие, которое характерно прежде всего для города и предполагает знание второго языка именно белорусами. Отличительной чертой современного белорусско-русского двуязычия в устной форме является либо переход участников диалога на русский, либо речь одной стороной диалога ведется по-русски, другой стороной – по-белорусски. Если иметь в виду второй вид, т.е. оба языка, реализуемые в одном диалоге, то для него больше подходит термин *двуязыковость*, предложенный в свое время словацким языковедом Я. Горецким (словац. *dvojazykovost'*).

В связи с приобретением Белоруссией в 1991 г. самостоятельности ситуация начинает меняться. По существу, повторяется процесс белорусизации 20-х – начала 30-х гг. Но еще в 1990 г. Верховный Совет республики впервые принимает лингвистический закон «О языках в Белорусской ССР» («Аб мовах ў Беларускай ССР»), в которой белорусский язык признается государственным языком на территории Белоруссии, утверждается программа развития белорусского и других языков Белоруссии. Идет процесс белорусизации школы, издательского дела, СМИ, административной, научной

и прочих сфер. Однако уже в 1996 г. в республике проводится референдум по поводу русского как второго государственного языка. Поскольку большая часть населения Белоруссии является двуязычной, то русский язык сравнительно легко получает этот статус. Результатом этого является постепенное сокращение числа белорусских школ, сокращение объема преподавания по-белорусски в вузах и т.д. По существу, белорусский язык в функциональном плане оказывается в обществе на второй позиции.

В системе АН БССР был организован и работает Институт языкознания им. Я. Коласа, где сосредоточены основные силы белорусских языковедов; кроме того, белорусский язык преподается и исследуется на кафедрах белорусского языка во всех университетах и пединститутах республики. Функционирует «Общество белорусского языка им. Ф. Скорины» (1989), а с 1991 г. создана «Международная Ассоциация белорусистов».

Из 10 млн. человек, населяющих Белоруссию (1995–1999), 73,7% населения назвали родным языком белорусский (это 7 млн. 403 тыс.), при этом лишь 36,7% пользуется им в быту (3 млн. 683 тыс.). За пределами Белоруссии проживает приблизительно 1,6 млн. белорусов, однако белорусским языком владеют лишь 700 тыс. человек. Что касается русского языка, то 63% населения пользуется им в быту (это 6 млн. 308 тыс.), из них 59% – белорусы (т.е. 4 млн. 783 тыс.).

2.2.5. Образец текста:

<i>Беларуская літаратурная мова ў сваім гістарычным развіцці не была аднароднай. Пэрыяд фарміравання ўласна беларускай літаратурнай мовы прыпадае на XIV–XVI стст., калі пісьменства на тэрыторыі Беларусі насычаецца спецыфічна мясцовымі фанетычнымі, граматычнымі і лексічнымі рысамі. Беларуская пісьмовая мова старажытнага</i>	Белорусский литературный язык в своем историческом развитии не был однородным. Период формирования собственно белорусского литературного языка падает на XIV–XVI вв., когда письменность на территории Белоруссии насыщается специфическими местными фонетическими, грамматическими и лексическими признаками. Белорусский письменный язык

перыяду, якая ў той час мела назву «рускі язык», складалася на аснове пісьмовай спадчыны ўсходнеславянскай мовы і жывых гаворак былых племёнаў дрыгавічоў, крывічоў і радзімічаў. Тэрмінам «рускі язык» (пазней і «просты язык») абазначалася мова ўсходнеславянскай часткі насельніцтва Вялікага княства Літоўскага. Сама назва «белорускі язык» пачынае выкарыстоўвацца толькі з XVII ст. у Рускай дзяржаве, огульная ж назва «Белая Русь» у гістарычных крыніцах іншамоўнага паходжання адзначаецца з XV ст. Беларуская мова. Red. naukowe A. Lukašaneš, M. Prigodzič, L. Sjaimeška. Opole, 1998. С. 13.	середневекового периода, который в то время назывался «руский язык», складывался на основе письменного наследия восточнославянского языка и живых говоров давних племен дреговичей, кривичей и радимичей. Термином «руский язык» (позднее также «простый язык») обозначался язык восточнославянской части населения Великого княжества Литовского. Само название «белорусский язык» начинает использоваться только с XVII в. в Российском государстве, общее же название «Белая Русь» в исторических источниках иноязычного происхождения отмечается с XV в.

2.2.6. Літэратура

• Граматыкі, учебнікі, очеркі, монографіі, атласы:

Граматыка беларускай мовы. Т. 1–2. Мінск, 1967–1968.

Беларуская граматыка. Ч. 1–2. Мінск, 1985–1986.

Сямешка Л., Шкраба І., Бадзевіч З. Курс беларускай мовы. Мінск, 1996.

Беларуская мова. Red. naukowe A. Lukašaneš, M. Prigodzič, L. Sjaimeška. Opole, 1998.

Плотнікаў Б. А., Антанюк Л. А. Беларуская мова. Лінгвістычны кампэндыйм. Мінск, 2003.

Абабурка М. В. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. Мінск, 1992.

Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 1–2. Мінск, 1967–1968.

Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963; перезд.: Мінск, 1984.

Янкоўскі Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Ч. 1–2. Мінск, 1974–1977 (і перездання).

Крывіцкі А. А. Дыялекталогія беларускай мовы. Мінск, 2003.

• **Словари:**

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.

Беларуская мова. Энцыклапедыя. Мінск, 1994.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, т. 1–8. Мінск, 1982–1987.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1 →. Мінск, 1978 →.

• **Історыя літаратуры:**

Історыя беларускай дооктябрскай літаратуры. Мінск, 1977; Історыя беларускай савецкай літаратуры. Мінск, 1977; Гісторыя беларускай літаратуры. 1–2. Мінск, 1999; Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. В 4-х томах (5 кнігах). Мінск, 1999–2003; Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. 1–2. Мінск, 2006–2007.

• **Перыодика:**

Беларуская лінгвістыка, Мінск, 1972 →; Беларуская філалогія, Мінск, 2003 →.

2.3. Украинский язык

2.3.1. Дialeктное членение. Украинский диалектный массив располагается в основном в Украине, выходя, правда, в пограничных регионах и за ее пределы. Так, на севере украинские говоры контактируют и смешиваются с белорусскими и в этом качестве доходят до Бреста и Пинска Белоруссии. К востоку они соприкасаются с Белгородской, Курской, Воронежской областями, а юго-восточнее – с Ростовской областью и Краснодарским краем России. На юго-западе украинская речь фиксируется на некоторых сопредельных территориях Польши, Словакии, Венгрии, Румынии и Молдавии, причем в части из них в островном или полуостровном виде. Часть украинских говоров с последней трети XIX в. оказалась в экспортированном виде в странах Америки (Канада, США) и в некоторых других частях света.

К настоящему времени украинский речевой массив делится на: 1) *северное наречие*, состоящее из восточно-, средне- и западнополюсского говоров; 2) *юго-восточное*, включающее говоры среднеподнепровский, слобожанский и степной, 3) дробное *юго-западное наречие*, распадающееся на волинско-подольский, галицко-буковинский и карпатский диалекты с выделением собственно карпатских и бойковских говоров.

2.3.2. Некоторые особенности современного языка. Украинский язык своими фонетическими, грамматическими и проч. при-

знаками стоит несколько дальше от белорусского и русского (см. разделы в настоящей главе «2.1. Русский язык», «2.2. Белорусский язык»).

Наиболее специфическими его чертами считаются следующие:

- фонологический состав включает 6 гласных и 32 согласных, при этом лишь 9 из них являются парными по признаку твердости ~ мягкости, 13 твердых и один мягкий;

- оканье, т.е. сохранение различия между [o] и [a] – как в северно-великорусском наречии;

- на месте праслав. *ǣ – [i]: *dið* ‘дед’;

- в закрытом слогe вместо [e] и [o] – [i]: *місце* ‘место’, *стіл* ‘стол’;

- некоторое сближение [i] (орф. др.-рус. *и*) и [y] (орф. др.-рус. *ы*), т.е. несколько переднее, в отличие от русского, [ы];

- отсутствие мягкости согласных перед [e] и [i] (орф. *и*): *перед*, *везли*;

- наличие фрикативного [h], как в белорусском языке и в южно-великорусском наречии: [h]оворити ‘говорить’;

- праслав. *dj дало, как и в белорусском, аффрикату [dʲʒ]: *ходжу* ‘(я) хожу’ (ср. праслав. **ходj*П ‘я хожу’);

- переход [l] в [j] на месте старых сочетаний *tylt*, *tylt* и глагольного суффикса прошедшего времени -л: *читав* ‘читал’, *повний* ‘полный’, где -в/-в- произносится, как [j];

- конечный [c] (орф. *ц*) мягкий, ср.: *палець*;

- конечные [r] и губно-губные согласные отвердели: *косар* ‘косарь’, *сім* ‘семь’;

- сохранение зконкости согласных в конечной позиции: *сніг*, *мед*;

- наличие звательного падежа: *брат-е!* *сестр-о!*;

- сохранение парадигмы склонения существительных среднего рода на -а /-я: И. п. *лоша* ‘лошадь’, Р. п. *лоша-ти*, Д. п. *лоша-ті* и т.д.;

- окончание -ові /-еві в Д. пад. ед. числа существительных муж. рода: *робітник-ові* ‘рабочему’;

- усеченная форма прилагательных жен. и сред. рода в И. и В. падежах ед. числа: И. п. *добра*, В. п. *добру*;

- утрата инфинитива на *-чи* и сохранение формы на *-ти*: *пек-ти* ‘печь’, *роби-ти* ‘работать, делать’;
- сохранение, как и в белорусском, давнопрошедшего времени (плюсquamперфекта): *читав був* ‘читал (когда-то)’;
- наличие особой формы будущего синтетического времени, образующегося с помощью глагола *иметь*, ср.: *читатиму* ‘я буду читать’, *читатимеш* ‘ты будешь читать’ и под.

О других морфологических особенностях см. ниже раздел «2.4. Параллельные образцы склонения и спряжения восточнославянских языков».

2.3.3. Формирование и развитие литературного языка. История украинского литературного языка, как, впрочем, белорусского и русского, начинается с общих памятников древневосточнославянского (древнерусского) языка, относящихся к IX/X–XIV вв. (от IX в., правда, памятники до нас не дошли). После этого периода и до конца XVIII в. литературно-письменный язык называется староукраинским с подпериодом так наз. западнорусского (или староукраинско-старобелорусского) литературного языка XV–XVI вв. С конца XVIII в. и на протяжении XIX в., а также вплоть до начала XX в. – период новоукраинского литературного языка с «дооктябрьским» подпериодом, после чего следует советско-украинский с 1917 г. по начало 90-х гг. XX в. и, наконец, постсоветский – с 90-х гг. XX и по начало XXI вв.

1) Древневосточнославянский (древнерусский) период охватывает IX/X–XIV вв., когда литературно-письменный язык был представлен в виде стилей – сакрального (на старославянско-церковнославянской основе), делового (на народно-литературной основе) и славяно-русского (синтез ранее названных стилей). (Подробнее см. выше «2.1. Русский язык. 2.1.3. Формирование и развитие литературного языка»). Следует лишь иметь в виду, что в некоторых письменных памятниках этого периода, особенно последних двух – двух с половиной столетий, заметны локальные языковые черты, в данном случае – украинские.

2) Староукраинский период (до конца XVIII в.) с подпериодом так наз. западнорусского (или староукраинско-старобелорусского) литературного языка (XIV/XV–XVI вв.) (см. также в настоя-

шей главе «2.2. Белорусский язык. 2.2.3. Формирование и развитие литературного языка»).

Сразу же заметим, что к староукраинскому периоду примыкают некоторые предшествующие памятники восточнославянской (древнерусской) народности по крайней мере последних двух – двух с половиной столетий, в которых фиксируются те или иные локальные «южнорусские» черты, – это в основном тексты делового и юридического характера: договоры, завещания, купчие, дарственные и прочие грамоты. В определенной степени локальные черты преимущественно фонетического характера (в виде перехода под влиянием живой речи древнего *я* [ѣ] в [i] и под.) отразились также и в церковнославянской религиозной литературе. Так, это наблюдается уже в «Добриловом Евангелии» 1164 г., в «Житии Саввы Освященного» (XIII в.), в «Киево-Печерском патерике», известном только по списку XV в., в «Галицко-Волынской летописи», в евангелиях «Галицком» (1144, 1255, 1266–1301), «Евсеевом» (1283), в «Лавришевском», в «Путенском» и «Луцком» (XIV в.), в «Грамоте» (1359, 1388, 1397) и др. В «Киевской летописи» рубежа XIII–XIV вв., в «Киевской псалтыри» 1397 г. и в подобного рода других памятниках элементы живой речи проступают особенно отчетливо.

На основе языка распадающейся восточнославянской (древнерусской) народности и с опорой на юго-западный вариант церковнославянского языка (или, по-другому, книжно-письменного или славянорусского языка) формируется староукраинский литературно-письменный язык, который в лексико-грамматическом синтезе с белорусским становится официальным языком, т.е. языком государственного управления, законодательства и т.д., Великого княжества Литовского, – это так наз. *западнорусский литературно-письменный язык*, или «проста(я) мова». На территории Украины этот язык выступал по крайней мере в трех локальных вариантах – галицком, сильно переплетенном с белорусским киевско-волынском, а также «молдавско-валашском», т.е. письменным языком Молдавского и Валашского княжеств. В разновидности, приближенной к «простой мове», более отчетливо были выражены признаки живой речи.

Западнорусский язык отражен в многочисленных памятниках письменности: это прежде всего тексты делового и юридического

содержания, куда включаются также переводы земских правил и законов литовско-польских королей; кроме того, активизируются переводы на «прóстую мову», в частности, отдельных фрагментов «Священного Писания», появляется «Острожская Библия» 1581 г. Видное место занимает «Пересопницкое Евангелие», переведенное в 1556–1561 гг. и демонстрирующее синтез книжно-письменных и живых народных элементов. В «Креховском апостоле» XVI в., переведенном на Волини или в Полесье с польского, церковнославянского, а также с греческого, живые черты отражают северное и юго-западное наречия украинского языка. Заметим, что в отдельные периоды наряду с приближением к живой речи проводится и сознательная архаизация церковнославянского языка (так наз. «южнославянские влияния»). В распространении религиозной литературы большую роль играли организованные в разных украинских городах церковные братства. В 1596 г. в Вильне издается сочинение «Казанье святого Кирила» Стефания Зизания. Развивается полемический стиль – в текстах Г. Смотрицкого («Ключь царства небеснаго», 1587), Ивана Вишенского («Послания», кон. XVI в.) и др. Особо следует сказать о научно-учебных текстах, которые явились основой врачебных сочинений, различных травников и т.д. В этом русле созданы и напечатаны вышедшие во Львове книги первопечатника Ивана Федорова («Апостоль», «Азбука»). Появляются и грамматические сочинения: «Адельфотис. Грамматика доброглаголивато еллино-словенского языка» (1591), «словенская» грамматика и словарь (1596) Лаврентия Зизания. (См. также раздел о старобелорусском языке в настоящей главе: «2.2. Белорусский язык. 2.2.3. Формирование и развитие литературного языка»).

В XVII в. староукраинский язык продолжает функционировать. Увеличивается число административно-деловых и юридических документов, выпускаемых различными канцеляриями, а также Запорожской Сечью, в частности, канцелярией Б. Хмельницкого, продолжается традиция летописания («Острожская летопись», «Львовская», во второй половине века – «Густинская», летопись Самовидца, а также «Кройника», т.е. хроника, 1672–1673 гг. Феодосия Сафоновича и др), полемических и художественных сочинений (Йов Борецкий, Мелетий Смотрицкий, Захария Копистенский,

Петр Могила, Памва Берында, Александр Митура, Иван Величковский и др.). Переписываются и создаются тексты на церковнославянском южнорусской (украинской) редакции, например, «Синопись», изданный в Киеве в 1674 г. В развитие грамматической мысли появляются: «Грамматіки славѣнски# правильно~сунтагма» (1619) Мелетия Смотрицкого (переиздана в Москве в 1648 г.), типография Киево-Печерской лавры выпускает «Лехіконъ славенорѡсскій и именъ тлъкованіе» Памвы Берынды (Киев, 1627; 2-е изд. в 1653 г.), Епифаний Славинецкий и Арсений Корецкий-Сатановский составляют латино-славянский словарь, но он оставался в рукописи. В 1643 г. Иван Ужевич написал на латыни сочинение «Грамматыка словѣнскаѧ / Grammatica sclavonica», оставшееся в рукописи. Кстати, митрополит Петр Могила создал школу, которая позднее была превращена в коллегию, а потом стала «Киево-Могилянской Академией» (с 1701 г.).

XVIII в. завершает период староукраинского литературного языка и непосредственно стоит на пороге создания норм новоукраинского литературного языка. Все активнее проявляется литературно-художественное творчество: это стихи Ивана Некрашевича, произведения Григория Сковороды («Наркиссъ», «Садъ безжественныхъ плѣсень» и др.), Митрофана Довгалевского, Феофана Прокоповича, Георгия Конисского и др. Продолжает развиваться административно-деловой и юридический стиль, стиль церковной литературы, при этом появляются переводы и толкования на церковнославянском языке южнорусской редакции, например, «Богогласникъ» (1790–1791). В рукописи остается латинско-церковнославянский словарь И. Максимовича (1718–1724).

3) Новоукраинский литературный язык (кон. XVIII–XIX вв.) *с подпериодами – западноукраинским* (XIX в. и до 40-х гг. XX в.) и «дооктябрьским» (начало XX в.).

В указанный период закладываются основы нового украинского литературного языка, в частности, И. П. Котляревским, издавшим на основе полтавских говоров в самом конце XVIII в. «Энеиду» (1798), а позднее, в 1838 г., и «Наталку-Полтавку». Диалектно ориентированы были и тексты П. Гулака-Артемовского, Г. Квитки-Основьяненко, Е. Гребинки и некоторых др. Считается, что книж-

но-письменные и диалектные элементы нашли наиболее синтезированное воплощение в творческих текстах основоположника новой украинской литературы Т. Г. Шевченко. Показательно, что в нормативном плане с этого времени определилась тенденция к опоре на среднеподнепровские говоры, однако с использованием также элементов других говоров и наречий. Эту традицию реализовывали такие писатели, как Марко Вовчок (Мария А. Вилинская-Маркович), С. В. Руданский, Панас Мирный, И. С. Нечуй-Левицкий, М. П. Старицкий, Карпенко-Карый (И. К. Тобилевич), Леся Украинка, М. М. Коцюбинский и др. Несмотря на официальные ограничения в использовании украинского печатного слова, обозначенные в различных правительственных циркулярах, все же идея самостоятельности украинского языка и литературного языка в частности постепенно пробивает себе дорогу, о чем свидетельствовали теоретические аргументы на этот счет видных славистов XIX в., среди которых М. А. Максимович, А. А. Потебня и др. Примечательно, что в 1818 г. в Петербурге появляется первая украинская «Грамматика малороссійскаго нарѣчія» А. Павловича (с «Прибавленієм» за 1822 г.), в которой ее создатель попытался отразить общеукраинские языковые черты (хотя заметны здесь и черты северного наречия, где автор дольше всего пребывал). В 1889 г. П. И. Житецкий издал «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія». Появляются исследования К. П. Михальчука по украинской диалектологии, затем работы А. Е. Крымского и др. В XIX в. оживленно дискутируется актуальный для того времени вопрос об украинской графике и орфографии с целью определить принципы правописания и унифицировать письменную практику. В середине века с проектом реформы правописания выступил П. Кулиш (1856–1857), предложивший фонетический принцип, а в этой связи и использование *i* вместо *я*ть и вместо старых *о* и *е* в закрытых слогах (*сіно* ‘сено’, *нічъ* ‘ночь’); он удалил *ы* и заменил его на *и* (*син* вместо *сынъ*) и др. Эта так наз. «кулішівка» sporadически употреблялась в некоторых изданиях, однако в целом распространения не получила.

Особо стоит вопрос с *западноукраинским вариантом литературного языка*, который формировался в условиях отрыва от языка Восточной Украины, а также в отсутствие внутреннего территори-

ального и этноязыкового единства (юго-западные земли входили в разные государства). По этим причинам на язык Западной Украины влияли то церковнославянский, то польский, то немецкий, то венгерский, то русский языки. В середине XIX в. власти Австро-Венгрии пошли на уступки западным украинцам в их национальном возрождении: язык стал употребляться в ряде сфер – в администрации, в образовании, а также в прессе и в художественной литературе. Этому процессу ощутимо содействовало издание альманаха «Русалка Днестровая», который инициировали М. Шашкевич, Я. Головацкий и И. Вагилевич. Основным источником литературного языка были юго-западные говоры, к которым добавлялись элементы церковнославянского и старокнижного языков.

В 40–50-е гг. XIX в. в культурной жизни Галиции ведущую роль стали играть москвофилы (или русофилы), которые стремились к насыщению западноукраинского литературно-письменного языка церковнославянизмами и русизмами. Со временем здесь стал формироваться смешанный язык, получивший название «*язычия*». Это искусственное книжно-языковое образование получило достаточно быстрое распространение в общественно-политической сфере, на нем печатались официальные тексты. Вышли даже грамматики, ориентированные на «язычие». Во второй половине XIX в. на «язычии» издавалась также периодика: таков первый галицкий журнал «Зоря Галицка» (1848–1857), затем «Дневникъ рускій» (1848–1850), «Галичо-Рускій Вѣстникъ» (1848–1850) и др. В дальнейшем некоторые из таких изданий переходили на русский язык.

В период, когда складывался общеукраинский литературный язык, такого рода языковые образования тормозили процессу консолидации. Мешала здесь также орфографическая пестрота. Так, в 30-е гг. в Галиции разгорелась «азбучная война», толчком для которой было предложение и проект украинца Й. Лозинского (1834) принять польский алфавит для украинского языка; предложение было поддержано губернатором Галиции в 1859 г. Однако эта попытка была резко осуждена культурными деятелями Западной и Восточной Украины. В последней четверти XIX в. Е. Желеховский применил в своем «Малорусско-немецком словаре» (1886) новый состав графики (исключив, например, *ъ, ы, Ъ*) и фонетическое пра-

вописание, к которому в целом было высказано негативное отношение. Однако, например, «Руська граматика» ('Украинская грамматика', 1893) С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера использовала «желехівку». Более того, эта система профункционировала в Западной Украине до 1922 г.

Развитию западноукраинского литературного варианта способствовали такие деятели культуры, писатели, как И. Франко, В. Стефаник, О. Ю. Кобылянская, О. Маковей, М. Черемшина, М. Яцкив и др. Со всеми своими особенностями этот вариант литературного языка просуществовал до Второй мировой войны.

В *«дооктябрьский» подпериод* истории украинского литературного языка происходят важные события. Несмотря на то, что еще на рубеже XIX–XX вв. в Восточной Украине не было условий для печатания украинских книг, они нередко издавались в Западной Украине, что вело к взаимным контактам деятелей культуры востока и запада. После революции 1905 г. все запреты были сняты. Как результат этого, появилось большое число украинских грамматик: «Коротка граматика української мови» П. Залозного (1906–1913), грамматики Е. Тимченко (1907), Г. Шерстюка (1907–1909), И. Нечуй-Левицкого (1914). Самой серьезной была двухтомная «Украинская грамматика» А. Крымского (1907–1908).

Ситуация с западноукраинским вариантом и его отношением к восточноукраинскому вызывала длительные дискуссии, в частности, по вопросу создания норм единого украинского литературного языка. В конечном счете лишь в 40–60-е гг. XX в. были выработаны принципы использования в общем литературном языке западноукраинских элементов в виде некоторых орфографических и орфоэпических правил, словообразовательных моделей, терминологии.

4) Советско-украинский период (с 1917 г. по начало 90-х гг. XX в.). В советский период очень много было сделано для изучения украинского литературного языка. Что касается его развития и совершенствования, то здесь, помимо очевидных успехов, отмечают и негативные тенденции. Успешным периодом, хотя и кратким, считается небольшой промежуток времени с 1917 по начало 30-х гг. XX в., когда на Украине проходил процесс культурно-языковой украинизации. В этот период в СССР проведение национальной и куль-

турно-языковой политики было отдано местным властям. Резко возросло число школ с украинским языком обучения, перешли на него администрация, многие средства массовой информации, культурные и научные учреждения и т.д. Как результат такого расширения функционального приложения языка стали появляться его нормативные грамматики, чаще всего предназначенные для системы образования: в 1918 г. издан «Курс украинского языка» И. Огиенко, «Украинский язык» О. Синявского (1923), «Українська мова» Н. К. Грунского и Г. Сабалдира (1926), учебник для педагогических вузов под редакцией Л. Булаховского (1931) и ряд других. Однако этот процесс в дальнейшем был приостановлен административным путем.

По окончании Великой Отечественной войны работа по совершенствованию норм и исследованию особенностей украинского литературного языка продолжилась. В 1952 г. под редакцией Л. Булаховского вышел двухтомный курс современного украинского литературного языка, в 1969–1973 гг. – пятитомная академическая грамматика, затем четырехтомная история украинского языка (1978–1983), материалом для которой во многом послужила серия «Памятники украинского языка» (издается с 1961 г.). В 1970–1980 гг. издан 11-томный академический толковый «Словарь украинского языка», затем «Словарь староукраинского языка XIV–XV вв.» (1977–1979), многотомные украинско-русский и русско-украинский словари, а с 1982 г. выходит и «Этимологический словарь украинского языка» и др. Орфографические и орфоэпические нормы закреплены в соответствующих справочниках и словарях. Особенностью этого периода развития украинского литературного языка и словаря является его лексическая советизация – так наз. советизмы. В поддержании и развитии языка большую роль играла художественная литература. В ее развитии и в разработке художественного стиля в целом заслуги принадлежат таким известным в то время писателям, как М. Рыльский, П. Тычина, А. Корнейчук, А. Довженко, Н. Бажан, М. Стельмах, А. Гончар и др. Однако в функциональном плане административными рычагами развитие литературного украинского языка сдерживалось – он все больше и больше оказывался «на вторых ролях» после русского, а это приводило к застою в стилистической и терминологической системах.

В силу близости двух языков, массового двуязычия и под. сформировалось языковое образование, названное *суржик*, – дословно ‘смесь ржи с пшеницей и т.д.’, т.е. это был результат интерференции на всех языковых уровнях. При этом для суржика характерно как региональное, так и общее языковое варьирование: в одних случаях на разговорную форму украинского языка накладываются русские элементы, в других – наоборот. По некоторым данным, суржиком пользуется от пяти до восьми миллионов человек, что составляет от 11 до 18% населения республики, при этом процент говорящих на суржике в восточной и южной части Украины превалирует. Стали появляться даже произведения, полностью написанные на суржике. Этот лингвистический феномен, как и трасянка в Белоруссии, с 90-х гг. XX в. стал объектом научных исследований.

5) Постсоветский период (90-е гг. XX в. – начало XXI в.). Этот период начинается с развала Советского Союза в 1991 г., когда на его месте образовались самостоятельные государства-наследницы, среди которых и Республика Украина. Процесс такого перехода и начальные годы суверенности существенным образом отразились на языке и на языковой ситуации на Украине. Впрочем, несколько ранее, еще в «перестройку» (середина 80-х – начало 90-х гг. XX в.), обнажились некоторые проблемы, связанные с графико-орфографической, грамматической и лексико-словообразовательной системами украинского литературного языка. Так, например, обсуждался вопрос о введении ~ возвращении в алфавит буквы *г* для взрывного [g], об освобождении от лексических и словообразовательных русизмов, калек с русского и вообще о замене лексических русизмов-советизмов собственными единицами или же заимствованиями из других языков и под. В некоторых случаях нормативным образцом становится язык эмиграции, в то же время усиливается влияние западноукраинских (галицких) признаков на общеукраинский литературный язык. Активизировался языковой пуризм. Проводятся графико-орфографические улучшения и даже реформы. В связи с расширением функций и разработкой стилей составлены и изданы многочисленные терминологические словари. Однако процесс терминологизации требует определенного времени. Впервые составлена и издана энциклопедия «Украинский язык» (2000). Появляют-

ся новые редакции ранее изданных грамматик и создаются новые нормативные грамматики, правда, в той или иной мере идеологизированные, – до начала 90-х гг. они были «окрашены» советской идеологией, а в постсоветское время – национальными символами и национальной идеологией. При этом вновь начинает ощущаться разрыв между двумя вариантами литературно-письменного языка, т.е. языковой и культурный разрыв по линии «восток – запад». Новейшие процессы на разных уровнях украинского языка нашли отражение в коллективной монографии «Украинский язык» («Українська мова», 1999).

* * *

2.3.3.1. Язык и языковой вопрос (Под)карпатской Руси (к основам карпаторусинистики)

На базе закарпатскоукраинских говоров уже с XV в. стали появляться тексты. Письменная традиция стала базой для создания (карпато)русинского литературного языка, ныне существующего, правда, в закарпатскоукраинском, «словацко-русинском», лемковском (лемковско-русинском), «венгерско-русинском», а также в «американско-русинском» вариантах.

(Карпато)русины проживают в исторических областях (Под)карпатской Руси (Украина), Пряшевской Руси (Словакия), на юго-востоке Польши, в деревнях северной Венгрии и в Маромороше (Румыния); с 80-х гг. XIX в. формируется переселенческая так наз. Американская Русь (в США и Канаде). Этнонимы *руснаки* и *русняки*, *русины*, *карпатороссы*, *угророссы* и *угро-русские*, *лемки*, *украинцы* и т.д. По различным данным, (карпато)русин насчитывается более 800 тыс.

Церковнославянские тексты, созданные в других местах, бытовали с XII–XIV вв. Локальные памятники с элементами народного языка известны с начала XV в. С XVII и XVIII вв. появляются оригинальные карпаторусинские тексты (религиозные, народная проза, деловые и др.). С XIX в. карпаторусинская письменность находит широкое распространение. Будителем русин считается Александр Духнович (1803–1865), высказавшийся за употребление в культурных целях русского литературного языка. Возникают общества,

периодические издания. Язык текстов характеризуется локальной диалектной окраской, что впоследствии вызвало появление лингвонимов «угрорусский язык», или «язычие». В конце XIX и в первой трети XX вв. русофильству противопоставляется «народовство», выступавшее за применение народного языка. После Второй мировой войны русинское население в этническом плане было провозглашено украинцами и среди него был введен украинский литературный язык. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в исторических областях проживания русин возрождается движение за возвращение своего этнического имени и утверждение своей речи в качестве литературного языка. Организуются общества, периодика, выходят грамматики и словари – на разных диалектных основах (опубликованы кодификации для «словацко-русинского», «закарпатско-русинского», «польско-лемковского»). Хорошо нормированы и кодифицированы «словацко-русинский» и «польско-лемковский». Варианты (карпато)русинского литературного языка можно называть общим лингвонимом *lingua ruthenica*. В США и Канаде отмечается постепенное затухание карпаторусинской письменности и переход на английский язык. Югославо-русинский (южнорусинский) представлен отдельно по причине его автономного развития.

2.6. Особенности карпаторусинских алфавитов. В течение веков использовались различные системы: церковнославянская, гражданская, а также латиническая (словацко-чешского типа) при доминировании гражданской кириллицы. В настоящее время церковнославянское письмо sporadически употребляется в Закарпатской Украине, Словакии и в США, латиница – в Словакии (правда, редко) и в США (преимущественно). Алфавит «словацко-русинского»: Аа, Бб, Вв, Гг [h], Гг [g], Дд, Ее [e], Єе [je, 'e], Ёё [jo, 'o], Жж, Зз, Іі [i], Їі [ji], Ии, Ыы, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Юю [ju, 'u], Яя [ja, 'a], ь.

Примечание: буквы и состав алфавита в «закарпатско-русинском» и «венгерско-русинском» из-за неустойчивости могут меняться от издания к изданию.

2.7. Образец текста (на «словацко-карпаторусинском»): Декларация за святочного выголошення кодифікації русинського языка

на Словеньску. Русины на Словеньску не могли довгы роки офіційно уживати свій материнський язык, розвивати го і довести аж до такой подобы, жебы ся го могли учіти діти в школах, жебы на нім могли быти выдаваны новинки, часописы і книжки, жебы на нім мож было слухати высыланя з радія і телевізії, жебы на нім грав русинський театр і т.д. Братіслава, 27. януара 1995 року. (Из отдельно изданного 2-страничного текста «Декларации»).

[См. также гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)».

Литература по истории письменности и литературного языка:

Волошин А. О письменном языке подкарпатских Русинов. Ужгород, 1921.

Гусьнай И. Языковой вопросъ въ Подкарпатской Руси. Пряшевъ, 1921.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Таллин, 1981; *его же*. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I. Тарту, 2003. С. 309–419 (образцы карпаторусинских литературно-письменных текстов XV, XIX–XX вв.).

Дуличенко А. Д. Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Вступительная статья. Тексты. Комментарии. Ужгород, 2008.

Керча І. и др. Материнський язык. Мукачево, 1997.

Францевъ В. А. Изъ исторіи письменности Подкарпатской Руси XVII–XIX ст. // Карпатскій свѣтъ,

Ужгородъ, 1929, 5 (15). С. 584–591.

Штець М. Українська мова в Словаччині. (Соціолінгвістичне та інтерлінгвістичне дослідження). Prešov, 1996.

Bidwell Ch. E. The Language of Carpatho-Ruthenian Publications in America. Pittsburgh, 1971.

Duličenko A. D. Das Russinische. // Einführung in die slavischen Sprachen. P. Rehder (Hg.). 4. Aufl. Darmstadt, 2003. S. 126–140.

Gerovskij G. Jazyk Podkarpatské Rusi. // Československá vlastivěda. D. III. Praha, 1934. S. 460–517.

A New Slavic Language is Born. P. R. Magocsi (ed.). (East European monographs, № CDXXXIV). New York, 1996.

Paňkevič I. Jazykovy vopros v Podkarpatskoj Rusi. // Podkarpatska Rus'. New York, 1924. S. 139–160.

Stegherr M. Das Russinische. Kulturhistorische und soziolinguistische Aspekte. München, 2003.

Tichý F. Vývoj současného jazyka na Podkarpatské Rusi. V Praze, 1938.

2.3.4. Функциональный статус. После Октябрьской революции 1927 г. и до начала 30-х гг. украинский язык, как мы уже отмечали, значительно расширил свои функции – это период так наз. украинизации. В 30-е гг. эти функции постепенно были свернуты за счет активизации русского языка. Такая ситуация продолжалась и после Великой Отечественной войны, когда использование украинского языка в административной, общественной, научной и прочих сферах сужалось, в то время как русский язык расширял здесь свои позиции. Постепенно уменьшается число украинских школ, в вузах преподают преимущественно по-русски, в издательском деле (книги, газеты, журналы) также преобладает русский язык. Стимулируется украинско-русское двуязычие, которое сводится к знанию второго языка прежде всего украинцами. Характерной чертой современного устного украинско-русского двуязычия является либо переход участников диалога на русский, либо речь одной стороной диалога ведется по-русски, а другой стороной – по-украински. Использование обоих языков в одном диалоге точнее всего было бы назвать *двуязыковістю* (термин словацкого лингвиста Я. Горецкого – словац. *dvojazykovosť*).

С 1991 г. социалингвистическая ситуация существенно меняется и становится похожей на ситуацию 1917 г. – начала 30-х гг. XX в.: в 1989 г. специальным законом «О языках в Украинской ССР» украинский язык признается государственным языком, утверждается программа его развития. Вновь идет процесс украинизации образования, книгопечатания, СМИ, административной, научной и проч. сфер. Однако в функциональном плане русский язык до сих пор удерживает здесь прочные позиции. По существу речь идет о социалингвистическом противостоянии двух языков. К сожалению, в научном плане позитивные аспекты двуязычия с 90-х гг. XX в. на Украине не исследуются.

В системе АН УССР работает Институт языкознания им. А. А. Потебни, из которого вычленился Институт украинского языка, – в них сосредоточены основные силы украинских лингвистов. Помимо этого, украинский язык преподается и исследуется на кафедрах украинского языка во всех университетах и пединститутах республики. Функционирует «Общество украинского языка им.

Т. Г. Шевченко», «Международная Ассоциация украинистов» (оба с 1989 г.).

Из 37,5 млн. человек (2001), проживающих на Украине, 67,5% назвали родным украинский (32,6 млн.), однако лишь 44,7% реально пользуется им в быту. За пределами Украины проживает ок. 7 млн. украинцев, однако украинским владеют лишь около трех миллионов человек. Что касается русского языка, то ок. 60% украинцев пользуется им как вторым языком.

2.3.5. Образец текста:

Літературна мова – це мова нормована, тобто така, що має свої загальнообов’язкові, єдині норми в правописі, граматиці, слововживанні; ці норми вироблені багатовіковою суспільно-мовною практикою народу, відшліфовані майстрами слова різних стилів, обґрунтовані і усталені в їх (норм) найосновніших закономірностях і загальнонаціональному характері мовознавчої наукою, а також узаконені певними урядовими і науково-освітніми актами. Літературна мова народу є могутнім засобом і фактором його розвитку та історичного поступу в усіх галузях його життєвої діяльності, зокрема в культурній.

Сучасна українська літературна мова. Вступ. Фонетика. Київ, 1969. С. 38.

Литературный язык – это язык нормированный, т.е. такой, который имеет свои общеобязательные, единые нормы в правописании, грамматике, словоупотреблении; эти нормы выработаны многовековой общественно-языковой практикой народа, отшлифованные мастерами слова разных стилей, обоснованные и установленные их (норм) наиглавнейших закономерностях и в общенациональном характере языковедческой наукой, а также узаконенные определенными административными и научно-просветительными актами. Литературный язык народа является мощным средством и фактором развития и исторического продвижения во всех сферах его жизнедеятельности, в частности, в культурной.

2.3.6. Литература

• **Граматики, учебники, очерки, монографії, атласи:**

Сучасна українська літературна мова. Т. 1–5. Київ, 1969–1973.

Русановский В. М. и др. Украинская грамматика. Киев, 1986.

Українська мова. Red. naukowy S. Jermolenko. Opole, 1999.
 Жовтобрюх М. А., Молдован А. М. Украинский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 513–548.

Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев, 2003.

Історія української мови. 1–4. Київ, 1978–1983.

Жовтобрюх М. А. та інші. Історична граматика української мови. Київ, 1998.

Русанівський В. М. Історія української літературної мови. Київ, 2001.

Матвіяс І. Г. Українська мова і її говори. Київ, 1990.

• **Словари:**

Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.

Новий тлумачний словник української мови. Т. 1–4. Київ, 2000.

Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000.

Словник староукраїнської мови XIV–XV вв. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

Етимологічний словник української мови. В 7 тт. Т. 1 →. Київ, 1982 →.

• **История литературы:**

Історія української літератури. У 8-ми т. Київ, 1967–1971; Історія української літератури. 1–2. Київ, 1987; Історія української літератури ХХ ст. За ред. В. Дончика. Кн. 1–3. Київ, 1993–1995.

• **Периодика:**

Мовознавство, Київ, 1967 →.

2.4. Параллельные образцы склонения и спряжения

восточнославянских языков

Имя существительное

Таблица № 5

Мужской род

<i>надеж</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	<i>единственное число</i>		
И	<i>стол-)</i>	<i>стол-)</i>	<i>стіл-)</i>
Р	<i>стол-á</i>	<i>стал-á</i>	<i>стол-á, стол-ý</i>
Д	<i>стол-ý</i>	<i>стал-ý</i>	<i>стол-ові, стóл-у</i>
В	неодуш. = И одуш. = Р	неодуш. = И одуш. = Р	<i>стіл-)</i>
Т	<i>стол-óm</i>	<i>стал-óm</i>	<i>стол-óm</i>
П	<i>стол-é</i>	<i>стал-é</i>	<i>стол-í</i>
Зват.		(...)	<i>стóл-е</i>

<i>падеж</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	множественное число		
И	<i>стол-ых</i>	<i>стал-ых</i>	<i>стол-их</i>
Р	<i>стол-ов</i>	<i>стал-оў</i>	<i>стол-ів</i>
Д	<i>стол-ам</i>	<i>стал-ам</i>	<i>стол-ам</i>
В	неодуш. = И одуш. = Р	неодуш. = И одуш. = Р	неодуш. = И одуш. = Р
Т	<i>стол-ами</i>	<i>стал-амі</i>	<i>стол-ами</i>
П	<i>стол-ах</i>	<i>стал-ах</i>	<i>стол-ах</i>
Зват.			<i>стол-их</i>

Таблица № 6

Женский род

<i>падеж</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	единственное число		
И	<i>сестр-а</i>	<i>сястр-а</i>	<i>сестр-а</i>
Р	<i>сестр-ых</i>	<i>сястр-ых</i>	<i>сестр-их</i>
Д	<i>сестр-е</i>	<i>сястр-ых</i>	<i>сестр-іх</i>
В	<i>сестр-у</i>	<i>сястр-у</i>	<i>сестр-у</i>
Т	<i>сестр-ой,</i> <i>сестро́ю</i>	<i>сястр-ой,</i> <i>сястр-о́ю</i>	<i>сестр-о́ю</i>
П	<i>сестр-е</i>	<i>сястр-ых</i>	<i>сестр-і</i>
Зват.		(...)	<i>сестр-о</i>
	множественное число		
И	<i>сёстр-ых</i>	<i>сёстр-ы</i>	<i>сёстр-и</i>
Р	<i>сестёр</i>	<i>сяцёр</i>	<i>сестёр</i>
Д	<i>сёстр-ам</i>	<i>сёстр-ам</i>	<i>сестр-ам</i>
В	одуш. = Р неодуш. = И	одуш. = Р неодуш. = И	одуш. = Р неодуш. = И
Т	<i>сёстр-ами</i>	<i>сёстр-амі</i>	<i>сестр-ами</i>
П	<i>сёстр-ах</i>	<i>сёстр-ах</i>	<i>сестр-ах</i>
Зват.			<i>сестр-и</i>

Имя прилагательное

Таблица № 7

Мужской род

<i>падеж</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	единственное число		
И	<i>но́в-ый</i>	<i>но́в-ы, строг-і</i>	<i>нов-ихй</i>
Р	<i>но́в-ого</i>	<i>но́в-ага, густ-о́га</i>	<i>нов-о×го</i>
Д	<i>но́в-ому</i>	<i>но́в-аму, густ-о́му...</i>	<i>нов-о×му</i>
В	с неодуш. =И с одушев. = Р	с неодуш. = И с одушев. = Р	с неодуш. =И с одушев.=Р
Т	<i>но́в-ым</i>	<i>но́в-ым</i>	<i>нов-и×м</i>
П	<i>но́в-ом</i>	<i>но́в-ым</i>	<i>нов-о×му, нов-і́м</i>
	множественное число		
И	<i>но́в-ые</i>	<i>но́в-ья</i>	<i>нов-і́</i>
Р	<i>но́в-ых</i>	<i>но́в-ых</i>	<i>нов-и×х</i>
Д	<i>но́в-ым</i>	<i>но́в-ым</i>	<i>нов-и×м</i>
В	с неодуш. =И с одушев. = Р	с неодуш. = И с одушев. = Р	с неодуш. = И с одушев. = Р
Т	<i>но́в-ыми</i>	<i>но́в-ы́мі</i>	<i>нов-и×ми</i>
П	<i>но́в-ых</i>	<i>но́в-ых</i>	<i>нов-и×х</i>

Таблица № 8

Женский род

<i>падеж</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	единственное число		
И	<i>но́в-ая</i>	<i>но́в-ая</i>	<i>нов-а́</i>
Р	<i>но́в-ой</i>	<i>но́в-ай, но́в-ае</i>	<i>нов-о́</i>
Д	<i>но́в-ой</i>	<i>но́в-ай</i>	<i>нов-і́й</i>
В	<i>но́в-ую</i>	<i>но́в-ую</i>	<i>нов-у́</i>
Т	<i>но́в-ой</i>	<i>но́в-ай, но́в-аю</i>	<i>нов-о́ю</i>
П	<i>но́в-ой</i>	<i>но́в-ай</i>	<i>нов-і́й</i>
	множественное число		
И	<i>но́в-ые</i>	<i>но́в-ья</i>	<i>нов-і́</i>
Р	<i>но́в-ых</i>	<i>но́в-ых</i>	<i>нов-и×х</i>
Д	<i>но́в-ым</i>	<i>но́в-ым</i>	<i>нов-и×м</i>
В	с сущ. неодуш. =И с сущ. одушев. = Р	с сущ. неодуш. = И с сущ. одушев. = Р	с сущ. неодуш. = И с сущ. одушев. = Р
Т	<i>но́в-ыми</i>	<i>но́в-ы́мі</i>	<i>нов-и×ми</i>
П	<i>но́в-ых</i>	<i>но́в-ых</i>	<i>нов-и×х</i>

Местоимение
Личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа

<i>надежи</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	1-е лицо		
И	я	я	я
Р	мен-яx	мян-еx	мен-é
Д	мн-е	мн-е	мен-í
В	мен-яx	мян-еx	мен-é
Т	мн-ой, мн-оxю	мн-ой, мн-оxю	мн-оxю
П	мн-е	мн-е	мен-í
	2-е лицо		
И	ты	ты	ти
Р	теб-яx	цяб-еx	теб-é
Д	теб-еx	таб-еx	тоб-í
В	теб-яx	цяб-еx	теб-é
Т	тоб-оxй, тоб-оxю	таб-оxй, таб-оxю	тоб-óю
П	теб-еx	таб-еx	тоб-í

Глагол

Настоящее время

<i>лицо</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	Е-спряжение: писать		
	единственное число		
	писать	пісаць	писати
1 л.	пиш-ú	піш-ú	пиш-ú
2 л.	пиxи-е-шь	піш-а-ш,	пиш-е-ш
	пиxи-е-ш	ср.также чыта-е-ш	
3 л.	пиxи-е-т	піш-а-), чыта-е-)...	пиxи-е-)
	множественное число		
1 л.	пиxи-е-м	піш-а-м	пиxи-е-мо
2 л.	пиxи-е-те	піш-а-це	пиxи-е-те
3 л.	пиxи-ут	піш-уць	пиxи-уть
	И-спряжение: косить		

	<i>коси×ть</i>	<i>касіць</i>	<i>коси×ти</i>
	единственное число		
1 л.	<i>кош-ў</i>	<i>каш-ў</i>	<i>кош-ў</i>
2 л.	<i>кóс-и-шь</i>	<i>кóс-і-ш</i>	<i>кóс-и-ш</i>
3 л.	<i>кóс-и-т</i>	<i>кóс-і-ць</i>	<i>кóс-и-ть</i>
	множественное число		
1 л.	<i>кóс-и-м</i>	<i>кóс-і-м</i>	<i>кóс-и-мо</i>
2 л.	<i>кóс-и-те</i>	<i>кóс-і-це</i>	<i>кóс-и-те</i>
3 л.	<i>кóс-ят</i>	<i>кóс-яць</i>	<i>кóс-ять</i>

Примечание: в белорусском языке в спряжении глагола *пісаць* -а- из -е- перед шипящим согласным.

Таблица № 11

Будущее аналитическое (несовершенного вида)

<i>лицо</i>	<i>русский</i>	<i>белорусский</i>	<i>украинский</i>
	единственное число		
1 л.	<i>бўду</i> }	<i>бўду</i> }	<i>бўду</i> }
2 л.	<i>бўдеш</i> { <i>писа́ть</i>	<i>бўдзеш</i> { <i>піса́ць</i>	<i>бўдеш</i> { <i>писа́ти</i>
3 л.	<i>будет</i> }	<i>бўдзе</i> }	<i>бўде</i> }
	множественное число		
1 л.	<i>бўдем</i> }	<i>бўдзем</i> }	<i>бўдемо</i> }
2 л.	<i>бўдете</i> { <i>писа́ть</i>	<i>бўдзеце</i> { <i>піса́ць</i>	<i>бўдете</i> { <i>писа́ти</i>
3 л.	<i>бўдут</i> }	<i>бўдуць</i> }	<i>бўдуть</i> }

Таблица № 12

Будущее синтетическое (несовершенного вида)

в украинском языке

<i>лицо</i>	<i>ед. ч.</i>	<i>мн. ч.</i>
1	<i>писа́ти-м-у</i>	<i>писа́ти-м-емо</i>
2	<i>писа́ти-м-еи</i>	<i>писа́ти-м-ете</i>
3	<i>писа́ти-м-е</i>	<i>писа́ти-м-уть</i>

Примечание: образовано соединением инфинитива и глагола *иметь* и слиянием (или накладыванием) конечного -и инфинитива и начального и- глагола *иметь*.

3. Южнославянские языки

Эта группа славянских языков находится в географической изоляции от двух других групп. Более или менее единое славянское этноязыковое пространство на рубеже двух эр было разрезано вклинившимися в Нижнедунайскую равнину и в сопредельные регионы гетто-дакийскими, а позднее и некоторыми другими племенами, сформировавшими в конечном счете румынский этнос и румынско-молдавско-валашское государство. В VI–VII вв. этому процессу содействовало продвижение на юго-восток германских племен, в результате чего было создано государство Австрия с немецким языком, а с IX в. в Паннонской низменности и в сопредельных регионах поселились предки венгров, пришедшие сюда из-за Урала. В соответствии со сказанным славянская речь до всех этих событий уже звучала от берегов Балтийского моря и среднего течения Днепра до Балкан включительно. Такое представление близко к дунайской гипотезе прародине славян, в соответствии с которой именно с Дуная славяне направлялись на север, а там уже разошлись в восточном и западном направлениях.

Балканославянский (южнославянский) этноязыковой континуум граничит с неславянскими речевыми ареалами:

- 1) на западе хорватская и словенская речь подходит к итальянской,
- 2) северо-западнее словенская соприкасается с австрийско-немецкой,
- 3) севернее словенская и сербская – с венгерской,
- 4) северо-восточнее сербская, а южнее болгарская – с румынской,
- 5) юго-восточнее болгарская – с турецкой,
- 6) на юго-западе сербско-хорватская и македонская – с албанской,
- 7) на юге македонская – с греческой.

Если для восточных славян ученые признают существование правосточнославянского языка, то сложнее обстоит дело с праюжнославянским: одни слависты уверены в его существовании, другие отрицают это. Второй точке зрения близка гипотеза о сравнительно позднем заселении славянами Балканского полуострова с севера – с IV по VII вв., т.е. продвижение их из-за Карпат на юг двумя путями – огибая западные и южные склоны этих гор. Этим пытаются объяс-

нить наличие некоторых западнославянских признаков фонетического и лексического характера в словенских говорах, располагающихся на северо-западе южнославянского ареала, и «югославизмов» – в некоторых словацких говорах. Можно, однако, предположить, что такие языковые связи являются остатками переходных речевых массивов, разрезанных указанными неславянскими этносами.

Как бы то ни было, но южнославянские языки представляют собою очевидное единство и достаточно четко делятся на две подгруппы – восточную, которую называют также болгаро-македонской (куда включается и старославянский) и западную (традиционный сербско-хорватский и словенский). В таком делении свою роль могли сыграть как внутрибалканские миграции племен, так и их контакты между собой и с неславянскими народами-соседями. Удачной иллюстрацией результата воздействия на балканославянскую речь указанных факторов могут стать резко разнящиеся рефлексy праславянских сочетаний **dj* и **tj*, ср.: праслав. **tjudjь* ‘чужой’ – ст.-слав. **ѠУ҃ЖДЬ** – болг. *чужд* – макед. *чуџ* – серб.-хорв. *myh* / *tud̩*, словен. *tuj*, т.е. [**dj*] → [ʒd] – [r] – [d̩]– [j] – четыре рефлекса для пяти языков.

В этой связи важно указать на генетическую близость болгарского и македонского, которые развились из одного и того же древнего диалектного континуума, называемого болгаро-македонским. При этом на основе западной его части постепенно развились говоры, которые впоследствии стали македонскими, а на социолингвистическом уровне – македонским литературным языком. Следует также иметь в виду, что в Болгарии предпочитают рассматривать македонские говоры в классификационных рамках болгарского языка, а литературный македонский язык нередко квалифицируют как «письменно-региональную норму болгарского языка в Македонии»⁴.

Существенно при этом иметь в виду, что между указанными подгруппами и конкретными языками формировались переходные, или смешанные, пояса говоров, – словенско-кайкавских (хорватских), сербско-македонских, сербско-болгарских, болгарско-македонских.

⁴ См., например, издание Института болгарского языка БАН: Единство болгарского языка в прошлом и в настоящем. София, 1980; ранее опубликовано в изд.: Български език, София, 1978, № 1.

Тесные и длительные во времени хозяйственные, культурные и прочие контакты славян со славянами и неславянами привели к созданию *балканского языкового союза*, связываемого рядом черт, которые сформировались в результате конвергенции⁵. Традиционно к языкам этого союза относят болгарский и македонский, юго-восточные сербские говоры, румынский и аромунский (аромынский), албанский и греческий (иногда включается и турецкий язык). Так, например, многие из этих языков и говоров связывает динамическое ударение в слове (для сербско-хорватского языка в целом характерно политоническое ударение) и те или иные ограничения в постановке места ударения: в греческом оно на одном из трех последних слогов слова, так же в аромунском, в македонском на третьем слоге от конца, в румынском в целом оно свободное, но в большинстве слов на предпоследнем слоге, в сербском говоре Баната на последнем или предпоследнем слоге. В области морфологии очевидно развитие аналитизма: редукция падежных систем – отсутствуют падежные системы в болгарском и македонском, в сербских призренско-тимокских говорах не различаются винительный и творительный падежи, а реально функционируют только два падежа; развитие постпозитивного члена (артикля), характерное для албанского, болгарского, македонского, греческого, румынского, для одного из сербских говоров Румынии; удвоение местоимений, тенденция к аналитизму при образовании степеней сравнения, использование модальных глаголов типа *хотеть*, *иметь* для выражения будущего времени, универсализация союза *да* для введения придаточных предложений различного типа и др. (Эти и другие признаки балканского языкового союза отражены в очерках южнославянских языков, см. ниже).

Характерные черты южнославянских языков в сравнении с другими группами см. выше в разделах настоящей главы «1. Дивергентное развитие славянских языков» (таблицы № 1 и 2) и «2. Восточнославянские языки». О старославянском языке см. гл. 11 «Происхождение и развитие славянской письменности. Старославянский и церковнославянский языки».

⁵ См.: К. Sandfeld. *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris, 1930; Н. Schaller. *Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie*. Heidelberg, 1975; Г. А. Цыхун. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981; Е. Banfi. *Linguistica balcanica*. Bologna, 1985; и др.

3.0. Алфавиты южнославянских языков

Таблица № 13

<i>болгар.</i>	<i>македон.</i>	<i>серб.</i>	<i>хорват.</i>	<i>словен.</i>
<i>Aa</i>	<i>Aa</i>	<i>Aa</i>	<i>Aa</i>	<i>Aa</i>
<i>Бб</i>	<i>Бб</i>	<i>Бб</i>	<i>Bb</i>	<i>Bb</i>
<i>Вв</i>	<i>Вв</i>	<i>Вв</i>	<i>Cc</i>	<i>Cc</i>
<i>Гг</i>	<i>Гг</i>	<i>Гг</i>	<i>Čč</i> тверд. [ч]	<i>Čč</i> тверд. [č]
<i>Дд</i>	<i>Дд</i>	<i>Дд</i>	<i>Ćć</i> мягк. [čʹ]	
	<i>Ѓѓ</i> мягче [gʹ] и [dʹ]	<i>Ђђ</i> [dʹž]	<i>Dd</i>	<i>Dd</i>
<i>Ее</i>	<i>Ее</i>	<i>Ее</i>	<i>Dž dž</i> [dʹž]	
<i>Жж</i>	<i>Жж</i>	<i>Жж</i>	<i>Đđ</i> [dʹzʹ]	
<i>Зз</i>	<i>Зз</i>	<i>Зз</i>	<i>Ee</i>	<i>Ee</i>
	<i>Ss</i> [dʹz]		<i>Ff</i>	<i>Ff</i>
<i>Ии</i>	<i>Ии</i>	<i>Ии</i>	<i>Gg</i>	<i>Gg</i>
<i>Јј</i>	<i>Jj</i>	<i>Jj</i>	<i>Hh</i>	<i>Hh</i>
<i>Кк</i>	<i>Кк</i>	<i>Кк</i>	<i>Ii</i>	<i>Ii</i>
<i>Лл</i>	<i>Лл</i>	<i>Лл</i>	<i>Jj</i>	<i>Jj</i>
	<i>Љљ</i> мягк. [lʹ]	<i>Љљ</i> мягк. [lʹ]	<i>Kk</i>	<i>Kk</i>
<i>Мм</i>	<i>Мм</i>	<i>Мм</i>	<i>Ll</i>	<i>Ll</i>
<i>Нн</i>	<i>Нн</i>	<i>Нн</i>	<i>Lj lj</i> мягк. [lʹ]	<i>Lj lj</i> мягк. [lʹ]
	<i>Њњ</i> мягк. [nʹ]	<i>Њњ</i> мягк. [nʹ]	<i>Mm</i>	<i>Mm</i>
<i>Оо</i>	<i>Оо</i>	<i>Оо</i>	<i>Nn</i>	<i>Nn</i>
<i>Пп</i>	<i>Пп</i>	<i>Пп</i>	<i>Nj nj</i> мягк. [nʹ]	<i>Nj nj</i> мягк. [nʹ]
<i>Рр</i>	<i>Рр</i>	<i>Рр</i>	<i>Oo</i>	<i>Oo</i>
<i>Сс</i>	<i>Сс</i>	<i>Сс</i>	<i>Pp</i>	<i>Pp</i>
<i>Тт</i>	<i>Тт</i>	<i>Тт</i>	<i>Rr</i>	<i>Rr</i>
	<i>Ќќ</i> мягче [kʹ] и [tʹ]	<i>Ћћ</i> мягк. [čʹ]	<i>Ss</i>	<i>Ss</i>
<i>Уу</i>	<i>Уу</i>	<i>Уу</i>	<i>Šš</i>	<i>Šš</i>
<i>Фф</i>	<i>Фф</i>	<i>Фф</i>	<i>Tt</i>	<i>Tt</i>
<i>Хх</i>	<i>Хх</i>	<i>Хх</i>	<i>Uu</i>	<i>Uu</i>
<i>Цц</i>	<i>Цц</i>	<i>Цц</i>	<i>Vv</i>	<i>Vv</i>
<i>Чч</i>	<i>Чч</i>	<i>Чч</i>	<i>Zz</i>	<i>Zz</i>
	<i>Џџ</i> [dʹž]	<i>Џџ</i> [dʹž]	<i>Žž</i>	<i>Žž</i>
<i>Шш</i>	<i>Шш</i>	<i>Шш</i>		
<i>Щщ</i> [št]				
<i>Ъ</i>				
<i>Ь</i>				
<i>Юю</i> [ju, ʹu]				
<i>Яя</i> [ja, ʹa]				

Примечания: в болгарском алфавите ъ обозначает специфический гласный, в какой-то мере приближающийся к русским [a] и [o или ы]; ь – знак для смягчения согласных перед [o].

3.1. Болгарский язык

3.1.1. Диалектное членение. Болгарский речевой массив покрывает территорию Болгарии, частично выходя также за ее пределы в соседние страны, в частности, на севере в Румынию, на западе в Сербию, на юго-западе в Македонию, на юге в Грецию и на юго-востоке – в Турцию. В результате переселений в разное время сформировались болгарские этноязыковые острова в приграничных странах – в Румынии, Турции, а также в Молдавии, на Украине (на юге), в Венгрии и некоторых др. Позднее болгарская переселенческая речь зазвучала также в некоторых странах Америки и Австралии.

С историко-генетической точки зрения следует говорить о существовании с глубокой древности единого болгаро-македонского диалектного континуума.

В классификации болгарских говоров традиционным остается учет так наз. ятовой границы, в соответствии с которой древний *ѣ дал два разных рефлекса, – [e] на западе и [ʼa] на востоке, ср. праслав. *bělъ ‘белый’ → бел и бял [bʼal]. На этом основании весь болгарский языковой массив делится на восточное и западное наречия – по линии Никопол – Плевен – Тетевен – Пазарджик – Разлог – Петрич, при этом восточное занимает более чем в два раза большую территорию. На основе его говоров, в частности, на северо-восточном, по другим данным – на балканских, формировался и болгарский литературный язык, хотя столица София расположена в ареале западного наречия.

К настоящему времени диалектная классификационная схема болгарского языка может быть представлена таким образом: 1) **восточное наречие**, состоящее из мизийского, балканского, рупского и др. говоров; 2) **западное наречие**, разделяющееся на северо-западный, юго-западный диалекты и переходные говоры.

На юге некоторые говоры тянутся в Грецию, на западе образуют переходный болгаро-македонский пояс, в Румынии и в Банате (Сербия) распространен переселенческий говор – банатско-болгар-

ский, на основе которого создан банатско-болгарский литературный микроязык, на Украине и в Молдавии болгарские говоры попадают в разные классификационные рамки.

3.1.2. Некоторые особенности современного языка. Как болгарский, так и македонский характеризуются рядом общих важнейших черт, присущих балканскому языковому союзу. Ср. параллельное представление некоторых из этих черт на уровне грамматики:

Таблица № 14

<i>болгарский язык</i>	<i>македонский язык</i>
утрата склонения и компенсация этого активным использованием предлогов, а также порядка слов в предложении	+
наличие постпозитивного определенного артикля (члена) из указательных местоимений с морфом <i>-т-: човек-ът</i> ‘(этот) человек’, <i>жена-та</i> ‘женщина, жена’, <i>село-то</i> ‘село, деревня’	+
удвоение объекта, уточняюще-подчеркивающее выражение объекта в В. п. и в Д. п. с помощью энклитических (кратких) форм личных местоимений: <i>той я видя книгата</i> ‘он (ее) увидел книгу’	+
энклитические формы личных местоимений в Д. п. в функции притяжательных: <i>жената ми</i> ‘жена моя (мне)’	+
сравнительная степень прилагательных образуется с помощью приставки <i>по-: стар – по-стар</i> ‘старый – старее’	+

утрата инфинитива и замена его с помощью союза <i>да</i> + личные глагольные формы: <i>можеш да пишеш</i> ‘ты можешь писать’	+ <i>можете да останете тука</i> ‘вы можете остаться здесь’
богатая система форм прошедшего времени: а) имперфект, б) аорист, в) перфект, г) плюсквамперфект, д) будущее в прошедшем, е) будущее предварительное в прошедшем. ж) пересказывательные (несвидетельские) модально-временные формы	+ а) имперфект, б) аорист, в) перфект, г) плюсквамперфект, д) будущее в прошедшем, е) –ж) пересказывательные (несвидетельские) модально-временные формы

В современном болгарском языке 6 гласных и 39 согласных фонем, из которых 17 вступают в оппозицию по признаку твердости ~ мягкости, 4 твердых и один мягкий – [j].

Если говорить о чисто болгарских в сравнении с македонскими признаках, то их немного. Вот некоторые из фонетических:

– на месте древнего редуцированного [ъ] (а также [ь]) – [ъ], средний между [а] и [ы]: *сън* ‘сон’, *пън* ‘пень’; ср. макед. *сон*, *пенушка* ‘пень’;

– на месте древнего [П] – редуцированный [ъ]: *ръка* ‘рука’; ср. макед. *рака* ‘рука’;

– двоякий (с вариациями) рефлекс древнего *ѣ – [е] и [’а]: *цена*, *хляб* ‘хлеб’; ср. макед. *цена*, *леб* (с потерей х-) ‘хлеб’;

– на месте *dj, *tj, *kt’ – [ž↑d], [š↑t]: *межда* ‘межа’, *свец* ‘свеча’; ср. макед. *свека* ‘свеча’, *мега* ‘межа’.

О морфологических особенностях см. также ниже раздел «3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков».

3.1.3. Формирование и развитие литературного языка. Более чем тысячелетняя история болгарского литературного языка может быть поделена на несколько периодов:

1) древнеболгарский (болг. *старобългарски период*) – с IX по XI вв.;

2) среднеболгарский (болг. *среднобългарски период*) – с XII по XIV вв. и

3) новоболгарский (болг. *новобългарски период*), охватывающий невероятно длительный промежуток времени – более шести столетий, т.е. от XV в. по настоящее время.

Отправной точкой последнего периода является переход от синтетизма грамматической системы языка к аналитизму. Однако какие события происходили уже в пределах этого «периода», когда развивался новый, аналитический по структуре, литературный язык, из такой периодизации трудно что-то выяснить. Поэтому имеет смысл выделить еще такие периоды:

4) переходный «синтетико-аналитический» (XV–XVI вв.) и

5) собственно новоболгарский (с XVII в.), а последний можно еще разделить на подпериоды:

6) предвозрожденческий, или преднациональный (XVII – сер. XVIII вв.);

7) возрожденческо-национальный (вторая половина XVIII в. – 70-е гг. XIX в.);

8) современный (последняя четверть XIX в. – до 90-х гг. XX в.) с постсоциалистическим подпериодом (с 90-х гг. XX в.).

1) Древнеболгарский период (IX–XI вв.).

В болгаристике принято письменный язык этого периода называть *древнеболгарским* – болг. *старобългарски език*, который перерастает в среднеболгарский, а затем – в новоболгарский, т.е. он помещается в русло единого литературно-языкового процесса от его начала и до новейшего времени, поскольку письменный язык этого периода создан на базе болгаро-македонских говоров, он без прерывов функционировал в Болгарии, в том числе и в Западной Болгарии (ныне Македония), культурно-письменная традиция болгар опиралась с самого начала на него, живой народный язык развивался параллельно ему и т.д. За пределами Болгарии такой взгляд отстаивает также небольшое число зарубежных славистов.

В международной славистике преобладает, однако, несколько иное мнение: для данного периода используется лингвоним *старославянский язык*, поскольку считается, что этот язык создавался для всего славянства, а не только для болгар, т.е. он фактически с самого начала был проецирован на международные религиозно-культурные функции. Именно поэтому в самых ранних из дошедших до нас

памятников письменности язык назывался *словенским* или *славенским*. Значит, проблема заключается не только в формально-терминологическом, но и в функционально-содержательном плане, хотя грамматическая структура этого языка остается и в том и в другом случаях единой.

На базе болгаро-македонских говоров славянские первоучитель Кирилл и его брат Мефодий создали письменность – глаголицу, а позднее здесь же возникло и второе славянское письмо кириллица.

Древнеболгарско-старославянские памятники письменности в текстологическом отношении делятся на три группы – рукописи (в основном религиозные), подписи и надписи (эти два жанра преимущественно светского содержания). К рукописям относятся созданные на территории Болгарии, в большинстве случаев в ее западной части (в Македонии) либо без установленного места, глаголические евангелия – «Зографское», «Мариинское», «Ассеманиево», далее – «Боянский и Зографский палимпсесты» (рукописи на пергаменте по первоначальному смытому тексту), «Синайская псалтырь» и «Синайский требник», «Клоцов сборник», «Македонский листок», «Охридские листки», «Рильские листки»; кириллические рукописи – «Саввина книга», «Енинский апостол», «Супрасльская рукопись», «Листки Ундольского», «Зографские листки» и «Хиландарские листки».

Язык этих памятников отражает синтетический строй с характерной для него системой склонения именных частей речи, с наличием инфинитива и др. Язык подписей и надписей ближе к живой речи: «Надпись Чергубыля Мостича», «Надпись Георгия Синкелы», «Надпись Анны», «Надпись царя Самуила», «Варошская надпись» и др.

Такое обилие памятников (преимущественно это переводы с греческого) знаменует собою «золотой век» болгарской письменности, начавшийся в период Первого Болгарского царства, а именно правления царя Бориса I, а затем его сына Симеона. Возникают и функционируют две школы письменности – Охридская (в Македонии) и Преславская. Видными деятелями этих очагов культуры были: Климент Охридский из Македонии, Константин Преславский – они писали проповеди, слова и др., закладывая тем

самым основы проповеднической и нравственно-поучительной литературы, Иоанн Экзарх Болгарский – составитель богословских и философских текстов; Черноризец Храбр – сочинитель текста о славянской письменности; пресвитер Козьма (Кузьма) – автор полемического сочинения⁶. Письменность этого периода повлияла на древнерусскую, древнесербскую, а позднее и на древнерумынскую книжность (как православные, румыны использовали в богослужении старославяно-церковнославянский язык).

2) Среднеболгарский период (XII–XIV вв.) падает на время Второго Болгарского царства (1187–1396). Переводные религиозные тексты, созданные на западе (в Македонии) и на востоке (в Болгарии), – такие, как «Добромирово Евангелие», «Болонская псалтырь», «Охридский Апостол» (XII в.), евангелия – «Добрейшево», «Боянское», «Тырновское», «Врачанское» и др., «Македонский (Струмицкий) Апостол» и др. (XIII в.), «Александрово четвероевангелие», «Енинский (Энинский) стихирарь», сборники – «Тырновский», «Ловчанский», «Поп-Герасимов служебник», «Верковичев Апостол» и др. (XIV в.), уже начинают отмечать некоторые черты живой речи, формируя болгарский (и македонский) изводы церковнославянского языка. Но особенно показателен этот процесс в памятниках светской письменности – в грамотах болгарских царей XIII–XIV вв., в «Троянской повести» XIV в.: появляются случаи смешения звукобукв, например, **ѣ** и **ѡ**, **и** и **ы**, некоторые нарушения в падежном употреблении, попытки заменить флексии 1 л. ед. числа настоящего времени в *а*-спряжении - \ новой флексией -**м** (**зна-ѣ**, но **зна-м**) и некоторые др. По этой причине данный период, имея в виду прежде всего язык религиозной литературы, называют также церковнославянским.

3) Переходный «синтетико-аналитический» период (XV–XVI вв.).

В политическом плане предыдущий период заканчивается турецкой оккупацией (с 1396 г.) и угасанием ряда письменных традиций. Патриарх Евфимий и его ученики из Тырновской книжной

⁶ Экзарх – глава отдельной церковной области или же самостоятельной церкви; черноризец – монах.

школы вывозят на Русь много болгарских рукописей; результатом их деятельности и сербских книжников проведена архаизация церковнославянского языка, известная как «второе южнославянское влияние». Письменная и культурная традиция в целом ослабляется. В языковом же плане в тех текстах, которые так или иначе создаются, происходят существенные изменения.

Именно эти изменения позволяют называть XV–XVI вв. переходным периодом, когда меняется грамматический строй болгарского языка от синтетического к аналитическому: утратились падежные формы и активизировались предлоги для выражения их значений, заменой *да*-конструкцией устранен инфинитив, формы компаратива образуются с помощью приставок *по-* и *най-*, дублируется объект с помощью кратких форм личных местоимений в винительном и дательном падежах, для образования будущего времени мобилизован модальный глагол *ще* (из др.-болг. / ст.-слав. *хощеть* ‘он хочет’), оформляются определенный член, несвидетельское (пересказывательное) наклонение и др. Эти особенности проявлялись на западе и на востоке в таких памятниках, как влахоболгарские грамоты XV в., как «Призренский сборник» и «Влахоболгарский сборник», «Габровская псалтырь» и «Габровский служебник и требник» (XV в.), «Ловчанское и Рильское четвероевангелия», «Котленский сборник» и «Панагюрский сборник», «Хасковская псалтырь», «Служба и Житие св. Николы Софийского» и др. (XVI в.). С XVI в. в Болгарии распространение получает церковнославянский язык сербского извода (иногда говорят о болгаро-сербском изводе). По образцу сочинений грека Дамаскина Студита (сборник проповедей «Сокровища» и др.), писавшего на народном греческом языке, книжники востока и запада обращаются к своему народному языку, составляя подобного рода тексты, получившие название дамаскинов.

4) Новоболгарский период (с XVII в.).

5) В *предвозрожденческий*, или *преднациональный*, *подпериод* (XVII – сер. XVIII вв.), подготавливается почва для будущей нормализации общеполгарского литературного языка. С этого времени, правда, через печатные книги, приходившие из России в Болгарию, распространяется церковнославянский язык русского извода (используется здесь почти до середины XIX в.). Этому же процес-

су способствуют также списки грамматики Мелетия Смотрицкого. В 1651 г. появляется первая печатная новоболгарская книга «Абагар» Филиппа Станиславова. Наряду с этим интенсивное развитие получают новоболгарские предвозрожденческие дамаскины, представлявшие собою синтез народных элементов и книжного (церковнославянского) языка. Дамаскинов насчитывается великое множество: одни из них создавались в рамках так наз. «Среднегорского круга (кружка)» – «Троянский», «Свищовский», «Протопопинский», «Тихонравов», «Панагюрский», «Тетевенский» и др., другие – круга Рильского монастыря: Врачанские дамаскины, Никифоров, «Попа Теодора дамаскин», сборники – «Романов», «Янкулов», «Плевенский», «Самоковский», «Михаилов» и т.д. Одного из дамаскинарей, Иосифа Брадатого, считают даже провозвестником болгарского Возрождения.

б) *Возрожденческо-национальный подпериод* падает на вторую половину XVIII в. – 70-е гг. XIX в. Его содержанием является движение за национальное возрождение болгар, за создание единого литературного языка на живой народной основе и развитие культуры на нем. Принято считать, что изданная в 1762 г. книга «История славянобългарска» Паисия Хилендарского (1722–1773) стала своего рода манифестом болгарского национального Возрождения. Однако язык, которым она написана, вызывает споры: одни считают, что он написан по-новоболгарски, а Паисий заложил, якобы, основы современного болгарского литературного языка, другие видят в нем церковнославянскую основу. Болгарист Г. К. Венедиктов (1981; написано в 1965 г.) доказал, что язык Паисия все же не отвечал языковым целям движения за Возрождение, так как написан по-церковнославянски, в нем почти нет новоболгарских языковых черт, от современного языка он даже дальше, чем язык дамаскинов, и т.д. Не связано с началом современного литературного языка и написанное в начале XIX в. сочинение «Житие и страдания грешного Софрония» Софрония Врачанского, в котором выразительно представлены элементы обоих языковых стихий, но в печати этот текст появился только в 1861 г. В этом же году, кстати, братья Димитрий и Константин Миладиновы, выходцы из Македонии, собрали и издали сборник «Български народни пѣсни».

В подходе к языку оформились три направления (школы) – новоболгарское, славяноболгарское, провозглашавшее синтез народного и церковнославянского языков, и церковнославянское (первое – новаторское, два других – консервативные). В конечном счете победила концепция новоболгарской основы, отраженной в учебной книге Петра Беровича, или Берона, **«Букварь съ разли чны поуче нia»** (так наз. «Рыбный букварь», 1824). За ним пошли будители Иван Богоров, В. Априлов и др. В качестве диалектной основы выходец из Македонии Неофит Рильский (1835) предлагал в своей грамматике западное наречие, что поддерживали также другие из Македонии, – Й. Крчовский, К. Пейчинович и Парфений Зографский. Возобладало мнение о восточном наречии и его центрально-балканских говорах – И. Богоров, Т. Шишков, Б. Петков и ряд других. Первую болгарскую грамматику на этой основе, оставшуюся в рукописи, написал Ю. И. Венелин, внесший также весомый вклад в болгарское национальное Возрождение⁷, затем последовали: «Кратка славеноболгарска граматика» (1835) Неофита Бозвели и Эмануила Васкидовича, «Първичка българска граматика» И. Богорова, «Писменица на славянския език» («Грамматика славянского языка», 1847) Ивана Момчилова и др. Авторы этих грамматик ставили себе целью нормировать литературный язык, однако разноречием в языковом употреблении сохранялся еще долго, и лишь к началу 70-х XIX в. нормы были стабилизированы. Существенную роль в унификации норм сыграли общества – «Филологическое общество» 20-х гг., «Славяно-болгарское ученолюбивое общество» конца 30-х гг., «Общество радетелей болгарской литературы» (с 1856 г.), позднее – «Болгарское научно-литературное общество», сформировавшиеся «Пловдивская и Тырновская литературно-языковые школы», а также школы Любена Каравелова и Марина Дринова, типография в Царьграде (Константинополь / Стамбул), издававшаяся там болгарская периодика («Цариградски вѣстникъ», «Български книжници» и др.). М. Дринов много сделал в разработке графики и орфографии, предложив историко-этимологический принцип напи-

⁷ Издана Г. К. Венедиктовым: Ю. И. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия. М., 1997.

сания с элементами фонетического. В становлении норм и стилей большую роль сыграли писатели Любен Каравелов, Христо Ботев и др. Петко Рачев Славейков перевел (вместе с другими) на болгарский «Священное Писание». Шла работа по избавлению от излишних заимствований греческого и турецкого происхождения. Через русский и западноевропейские языки проникала новая лексика.

7) Современный период (последняя четверть XIX в. и далее).

С середины 70-х гг. XIX в. нормы стабилизируются, и литературный язык принимает форму, которую можно назвать современной для всего XX в.

В 1878 г. Болгария была восстановлена как государство, хотя небольшая часть земель еще находилась под властью турок. В 1904 г. открыт университет в Софии, а в 1912 г. на базе «Болгарского научно-литературного общества» создана Академия наук. В середине XIX в. издана первая часть, а на рубеже XIX–XX вв., в 1895–1904 гг., издан полностью многотомный «Словарь болгарского языка с толкованием слов на болгарском и русском» («РЛѣчникъ на блѣгарскій языкъ съ тлѣкувание речи-ты на блѣгарскы и русскы») Найдена Герова (1823–1900) с дополнением Т. Панчева (1908). Появляются многочисленные нормативные грамматики: «Кратка блѣгарска граматика» (1936) и «Блѣгарска граматика» (1938) Петра Калканджиева, грамматики Стефана Младенова и Стефана Попвасилева (1939), Николы Костова (1940), «Нова блѣгарска граматика» (1941) Александра Теодорова-Балана, «Основна блѣгарска граматика» (1944) Любомира Андрейчина и других языковедов.

После Второй мировой войны в Болгарии меняется политическая ситуация: страна становится сначала народной, а позднее – социалистической республикой. Общественное переустройство отразилось и на языке: активно внедряется лексика, отражающая новые социальные и культурные явления – за счет собственных ресурсов и заимствований и калек из русского языка. Единая идеология способствует формированию фонда так наз. советизмов. Через русский или непосредственно из западноевропейских языков поступают интернационализмы. В 1945 г. проведена реформа графики и орфографии. Появляются нормативные грамматики, в 1954–1959 гг. выходит трехтомный толковый словарь, в 1982–1983 гг. издана первая

академическая грамматика в трех томах, авторские и коллективные монографии по истории и диалектологии болгарского языка. Издаются терминологические словари, направленные на развитие профессионального стиля и языка в целом, при этом русская терминосистема во многом является образцом и источником.

Большой вклад в унификацию и совершенствование литературного языка вносили и вносят писатели: Иван Вазов, Пенчо Петков Славейков, Димчо Дебелянов, Пейо Яворов, Петко Тодоров, Елин /Элин Пелин (наст. фам. Димитр Иванов), Никола Вапцаров (которого в Македонии считают также македонским поэтом), после Второй мировой войны – Димитр Талев, Димитр Димов, Эмилиан Станев, Йордан Радичков, Иван Радоев, Елизавета Багряна, Дамян Дамянов, Радой Ралин и др. Период с 1945 и по конец 80-х гг. XX в. может считаться расцветом болгарского литературного языка и болгаристики.

8) *Постсоциалистический подпериод.* На рубеже 80–90-х гг. XX в. перестраивается социальная система Болгарии, что отражается и в самом языке, и на языковой политике страны в целом. Из словаря устраняются советизмы, часть из них используется с негативной коннотацией; устраняются и многие лексические турцизмы; новая лексика, отражающая массовую культуру и компьютерную технологию, поступает преимущественно из англо-американского источника. Переиздаются нормативные грамматики и словари, пересматриваются терминосистемы, деидеологизируются публицистический и административный стили. В 2000 г. впервые появляется энциклопедия болгарского языка. Новейшие процессы, произошедшие на разных уровнях болгарского языка, нашли отражение в коллективной монографии «Български език» (1997).

* * *

Банатско-болгарский и помакский литературные микроязыки. В середине XIX в. появляется письменность (на основе латиницы) у болгар-католиков, переселившихся в область Банат (сейчас разделенную между Румынией и Сербией), и развивается литературный микроязык. В Болгарии и в Греции проживают болгары-мусульмане – помаки, но только в греческой части с 90-х гг. XX в. стали

предприниматься попытки создания литературного микроязыка на основе греческого (и латинского) алфавитов. Подробнее обо всем этом см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика:)), а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов. Тарту, 2003. С. 207–253 (банатско-болгарский); т. II. Тарту, 2004. С. 40–51 (помакский).

3.1.4. Функциональный статус. Функциональные позиции болгарского языка неоднократно менялись в длительной истории его развития. Лишь с последней трети XIX в., в связи с воссозданием Болгарии как самостоятельного государства, его позиции постепенно начинают укрепляться во всех сферах жизни. Болгарский является государственным языком Болгарии. С вступлением страны в Евросоюз он стал одним из официальных языков этого объединения.

В системе Болгарской АН работает Институт болгарского языка (1949), а в университетах – соответствующие кафедры. С 1981 г. проводятся международные конгрессы по болгаристике.

Из 9 млн. человек, проживающих в Болгарии, 8 миллионов называли болгарский родным языком. К этому прибавляется еще один миллион зарубежных болгар, говорящих по-болгарски. В качестве второго болгарский язык используется национальными меньшинствами страны.

3.1.5. Образец текста:

<i>Съвременният български език е национален език на 9-милионния български народ и официален държавен език в Република България. Той е роден на повече от 8 милиона души, по-голямата част от които образуват славянското етническо мнозинство в страната. Освен това той е роден език на повече от един милион българи, живеещи зад граница. Голяма част от тях са жители набивши съветски територии, бивша</i>	Современный болгарский язык является языком 9-миллионного болгарского народа и официальным государственным языком в Республике Болгария. Он является родным более чем для 8 млн. человек, большую часть которых составляет славянское этническое большинство в стране. Кроме того, он является родным языком для более чем для одного миллиона болгар, живущих за границей. Большая часть из них являются

<i>Югославия, Гърция, Румъния, Унгария. Последната емигрантска вълна от около 500 000 души се установи в Западна Европа, Канада и САЩ. Български колонии има в Австралия, Аржентина и някои азиатски страни.</i> <i>Българският е втори език за членовете за няколко малцинствени езикови общности, по-големите от които са турската и циганската, наричана напоследък ромска. В страната живеят и други малцинствени групи, използващи предимно в домашна среда майчиния си език...</i> Български език. Red. naukowy S. Dimitrova. Opole, 1997. С. 162–163.	жителями бывших советских территорий, бывшей Югославии, Греции, Румынии, Венгрии. Последняя эмигрантская волна примерно в 500 000 чел. закрепились в Западной Европе, Канаде и США. Българские колонии (поселения) имеются в Австралии, Аргентине и в некоторых азиатских странах. Българский является вторым языком для представителей нескольких языковых меньшинств, большинство из которых – это турки и цигане, называемых в последнее время ромами. В стране проживают и другие меньшинства, использующие преимущественно в домашних условиях свой родной язык...

3.1.6. Литература

• Граматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981; *его же*. Болгарский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 69–102.

Котова Н. В., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001.

Соболев А. Н., Черняк А. Б. Болгарский язык. // Основы балканского языкознания. Ч. 2. Славянские языки. СПб., 1998. С. 189–246.

Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. I–III. София, 1982–1983.

Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език. София, 1998.

Български език. Red. naukowy S. Dimitrova. Opole, 1997.

Младенов Ст. История на българския език. София, 1979.

Иванова-Мирчева Д., Харалампиев Ив. История на българския език. Велико Търново, 1999.

Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1962; 4-то изд., София, 2002.

Български диалектен атлас. Т. I–[V]. София, 1964–1988.

• **Словари:**

Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. София, 1955–1959.

Андрейчин Л. и др. Български тълковен речник. София, 2004.

Речник на българския език. Т. 1 →. София, 1977 → (издание продължава).

Енциклопедия на съвременния български език. Съст. Р. Русинов, Ст. Георгиев. Велико Търново, 2000.

Български етимологичен речник. Т. 1–5. София, 1971–1999.

• **История литературы:** В. Д. Андреев История болгарской литературы. М., 1978; История на българската литература. 1–4. София, 1962; С. Игов. История на българската литература. София, 2002.

• **Периодика:** Език и литература, София, 1946 →; Български език, София, 1951 →; Българска реч, София, 1995 →; Българистика, София, 2000 →.

3.2. Македонский язык

3.2.1. Диалектное членение. В историко-генетическом аспекте речевой массив Македонии представляет собою западное продолжение болгарского диалектного континуума. На севере македонская речь граничит с сербскими говорами, на западе с албанским языком, на юге с греческим, а на востоке – с собственно болгарскими говорами. При этом на всех указанных направлениях македонские говоры выходят за пределы собственной македонской территории, занимая обширные пространства в двух исторических областях – Пиринской Македонии (Болгария) и Эгейской, или Беломорской, Македонии (Греция), в Сербии и Албании, в переселенческом виде также в других странах Европы и Америки. Образованы переходные пояса, состоящие ныне из смешанных говоров: на севере это македонско-сербские, а на востоке – македонско-болгарские. Согласно новейшей классификации Б. Видоэского (1997), македонский делится на три основных речевые пространства, внутри которых наблюдается дифференциация по говорам: 1) **западное наречие**, состоящее из: а) центральных говоров (к югу от Скопье) и б) западных периферийных говоров (вдоль македонско-албанской границы); 2) **юго-восточное наречие** (к югу по линии Скопье – Св. Николе – Злетово, затем говоры Пиринской и Эгейской Македонии); 3) **северное наречие** (севернее Скопье, в районах Куманово, Овче-

поле, Кратово, г. Тетово и Скопльская Црна Гора), сближающееся с южно-торлакскими сербскими говорами и крайними западными болгарскими.

3.2.2. Некоторые особенности современного языка. Македонский и болгарский языки характеризуются рядом общих важнейших признаков, в целом присущих балканскому языковому союзу, – см. введение к разделу «3. Южнославянские языки». Ср. параллельное представление некоторых из этих черт на уровне грамматики, отраженных в таблице № 7 раздела «3.1. Болгарский язык: 3.1.2. Некоторые особенности современного языка».

В современном македонском языке 5 гласных и 31 согласная фонема, из которых лишь два вступают в оппозицию по признаку твердости ~ мягкости – [л] – [л'], [н] – [н'], один мягкий согласный – [ј]. Ср. в болгарском: 6 гласных и 39 согласных, из которых 17 вступают в оппозицию по признаку твердости ~ мягкости, и один мягкий согласный – [ј].

Что касается чисто македонских признаков (в сравнении с болгарскими), то их немного – примеры фонетических:

- на месте [ъ] – [о], [ь] – [е]: *сон, пен* ‘пень’; ср. болг. *сън, пън*;
- на месте [П] – [а]: *рака* ‘рука’; ср. болг. *ръка* ‘рука’;
- на месте ять [ѣ] – [е]: *цена, леб* (с потерей х-) ‘хлеб’; ср. двоякий (с вариациями) рефлекс в болг.: *цена, хляб* ‘хлеб’;
- на месте *dj, *tj, *kt' – [f], [k]: *свеќа* ‘свеча’, *меѓа* ‘межа’; ср. болг. [zʰd], [sʰt]: *межда* ‘межа’, *свеџ* ‘свеча’.

О морфологических особенностях см. также ниже раздел «3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков».

3.2.3. Формирование и развитие литературного языка. Письменность в Македонии, как и во всей Болгарии, имеет уже более чем тысячелетнюю историю. При этом следует иметь в виду, что от самого начала, т.е. от IX в., и примерно до конца XVIII в. письменная традиция развивалась в целом на генетически единой или весьма близкой болгаро-македонской речевой основе, а памятники письменности и вообще тексты различных жанров можно было бы распределить по географическому принципу: созданные на востоке, в центре и на западе относятся ныне к болгарским, а написанные на

крайнем западе – к македонским. Исходя из близости и переплетенности книжно-письменных процессов в направлении «восток – запад», мы строим периодизацию истории македонской письменности и литературно-письменного языка IX–XVIII вв. с опорой на болгарскую, т.е. мы выделяем:

- 1) древнемакедонский период как соответствие древнеболгарскому (с IX по XI вв.),
- 2) среднемакедонский как соответствие среднеболгарскому (с XII по XIV вв.),
- 3) переходный «синтетико-аналитический» период XV–XVI вв., после чего следуют:
- 4) предвозрожденческий период XVII–XVIII вв.;
- 5) возрожденческий период XIX в.;
- 6) период формирования македонской нации рубежа XIX–XX вв. и до 30-х гг. XX в.;
- 7) современный период с 40-х гг. XX в. и его постсоциалистический подпериод с 90-х гг. XX в.

1) Древнемакедонский период (IX–XI вв.): под таким названием данного периода в македонистике подразумевается прежде всего его историко-географический аспект, в то время как содержанием данного периода считается создание братьями Кириллом и Мефодием славянской письменности и функционирование в Македонии именно старославянского языка, называемого также «каноническим языком». О самом содержании этого периода см. раздел «3.1. Болгарский язык: 3.1.3. Формирование и развитие литературного языка».

Дополнительно заметим, что на юго-западе Македонии получила известность «Охридская книжная школа», а на юго-востоке – «Кратовская» (в Лесновском монастыре). В Охриде работал выдающийся книжник Климент, названный Охридским (ок. 830–916), тексты которого открыл русский славист В. М. Ундольский. Переводы, проповеди в виде поучений и слов Климента были распространены не только в болгаро-македонском ареале, но и на Руси.

2) Среднемакедонский период (с XII по XIV вв.) охватывает сложные политические события: македонские земли подпадают под различные зависимости от феодальных государств – сначала

Болгарского царства, затем Византии и, наконец, Сербского королевства (в конце XIII в.). Приблизительно с XI / XII вв. отмечаются уже некоторые локальные черты в церковнославянских текстах македонского извода, например, переход [ʋ] в [e] и [ʋ] в [o] в сильной позиции, а позднее и замещение под сербским влиянием праславянских сочетаний *dj, *tj, *kt' новыми [ġ], [k̑], в то время как в болгарском ареале на востоке формируются их рефлексy в виде [ž↑d], [š↑t] (см. выше). С конца XIV в. (1396) земли находятся под оккупацией Турции, что привело к культурно-языковой и прочей изоляции, а церковь в это время подчинялась Греческой патриархии. О самом содержании этого периода см. раздел «3.1. Болгарский язык: 3.1.3. Формирование и развитие литературного языка».

3) Переходный «синтетико-аналитический» период относится к XV–XVI вв., когда перестраивается грамматическая структура местной речи, т.е. переходит из синтетической в аналитическую, хотя отдельные признаки этого процесса отмечаются и ранее. О содержании и о грамматических процессах этого периода см. раздел «3.1. Болгарский язык: 3.1.3. Формирование и развитие литературного языка».

Добавим, что, помимо текстов, исполненных церковнославянским языком македонского извода, с XIV в. и вплоть до XVIII в. в Македонии функционировал также церковнославянский язык сербского извода. Его признаки очевиднее всего проявлялись на фонетическом и морфологическом уровнях, ср.: в отличие от македонского перехода [Π] (орф. **ж**) → [a], в сербской редакции отмечен переход [Π] → [u] – соответственно *рака* и (*роука* →) *рука* ‘рука’ и др. Проникновение элементов живой речи обнаруживается в текстах, созданных в Македонии. Однако их не так много, так как локальную письменную традицию тормозило турецкое иго, а также давление греческого языка. Те же факторы тормозили развитию письменности и в предвозрожденческий, а также и в возрожденческий периоды.

4) Предвозрожденческий период (XVII–XVIII вв.) можно также назвать синтезировано – *новомакедонско-новоболгарским предвозрожденческим*: это оправдано тем, что в обозначенные века, как и ранее, весьма трудно отделить македонское от болгарского – раз-

ве что по признаку места происхождения того или иного памятника письменности да по незначительным фонетическим различиям.

Еще с XVI в. популярными становятся так наз. дамаскины – созданные по образцу сочинений грека Дамаскина Студита, писавшего на народном греческом языке. Таков, например, «Тиквешский сборник», который относят к XVI–XVII вв. К концу XVIII в. вышел печатный лексикографический «Четырехязычник Даниила» (первое издание вышло в Венеции в 1794 г., а второе – в 1802 г.). Македонский материал ориентирован здесь на охридский говор.

С XVIII в. в связи с привозом и распространением русских религиозных книг постепенно внедряется и церковнославянский язык русского извода, который вступает в конкуренцию с церковнославянским сербского извода – так наз. сербско-славянским. От 1728 г. сохранился пронизанный народными элементами памятник письменности, переведенный с русского языка. О содержании этого периода см. также раздел «3.1. Болгарский язык: 3.1.3. Формирование и развитие литературного языка».

5) *Возрожденческий период* охватывает XIX в. Учитывая то, что на протяжении этого века процессы поиска основ литературного языка с большей или меньшей интенсивностью шли практически по всему болгаро-македонскому речевому пространству, причем с ориентацией на тот или иной его регион, и принимая во внимание то, что выходцы из востока, центра и запада указанного пространства нередко действовали сообща, а в ряде случаев отстаивали единый литературный язык, который называли болгарским, славяно-болгарским и под., данный период можно также обозначить, как ***македонско-болгарский возрожденческий***. Таким образом, в это время еще не наблюдалось четкой оппозиции болгарского и македонского. Добавим, что македонская интеллигенция была в этот период еще немногочисленна. Примечательно, однако, что некоторые молодые люди, выходцы как с востока, так и с запада, получали образование не только у себя на родине, но также в Греции и в России.

В целом для первой половины XIX в. характерно письменное развитие по крайней мере в двух направлениях: с одной стороны, продуцируются преимущественно церковные тексты на церковнославянской основе македонского, сербского и русского изводов – не-

редко с синтезом в одном тексте элементов всех этих изводов, с другой – ведутся поиски основ литературного языка, приближенного к живому народному языку или же базирующегося на нем. Ориентация на живой язык естественным образом работала на ограничение использования церковнославянского языка. Есть, правда, еще один аспект, связанный с попыткой устранить использование греческого письма для записи македонско-болгарских текстов. Особенно это было характерно для южных регионов и, в частности, для Эгейской Македонии. В некоторых местах Македонии дело доходило до того, что славянское письмо было попросту забыто. Показательно, что сборник народных песен, собранных братьями Миладиновыми (1861), первоначально был исполнен греческим письмом и лишь при издании книги тексты были переведены на кириллицу. В 1852 г. в Салониках был издан греческим письмом перевод евангелия, сделанного Павлом Божигробским / Божигробцем (так наз. «Кониновское Евангелие»).

К первой половине XIX в. относится деятельность просветителей – священника и народного учителя Йоакима Крчовского (1750–1820) и монаха Кирилла Пейчиновича (1771–1845), которые, несмотря на то что некоторые тексты они писали на церковнославянском языке с примесью живых разговорных элементов, все же в целом ориентировались на народный язык. Й. Крчовский напечатал 5 книг преимущественно религиозного содержания, например, «Слово для святого исповедания, для мужчин и женщин» (1814), а также «Различные поучительные наставления» (1819), написанные на «простейшем болгарском языке», – как тогда считали по преимуществу. К. Пейчинович, как и Й. Крчовский, принадлежит к первому поколению македонских писателей. Он автор двух печатных книг – «**⊕ГЛЕДАМО**», т.е. «Зеркало» (1816), а также проповеднической книги «Утешение грешным» (1840); в рукописи осталось его «Житие князя Лазаря». Кстати сказать, они продолжали в языковом плане традицию дамаскинов, а в качестве графики, как это видно по названию «Зеркала» Й. Крчовского, употребляли церковное письмо.

В 1835 г. Парфений Зографский (1818–1875) издал грамматику болгарского языка, что показательно для части интеллигенции, происходившей с запада и придерживавшейся идеи общего литератур-

ного языка для всего болгаро-македонского речевого пространства. В то же время П. Зографский высказывался за западное наречие как основу такого литературного языка (статья «Мысли о болгарском языке», 1857).

К середине XIX в. возрожденческие процессы усиливаются. Братья Миладиновы собирали не только фольклор: старший Димитр(ий) занимался школьным просвещением, а младший Константин стал поэтом (знаменитое стихотворение «Тоска по югу» и др.). Просвещением занимался и Кузман Шапкарев (1834–1909), родом из Охрида: в Царьграде он издал несколько учебников, в Салониках вышла его книга «Святой Посланник» (1870), вслед за братьями Миладиновыми он занимался собиранием устного народного творчества (в изданном им в Софии в 1891–1894 гг. сборнике помещено более 1300 народных песен, образцы народной прозы, пословицы и поговорки). В 70-е гг. пытался издать грамматику македонского языка Вениамин Мачуковский, однако безуспешно.

Формируется также идея «среднего болгаро-македонского» литературного языка, сторонником которой выступил Йордан Хаджи Константинов-Джинот (1818?/1821?–1882), полагавший, что литературный язык должен отличаться от народного, как это имело место у греков, русских и др., и предназначаться для всех славян Болгарии, Македонии и даже соседних областей. Потому ориентиром должен служить церковнославянский или даже русский литературный язык – хотя и с опорой на народный. Примерно такова же была позиция и Райко Жинзифова (1839–1877), обучавшегося в Московском университете, где он входил в кружок македонских студентов. Известен как публицист, переводчик и поэт (стихотворение «Голос» и др., поэма «Кровавая рубаха» – против турецкой оккупации и др.). Переводил «Слово о полку Игореве», «Любушин суд» – фрагмент из чешской поддельной «Краледворской рукописи» (1863), и др. Кстати, десятью годами ранее, в 1852 г., этот же фрагмент перевел на македонский Константин Петкович. В русле этой концепции литературного языка Григор Прличев (1830–1893) шел еще дальше, предлагая строить такой язык на общеславянской основе.

В противоположность этому направлению все отчетливее созревала мысль о магистральном движении в сторону народного

языка. Представителем такой концепции был поэт, историк, грамматист Георгий Пулевский (1817/1818–1895). В 1875 г. в Белграде он издал «Словарь четырех языков», в котором к македонским словам приведены эквиваленты на сербском, албанском и турецком языках; в 1875 г. вышел его «Словарь трех языков» (с устранением сербского). За лексикографическими опытами последовала первая печатная македонская грамматика для школы, названная «Слогница речовска», т.е. наука чтения и произнесения по слогам (1880). В 1879 г. Г. Пулевский издал книгу «Македонские стихотворения (= сборник стихов)», а в 1892 г. завершил так и оставшийся в рукописи первый македонский исторический труд «Славяно-македонская всеобщая история». Под таким же названием Г. Пулевский организовал в 1888 г. в Софии «Славяно-македонское литературное общество» («дружину»). Подобный курс в отношении языка проводила и группа македонской интеллигенции, издававшая в Софии в 1892–1894 гг. журнал «Лоза», за что его сотрудники были обвинены в сепаратизме.

6) Период формирования македонской нации (рубеж XIX–XX вв. и до 30-х гг. XX в.). Принято считать, что в этот период окончательно формируется национальное самосознание македонцев, и взгляды македонской интеллигенции теперь уже обращены к судьбе собственного народа и собственного литературного языка. Как свидетельство этого, в 1903 г. ученый, публицист, историк и этнограф Крсте Петков Мисирков (1874–1926), родившийся в Эгейской Македонии (Греция) и закончивший С.-Петербургский университет, издал книгу «О македонских проблемах» («За македонските работи»), в которой открыто заявляет о «полном отрыве нашего народа от других балканских народов». В специальной главе «Несколько слов о македонском литературном языке» для его создания он предлагает следующее:

1) за грамматическую основу необходимо взять центральные говоры по линии Велес – Прилеп – Битола – Охрид («Прилепско-Битол'цкото наречие за литературен јазик, као једнако далеко и от србцкијот и бугарцкијот јазици, и централно во Македонија» 'Прилепско-битолское наречие [взять за основу] литературного языка, как одинаково далекое и от сербского, и от болгарского языков, и [как] центральное в Македонии');

2) лексический состав формировать не только за счет этих говоров, но и остальных («речничниот материјал <...> от сите македонски наречја») ‘словарный материал из всех македонских наречий’);

3) правописание должно базироваться, как в сербско-хорватском, на фонетическом принципе с элементами морфологических написаний («фонетичниот прапис» ‘фонетическое правописание’).

Из азбуки К. П. Мисирков удалил ряд церковных букв, за которыми не стояло уже реального звучания, и ввел новые знаки – *i*, *z*’ – *k*’, *l*’ – *n*’.

В целом все эти принципы легли в основу современного македонского литературного языка, его азбуки и правописания, хотя между двумя мировыми войнами разработки К. П. Мисиркова не получили широкого распространения.

По решению Лиги наций в Женеве о необходимости поддержки родных языков национальных меньшинств в 1925 г. в Афинах латиницей был издан букварь – «Abecedar», ориентированный на эгейско-македонские говоры г. Лерина и его окрестностей. Однако этот эксперимент не имел распространения.

В рассматриваемый период Македония оказывается в политическом плане разделенной между Югославией, Болгарией и Грецией. Македонский язык используется преимущественно в быту, однако усилия македонской интеллигенции все же не были напрасными, хотя говорить о едином литературном языке еще не приходится: пишущие ориентируются на разные центральные и, шире, западные говоры. Уже в 20-е гг. появляются драматические произведения Васила Ильоского, в 30-е гг. – Ристо Крле, Антона Панова; поэтические произведения Венко Марковского, Коле Неделковского, Кочо Рацина и некоторых др.

7) Современный период (с 40-х гг. XX в.) и **постсоциалистический подпериод** с 90-х гг. XX в. Основы современного литературного языка на принципах, выработанных К. П. Мисирковым, получили реальное воплощение лишь с 40-х гг. XX в., конкретно – со времени Второй мировой войны. Партизанское движение в Югославии и в Македонии в частности, называемое народно-освободительной

войной, стало толчком к конституализации македонского языка: на нем печатали листовки, другие пропагандные материалы, приказы, бюллетени и т.д. В 1944 г. он был провозглашен официальным языком в новой Македонии, которая в 1945 г. вошла в состав Народной Федеративной Республики Югославии. В этом же году были утверждены македонская азбука и правописание, которые позднее, в 1950 и 1970 гг., подверглись реформам. Уже в 1946 г. выходит небольшая по объему «Македонска граматика» для средних школ Круме Кепеского. В 1946 г. возобновил работу философский факультет, а в 1949 г. открыт Университет в Скопье, с 1967 г. работает Македонская Академия наук и искусств. Во второй половине XX в. и на рубеже XX–XXI вв. развитию норм литературного языка способствуют писатели, среди которых Гьорги / Георгий Абаджиев, Владо Малеский, Стале Попов, Блаже Конеский, Ацо Шопов, Томе Арсовский, Славко Яневский, Лидия Димковская, Анте Поповский, Живко Чинго и др.

В 1952–1954 гг. выходит двухтомная нормативная грамматика македонского литературного языка Блаже Конеского, а в 1952 г. по-английски грамматика Х. Ланта. Б. Конескому принадлежит и первая история македонского языка. Б. Видоеский / Видоэский – автор трехтомной монографии по македонской диалектологии (1998–1999). В 1961–1966 гг. издан достаточно обширный словарь македонского языка. В 2003–2008 гг. вышел новый четырехтомный «Толковый словарь македонского языка». Изданы и издаются также македонско-сербско-хорватские, македонско-русские и другие македонско-славянские (и наоборот) словари.

Литературный язык постепенно избавился от излишних турцизмов и грецизмов. Новая лексика формируется в нем за счет собственных ресурсов, а также заимствований прежде всего из сербско-хорватского языка, через который поступали также лексические интернационализмы и русизмы. С 90-х гг. XX в. начался процесс избавления от лексики, навеянной социалистической эпохой, в том числе и от лексических советизмов. Стабилизируются грамматические и орфоэпические нормы литературного языка, хотя процесс этот весьма сложный, поскольку литературные нормы достаточно близки к живому разговорному языку. Новейшие процессы в совре-

менном македонском литературном языке рассматриваются в коллективной монографии «Македонски јазик» (1998).

* * *

Еще в XIX в. отмечались попытки писать на основе костурско-леринских и на других говорах юго-восточного наречия. Для письма тогда использовалась греческая графика, а в XX в. – кириллица (за исключением одного неудачного эксперимента с латиницей в 1925 г.). Формируются контуры *эгейско-македонского литературного микроязыка*, правда, функционально еще слабого и не имеющего единого культурного центра. Подробнее см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)», а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. II. Образцы текстов. Тарту, 2004. С. 7–39 (эгейско-македонский литературный язык).

3.2.4. Функциональный статус. Как было сказано, официальный статус македонский язык получил еще в 1944 г. Сначала в Народной Федеративной Республике Югославии, а с 1963 г. – в Социалистической Федеративной Республике Югославии он был языком республиканского значения СР Македония. После развала Югославии и получения в 1991 г. независимости македонский в Республике Македонии становится официальным, а фактически – государственным, при этом большие функциональные позиции занимает и албанский язык (при четверти албанского населения Македонии).

В Скопье в составе университета функционирует Институт македонского языка им. К. П. Мисиркова, во всех университетах республики работают кафедры македонского языка, которые занимаются не только исследованием его истории и современного состояния, но и вопросами нормирования.

Из одного 1 млн. 400 тыс. македонцев Македонии абсолютное большинство владеет македонским языком (1995). Многие из них являются двуязычными (помимо родного, владеют также сербско-хорватским языком), реже – трехязычными. На востоке Албании, в районе г. Корча, македонский признан одним из официальных языков, в то время как в Греции, в Эгейской Македонии, македонцев называют «славофонами» и не поддерживают их культурно-языко-

вое развитие. В Болгарии, в Пиринской Македонии, где проживает примерно 250 тыс. македонцев, их называют болгарами, а язык – диалектом болгарского.

5.5.5. Образец текста:

Во изградувањето на речникот на нашиот јазик можеме да изделиме, сосем условно, три основни фази. Во првата фаза претежен бил контактот со грчкиот јазик, од кој навлегуваат голем број заемки. Втората фаза е фаза на турското влијание, што достига свој врв, но и упадок, во текот на минатиот век. Третата фаза е современата состојба на нашиот јазик во однос на изградувањето на речникот. Нејзините почетоци совпаѓаат со почетоките на создавање на современ македонски писмен јазик во минатиот век. Таа се карактеризира со приклон кон словенското наследство во зборообразувањето, како и со усвојување на оној фонд зборови што спаѓа во интернационалната лексика.

Б. Конески. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1967, с. 214.

В создании словаря нашего языка можно достаточно условно выделить три основных периода. В первый период преобладал контакт с греческим языком, из которого проникло большое число заимствований. Второй период – период турецкого влияния, которое достигает своей вершины, но также и упадка, в течение прошедшего [19-го] века. Третий период – это современное состояние нашего языка в отношении создания словаря. Начало этого периода совпадает с началом создания современного македонского письменного языка в прошедший век. Этот период характеризуется тенденцией к славянскому наследию в словообразовании, а также к усвоению того фонда слов, которые относятся к интернациональной лексике.

3.2.6. Литература

• Грамматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Ускова Р. П. Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје, 1985; *ее же*. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003; *ее же*. Македонский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 102–139.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. I–II. Скопје, 1952–1954 (и переиздания).

Кепески К. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1995.

Македонски јазик. Red. naukowy L. Minova-Ćurkova. Opole, 1998.

Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965 (и переизда-
ния); перев. на серб.-хорв.: Историја македонског језика. Београд / Скопје,
1966.

Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Т. I–III. Скопје,
1998–1999.

• **Словари:**

Речник на македонскиот јазик. Т. 1–3. Скопје, 1961–1966.

Димитровски Т., Корубин Б., Стаматоски Т. Речник на македонскиот
јазик со српскохрватски толкувања. Т. I–III. Скопје, 1961–1966.

Толковниот речник на македонскиот јазик. Т. I–IV. Гл. ред. К. Конески. Скопје, 2003–2008.

• **Историја литературы:** Македонска книжевност. Београд, 1961;
Историја на македонската книжевност. В. Стојчевска-Антиќ. Средновековна
книжевност. Скопје, 1997; Т. Саздов. Усна народна книжевност. Скопје,
1997; Историја на македонската книжевност 1800–1945. I. Г. Сталев. Македонска
литература во 19. век. Скопје, 2001; II. Г. Сталев. Прва половина на
20. век. Скопје, 2002.

• **Периодика:** Македонски јазик, Скопје, 1950 →; Литературен збор,
Скопје, 1950 →; Македонистика, Скопје, 1977 →.

3.3. Словенский язык

3.3.1. Диалектное членение. Словенский язык распространен в Словении (до середины 1991 г. входила в состав Югославии), где он является государственным языком. Столица и культурный центр – г. Любляна (Ljubljana). Пределом этого языка на севере являются территории, занимаемые венгерским и немецким языками, на западе – итальянским и фриульским (фурланским) и на юго-востоке – хорватским. Исходная этническая территория включает исторические области Крайна (полностью расположена в пределах Словении), Штирия (частью входит в Австрию), Каринтия (почти полностью находится в Австрии) и Словенское Приморье (частью относится к Италии). Таким образом, вне границ Словении словенцы и их язык распространены в Италии (Триестский и Горичский Крас, Венецианская Словения, Резья, Трбиж и Канальская долина), в Австрии (Каринтия, частично Штирия) и Венгрии (Порабье).

Словенский язык является одним из самых диалектно дробных славянских языков: он членится на семь диалектных зон – 1) *каринтийскую* – включает 6 диалектов (Канальская, Зильская и Дравская долины); 2) *приморскую* – 7 диалектов (крайний запад и юго-запад), среди которых резьянский, терский, надижский и др.; 3) *ровтарскую* – 6 диалектов (бассейн рек Идрицца, Полянщица до верхнего течения р. Сочи); 4) *гореньскую* – 2 диалекта и один говор (верховья р. Савы до Любляны включительно); 5) *доленьскую* – 7 диалектов (от рек Мирна и Крка, впадающих в Саву, далеко на юго-запад); 6) *штирийскую* – 5 диалектов (течение р. Савиня, область Похорья и восточной части Козьянска); 7) *паннонскую* – 4 диалекта (северо-восток Словении), среди которых прекмурский, горицкий и др. Итак, семь зон состоят из 48 диалектов. Чрезвычайная диалектная пестрота обусловлена феодальными политико-административными и церковными границами, процессами колонизации словенских земель народами-соседями, горным ландшафтом и заболоченными местами долин, а также контактами с немецким, романским и венгерским населением. При этом наиболее архаичными остаются северо-западные диалекты.

В основе современного литературного языка лежит крайнское (конкретно – гореньско-доленьско-нотраньское) диалектное ядро с центром в Любляне, при этом в качестве вокалической нормы взят гореньский диалект, а в морфологическом плане в нем отражаются некоторые важные черты нецентральных диалектов – прежде всего каринтийского и штирийского.

3.3.2. Некоторые особенности современного языка. Можно указать на следующие особенности:

- словенский – один из самых вокалических (6 кратких и 6 долгих гласных) и самый малоконсонантный (22 согласные) из всех южнославянских языков;

- гласные могут быть краткими и долгими, что влияет на значение слова и на его грамматические характеристики: *bràt* ‘брат’ (-à – краткая нисходящая интонация) – *brát* (форма супина при глаголе со значением движения) ‘читать’ (-á – долгая восходящая интонация);

- долгота, ударность и интонация составляют основу двух типов ударения в литературном языке – экспираторного, или дина-

мического (как в русском языке), и старого (поли)тонического, или музыкального, когда гласные могут иметь краткую (˘; редко, статус проблематичен) и долгую (˘) восходящую, краткую (Ǿ) и долгую (˘) нисходящие интонации: Р. пад. мн. ч. *lās* ‘волос’ – И. пад. ед. ч. *lās* ‘в́лос’ и под.;

– место ударения, как и в русском, нефиксированное, т.е. не закреплено за определенным слогом в слове; оно, например, может передвигаться в пределах той или иной морфологической парадигмы, например, сущ. жен. рода *stvár* ‘вещь’ при склонении в ед. числе: *stvár* (И. п.) – *stvári* (Р. п.) – *stvári* (Д. п.) – *stvár* (В. п.) – *s stvarjó* (Т.п.) – *o stvarí* (П. п.);

– краткие ударные и особенно безударные гласные подвергаются сильному сокращению, или редукции, особенно в устной речи: *prineste* вм. *prinesite* ‘принесите’, *tud* вм. *tudi* ‘также’ и под.;

– признак твердости~мягкости для согласных не характерен, за исключением пар [l] : [lʲ] и [n] : [nʲ], которые в последнее время постепенно утрачивают мягкий компонент;

– звательный падеж заменен именительным (как в русском);

– словенский единственный из южнославянских языков сохранил, помимо ед. и мн. чисел, древнее двойственное число, употребляющееся при числительных *dva/dve* и *oba/obe* ‘оба, обе’, при парных предметах, а также если известно, что речь будет идти о двух объектах: *dva raka* ‘два рака’, *dve lipi* ‘две липы’, *noge* ‘(две, обе) ноги’, *misliva* ‘мы (двое) думаем’ и под.; этим числом обладают именные части речи (но из количественных числительных – только *dva/dve*) и глагол;

– структура указательного местоимения трехчленна: *ta* ‘(э)тот’, ‘(э)та’, *to* ‘это’ – указание на близкий предмет, *tisti*, *-a*, *-o* ‘тот, тот же самый’ – указание на предмет средней удаленности, *oni*, *-a*, *-o* ‘тот’ – указание на дальний предмет;

– числительные от 21 по 99 калькируют немецкий образец, в них простое числительное предшествует десятку: *enindvajset* (*en* ‘1’ + *in* ‘и’ + *dvajset* ‘20’) ‘21’; ср. нем. *einundzwanzig* (*ein* ‘1’ + *und* ‘и’ + *zwanzig* ‘20’);

– будущее время складывается из форм СВ вспомогательного глагола *biti* ‘быть’ + причастия на *-l*: *bom gledal* ‘я буду смотреть, посмотрю’;

– словенский единственный из южнославянских языков сохранил праславянскую форму супина – так наз. достигательное наклонение, образующееся от инфинитивной основы глаголов НСВ посредством суффиксов *-t* и *-č*, указывающего на цель действия при глаголах движения: *pridi jest* ‘иди кушать’;

– страдательные причастия настоящего времени утрачены и др.

О других морфологических особенностях см. также ниже раздел «3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков».

3.3.3. Формирование и развитие литературного языка. Письменность у словенцев существует с конца X – нач. XI вв. В истории литературного словенского языка можно выделить пять периодов, имеющих следующее содержательное и хронологическое распределение:

1) с X/XI вв. – до середины XVI в. – **допечатный период**: первый памятник, исполненный латиницей, «Брижинские (Фрейзингские) отрывки» X – нач. XI вв.; затем следуют созданные в разных местах рукописи религиозного содержания: «Целовецкая / Ратечская» (1362–1390), «Стиченская / Стишская» (1428–1440), «Старогорская» (1492–1498), «Ауэршпергова» (XV в.?), светского содержания – «Краньская / Крайнская» (1440–1556; рыцарские присяги на верность королю), «Удинская / Видемская» (1458; перечень числительных), «Шкофьелокская» (1466 г. ; названия месяцев), «Чернейская / Чедадская или Чивидальская» (с 1497 г.; запись прихожан о пожертвованиях церкви) и некот др. Памятники происходят преимущественно из западной и центральной частей словенского ареала, в некоторых из них заметны диалектные черты, однако ощущается и тенденция к наддиалектности («Старогорская рукопись»).

2) Вторая половина XVI в. (1550–1595 гг.) – **становление протестантского литературного языка**. Примож Трубар (1508–1586) переводит с латинского и немецкого катехизис (1550), «Евангелие от Матвея» (1555), «Новый Завет» (1557–1560), а также создает первый словенский букварь (1550), для чего приспособливает немецкую латиницу, правда, введя в нее и некоторые новшества. В языковом плане он ориентировался на центральную доленьско-горенскую зону Любляны, используя также особенности своего род-

ного говора села Ращица. Под воздействием П. Трубара Себастиан Крель издал «Детскую Библию» (1566), а также перевод «Словенской (славянской) постиллы» (1567), опираясь на старославянскую глаголическую языковую традицию и усовершенствовав графику и правописание (ввел диакритические знаки для гласных и др.). Юрий Далматин, переводчик «Библии» (полный текст издан в 1584 г.), в языковом отношении следовал за П. Трубаром, а в графико-орфографическом – за С. Крелем, при этом он пытался писать так, чтобы его понимали все словенцы.

В 1584 г. Адам Бохорич издает по-латински первую словенскую грамматику («Arcticae horulae ucci iuae de Latinocarniolana Literatvra...»), в которой предлагает усовершенствованную графику, названную позднее бохорицей и просуществовавшую до середины XIX в. (рекомендует [ž] обозначать как *sh*, а [š] – как *h*, [j] – как *j*, [lʹ] – как *lj* или *jl* и т.д.). Зачатки лексикографической обработки обнаруживаются в так наз. «Регистре» к «Библии» Ю. Далматина, а также в немецко-латинско-словенско-итальянском словаре И. Мегизера (1592). Процесс становления и утверждения протестантского литературного языка был прерван Контрреформацией.

3) XVII – первая половина XVIII вв. – **период литературно-языковой дисперсии и формирования регионализма**, отхода от доленьско-гореньской нормы и ориентации на говор родного края. Эти процессы отразились в переводах и переложениях различных сочинений духовного содержания (Матия Кастелец, Адам Скалар, Янез Светокрижский и др.), а также в рукописях административно-хозяйственного и судебного назначения.

В XVIII в. усиливается литературно-языковой регионализм, проявившийся, в частности, в формировании каринтийского, штрийского, прекмурского, резьянского региональных литературных языков создававших своеобразную конкуренцию центральнословенскому ('крайнскому'); некоторые из них претендовали стать основой общесловенского литературного языка. Отмечаются попытки лексикографической обработки в жанре дву- и трехязычных словарей (печатный итальянско-словенский словарь 1607 г. Алазии да Соммарипа, рукописные латинско-словенские словари около 1680 г. М. Кастельца и 1703–1710 гг. Грегора Воренца, трехязыч-

ный словарь Ипполита / Янеза Адама Гайгера). В 1715 г. Ипполит издал по-латински 'Грамматику латино-немецко-словенскую' – по существу, перепечатку грамматики А. Бохорича.

4) Вторая половина XVIII – 70-е гг. XIX в. – **период национального Возрождения** словенцев, формирования, стабилизации (и утверждения – по конец XIX в.) общесловенского литературного языка. С 70-х гг. XVIII в. вводится обязательное начальное образование на словенском языке, активизируется интерес к собственной истории («Опыт истории Крайны и других южных славян Австрии» 1788–1791 гг. Антона Линхарта и др., деятельность просветительского кружка Жиги Цойса), Валентин Водник издает первую словенскую газету «Lublanske Novize», 1797–1800), в Люблянском лицее открывается первая кафедра словенского языка, начинает развиваться словенская литература. Юрий Япель и его сотрудники делают новый перевод «Библии» («Novi Testament», 1784–1786; «Stari Testament», I–VIII, 1771–1802), опираясь на традиции протестантского литературного языка. Словенский язык подвергается интенсивной обработке (в трудах, сплошь написанных по-немецки): в 1768 г. Марко Похлин издает «Крайнскую грамматику <...>» (переиздана в 1783 г.), ориентируясь на люблянский говор; в 1791 г. Михаэль Загайшек (под псевдонимом «Юрий Зеленко») выпускает компилятивную грамматику, копируя труд предыдущего автора.

Тенденции развития литературного языка определили такие последующие работы, как: «Грамматика славянского (= словенского) языка в Крайне, Каринтии и Штирии» 1808/1809 гг. Варфоломея / Ернея Копитара, ориентированная на языковые особенности центральной зоны (с предпочтением гореньской фонетики и этимологического принципа правописания); «Теоретико-практическая словенская грамматика» 1812 г. И. Шмигоца, опиравшегося на предыдущую грамматику и учитывавшего восточноштирийские особенности, и первая (школьная) грамматика на словенском языке В. Водника «Pisменоſt ali Gramatika sa Perve Shole» (1811). При этом литературно-языковой регионализм окончательно не исчезает: появившиеся по-немецки в 1824 и 1825 гг. грамматики Петера Дайнко и Франца Метелко ориентируются соответственно на восточноштирийский и доленьский диалекты; предложенные этими авторами ал-

фавитные новшества («дайнчица» и «метелчица») привели к «графической войне» и не были приняты.

С середины XIX в. выявляются и различия в подходе к созданию единого литературного словенского языка (попытки создавать искусственным способом «культурные» слова, заимствовать лексику из старославянского и русского языков, так наз. славянизация середины XIX в. и последующих десятилетий в пользу так наз. иллирийского, или «южнославянского», языка). Победил подход на сохранение самобытности словенского языка, за что боролись большинство деятелей культуры, а также созданная в 1863 г. «Словенская Матица». Из грамматических кодификаций второй половины XIX в. следует назвать грамматики М. Маяра (1850), Антона Янежича (1854), а также Франа Левстика (1866; по-немецки) и Й. Шумана (1882), а из лексикографических – двухтомный практический словарь словенского и немецкого языков 1850–1851 гг. А. Янежича, первый словенский словарь научной терминологии 1880 г. Матея Цигале, первый орфографический словарь 1899 г. Ф. Левеца.

5) XX в. – *новый и новейший этапы* развития словенского языка, характеризующийся укреплением его социолингвистических позиций и регулярным совершенствованием норм специальными грамматиками и словарями – от «Словенской грамматики» 1956 г. А. Баеца, Р. Коларича и М. Рупела до четырехтомного «Словенского литературного языка» (1965–1970) и однотомной «Словенской грамматики» (1976 г. и последующие издания) Йоже Топоришича, от «Словенского правописания» 1950 г. до усовершенствованного варианта орфографии 1994 г., от пятитомного толкового академического «Словаря словенского литературного языка» (1970–1991) до многочисленных специализированных словарей. Важнейшей задачей процесса нормирования современного литературного словенского языка является уменьшение дистанции между письменным и разговорным вариантами.

Дело в том, что для словенского языка характерно деление на *стандартный (литературный, литературно-письменный)* и *разговорный*, между которыми существует достаточно большая дистанция. Разговорный язык делят на наддиалектный общеразговорный (*splošni pogovorni jezik*), который в настоящее время относят к лите-

ратурной разновидности национального языка, и областные, или региональные (*pokrajinski pogovorni jeziki*). Основные различия между стандартным и общеразговорным языками отмечаются в фонетике, менее – в словаре и синтаксисе и еще меньше в морфологии. Для синтаксиса характерна ненормативная постановка членов предложения, нередко отсутствие четкого грамматического согласования, избегание причастных и деепричастных конструкций и некоторые др. В общеразговорном языке практически не используются лексические архаизмы и книжно-литературные новообразования; заметным признаком в нем является употребление иноязычных слов, чаще всего просторечных и вульгарных – для большей экспрессии речи. Выделяются: среднесловенский, или люблянский, разговорный язык (Крайна с центром в Любляне), южноштирийский (Целье), северноштирийский (Марибор; также подвариант в районе г. Мурска Собота), приморский (с подвариантами в гг. Нова Горица, Триест, Копер, Постойна), возможно, также ровтарский (г. Шкофья Лока и его индустриальные окрестности) и каринтийский в Австрии.

Истоки *литературы* на словенском языке восходят к допечатному периоду письменности (X/XI – середина XVI вв.), когда распространялись рукописи религиозного и светского содержания, затем – печатной протестантской переводческой традиции XVI в. (П. Трубар и др.). В период Контрреформации традиция единой в языковом отношении протестантской письменности была нарушена, создаются (в XVII в., а также и в XVIII в.) диалектно окрашенные тексты. Важную роль в развитии словенской литературы и языка сыграли первый словенский поэт Валентин Водник (1758–1819), затем – поэт-романтик Франце Прешерен (1800–1849), основоположник реалистической прозы Фран Левстик (1831–1887), а также Иван Цанкар (1876–1918) и др. С XIX в. в словенской литературе успешно развиваются все прозаические и поэтические жанры.

* * *

На периферии словенского этноязыкового ареала, в том числе выходящего за пределы Словении, в различное время формировались и с той или иной степенью интенсивности развиваются вплоть

до нашего времени региональные литературные *микроязыки* – *прекмурско-словенский* у границ с Венгрией, *венецианско-словенский* и островной (точнее, «полуостровной») *резьянский* на западе, в Италии: первый на основе прекмурских говоров паннонской диалектной зоны, а два других на говорах приморской диалектной зоны. Прекмурско-словенский только с 90-х гг XX в. начинает возрождаться. Более подробные сведения о них см. в гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)», а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов. Тарту, 2003. С. 178–206 (резьянский); т. II. Тарту, 2004. С. 52–68 (венецианско-словенский); с. 143–164 (прекмурско-словенский).

3.3.4. Функциональный статус. В б. Югославии словенский употреблялся как язык республиканского значения преимущественно в рамках СР Словении. С развалом этой страны он становится единственным официальным (государственным) языком в Республике Словения (с 1991 г.), а с 2004 г. – одним из языков Европейского Союза.

3.3.5. Образец текста:

<i>Seminar slovenskega jezika, literature in kulture je bil ustanovljen leta 1965. Pobudo za ustanovitev so dali učitelji in sodelavci Oddelka za slovanske jezike in književnosti na Filozofski fakulteti v Ljubljani, ki vsakoletne seminarje tudi organizirajo in na njih sodelujejo kot predavatelji ali lektorji. K sodelovanju so vabljeni veda tudi strokovnjaki z drugih pedagoških in znanstvenih ustanov ter drugih oddelkov Filozofske fakultete, saj predavanja posegajo razen na vsa tri v naslovu zajeta področja tudi v slovensko zgodovino, arheologijo, geografijo itd. Seminar traja</i>	Семинар словенского языка, литературы и культуры был основан в 1965 г. Толчок к его созданию дали преподаватели и сотрудники отделения славянских языков и литератур философского факультета в Любляне, которые каждое лето семинары и организуют и работают на них в качестве преподавателей или лекторов. К сотрудничеству приглашены, разумеется, также специалисты из других педагогических и научных учреждений и других отделений философского факультета, так как лекции, кроме всех трех в названии (семинара)

<i>dva tedna – praviloma v prvi polovici julija – in je namenjen tujim slovenistom, slavistom, primerjalnim jezikoslovcem in literarnim zgodovinarjem, tako profesorjem, prevajalcem, srednješolskim profesorjem in študentom.</i> <i>Seminarja se redno udeležujejo tudi kulturni in prosvetni delavci iz slovenskega zamejstva.</i> <i>Vzeto iz bukleta o Seminarje.</i>	обозначенных областей, охватывают также словенскую историю, археологию, географию и т.д. Семинар длится две недели – как правило, в первой половине июля – и предназначен для иностранных словенистов, славистов, языковедов-компаративистов, профессоров (преподавателей), переводчиков, учителей средних школ и студентов. Постоянно в семинаре участвуют также работники культуры и просвещения из словенского зарубежья.

3.3.6. Литература

• Грамматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Дуличенко А. Д. Словенский язык. // Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998. С. 58–113; *его же*. Словенский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 198–233.

Мечковская Н. Б. Словенский язык. Минск, 1991.

Bajec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica. 2. izd., Ljubljana, 1964.

Đukanović M., Makrović Ž. Osnovi gramatike slovenačkog jezika. Beograd, 2001; 2. izd.: Beograd, 2005.

Toporišič J. Slovenski knjižni jezik. 1–4. Maribor, 1965–1970; *ibid*. Slovenska slovnica. Maribor, 1976; 4. izd., Maribor, 2000.

Slovenski jezik. Red. naukowy A. Vidović-Muha. Opole, 1998.

Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. Ljubljana, 1936; *перепечатка*: Ljubljana, 1995.

Lencek R. L. The Structure and history of the Slovene language. Columbus (Ohio), 1982.

Ramovš F. Dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana, 1931; Logar T. Slovenska narečja. Besedila. Ljubljana, 1975; T. Logar. Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1986.

• Словари:

Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.

Toporišič J. Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana, 1992.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1 →. Ljubljana, 1976 →; M. Snoj. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997; 2. izd. Ljubljana, 2003.

• **История литературы:**

Pogačnik J., Zadavec F. Zgodovina slovenskega slovstva. I–VIII. Maribor, 1968–1972; Pogačnik J., Zadavec F. in dr. Slovenska književnost. I–III. Ljubljana: DZS, 1998–2001; J.Kos. Pregled slovenskega slovstva. Ljubljana: DZS, 1974; 14. izd. 2002.

• **Периодика:** Slovo in slovstvo, Ljubljana, 1955 / 1956 →; Slovenski jezik / Slovene Linguistic Studies, Ljubljana / Lawrence (Kansas), 1997 →.

3.4. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский)

3.4.1. Диалектное членение. Речевое пространство сербско-хорватского языка располагается в бывших республиках Югославии, а ныне в самостоятельных государствах – в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине и в Хорватии. Некоторое продолжение оно имеет также в соседних странах, в том числе в виде небольших анклавов или островов. На северо-западе сербско-хорватская речь соприкасается со словенским языком, на севере с венгерским, на северо-востоке с румынским, на юго-востоке с болгарским, на юге с македонским и албанским.

Диалектная картина рассматриваемого ареала достаточно пестрая, что объясняется как ландшафтными условиями, так и многократно менявшимися политико-административными границами и многочисленными миграциями населения, особенно в период турецкой оккупации, из-за чего первоначальная диалектная структура была в известной степени нарушена. Традиционно выделялись три основных наречия, названные по обозначению в них вопросительно-относительного местоимения *что*, – 1) **штокавское** (серб.-хорв. *што* / *što*) – самое распространенное, охватывающее Сербию (без южной и юго-восточной части), Черногорию, Боснию и Герцеговину, часть Хорватии; его образуют шумадийско-воеводинский, смедеревско-вршацкий диалект, косовско-ресавский диалект, восточногерцеговинский и др.; 2) **чакавское** (хорв.-серб. *ча*), занимающее Адриатическое побережье и острова, а на материке также районы Лики и р. Купы; 3) **кайкавское** (хорв.-серб. *кај*), располагающее-

ся на северо-западе Хорватии и в районе Горского Котара, ближе к границе со Словенией, образуя кайкавско-словенский переходный пояс; включает целый ряд диалектов и говоров; 4) **торлакское (торлацкое) наречие** с рядом говоров в юго-восточной части Сербии, образующее переходные, или смешанные, сербско-македонские и сербско-болгарские пояса. В этой связи данное наречие вобрало в себя ряд признаков балканского языкового союза, среди которых утрата падежей, формирование постпозитивного члена и др.

В качестве критериев диалектного деления берутся обычно фонетико-морфологические признаки, дополняемые лексическими и др., ср., например, рефлексy редуцированных [ь] и [ъ]: шток. [a] – *dan* ‘день’, чак. [a] – *dan*, кайк. [e] – *den* (праслав. **dьnъ* и др. Учитываются также рефлексy праслав. **ѣ*: [e] – экавские говоры (*telo* ‘тело’), [ʃ↑e], [ij↑e] – (и)екавские (*tijelo* – на месте древнего долгого **ě*, *djed* ‘дед’ – на месте древнего краткого **ě*), [i] – икавские (*tilo*). Экавские говоры занимают восточную часть штокавского речевого массива (Сербия), (и)екавские – южную (большая часть Боснии и Герцеговины, Сербия, Черногория, часть Хорватии), икавские – западную. Если в штокавском и чакавском отмечаются все три реализации древнего **ě*, то в кайкавском по преимуществу экавский рефлекс. Следует только иметь в виду, что это лишь общая схема: в действительности из-за постоянных миграций наблюдается смешение и переплетение этих говоров.

В рамках языкового пространства, традиционно называемого сербско-хорватским, проживают несколько близкородственных народов – сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы-мусульмане, при этом все они, кроме хорватов, пользуются штокавским наречием и сформированным на его основе литературным языком; хорваты же пользуются, кроме штокавского, также чакавским и кайкавским наречиями.

В основе литературного языка лежат новоштокавские герцеговинские говоры с (и)екавским рефлексом, к которому позднее прибавился и экавский рефлекс.

3.4.2. Некоторые особенности современного языка. До первой трети XIX в. развитие письменности и литературного языка у всех народов, говорящих на генетически однородном сербско-хорватском

языке, шло своими путями, хотя, правда, черногорцы находились в одном русле с сербским литературно-языковым процессом, а хорватам в некоторых отношениях ближе оказывались боснийцы.

В целом для всех форм существования литературного языка характерны следующие признаки:

- сохраняется несколько преобразованное старое музыкальное ударение, состоящее из четырех видов, – долгого восходящего (*р'ука*) и краткого восходящего (*вòда*), долгого нисходящего (*дàн* ‘день’) и краткого нисходящего (*здрa%в* ‘здоровый’);

- в дву- и многосложных словах ударение не может падать на последний слог;

- в дву- и многосложных словах произошел сдвиг ударения на один слог вперед, ср. рус. *ног'а* – серб.-хорв. *н'òга*, рус. *рук'а* – *р'ука* и под.;

- длинные гласные могут находиться в заударной позиции слова (как в чешском): Р. пад. мн. числа *но%в-и* / *но%в-ih* ‘новых’;

- слоговой [≥] (находящийся между согласными) не сохранился – перешел в гласный [u]: *ву к* / *v|k* ‘волк’ (праслав. **vьlkъ*), в то время как слоговой ["] сохранился – *врт* / *vrt* ‘сад, огород’;

- конечный -л / -l не в заимствованных словах вокализовался – перешел в -о: *сò* / *sò* ‘соль’ (в западной части непоследовательно);

- звонкие согласные, как в украинском, в конце слов не оглушаются: *мèд* / *mèd* ([-d]) ‘мед’;

- наличие сочетания согласных *цр-/cr-*: *cr%ота* ‘черта’;

- Р. п. мн. числа от всех трех родов существительных имеет единую флексию -ā: И. пад. ед. числа *дàн* ‘день’ – Р. пад. мн. числа *дàн-ā* ‘дней’ и под.;

- слияние форм Д., Т. и П. падежей во мн. числе в виде флексии -има / -ita: *јèлен-има* / *jèlen-ita* ‘оленьям, оленями, об оленях’, от существительных женского рода на

- а – -ама / -ата: *гòр-ама* / *gòr-ата* ‘горам, горами, о горах’;

- флексия 1 л. мн. числа глаголов настоящего времени -мо / -то: *гледа-мо* / *gleда-то* ‘мы смотрим’;

- имперфект находится в стадии утраты и др.

О других морфологических особенностях см. также ниже раздел «3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков».

Если говорить о различиях между формами существования литературного языка, то более или менее выразительные из них касаются сербского и хорватского, ранее называвшихся также соответственно восточным / экавским / белградским и западным / (и)екавским / загребским вариантами одного и того же литературного сербско-хорватского / хорватско-сербского языка (ныне такое обозначение и разделение оспаривается). Эти различия не препятствуют взаимопониманию и общению друг с другом носителей всех форм существования литературного языка. Приведем некоторые отличительные сербские и хорватские признаки литературного языка на уровне фонетических дивергенций:

Таблица № 15

<i>сербский</i>	<i>хорватский</i>
рефлекс * <i>ě</i> преимущественно экавский – см. выше	рефлекс * <i>ě</i> преимущественно (и)екавский – см. выше
[<i>h</i>] → [<i>v</i>]: <i>сув</i> ‘сухой’ (из <i>сух</i>)	[<i>h</i>] сохраняется: <i>суh</i>
[<i>št</i>]: <i>свештеник</i> ‘священник’	[<i>č</i>]: <i>svećenik</i>
[<i>f</i>]: <i>кафа</i> ‘кофе’	[<i>v</i>]: <i>kava</i>
[<i>h</i>]: <i>хемија</i> ‘химия’	[<i>k</i>]: <i>kemija</i>
[<i>v</i>]: <i>Вавилон</i>	[<i>b</i>]: <i>Babilon</i>
[<i>t</i>]: <i>бирографија</i>	[<i>c</i>]: <i>birokracija</i>
[<i>av/ev</i>]: <i>август, Европа</i>	[<i>au/eu</i>]: <i>august, Europa</i>
некоторые различия в типе акцентуации (ударения), например, при склонении местоимения 1 л. ед. ч. – см. «3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков»	

Лексические различия более заметны, однако, учитывая то, что эти единицы встречаются в текстах достаточно редко (а не подаются, образно выражаясь, списком – как в нижеприводимой таблице), они так же не препятствуют взаимообщению: серб. *хлеб* – хорв. *kruh*, *кашика* ‘ложка’ – *žlica*, *воз* ‘поезд’ – *vlak*, *недеља* ‘неделя, воскресенье’ – *tjedan*, *станица* ‘станция, вокзал’ – *kolodvor*, *наука* – *zn-anost* и под. Нередко интернационализму в сербском соответствует калька в хорватском – как свидетельство пуристических тенденций (ср. последние два примера).

Можно указать также на некоторые словообразовательные различия типа *ванишколски* – *izvanškolski* ‘внешкольный’, *саговорник* – *sugovornik* ‘собеседник’, *организовати* – *organizirati*, *информисати* – *informirati*, *читалац* – *čitatelj* ‘читатель’, *пацијенткиња* – *pacijentica* ‘пациентка’ и некоторые др. Дивергенционные процессы более активны в терминологии, поскольку эта лексическая подсистема создается и регулируется сознательным путем.

Грамматических различий очень мало: это случаи типа *посета* (жен. р.) – *posjet* (муж. р.) ‘посещение’, *читаћу* – *čitati ću* ‘буду читать’ (по существу, здесь орфографическое различие); на востоке предпочитают (и чаще используют) конструкцию *да* + форма настоящего времени, на западе активнее употребляют вместо этого инфинитив, ср.: *морам да пишем* – *moram pisati* ‘я должен писать’ при возможности в восточном также *морам писати*, т.е. обычно речь идет не о структурных различиях, а об употреблении и предпочтениях в выборе тех или иных форм.

Об особенностях боснийской формы существования литературного языка см. ниже в разделе «3.4.3. Формирование и развитие литературного языка».

3.4.3. Формирование и развитие литературного языка. История письменности и литературного языка (resp. литературных языков) Сербии и Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговины весьма сложна, поскольку развивалась то в некоторой взаимосвязи, то шла в различных направлениях. По этой причине периодизация литературно-языкового процесса имеет здесь как общие, так и отличные хронологические и содержательные рамки. Учитывая это, мы впервые предлагаем здесь синтезированную периодизацию, отдельные периоды которой то сближаются и, следовательно, рассматриваются как единая эпоха, то представляются отдельно – по крайней мере, с выделением двух основных направлений – истории сербского и истории хорватского литературных языков с приведением дополнительного материала по Боснии и Герцеговине, Дубровнику и Черногории.

1. Начальный (старославянский) период (IX–XI вв.) можно рассматривать совместно, так как речь здесь идет о принятии христианства, внедрении среди южнославянских народов созданной Кириллом и Мефодием славянской письменности и о распростра-

нении среди них старославянского как сакрального языка. Этот процесс относится к концу IX в., когда последователи славянских первоучителей были изгнаны из Моравии и обосновались в южнославянском регионе – сначала по берегу Адриатического моря, а позднее и в глубине Балканского полуострова. С самого начала для переводов и создания оригинальных текстов здесь применялась глаголица, позднее появилась кириллица, однако памятники письменности от этого периода не сохранились. В связи с расколом в середине XI в. христианской церкви на восточную и западную ветви формируются два религиозно-культурных мира – соответственно *Slavia Orthodoxa* ‘православная Славия’ и *Slavia Latina* ‘Римо-латинская Славия’, которые в культурно-религиозном смысле разделили близкородственные этносы.

II. Основные этапы развития сербского литературного языка до эпохи национального Возрождения. Кроме начального этапа (см. выше), здесь следует выделить:

- 1) средневековый (старосербский) период – с XII по XVII вв.;
- 2) предвозрожденческий период XVIII – начала XIX вв.;
- 3) возрожденческий (первая половина XIX в.) – см. ниже раздел «V. Возрожденческий период»;
- 4) период сербско-хорватского литературного языка (вторая половина XIX в. – 60–70-е гг. XX в.) – см. ниже раздел «VI. Период сербско-хорватского литературного языка»;
- 5) период сербского литературного языка (с 90-х гг. XX в. и далее)⁸ – см. ниже раздел «VII. От литературно-языкового моноцентризма к литературно-языковому полицентризму: период сербского, хорватского, боснийского литературных языков».

Следует иметь в виду, что нередко литературно-языковые процессы одного периода незаметно перетекают в другой период, т.е. могут отсутствовать четкие хронологические границы.

⁸ Настоящая периодизация в некоторой степени учитывает предложенные ранее классификации для XVIII в., см.: B. Unbegaun. Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes. Paris, 1935; Н. И. Толстой. Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в. (1). // Славянское и балканское языкознание. М., 1979. С. 154–197; (ч. 2). Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 269–328.

1) *Средневековый (старосербский) период* (с XII по XVII вв.) – время культивирования церковнославянского языка сербского извода, по-другому – сербско-славянского языка. С XII в. Сербия становится княжеством Рашка, а с начала следующего века – королевством, которое достигает могущества в середине XIV в. при Стефане Душане. С 1219 г. сербская церковь становится автокефальной (независимой). Успешно развивается письменность преимущественно на кириллице.

Начиная с XII в., в старославянских текстах все чаще появляются признаки, характерные для живого языка: слияние [y] (орф. *ы*) и [i] – *вы* → *ви*, переход [ѣ] в [е] – *мѣсо* → *месо* ‘мясо’ и др. Формируется *сербский извод церковнославянского языка*, отраженный в таких памятниках религиозной литературы XII в., как «Мирославово Евангелие» и «Вуканово / Волканово Евангелие», многочисленные грамоты, «Хиландарский типик», глаголические «Михановичевы отрывки» и «Гершковичевы отрывки» и др. В XIII в. появляются авторы сочинений – св. Савва, Стефан Первовенчанный, Доментиан, Феодосий; число памятников увеличивается: «Житие св. Саввы», «Житие св. Симеона [Стефана Немани]», написанное в двух очагах сербской культуры, – в Хиландарском монастыре на Афоне и в Жичском монастыре, «Псалтырь из Синая» и др. Выдающимся памятником XIV в. является свод законов царя Душана – «Душанов Законик» (1349), затем «Жития королей и епископов сербских» Даниила. Однако с конца XIV в. начинается турецкая оккупация, в 1389 г. сербы терпят поражение на Косовом Поле, развитие сербской культуры с этого времени ощутимо сдерживается.

Тем не менее в XV–XVI вв. и позднее, вплоть до XVIII в., появляются многочисленные памятники деловой письменности – официальные письма, указы и проч., которые в языковом плане ориентируются на *живую речь*, нередко диалектно окрашенную. Показательно, что народный и сербско-славянский (старосербский) язык используются даже турецкой администрацией в переписке и деловых документах, нередко исполненных арабской графикой. К этому времени относится и переводное сочинение «Александрида». Приблизительно в 1433 г. появляется ценнейший исторический памятник «Житие Стефана Лазаревича», написанный Константином

Философом (или Константином Костенчским). В конце XV в. в Цетинье (Черногория) стали печатать религиозные книги. Добавим также, что на протяжении ряда веков функционировало славянско-греческое двуязычие – параллельно славяно-латинскому на западе. Таким образом, до предвозрожденческого периода в сербских землях реализовывались две письменно-языковые формы – язык, приближенный к народному, и варьируемый по регионам церковнославянский сербского извода; эту ситуацию осложняли также социально ограниченные формы греческо-сербского и турецко-сербского двуязычия.

2) Предвозрожденческий период (XVIII – начало XIX вв.). В 1690 г., опасаясь турок, тысячи сербов по инициативе патриарха А. Црноевича переселились в границы тогдашней Австрии – в северные и северо-западные регионы Бачка, Срем, Банат, на основе чего сформировалась историческая область Воеводина. Для этого периода в письменности характерно своего рода четырехязычие – язык, приближенный к живому, все еще дает о себе знать церковнославянский сербского извода (сербско-славянский), затем наступает русско-славянский и, наконец, сменивший его славяно-сербский.

Сербско-славянский был характерен для «рачан» – монахов Рачанского монастыря, переписчиков и писателей Киприана и Ерофея Рачанинских (в 1727 г. Ерофей написал «Путьшаствiе къ граду Јѣрусалиму»). Перепиской религиозных текстов, переводами и стихотворством занимался и Гаврило Венцлович, причем если в литургических и канонических текстах он придерживался сербско-славянского языка, то в проповедях сближался с народным языком. За первые 40 лет XVIII в. в Сербии издано в основном на сербско-славянском языке 16 книг.

Неопределенность в письменности, давление турок, раздробленность сербских земель, опасения перед окатоличиванием в Австрийской империи и др. приводит сербскую церковную и светскую элиту к мысли опереться на православную Россию. В 30-е гг. XVIII в. церковь решает принять в качестве языка богослужения вместо сербско-славянского церковнославянский русского извода. Петр I направил в Сербию русских учителей и книги, которые и до того уже

имели распространение среди сербов. Среди книг грамматика Смолитского, словарь Ф. Прокоповича и др. В Карловцах была открыта русская школа. Вместе с этим здесь стал внедряться и русский литературный язык как в сравнительно «чистой» форме, так и в синтезе с народными и сербско-церковнославянскими элементами.

Русско-славянский («славено-российский») период, по Б. Унбегауну, охватывает 1740–1780 гг., в течение которого было издано 135 книг. Это «Стематография» Христофора Жефаровича (1741), «—писаніе града Іѣрусаліма» Симеона Симоновича (1748), «Краткое введенеі въ історію происхожденіа Славено-Сербскаго народа» Павла Юлинца (1765) и его переводы, различные евангелия, псалтыри, требники, октоихи, часословы, месяцесловы, так наз. «Србляк» – службы сербским святым, изданные в Римнике и переизданные в Венеции (1761, 1765), ряд переводов и перепечаток русских книг.

Выдающимся сербским писателем этого периода был Захарий / Захария Орфелин (1726–1785): «Калліграфія» (1759), «Горестный Плачь, славныа иногда Сербіи <...>» (1761), первая ода в сербской словесности «Ода на воспоминание о втором пришествии Христа» (1760), самое известное произведение, написанное языком, близким в русскому литературному, – двухтомное, на 800 страницах, «Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго» (Венеция, 1772), первое сербское периодическое издание «Славено-сербскій Магазинъ» (вышел только один номер в 1768 г.) и др. В ряде произведений З. Орфелин приближался к славяно-сербскому языку. Следует также отметить, что в XVIII в. у сербов по российской модели создается историографический слог, в развитии которого большую роль сыграли сочинения Саввы Владиславича («Книга Историографія», 1722), приближавшегося в своих писаниях к народному языку историка и писателя Милована Видковича («Исторія славено-сербскаго народа», 1735).

Условно говоря, с 1780 г. формируется **славяно-сербский письменный язык**, вобравший элементы разных языковых стихий, – церковнославянской обоих изводов, русской, или русско-славянской, и народной: Т. пад. ед. числа жен. рода *радост-ію*, *муж-ески*, *со-твори*ти, но *хотео* ‘хотел’, П. пад. ед. числа муж. рода *о град-* у и под.

Это языковое образование получило название «среднего пути». Он был даже официальным языком задунайской (австрийской) Сербии. С 1780 по 1800 гг. в Сербии издано 260 книг. Создается учебно-теологическая и житийная литература, продолжается развитие историографического слога, оформляются административно-юридические бумаги (даже указы императора Иосифа II), зарождается публицистический стиль (изданные в Вене первые газеты – «Сербская новина» за 1792 г. и «Славено-сербские вѣдомости» за 1792–1794 гг.), появляются учебники («Руководство къ славѣнстѣй грамматикѣ» А. Мразовича, 1794), стихотворные опыты, переводные комедии, нравоучительные и прочие тексты.

К концу XVIII в. относится деятельность Иоанна / Йована Раича (1726–1801), Досифея Обрадовича (1742–1811), Йована Мушкатировича, Эммануила Янковича, Григория Терлаича и др. В этот период возникает своего рода поляризация пишущих, которая отчетливее всего отразилась в языке Й. Раича и Д. Обрадовича: если первый в духе барокко смог совместить в своем творчестве по образцу теории «трех штилей» по крайней мере три языковые стихии – русско-церковнославянскую («Цвѣтникъ»), русско-славянскую, или русскую историографическую (знаменитая многотомная «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгарь, Хорватовъ, и Сербовъ изъ тмы забвенія изытая и во свѣтъ историческїи произведенная», 1794–1795) и народную («Катихисѣсъ малый», «Священная исторія» и др.), то второй открыто повернулся к светской этико-философской и дидактико-практической тематике преимущественно на основе народного языка: в двух частях «Животъ и приключенія Димитріа Обрадовича» (1783–1788), «Плѣсна о избавлѣнїю Сербїе» (1789) и др. Д. Обрадович по существу теоретически обосновал необходимость опираться на народный язык, хотя реализовать этот подход в полной мере ему не удалось (в структуре и в языке его текстов еще сильно ощущаются архаизмы, русизмы и проч.). Но на *народном языке*, хотя и сильно варьируемом по регионам, регулярно появляются деловые документы – завещания, долговые расписки и проч., которые составляют главным образом монахи, поучительные сборники заклинаний от болезней, о лекарственных растениях и под.

III. Основные этапы развития хорватского литературного языка до эпохи национального Возрождения.

Кроме начального этапа (см. выше), мы выделяем:

1) церковнославянско-хорватский период – с XII по XIV по начало XV вв.;

2) старохорватский с XV по XVII вв. с подпериодами – старохорватско-чакавским (с конца XV по XVII вв.), протестантским (с XVI до начала XVII вв.), старохорватско-кайкавским (XVI–XVII вв.);

3) предвозрожденческий период XVIII – начала XIX вв.;

4) возрожденческий (первая половина XIX в.) – см. ниже раздел «V. Возрожденческий период»;

5) период сербско-хорватского литературного языка (вторая половина XIX в. – 60–70-е гг. XX в.) – см. ниже раздел «VI. Период сербско-хорватского литературного языка»;

6) период хорватского литературного языка (с 90-х гг. XX в. и далее) – см. ниже раздел «VII. От литературно-языкового моноцентризма к литературно-языковому полицентризму: период сербского, хорватского, боснийского литературных языков»⁹.

1) *Церковнославянско-хорватский период* (с XII по XIV по начало XV вв.). Содержанием этого периода является дальнейшее функционирование старославянской письменности и языка, проникновением в них элементов живой речи и формирование хорватского извода церковнославянского языка. По-другому этот период можно также называть *церковнославянско-чакавским*. Если в X–XI вв. хорватское государство переживает расцвет, то вскоре после этого в Далмации (Приморье) закрепляется Венеция, а на севере в Посавье – Венгрия, результатом чего стало утверждение здесь католичества и латинского языка. Глаголица (и частично кириллица) употреблялась в религиозной, деловой и художественной сфере, хотя духовенство пыталось ее устранить в пользу латыни (Сплитский собор 925 г. и др.). Вообще глаголизм той поры являлся сино-

⁹ Мы даем здесь свою периодизацию, поскольку предложенная Д. Брозовичем страдает, помимо прочего, и тем, что не учитывает в должной мере южнославянский контекст, см. ее последнюю версию в изд.: Hrvatski jezik. Red. M. Lončarić. Opole, 1998. S. 8–10.

нимом церковнославянского языка. С XII–XIII вв. в глаголические тексты проникают чакавские элементы – таковы памятники: «Бащанская плита» (1100), «Бащанские отрывки» и «Венские отрывки» (XII в.), «Винодолский закон» (1288), межевая книга «Истрийский развод» (вероятно, XIII в.), задарский документ XIV в. «Порядок и закон», «Врбницкий статут» (XIV–XVI вв.), «Полицкий статут» (вероятно, XV в.).

С XIV в. с внедрением латиницы роль церковнославянского языка ослабевает и увеличивается доля чакавских народных элементов, в том числе и в религиозных текстах для народа: «Шибенинская молитва» и «Корчуланский лекционарий» – оба XIV в., «Задарский лекционарий» и «Лекционарий Бернардина Спличанина» – оба XV в. и др. В латинском списке известна «Летопись попа Дуклянина», протограф которой относят к XII в. В 1483 г. издается первая печатная книга «Миссал по закону римского двора». Важно подчеркнуть, что с XV в. на Адриатическом побережье распространяется влияние итальянского Ренессанса, отразившегося на всех сторонах жизни, в том числе и на языковой практике, в частности, активизацией писателей-латинистов и пишущих по-итальянски (нередко некоторые из них параллельно писали и на хорватско-чакавском).

2) *Старохорватский период* (с XV по XVII вв.) был подготовлен предшествующим периодом, поскольку литературно-письменная чакавщина попросту выросла из недр церковнославянского языка. На побережье с конца XV по XVII вв. формируется и функционирует *старохорватско-чакавский* очаг культуры, а XVI в. становится «золотым веком» чакавской литературы и литературного языка. Хорватская чакавщина развивается в трех кругах – в сплитском во главе с создателем поэтического эпоса «Юдита» Марко Маруличем (1450–1524), в хварском с Петаром Гекторовичем и Ганиблом Луичем, в задарском с автором первого хорватского романа «Горы» Петаром Зораничем. В 1532 г. Винко Прибоевич печатает по-итальянски труд «О происхождении и успехах славян». В 1595 г. Фауст Вранчич издал многоязычный словарь с параллелями в хорватско-чакавском, а в таком же многоязычном словаре 1649 г. Я. Микальи преобладают уже штокавские элементы. В 1604 г. Бар-

тол Кашич выпустил и первую хорватско-чакавскую («иллирскую») грамматику, которую он, однако, пытался расширить за счет штокавизмов. Штокавизация литературной чакавщины, которая шла также за счет штокавщины соседнего Дубровника, постепенно привела к ее угасанию в XVII в.

Протестантизм XVI в. распространялся также и в Хорватии, но в конечном счете он там не утвердился окончательно. *Протестантский период* продолжался недолго – с XVI и до начала XVII вв. Известна работа хорватских протестантов Степана Консула Истрианина и Антуна Далматина, распространявших под влиянием словенских протестантов (П. Трубар и др.) реформистские идеи среди южных славян, для чего они использовали не только латиницу, но также глаголицу и кириллицу. Их книги печатались в Урахе (Вюртемберг) и в Тюбингене: в 1560–1564 гг. глаголицей ими издано 13 книг, с 1555 по 1568 гг. латиницей 9 книг, с 1561 по 1563 гг. кириллицей 8 книг. В 1561–1568 гг. вместе с сотрудниками они перевели и издали в двух частях «Новый Завет», причем некоторые книги исполнены глаголицей, а одна – кириллицей. Кроме этого, они распространяли и другие издания – катехизис, книги ветхозаветных пророков, постиллы и под. В 1562 г. кириллицей они издали «Артикулы» на хорватско-чакавской языковой основе, опираясь на приморско-истрийские икавские и далматинские экавские говоры, а также используя элементы церковнославянского и словенского языков.

На формирование *старохорватско-кайкавского литературного языка* (XVI–XVII вв.) повлиял пришедший из Венгрии в XVI в. в северо-западную Хорватию в форме кальвинизма протестантизм, что отразилось также в использовании здесь латиницы венгерского типа. Правда, в рукописных текстах исследователи обнаруживают отдельные кайкавизмы уже в XII–XV вв. Первые кайкавские книги появляются в последней трети XVI в. в «Вараждинском культурно-языковом круге»: изданный Иваном Пергошичем юридический сборник «Dekretum» (1574), книги Антуна Вrameца (1538–1587) – проповеди «Posztilla» (1586), а несколько ранее – исторические хроники. «Загребский круг» проявлял себя больше лингвистически: в 1670 г. Юрай Хабделич (1609–1678), который был также писателем, издал кайкавско-латинский «Dictionar», в XVII в. Иваном Белостен-

цем составлен огромный по объему латинско-кайкавский и кайкавско-латинский словарь «*Gazophylacium*» и др. Среди кайкавцев, как и среди словенцев, были распространены сборники песен – «пес-марицы». В отличие от хорватско-чакавского очага культуры, в кайкавском активно шла работа по нормализации и кодификации грамматических норм, начавшаяся с 70-х гг. XVIII в.: это рукописная грамматика Ивана Витковича (1779), грамматики Игнаца Сент-Мартони (1783), Франца Корнига (1795). Как и в случае с чакавщиной, в кайкавском литературно-языковом процессе также наблюдалось стремление к языковому объединению на базе лексической и фонетико-грамматической штокавизации. Показательным в этом плане является «Озальский круг», где географически кайкавские говоры встречались с чакавскими и штокавскими. Крупнейшие его представители Петар Зринский (1621–1671) и Фран Крсто Франкопан (1643–1671), а также Анна Екатерина Зринская.

3) В *предвозрожденческий период* (XVIII – начало XIX вв.) литературно-языковая ситуация у хорватов, с одной стороны, упрощается, – еще в XVII в. угас чакавский литературный язык, а чакавцы побережья перешли на штокавщину; с другой стороны, сохраняется, хотя стоит уже на периферии культурно-языковой жизни, глаголическая традиция, развиваются литературные кайкавщина и штокавщина. На побережье по образцу московских книг францисканец Рафаил Левакович и священник из Сплита Матей Караман пытаются освежить исполненные глаголицей церковнославянские тексты русскими (точнее, западнорусскими) элементами.

Активно продолжается традиция кайкавской письменности и литературы: произведения духовного содержания А. Б. Крчелича («Житие блаженного Гразотти, загребского епископа», 1747), проповеди Ш. Загребеца, Ш. Фучека, составителя сборника «Цвет святителей, или Жизнь и подвиги святых» Х. Гашпаротти (1750–1761) и др., различные переводные тексты. В конце XVIII – начале XIX вв. известен кайкавский комедиограф Тито Брезовачки (1757–1805). Издаются многочисленные книги религиозной, научной и прочей тематики, учебники для школы, ежегодники-календари и др. Продолжается работа по собиранию лексического блага и нормализации кайкавской грамматики: это оставшиеся в рукописи словари

Павла Р. Витезовича (1652–1713) и Адама Патачича (1716–1784), изданный многоязычный словарь Франьо Сушника, доработанный Андрией Ямбрешичем (1742), появляются и кайкавские грамматики.

Штокавские импульсы из соседних Дубровника и из Боснии и на этой основе некоторый собственный опыт литературно-языкового строительства приводят к тому, что штокавский литературный язык начинает постепенно лидировать. В Далмации творчеством на штокавщине занимаются Андрия Качич-Миошич, Филип Грабовац и др. Возникшая в начале XVIII в. штокавская письменная практика в Славонии на посавском икавском говоре развивается в русле религиозно-поучительной, проповеднической и назидательной литературы (произведения И. Грличича, А. Бачича, Э. Павича и др.). Виднейшим автором был Матия А. Релькович, автор поэтической панорамы славонской жизни «Сатир, или Дикий человек» (1762), затем Антун Канижлич, И. Павишевич, В. Бошняк, А. Иваношич, И. Крмпотич и некоторые др. XVIII век подготовил базу для возрожденческого процесса южнославянских народов.

IV. О письменности и литературном языке в Боснии и в Дубровнике до периода национального Возрождения. Босния и Дубровницкая республика в течение длительного времени переживали в целом самостоятельное развитие, хотя и были связаны с соседями своей историей и культурой.

В Средневековье Боснию составляли три региона – Босна, Хум и Требинье. С XII–XIV вв. существовало Боснийское государство, которое подпадало то под Византию, то под Венгрию. Хум являлся одним из центров славянской письменности, которая развивалась на штокавской диалектной основе. Первые боснийские памятники относятся к XII в. (написанная кириллицей грамота бана Кулина 1189 г., «Хумская плита» XII в.). Кроме кириллицы и ее курсивной модификации, получившей название босанчицы, использовалась и глаголица. Здесь сформировалось еретическое течение богомilstва, которое нашло отражение в «Хваловом Евангелии» 1404 г., в таких предположительно боснийских текстах, как «Требник Груича», «Никольское Евангелие» конца XIV – начала XV вв. и др. После захвата Османской империей в XV в. Боснии и Герцеговины и образования Боснийского пашалыка произошла исламизация части

местного, в основном сербского, населения, в результате чего здесь стали сосуществовать православная, католическая и мусульманская культуры. В православных монастырях Требинья и Житомирлица, а затем и в францисканских монастырях переписывали книги, составляли хроники и летописи, занимались стихотворством. Литература францисканцев была направлена на утверждение католицизма, что связывало их с соседними хорватскими землями (церковно-поучительные тексты Матии Дивковича, П. Почиловича, И. Анчича и др. от XVII в., проповеди и др. церковные жанры С. Марковаца, Т. Бабица, Л. Шитовича, Ф. Ластрича от XVIII в.). Эта в целом однопостановочная литература опиралась на штокавские икавско-(и)екавские говоры и была в этом плане близка дубровницкой, а с XVII в. и в XVIII в. и далматинской штокавской. Со времени турецкой оккупации и до XIX в. в Боснии существовала также традиция письменности на турецком, а также на арабском и персидском языках. С середины XVII и до конца XIX вв. здесь развивается еще один вид письменности и литературы – «алхамиадо» (*alhamijado*), основанный на арабской графике и на (и)екавском, частично икавском говорах штакавского и щакавского типа (т.е. там, где вместо *што* ‘что’ – *шта* или *шћа*), но часто в смеси с турецкими и прочими элементами. Примером может служить рукопись любовной лирики конца XVI в. Мехмеда из Эрделя, записи народных песен XVIII–XIX вв. Как «алхамиадо»-писатели, так и францисканцы использовали лингвоним *босански језик* / *bosanski jezik*, однако больше в географическом или этногеографическом смысле.

Особняком стоит личность Юрая Крижанича (1617 /1618–1683), родом из Боснии, но жизнь которого связана с Хорватией: отправившись во второй половине XVII в. в Россию с целью уговорить царя взять под защиту всех славян, он оказался на каторге в Сибири, где создал ряд сочинений, одно из которых написано на искусственном всеславянском языке и условно исследователями названо «Политика».

Дубровницкая республика оказывалась в зависимости от Византии, затем Венеции и других стран, но фактически с XIII в. была независимой. Уже в XV в. здесь работали школы, сюда из Италии проникали идеи гуманизма, письменность и литературное творче-

ство развивались на латинском, итальянском и славянском штокавском. Из поэтов выдающееся место занимали последователь Петрарки Джоре Држич и автор любовных стихов Шишко Менчетич, затем Динко Раньина, Динко Златарич, комедиограф Марин Држич («Дундо Марое», 1550), знаменитый поэт и драматург Иван Гундулич (1589–1638), написавший поэму «Слезы блудного сына» (1622), пьесу «Дубравка» (1628), направленную против турецкой оккупации поэму «Осман» (1621–1638) и др., позднее драматург Юрай Палмотич и др. В 1601 г. Мавро Орбини издал на итальянском языке «Царство славян», переведенное в 1722 г. на русский язык. В языковом плане Дубровник способствовал распространению штокавского литературного языка в Далмации и шире.

V. Возрожденческий период (первая половина XIX в.) связан с национальным движением за Возрождение южнославянских народов, которое в целом проходило с конца XVIII – в первой половине XIX вв. В 1826 г. в Новом Саде появляется сербское национальное учреждение «Матица Сербская», а в 1842 г. – хорватское «Матица Хорватская» (первоначально «Матица Иллирская»). В это движение было вовлечено население, которое говорило на штокавских, чакавских и кайкавских говорах, при этом литературно-языковые процессы на востоке и на западе проходили во взаимосвязи и взаимовлиянии, хотя по содержанию в чем-то, разумеется, и различались. В целях получения целостной картины литературно-языковой ситуации этот этап следует рассматривать совместно или, по крайней мере, параллельно.

Будителем сербов стал собиратель фольклора, этнограф и лексикограф Вук Стефанович Караджич (1787–1864), который под влиянием словенского слависта В. / Е. Копитара повернул внимание сербов от славяно-сербского и других форм письменности к живому народному языку. В 1814 г. по образцу грамматики 1794 г. А. Мразовича он издал «Писменицу сербскаго їезика. По говору простога народа», в дальнейшем переработанную в «Сербскую грамматику» и включенную в его знаменитое собрание сербского лексического блага – первый в истории «Сербский словарь» («Српски рјечник», 1818).

Реформаторские идеи В. С. Караджича в области языка сводятся к следующему: а) в основе литературного языка должен лежать

живой народный язык, б) конкретно – наиболее широко распространенная штокавщина в ее восточно-герцеговинском (и)екавской разновидности, в) а в правописании должен быть воплощен фонетический принцип, сформулированный, как «пиши, как говоришь» («пиши као што говориш»). Для реализации этого принципа он реформировал сербскую азбуку, удалив из нее нефункциональные церковные знаки и предложив новые – *љ* [*l'*], *њ* [*n'*], *ћ* [*ć*], *ђ* [*d'ǝž'*], заменив *i* / *ī* латинической буквой йот – *j* (позднее была добавлена и буква *џ* [*d'ǝž*]). Так сформировалось, пожалуй, самое совершенное в Европе письмо. Реформы Вука встретили ожесточенное сопротивление особенно церкви во главе с митрополитом С. Стратимировичем и тех деятелей, которые не хотели отрываться от традиций старой письменности (М. Видакович, Йован Хаджич и др.). В качестве претензий указывалось на введение в славянское письмо йота как на попытку, якобы, предать православие и т.д.¹⁰ В этом жестком противостоянии Вук продолжал работать: в частности, в 1847 г. он издал свой перевод «Нового Завета», в котором практически воплотил свои же лингвистические идеи, поддержанные в середине века поэтом Бранко Радичевичем, языковедом Джуро Даничићем – его книгой «Борьба за сербский язык и правописание» (1847) и др. Лишь к середине века реформы Вука находят признание. В этом немалая заслуга сербской литературы периода романтизма: кроме Б. Радичевича, Йован Стерия Попович, Джуро Якшич, классик черногорско-сербской литературы Петар Петровић-Негош, Степан Митров-Любиша и др.

Реформы Вука нашли живой отклик в Хорватии и других землях. В Хорватии начинает развиваться Возрождение, названное иллирийским движением, во главе которого стал кайкавец Людевит Гай (1809–1872). Как и Вук, иллирийцы ратовали за объединение с другими южнославянскими народами. Но если Вук хотел объединить штокавцев, считая всех их сербами (а хорватами – только чакавцев, а также кайкавцев), то иллирийцы мечтали об общем «иллирийском» языке для хорватов, сербов, словенцев. В 1830 г. по

¹⁰ По этому поводу долгое время шла широкая дискуссия, превратившаяся, по сути, в азбучную войну, – см. об этом специальную монографию: М. Поповић. Јота. Београд, 1981, 151 с.

примеру Вука Л. Гай издает «Краткие основы хорватско-словенского правописания», предлагая реформу графики, в частности, введением по чешскому образцу букв с диакритикой. Постепенно умами овладевает идея литературного языка на штокавской основе. Уже в 1833 г. Игнат Брлич издает по-немецки «Граматику иллирийского языка» на штокавской основе. С 1936 г. Л. Гай переводит свою «Газету Хорватскую» и приложение к ней «Даницу» с кайкавского на штокавский. К движению примыкают Иван Деркос, Янко Драшкович, Димитрие Деметар, словенец Станко Враз, Иван Мажуранич и др., кроме того, Петар Прерадович, Август Шеноа.

В надвигающихся переменах в литературно-языковой ситуации противовесом стала *литературная кайкавица*, которая, казалось бы, должна была занять свое прочное место, тем более что как столица Хорватии Загреб, так и прилегающие регионы говорили по-кайкавски. Сторонники кайкавского литературного языка игнорировали тенденцию к переходу на штокавщину, продолжая творить и издавать литературу по-кайкавски до 70-х гг. XIX в. (Томаш Миклоушич, Игнац Кристьянович). В 1840 г. И. Кристьянович издал и последнюю кайкавскую грамматику (на немецком языке). Однако это уже не помогало, поскольку литературно-языковая ситуация стала развиваться другим путем.

VI. Период сербско-хорватского литературного языка (вторая половина XIX в. – 60–70-е гг. XX в.) можно было бы также называть *периодом «договорного языка»*, поскольку сближение двух литературных языков, базирующихся на одном лингвогенетическом материале, стало в известной мере регулироваться соглашениями. Первым стало «Литературное соглашение» («Književni dogovor»), подписанное в 1850 г. в Вене представителями обоих народов, а также словенцем Ф. Миклошичем, однако без представителей Боснии и Черногории и без учета языковой ситуации в них. По существу, была подтверждена реформа Вука, хотя официально дорога его реформам в Сербии была открыта лишь в 1868 г. Однако в Хорватии не было единства: Л. Гай продолжал мечтать об объединении южных славян, как и «Загребская филологическая школа» (Адольф Вебер Ткалчевич), «Риекская филологическая школа» (Фран Курелац) настаивала на архаизации литературного языка, далматинцы

во главе с Антуном Кузманичем придерживались икавской штокавщины и собственной орфографии (жур. «Zora Dalmatinska», 1844–1849). Если Вук терпимо относился к заимствованиям, то хорваты предпочитали пуризм, выступая более всего против германизмов. Благодаря позиции Югославянской Академии наук и искусств, ее секретаря Дж. Даничича и акад. Ватрослава Ягича, в Хорватии формируется школа «вуковцев», обновляется правописание (И. Броз), в 1899 г. появляется «Грамматика и стилистика хорватского или сербского литературного языка» Томо Маретича, а в 1901 г. двухтомный «Словарь хорватского или сербского языка» И. Броза и Ф. Ивековича, учитывающие языковой материал Вука.

В конце XIX – начале XX вв. наступает так наз. «модерна», т.е. современная литература с новыми формами выражения и большей индивидуальностью. К этому направлению принадлежали: Богдан Попович, Йован Скерлич, Йован Дучич (родом из Герцеговины), Милан Ракич, Владислав Петкович, Сима Пандурович, Борислав Станкович, Бранислав Нушич, родом из Боснии – Петар Кочич, Алекса Шантич, Светозар Джорович; представители «хорватской модерна»: Антун Густав Матош, Иво Войнович, Владимир Видрич, Драгутин Домьянич, Динко Шимунович, Милан Бегович, Владимир Назор и др. Между двумя мировыми войнами работают писатели Душан Василев, Бранимир Чосич, Август Цесарец, Антун Шимич, творчество других переходит во вторую половину XX в.: Велько Петрович, Десанка Максимович, Исидора Секулич, Августин Тин Уевич, Густав Крклец, Добриша Цесарич, затем Милош Црњанский, Нобелевский лауреат Иво Андрич, Мирослав Крлежа, Иван Горан Ковачич, Бранко Чопич, Меша Селимович, Добрица Чосич, Васко Попа, Ранко Маринкович, Вьекослав Калев и др.

Государственная раздробленность не способствует большему единству литературного языка, к тому же некоторые деятели настаивают на том, что экавское произношение нужно считать сербским, а (и)екавское – хорватским, хотя большая часть сербов пользовалась и (и)екавским произношением. В 1913 г. Й. Скерлич предложил компромисс: везде принимается экавское произношение, но в письменности используется латиница. Падение Австро-Венгрии, образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г.

– Югославии, привело к некоторому доминированию сербов и сербских признаков в сербско-хорватском языке, что вызвало протесты с хорватской стороны. Унификационные тенденции проявились и в попытках создания единого «сербско-хорватско-словенского» языка. Еще в 30-е гг. стали появляться публикации о различиях в двух нормах произношения, в марионеточной Независимой Державе Хорватской в 1940 г. появилась даже небольшая книжка «Различия между сербским и хорватским литературным языком» П. Губерины и К. Крстича, где эти различия были преувеличены, а затем выпущен проект правописания на морфолого-этимологическом принципе.

Показательно, что в Хорватии с самого начала XX в. литературно-языковая ситуация осложняется также за счет возрождения и развития двух региональных литературных языков – чакавского и кайкавского, но уже без связи со старыми письменными традициями. Поэтому имеет смысл эти два литературно-языковых процесса, которые особенно во второй половине XX в. и ныне переживают расцвет, определить как *новочакавский и новокайкавский подпериоды* в истории хорватского литературного языка.

В Боснии во второй половине XIX в. идея сербско-хорватского языка находит свое приложение, хотя в период австро-венгерской оккупации (последняя треть XIX в. – начало XX в.) внедряется лингвоним этногеографического содержания. В 1890 г. Фране Вулетич издает латиницей и позднее неоднократно переиздает «Граматику боснийского языка для средних школ», являвшейся по существу грамматикой сербско-хорватского языка. Таковы же были и последующие учебники. Вообще же лингвоним «боснийский язык» в 1907 г. был официально заменен лингвонимом «сербско-хорватский язык».

После Второй мировой войны, в новой Югославии, в условиях идеологии «братства и единства» югославянских народов, идея сближения вариантов литературного языка официально активно поддерживалась. В 1954 г. в Новом Саде проводится совещание, которое принимает «Заключения Новосадского соглашения» («Заключи Новосадског договора»), в соответствии с которыми литературный язык объявляется единым, но с двумя произношениями – экавским и (и)екавским, кириллица и латиница в употребле-

нии должны быть равноправны, детерминатив лингвонима должен быть двойным – *сербско-хорватский* и / или *хорватско-сербский*, планируется параллельное издание правописания (вышло в 1960 г.) и словаря, который так и не был завершен по причине отказа от сотрудничества со стороны «Матицы Хорватской». «Заключения» обходят стороной особенности языка в Боснии и Герцеговине и в Черногории. Начинаются длительные дискуссии о статусе двух разновидностей. Но в 1967 г. появляется «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», составители которой указывали на неравноправное положение хорватского варианта и требовали возвращения имени – «хорватский (литературный) язык». В 1974 г. этот лингвоним был закреплен в конституции СР Хорватии. С 1970 с. в Боснии как дополнение к понятию «сербско-хорватский язык» вводится лингвистическое понятие «боснийско-герцеговинская стандартно-языковая разновидность» («разновидность» – приблизительный эквивалент серб.-хорв. *израз* ‘выражение’). К концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. в связи с развалом Югославии и военными действиями 1992–1995 гг. «договорный язык» и его лингвоним *сербско-хорватский язык* в новообразованных государствах официально перестает употребляться.

VII. От литературно-языкового моноцентризма к литературно-языковому полицентризму: период сербского, хорватского, боснийского литературных языков (с 60–70-х / 90-х гг. XX в.).

В 90-е гг. XX в. в социолингвистическом плане официально, на государственном уровне, закрепляются три указанные литературные языка с соответствующими лингвонимами. Начиная с этого времени, издано бесчисленное количество статей, сборников и монографий по поводу распада «договорного языка» и утверждения самостоятельных литературных языков. Поскольку многие вопросы все еще находятся в стадии дискуссий и острой полемики, мы здесь кратко суммируем лишь некоторые положения.

Понятно, что дивергенционный процесс сопровождается сознательным усилением элементов и признаков различия, чтобы оправдать автономность. Кажется, лишь *сербский литературный язык* обходится, так сказать, «без резких движений», хотя и здесь заметно стремление ограничить использование латиницы, создать автоном-

ные нормативные основы, свидетельством чего является, например, «Грамматика сербского языка» Ж. Станойчича и Л. Поповича начала 90-х гг., «Словарь сербского языка» под ред. М. Николича (2007) и др. Некоторые сербисты считают, например, что сербский язык функционировал под «сербско-хорватским покрывалом», теряя при этом свою специфику и уступая позиции хорватскому, сузив свое пространство за счет экавщины и утраты (и)екавщины. Обновляется (хотя не всеми поддерживается) идея В. С. Караджича о том, что все штокавцы являются сербами, ставится вопрос о необходимости вернуть и сделать нормативной (и)екавщину и под.¹¹

Активнее ведется работа по автономизации *хорватского литературного языка*. Издаются так наз. «разликовни», т.е. различительные (дифференциальные), словари, составители которых стремятся показать, как «далек» хорватский лексический фонд от сербского, при этом в качестве «различительных» выступают многие тысячи сербских или «якобы сербских» локальных и окказиональных слов из средневековых памятников письменности, диалектные слова, масса забытых имен собственных и т.д. и т.п., т.е. неактуальные и никем не используемые лексемы. С 90-х гг. и до настоящего времени не утихает всплеск пуризма, основное острие которого направлено на вытеснение реальных и мифических сербизмов. В этом отношении повторяется ситуация 40-х гг. XX в. – времен так наз. Независимой Державы Хорватской, когда составлялись списки «неугодных сербизмов» и специальными указами изгонялись из употребления. Особенно интенсивно идет процесс терминологизации с целью составить такую терминосистему, которая разительно отличалась бы от сербской. В загребском журнале «Язык» (и в других периодических изданиях) объявляются даже конкурсы на лучшие искусственно созданные слова, которые бы заменили те, что одинаковы с сербскими, и т.д. Неугодными становятся даже русизмы (например, так в «Словаре излишних заимствований в хорватском языке» 1994 г. М. Шимундича). В нормативных грамматиках особо выделяются и подчеркиваются не только мелкие объективные раз-

¹¹ См., например: Слово о српском језику. Београд, 1998; Р. Маројевић. Рат за српски језик и правопис. Београд, 2001; П. Милосављевић. Увод у србистику. Београд, 2003 и др.

личия, но и оживляются архаичные формы, вводятся диалектные элементы из чакавских или кайкавских говоров и под. Дискутируется вопрос о возвращении так наз. «корневого правописания», т.е. основанного на морфологическом принципе¹².

Что касается *боснийского / бошняцкого литературного языка*, то его официализация с начала 90-х гг. XX в. прошла прежде всего по политическим и этносимволическим мотивам: новое государственное образование должно иметь собственный язык, в лингвониме которого была бы отражена этногеографическая составляющая [т.е. не *сербско-хорватский* (язык) – *боснийцы*, а *боснийский язык* – *боснийцы!*], в то время как сам литературный язык базируется на одной и той же штокавско-герцеговинской диалектной базе, а в структурном плане идентичен сербскому и хорватскому. Несмотря на декларацию о равноправности кириллицы и латиницы, последняя в употреблении явно преобладает.

«Боснизация» литературного языка проводится на базе трех источников – лексики из старой письменности, элементов из локальных говоров и хорватского стандарта. Ориентализация и одновременно архаизация словаря осуществляется выбором из старых текстов и из словаря А. Шкалича «Турцизмы в сербско-хорватском языке» (1966) турцизмов и арабо-персидских лексем культурно-религиозной и бытовой сферы типа *arkadaš* ‘товарищ, коллега’, *mejdan* ‘площадь’, *mekteb* ‘мусульманская основная школа’, *kas-ar* ‘мясник’, *bahsuz* ‘неудачник’ и под. С опорой на говоры, а также на старую письменность вводится этимологическое [h]: *lahak* ‘легкий’ – ср. серб.-хорв. *lak* ‘то же’, *mehak* ‘мягкий’ – *mek* ‘то же’. Хорватский стандарт как источник и как опора используется для того, чтобы как можно дальше отойти от сербского, ср. примеры отсылок из словаря А. Исаковича (1993): *jul(i)* – см. *srpanj* (хорв.), *studentkinja* – см. *studentica* (хорв.) ‘студентка’, *nezavisno* – см. *neovisno* (хорв.) ‘независимо’, *komponovati* – см. *komponirati* (преимущ. хорв.) ‘компоновать’, *komentarisati* – см. *komentirati* (преимущ. хорв.) ‘комментировать’ и под. Взята ориентация на (и)екавскую

¹² См., например: Deklaracija o hrvatskome jeziku s priložima i Deset teza. Zagreb, 1991; Taj hrvatski. Zagreb, 1992; Izjava o položaju hrvatskoga jezika. Zagreb, 2005; и т.д.

норму нынешнего хорватского стандарта: форма *kolino* ‘колено’ отсылается к форме *koljeno, rič* – к *riječ* ‘слово’ и под. Ср. также в грамматике: будущее время типа (*ja*) *ću pjevati* или *pjevat ću* ‘я буду петь’ – при полном совпадении с современным хорватским стандартом, но ср. серб. *ću pevati* или *pevaću / ћу певати* или *pevaћу* и т.д. Понятно, что подобным подходом сложно создать специфику языка и противопоставить его двум другим, генетически и структурно идентичным языкам-вариантам.

Несмотря на то что уже появился словарь А. Исаковича (1993), грамматика Дж. Яхича, С. Халиловича и И. Палича (2000), правописание С. Халиловича (1996), учебники для школы, все же остаются по крайней мере две важнейшие проблемы: а) как сделать так, чтобы предлагаемые в грамматике «боснизированные» единицы и формы стали функциональными, т.е. употреблялись бы в реальной языковой практике?; б) можно ли при столь высокой идентичности языковых единиц и форм надеяться на то, что носителям языка когда-то удастся избежать путаницы и тем самым преодолеть внутренний психологический барьер при выборе тех или иных единиц? Анализ современной печати Боснии показывает, что сделать это не так просто.

Наконец, с распадом «договорного языка» появилась почва для еще одного социолингвистического образования, претендующего на статус литературного языка: речь идет о так наз. **черногорском (литературном) языке**. Генетически речевой массив Черногории относится к новоштокавским (и)екавским говорам, на базе которых Вук реформировал литературный язык (с учетом аналогичных говоров Боснии и Герцеговины). Если в литературном языке Сербии стимулировалось экавское произношение, то в Черногории практикуется (и)екавское. Литературно-языковая идентичность этих регионов никогда не подвергалась сомнению. Вопрос о самостоятельности «черногорского языка» стал подниматься еще на рубеже 60–70-х гг. XX в., а в конце 70-х гг. на страницах белградской газ. «Политика» возникла даже полемика по этому поводу. Одним из аргументов было указание на несоответствие этнонима лингвониму – *черногорцы* говорят на *сербско-хорватском языке /сербском языке*, т.е. как бы на языке двух других народов. С развалом Югос-

лавии среди части черногорской интеллигенции, группирующейся вокруг недавно созданной «Матицы Черногорской», указанная идея получает некоторое распространение, появляются проекты правописания и грамматики. В частности, из местных говоров дополнительно к фонемному составу литературного языка предлагается включить еще три согласных звука – мягкие [š], [ž] и аффрикату [dʃz] – [3] (так же пишутся и буквы), союзные слова типа *đe* – литерат. *gdje* ‘где’, инфинитив *radit* – литер. *raditi* ‘работать’ и некоторые др. Из хорватского стандарта берутся такие элементы, с помощью которых можно было бы как-то дистанцироваться от сербског¹³. Хотя и провозглашается равноправность кириллицы и латиницы, в реальности доминирует последняя. В народе, однако, эта идея не находит поддержки: по переписи населения в 2003 г. 63,4% назвали своим родным языком сербский. Черногорский языковед Б. Остоич, имея в виду незначительные особенности локальной формы литературного языка, называет ее «черногорской стандартно-языковой разновидностью» – *црногорски стандарднојезички израз* (ср. «боснийско-герцеговинская стандартно-языковая разновидность»).

Таким образом, речь идет о так наз. полицентрической стандартизации, в целом направленной на поиски локально-этнической специфики, в том числе за счет сознательного отхода от общей основы, замыкания в себе и т.д. Из изложенного естественным образом возникает вопрос: остановится ли процесс дивергенции сербско-хорватского языка, сменившись когда-то конвергенцией? На этот вопрос поможет ответить только время...

* * *

На хорватской штокавско-чакавско-кайкавской диалектной основе сформировалось несколько литературных микроязыков, среди которых: региональные – в пределах Хорватии *чакавский*

¹³ См., например: V. Nikčević. Piši kao što zboriš. Glavna pravila crnogorskoga standardnoga jezika. Podgorica, 1993; *ibid.* Crnogorski jezik. T. I–II. Cetinje, 1993–1997; *ibid.* Pravopis crnogorskog jezika. Cetinje, 1997; *ibid.* Crnogorski jezik. // Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Отв. ред. А. Д. Дуличенко. (Slavica Tartuensia IV). Tartu, 1998. S. 116–127; *ibid.* Gramatika crnogorskog jezika. Podgorica, 2001.

(с XII–XIII вв.) и *кайкавский* (с XV в.) на соответствующих наречиях и островные – *чакавский градищанско-хорватский* (бургенландско-хорватский) в земле Бургенланд в Австрии (с XVI в.) и *штокавский молизско-славянский* в Италии (с XIX в.). Если региональные чакавский и кайкавский в XX в. и ныне переживают расцвет, то молизско-славянский функционирует с перерывами, демонстрируя весьма слабый литературно-языковой процесс. Есть некоторые попытки развития региональной письменности и литературного языка и в других регионах штокавского диалектного пространства. В Сербии, в исторической области Воеводина, с 90-х гг. XX в. среди католиков-буневцев начинает развиваться *буневский литературный микроязыков* (до указанного времени их насчитывалось в Югославии примерно 80 тыс. человек). Более подробно см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика:)), а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов. Тарту, 2003. С. 85–127 (градищанско-хорватский); с. 128–177 (молизско-славянский); т. II. 2004. С. 69–99 (чакавский); с. 100–142 (кайкавский).

3.4.4. Функциональный статус. В СФРЮ официально не было единого государственного языка, хотя реально эту функцию исполнял сербско-хорватский / хорватско-сербский язык, в том числе и на республиканском уровне в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине и Хорватии. С образованием в 90-е гг. XX в. самостоятельных государств этнически ориентированный лингвоним становится национальным символом для Хорватии: в 1990 г. хорватский провозглашен здесь официальным языком. Сложнее оказалась ситуация в наследнице СФРЮ Сербии: в 1990 г. в конституции республики официальным назван сербско-хорватский с преобладанием кириллицы, а в конституции 1992 г. недолговечной Союзной Республики Югославии, куда вошли Сербия и Черногория, было указано, что таким языком является сербский в экавском и (и)екавском произношении с преобладанием кириллицы. В конституции Черногории (1992) официальным языком до последнего времени оставался сербский; ныне таковым провозглашается так наз. черногорский. В Боснии и Герцеговине три служебных языка: боснийский, сербский и хорватский.

В СФРЮ изучением проблем сербско-хорватского языка занимались следующие учреждения: в Белграде это Институт сербско-хорватского языка, в Сараево и Загребе – Институты языка, в университетах – кафедры южнославянских языков. С 90-х гг. происходят следующие замены: в Белграде работает Институт сербского языка, в Сараево Институт языка, а в последнее время Институт боснийского языка, в Загребе – Институт хорватского языка и языкознания, в Подгорице начал работать Институт языка и литературы. С этих пор нет кафедр южнославянских языков – на их месте работают уже кафедры сербского, хорватского, в Сараевском университете – боснийского, хорватского и сербского языков (как единой структуры). Новейшие процессы в сербском и в хорватском отражены в коллективных монографиях «Српски језик» (1996) и «Hrvatski jezik» (1998).

Поскольку после гражданской войны 1992–1995 гг. на территории бывшей Югославии население в значительной мере подверглось принудительной миграции и эмиграции, не представляется возможным привести данные о числе говорящих на «наследниках» сербско-хорватского языка. Об этническом составе см. главу 2 «Славянские народы. Краткий обзор: 3. Сербь; 4. Черногорцы; 5. Боснийцы, боснийцы-мусульмане / босняки (и герцеговинцы); 6. Хорваты; 8. Югославы (югославяне)».

3.4.5. Образцы текстов:

Параллельный текст на сербском, хорватском и боснийском

<i>сербский</i>	<i>хорватский</i>	<i>боснийский</i>
<i>Разлике и сличности у српском и хрватском правопису. Правопис као скуп правила за исправно белажење речи неког језика одлучује шта, односно како ће се писати, па је стога важан у обликовању језичког идентитета одређене заједнице. У овом раду се пореде хрватски и</i>	<i>Razlike i sličnosti u hrvatskom i srpskom pravopisu. Pravopis kao skup pravila za ispravno bilježenje riječi nekog jezika odlučuje što, odnosno kako će se pisati, pa je stoga važan u oblikovanju jezičnog identiteta određene zajednice.</i>	<i>Razlike i sličnosti u hrvatskom i srpskom pravopisu. Pravopis kao skup pravila za ispravno bilježenje riječi nekog jezika odlučuje šta, odnosno kako će se pisati, pa je stoga važan u oblikovanju jezičkog identiteta određene zajednice.</i>

српски правопис, и то дво- јакo – у смислу правописне норме која вреди за поједи- ни од та два језичка стан- дарда, али и као норматив- ни приручници за њихове говорнике. Правописна норма највише се разликује при састављеном и раста- вљеном писању речи и гла- совним променама, нешто мање у писању великог по- четног слова, интерпунк- цију, правилима скраћива- ња, док су приручници, који су послужили као извор за анализу, концепцијски врло слични. Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/ Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen... Bd. 1. Hg. B. Tošović. Wien / Berlin, 2008. S. 543.	<i>U ovom se radu uspo- ređuju hrvatski i srpski pravopis i to dvojako – u smislu pravopisne norme koja vrijedi za pojedini od ta dva jezi- ka, ali i kao normativni priručnici za njihove govornike. Pravopisna norma najviše se razli- kuje pri sastavljenom i rastavljenom pisan- ju riječi i glasovnim promjenama, nešto manje pri pisanju ve- likog početnog slova, razgodaka, pravopi- snih znakova i kratica, dok su priručnici koji su poslužili kao izvor za analizu koncepcijski vrlo slični.</i> Там же, с. 526.	<i>U ovom se radu upo- ređuju hrvatski i srpski pravopis, i to dvojako: u smislu pravopisne norme koja vrijedi za pojedini od ta dva jezi- ka, ali i kao normativni priručnici za njihove govornike. Pravopisna norma najviše se razli- kuje pri sastavljenom i rastavljenom pisan- ju riječi i glasovnim promjenama, nešto manje pri pisanju ve- likog početnog slova, interpunkcije, pravopi- snih znakova i skraće- nica, dok su priručnici koji su poslužili kao izvor za analizu kon- ceptijski vrlo slični.</i>

Примечание: 1) трансформация в боснийский по нашей просьбе про-
изведена проф. С. Халиловичем (Сараево, 2010); 2) приведенный текст в
трех вариантах дает возможность составить представление о степени раз-
личия между ними.

3.4.6. Литература

• Грамматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Арбузова И. В., Дмитриев П. А., Сокаль Н. И. Сербохорватский язык.
Л., 1965; В. П. Гудков. Сербохорватский язык. Грамматический очерк, ли-
тературные тексты с комментариями и словарем. М., 1969; В. Н. Зенчук и
др. Учебник сербохорватского языка. М., 1986; Т.п. Попова. Сербско-хор-
ватский язык. М., 1986.

Соболев А. Н. Сербохорватский язык. // Основы балканского языкоз-
нания. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998. С. 114–155.

Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки). // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 139–198.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964; 2. изд. Т. I–II. Београд, 1970–1986.

Станојчић Ж., Поповић Љ. Граматика српског језика. 2. изд. Београд, 1992.

Српски језик. Red. naukowy M. Radovanović. Opole, 1996; то же: М. Радовановић и др. Српски језик на крају века. Београд, 1996.

Белић А. Историја српскохрватског језика. I–II. Београд, 1962.

Поповић И.. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955.

Barić E. i dr. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979; расшир. изд.: Barić E. i dr. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1990 (и переиздания).

Hrvatski jezik. Red. naukowy M. Lončarić. Opole, 1998.

Brozović D., Ivić P. Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.

Moguš M. Povijest hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1993; 2. изд., 1995.

Peco A. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1978 (и переиздания).

- Jahić Dž., Halilović S., Palić I. Gramatika bosanskog jezika. Zenica, 2000.

- Ostojić B. Istorija crnogorskog književnojezičkog izraza. Podgorica, 2002.

• **Словари:**

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.

Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. 1–6. Нови Сад, 1967–1976.

Srpskohrvatski jezik. Enciklopedijski leksikon. Red. A. Peco, Ž. Stanojčić. Beograd, 1972.

Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1991; 3. изд. Zagreb, 1997; *ibid.* Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 2003.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974; Етимолошки речник српског језика. Ур. И. Грицкат-Радловић. Св. 1→. Београд, 2003 →.

- **История литературы:** Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983; S. P. Novak. Povijest hrvatske književnosti. Od Bašćanske ploče do danas. Zagreb, 2003.

• **Периодика:** Наш језик, Београд, 1932 / 1933 →; Језик данас, Нови Сад, 1997 →; Књижевност и језик, Београд, 1954 →; Српски језик, Београд, 1996 →; Jezik, Zagreb, 1952 →.

3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков

Имя существительное

Таблица № 16

Мужской род

<i>падеж</i>	<i>словенский</i>	<i>сербский</i>	<i>хорватский</i>
	<i>móž</i> ‘муж’	<i>мӳж</i> ‘муж, мужчина’	<i>mûž</i> ‘муж, мужчина’
	<i>единственное число</i>		
И	<i>móž-</i>)	<i>мӳж-</i>)	<i>mûž-</i>)
Р	<i>mož-á</i>	<i>мӳж-а</i>	<i>mûž-а</i>
Д	<i>móž-и</i>	<i>мӳж-у</i>	<i>mûž-и</i>
В	= Р неодуш. = И	= Р неодуш. = И	= Р неодуш. = И
Т	<i>móž-ет</i>	<i>мӳж-ем</i>	<i>mûž-ет</i>
П	<i>móž-и</i>	<i>мӳж-у</i>	<i>mûž-и</i>
Зват.		<i>мӳж-у</i>	<i>mûž-и</i>
	<i>двойственное число</i>		
И - В	<i>mož-á</i>		
Д -Т	<i>mož-éta</i>		
	<i>множественное число</i>		
И	<i>mož-jé</i>	<i>мӳж-ев-и</i>	<i>műž-év-i</i>
Р	<i>mož-</i>)	<i>мӳж-év-ā</i>	<i>műž-év-ā</i>
Д	<i>mož-ét</i>	<i>мӳж-ев-има</i>	<i>műž-év-ima</i>
В	<i>mož-é</i>	<i>мӳж-ев-е</i>	<i>műž-év-e</i>
Т	<i>mož-mí</i>	<i>мӳж-ев-има</i>	<i>műž-év-ima</i>
П	<i>mož-éh</i>	<i>мӳж-ев-има</i>	<i>műž-év-ima</i>
Зват.		= И	= И

Таблица № 17

Женский род

<i>падеж</i>	<i>словенский</i>	<i>сербский</i>	<i>хорватский</i>
	<i>vôda</i> ‘вода’	<i>vòda</i> ‘вода’	<i>vòda</i> ‘вода’
	<i>единственное число</i>		
И	<i>vôd-a</i>	<i>vòd-a</i>	<i>vòd-a</i>
Р	<i>vod-é</i>	<i>vòd-ē</i>	<i>vòd-ē</i>
Д	<i>vôd-i</i>	<i>vòd-u</i>	<i>vòd-i</i>
В	<i>vod-ó</i>	<i>vo%òd-y</i>	<i>vo%òd-u</i>
Т	<i>vôd-ó</i>	<i>vòd-òm</i>	<i>vòd-òm</i>
П	<i>vôd-i</i>	<i>vòd-u</i>	<i>vòd-i</i>
Зват.		<i>vo%òd-o</i>	<i>vo%òd-o</i>
	<i>двойственное число</i>		
И - В	<i>vod-é</i>		
Д - Т	<i>vod-áma</i>		
	<i>множественное число</i>		
И	<i>vod-é</i>	<i>vo%òd-e</i>	<i>vo%òd-e</i>
Р	<i>vod-á</i>	<i>vòd-ā</i>	<i>vòd-ā</i>
Д	<i>vod-àm</i>	<i>vo%òd-ама</i>	<i>vo%òd-ама</i>
В	= И	= И	= И
Т	<i>vod-ámi</i>	<i>vo%òd-ама</i>	<i>vo%òd-ама</i>
П	<i>vod-àh</i>	<i>vo%òd-ама</i>	<i>vo%òd-ама</i>
Зват.		= И	= И

Прилагательные

Склонение определенных (полных) прилагательных

Таблица № 18

Мужской род

<i>падеж</i>	<i>словенский</i>	<i>сербский</i>	<i>хорватский</i>
ед. ч.	<i>nôvi</i> ‘новый’	<i>no%òvi</i> ↓ ‘новый’	<i>no%òvī</i> ‘новый’
	<i>единственное число</i>		
И	<i>nôv-i</i>	<i>no%òv-u</i>	<i>no%òv-ī</i>
Р	<i>nôv-ega</i>	<i>no%òv-òg</i>	<i>no%òv-òg, no%òv-òga</i>
Д	<i>nôv-etu</i>	<i>no%òv-òm</i>	<i>no%òv-òm, no%òv-òmi, no%òv-òme</i>

В	с неодуш. = И с одушев. = Р	с неодуш. = И с одушев. = Р	с неодуш. = И с одушев. = Р
Т	<i>pôv-it</i>	<i>no%ov-u↓м</i>	<i>no%ov-īm</i>
П	<i>pôv-et</i>	<i>no%ov-ōм</i>	<i>no%ov-ōт, no%ov-ōте, no%ov-ōти</i>
Зват.		(= И)	(= И)
двойственное число			
И - В	<i>pôv-a</i>		
Д - Т	<i>pôv-ima</i>		
множественное число			
И	<i>pôv-i</i>	<i>no%ov-u↓</i>	<i>no%ov-ī</i>
Р	<i>pôv-ih</i>	<i>no%ov-u↓х</i>	<i>no%ov-īh</i>
Д	<i>pôv-it</i>	<i>no%ov-u↓м</i>	<i>no%ov-īm, no%ov-ima</i>
В	<i>pôv-e</i>	<i>no%ov-ē</i>	<i>no%ov-ē</i>
Т	<i>pôv-imi</i>	<i>no%ov-u↓м</i>	<i>no%ov-īm, no%ov-ima</i>
П	<i>pôv-ih</i>	<i>no%ov-u↓м</i>	<i>no%ov-īm, no%ov-ima</i>
Зват.		(= И)	(= И)

Таблица № 19

Женский род

<i>падеж</i>	<i>словенский</i>	<i>сербский</i>	<i>хорватский</i>
единственное число			
	<i>pôva</i>	<i>no%ova↓</i>	<i>no%ova↓</i>
И	<i>pôv-a</i>	<i>no%ov-a↓</i>	<i>no%ov-a↓</i>
Р	<i>pôv-e</i>	<i>no%ov-ē</i>	<i>no%ov-ē</i>
Д	<i>pôv-i</i>	<i>no%ov-ōj</i>	<i>no%ov-ōj</i>
В	<i>pôv-o</i>	<i>no%ov-y↓</i>	<i>no%ov-ū</i>
Т	<i>pôv-o</i>	<i>no%ov-ōм</i>	<i>no%ov-ōт</i>
П	<i>pôv-i</i>	<i>no%ov-ōj</i>	<i>no%ov-ōj</i>
Зват.		(= И)	(= И)
двойственное число			
И - В	<i>pôv-i</i>		
Д -Т	<i>pôv-ima</i>		

	<i>множественное число</i>		
И	<i>nôv-e</i>	<i>но%ов-ē</i>	<i>но%ов-ē</i>
Р	<i>nôv-ih</i>	<i>но%ов-и↓х</i>	<i>но%ов-ih</i>
Д	<i>nôv-īm</i>	<i>но%ов-и↓м</i>	<i>но%ов-īm, но%ов-īma</i>
В	= И	= И	= И
Т	<i>nôv-imi</i>	<i>но%ов-и↓м</i>	<i>но%ов-īm, но%ов-īma</i>
П	<i>nôv-ih</i>	<i>но%ов-и↓м</i>	<i>но%ов-īm, но%ов-īma</i>
Зват.		(= И)	(= И)

Примечание: в звательном падеже взятое в круглые скобки обозначает, что в одних грамматиках этот падеж для прилагательных не выделяется, в других он формально отражается.

Таблица № 20

Местоимение Склонение личных местоимений 1-го лица

<i>падеж</i>	<i>словенский</i>		<i>сербский /</i>		<i>хорватский</i>	
	<i>обычн. и полн.</i>	<i>кратк.</i>	<i>обычн. и полн.</i>	<i>кратк.</i>	<i>обычн. и полн.</i>	<i>кратк.</i>
	<i>единственное число: я</i>					
И	<i>jàz</i>		<i>jâ</i>		<i>jâ</i>	
Р	<i>mên-e</i>	<i>te</i>	<i>mèn-e</i>	<i>me</i>	<i>te%on-e</i>	<i>te</i>
Д	<i>mên-i</i>	<i>ti</i>	<i>mèn-и</i>	<i>ми</i>	<i>te%on-i</i>	<i>ti</i>
В	<i>mên-e</i>	<i>te</i>	<i>mèn-e</i>	<i>me</i>	<i>te%on-e</i>	<i>te</i>
Т	<i>mên-ój, mán-o</i>		<i>мн-óm, мн-óме</i>		<i>тп-óm, тп-óте</i>	
П	<i>mên-i</i>		<i>mèn-и</i>		<i>te%on-i</i>	
	<i>двойственное число</i>					
И	<i>mídva</i> (м. р.) <i>médve</i> (ж. р.)					
Р	<i>ná-ju</i>	<i>paju</i>				
Д	<i>ná-ta</i>	<i>pa-ta</i>				

В	= Р					
Т	<i>ná-ma</i>					
П	<i>ná-ju</i>					
	<i>множественное число</i>					
И	<i>mî</i> (м. р.), <i>mé</i> (ж. р.)		<i>mi</i> ⊥		<i>mî</i>	
Р	<i>nà-s</i>	<i>na-s</i>	<i>nâ-c</i>	<i>na-c</i>	<i>nâ-s</i>	<i>na-s</i>
Д	<i>nà-m</i>	<i>na-m</i>	<i>na</i> ‰-ма	<i>na-m</i>	<i>na</i> ‰-ма	<i>na-m</i>
В	<i>nà-s</i>	<i>na-s</i>	<i>nâ-c</i>	<i>na-c</i>	<i>nâ-s</i>	<i>na-s</i>
Т	<i>nà-mî</i>		<i>na</i> -‰ма		<i>na</i> ‰-ма	
П	<i>nà-s</i>		<i>na</i> -‰ма		<i>na</i> ‰-ма	

Глагол

Таблица № 21

Настоящее время

лицо	болгар.	македон.	словен.	серб.	хорват.
	Е-спряжение: глагол писать				
	<i>пиша</i>	<i>пише</i>	<i>písati</i>	<i>пи×сати</i>	<i>písati</i>
	единственное число				
1 л.	<i>пиŭш-а</i>	<i>пиш-ам</i>	<i>pîš-e-m</i>	<i>пи⊥ш-ē-м</i>	<i>pîš-ē-m</i>
2 л.	<i>пиŭш-е-ш</i>	<i>пиш-е-ш</i>	<i>pîš-e-š</i>	<i>пи⊥ш-ē-ш</i>	<i>pîš-ē-š</i>
3 л.	<i>пиŭш-е-)</i>	<i>пиш-е-)</i>	<i>pîš-e-)</i>	<i>пи⊥ш-ē-)</i>	<i>pîš-ē-)</i>
	двойственное число				
1 л.			<i>pîš-e-va</i>		
2 л.			<i>pîš-e-ta</i>		
3 л.			<i>pîš-e-ta</i>		
	множественное число				
1 л.	<i>пиŭш-е-м</i>	<i>пиш-е-ме</i>	<i>pîš-e-mo</i>	<i>пи⊥ш-ē-мо</i>	<i>pîš-ē-mo</i>
2 л.	<i>пиŭш-е-те</i>	<i>пиш-е-те</i>	<i>pîš-e-te</i>	<i>пи⊥ш-ē-те</i>	<i>pîš-ē-te</i>
3 л.	<i>пиŭш-ат</i>	<i>пиш-ат</i>	<i>pîš-e-jo</i>	<i>пи⊥ш-у#-)</i>	<i>pîš-u#-)</i>
	И-спряжение: глагол носить				
	<i>носи</i>	<i>носи</i>	<i>nositi</i>	<i>но̀сити</i>	<i>nošiti</i>

	единственное число				
1 л.	но ^Ѡ с-я	нос-ам	nós-i-m	но% _с -и#-м	но% _с -ī-m
2 л.	но ^Ѡ с-и-и	нос-и-и	nós-i-š	но% _с -и#-и	но% _с -ī-š
3 л.	но ^Ѡ с-и-)	нос-и-)	nós-i-)	но% _с -и#-)	но% _с -ī-)
	двойственное число				
1 л.			nós-i-va		
2 л.			nós-i-ta		
3 л.			nós-i-ta		
	множественное число				
1 л.	но ^Ѡ с-и-м	нос-и-ме	nós-i-mo	но% _с -и-мо	но% _с -ī-mo
2 л.	но ^Ѡ с-и-те	нос-и-те	nós-i-te	но% _с -и-те	но% _с -ī-te
3 л.	но ^Ѡ с-ят	нос-ам	nós-i-jo	но% _с -ē-)	но% _с -ē-)

Таблица № 22

Вспомогательный глагол *быть* в настоящем времени

лицо	болгар.	македон.	словен.	серб.	хорват.
	–	–	bíti	биѠти	biṽti
	НСВ /СВ	НСВ	НСВ / СВ	НСВ / СВ	НСВ / СВ
	единственное число				
1 л.	съм /бъ ^Ѡ да	сум	sèm / bot	(jè)сам / бy% _д дѐм	(jè)sam / bu% _д dēm
2 л.	си / бъ ^Ѡ деш	си	sì / boš	(jè)си / бy% _д дѐи	(jè)si / bu% _д dēš
3 л.	е / бъ ^Ѡ де	–	jè / bo	(jè)cm(e) / бy% _д дѐ	(jè)st(e) / bu% _д dē
	двойственное число				
1 л.			svà / bova		
2 л.			stà / bosta		
3 л.			stà / bosta		
	множественное число				
1 л.	сме / бъ ^Ѡ дем	сме	smò / bomo	(jè)смо / бy% _д дѐмо	(jè)smo / bu% _д dēmo
2 л.	сте / бъ ^Ѡ дете	сте	stè / boste	(jè)сте / бy% _д дѐме	(jè)ste / bu% _д dēte
3 л.	са / бъ ^Ѡ дат	–	sò / bodo	(jè)cy / бy% _д дy#	(jè)su / bu% _д dū

Примечание: в сербско-хорватском случае взятое в круглые скобки – фрагмент полной формы, т.е. *jèсам* и т.д., вне скобок – краткая форма, т.е. *сам* и т.д.; НСВ – несовершенный вид, СВ – совершенный.

Таблица № 23

Перфект
(глагол *дать*)

лицо	болгар.	макед.	словен.	серб. / хорв.
	<i>дам</i>	<i>даде</i>	<i>dáti</i>	<i>daḐmi / daḐti</i>
	единственное число			
1 л. 2 л. 3 л.	<i>съм</i> } <i>си</i> { дал, е } а, о	<i>сум</i> } <i>си</i> { дал, } -а, -о	<i>sem</i> } <i>si</i> { <i>dál</i> , <i>je</i> } -а, -о	<i>сам . ыфь</i> } <i>си . ыи</i> { да%о . <i>вф%ицб</i> <i>оу</i> } -ла . дфб -ло . -диц
	двойственное число			
1 л. 2 л. 3 л.			<i>sva</i> } <i>sta</i> { <i>dála</i> , <i>sta</i> } -i, -i	
	множественное число			
1 л. 2 л. 3 л.	<i>сме</i> } <i>сте</i> { дали <i>са</i> }	<i>сме</i> } <i>сте</i> { дале – }	<i>smo</i> } <i>ste</i> { <i>dáli</i> , <i>so</i> } -е, -а	<i>смо . ыиц</i> } <i>сте . ыеу</i> { да%ли <i>. вф%ицб</i> <i>су . ыг</i> } -е. -уб -а . -ф

Примечание: 1) в дв. числе в словенском, а во мн. числе в словенском и сербско-хорватском *L*-причастие дано сначала в муж., затем в жен. и ср. роде; 2) в сербско-хорватском основной глагол в форме страдательного причастия в муж. роде ед. числа имеет суффикс *-о*, происходящий из *-л*.

Будущее непосредственное время (аналитическое)
(глагол *молить*)

лицо	болгар.	макед.	словен.	серб. / хорв.
	<i>мóля</i>	<i>моли</i>	<i>móliti</i> ‘молиться’	<i>мòлити / móliti</i>
единственное число				
1 л.	〔моûля	〔молам	<i>bom</i> 〕	<i>ћу / ђи</i> 〕
2 л.	це 〕моûлиш 〔	ке 〕молиш	<i>boš</i> 〕 <i>mólil</i> ,	<i>ћеш / ђеš</i> 〕 <i>mòлити /</i>
3 л.	моûли	〔моли	<i>bo</i> 〕 <i>-la, -lo</i>	<i>ће / ђе</i> 〕 <i>mòliti</i>
двойственное число				
1 л.			<i>bova</i> 〕	
2 л.			<i>bosta</i> 〕 <i>mólila</i> ,	
3 л.			<i>bosta</i> 〕 <i>-i, -i</i>	
множественное число				
1 л.	〔моûлиме	〔молиме	<i>bomo</i> 〕	<i>ћемо ђемо</i> 〕
2 л.	це 〕моûлите	ке 〕молите	<i>boste</i> 〕 <i>mólili</i> ,	<i>ћеме / ђете</i> 〕 <i>mòлити /</i>
3 л.	моûлят	〔молат	<i>bodo</i> 〕 <i>-e, -a</i>	<i>ће / ђе</i> 〕 <i>mòliti</i>

Примечания: 1) Имеются в виду такие формы будущего времени, которые обозначают действие, наступающее непосредственно после момента речи.

2) В сербско-хорватском случае нужно иметь в виду следующее: а) грамматический компонент составляют спрягаемые формы модального глагола *хтети / hteti* ‘хотеть’ в усеченном виде: *хо-ћу / ho-ђи, хо-ћеш / ho-ђеš* и т.д., т.е. без сегмента *хо- / ho-*; б) в сербском данная форма будущего может быть в то же время и синтетической, если от основного глагола отделить показатель *-ти* и поставить на его место спрягаемые вспомогательные формы, т.е. *молићу, молићеш, молиће* и т.д.; в) отличие в хорватском состоит в том, что, помимо выше приведенной формы, идентичной сербской, есть возможность отсечь конечный *-и* и писать *molit ђи, molit ђеš, molit ђе* и т.д., однако произносятся такие написания так же, как и сербские синтетические *молићу* и под., т.е. *molíђи* и т.д. Таким образом, речь идет о различии в орфографии, но не в произношении.

3) Нетрудно заметить, что вспомогательные формы в болгарском и македонском не спрягаются, но спрягается основной глагол, в то время как

в словенском и сербско-хорватском спрягаются именно вспомогательные формы, соединяющиеся с причастием на *-l* (как в словенском) или с инфинитивом (как в сербско-хорватском).

Таблица № 25

Будущее относительное время (аналитическое)

лицо	болгар.	македон.	сербско-хорват.
<i>единственное число</i>			
1 л.	[сѣм / бѣда]	[сум]	будем
2 л.	ще { си / бѣдеш } дал, -а, -	ќе { си } дал, -а, -о	будеш { дао, -ла, -ло
3 л.	о е / бѣде]	[–]	буде]
<i>множественное число</i>			
1 л.	[сме / бѣдем]	[сме]	будемо
2 л.	ще { сте / бѣдете } дали	ќе { сте } дали	будете { дали, -е, -а
3 л.	[са / бѣдат]	[–]	буду]

Примечание: 1) под «будущим относительным» понимается будущее время, которое будет предшествовать другому действию в будущем; 2) в болгарском и сербско-хорватском эта форма времени называется предварительным будущим, в македонском – пересказывательным будущим.

4. Западнославянские языки

Согласно висло-одерской гипотезе, бóльшая часть западных славян проживает на автохтонной территории, т.е. в пределах Польши, частично на востоке Германии (Лужица), в Чехии и Словакии. Согласно дунайской гипотезе, напротив, указанные регионы были колонизованы в результате продвижения славян с юга на север и северо-запад. Несмотря на то что и южные, и северные славяне пережили весьма тревожную историю, все же она по-разному отразилась на их судьбе: если южнославянские этносы увеличивались в числе – уже в историческое время сформировались македонцы, боснийцы-мусульмане, а во второй половине XX в. на пути формирования к новой общности находились так наз. югославы / югославяне, то западнославянская общность теряла этносы: ассимиляции со стороны своих западных соседей немцев подверглись, в частности,

полабы и поморяне (последних полабов зафиксировали в первой половине XVIII в.). Уже к середине XX в. как результат многовековой германизации исчезли словинцы – небольшая ветвь кашубов в Западном Поморье. С конца IX в. вторгшиеся в Паннонскую низменность венгерские племена образовали неславянский клин, отрезав северных славян от южных. Ассимиляции подвергались и чехи со стороны немцев и австрийцев, а со стороны венгров – словаки.

Западная Славия, на севере граничащая с Балтийским морем, в основном соприкасается с неславянскими этносами и языками: на западе и юге примыкает к немецкой речи, на юге к венгерской, на северо-востоке к балтской (литовской) и лишь на востоке польская речь встречается с белорусской и украинской, а словацкая с украинской. Переходные пояса наблюдаются на польско-белорусском и словацко-украинском пограничье. Внутри самой Западной Славии отмечаются чешско-словацкая, польско-восточнословацкая, польско-чешская (в Силезии) смешанные зоны.

Западнославянская группа, с одной стороны, связывается рядом общих древнейших признаков, с другой, отличается некоторыми глубокими различиями. Так, если консервация праславянских элементов типа **kv* и **gv*, **tl* и **dl*, а также признаки перехода типа **tj / *kt' → [c]* их объединяют, то сохранение оппозиции гласных по долготе и краткости разъединяет словацкий с чешским от остальных языков. Имеются неодинаковые рефлексy и внутри самой группы, ср. праслав. **dj* в слове польск. *międza*, словац. *medza*, но чеш. *meze* ‘межа’, т.е. $[-d\uparrow z-] - [-d\uparrow z-] - [-z-]$, и т.п. Следует иметь в виду, что приводимые рефлексy праславянских элементов не носят абсолютного характера, т.е. на местах они могут нарушаться: например, некоторые словацкие говоры не сохраняют сочетание **dl*, но отражают здесь процесс упрощения, т.е. утраты взрывного, как в восточно- и южнославянских языках, – *šilo* ‘шило’ вместо ожидаемого *šidlo* и под. Такая ситуация отмечается и в двух других группах славянских языков.

Характерные черты западнoславянских языков в сравнении с другими группами см. выше в разделе «1. Дивергентное развитие славянских языков» (табл. № 1 и 2) и «2.1. Восточнославянские языки».

В соответствии с этим вскоре после распада праславянского языка предполагают формирование западной зоны (часто говорят о западном диалекте праславянского языка), но, ввиду глубоких различий, нет уверенности в существовании единого западнославянского праязыка (ср. ситуацию с вопросом о южнославянском праязыке). По причине внутренних языковых различий западнославянская группа делится на две или на три подгруппы:

а) двучастное деление подразумевает лехитскую, или северную, подгруппу с польским, кашубским, серболужицкими, полабским языками и южную – со словацким и чешским;

б) трехчастное же деление разграничивает лехитскую подгруппу (польский, кашубский, полабский), серболужицкую (верхнелужицкий и нижнелужицкий) и южную, или чешско-словацкую.

Здесь мы представим очерки трех западнославянских языков – словацкого, чешского и польского; очерки серболужицких и кашубского языков см.: гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика). 2. Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки; 3. Кашубский микроязык», а также изд.: А. Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. II. Образцы текстов. Тарту, 2003. С. 254–308; т. II. Тарту, 2004. С. 282–317 (верхнелужицкий); с. 318–357 (нижнелужицкий).

Таблица № 26

4.0. Алфавиты западнославянских языков

<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>	<i>польский</i>
<i>Aa</i>	<i>Aa</i>	<i>Aa</i>
<i>ä</i> широкое [e]		<i>ą</i> носовое [o]
<i>Bb</i>	<i>Bb</i>	<i>Bb</i>
<i>Cc</i>	<i>Cc</i>	<i>Cc</i>
<i>Čč</i> [č]	<i>Čč</i> [č]	<i>Ćć</i> мягкое [čʰ]
		<i>Ch ch</i> [x]
		<i>Cz cz</i> тверд. [č]
<i>Dd</i>	<i>Dd</i>	<i>Dd</i>
<i>Ďď</i> мягкое [dʰ]	<i>Ďď</i> мягкое [dʰ]	
<i>Dz dz</i> [dʰz]		<i>Dz dz</i> [dʰz]
		<i>Dź dź</i> [dʰžʰ]
<i>Dž dž</i> [dʰž]		<i>Dż dż</i> [dʰž]

<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>	<i>польский</i>
<i>Ee</i>	<i>Ee</i>	<i>Ee</i>
	ě [e, je]	ę носовое [e]
<i>Ff</i>	<i>Ff</i>	<i>Ff</i>
<i>Gg</i>	<i>Gg</i>	<i>Gg</i>
<i>Hh</i> фрикат. [h]	<i>Hh</i> фрикат. [h]	<i>Hh</i> легкое [x]
<i>Ch ch</i> [x]	<i>Ch ch</i> [x]	
<i>Ii</i>	<i>Ii</i>	<i>Ii</i>
<i>Jj</i>	<i>Jj</i>	<i>Jj</i>
<i>Kk</i>	<i>Kk</i>	<i>Kk</i>
<i>Ll</i>	<i>Ll</i>	<i>Ll</i> мягкое [lʲ]
<i>Ľľ</i> тверд. долг.[l]		<i>Łł</i> губ.-губн.[ɯ]
<i>L' l'</i> мягкое [lʲ]		
<i>Mm</i>	<i>Mm</i>	<i>Mm</i>
<i>Nn</i>	<i>Nn</i>	<i>Nn</i>
<i>Ňň</i> мягкое [nʲ]	<i>Ňň</i> мягкое [nʲ]	<i>ń</i> мягкое [nʲ]
<i>Oo</i>	<i>Oo</i>	<i>Oo</i>
<i>ô</i> дифтонг [u↑o]		<i>Óó</i> [u]
<i>Pp</i>	<i>Pp</i>	<i>Pp</i>
<i>Qq</i>	<i>Qq</i>	
<i>Rr</i>	<i>Rr</i>	<i>Rr</i>
<i>Řř</i> долгое [r]	<i>Řř</i> [r↑ž, r↑š]	<i>Rz rz</i> [ž]
<i>Ss</i>	<i>Ss</i>	<i>Ss</i>
		<i>Śś</i> мягкое [sʲ]
<i>Šš</i>	<i>Šš</i>	<i>Sz sz</i> [š]
<i>Tt</i>	<i>Tt</i>	<i>Tt</i>
<i>Ťť</i> мягкое [tʲ]	<i>Ťť</i> мягкое [tʲ]	
<i>Uu</i>	<i>Uu</i>	
	<i>ů</i> долгое [u]	
<i>Vv</i>	<i>Vv</i>	
		<i>Uu</i>
<i>Ww</i>	<i>Ww</i>	<i>Ww</i> [v]
<i>Xx</i>	<i>Xx</i>	
<i>Yy</i> [i – y]	<i>Yy</i> [i]	<i>Yy</i> [y]
<i>Zz</i>	<i>Zz</i>	<i>Zz</i>
<i>Žž</i>	<i>Žž</i>	<i>Żż</i> [žʲ]
		<i>Żż</i> [ž]

Примечания: 1) в словацком алфавите знак долготы ´ используется для удлинения гласных *á, é, í, ó, ú, ý* и обозначения слогообразующих *í* и *ĺ*; графемы *q, w, x* употребляются только в заимствованных словах; 2) в чешском алфавите тот же знак долготы для удлинения соответствующих гласных; графемы *q, w, x* употребляются только в заимствованных словах.

1.1. Словацкий язык

4.1.1. Диалектное членение. Словацкий речевой массив окружен в основном славянской речью: на западе он переходит в чешскую, на севере граничит с польской, на востоке с украинской и лишь на юге его ограничивает венгерская и на юго-западе австрийско-немецкая речь.

Словацкий язык в диалектном отношении достаточно хорошо изучен и классифицирован. Географически весь массив на основе фонетических и морфологических особенностей подразделяется на зоны, определяющиеся как западное, среднее (центральное) и восточное наречия, каждое из которых, в свою очередь, дробится на основные и так наз. промежуточные говоры-ареалы (словац. *roamedzné areály*), в которых сохраняются изоглоссы, идущие из основных соседних ареалов. На западе встреча с чешскими говорами образует переходные ареалы, которые в чешской диалектологии называют восточноморавской, или моравско-словацкой зоной, а ее южное подразделение юго-востока р. Моравы называется словацким – *slovácká podskupina*. Итак: 1) **западнословацкое наречие** делится на два региона: юго-западнословацкий, включающий говоры загорский, трнавский и др., ряд промежуточных говоров; 2) **средне-словацкое наречие** так же делится на два региона: северо-западный, включающий основные говоры – нижеоравский, среднеоравский турчанский, липтовский и др., ряд промежуточных, и юго-восточный с говорами гонтским, новоградским, ипельским, гемерским и некоторыми промежуточными; 3) **восточнословацкое наречие** включает западный регион с говорами спишским, шаришским, абовским, промежуточные говоры и восточный регион, с земплинским, ужским и сотацким говорами.

Своими нормами словацкий литературный язык в целом ориентирован на среднее (центральное) наречие, хотя столица Слова-

кии Братислава находится в зоне западного наречия. Литературный язык вобрал в себя также элементы других наречий, особенно западнословацкого.

4.1.2. Некоторые особенности современного языка. Словацкий язык наиболее близок чешскому. В качестве его особенностей могут выступать следующие признаки:

- фонологический состав достаточно богат – 42 фонемы, из них 15 гласных и дифтонгов, 27 согласных, из которых по признаку твердости ~ мягкости коррелируют лишь четыре; плавные [l] и [r], находящиеся между согласными, являются слогообразующими;

- 5 гласных различаются по краткости и долготе: [e], [i], [a], [o], [u];

- употребление краткости и долготы гласных регулирует закон ритмического сокращения – два слога с долгими гласными не могут следовать друг за другом;

- наличествует специфический гласный [ä], более открытый, чем [e]: *päst* ‘кулак’;

- наличествуют дифтонги [*i*↑*a*], [*i*↑*e*], [*i*↑*u*], [*u*↑*o*] (орф. *ô*): *viac* ‘больше’, *s ženou* ‘с женой, женщиной’, *kôň* ‘конь’;

- ударение фиксированное на первом слоге слова;

- фрикативизация, т.е. переход взрывного [g] → [h]: *noha* ‘нога’;

- отсутствие чередования заднеязычных согласных перед гласным переднего ряда -e в формах типа: И. п. *ruk-a* – Д. п. *ruk-e*, ср. рус. *рука* – *руке*;

- флексия -*ovia* в И. п. мн. числа существительных: *druh-ovia* ‘друзья, приятели’;

- флексия -*m* для всех глаголов в 1 л. ед. числа настоящего времени: *nesie-m* ‘я несу’, *rozumie-m* ‘я понимаю’;

- наличие плюсквамперфекта: *bol som robil* ‘я работал (когда-то, до того)’, *bol si robil* ‘ты работал (когда-то, до того)’ и др.

О других морфологических особенностях см. также ниже раздел «4.4. Параллельные образцы склонения и спряжения западнославянских языков».

4.1.3. Формирование и развитие литературного языка. Литературный словацкий язык, по сравнению с другими западнославян-

скими языками, молод – тексты на нем и попытки его нормализации относятся по крайней мере к XVII – первой половине XVIII вв. Это, конечно, не значит, что данный язык до этого не находил никакого применения в письменности, но отражение словацкого языка на письме имело свою специфику, о чем говорят первые два периода предлагаемой здесь периодизации его истории:

- 1) период предыстоков литературного языка: великоморавская традиция и латынь (до XIV в.);
- 2) период чешского литературно-письменного языка и словакизированной «чештины» (конец XIV–XV вв. и далее);
- 3) предвозрожденческий период (XVII в. – до 80-х гг. XVIII в.);
- 4) возрожденческий период: от бернолаковщины к штуровщине (конец XVIII – первая половина XIX вв.);
- 5) постштуровский («матичный») период (60–70-е гг. XIX – начало XX в.);
- 6) период «чехословацкого языка» (20–30-е гг. XX в.);
- 7) новейший период с подпериодами социалистическим чехословацким и автономным словацким (вторая половина XX в. – начало XXI вв.).

1) Период предыстоков литературного языка: великоморавская традиция и латынь (до XIV в.). Вместе с принятием христианства на словацких землях появляется латинский язык, который выполнял не только сакральную функцию, но и был административно-правовым языком. Многие предки словаков писали на латинском, в сохранившихся текстах попадаются глоссы – переводы на словацкий некоторых слов, а также собственные и нарицательные слова. Латынь использовалась практически до периода национального Возрождения, сузив к тому времени сферу своего функционирования до церкви и науки. Получает распространение и немецкий язык. К XI в. словацкие земли уже были в составе Венгерского королевства, что повлияло на распространение среди словаков также и венгерского языка. Моравская миссия IX в. братьев Кирилла и Мефодия преследовала не только религиозные, но и просветительские цели. Предки словаков были в числе первых славян, которые на практике использовали славянскую письменность, однако памятников от этого периода не сохранилось. Правда, есть предположения о

том, что, например, памятник письменности XI в. «Пражские глаголические отрывки», отражающий восточный обряд, написан, вероятно, в словацком Вышеграде южнее Остригома (см., однако, ниже богемистическую интерпретацию памятника: «4.3. Чешский язык»).

2) Период чешского литературно-письменного языка и словакизированной «чештины» (конец XIV–XV вв. и далее). Наряду с латынью с конца XIV и особенно в XV в. в словацких землях стал распространяться чешский литературно-письменный язык, поскольку словаки жили в непосредственном соседстве с чехами, к тому же к указанному времени они еще не имели ни единого культурного центра, ни собственного литературного языка. Кроме того, чешский, в отличие от латыни, был генетически самый близкий и понятный язык. В 1348 г. в Праге был открыт университет, в котором учились и словаки, возвращавшиеся после учебы в родные места. Чешскому влиянию способствовало и гуситское движение. Чешский язык стал использоваться в административной и юридической сферах, а также в некоторых религиозных делах и, таким образом, оказался в конкуренции с латынью. От XV в. до нас дошло более 200 писем и грамот, а первая сохранившаяся грамота датируется 1422 г. Наиболее известным памятником является «Жилинская городская книга», первые записи в которой стали вестись с 1451 г. и касались вопросов наследства, долгов, завещаний, залогов и проч. В памятник включен и перевод с немецкого «Права города Магдебурга» (1378). К первой половине XIV в. относится «Клементинская псалтырь», к концу этого же века – «Венский евангелиар», к 1480 г. принадлежит «Спишская молитва», а к XV в. – «Мюнхенская исповедальная формула» и др. Важнейшей особенностью всех этих документов является то, что в них вносились словакизмы фонетического и морфологического характера, а иногда некоторые тексты представляли собою чешско-словацкую языковую смесь: *tri* вместо ожидаемого в чешском тексте *tři* ‘три’, *sobe* вм. *sobě* ‘себе’, *naylepe* вм. *nejlepe* ‘лучше всего’, *gindze* вм. *gindy* ‘где-нибудь’ ([g] служит здесь для обозначения [j]) и др. Что касается графики, то для чешских текстов этого периода, помимо прочего, характерны составные (лигатурные) буквы: *cz* вместо *c* – *otecz* ‘отец’, *ss* вм. *š* – *sskoda* ‘жаль’, *zz* вм. *ž* – *muzzom* ‘мужем, мужчиной’ и т.д.

В середине XVI в. южная часть словацких земель была захвачена турками, а остальная оказалась под Габсбургами. Однако даже в это время серьезным фактором укрепления чешского языка стал привнесенный сюда в XVI в. чехами протестантизм. В 1581 г. в Бардеёве издан «Малый катехизис» М. Лютера. Показательно, что с этого времени в Словакию попадает «Кралицкая Библия» 1579–1593 гг., языковых норм которой начинают придерживаться и словацкие протестанты (евангелики). Потому чешский литературно-письменный язык стали называть также «библичтиной» – *bibličtina*. В протестантском узусе преобладала словакизированная «чештина». В словакистике считают, что с XVI в. на этой основе, а также на базе использования живого диалектного материала стали формироваться «культурные интердиалекты» регионального характера – сначала «западнословацкий культурный язык», затем среднесловацкий и, наконец, восточнословацкий.

3) В *предвозрожденческий период* (XVII в. – до 80-х гг. XVIII в.) появляется все больше свидетельств того, что родная речь имеет такую же духовную и культурную ценность, что и чешский язык. Активизируется книгопечатание – выпускаются молитвенники, катехизисы, сборники духовных песен, поучительная и пропагандистская литература, открываются школы, что способствует распространению грамотности. Появляются тексты Вавринца Бенедикта из Недожер, Даниэля Горчички, Яна Симонидеса, издаются сочинения Я. А. Коменского и др. Правда, одновременно со словакизацией этих текстов отмечается и тенденция следовать правилам литературной «библичтины», чему способствовал также приход после поражения чехов при Белой горе в 1620 г. значительного числа людей с запада. Кроме того, такая тенденция работала на идею единого чехословацкого народа и языка. В этом плане показательна деятельность словацкого протестанта Даниэля Крмана (1663–1740), написавшего в 1704 г. грамматику, а позднее и дополнения к ней (напечатаны не были). Описываемый язык он называет *lingua Slavica / Slavico-Bohemica* ‘словацко-чешский язык’, тут же приводит к латинскому тексту целые пассажи на этом языке, однако в ходе повествования он уже четко различает оба языка – «*Slowenčina a Česstina*» ‘словацкий язык и чешский язык’ и даже использует эт-

ноним «*Slouaci / Slouacii*» ‘словаки’. До подобных разграничений доходил и Матиаш Бел (1684–1749), а Павел Долежал (1700–1780), издавший в Братиславе в 1746 г. грамматическое сочинение «*Grammatica Slavico-Bohemica*», систематически разграничивал в нем чешские и словацкие языковые особенности, из-за чего некоторые исследователи считают эту грамматику первой словацкой кодификацией. Тем не менее в 1803 г. в братиславском евангелическом лицее была организована образовательная структура «языка и литературы чехословацкой», которой ведал Юрай (Йиржи) Палкович. Показательно также, что от идеи такого языка не могли отказаться писавшие по-чешски славист П. Й. Шафарик и создатель теории литературной взаимности славян Ян Коллар (оба словаки). Объединительное кредо последнего распространялось вообще на все славянство.

В то же время усиливалась ориентация на родной язык. Особенно активны в этом направлении были католики. Показательно, что Йозеф И. Байза (1755–1836) в 1783 г. даже написал первый словацкий роман на западнословацкой основе. Уже в середине XVIII в. в ряде случаев в текстах отражалась как словакизированная «чештина», так и особенности с преобладанием словацких черт, о чем свидетельствовал также и перевод «Нового Завета». Во второй половине XVIII в. в предисловии к рукописному латинско-словацкому словарю, приписываемому Ромуальду Гадвабному (1763), приводятся грамматические сведения с опорой на западнословацкое наречие.

В изданиях середины XVIII в. на востоке Словакии появляются тексты на земплинском и других говорах.

4) Возрожденческий период: от бернолаковищины к иштуровщине (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Ситуация середины XVIII в. подвела словаков к осознанию необходимости перехода на собственный литературный язык. Программу такого перехода и основы такого языка предложил в 1790 г. Антон Бернолак (1762–1813), издав книгу под названием «Славянская/ словацкая грамматика» («*Grammatica slavica*») а до этого диссертацию и трактат об орфографии (1787). По существу это была не только разработка, но и кодификация основ нового литературного языка на западнословацкой диалектной основе (с учетом некоторых среднесловацких черт). А. Бернолак предложил ориентироваться на фонетический

принцип письма, потому устранил из алфавита букву *y / ý*, заменив ее буквой *i / í* (*uctiwí* вм. *uctiwý* ‘уважительный’), оставив обозначение *[j]* буквой *g*, мягкость *[d]*, *[t]*, *[l]*, *[n]* обозначив апострофами – *d'*, *t'*, *l'*, *ñ* даже перед гласными переднего ряда *e* и *i*, и др. После смерти А. Бернолака издан его 6-томный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь», которому он пытался придать нормативную направленность. Организованное в 1789 г. в Трнаве «Товарищество литературного искусства» (по-другому – «Словацкое ученое товарищество») пропагандировало бернолаковщину, которая, однако, так и не была принята словацкими протестантами (Ю. Рибай и др.). Зато ее приняли просветители и писатели Ю. Фандли, Ян Голлый (1785–1849), Э. Беллаи и некоторые др.

Второй этап в развитии словацкого литературного языка был поддержан изданием словацкой народной поэзии, собранной Я. Колларом (1834, 1835), первыми опытами литературы на средне-словацкой основе, предпринятыми Само Халупкой (1834), Каролом Кузмати (1835), созданием в 1834 г. в Пеште католиками и протестантами «Общества любителей словацкого языка и литературы», издававшего журнал «Заря» (1835–1840). Реформатором общелитературного языка становится Людовит Штур (1815–1856), сначала сторонник «чешско-словацкого языка». В 1845 г. он стал издавать «Словацкую народную газету», а в 1846 г. появились две его небольшие книги – «Словацкое наречие, или необходимость письма на этом наречии» и «Наука словацкого языка» («*Nauka reči slovenskej*»), в которых он доказывал необходимость ориентации на среднесловацкое наречие (оно самое распространенное, принимается и понимается носителями других наречий и под.). В правописании он поддержал А. Бернолака в отношении ненужности буквы *y / ý*, дифтонги *[i↑a][i↑e]* обозначает в виде *ja, je*, традиционное *g* заменил на *j*, вместо *w* стал писать *v*, а для *[g]* предложил *g* и под.; в фонетике не различает *[l]* и *[l']*, но впервые стал обозначать долготы плавных между согласными, предложил ритмический закон сокращения долгот. В области словаря был против обилия германизмов, к богемизмам относился рационально: должно остаться то, что компенсирует лакуны в словацком, а то, что принимается, нужно фонетически адаптировать к словацкому.

Несмотря на противодействие протестантов, шутовщина проникает в общественную и культурную жизнь словаков. Именно к 40-м гг. XIX в. относится расцвет словацкой литературы: А. Сладкович, Я. Краль, Я. Матушка, Я. Калинчак, Й. М. Гурбан и др. В 1851 г. на совещании словацкой интеллигенции в Братиславе официально утверждается литературный язык с едиными нормами, которые были закреплены в новой кодификации «Краткая словацкая грамматика» (1852), написанной Мартином Гатталой (1821–1903). М. Гаттала вернул морфолого-этимологическое правописание, букву *y* / *ý*, традиционное написание дифтонгов и др. В этой работе большие заслуги принадлежат также М. М. Годже. Нужно сказать, что несмотря на очевидное лидирование шутовщины, ее сторонникам приходилось вести борьбу как с представителями «чешско-словацкой» идеи, так и с бернолаковщиной, просуществовавшей более полувека.

5) Постштуровский («матичный») период (60–70-е гг. XIX – начало XX в.) демонстрирует дальнейшее укрепление литературного языка на основе так наз. матичного узуса – узуса «Матицы Словацкой», ставшей центром словацкой культуры и в языковом плане опиравшейся на расширенную грамматику М. Гатталы 1864 г., а также на школьную грамматику Ф. Мраза того же года издания. При этом сложившиеся политические условия после 1867 г. и усилившаяся мадьяризация осложняли этот процесс и не давали решить до конца целый ряд нормативных вопросов. В 1890 г. Самуэль Цамбель издал основы словацкого правописания, в которой попытался модифицировать ряд установленных правил, а в 1902 г. вышла и его грамматика. В ряде случаев С. Цамбель шел по пути пуризма, пытался опираться как на живые диалектные формы (в силу чего иногда смешивал литературные и диалектные особенности), так и на язык, отраженный в творчестве писателей, – Светозара Гурбана-Ваянского, Гвездослава, Мартина Кукучина, Б. Тимравы, Янко Есенского и др.

6) Период «чехословацкого языка» (20–30-е гг. XX в.), его начало, падает на 1918 г., когда после развала Австро-Венгрии была создана Чехословацкая Республика. В 1919 г. создан университет в Братиславе. Появились возможности более широкого использования словацкого языка в различных сферах жизни. Однако этот процесс

замедляла официально поддерживаемая идея «чехословацкого языка» (ср. идею «чешско-словацкого языка» до середины XIX в.). Сторонником и теоретиком этой идеи был чешский языковед В. Важный. Стали появляться сравнительные чешско-словацкие словари и грамматики – ср., например, приложенную к словацко-чешскому словарю «грамматику чехословацкую» – «*mluvnica československá*» М. Калала (1924). В 1931 г. инициативой В. Важного было издано новое правописание: в узусе поддерживались формы, близкие к чешским, в лексическом плане преимущества обычно были за чешскими словами и словообразовательными моделями и т.д.: *lhat'* вм. *lyhat'* 'лгать', *svoboda* вм. *sloboda* 'свобода', *rokyta* вм. *rakyta* 'раки-та', *l'utovat'* вм. *banovat'* 'злиться', *kozel* вм. *cap* 'козел' и под. В подобном направлении формировалась и специальная терминология. В Братиславском университете преподавание шло на чешском языке.

Однако вскоре «Матица Словацкая», издаваемый ею журнал «Словацкая речь», некоторые языковеды (Л. Новак) стали работать в направлении сохранения специфики словацкого языка, настаивая, в частности, на использовании матичного узуса, оправдывая пуризм; они призывали к кодификации С. Цамбела, в лексическом плане отстаивали словацкие элементы, а в синтаксисе рекомендовали следовать текстам лучших писателей. В этом направлении создан первый терминологический словарь по анатомии.

7) Новейший период с подпериодами социалистическим чехословацким и автономным словацким (вторая половина XX в. – начало XXI вв.). После Второй мировой войны словацкий язык получает свое дальнейшее развитие в условиях новой Чехословакии: начинается **чехословацкий социалистический период**. Увеличивается число высших учебных заведений, создается Академия наук (в 1953 г.), продолжается старая и появляется новая периодика, посвященная языку. Социальные изменения приводят к изменениям в языке. Разрабатываются новые нормативные руководства, развивается стилистическая дифференциация языка. Идеология централизации в социалистической Чехословакии вновь возрождает идею единого «чехословацкого языка» в сторону «лингвистического прагоцентризма», т.е. приближения к чешскому языку. Особенно отчетливо это проявилось в области терминологии, которую старались

создавать в интеграционном аспекте, для чего при Академии наук была создана специальная терминологическая комиссия, издававшая «Чехословацкий терминологический журнал». В 6-томном академическом толковом словаре словацкого языка 1959–1968 гг. лексическая кодификация в определенной степени приближена к чешским нормам. Кроме того, в словарь вошло немало лексических советизмов из русского языка, поскольку новая идеология в Чехословакию шла из СССР. Развивается идея билингвизма, однако не в традиционном смысле, а в плане реализации в диалоге сразу двух языков – чешского и словацкого, т.е. это ситуация, когда каждый говорит на родном языке, достигая взаимопонимания.

В этой связи в 1967 г. появились «Тезисы о словацком языке», в которых акцент делался на отражение в литературных нормах прежде всего словацкой языковой специфики. В этом процессе большую роль играли также представители словацкой литературы.

С провозглашением в 1993 г. государственной самостоятельности Словакии начинается, условно говоря, *период автономного развития* словацкого языка, который характеризуется ускоренным процессом языкового развития. Это проявляется в отказе от идеи сближения с чешским, в попытках создать некоторую специфику, особенно лексико-терминологическую, за счет отталкивания от чешского, отказа от навешенной социализмом терминологии и заимствований, за счет дальнейшей дифференциации стилей и под. Для этих целей пересматриваются нормативные руководства периода социализма и создаются новые.

* * *

В истории словацкого языка выделяется литературно-языковой процесс, в рамках которого в XVIII в. была предпринята попытка создания *литературного языка на восточнословацкой диалектной основе*. Правда, сам процесс создания восточнословацкого регионального литературного языка прерывался, менялась ориентация на тот или иной говор (земплинский – спишский – шарышский), но, что важно, сама идея такого литературного языка в той или иной форме не забывается до сих пор. Более подробно см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвисти-

ка)», а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. II. Образцы текстов. Тарту, 2004. С. 196–226.

4.1.4. Функциональный статус. В своем функциональном развитии словацкий язык прошел достаточно сложный путь. Его функциональный статус конституционно был закреплен лишь со времени создания первой Чехословацкой Республики (1918–1939). В последующих государственных формациях второй половины XX в. он выполнял преимущественно роль официального языка республиканского масштаба, в то время как чешский использовался значительно шире, в том числе и в сношениях с зарубежными странами. С созданием в 1993 г. Словацкой Республики он стал государственным языком.

При Словацкой Академии наук и искусств работает Языковедческий институт (Jazykovedný ústav), исследующий проблемы словацкого языка и разрабатывающий его литературные нормы. Во всех университетах Словакии функционируют кафедры словацкого языка. Новейшие процессы в современном словацком языке отражены в монографии «Slovenský jazyk» (1998).

В 1991 г. в Словакии проживало 5,3 млн. человек, из которых примерно 4,5 млн. идентифицировало себя по языку словаками. Среди проживающих за пределами страны словаков ослабляется владение родным языком сведением его до семейного общения.

4.1.5. Образец текста:

Medzi historické hypotézy o pôvode slovenčiny patria názory, ktoré vznikli ešte v predpisovnom období. Charakterizuje ich nedostatok jazykových i mimojazykových dôkazov. Klasickým predstaviteľom takých hypotéz je tzv. centrická hypotéza. Jej východiskom bolo predsvedčenie, že slovenčina je zvyškom slovanského prajazyka,

К историческим гипотезам о происхождении словацкого языка относятся взгляды, которые возникли еще в предписменную эпоху. Их характеризует недостаточность языковых и внеязыковых доказательств. Классическим представителем таких гипотез является так наз. центральная гипотеза. Исходным ее пунктом было убеждение

ktorého nositeľa bývali na strednom Dunaji (podľa údajov staroruskej Nestorovej kroniky). Z tohto centra sa slovanské kmene rozišli do priestorov, v ktorých sa nachádzajú dnes. Podľa tejto predstavy slovenčina by bola akýmsi archaickým útvarom zachovaným v centre slovanských jazykov.

R. Krajčovič. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 1988. S. 9.

в том, что словацкий язык является остатком праславянского языка, носители которого обитали на среднем Дунае (по свидетельствам древнерусской хроники Нестора). Из этого центра славянские племена распространились по землям, в которых они сейчас находятся. В соответствии с этим представлением словенский язык оказывался бы неким архаичным образованием, сохранившимся в центре (распространения) славянских языков.

4.1.6. Литература

• Грамматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Балаж П., Чабала М., Даровец М. Учебник словацкого языка для славистов. Братислава, 1978; Й. Мистрик, Р. Тугушева Учебник словацкого языка. М., 1981.

Селищев А. М. Чехи и словаки // А. М. Селищев. Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки. М., 1941. С. 27–218.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I–II. Братислава, 1954–1960; 2-е изд. I т.: 1965: репринт. изд.: Москва, 2003.

Смирнов Л. Н. Словацкий язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 274–309.

Pauliny E., Ružička J., Štolc J. Slovenská gramatika. 5. vyd. Martin, 1968.

Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I–V. Bratislava, 1967–1973.

Štolc J. Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.

Atlas slovenského jazyka. I–IV. Bratislava, 1968–1984.

• Словари:

Slovník slovenského jazyka. T. I–VI. Bratislava, 1959–1968.

Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1987; 2. vyd. Bratislava, 1997.

Historický slovník slovenského jazyka. I →. Bratislava, 1991 → (издание продолжается).

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; 2. vyd. Praha, 1971.

Nečas J., Kopecký M. Slovensko-český a česko-slovenský slovník rozdílných výrazů. Praha, 1963.

• **История литературы:**

История словацкой литературы. М., 1970; M. Pišut Dejiny slovenskej literatúry. 3 vyd. Bratislava, 1984.

• **Периодика:** Slovenská reč, Bratislava, 1932 →; Slavica slovaca, Bratislava, 1966 →; Jazykovedný časopis, Bratislava, 1953 (1946–1947 → 1953: Jazykovedný zborník) →.

4.2. Чешский язык

4.2.1. Диалектное членение. Чешская речь звучит на территории собственно Чехии и в ее исторической области Моравии, гранича на севере и северо-востоке с польской, на востоке со словацкой. На западе и юге ее ограничивает немецкая (и немецко-австрийская) речь. Зоны соприкосновения с западнославянской речью отличаются смешанным характером – чешско-польским и чешско-словацким.

В основу классификации чешских говоров положены фонетические различия вокализма – наличие ~ отсутствие долгих гласных и дифтонгов, а внутри тех говоров, в которых имеются долгие гласные, – различия в их составе. В соответствии с этим чешский речевой массив делится на 5 групп: одну чешскую в узком смысле (или собственно чешскую), три моравских – среднеморавскую, восточноморавскую и силезскую, а также переходную чешско-польскую. Почти каждая из этих группировок подразделяется на говоры. Итак, представим классификацию чешских говоров: 1) **чешское наречие**, или **собственно чешская группировка**, более однородная, чем все другие группы: среднечешские говоры (Прага и окрестности); юго-западные говоры (запад и юг Чехии, а также частично запад Моравии); северо-восточные говоры (район г. Градец-Кралове и прилегающие регионы); юго-восточные (чешско-моравские) говоры (переходные от г. Часлав и Готеборж на юго-востоке); 2) **среднеморавское (ганацкое) наречие**, охватывающее среднюю (и северную) Моравию (Простеёв, Оломоуц, Брно): южные говоры (окрестности Будеёвиц и Знойма); средние (северные) говоры (Простеёв); западные говоры (Летовице, Великое Межречье, Бланско, Тишнов); восточные говоры (окрестности Костина, Липника); 3) **восточноморавское (моравско-словацкое) наречие** (от востока Моравии и до

границ Словакии): южные (словацкие / *slovácká*) говоры (так наз. *Slovácko*, т.е. Моравская Словакия, и юго-восток Моравии): северные (валашские) говоры; западные окраинные говоры; копаничаржские говоры (20 сел севернее и восточнее от Стражницы); 4) **силезское (ляшское) наречие** (в Силезии и на северо-востоке Моравии): южные (моравские) говоры; западные (опавские) говоры; восточные (остравские) говоры; 5) **говоры чешско-польского смешанного пограничья**.

Об основе литературного языка см. раздел 3. Ср. одно и то же предложение на литературном стандарте и на четырех наречиях:

а) на литературном языке: *Dej na vozík tu mouku ze mlýna* ‘Поддай на повозку муку с мельницы’;

б) собств. чешское: *Dej na vozejk tu mouku ze mlejna*;

в) среднеморавск.: *Dě na vozék tu móku (móko) ze mléna*;

г) силезское: *Daj na vozík tu muku ze mlina*;

д) восточноморавск.: *Daj na vozík tú múku ze mlina*.

4.2.2. Некоторые особенности современного языка. Поскольку литературный чешский язык (*spisovná čeština*) создавался в конце XVIII – в первой половине XIX вв. с ориентацией не на живые говоры, а на письменно-литературный язык XVI в., в основе которого в целом лежало среднечешское наречие (с примесью элементов из других говоров), то в результате сложилась сложная система форм существования и самого литературного языка. На основе собственно среднечешских говоров и частично других наречий выделяется общенациональный интердиалект – обиходно-разговорная форма *obecná čeština* как результат стирания специфических диалектных черт и утверждения общих признаков. При этом данной формой существования чешского языка владеют и носители литературного языка. Фактически это форма повседневного общения, которая влияет в направлении сближения и на разговорную разновидность (стиль) литературного языка (*hovorová čeština*). Подобные интердиалекты обычно формируются вокруг больших культурных центров, поэтому выделяют, например, среднеморавский интердиалект *obecná hanačtina* (Брно, Оломоуц), *obecná laština* (Острава, Опава). Ср. «дистанцию» между литературной нормой (1), формой *obecná čeština* (2) и среднечешскими говорами (3) в примерах:

(1) *Za starých časů nebyly odvody. To mladé chlapce chytali.*

(2) *Za starých časů nebyly (v)odvody. To mladý chlapce chytali.*

(3) *Za starejch časů nebyly vodvody. To mladý chlapce / chlapci chytali.*

Чешский язык наиболее близок словацкому. Из его особенностей можно назвать следующие:

- фонологический состав беднее словацкого – 43 фонем, из них 15 гласных и дифтонгов, 25 согласных, из которых по признаку твердости ~ мягкости коррелируют лишь три; плавные [l] и [r], находящиеся между согласными, являются слогообразующими;

- 5 гласных различаются по краткости и долготе: [e], [i], [a], [o], [u];

- наличествуют дифтонги [o↑u], [a↑u], [e↑u] (последние два в звукоподражательных и заимствованных словах): *trouba* ‘труба’, *autor* ‘автор’;

- фиксированное ударение – на первом слоге слова или тактовой группы;

- фрикативизация, т.е. переход взрывного [g] → [h]: *noha* ‘нога’;

- отсутствие оппозиции по твердости ~ мягкости для [l], т.е. наличие так наз. средневропейского плавного;

- наличие аффрикаты [ř]: *dvůr – na dvoře* ‘двор – на дворе’;

- конечное -a после мягких согласных перешло в -e: *duše* ‘душа’, *svíce* ‘свеча’;

- переход долгого [é] → [i] после мягких согласных: *hřšiti – hřích* ‘грешить – грех’;

- переход [u] → [i] после мягких согласных: *cizí* ‘чужой’ и др.

О морфологических особенностях см. также ниже раздел «4.4. Параллельные образцы склонения и спряжения западнославянских языков».

4.2.3. Формирование и развитие литературного языка.

В основу предлагаемой ниже периодизации чешского литературного языка кладутся изменения, возникавшие в письменности и литературном языке, а также социальные, политические и культурные события, влиявшие на ход таких изменений. Учитывая эти факторы и сознавая, что некоторые тенденции все же могут так или иначе

выходить за рамки одного промежутка времени, мы выделяем следующие периоды:

1) период предыстоков литературного языка: великоморавская традиция и латынь (до XIII в.);

2) период древнечешского литературно-письменного языка (XIII–XIV вв.);

3) период старочешского литературно-письменного языка (XV–XVI вв.);

4) предвозрожденческий период (XVII в. – до 80-х гг. XVIII в.);

5) новый, возрожденческий, период (конец XVIII – первая половина XIX вв.);

6) период утверждения нового литературного языка (вторая половина XIX – начало XX в.);

7) период «чехословацкого языка» (20–30-е гг. XX в.);

8) новейший период с подпериодами социалистическим чехословацким и автономным чешским (вторая половина XX в. – начало XXI вв.).

1) Период предыстоков литературного языка: великоморавская традиция и латынь (до XIII в.). Принятие христианства привело на чешские земли латынь, которая первоначально употреблялась в церкви, а затем стала укрепляться и в административно-деловой сфере. Таким образом, чехи писали по-латински, в отдельных местах текста они вставляли глоссы – переводы на чешский язык некоторых слов; кроме того, в таких текстах встречались и чешские собственные имена – антропонимы, топонимы, а также нарицательные слова (*brieza* ‘береза’, *kletce* ‘клетка’, *Chlmec*, *Spitigneus*, т.е. *Spytigněv*, и под.). Материал таких «богемик» обнаруживается в латинских легендах X–XI вв. о чешских святых Вацлаве и Людмиле (ок. X в.), в хронике XII в. летописца Козьмы Пражского (так наз. «Хроника Богемии», содержащая более 400 имен и названий), в толковом латинском словаре «*Mater verborum*» (300 глосс, часть которых, правда, подделал В. Ганка) и др. Кстати, центром латинской образованности в XII – начале XIV вв. был Святогеоргиевский монастырь в Праге, а в XIV в. – и Збраславский. С той или иной степенью интенсивности латынь использовалась в указанных сферах, а также в науке практически до периода национального Возрожде-

ния. Но в рассматриваемый период она была господствующей. Получает распространение среди чехов и немецкий язык.

Моравская миссия IX в. Кирилла и Мефодия преследовала как религиозные, так и просветительские цели. Часто предки чехов оказались в числе первых славян, использовавших славянскую письменность. Самым древним изводом старославянского языка считается чешско-моравский (чешско-словацкий). Свидетельством тому является памятник глаголической письменности, названный по месту нахождения «Киевские листки» (X в.). Он содержит мессу по католическому обряду, в тексте которой отражены отдельные черты западнославянско-чешского типа, например, *облѣцѣниѣ* вм. *облѣщание* / *облѣщание* (т.е. из сочетания **tj* не ожидаемое [št], а [c]). В «Пражских глаголических отрывках» XI в., содержащих вечерню по восточному обряду (предполагают также, что памятник мог быть написан и в Словакии), имеется больше западнославянских черт: **dl* вм. ст.-слав. [l] (*модлѣтѣ*оу вм. *молѣтѣ*оу), на месте **dj* – [z] вм. [žd] (*оутѣръзѣние* вм. *оутѣръжѣние*) и др. Под давлением латино-немецкого духовенства монахи Сазавского монастыря, культивировавшие славянскую письменность, покинули Моравию, поэтому данный извод не получил дальнейшего развития.

2) Период древнечешского литературно-письменного языка (XIII–XIV вв.) был подготовлен образцами функционировавшей латинской и старославянской письменности. Этот опыт стал толчком к более пристальному вниманию к родному языку, и уже с XIII в. появляются первые (хотя и короткие) тексты. Так, в грамоте начала XIII в. об основании Литомержского (Литомержицкого) собора имеется два чешских предложения – одно из них в современной орфографии выглядит так: *Pavel dal jest (v) Ploškouicich zemi* ‘Павел дал в Плошковицах землю’. Добавим также, что в этот период в языке проходят некоторые фонетические преобразования, пополнение словаря и изменения в синтаксисе. Однако в морфологии все еще отражаются: двойственное число, простые формы прошедшего времени аорист и имперфект и др.

Первые тексты связаны с литературной традицией: это записанные в XIII в. латинскими буквами духовные песни – «Островская песнь» (из Островского монастыря) и «Кунгутина песнь» из молит-

венника дочери короля Пршемысла II Кунгуты. К этому же столетию относятся и другие тексты: «Hospodine, pomiluj nu» ‘Господи, помилуй нас’, «Св. Вацлав», а также «Виттембергская/Виттенбергская псалтырь» и, кроме того, «Гомилиар опатовицкий» («Проповеди опатовицкие») XIII в. В жанровом отношении это духовная поэзия, в том числе переводная («Александрида»), сочинения по теологии и истории, например, так наз. «Далимилова хроника» (ок. 1314 г.). Наибольшей известностью пользовалась проза и философские сочинения Томаша Штитного (ок. 1333 – между 1401 и 1409 гг.), зачинателя чешской философской терминологии. Появляются рифмованные латинские словари с чешскими соответствиями Кларета. В языковом плане эти тексты ориентированы на среднечешский диалект, другие диалектные особенности проявляли себя весьма слабо. В 1348 г. инициативой Карла IV в Праге открывается первый в Центральной Европе университет.

3) Период старочешского литературно-письменного языка (XV–XVI вв.) знаменателен тем, что в начале XV в. начинается гуситское движение и крестовые походы против него «Священной Римской империи», в XVI в. происходит раскол католической церкви и появление протестантизма.

Ян Гус (1371–1415) пытается остановить германизацию чехов, выступает и пишет на живом языке. Он проводит реформу чешской орфографии («De Orthographia bohémica»): латинские буквы, неудобные для отражения чешских звуков путем соединения (лигатур) типа *sz* для [š], *cz* для [č], *rz* для [ř] и др., он предложил заменить соответствующими буквами с точкой над ними – *s* , *c* , *r* ; на этой основе позднее возникла диакритическая графика типа š, č и под., принятая в ряде славянских, балтских и др. языков. Чешский язык постепенно расширяет свои функции, он даже проникает в богослужение, тем самым ограничивая сферу латыни, а с конца XIV–XV вв. становится литературным языком для словаков и используется ими в разных сферах вплоть до периода словацкого национального Возрождения (см. об этом: «4.1. Словацкий язык»). Кроме того, он активно влияет на польскую письменность и формирующийся литературно-письменный язык. Чешский язык находит отражение в творчестве Петра Хельчицкого (ок. 1390 – ок. 1460), Цтибора То-

вачовского, в хрониках Вавржинца из Бржезовой, в описаниях путешествий Йиржика Геремита и др. Кстати, в XV в. появляется и первая печатная чешская книга «Статут Арношта» (1476), после которой до 1500 г. было издано еще более 30 книг.

В эпоху гуманизма определились два направления во взгляде на дальнейшую судьбу литературного языка – «латинское» и народное: согласно одному, образцом для его развития должна была служить классическая латынь (Богуслав Гасиштейнский), согласно другому – необходимо обогащать и совершенствовать родной язык. На последней позиции стояло объединение «Чешские братья», которое занималось просветительской деятельностью: в 1579–1593 гг. его представители издали полный перевод «Священного Писания» – так наз. «Кралицкую Библию», явившуюся образцом литературного языка того времени. Это была своего рода текстовая кодификация норм чешского литературного языка. Из идей «Чешских братьев» вышли Ян Благослав (1523–1571), Ян А. Коменский (1592–1670) и др.

С этого времени усиливается разработка вопросов литературного языка, выразившаяся в основном в появлении латинских словарей, но с чешскими пояснениями: это словари Яна Воднянского, Яна Вopatовина, Павла Ворличного, Томаша Р. Градецкого, Даниэля Адама из Велеславина, Зикмунда Грубого, Матоуша Бенешовского и др. – все из XVI в. В этом же столетии появляются и первые чешские грамматики. Это коллективная и вообще первая славянская грамматика «*Grammatyka česka*» 1533 г. Бенеша Оптата, Петра Гзеля и Вацлава Филоматеса (неоднократно переиздавалась), которая следовала правописанию Я. Гуса и в которой уже наметилась лингвистическая терминосистема (*právěpis* ‘правописание’, *slovočtena* ‘грамматика’ и под.). 1571 годом датируется рукописная грамматика Я. Благослава с замечаниями автора о благозвучии и преимуществах чешского языка. В 1577 г. по образцу латинской грамматики Доната М. Бенешовский публикует книгу «*Grammatica bohémica*» с попыткой представить языковые формы в виде парадигм (не удалось такие парадигмы выделить лишь у глагола). Таким образом, чешский литературно-письменный язык достигает высокого уровня развития, имея кодификацию и расширяя свой функциональный спектр.

4) Предвозрожденческий период (XVII в. – до 80-х гг. XVIII в.)

у чехов считается «темной эпохой», так как чешское восстание против Габсбургов потерпело поражение (при Белой горе в 1620 г.), результатом чего была 30-летняя война, потеря государственной самостоятельности, вытеснение чешского языка (кроме бытовой сферы), выдвигание немецкого в качестве административного языка и онемечивание верхушки. Как результат этого в XVII в. в письменности, которая стала весьма слабо развиваться, проявляются, тем не менее, пуристические тенденции с ориентацией на живые говоры. Более того, в противовес усилившемуся давлению на чешский язык продолжают появляться его словари и грамматики. Так, появляются дву- или трехязычные словари Ф. Кс. Кропфа (1753) и Й. К. Рона (1764–1768), в рукописи остался словарь В. Й. Розы. Еще в благоприятные времена, в 1603 г., появляется чешская грамматика словака Лаврентия из Нудожер, которая считается лучшим грамматическим сочинением до появления грамматики Й. Добровского. Я. А. Коменский ратовал за открытие школ, написал книгу «Двери языка» («*Janua linguarum*», 1631). В 1667 г. издана практическая книга Георгия Констанца, позднее названная «Брус языка чешского» (брус – брусок, точило, оселок). В 1672 г. Венцеслав Й. Роза напечатал грамматику под названием «Чехоречность» («*Čechořečnost*»), ставшую образцом для последующих грамматических руководств. Богуслав Бальбин выступил с защитой чешского языка. Все это создавало базу для национального Возрождения чехов.

5) Новый, возрожденческий, период (конец XVIII – первая половина XIX вв.) коренным образом изменил ситуацию с чешским языком. Начинается эпоха национального Возрождения, стержнем которой были язык и культура. Создаются различные научные и культурные общества, в 1830/1831 гг. организована «Матица Чешская», собирается и издается фольклор, памятники письменности и под. Старшее поколение чешских будителей возглавлял Йозеф Добровский (1753–1829), младшее – Йозеф Юнгманн (1773–1847). До Й. Добровского выделился Вацлав Дурих, задумавший энциклопедию славянских памятников (вышел один том). В 1784 г. Франц Й. Томса выпустил по-немецки небольшой учебник «чешско-немецкого и латинского языков», а годом позже Карл И. Там издал крат-

кий курс чешского языка, который получил бóльшую известность, чем учебник предыдущего автора. С 1788 по 1815 гг. К. И. Там издал более десятка двуязычных словарей, несколько подобных собраний принадлежит Ф. Й. Томсе. Сам Й. Добровский, ставший впоследствии основоположником славянской филологии, много сделал для пробуждения интереса соотечественников к родному языку, хотя и писал свои труды в основном по-немецки и по-латински. В 1802–1821 гг. он работал над большим немецко-чешским словарем, а в 1809 г. издал грамматику, в которой, опираясь на язык «Кралицкой Библии» и на тексты Даниэля Адама из Велеславина, провел нормализацию и кодификацию чешского литературного языка, которые были приняты последующими поколениями. Среди молодого поколения будителей были, кроме Й. Юнгманна, Вацлав Ганка, Франтишек Л. Челаковский, Франтишек Палацкий, словаки Ян Коллар и П. Й. Шафарик и др. В 1806 г. Й. Юнгманн выступил с публикацией «О языке чешском», в 1828 г. рассмотрел вопросы правописания, а в 1834–1839 гг. издал 5-томный «Чешско-немецкий словарь», который, по сути, можно считать и толковым. Это было не только собрание, но и своего рода кодификация лексического состава чешского литературного языка. Кодификации Й. Добровского и Й. Юнгманна определили развитие литературного языка на многие десятилетия вперед.

6) Период утверждения нового литературного языка (вторая половина XIX – начало XX в.) продолжают некоторые будители, а также писатели Божена Немцова, Й. Тыл, Ян Неруда, публицист К. Гавличек-Боровский и др., хотя и в непростых условиях: в 70-е гг. интеллигенция раскалывается на «старочехов» (отказывались от работы в австрийском парламенте) и «младочехов», которые продолжали настаивать на утверждении демократических свобод и т.д. Тем не менее постепенно проводится модернизация и даже пересмотр ряда литературных норм, освобождение от иноязычных, особенно немецкого, влияний, от некоторых старых форм и синтаксических явлений. Инициатива в этом принадлежала историку языка Яну Гебауэру (1838–1907), автору школьных учебников «Чешская грамматика» (1890; неоднократно переиздавалась), «Настольная грамматика чешского языка» (1900) и основ правописания (1902;

переиздавались в 1903 и 1913 гг.). В начале XX в. его сменил языковед Йозеф Зубатый (1855–1931), указывавший на недостатки языковой практики, высказывавшийся за консерватизм языковых норм и настаивавший на необходимости развивать стили.

7) Период «чехословацкого языка» (20–30-е гг. XX в.) хотя и кратковременный, но важный в истории современного чешского литературного языка, когда в результате распада Австро-Венгрии образовалась Чехословацкая Республика (с 1918 г.), и язык получил широкие возможности для своего функционального развития. В это время определились по крайней мере две тенденции: одна была направлена на стабилизацию норм, учитывающих литературно-языковую практику прошлых столетий, другая – на сближение со словацким языком и формирование единого «чехословацкого языка». Первую тенденцию развивал издаваемый с 1916 г. жур. «Наша речь», стоявший к тому же на пуристических позициях. С 1935 г. стал выходить многотомный «Настольный словарь чешского языка» (издание завершено в 1957 г.), послуживший для членов «Пражского лингвистического кружка» поводом высказаться об основах литературного языка, который должен быть динамичным, стилистически дифференцированным, функционально развитым. Вторая тенденция, суть которой заключалась фактически в одностороннем «подгоне» словацкого под чешский, поддерживалась в новой республике официально. Ее идеологом считают языковеда В. Важного. Отражением этого литературно-языкового процесса было издание параллельных словарей, грамматик и вообще «грамматик чехословацкого языка» (см. подробнее «4.2. Словацкий язык: 4.2.3. Формирование и развитие литературного языка»).

8) Новейший период с подпериодами социалистическим чехословацким и автономным чешским (вторая половина XX в. – начало XXI вв.) проходил в новых исторических условиях создания Чехословацкой Народно-демократической, а позднее и социалистической республики (до 1989 г.). **Чехословацкий социалистический подпериод** развивается в новых условиях и при новой идеологии, которые непосредственным образом отразились на культуре и на языке. Расширяется сеть вузов, в 1953 г. создается Чехословацкая Академия наук (с 1992 г. – Чешская АН). Разрабатываются новые

нормативные руководства в области грамматики и словаря. В 1948–1949 гг. издается двухтомная грамматика Ф. Травничека, в 1951 г. грамматика Б. Гавранека и А. Едлички, затем появляется трехтомная академическая грамматика (1986–1987). Выходит и 4-томный толковый академический словарь (1960–1971), затем однотомный 1978 г., многотомные русско-чешский и чешско-русские словари и т.д. Идеология единства диктует сближение народов, их культур и языков. Вновь возрождается интеграционная идея «чехословацкого языка», хотя об этом прямо не говорится. Однако проводится терминологическая работа в плане приближения словацкой специальной лексики к чешской (специальная комиссия и ее «Чехословацкий терминологический журнал»). Вообще словарь достаточно сильно идеологизирован за счет советизмов, потоком идущих из русского языка и оказывающихся общими для двух языков. Не в последнюю очередь играла и практика двуязыковости, при которой каждый участник диалога говорит на своем родном языке. Утверждается, что взаимная понимаемость чеха и словака, говорящих каждый на своем языке, достигает 95%. (См. также «4.2. Словацкий язык»).

С разделением в 1993 г. Чехословакии на два самостоятельных государства начинается *период автономного развития* чешского языка. Неактуальной становится идея сближения словацкого с чешским, деидеологизируются грамматические и словарные руководства, т.е. нормализаторы избавляются от «социалистической лексики», идеологических коннотаций в слове, поворачиваясь к новому – прежде всего англо-американским – лексическим источникам, а вместе с ними и к соответствующей науке и культуре. Модернизированные нормы, приближенные к обиходно-разговорным, отражены в «Настольной грамматике чешского языка» (1995), в «Словаре литературного чешского языка для школы и общественности» (1990) и в некоторых др. Издан «Энциклопедический словарь чешского языка» (2002).

* * *

С чешским этноязыковым ареалом связаны некоторые региональные попытки создания литературных языков. Так, ближе в чешско-польскому пограничью, в Силезии, в 30-е гг. XX в. поэт Ондра

Лысогорский предпринимает попытку создания *ляшского литературного языка*. Более подробно см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)», а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. II. Образцы текстов. Тарту, 2004. С. 165–195. Известны эксперименты (больше теоретического характера) по созданию так наз. моравского литературного языка¹⁴.

4.2.4. Функциональный статус. Чешский язык со времени Чехословацкой Республики (1918–1939) стал выполнять функцию официального языка. Во второй половине XX в. он был служебным языком не только Чехии, но и фактически всей Чехословакии, используя также и во внешних сношениях. С 1993 г. он является официальным (но не государственным) языком Чешской Республики, хотя по существу выполняет государственную функцию.

При Чешской Академии наук функционирует Институт чешского языка (*Ústav pro jazyk český*), занимающийся теоретическими вопросами и нормализацией литературного языка. Во всех университетах Чехии имеются кафедры чешского языка, где язык не только преподается, но и исследуется. Новейшие процессы в чешском языке нашли отражение в сборнике «Чешский язык на рубеже тысячелетий» (1997) и в коллективной монографии «*Český jazyk*» (1998).

На чешском языке в самой Чехии говорят примерно 8,4 млн. чехов, остальные почти полтора миллиона человек пользуются им как родным или же вторым. Более 200 тыс. чехов, живущих за пределами Чехии, в разной степени удерживают язык своих предков.

¹⁴ См. об этом: Z. Šustek. *Otázka kodifikace spisovného moravského jazyka*. // Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstói. Отв. ред. А. Д. Дуличенко. (Slavica Tartuensia IV). Tartu, 1998; A. D. Duličenko. *Mährisch*. // Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002. S. 291–293; см., однако, критику: O. Bláha. *Moravský jazykový separatismus: zdroje, cíle, slovanský kontext*. // *Studia Moravica*, Olomouc, 2005, N 3. S. 293–299.

4.2.5. Образец текста:

Na území dnešní České republiky je vyučovacím jazykem český jazyk v podobě spisovné češtiny v její psané a mluvené formě, označované obvykle jako hovorová čeština. Česky se vyučuje na všech typech škol a všech stupních školské soustavy, a to většinou všem vyučovacím předmětům, pochopitelně s výjimkou cizích jazyků; jen ve vybraných případech cizojazyčných nebo dvoujazyčných škol se některým předmětům česky nevyučuje, i tam se však maturita skládá také z češtiny. Školní předmět přitom zahrnuje vedle jazykového vyučování i výuku slohu a literární výchovu; poměr jednotlivých složek se mění podle typu školy a věku žáků.

Český jazyk. Red. naukowy J. Kořenský. Opole, 1998. S. 101.

На территории современной Чешской Республики языком преподавания является чешский язык в виде литературного чешского в его письменной и устной форме, называемой обычно разговорным чешским языком. По-чешски преподают во всех типах школ и на всех ступенях школьной системы, а именно по большей части на всех преподаваемых предметах, разумеется, за исключением иностранных языков; лишь в отдельных случаях в иноязычных и двуязычных школах по-чешски некоторые предметы не преподаются, но и там, впрочем, выпускные экзамены включают также чешский язык. При этом школьный предмет включает, помимо преподавания языка, и изучение стиля и литературное воспитание; соотношение отдельных компонентов меняется в зависимости от типа школы и возраста учеников.

4.2.6. Литература

• Грамматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Широкова А. Г. Чешский язык. М., 1961; А. Г. Широкова и др. Учебник чешского языка. М., 1973; А. Г. Широкова, В. Ф. Васильева, А. Едличка. Чешский язык. М., 1990.

Селищев А. М. Чехи и словаки. // А. М. Селищев. Славянское языкознание. Т. I. Западославянские языки. М., 1941. С. 27–218.

Скорвид С. С. Чешский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 234–274.

Травничек Фр. Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. Фонетика – словообразование – морфология. М., 1950.

Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1951; 6. vyd. Praha, 1986.

- Mluvnice češtiny. T. I–III. Red. J. Petr. Praha, 1986–1987.
- Příruční mluvnice češtiny. Red. M. Nekula a kol. Praha, 1995; 2. vyd. Praha, 1996.
- Český jazyk. Red. naukowy J. Kořenský. Opole, 1998.
- Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historický vývin češtiny. Praha, 1977.
- Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého. Praha, 1979.
- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Český jazykový atlas. Ved. J. Balhar, P. Jančák. 1–4. Praha, 1992–2002.
- **Словари:**
- Slovník spisovného jazyka českého. 1–4. Praha, 1960–1971; 2. vyd. T. 1–8. Praha, 1989.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1990.
- Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002.
- Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; 2. vyd. Praha, 1971.
- **История литературы:** Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв. М., 1963; Dějiny české literatury. I–IV. Praha, 1959–1995; J. Lehár aj. Česká literatura od počátků k dnešku. 2. vyd. Praha, 2004.
- **Периодика:** Naše řeč, Praha, 1917 →; Slovo a slovesnost, Praha, 1935 →; Český jazyk, Praha, 1950 →; Český jazyk a literatura, 1959 →; Čeština ve světě a doma, Praha, 1993 →.

4.3. Польский язык

4.3.1. Дialeктное членение. Польский речевой массив на западе ограничен немецкой речью (Германия) и на севере небольшой полосой – литовской. Во всех остальных направлениях польский соприкасается со славянской речью: на востоке с белорусской, на юго-востоке с украинской, на юге со словацкой, на юго-западе с чешской, а на севере с русской речью новейшего происхождения (Калининградская область России). Важно иметь в виду, что в приграничных зонах внутри Польши существуют белорусские, украинские анклавы, а также словацкие и чешские, образующие смешанные диалектные пояса.

Польская диалектология, ввиду размытости границ между мелкими территориальными разновидностями, выделяет в основном диалекты (наречия) и редко – говоры. Традиционно весь польский речевой ареал делится на пять зон, или диалектов. Это: 1) **великопольский диалект**, распространяющийся в бассейне среднего тече-

ния р. Варты и Нотецы, вокруг Гнезна, Познани, Крушевиц, Калиша; в нем выделяют говоры средней, южной, западной и северной части Великопольши; 2) *малопольский диалект* занимает юго-восточную и среднюю часть Польши, простираясь до Катовиц, Ловича, за Люблин и входя в Спиш и на Ораву в Словакии; он делится на говоры: подгальский говор, говоры спишские и оравские – все на юге; ловицкий говор на северо-западе; ласовский говор в средней части; серадзко-ленчицкие на западе; выделяются также менее отчетливые говоры краковские, жешовские, келецкие, люблинские; 3) *мазовецкий диалект*, ограниченный линией Новый Двор Гданьский – Мальборк – Рава Мазовецкая – Радом – Казимеж – Ленчна (воеводства Варшавское, Подляское, бо́льшая часть Люблинского и Варминьско-Мазурского): курпиевские говоры; северо-восточные подляско-сувалкские; северные вармийские; остродзкие; любавские говоры; 4) *силезский диалект* в юго-западной части Польши (часть воеводств Опольского и Катовицкого), подразделяющийся на южный и северный массивы, а также средний: говоры выходят на территорию чешской Силезии; 5) *кашубский* на южном берегу Балтийского моря, который, однако, вне полонистики квалифицируется и как самостоятельный язык, хотя и близкий польскому, – см. подробнее гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика). 3. Кашубский микроязык».

В основу такого деления положены некоторые фонетические признаки, например, так наз. мазурение, т.е. переход шипящих в свистящие, – характерно для малопольского и мазовецкого диалектов: [č], [ʒ], [š] и [ž] → [c], [ʒ], [s] и [z] – *sukać* [šukać] (орф. *szukać*) ‘искать’, *cas* [čas] (орф. *czas*) ‘время’, *zaba* [žaba] (орф. *żaba*) ‘жаба, лягушка’ и под.

Вопрос о диалектной основе польского литературного достаточно дискусионен: мнению о его великопольской диалектной основе с культурными центрами в Гнезно и Познани противостоит точка зрения о малопольской основе с центром в Кракове, а затем и о мазовецкой с центром в Варшаве. На каждом из этих этапов база литературно-письменного языка имела наддиалектный (надрегиональный) характер и учитывала некоторые особенности других диалектов. Таким образом, диалектная опора литературного языка

вбирала в себя надрегionalные особенности по мере передвижения центров культурно-языкового и проч. развития.

4.3.2. Некоторые особенности современного языка. В кругу западнославянских языков польский обладает рядом специфических черт на всех уровнях. Обратим внимание на некоторые из них:

- фонологический состав достаточно богат – приблизительно 44 фонемы, из них 8 гласных и 36 согласных, из которых по признаку твердости ~ мягкости коррелирует большинство; можно считать, что польский язык является одним из самых консонантных среди славянских языков;

- характерными для вокализма являются два древних носовых гласных [ɛ] и [ɨ] (орф. *ą*): *pięć* ‘пять’, *zęb* ‘зуб’; правда, в последнее время идет дискуссия, сохраняют ли они самостоятельный статус или же речь идет о сочетании соответствующего гласного с последующим носовым согласным;

- чередование после мягких согласных [e] то с [a], то с [o]: *bieleć* – *biały* ‘белеть – белый’, *niesiesz* – *niosę* ‘(ты) несешь – (я) несу’;

- беглое [e] (на месте редуцированных): *pies* – *psa* ‘пес, собака’, *mech* – *mchu* ‘мох – мха’;

- сочетание на плавный *-er-* после мягких согласных и перед твердыми переднеязычными → *-ar-*: *czernić* – *czarny* ‘чернить – черный’;

- характерно дзеканье и цеканье, т.е. переход [d], [t], [dʲ] и [tʲ] → [dʒ] и [tʃ]: *ćma* ‘тьма’ (**ьma*), *dziad* ‘дед’ (**dědъ*);

- место ударения в слове постоянное – на втором слоге от конца: *n'oga* ‘нога’, *świat'owy* ‘мировой’, *stos'unki* – *stosunk'ami* ‘отношения – отношениями’ и под.;

- флексия 1 л. мн. числа настоящего времени *-my*: *niesie-my* ‘(мы) несем’, *rozmawia-my* ‘(мы) разговариваем’;

- особый вид прошедшего времени, в котором формы вспомогательного глагола *być* ‘быть’ стали флексиями: *kupowale-m* ‘я покупал’, *kupowale-ś* ‘ты покупал’ и т.д.;

- во мн. числе прошедшего и будущего времени, а также в сослагательном наклонении различаются лично-мужские и нелично-мужские формы: *kupował-i-śmy* – *kupował-y-śmy* ‘мы покупали

(мужчины) – мы покупали (остальные)’, ср. также: *będziemy kupowal-i – będziemy kupował-y* ‘мы будем покупать (мужчины) – мы будем покупать (остальные)’, *kupowal-i-byśmy – kupował-y-byśmy* ‘мы бы покупали (мужчины) – мы бы покупали (остальные)’ и др.

О дальнейших морфологических особенностях см. также ниже раздел «4.4. Параллельные образцы склонения и спряжения западнославянских языков».

4.3.3. Формирование и развитие литературного языка. В основу периодизации истории польского литературного языка берутся факты изменений в языке, состояние письменности, особенности литературно-языковых и социально-исторических и культурных процессов. Выделяются пять основных периодов:

1) период предыстоков литературного языка: латынь и польские глоссы (до XIII в.);

2) период древнепольского литературно-письменного языка (XIII–XV вв.);

3) период старопольского (среднепольского) литературно-письменного языка (XVI – до 70-х гг. XVIII вв.);

4) новопольский период (конец XVIII – первая половина XX вв.);

5) новейший период с подпериодами социалистическим и пост-социалистическим (вторая половина XX в. – начало XXI вв.).

1) Период предыстоков литературного языка: латынь и польские глоссы (до XIII в.). Первые фиксации элементов польской речи связаны с пришедшим из Чехии христианством, которое распространялось на латыни. При этом латинский язык становился не только языком церкви, но и использовался в светской сфере – в административно-правовой. Разумеется, по-латински писали прежде всего о польских реалиях и преимущественно сами поляки, отчего в таких текстах отражались ономастические единицы – местные антропонимы и топонимы, а также глоссы в виде добавочных надстрочных или вынесенных на поля переводов по-польски тех или иных латинских слов и фраз. Такова «Гнезненская булла» (послание) 1136 г. папы Иннокентия II, в которой устанавливаются границы архиепископства вокруг г. Гнезно. В тексте буллы обнаружено 410 антропонимов и топонимов типа *Ostrow, Plitui3a* (совр. *Plitwi-*

ca), *Zlauos* (*Sławosz*), *Zagorin* (*Zagorzyn*), *Chropec* (*Chropek*), *Dobros* (*Dobrosz*) и под. Собственные имена отмечены и в «Привилегии Тшебницкой» 1204 г. В одном из документов середины XIII в. встречаются глоссы типа *stroza* (совр. *stroża*), *szlad* (*ślad*), *glowa* (*głowa*) и др. В «Книге Генриковской» (об основании монастыря в Генрикове, в Силезии, в 1270 г.) отмечено первое польское предложение: *day ut ia pobrusa a ti poziwai*, т.е. ‘дай мне помолоть, а ты отдохни’. Даже по таким крохам удается установить, что в языке происходили некоторые фонетические изменения, как, например, чередование [e] с [o] после мягких согласных, носовые гласные еще соответствуют их дистрибуции в праславянском, начинается процесс постепенного установления единообразного места ударения в слове и т.д.

2) Период древнепольского литературно-письменного языка (XIV–XV вв.) показывает, каким образом польское слово и вообще текст отразились в письменности. Именно с этого периода можно говорить о памятниках, написанных по-польски. В жанровом отношении эти тексты весьма разнообразны: с одной стороны, они связаны с религиозной жизнью – проповеди, псалтырь, жития, с другой, касаются светской сферы – деловые бумаги, личные письма, духовные и лирические произведения и др. К XIV в. относятся: «Свентокшижские проповеди», «Гнезненские проповеди», переводы под названием «Флорианская псалтырь» и «Пулавская псалтырь». В «Флорианской псалтыри» содержится перевод трех текстов из псалтыри Давида, представленных на трех языках, – на латинском, польском и немецком. «Пулавская псалтырь» отличается тем, что в ней различаются буквы *y* и *i*, обозначаются носовые гласные, а также мягкость согласных. С чешского была переведена «Библия королевы Зофьи» (по-другому «Шарашпатацкая Библия»; найдена в Венгрии). Сюда примыкает и огромная по объему рукопись «Размышление о жизни Господа Иисуса», а также житие св. Блажея (переводы с латинского). Что касается светских памятников письменности XV в., то среди них следует выделить: «Святославов кодекс», который включает вопросы права Казимира Великого и Владислава Ягеллы, «Кодекс Дзялыньских» и др. Много сохранилось юридических бумаг, которые, хотя и писались на латыни, все же содержали целые фрагменты по-польски, т.е. так (или поч-

ти так), как говорилось на суде: это клятвы, заявления свидетелей и под. Известны судебные книги-протоколы, происходящие из Познани, Кракова и других мест. Частная переписка могла вестись польски (любовное письмо от 1429 г.). Сохранился старый польский гимн «Богородица» (примерно от 1408 г.), начинающийся словами *Bogv rodzicza dzevicza bogem slavena maria* – в современном написании: *Bogurodzica dziewica Bogiem slawiena Maria*. Известна также «Сатира на ленивых парней». Все эти светские тексты были ближе к живому языку.

В 1475 г. в Силезии напечатана первая книга – молитвенник, правда, на латинском языке. Важно, что уже в этот период появляется и первый научный трактат о правописании Якуба Паркош(евича), ректора Ягеллонского университета. Автором сделана попытка унификации правописания, однако на практике его предложения не были реализованы (для обозначения твердости и мягкости согласных предлагал использовать готику и латинский шрифт, четко не различал букв *i* и *u* и др.).

3) Период старопольского (среднепольского) литературно-письменного языка (XVI – до 70-х гг. XVIII вв.) характеризуется ощутимыми изменениями грамматической системы, хорошо отраженными в памятниках письменности: например, не только перфект типа *robił jeśm* ‘я работал’, потеря при этом вспомогательной формы в 3 л. ед. и мн. числа, но и слияние обеих форм для 1 и 2 л. ед. и мн. чисел, т.е. причастия на *-l* и спрягаемых форм глагола *być* ‘быть’ типа *robiłjeśm* → *robileśm* и, наконец, → *robilem* ‘я работал’.

Одновременно с внутренними процессами такого рода, а нередко и под их воздействием происходит интенсивное расширение функциональных возможностей языка. Существенно то, что в это время появляются первые печатные издания на польском языке: в 1513 г. в Кракове выходит сборник молитв «Рай духовный», после чего последовали и другие издания. Наступает «золотой век» польской письменности и литературы, сам письменный язык приобретает контуры литературного языка.

В это время польский язык начинает даже потеснять из некоторых сфер латинский, в частности, из религиозной письменности. Делаются переводы «Ветхого и Нового Завета», активно ведется в

духе Реформации и Контрреформации полемика, появляются исторические сочинения (роман-повествование об Александре Великом), поучительная и назидательная литература (печатный «Зельник» Стефана Фалимижа, 1534 г.). развивается хедожественная литература: Миколай Рей (1505–1569), Ян Кохановский (1530–1584), Лукаш Гурницкий (1527–1603), Петр Скарга (1536–1612), Мартин Бельский и др.

Начинает развиваться тенденция к нормализации не только правописания, но и грамматики. В 1513–1518 гг. Станислав Заборовский несколько раз издал свой трактат по правописанию, в котором попытался следовать за диакритикой Я. Гуса, но еще не различал *ę* и *q*. В подобном сочинении 1550 г. Станислава Чежиновского приводятся уже некоторые сведения по фонетике. Первая грамматика польского языка, предназначенная, правда, для иностранцев, вышла в 1568 г. на латинском языке и написана была французом по происхождению Петрусом Статориусом (по-польски – Петром Стоеньским). В этой грамматике впервые дается более или менее полное представление о польской фонетике и грамматике. Издаются учебники польского языка для иностранцев, в том числе на немецком языке для немцев (1594, 1669 и др.), разговорники, а также двуязычные словари – как, например, латинско-польский словарь Яна Мончиньского (1564), польско-латинско-греческий Гжегожа Кнапского (1621), – кстати, наибольшее к тому времени собрание польских слов, взятых как из старых текстов, так и из живой речи.

Но уже во второй половине XVII и в XVIII вв. наступает некоторый спад в литературно-языковом процессе, на что повлияли, помимо прочего, разделы Польши в последней трети XVIII в., увлечение в высших кругах польского общества французским языком («польский язык предназначен для кухни»).

4) Новопольский период (конец XVIII – первая половина XX вв.) характеризуется как сужением, так и расширением сфер своего функционирования. Так, несмотря на сложности политического характера, в 1770 г. во Львове появляется первая грамматика на польском языке для поляков же Валенты Шилярского. В последней трети этого века вводится регулярное преподавание польского языка в общественных школах (деятельность «Комиссии народного об-

разования») по более удачным учебникам Онуфрия Копчиньского (1735–1817), который за пропаганду и распространение польского языка получает от министерства медаль. Он был членом варшавского «Товарищества друзей наук», много сделал в плане нормализации литературного языка, хотя и не всегда на прочной научной основе, разрабатывал грамматическую терминологию (от него идут, например, польские названия падежей и др.).

В 1807–1814 гг. появляется крупнейшее лексикографическое издание – 6-томный толковый словарь польского языка Самуэля Линде (1771–1847). Составитель пользовался приблизительно 800 печатными изданиями 1550–1800 гг., откуда черпал лексический материал, давая ему семантическую, этимологическую (не всегда удачную) и проч. трактовку. Словарь С. Линде оказался в числе крупнейших лексикографических трудов начала XIX в., значение которого сохраняется по настоящее время. Много сделал для собирания польской лексики и Кшиштоф Ц. Мронговиус (1764–1855), издавший в 1823 г. немецко-польский словарь (с включением также кашубских слов), а в 1835–1837 гг. – польско-немецкий. В 1861 г. в Вильне вышел большой по объему словарь А. Здановича и соавторов. В 1900–1927 гг. под редакцией Я. Карловича, А. Крыньского и В. Недзведзкого издан в 8 томах толковый «Словарь польского языка».

Особенно активно в XIX в. ведется работа по описанию и нормализации литературных норм языка. Появляются многочисленные грамматики различного предназначения. Юзеф Мрозиньский (1784–1838) печатает в 1822 г. «Начальные основы грамматики польского языка», в которой соблюдает различие букв и звуков и самостоятельно описывает грамматические формы; Ежи С Бандтке (1768–1835) издает в 1808 г. по-немецки одну из лучших грамматик первой половины XIX в. К этому времени относятся также грамматики (различного научного уровня) Т. Шумского, М. Якубовича, И. П. Двожецкого, Э. Шоповича, С. Й. Бородича, С. Зайончковского, Ю. Мучковского, Й. Н. Дешкевича и др.

Во второй половине XIX в. и до начала XX в. число грамматик увеличивается; их авторы: Хенрик Сухецкий, Антони Малецкий, Игнатий Штейн и Роман Завалиньский, а также Я. Лукомский, Антони Ежиковский и др. Антони Крыньский за свою грамматику

1897 г. был награжден Академией искусств в Кракове (1900), а в 1908 г. издал еще и школьную грамматику. Активно в этом направлении выступал создатель первой польской лингвистической школы Люциан Малиновский (1839–1898) и его ученики, в том числе и создатель впоследствии «*Краковской лингвистической школы*» Ян Розвадовский. Станислав Шобер (1879–1938) издал в 1914–1916 гг. в трех частях польскую грамматику, которая множество раз переиздавалась и во второй половине XX в. С 20-х гг. XX в. появляются неоднократно переиздававшиеся грамматические пособия Зенона Клеменсеви́ча (1891–1969). Й. Лосю принадлежит «Польская грамматика» в трех частях, вышедшая во Львове в 1922–1927 гг.

В развитии норм польского литературного языка большую роль сыграли писатели: в первой половине и середине XIX в. Адам Мицкевич (1798–1855), Юлиуш Словацкий (1809–1849), во второй половине XIX – начале XX вв. Болеслав Прус (1847–1912), Элиза Ожешко (1841–1910), Мария Конопницкая (1842–1910), Хенрик Сенкевич (1846–1916), Станислав Выспяньский (1869–1907), Стефан Жеромский (1864–1925) и др.

5) Новейший период с подпериодами социалистическим и постсоциалистическим (вторая половина XX в. – начало XXI вв.). Во второй половине XX в. в новых социальных условиях (Польская Народная Республика) – в так наз. *социалистический подпериод* – значительно интенсифицировалась работа как в организационном плане (создание Института польского языка, кафедр в университетах и т.д.), так и в теоретическом, в том числе нормализационном, плане. Переиздается грамматика С. Шобера, выходят «Основы польской грамматики» В. Дорошевского (1952), неоднократно издававшаяся грамматика П. Бонка (1977) и др. Из словарей заслуживает особого внимания 11-томный толковый академический «Словарь польского языка» под редакцией В. Дорошевского (1958–1969), затем «Малый словарь польского языка» под редакцией С. Скорупки, трехтомный словарь под редакцией М. Шимчака (1978–1981) и, конечно, «Словарь правильного польского языка» под редакцией В. Дорошевского (1958), выдержавший более двух десятков изданий. Все это прямым образом отразилось на состоянии и культивировании литературного языка: с одной стороны, произошла унификация

и стабилизация морфологических норм, с другой, из-за открытости литературного языка к живой разговорной речи и говорам эти нормы подвергаются новым колебаниям; в результате широкого функционального спектра развились соответствующие стили, расширился словарный состав – особенно за счет интенсивного развития терминологических систем и новых понятий, навеянных новой идеологией, и др. Последнее нашло также отражение в заимствовании лексических советизмов, а также в идеологических коннотациях к известным словам.

Нормализации и развитию норм литературного языка способствовала художественная литература, в частности, произведения Зофьи Налковской (1884–1954), Юлиана Тувима (1894–1953), Владислава Бронеского (1897–1962), Марии Домбровской (1889–1965), Ярослава Ивашкевича (1894–1980) и др.

В *постсоциалистический подпериод* разработка вопросов нормализации и унификации литературного языка продолжилась – на этот раз в сторону «раскрепощения» норм за счет устранения идеологически маркированных элементов, вмешательства разговорного стиля, а также частично и диалектной речи. Появились грамматики нового поколения – «Современный польский язык» под редакцией Е. Бартминьского (1993), грамматики Й. Струтыньского (1997), А. Нагурко (1998), «Грамматика современного польского языка» под редакцией Р. Гжегорчиковой, Р. Ляковского и Х. Врубеля (1998) и др., а также словари – 7-томный «Практический словарь современного польского языка» под редакцией Х. Згулковой (1994–1996), «Новый словарь правильного польского языка» под редакцией А. Марковского (1999), 5-томный «Универсальный словарь польского языка» под редакцией С. Дубиша (2003), словарь современного языка под редакцией Б. Дуная и др. Издана «Энциклопедия польского языка» (первое издание под названием «Энциклопедия науки о польском языке», 1978).

* * *

В рамках польского языкового континуума, в частности, на юго-западе Польши, с 90-гг. XX в. начинают проводиться эксперименты по созданию литературных микроязыков – *силезского* и

гуральского (или подгальского): издается периодика, появляются образцы художественного творчества, а на гуральском даже издан перевод евангелия. В эти же годы была предпринята неудачная попытка создания в Литве на основе местных польских говоров так наз. *вичского литературного микроязыка*. Что касается *кашубского*, то он рассматривается нами как самостоятельный микроязык. Более подробно см. гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика): 1.12. О новых экспериментах по созданию литературных микроязыков; 3. Кашубский микроязык», а также книгу автора настоящего учебника: Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов. Тарту, 2003. С. 254–308 (кашубский); т. II. Тарту, 2004. С. 358–368 (другие эксперименты).

4.3.4. Функциональный статус. Статус официального языка страны польский язык получил в 1918 г., когда была образована так наз. Возрожденная Польша (до 1939 г.). С 1945 г. в Польской Народной Республике польский язык был объявлен государственным. С 1999 г. он выполняет функции официального языка страны.

В системе Польской АН работает Институт польского языка (Instytut języka polskiego), который занимается теоретическими и нормативными исследованиями. В том же направлении работают и кафедры польского языка во всех университетах страны. Новейшие процессы, в том числе и социалингвистические, в польском языке отражены в коллективной монографии «Język polski» (2000) и в сборнике «Польский язык XX века» под редакцией С. Дубиша и С. Гайды (2001).

Численность говорящих по-польски обычно не отделяется от численности поляков: в 2005 г. их было примерно 38,5 млн., в то время как за пределами Польши проживает свыше 10 млн. поляков (иногда эту цифру доводят до 20 млн. человек).

4.3.5. Образец текста:

<i>W Polsce początkowo rolę centrum politycznego pełniła Wielkopolska (Gnieźno i Poznań), ale już od połowy XI w. Małopolska (Kraków). Kryzys państwa między XI i początkiem</i>	В Польше первоначально роль политического центра выполняла Великопольша (Гнезно и Познань), но уже с середины XI в. — Малопольша (Краков). Кризисы

wieku XIV hamowały rozwój języka literackiego, a zwłaszcza dialektu kulturalnego. Polski język literacki kształtował się przez stulecia. Już w XIII w. niektóre dochowane teksty wykazują wysoki poziom organizacji i dowodzą istnienia normy ogólnej. Jednak o znacznym stopniu jego dojrzałości i zasięgu można mówić dopiero od końca wieku XIV. Druga połowa tego wieku, kiedy odrodziło się silne państwo, następuje rozwój gospodarczy i kulturalny, polonizuje się Kościół i miasta, powstaje Akademia Krakowska, sprzyjała ustaleniu się mocnych zrębów pisemnego języka literackiego i umocnieniu się dialektu kulturalnego. W XV w. wzmacniają się obie odmiany ogólne, następuje ich powolne zbliżanie się.

Język polski. Red. naukowy S. Gajda. Opole, 2001. S. 26.

государства между XI и началом XIV в. тормозили развитие литературного языка, а особенно культурного диалекта. Литературный польский язык формировался столетиями. Уже в XIII в. некоторые сохранившиеся тексты показывают высокий уровень (их) организации доказывают существование общей нормы. Однако о значительной степени его зрелости и распространенности можно говорить лишь с конца XIV в. Вторая половина этого века, когда возродилось сильное государство, наступает экономическое и культурное развитие, полонизируется костел и города, возникает Краковская академия, способствовала установлению прочных основ литературного письменного языка и укреплению культурного диалекта. В XV в. усиливаются оба общих варианта, наступает их постепенное сближение.

4.3.6. Литература

• Грамматики, учебники, очерки, монографии, атласы:

Тихомирова Т. С. Польский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 347–383.

Селищев А.М. Поляки и поморяне (кашубы) // Славянское языкознание. Т. I. Западославянские языки. М., 1941. С. 269–416.

Лер-Сплавинский Т. Польский язык. Перев. с польск. М., 1954.

Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1952.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. 1–2. Red. S. Urbańczyk. Warszawa 1984.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Red. R. Grzegorzczkova, R. Laskowski, H. Wróbel. Warszawa 1998.

Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej. Warszawa, 1998.

Język polski. Red. naukowy S. Gajda. Opole, 2001.

Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. 3. wyd. Warszawa, 1965 (и последующие издания).

Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. 2. wyd. Warszawa, 1974 (и переиздания).

Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław etc., 1973; 2. wyd., Wrocław, 1993.

Atlas gwar polskich. Ur. K. Dejna i inn. I–IV. Warszawa, 1998–2002.

• **Словари:**

Słownik języka polskiego. Pod red. W. Doroszewskiego. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

Mały słownik języka polskiego. Pod red. S. Skorupki i inn. Warszawa, 1968 (и последующие переиздания).

Słownik języka polskiego. Red. M. Szymczak. T. I–III. Warszawa, 1978–1981.

Słownik poprawnej polszczyzny PWN. Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958; wyd. 18, 1994; Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN. Pod red. A. Markowskiego. Warszawa, 1999 (и переиздания).

Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny. T. 1–50. Pod red. H. Zgółkowej. Poznań, 1995–2005.

Słownik współczesnego języka polskiego. Pod red. B. Dunaja. T. I–V. Kraków, 2000–2004.

Dereń E., Polański E. Wielki słownik języka polskiego. Warszawa, 2008.

Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Pod red. S. Urbańczyka. Wrocław, 1978; переиздания под названием: Encyklopedia języka polskiego. Pod red. S. Urbańczyka. Wrocław etc., 1987; 2 wyd., 1994; 3 wyd., 1999.

Słownik gwar polskich. Pod kier. M. Karasia i inn. T. I–V. Wrocław / Kraków, 1974–1998.

Słownik staropolski. Pod red. S. Urbańczyka. I →. Wrocław, 1953 → (издание продолжается).

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. I–V. Kraków, 1952–1982.

• **История литературы:**

История польской литературы. В 2-х т. М., 1968–1969; Krzyżanowski J. Dzieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych. Warszawa, 1969 (и переиздания); Historia literatury polskiej w zarysie. 1–2. Warszawa, 1988

• **Периодика:** Język polski, Kraków, 1913→; Poradnik językowy, Kraków, 1901 →; Polonica, Kraków, 1975 →; и др.

4.4. Параллельные образцы склонения и спряжения западнославянских языков

Имя существительное

Таблица № 27

Мужской род: ‘sosed’

<i>падежи</i>	<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>	<i>польский</i>
единственное число			
И	<i>sused-</i>)	<i>soused-</i>)	<i>sqsiad-</i>)
Р	<i>sused-a</i>	<i>soused-a</i>	<i>sqsiad-a</i>
Д	<i>sused-ovi</i>	<i>soused-ovi</i>	<i>sqsiad-owi</i>
В	<i>sused-a</i> сущ. неодуш. =И	<i>soused-a</i> ceo/ ytjlei/ =B	<i>sqsiad-a</i> ceo/ ytjlei/ =B
Т	<i>sused-om</i>	<i>soused-em</i>	<i>sqsiad-em</i>
П	<i>sused-ovi</i>	<i>soused-ovi</i>	<i>sqsiedzi-e</i>
Зват.	<i>sused</i>	<i>soused-e</i>	<i>sqsiedzi-e</i>
множественное число			
И	<i>sused-ia</i>	<i>soused-ové</i>	<i>sqsiedz-i</i>
Р	<i>sused-ov</i>	<i>soused-ů</i>	<i>sqsiad-ów</i>
Д	<i>sused-om</i>	<i>soused-ům</i>	<i>sqsiad-om</i>
В	<i>sused-ov</i> сущ. неодуш. =И	<i>soused-y</i>	<i>sqsiad-ów</i> ceo/ ytjlei/ = B
Т	<i>sused-mi</i>	<i>soused-y</i>	<i>sqsiad-ami</i>
П	<i>sused-och</i>	<i>soused-ech</i>	<i>sqsiad-ach</i>

Таблица № 28

Женский род: ‘улица’

<i>падеж</i>	<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>	<i>польский</i>
единственное число			
И	<i>ulic-a</i>	<i>ulic-e</i>	<i>ulic-a</i>
Р	<i>ulic-e</i>	<i>ulic-e</i>	<i>ulic-y</i>
Д	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-y</i>
В	<i>ulic-u</i>	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-ę</i>
Т	<i>ulic-ou</i>	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-q</i>
П	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-y</i>
Зват.		<i>ulic-e</i>	<i>ulic-o</i>

	<i>множественное число</i>		
И	<i>ulic-e</i>	<i>ulic-e</i>	<i>ulic-e</i>
Р	<i>ulic-)</i>	<i>ulic-i</i>	<i>ulic-)</i>
Д	<i>ulic-iam</i>	<i>ulic-im</i>	<i>ulic-om</i>
В	= И	= И	= И
Т	<i>ulic-ami</i>	<i>ulic-emi</i>	<i>ulic-ami</i>
П	<i>ulic-iach</i>	<i>ulic-ích</i>	<i>ulic-ach</i>

Примечание: во множественном числе в обеих парадигмах звательный падеж (если он вообще употребляется) формально совпадает с именительным.

Имя прилагательные

Таблица № 29

Мужской род: ‘новый’

<i>падежи</i>	<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>	<i>польский</i>
	<i>единственное число</i>		
И	<i>nov-ý</i>	<i>nov-ý</i>	<i>now-y</i>
Р	<i>nov-ého</i>	<i>nov-ého</i>	<i>now-ego</i>
Д	<i>nov-étu</i>	<i>nov-étu</i>	<i>now-emu</i>
В	с сущ. неодуш. = И с сущ. одушев. = Р	с сущ. неодуш. = И с сущ. одушев. = Р	с сущ. неодуш. = И с сущ. одушев. = Р
Т	<i>nov-ým</i>	<i>nov-ým</i>	<i>now-ym</i>
П	<i>nov-om</i>	<i>nov-ém</i>	<i>now-ym</i>
	<i>множественное число</i>		
И	<i>nov-i</i> (одуш.) <i>nov-é</i> (неодуш.)	<i>nov-i</i> (одуш.) <i>nov-é</i> (неодуш.)	<i>now-i</i> (kbx/-ve;/) <i>now-e</i> (ytkbx/-ve;/)
Р	<i>nov-ých</i>	<i>nov-ých</i>	<i>now-ych</i>
Д	<i>nov-ým</i>	<i>nov-ým</i>	<i>now-ym</i>
В	с сущ. неодуш. = И с сущ. одушев. = Р	<i>nov-é</i>	= Р (личн.-муж.) = И (нелич.-муж.)
Т	<i>nov-ými</i>	<i>nov-ými</i>	<i>now-ymi</i>
П	<i>nov-ých</i>	<i>nov-ých</i>	<i>now-ych</i>

Примечание: в польском языке личномужская форма выражает категорию мужского лица, неличномужская относится ко всем остальным существительным; обе формы проявляются в именительном и винительном падежах множественного числа.

Женский род: 'новая'

<i>падеж</i>	<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>	<i>польский</i>
	<i>единственное число</i>		
И	<i>nov-á</i>	<i>nov-á</i>	<i>now-a</i>
Р	<i>nov-ej</i>	<i>nov-é</i>	<i>now-ej</i>
Д	<i>nov-ej</i>	<i>nov-é</i>	<i>now-ej</i>
В	<i>nov-ú</i>	<i>nov-ou</i>	<i>now-q</i>
Т	<i>nov-ou</i>	<i>nov-ou</i>	<i>now-q</i>
П	<i>nov-ej</i>	<i>nov-é</i>	<i>now-ej</i>
	<i>множественное число</i>		
И	<i>nov-é</i>	<i>nov-é</i>	
Р	<i>nov-ých</i>	<i>nov-ých</i>	
Д	<i>nov-ým</i>	<i>nov-ým</i>	
В	= Им.	= Им.	
Т	<i>nov-ými</i>	<i>nov-ými</i>	
П	<i>nov-ých</i>	<i>nov-ých</i>	

Примечание: склонение прилагательных женского рода во множественном числе отражено в парадигме склонения прилагательных мужского рода (см. выше), за исключением лично-мужских форм в именительном и винительном падежах.

Местоимения

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа

<i>падеж</i>	<i>словацкий</i>		<i>чешский</i>		<i>польский</i>	
	<i>обычн. и полн.</i>	<i>кратк. формы</i>	<i>обычн. и полн.</i>	<i>кратк. формы</i>	<i>обычн. и полн.</i>	<i>кратк. формы</i>
	<i>1-е лицо</i>					
И	<i>ja</i>		<i>já</i>		<i>ja</i>	
Р	<i>mň-a</i>	<i>ta</i>	<i>mn-e</i>	<i>mě</i>	<i>mni-e</i>	<i>mię</i>
Д	<i>mn-e</i>	<i>mi</i>	<i>mn-ě</i>	<i>mi</i>	<i>mni-e</i>	<i>mi</i>
В	<i>mň-a</i>	<i>ta</i>	<i>mn-e</i>	<i>mě</i>	<i>mni-e</i>	<i>mię</i>
Т	<i>mn-ou</i>		<i>mn-ou</i>		<i>mn-q</i>	
П	<i>mn-e</i>		<i>mn-ě</i>		<i>mni-e</i>	

	2-е лицо					
И	<i>ty</i>		<i>ty</i>		<i>ty</i>	
Р	<i>teb-a</i>	<i>t'a</i>	<i>teb-e</i>	<i>tě</i>	<i>ciebi-e</i>	<i>cię</i>
Д	<i>teb-e</i>	<i>ti</i>	<i>tob-ě</i>	<i>ti</i>	<i>tobi-e</i>	<i>ci</i>
В	<i>teb-a</i>	<i>t'a</i>	<i>teb-e</i>	<i>tě</i>	<i>ciebi-e</i>	<i>cię</i>
Т	<i>teb-ou</i>		<i>teb-ou</i>		<i>tob-q</i>	
П	<i>teb-e</i>		<i>tob-ě</i>		<i>tobi-e</i>	

Глагол

Таблица № 32

Настоящее время

лицо	словацкий	чешский	польский
	<i>Е/ТЕ-спряжение: глагол нести</i>		
	<i>nieŕt'</i>	<i>něst</i>	<i>nieŕć</i>
	<i>единственное число</i>		
1 л.	<i>nes-ie-m</i>	<i>nes-u</i>	<i>nios-ę</i>
2 л.	<i>nes-ie-ŕ</i>	<i>nes-e-ŕ</i>	<i>niesi-e-sz</i>
3 л.	<i>nes-ie-)</i>	<i>nes-e-)</i>	<i>niesi-e-)</i>
	<i>множественное число</i>		
1 л.	<i>nes-ie-me</i>	<i>nes-e-me(e)</i>	<i>niesi-e-my</i>
2 л.	<i>nes-ie-te</i>	<i>nes-e-te</i>	<i>niesi-e-cie</i>
3 л.	<i>nes-í-)</i>	<i>nes-ou-)</i>	<i>nios-q-)</i>
	<i>І-спряжение: глагол просить</i>		
	<i>proŕit'</i>	<i>proŕit</i>	<i>proŕić</i>
	<i>единственное число</i>		
1 л.	<i>pros-í-m</i>	<i>pros-í-m</i>	<i>prosz-ę</i>
2 л.	<i>pros-í-ŕ</i>	<i>pros-í-ŕ</i>	<i>pros-i-sz</i>
3 л.	<i>pros-í-)</i>	<i>pros-í-)</i>	<i>pros-i-)</i>
	<i>множественное число</i>		
1 л.	<i>pros-í-me</i>	<i>pros-í-me</i>	<i>pros-i-my</i>
2 л.	<i>pros-í-te</i>	<i>pros-í-te</i>	<i>pros-i-cie</i>
3 л.	<i>pros-í-)</i>	<i>pros-í-)</i>	<i>prosz-q-)</i>

Примечание: в словацком языке тематический гласный *-ie-* происходит из *-e-*.

Прошедшее время (перфект): глагол звать

лицо	словацкий <i>volat'</i>	чешский <i>volat</i>	польский <i>wolać</i>
единственное число			
1 л.	$\lfloor som$	$\lfloor jsem$	<i>wolał-e-m</i> (муж.) <i>wolała-a-ь</i> (жен.)
2 л.	<i>volal, -a, -o</i> $\lfloor si$	<i>volal, -a, -o</i> $\lfloor jsi$	<i>wolał-e-ś</i> (муж.) <i>wolała-a-ś</i> (жен.)
3 л.	$\lfloor -$	$\lfloor -$	<i>wolał-0</i> (муж.) <i>wolała-a</i> (жен.)
множественное число			
1 л.	$\lfloor smo$	$\lfloor jsme$	<i>wolał-i-śmy</i> (лич.-муж.) <i>wolał-y-śmy</i> (нелич.-муж.)
2 л.	<i>volali</i> $\lfloor ste$	<i>volali, -y, -a</i> $\lfloor jste$	<i>wolał-i-ście</i> (лич.-муж.) <i>wolał-y-ście</i> (нелич.-муж.)
3 л.	$\lfloor -$	$\lfloor -$	<i>wolał-i</i> (kbx/-ve;/) <i>wolał-y</i> (ytkbx/-ve;/)

Примечание: в польском языке к причастной форме с суффиксом *-l* присоединяются показатели рода и числа, после чего следуют сокращенные спрягаемые формы вспомогательного глагола *быть*.

Будущее аналитическое время: глагол нести

лицо	словацкий <i>niest'</i>	чешский <i>nést</i>	польский <i>nieść</i>
единственное число			
1 л.	<i>bud-e-m</i> $\lfloor$	<i>bud-u</i> $\lfloor$	<i>będ-e</i> $\lfloor$
2 л.	<i>bud-e-š</i> $\lfloor niest'$	<i>bud-e-š</i> $\lfloor nést$	<i>będzi-e-sz</i> $\lfloor nieść / niósł, -a, -o$
3 л.	<i>bud-e-)</i> $\lfloor$	<i>bud-e-)</i> $\lfloor$	<i>będzi-e-)</i> $\lfloor$

	<i>множественное число</i>		
1 л.	<i>bud-e-me</i> }	<i>bud-e-me</i> }	<i>będzi-e-my</i> }
2 л.	<i>bud-e-te</i> { <i>niest'</i>	<i>bud-e-te</i> { <i>nést</i>	<i>będzi-e-cie</i> { <i>nieść</i> / <i>niest-i</i> (лично- муж.) <i>niest-y</i> (нелич.-муж.)
3 л.	<i>bud-ú-]</i>]	<i>bud-ou-]</i>]	<i>będ-q-]</i>]

Глава 13

Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика)

Литература общего характера

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Отв. ред. Н. И. Толстой. Таллин, 1981; *его же*. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I–II. Тарту, 2003–2004.

Дуличенко А. Д. Малые славянские литературные микроязыки (микроязыки). // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 595–615.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки и современное славянское языкознание. // *Slavica Tartuensia VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты*. Тарту, 2006. С. 22–46; *его же*. Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии. // *Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век...* Tartu, 2008. С. 63–95; *его же*. Этносоциальные предпосылки и факторы формирования литературных языков малых этнических групп (микроязыков) // *Rocznik slawistyczny*, Warszawa, 2009, t. LVIII. S. 13–36.

Микроязыки. Языки. Интерязыки. Ред. А. Кюннап, В. Лефельдт, С. Н. Кузнецов. Tartu, 2006.

Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам). (Опыт сравнительного рассмотрения). // Функциональная стратификация языка. Москва, 1985. С. 9–24.

Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Hg. M. Okuka. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. 10). Klagenfurt, 2002 (содержатся также очерки разных микроязыков).

Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanologie). Hg. P. Rehder 3. Aufl. Darmstadt, 1998; 4. Aufl., 2003 (содержатся также очерки разных микроязыков).

Marti R. Probleme europäischer Kleinsprachen. Sorbisch und Bündnerromanisch. München, 1990, 94 S.

Haarmann H. Soziologie und Politik der kleinen Sprachen Europas. München, 1975; *ibid.* Die Kleinsprachen der Welt — Existenzbedrohung und Überlebenschancen. Eine umfassende Dokumentation. Frankfurt am Main, 2001.

Europäische Kleinsprachen. Zu Lage und Status der kleinen Sprachen an der Schwelle zum dritten Jahrtausend. Hg. P. Kelz et al. Baden-Baden, 2001.

* * *

Подробную библиографию по славянской микролингвистике см.: А. Д. Дуличенко. Библиография важнейших трудов и публикаций по славянским литературным микроязыкам. // *Его же*. Славянские литературные микроязыки. II. Образцы текстов. Тарту, 2004. С. 369–394.

1.1. Славянские литературные микроязыки как объект славянского языкознания и славянской микролингвистики

Список в 12 славянских языков, каждый из которых выступал также в виде литературного языка, стал привычным, войдя во все справочники, энциклопедии и университетские учебники. Правда, здесь нужно сделать некоторое пояснение: в одних изданиях в этот список включается литературно-письменный старославянско-церковнославянский язык — тогда серболужицкий выступает в таких классификациях как один язык, в других — без учета старославянско-церковнославянского, но тогда серболужицкий делится на верхне- и нижнелужицкий. Добавим также, что как литературный язык лишь с середины XX в. формируется македонский. В целом в XX в. в славянском языкознании возобладаало мнение о том, что языковая Славия достаточно плотно покрыта литературными языками (как, впрочем, и неславянские регионы Европы). Однако при присталь-

ном взгляде выяснилось, что «крыша» в виде литературного языка не везде одинаково плотно покрывает соответствующее ей этноязыковое пространство и что вообще плотность языковой Славии не абсолютна, что она еще дает некоторые возможности для появления новых «ростков» в виде литературно-языковых образований, т.е. литературных языков. Все это стояло на периферии в географическом смысле и в плане внимания исследователей, создавая ощущение неполноты славянской литературно-языковой картины. В середине XX в. о «теневых» литературно-языковых образованиях, формировавших такую неполноту, в научной литературе практически ничего нельзя было прочесть. Кое-какие статьи и заметки по отдельным таким образованиям время от времени появлялись, однако они, как правило, не выводились из контекста соответствующего крупного литературного языка, с которым генетически связывались.

1.2. Возникновение идеи славянских литературных микроязыков и ее рецепция в славянском языкознании

Категория славянских микроязыков (на социолингвистическом уровне – славянских *литературных* микроязыков) начала разрабатываться с середины 70-х гг. XX в. и получила свое более или менее цельное оформление лишь в начале 80-х гг., знаменуя собою новое направление в славянском языкознании, реализуемое в основном в рамках формировавшейся к тому времени «Тартуской школы славянской микролингвистики». Первоначально объектом исследования был югославо-русинский (южнорусинский) литературный микроязык в бывшей Югославии, через посредство которого постепенно открывалась и другая часть Микрославии. В ту пору был собран, описан и типологически проанализирован материал 12 литературных микроязыков и их проектов, т.е. в том же количестве, что и число традиционно включаемых в генетическую классификацию славянских языков. К феномену славянских литературных микроязыков был отмечен интерес широких славистических кругов. Достаточно сказать, что на монографию 1981 г., посвященную этой категории языков (см. «Литературу»), в разных странах в научных изданиях было опубликовано более десятка рецензий. Среди позитивных откликов были и дискуссионные. Так, в те годы в Советской

Украине некоторые слависты утверждали, что югославо-русинский микроязык нельзя отделять от украинского литературного языка, хотя и не отвечали на вопрос о том, в каком виде и в каком статусе его следовало бы (и можно ли вообще?) включить в украинский литературно-языковой процесс. Далее. Незадолго до защиты в 1981 г. нашей докторской диссертации «Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)» некоторые слависты предлагали исключить из состава микроязыков кашубский – «чтобы не обиделись поляки», которые считают его (сейчас, правда, не все) диалектом польского языка! В 1988 г. на страницах польского жур. «Język polski» («Польский язык») даже разгорелась научная дискуссия по поводу того, существуют ли в Польше региональные литературные языки, или микроязыки? Тогда участники дискуссии таковых в Польше не усмотрели, хотя уже в 90-е гг., когда в польском Поморье, где проживают кашубы, вновь активизировалось кашубское этно-культурно-языковое возрождение, стало ясно, что такие языки (микроязыки) в Польше существуют. Нельзя не вспомнить и того, как болгарский славист И. Кочев разразился острыми нападками на теорию литературных микроязыков, обвиняя ее создателя в том, что он, описывая банатско-болгарский литературный микроязык, якобы, «дробит единое тело болгарского языка»... Примеры такого рода можно было бы продолжить. Жизнь показала, что универсальных схем создания литературного языка не существует.

Потребовалось примерно четверть века для того, чтобы категория славянских литературных микроязыков заняла свое место в славянском языкознании. Так, эта проблема была озвучена уже на XI Международном съезде славистов в Братиславе в 1993 г. На XII съезде в Кракове в 1998 г. работал специальный блок по малым славянским языкам. Проблематика микроязыков была представлена также и на славистическом съезде в Любляне в 2003 г. Специальный тематический блок «Малые славянские языки (микроязыки): статус, проблемы нормы и функционирования», собравший огромную аудиторию, работал и на XIV съезде славистов в Охриде (Македония) в 2008 г. Показательно также, что, учитывая широкий интерес к проблематике славянских микроязыков в славянских и неславян-

ских странах, Международный Комитет славистов утвердил на этом съезде «Международную комиссию по славянским микроязыкам», которая должна координировать и одновременно стимулировать исследования по данной проблематике. В ряде стран молодыми исследователями написаны или же пишутся диссертации, посвященные тем или иным микроязыкам. Эти языки представлены теперь в лекционных курсах ряда европейских университетов – например, такой курс систематически читается десятки лет в Тартуском университете для тех студентов и докторантов, кто специализируется по славистике; соответствующие курсы читались или читаются также в Уппсальском (Швеция), Геттингенском, Тюбингенском, Трирском, Дрезденском и других университетах Германии и ряда других стран. Есть сведения о микроязыках и в университетских учебниках. Данной проблематикой успешно занимаются и многие крупные слависты разных стран. Эту категорию языков стали включать в справочники и энциклопедии (см. «Литературу»). В 2005 г. кафедра славянской филологии Тартуского университета и «Королевская Шведская Академия литературы, истории и древностей» провели в Тарту международную конференцию под эгидой «Международного Комитета славистов» на тему «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты».

Микроязыки характерны не только для Славии. В Романии роль самостоятельных микроязыков играют арумунский (македонорумынский) в Греции, Болгарии, б. Югославии и в Албании, мегленорумынский в Греции и сильно славянизированный истрорумынский. Литературно-языковая практика имеется на сардинском и фриульском. В Швейцарии бытует близкий к итальянскому ретороманский, состоящий из сурсельвского, сутсельвского, сурмиранского, верхнеэнгадинского и нижнеэнгадинского, мюнстерского, – каждый со своим культурным центром. В германском мире известны фарерский, фризский, так наз. швейцарско-немецкий (лингвоним *Schwitzerdütsch*) и т.д. В Европе в целом изменилось соотношение больших и малых языков, что также является немаловажным фактором для формирования, функционирования и вообще перспектив развития литературных микроязыков.

1.3. Понятие и термин «литературный микроязык». О лингвонимах для микроязыков. Чтобы вникнуть в суть этого феноме-

на, нужно его определить. Что́ следует понимать под литературным микроязыком? Какие необходимые признаки лежат в его основе?

(1) Это форма существования языка – как и любого этнического литературного языка (в отличие от таких форм существования, как диалекты или просторечия); (2) микроязык обладает письменностью и реализует определенные принципы правописания; (3) базируется на определенном говоре или диалекте – как и большинство этнических литературных языков; (4) характеризуется нормализующимися и нормируемыми тенденциями, т.е. выработкой литературно-языковых норм в области фонетики, грамматики и словаря; (5) возможностью их стабилизации и дальнейшей кодификации (т.е. закрепления в нормативных грамматиках и в нормативных словарях), (6) что в целом является следствием функционирования такого литературно-языкового образования в разных сферах жизни (7) в рамках организованного и социально поддерживаемого литературно-языкового процесса.

Контуры литературного микроязыка вырисовываются лишь тогда, когда единичные акты рассматриваемого характера постепенно превращаются в процесс, который называется *литературно-языковым*, т.е. это *организованный процесс*, в конечном счете приводящий к созданию литературного языка. В свете сказанного **литературный микроязык** – *это такая форма существования языка (или диалекта), которая наделена письменностью, характеризуется нормализующими тенденциями, возникающими как следствие функционирования литературно-письменной формы в рамках более или менее организованного литературно-языкового процесса. Именно организованный литературно-языковой процесс диктует выбор письменности, ведет к унификации грамматических, лексических и прочих норм, заявляя тем самым о рождении нового литературного языка.*

Без таких компонентов литературно-языкового процесса, как функционирующая письменность, производство литературно-художественных и проч. текстов, применение в образовательной сфере, в СМИ, в религиозной сфере и т.д., невозможно говорить о литературном языке, в определенной мере – и о литературном микроязыке. Ведь именно литературно-языковой процесс формирует кон-

туры литературного языка, скрыто или открыто влияет на развитие его норм, заставляя искать при этом те ниши социальной жизни, в которых язык нашел бы то или иное применение.

К сожалению, эти факторы нередко не принимаются во внимание (или просто не понимаются), в т. ч. и некоторыми критиками теории литературных микроязыков. Они смешивают категорию литературного микроязыка с так наз. литературным диалектом: последний действительно существует, однако он, как правило, вне литературно-языкового процесса (допускаем: до определенного времени), это обычно индивидуальные языковые эксперименты – часто без преемственности. Писать можно на любом говоре или диалекте, но будет ли при этом организован литературно-языковой процесс, в который вовлекаются, помимо индивидов-энтузиастов, также другие деятели культуры, образуя преемственность между участниками процесса и целыми поколениями, – это для «литературного диалекта» всегда большой вопрос. Более того: «литературный диалект» по своей цели стремится отобразить в нюансах специфику местной традиции и особенно местной речи, т.е. он обычно уходит от связывающих и объединяющих языковых построений типа койне (наддиалектная языковая форма) или нормы. Литературный микроязык идет в ином направлении, повторяя те пути, которыми проходит любой этнический литературный язык.

* * *

Термин *микроязык* и *литературный микроязык* в частности возник во второй половине 60-х гг. XX в. как результат обсуждений проблемы с акад. Н. И. Толстым. В нем отражено по крайней мере три важнейших параметра: 1) форма существования – *литературный* (в отличие от *территориальной* – говоров и диалектов и от *социальной* – просторечий, жаргонов); 2) препозитивный компонент *микро-* указывает на малые количественно-пространственные показатели; 3) компонент *-язык* указывает на высший ранг объекта в таксономическом ряду *говор – наречие / диалект – язык*.

Почему не *региональные литературные языки* или *региолекты*? Дело в том, что состав литературных микроязыков значительно шире: это понятие и термин применимы лишь к одной их груп-

пе – *периферийных литературных микроязыков*, которые называются также *региональными* (реже – *матичными*). Ведь *региональный* подразумевает непосредственное включение в свой исконный языковой массив, он – его периферийное, или региональное, продолжение, в целом формирующее непрерывное речевое (и этническое) пространство, состоящее из всей совокупности говоров и диалектов того или иного этноса. Однако в составе микроязыков есть немало таких, которые характеризуются дистанционным параметром по отношению к исконному историческому языковому массиву, из которого происходят, т.е. они располагаются в отрыве от него, в другом иноязычном и иноэтническом окружении как языковые острова.

Термин *языки этнических меньшинств* содержательно не покрывает состав микроязыков – носители тех же периферийных (региональных) микроязыков всего лишь культурно-языковые или этно-языковые группы или ответвления соответствующего этноса-корня. Кроме того, это распространенное словосочетание недостаточно терминологично.

Термин *малые славянские литературные микроязыки* иногда может использоваться как синоним или даже как дублет, однако он менее терминологичен, нежели *славянские литературные микроязыки*.

Понятно, что не все входящие в эту категорию языки стоят на одном уровне своего внутренне- и внешнелингвистического развития. Более того: если одни унифицируют свои нормы и как-то расширяют свой функциональный спектр (употребляются в разных сферах жизни), то другим избежать полинормности (т.е. многонормности, отсутствия единых норм) и узости функционального применения пока не удастся. Такие, например, феномены, как молизско-славянский (литературно-языковые опыты в основном с XIX в.) и восточнословацкий (опыты преимущественно с XVIII в.), характеризуются не только прерывностью, т.е. они время от времени просто угасают, но и вяло текущим литературно-языковым процессом в целом. Но и при этом здесь сохраняется некоторая преемственность в языкотворческом процессе, направленном на формирование литературных норм.

Как бы то ни было, термин *микроязыки* не только получил достаточно широкое распространение, но и утверждается в славян-

ском языкознании, о чем свидетельствует его наличие в различных славянских языках, ср.: ю.-русин. *микроязыки*, белорус. *мікрамовы*, укр. *мікромови*, словац. *mikrojazyky*, болг. *микроезици*, серб.-хорв. *микројезици* / *mikrojezici*, польск. *mikrojęzyki* и под. Распространился он и в неславянских языках, ср. нем. *Mikrosprachen*, англ. *microlanguages* и т.д.¹.

При этом важно также обратить внимание на такую закономерность: нет имени – нет объекта. Это правило, хотя и не без исключений. Каждый славянский язык имеет наименование – *лингвоним*, которому всегда соответствует *этноним*, ср. *словенский язык* ← *словенцы*, *украинский язык* ← *украинцы* и под. Такое соотношение – этнонимическо-лингвонимическое – является неременным условием выделения объектов, каковыми в данном случае являются этнос и его язык. Литературные микроязыки современной Славии идут по тому же пути, хотя здесь ситуация характеризуется некоторой спецификой: в определительном компоненте лингвонимов (в детерминативе) отражается очевидная специфичность, ср. *kaszëbsczi jãzëk* / *kaszëškô mowa* ‘кашубский язык’ (другого подобного наименования нет), элементы лингвонима языка-корня, ср. *banátsći-balgarsći jazić* ‘банатско-болгарский язык’ (отношение к болгарскому языку), *gradišćanskohrvatski jezik* ‘градищанско-хорватский язык’ (отношение к хорватскому языку), т.е. *-balgarsći, -hrvatski*; их географическое нахождение (первый в исторической области Банат Румынии и Сербии, второй – в австрийской земле Бургенланд, или по-градищанско-хорватски – Градище).

¹ В славистике некоторое распространение получает лингвистическая метафора «малого языка» по отношению к славянским языкам, на которых говорят по несколько миллионов человек, ср., например, доклад словенского языковеда Й. Топоришича «Малые языки в многоязычном государственном обществе» на VIII Международном съезде славистов в Загребе в 1978 г. (см.: Вопросы языкознания, М., 1979, № 4. С. 158); также: П. Пипер. Српски као мали језик? // Научни саставак слависта у Вукове дане. 2002. Београд, 2004. С. 105–114; J. Nekvapil. O vztahu malých a velkých slovanských jazyků. // Lětopis, Budyšin, 2003, t. 50, N 1. S. 113–127. Видимо, в данном случае имеется в виду ограниченный функциональный статус таких языков (по сравнению, например, с русским, английским и др.). Разумеется, это всего лишь метафора.

1.4. Принципы классификации славянских микроязыков

Если в начале 80-х гг. XX в. систематическому исследованию были подвергнуты 12 литературных микроязыков, то за прошедшие после того четверть века количество литературных микроязыков прибавилось, а это значит, что современная Славия хотя и плотно покрыта языками культуры, т.е. литературными языками, все же таит в себе еще некоторые возможности для новых прецедентов подобного рода. Это значит также, что категория славянских литературных микроязыков характеризуется динамичностью, т.е. это развивающаяся и пополняющаяся лингвистическая категория. К настоящему времени к описанию и типологическому анализу привлекается по крайней мере 18 литературных микроязыков различной степени развития и характеристик. Однако, как оказывается, это не предел (см. ниже).

Каким образом можно классифицировать такой внушительный по количеству состав микроязыков? Прежде всего заметим, что, как и любой объект исследования, славянские литературные микроязыки необходимо классифицировать с тем, чтобы они были обозримы и чтобы исследователи могли обращаться ко всем микроязыкам сразу или к отдельным их группам и видеть взаимозависимость их друг по отношению к другу. В качестве критерия для такой классификации более всего подходит *ареально-географический принцип*, который сочетается также с *этнолингвогенетическим и литературно-языковым*. На первый взгляд кажется, что основной критерий, положенный в основу классификации, не связан с ареально-географическими характеристиками, поскольку речь здесь идет о литературно-языковых образованиях, т.е. о социолингвистических феноменах – литературных языках, а не о прикрепленных к регионам (ареалам) диалектах и говорах. Однако по отношению к литературным микроязыкам этот критерий все же выполняет не формальную роль: от него во многом зависит состояние нормы и функционального развития такого литературного микроязыка. Изучение взаимосвязей между литературным микроязыком и ареально-географическими факторами показывает, что, например, островные литературные микроязыки, т.е. оторванные от своего исходного языка-корня и находящиеся в иноязычном и иноэтническом окружении,

лучше нормированы и в функциональном плане более развиты, чем, например, периферийные (региональные), которые с трудом достигают статуса нормированного языка, а в функциональном отношении, как правило, ограничены узкой культурной сферой – обычно художественной литературой. Географический отрыв от своего языка-корня является толчком для *внутриязыковых (нормирование) и внеязыковых (функциональный аспект)* действий – как у крупных национальных литературных языков; региональность или периферийность же по отношению к исходному языку-корню сужает указанные возможности, так как общелитературный язык этноса выполняет здесь практически все необходимые функции. Разумеется, классифицируются диалектные основы по их ареальному расположению, а вместе с ними в классификационные рамки попадают и сами социолингвистические феномены в виде литературных микроязыков.

Выделяются 4 группы микроязыков по особенностям их ареально-географического расположения. Вот как выглядит классификация славянских микроязыков вместе с данными о местах их распространения и о числе носителей:

Таблица № 1

<i>микроязыки</i>	<i>страна, регион / культурный центр</i>	<i>статист. данные</i>
І. Автономные		
верхнелужицкий	Германия, земля Саксония, ист. обл. Верхняя Лужица / Будышин, в.-луж. Budyšin (нем. Bautzen)	40 тыс.
нижнелужицкий	Германия, земля Бранденбург, ист. обл. Нижняя Лужица / Коттбус, н.-луж. Chóśebuz (нем. Cottbus)	ок. 20 тыс.
кашубский	Польша, Гданьское воев., ист. обл. Поморье Гданьское и вост. часть Западного/Карпузы, Гданьск, польск. Kartuzy, Gdańsk	от 200–367 тыс.
ІІ. Островные		
югославо-русинский (южнорусинский)	Сербия – Автономная обл. Воеводина, Хорватия / Руски Керестур (серб. Руски Крстур), Нови Сад / Загреб (хорв. Zagreb)	ок. 25 тыс.

градищанско-хорватский	Австрия, земля Бургенланд / Йзенштадт, град.-хорв. Željezno (нем. Eisenstadt)	35–45 тыс.
молизско-славянский	Италия, обл. Молизе, пров. Кампобассо (итал. Molise, Campobasso) / –	ок. 4–4,5 тыс. (?)
резьянский	Италия, пров. Венеция–Джулия (итал. Venezia -Giulia), долина Резья	ок. 3 тыс. (?)
банатско-болгарский	Румыния, ист. обл. Банат / (в XIX в. центр – Винга / Vinga)	18–22 тыс.
III. Периферийно-островные		
(карпато)русинский	Украина – Закарпатская обл. (Подкарпатская Русь); Вост. Словакия (Пряшевская Русь); Польша, Венгрия, (Румыния) / разные	данные противоречивы
эгейско-македонский	Греция, Эгейская Македония / –	от 110 до 160 тыс.
помакский	Греция, номы Ксанти, Родопи, Эврос, ист. Зап. Фракия / Комотини (?)	36–39 тыс.
венецианско-словенский	Италия, обл. Фриули – Юлийская Краина, Терская и Недижская долины / –	ок. 9 тыс.
IV. Периферийные (региональные)		
чакавский	Хорватия, Адриатическое побережье и острова / Сплит, Риека хорв. Split и Rijeka (?)	
кайкавский	Хорватия, северо-запад и средняя часть / Загреб, Вараждин (хорв. Zagreb и Varaždin ??)	
прекмурско-словенский	Словения, обл. Прекмурье / Мурска Собота (словен. Murska Sobota ??)	–
ляшский	Чехия, Силезия / Фридек-Мистек (чеш. Frýdek-Místek)	–
восточнословацкий	Восточная Словакия / –	–
западнополесский	Белоруссия (част. Украина) / Минск (?)	–

Дадим комментарий к этой классификации.

I. Автономные микроязыки: а) автономны и в географическом, и в этнолингвогенетическом плане; без сомнения, это касается серболужицких и кашубского (хотя до сих пор статус кашуб-

ского остается дискуссионным – по крайней мере в польской славистике);

б) эти микроязыки имеют все возможности для культивирования литературных норм и

в) для расширения своего функционального спектра (сфер применения).

II. Островные микроязыки: а) возникают как результат переселения в другие славянские и в неславянские земли в разное историческое время;

б) географически оторваны от своего исходного этно-языкового корня (в меньшей мере это относится к резьянскому, который лишь словенско-итальянской государственной границей отрывается от общего словенского этно-языкового ареала, но, поскольку там непроходимые горы, то его изолированность, напоминающая этноязыковой остров, очевидна);

в) в генетическом плане сохраняют достаточно четкие связи со своим исходным языковым корнем (за исключением югославо-русинского, генезис которого нередко трактуется либо как закарпатскоукраинский, либо как восточнословацкий);

г) что касается формы литературного языка, то здесь многое выглядит так, как у автономных, т.е. сформированы или формируются нормы,

д) наблюдаются попытки как можно более удержать и расширить свой функциональный спектр и др.

III. Периферийно-островные микроязыки: а) это языки, выдвинувшиеся за пределы основного ареала и оказавшиеся частью в ином этноязыковом окружении, и лишь государственные границы делают их, условно говоря, островами;

б) в генетическом плане, как и островные, эта группа языков сохраняет отчетливые связи со своим этно-языковым корнем;

в) в плане литературного языка здесь ведется работа по его нормированию – тем же путем, что и у островных.

IV. Периферийные (или региональные): а) географически прилегают к своему изначальному этноязыковому массиву, т.е. к соответствующему крупному славянскому народу и его языку,

б) сохраняют с ним четкие генетические связи, но их отдельность проявляется на культурно-языковом уровне (локальная куль-

тура, исполненная на локальных говорах или диалектах в русле единого литературно-языкового процесса);

в) применяясь в основном в литературно-художественном творчестве и тем самым образуя литературно-языковой процесс, эта группа литературных языков менее всего нормирована, а если иметь в виду то, что писатели нередко пишут, опираясь преимущественно на свои говоры и диалекты, то их можно называть полинормными литературными языками; но даже при этом функционирующий литературно-языковой процесс направлен здесь на формирование койне.

Как видим, в данной классификации микроязыки сгруппированы по трем важнейшим параметрам – прежде всего ареально-географическому, через посредство которого видны генетические истоки и который так или иначе связан с социолингвистическими параметрами – нормализацией и с расширением функционального применения.

1.5. О носителях микроязыков

Исследование микроязыковых образований позволило выявить интересную закономерность: их нормативные, функциональные и этнические параметры ослабевают или сокращаются по мере движения

1) от автономных микроязыков, которыми пользуются *народности* (т.е. достаточно самостоятельные небольшие этносы), →

2) к островным, обслуживающим переселенческие группы – *этнические меньшинства*, →

3) а также к периферийно-островным, оказавшимся отрезанными от своего этноязыкового пространства (это так же *этнические меньшинства*) и, наконец,

4) к периферийным (региональным), которые культивируются *этно-культурными и культурно-языковыми региональными группами* в рамках своего исконного этноязыкового пространства.

Таким образом, из сказанного видно, что носителями микроязыков являются различные этносоциальные общности: в случае с автономными – это народности, в случае с островными и периферийно-островными – этнические меньшинства в иноэтническом и иноязыковом окружении (т.е. в других странах) и, наконец, в слу-

чае с периферийными – этно-культурные или культурно-языковые региональные группы в пределах своего исторического этноязыкового пространства. Действительно, у народностей больше возможностей для развития собственного литературного языка в нормативном и функциональном плане, у островных, а также у периферийно-островных этнических меньшинств подобные возможности тоже имеются, хотя их статус несколько ниже (этнические меньшинства располагаются дистанционно и, таким образом, являются отрезанными фрагментами от своего этноса); что же касается этно-культурных региональных групп, то они, оставаясь на периферии общего этноязыкового пространства, т.е. не отрываясь от него, пользуются прежде всего общелитературным языком, а в качестве связи с малой родиной прибегают к локальной форме письменности и к литературно-языковому койне.

1.6. Условия и факторы создания литературных микроязыков

Каким образом формируются литературные микроязыки?

Их появление – результат сложных исторических условий, в которых оказывались в разное время славянские народы. Речь идет о политико-административном разделении этноса, переселении его части по экономическим, политическим, религиозным и иным причинам в другие регионы славянского и неславянского мира и проч. В последнем случае возникали этноязыковые острова, длительное время оторванные от своего изначального этноса-корня. Но немаловажную роль в процессе выделения литературных микроязыков играют и собственно лингвистические факторы, например, сложность диалектной картины того или иного этноязыкового ареала, выражающаяся в очевидных отличиях говоров и диалектов друг от друга, а отсюда – возникающий большой разрыв между общим литературным языком для всего этноса и диалектом, ставшим его основой, и остальными диалектами, не ставшими таковыми. В «обделенных» статусом литературного языка говорах и диалектах усиливается обособленность, дольше консервируются локальные языковые черты. Все это приводит в конечном счете к осознанию языковой и этнической специфичности и может способствовать культивированию в соответствующей этноязыковой среде мысли о

необходимости создать собственную письменность и собственный литературный язык.

Формирование славянских литературных микроязыков, как, впрочем, и любых других литературных языков, следует прежде всего рассматривать в конкретно-историческом измерении, поскольку каждый литературный язык развивается в характерных для него внешне- и внутрилингвистических условиях. В то же время в их истории, в их движении в направлении создания нормированного и полифункционального литературного языка есть немало общего. Когда речь идет о предпосылках создания литературных языков, важно учитывать *примарность* ряда *условий*, без которых невозможно появление таких языков:

1) наличие у той или иной общности людей осознания своей этнической специфичности, что ведет к появлению общего имени – этнонима (самоназвания этноса);

2) наличие языковой отдельности, т.е. осознание материального различия между своим и чужим языком и осознание гомогенности (однородности) своего языка, на основе чего в дальнейшем сформируется литературный язык и появится лингвоним, т.е. самоназвание языка;

3) социальная скрепленность этноязыковой общности, т.е. осознание членами общности своей принадлежности к одному этносоциальному организму;

4) территориальная обособленность этно-лингво-социальной общности и связанная с этим компактность среды (населения, этноса).

Отсутствие одного из указанных условий становится объективным препятствием к созданию литературного языка, а нечеткое проявление одного из них замедляет ход его создания и развития. Все другие предпосылки и факторы являются *вторичными*, поскольку базируются на примарных либо являются производными от них:

1) наличие литературно-языковых (шире – культурно-языковых) предтрадиций на родственном или неродственном литературном языке;

2) наличие культурно-религиозных или культурно-национальных движений, выступавших, например, в виде протестантизм-

ма (в XVI в.) и национального Возрождения (во второй половине XVIII в. – середине XIX в.);

3) наличие субъективного фактора, обычно выражающегося в виде института будителей, и т.д.

Если примарные условия носят обязательный характер, то все остальные могут в разных комбинациях присутствовать в той или иной среде, в которой возникает проект литературного языка. Именно здесь, наряду с общими чертами, обнаруживаются и специфические, неповторяющиеся или же слабо проявляющиеся признаки, которые служат одной из отправных точек в деле формирования нового литературного языка.

1.6.1. Литературно-языковые предтрадиции. Под литературно-языковой (шире – культурно-языковой) предтрадицией понимается более или менее длительное функционирование (в той или иной среде, где возникал проект нового литературного языка) языка культуры, просвещения, администрации и т.д. как родственного по происхождению, так и неродственного вовсе. Предыстория практически всех славянских литературных языков имеет ту или иную литературно-языковую предтрадицию. Так, у сербов в первой трети XIX в. существовали (и сосуществовали) фактически три, хотя и генетически близких, литературных языка, или литературно-языковых предтрадиций, – церковнославянская русского извода, русская (преимущественно так наз. историографический слог XVIII в.) и конкурировавшая с ними народная сербская. Литературные языки предтрадиций не только возвращали в своих недрах ростки нового литературного языка, но и оставались своеобразным лингвистическим ориентиром на многие годы. Показательно, что славянские микроязыки в качестве литературно-языковых предтрадиций имели по несколько крупных литературных языков, нередко создававших ситуацию гетерогенного (т.е. неблизкородственного) многоязычия, например:

1) градищанско-хорватский – поначалу, возможно, церковнославянскую хорватской редакции и южнославянскую (хорватскую) на разных диалектных основах; это осложнялось еще немецкой и венгерской языковыми традициями;

2) кашубский – латинскую и немецкую, а более всего – польскую;

3) прекурско-словенский – хорватскую кайкавскую, а затем и общесловенскую (в XIX в.), а в отдельные периоды – латинскую и особенно венгерскую;

4) чакавский – старославянскую (до XII–XIII вв.), латинскую и итальянскую и т.д.

1.6.2. Культурно-религиозные и культурно-национальные движения других народов. Под культурно-религиозным движением понимается, помимо прочего, протестантизм XVI в., а под культурно-национальным – движения за национальное Возрождение второй половины XVIII – середины или даже 70-х гг. XIX вв. у южных и западных славян. Известна роль протестантизма, повернувшего внимание от наднациональных литературно-письменных языков (латынь) и вообще от чужих языков к родному языку паствы, в истории словенского литературного языка (деятельность П. Трубара, Ю. Далматина и др.), в истории становления словацкого, польского литературных языков. Протестантизм повлиял на формирование градищанско-хорватского литературного микроязыка: в XVI в. градищанские хорваты не только пользовались религиозными книгами протестантов А. Далматина и С. Истринина, но впервые обратились к собственной живой речи, а в начале XVII в. появляются у них первые печатные книги. Протестантизм привел к применению кашубской речи в письменности: в 1586 г. Шиман Крофей перевел и издал духовные песни М. Лютера, язык которых ориентирован на польский язык того времени в Приморье, но содержал уже кашубские элементы (таков же перевод малого катехизиса М. Лютера 1643 г., сделанный протестантским пастором Михалом Мостником). Вместе с тем возникали уже и тексты, ориентированные на живую кашубскую речь Западного Приморья, так как очаги культуры в ту пору располагались именно здесь.

Эпоха национального Возрождения была толчком для молизских славян Италии: их будитель Джованни (Иван) де Рубертис под влиянием этого движения у сербов и хорватов обращает внимание на родной переселенческий диалект и начинает на нем писать. Банатско-болгарский литературный микроязык, возникновение которого падает на середину XIX в., связывается с периодом Возрождения южных славян: до этого использовавшие для себя в культур-

но-религиозных целях «иллирский» (хорватский) язык банатские болгары обратились к литературному языку сербов и хорватов как к своеобразному лингвистическому эталону в решении ряда вопросов собственного языка. Будитель банатских болгар Йозу Рилл в своей грамматике утверждает (хотя и не реализует до конца) фонетический принцип письма сербского будителя В. С. Караджича «пиши, как говоришь».

1.6.3. Иные предпосылки этносоциальной природы. Речь идет, например, о политике этнической (национальной) дискриминации и ассимиляции, которую часто проводили власти метрополий. Подобная политика нередко давала противоположные результаты, являясь как бы «предпосылкой от противного». Так, в конце XIX в. бачко-сремские (южнославянские) русины подвергались политике мадьяризации (ассимиляции со стороны венгров). Украинский этнограф В. Гнатюк, посетивший их с научной целью, неоднократно слышал сетования на отсутствие у них собственного литературного языка. И в самом начале XX в., в 1904 г., на югославо-русинском языке появилась, наконец, первая печатная книга Гавриила Костельника, ставшая началом молодого литературного микроязыка. В XIX в. идея кашубского литературного языка как бы вновь возрождается — как раз в этот период проходила волна германизации кашубов (особенно во второй половине XIX в.).

1.6.4. Субъективные предпосылки и факторы. Отмеченные ранее предпосылки и факторы сами по себе не в состоянии сдвинуть с места, организовать новое литературно-языковое движение. Использовать такие предпосылки, привести в действие наличествующие факторы могут только люди, т.е. субъективный фактор. Обычно в период, когда созревают необходимые этносоциальные предпосылки, в среде, где потенциально возможно создание нового литературного языка, появляются пионеры, которые собственным примером и всей своей деятельностью (как правило, в области литературно-художественного творчества либо в организационно-издательской) пытаются доказать полезность и необходимость собственного литературного языка, стремятся определить возможности и пути создания такого языка. В истории славянской культуры и литературных языков такие литературно-лингвистические (или,

шире, культурно-лингвистические) пионеры получили название будителей. Институт будителей возникает в основном в эпоху национального Возрождения. У чехов это поколение Йозефа Добровского и «доюнгоммановских» будителей, возродивших в конце XVIII – начале XIX вв. чешский литературный язык, и второе поколение – сам Йозеф Юнгманн и его последователи, у сербов – Вук С. Караджич и т.д. Их усилия сводились к поискам приемлемой диалектной основы литературного языка и к кодификации норм, после чего следовала большая, часто полная самопожертвования, работа по организации литературно-языкового (шире – культурно-языкового) движения.

В Микрославии будители на своем языковом материале начинают практически с нуля и, как правило, в одиночестве. Субъективный фактор здесь присутствует в более зримой и ощутимой форме – и не только в период деятельности будителя, но он зачастую оказывается единственным инициатором литературно-языкового движения и в дальнейшем развитии. Эти факторы оказались решающими в возрождении в самом начале XX в. литературных чакавщины и кайкавщины (старочакавский литературный язык угас к XVIII в., а старокайкавский – в 70-е гг. XIX в.). Возродителем первой был поэт Владимир Назор, а второй – Антун Густав Матош. В качестве причин их возрождения называются: а) романтическая увлеченность поэтов и писателей прошлыми литературно-языковыми традициями своего края; б) ностальгия по «малой родине» с ее живым и древним языком – как результат отчуждения, вызванного городом; в) жалобы на то, что на общелитературном языке не удастся выразить все семантические и стилистические нюансы слова; г) музыкальность и «сладкость» родного (диалектного) слова, самого диалекта или говора в целом; д) стремление зафиксировать родное «естественное» слово, пока оно не исчезло, и др. Как результат – оба региональных литературных языка (и обе литературы на них) переживают на протяжении всего XX в. и в начале века XXI настоящий расцвет.

Говоря о субъективных предпосылках формирования литературных языков и характеризуя, в частности, институт будителей,

надо подчеркнуть важность возникающих в этот период лингвистических императивов. В конце XVIII в. молизский славянин Никола Нери так призывал своих соотечественников: «Не забывайте наш прекрасный язык!» – этот лингвистический лозунг с явным этническим подтекстом молизские славяне пронесли сквозь века: в качестве эпиграфа он печатался на обложке каждого номера их римского журнала «Naš jezik – La nostra lingua» («Наш язык»). Лингвистический императив «Будем держаться языка наших дедов!», сформулированный в 20-е гг. XX в. югославо-русинскими будителями, был мобилизующим фактором не только на начальном этапе развития их литературного микроязыка.

Таким образом, состояться или не состояться тому или иному литературному языку – зависит, как уже было отмечено, от совокупности как обязательных примарных, так и вторичных предпосылок и факторов, причем последние в каждой конкретной ситуации не накладываются своим составом полностью друг на друга (что-то совпадает, а что-то – нет). Эта ненакладываемость (или же неполная накладываемость) как раз и составляет специфику становления и развития каждого конкретного литературного микроязыка.

1.7. О генетической основе славянских литературных микроязыков

Что касается генетической классификации славянских микроязыков, то она отличается от предложенной выше ареально-географической и, это понятно, так как затрагивает не собственно литературные микроязыки, но – их диалектные базы.

Таблица № 2

<i>языковые группы и языки</i>		<i>литературные микроязыки</i>		<i>место в ареально-географич. классификации</i>
1. Южнославянская группа				
хорватский	→	чакавский	←	периферийные
	→	кайкавский		

	→ →	градищанско-хорватский молизско-славянский	←	островные
словенский	→ → →	прекмурско-словенский венецианско-словенский резьянский	← ← ←	периферийный периферийно-островной островной
болгарский	→ →	банатско-болгарский помакский (в Греции)	← ←	островной периферийно-островной
македонский	→	эгейско-македонский	←	периферийно-островной
II. Западнославянская группа				
серболоужицкий	→ →	верхнелужицкий нижнелужицкий	←	автономные
кашубский	→	кашубский	←	автономный
чешский (+ польский)	→	ляшский	←	периферийный
словацкий	→	восточнословацкий	←	периферийный
III. Восточнославянская группа				
украинский	→	(карпато)русинский	←	периферийно-островной
белорусский / украинский	→	западнополесский	←	периферийный
IV закарп.-украин. (переходный к вост.-словацкому)	→	югославо-русинский	←	островной

Примечание: 1) Единого взгляда на генезис серболоужицкого нет: по мнению одних исследователей, у него один генетический источник, по мнению других – таких источника два (потому и *верхнелужицкий* и *нижнелужицкий*); 2) ляшский в целом относят к чешскому генетическому источнику, однако все же вернее относить его к переходному чешско-польскому диалектному поясу; 3) западнополесский отражает белорусско-украинские черты.

Генетическая классификация показывает, что более половины микроязыков являются южнославянскими по происхождению, по-

сле чего следует западнославянский генетический источник и лишь затем – восточнославянский. Что касается ситуаций, в которых оказываются микроязыки и их проекты, то:

- 1) южнославянские по происхождению географически охватывают три ситуации – островную, периферийно-островную и периферийную (региональную),
- 2) западнославянские две – автономную и периферийную,
- 3) восточнославянские две – периферийно-островную и собственно периферийную.

1.8. Некоторые социолингвистические параметры славянских литературных микроязыков

Теперь посмотрим, какими социолингвистическими признаками характеризуются группы славянских литературных микроязыков. В качестве таковых выделим лингвонимы, т.е. обратим внимание на то, имеют ли они собственные наименования, какие были взяты в качестве базы говоры или диалекты при создании литературного микроязыка, с какого времени существует на них письмо и на какой основе, когда появились первые и последующие кодификации (в виде нормативных грамматик) и каков функциональный статус рассматриваемых литературных микроязыков.

Таблица № 3

I. Автономные микроязыки

микроязыки	лингвонимы	диалектн. основа	письменность	грамм. кодиф.	функционал. аспект
верхнелужицкий	<i>serbsčina, hornjoserbsčina</i>	в.-лужиц. говоры (будышинский)	с XVI в.; латиница	1679 г. →	функционал. развитый (поливалентный)
нижнелужицкий	<i>serbsčina, dolnoserbsčina</i>	н.-лужиц. говоры (коттбусский)	с XVI в.; латиница	1640 г. →	функционал. слабый
кашубский	<i>kaszësczi jãzëk / kaszëbskô mowa</i>	разные говоры	с XV в.; латиница	40-е гг. XIX в. /1879 г.	функционал. развивающийся

В плане приведенных социолингвистических параметров верхнелужицкий оказывается достаточно развитым, слабы позиции нижнелужицкого, движется в направлении расширения своего функционального спектра кашубский.

II. Островные микроязыки

Таблица № 4

<i>микроязыки</i>	<i>лингвонимы</i>	<i>диалектн. основа</i>	<i>письменность</i>	<i>кодиф. грамм.</i>	<i>функционал. аспект</i>
югославо-русинский (южнорусинский)	<i>руски язык (бачванско-руски язык)</i>	зак.-укр. говор, смеш., переходн. к вост.- словацк. наречию	с XVIII в.; церковн., граждан. кириллица	1923 г. →	функционал. развитый (поливалентный)
градишанско-хорватский	<i>gradišćansko-hrvatski jezik</i>	переселенч. чакавск. икав.-в.-экавск. говор хорватский	с XVI в.; латиница	1919 г. →	средней функциональности
молизско-славянский	<i>naš jezik, po našu, na našu</i>	штокавск. икав. говор хорватский	с XIX в.; латиница	1968 г. →	функционал. слабый
резьянский	<i>rozajanski jazez/ langač</i>	говор примор. наречия словен. яз.	с XVIII в.; латиница	—	средней функциональности
банатско-болгарский	<i>banátsći-balga-rsći jazić</i>	юго-восточные говоры болгар. яз.	с XIX в.; латиница	1866	средней функциональности

По ряду параметров литературные микроязыки этой группы следуют за автономными, однако в функциональном плане они явно отстают (кроме югославо-русинского).

III. Периферийно-островные микроязыки

Таблица № 5

<i>микро- языки</i>	<i>лингвонимы</i>	<i>диалектн. основа</i>	<i>письмен- ность</i>	<i>грамм. кодиф.</i>	<i>функцион. аспект</i>
(карпато)- русин- ский	<i>русиньский / русинський / русинский / лемківський язык, карпаторус- ский язык</i>	закарпат.-укр. говоры украин. яз.	с XV в.; церковн., граждан. кирилл., спорадич. латиница	преиму- щест- венно с XX в.	функцион. развиваю- щийся
эгейско- македон- ский	<i>македонски език / језик от Эгей / Egej</i>	македонск. эгейские костурско- лерин. говоры Греции	XVIII / XIX вв.; кирилл., спорадич. греческ., латиница	1953 г.	функцион. слабый
помак- ский	<i>ποματσκέζ λεζίκ / pomatskes giezik</i>	болгарск. ро- доп. говор Греции	XX в.; греческ., латиница	с 90-х гг. XX в.	функцион. слабый
венециан- ско- словен- ский	<i>beneško- slov(i)en- ski jezik</i>	говоры приморск. наречия словен. яз.	кон. XVIII в.; латиница	—	функцион. слабый

Некоторые периферийно-островные литературные микроязыки характеризуются пестротой используемого письма и слабой функциональностью, кроме интенсивно развивающегося (карпато)русинского в Европе.

IV. Периферийные (региональные) микроязыки

Таблица № 6

микро- языки	лингвони- мы	диалектн. основа	письмен- ность	грамм. кодиф.	функцион. аспект
чакав- ский	<i>čakavština,</i> <i>čakavski</i> (<i>književni</i>) <i>jezik</i>	хорват. чакав. говоры	XI/XII вв.; глаголица, с XV в. лати- ница	1604 г.	функцион. активный
кайкав- ский	<i>kajkavština,</i> <i>kajkavski</i> (<i>književni</i>) <i>jezik</i>	хорват. кайкав. говоры	с XV /XVI в.; латиница	1783 г. →	функцион. активн.
прек- мурско- словен- ский	<i>prekmurš-</i> <i>čina,</i> <i>prekmurski</i> (<i>knjižni</i>) <i>jezik</i>		с XVII в.; латиница	—	функцион. слабый
ляшск- кий	<i>laščina, laš-</i> <i>sky (spisow-</i> <i>ny) jazyk</i>	верхнеост- рав. говор чеш. яз.	XX в.; латиница	—	функцион. угасающий
восточ- носло- вацкий	<i>vichod(no)-</i> <i>slovenska</i> <i>reč</i>	вост.- словац. говоры словацк. яз.	с XVIII в.; латин.	(1875)	функцион. слабый
западно- полес- ский	<i>заходышно-</i> <i>поліська</i> <i>волода /</i> <i>мова</i>	полесские говоры белорус. яз. (и укр. яз.)	с (XIX) /XX в.; кирилл., спорад. латин.	—	функцион. Угасающий (с сер. 90-х гг.)

Периферийные (региональные) литературные языки, как и следовало ожидать, в большинстве своем лишены кодификаций, а в функциональном отношении это в основном слабые литературные микроязыки. Некоторые из них находятся даже на грани угасания — ляшский, западнополесский. Однако есть и такие, которые активно

развиваются, но в узкой сфере – главным образом в области художественной литературы (чакавский, кайкавский).

Социолингвистические параметры во всех четырех группах дают нам возможность составить представление о том, что перед нами не капризы индивидуумов, но – литературно-языковые процессы. Нетрудно также заметить, что чем выше микроязык в предложенной иерархии (IV → III → II → I), тем он лучше обработан, о чем свидетельствует наличие первых и показанных знаком → последующих кодификаций в виде нормативных грамматик (но также, добавим, сводов правописания и нормативных словарей). Действительно, языки группы I (пока кроме кашубского) и части группы II (югославо-русинский, градищанско-хорватский) достаточно хорошо нормированы и по большей части стремятся к функциональной поливалентности (к употреблению в разных сферах жизни). Последнее как раз и работает на повышение грамматической и лексической нормативности, так как своим использованием в различных доступных сферах литературный микроязык вынужден оттачиваться, унифицироваться и т.д.

1.9. Проблемы нормы и кодификации. О влиянии окружающих языков

Литературные микроязыки, находящиеся в условиях постоянных контактов с окружающими их языками и культурами, проявляют тягу к нормированию и к кодификации своих грамматических и лексических норм. Достигнуть статуса кодифицированного литературного языка непросто – нередко на это уходят многие десятилетия. Бывает, что между последней кодификацией и современным функционированием литературного микроязыка отмечается длительный период, а то и перерыв в литературно-языковом процессе. В таком случае кодификация становится всего лишь историческим документом, хотя отдельные импульсы от нее могут продолжать питать и современные усилия нормализаторов языка. В условиях дефицита кодифицированных руководств, правда, приходится считаться и с такими нормативными кодексами. Нижеследующая таблица дает представление о нормировании и кодификации славянских литературных микроязыков на примере одной группы – островной.

**Начало кодификаций
в островных славянских литературных микроязыках**

<i>микро- языки</i>	<i>письмен- ность с...</i>	<i>кодифицированные руководства (в форме изданной книги)</i>			<i>наличие единых норм</i>
		<i>грамма- тические с...</i>	<i>лекси- ческие с...</i>	<i>граф.- орфогр. с...</i>	
югославо- русинский	XVIII в.	1923	1969	1971	+
градищан- ско-хорват- ский	XVI в.	1919	1982	–	+
молизско- славянский	XIX в.	1968	1972	–	+
резьянский	XVIII в.	–	(2003)	1994	(–)
банатско- болгарский	XIX в.	1866	–	–	+

Примечание: 1) В рубрике «единые нормы» крестиком отмечаются ситуации, когда микроязык унифицирован, используется едиными нормативными правилами, т.е. не выступает в литературно-письменных вариантах; 2) по отношению к резьянскому в скобках дана информация, косвенно относящаяся к лексической кодификации, – двуязычный резьянско-итальянский и итальянско-резьянский словарь: S. Chinese Hug'ou. Rošajanskë-laškë bysidnjäk / Repertorio lessicale italiano – resiano. Udine, 2003; единые нормы здесь – скорее предложение, чем реализованная практика.

Грамматическими нормализаторами и кодификаторами были: у югославо-русин Гавриил Костельник, у градищанских хорватов – Мате Милорадиц, у банатских болгар – Йозу Рилл. Разумеется, первые грамматические кодификации есть у микроязыков, входящих в группу автономных, – нижнелужицкая Я. Хойнана 1640 г. и верхнелужицкая Я. Тицина 1679 г.; у кашубов это рукописная грамматика Ф. Цейновы 40-х гг. XIX в. и печатная – 1879 г. Среди периферийно-островных назовем эгейско-македонскую грамматику – появилась в 1953 г. (без авторства), а помакские кодификации относятся к 90-м гг. XX в. У периферийных микроязыков кодификации отсутствуют.

Что касается состояния нормы, то для микроязыков характерно их варьирование, которое проявляется в наличии двух и более морфологических форм, в обилии лексических и словообразовательных дублетов и под. Например, в морфологии наличие вариантов может объясняться конкуренцией как свидетельством внутренних эволюционных процессов. Так, в градищанско-хорватском заметна конкуренция в звательном падеже существительных: давние формы типа *človiče!* ‘человек!’, *ženo!* ‘женщина!’ могут заменяться формами именительного падежа – *človik, žena*. Процесс подобной замены усиливается. Формы сложного будущего находятся в постоянной конкуренции – то (*ja*) *ću gledati* ‘я буду смотреть, посмотрю’, то *gledat ću* с тем же значением (такова, собственно, ситуация и в хорватском Хорватии). В то же время вариантность может вызываться извне, т.е. возникать под влиянием соседнего языка или же, в ряде случаев, под воздействием дистанционно расположенного исходного языка-источника (см. ниже).

Для таких автономных микроязыков, как серболужицкие, а также островной югославо-русинский, характерна тенденция к строгости норм – как у крупных литературных языков. Периферийные микроязыки обычно выступают как дву- и более вариантные системы, так как каждый пишущий здесь ориентируется на свой говор. Такие микроязыки, как уже было сказано, можно называть полинормными.

Славянские литературные микроязыки находятся в зонах активных **языковых контактов**. Первостепенную важность здесь имеет вопрос о взаимоотношениях больших и малых языков, так как он является одним из важнейших как в плане возможностей внутреннего развития – развития норм – литературного микроязыка, так и в функциональном плане (где и как «позволяет» большой язык употребляться и развиваться малому и т.д.).

Ситуация в группе периферийных микроязыков в этом отношении достаточно четкая: пишущие на них в качестве источников «питания» прибегают к общенациональному литературному языку, а последний так или иначе постоянно влияет на саму диалектную базу и на протагонистов литературного микроязыка. Такова ситуация у чакавских и кайкавских писателей. Создатель ляхского литературного языка О. Лысогорский прибегал к сознательно-

му заимствованию элементов из чешского и польского литературных языков и т.д. Можно сказать, что и периферийно-островные, и островные литературные микроязыки в обогащении своего словаря и грамматики также обращались и продолжают обращаться к своим языкам-источникам: градищанско-хорватский – к хорватскому, банатско-болгарский – к болгарскому, (карпато)русинские – к украинскому («словацко-русинский» – к словацкому) и т.д.

Однако как среди собственно периферийных, так и периферийно-островных отмечается и тенденция к отталкиванию, т.е. сознательное стремление как можно дальше отойти, в т. ч. и в письменности, от своего исходного языка-источника, чтобы сохранить или же создать себе некоторую специфику. Этим, как правило, заняты нормализаторы и другие творческие работники. Такую тенденцию ныне отражают (карпато)русинский (например, «словацко-русинский», как было сказано выше, с большей готовностью опирается на словацкий, чем на украинский), югославо-русинский, лавирующий между сербско-хорватским и украинским, и т.д.

Среди микроязыков выделяются *поликонттактные*, причем в некоторых случаях эта поликонттактность складывается из непосредственно окружающих их языков и дистанционно располагающихся языков-источников, из которых берутся те или иные языковые элементы. Так, градищанско-хорватский контактирует с немецко-австрийским, частично с венгерским, к чему прибавляются также давние попытки сблизиться с хорватским литературным языком Хорватии, т.е. речь идет о:

- 1) непосредственном гетерогенном (неоднородном по происхождению) контакте: славянский градищанско-хорватский + германский немецко-австрийский + финно-угорский венгерский и
- 2) дистанционным гомогенным (однородным по происхождению): славянский градищанско-хорватский + славянский хорватский.

Югославо-русинский непосредственно контактирует в Воеводине и в Хорватии только с сербско-хорватским (хотя, правда, в некоторые периоды наблюдалось и соприкосновение с переселенческим венгерским, а также с немецким) и дистанционно – с украинским. Таким образом, здесь преимущественно гомогенное контактиро-

вание, т.е. славяно-славянское. Далее: на прекумурско-словенский в свое время определенное влияние оказывал кайкавский, а также венгерский. На помакский в Греции более всего влияет, разумеется, греческий (начиная с греческого письма), а также турецкий (или арабо-турецкий) по причине исламской веры помаков, т.е. здесь типично гетерогенное контактирование.

Если воздействие языков-соседей на выбор литературным микроязыком письменности очевиден (греческая – потому что помаки, создающие собственный литературный язык, проживают в Греции; венгерская латиница в прошлом, а ныне латиница южнославянского типа у банатских болгар – поскольку они являются католиками), то сложнее ситуация с влиянием окружающих языков и языков-источников на грамматические системы и прежде всего на словарь микроязыков. С одной стороны, элементы воздействия часто входят в оригинальном, т.е. неадаптированном, виде, с другой стороны – они могут подвергаться адаптации к фонетической и проч. специфике заимствующего языка. При этом, в отличие от ситуации в больших литературных языках, в литературных микроязыках часто виден источник заимствования (воздействия), так как заимствуемые элементы здесь проходят через так наз. «фильтр» соседнего влияющего языка, ср. интернациональное слово *аспирант*, которое в «словацко-русинском» выступает в словацкой фонетической огласовке как *ашпирант* (словац. *ašpirant*), а не в украинской – *аспірант*, аналогично также *шпорт*, *штадіон*, *штандарт*, *штатістика*, *штіл*, *штруктура*, *штудент* и под.

В функционально слабом молизско-славянском, как и в резьянском, основным «фильтрующим» языком становится итальянский. Ср. также возникшие по немецкой (и венгерской) модели предлоги в роли глагольных отделяемых приставок в градищанско-хорватском типа *skupavršiti* ‘сотрудничать’ и *vršiti skupa* (ср. нем. *zusammenwirken*) при хорватском *sudjelovati* ‘то же’. О том, что литературный микроязык, обогащаясь элементами других языков, в то же время подвергается известной деструкции, говорят факты увеличения в них вариантности форм и дублетности лексических единиц, ср., например, в югославо-русинском под влиянием сербско-хорватского языка с собственной формой предложного (местного) падежа

у *швеце* ‘в мире, в свете’ конкурирует (и давно) форма у *швету* – как серб.-хорв. у *свету* / *u svetu*. Подобными примерами пронизаны грамматические системы и словарные составы большинства славянских литературных микроязыков.

1.10. Функциональный аспект славянских литературных микроязыков

Славянские литературные микроязыки стремятся проявлять себя именно как литературные языки, шаг за шагом приобретая те или иные, необходимые для литературного языка, (социо)лингвистические признаки. Укрепление функциональных сфер – одна из важнейших задач, перед которой стоит каждый литературный микроязык. В функциональном плане можно выделить:

1) **функционально сильные** литературные микроязыки – используются практически во всех тех сферах, где это возможно и разумно именно для микроязыка, т.е. это функционально поливалентные микроязыки;

2) литературные микроязыки **средней функциональности** – находят применение в ряде сфер и могут претендовать на дальнейшее расширение своего функционального спектра;

3) **функционально слабые** литературные микроязыки – употребляются в минимальном количестве сфер.

Лишь группа автономных литературных микроязыков обладает первым параметром (с оговоркой: нижнелужицкий, может быть, занимает позицию между микроязыками средней и слабой функциональности), в то время как в других группах рядом с функционально сильными сосуществуют языки средней и слабой функциональности. Так, из островных функционально сильным следует считать югославо-русинский; градищанско-хорватский располагается между функционально сильными и литературными микроязыками средней функциональности; средней функциональности здесь также банатско-болгарский, в то время как резьянский и особенно молизско-славянский были и остаются функционально слабыми, особенно последний. У периферийно-островных функционально сильным является один – (карпато)русинский, в то время как остальные следует пока считать функционально слабыми.

Из периферийных, употребляющихся преимущественно в области художественной литературы, функционально сильными являются чакавский и кайкавский, до недавнего времени западнополеский, в то время как остальные – функционально слабые.

Таблица № 8

Картину реального использования СЛМЯов дает разработанная нами функциональная матрица:

ГРУППЫ	№	ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ	СТРАНА	ХУДОЖ. ЛИТ-РА		СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ				ОБРАЗОВАНИЕ						РЕЛИГ. ЖИЗНЬ	СОБСТВ. УЧРЕЖДЕНИЯ	ТЕАТР	ТОПОГРАФИЧ. НАДПИСИ	ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА											
				ЛИРИКА	РАССКАЗ	РОМАН	ПЕРИОДИКА	ГАЗЕТЫ	ЖУРНАЛЫ	ЕЖЕГОДНИКИ	СМЕШАН. ИЗД.	РАДИО	ТВ	ШКОЛЫ	ОСНОВНАЯ						СРЕДНЯЯ	ГИМНАЗИЯ	КЛАССЫ	ВСЕ ПРЕДМЕТЫ	ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ	УНИВЕРСИТЕТ	АДМИНИСТРАЦИЯ	НАУКА	ЦЕРКОВЬ	ПЕРЕВОД БИБЛИИ	
АВТОНОМНЫЕ	1	КАШУБСКИЙ	Польша	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	2	В.-ЛУЖИЦКИЙ	Германия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСТРОВНЫЕ	3	Н.-ЛУЖИЦКИЙ	Германия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	1	Ю.-.-РУСИН-СКИЙ	Сербия, Хорватия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ПЕРИФЕР.-ОСТРОВНЫЕ	2	ГРАД.-ХОРВАТ.	Австрия	+	+	(+)	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	3	МОЛИЗ.-СЛАВЯН.	Италия	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	4	РЕЗЬЯНСКИЙ	Италия	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	5	БАНАТ.-БОЛГАР.	Румыния/ Сербия	+	(+)	?	+	+	+	+	?	+	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	1	КАРПАТО-РУСИН.	Словакия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	ЭГ.-МАКЕДОН.	Греция	+	(+)	(+)	+	+	+	+	?	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ	3	ПОМАКСКИЙ	Греция	+	?		+	-	-			?	-	-	-	?	-	-	-	+		+		+		
	4	ВЕНЕЦ.-СЛОВЕН.	Италия	+	+	-		+	+	?		(+)	-	-	-	(+)	-	-	-	(+)		+	?	+		
	1	ЧАКАВСКИЙ	Хорватия	+	+		-	+	+	+	+	(+)			-	-	(+)	-	-	-	+		+	+	-	+
	2	КАЙКАВСКИЙ	Хорватия	+	+		-	+		+	+	(+)			-	-	(+)	-	-	-	+		+	+	-	+
	3	ПРЕКМУР.-СЛОВЕН.	Словения	+	(+)			+	+	+	?							-	-	-	+		?			+
	4	ЛЯШСКИЙ	Чехия	+	(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	5	ВОСТ.-СЛОВАЦК.	Словакия	+	+	-	-	+		?	?	-	-	-	-	-	?	-	-	-	+		(+)	?		+
	6	ЗАП.-ПОЛЕССКИЙ	Белоруссия	+	+	(+)	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+

Примечания: 1) Взятые в круглые скобки означает, что данная сфера заполняется слабо, спорадически либо присутствовала в прошлом; 2) пустые клетки означают отсутствие данных на начало 2010 г.; 3) знак вопроса обозначает отсутствие достоверных данных; 4) в разделе «периферийно-островные», п. 1. «карпато-русинский» представлены данные только по Восточной Словакии.

Представленная здесь функциональная матрица дает возможность определить каждый ЛМЯ по 10 основным и еще по 18 внутренним детализирующим параметрам или признакам. Так, например, основной параметр «художественная литература» имеет еще три внутренних детализирующих – деление на «лирику», «рассказ», «роман» и под. В результате можно достаточно полно определить функциональную нагрузку каждого литературного микроязыка, отмечая при этом, какие параметры в том или ином случае наличествуют, насколько последовательно и полно они представлены, насколько неполно, спорадически заполняются и т.д. Правда, следует иметь в виду, что нередко наполняемость того или иного параметра может колебаться от достаточно репрезентативной (представительной) до весьма скромной: есть, например, литературные микроязыки, на которых написаны по одному-два романа (кашубский, градищанско-хорватский), в то время как на других – до десяти и более (верхнелужицкий, югославо-русинский). Имеются и такие, на которых художественная литература существует, однако – только малых жанров. Этот фактор необходимо учитывать при исследовании функционального развития литературных микроязыков.

Из матрицы следует, что всеми или почти всеми 28 параметрами (т.е. 10 основными и 18 внутренними детализирующими) обла-

дают лишь некоторые микроязыки: из автономных – верхнелужицкий, а из островных – югославо-русинский. Следовательно, как уже было отмечено выше, это функционально сильные микроязыки.

Нижнелужицкий и кашубский в этом плане слабее – они проявляют себя в соответственно в 8 и 9 основных сферах и в 13 и 14 детализирующих параметрах и скорее всего могут быть отнесены к микроязыкам средней функциональности, однако – с потенциальной возможностью достичь самой высокой ступени (это относится прежде всего к кашубскому языку).

Из островных к среднему рангу примыкают градищанско-хорватский, а также банатско-болгарский – они проявляют себя соответственно в 9 и 6 основных сферах и в 13 и 8 внутренних. Резьянский и особенно молизско-славянский, выше квалифицированные нами как функционально слабые, достигают небольшого числа сфер употребления – они весьма скромно представлены в 7 основных сферах и соответственно в 9 и 7 внутренних, при этом нужно иметь в виду, что для молизско-славянского заполняемость сфер весьма слабая и вообще носила спорадический характер.

Среди периферийно-островных по числу осваиваемых сфер лидирует карпато-русинский (Словакии), а среди периферийных – западнополесский, в начале XX в., правда, начинающий сдавать позиции по причинам скорее субъективного характера.

Подобное прочтение и последующая интерпретация предложенной функциональной матрицы позволяет наглядно увидеть степень используемости конкретного литературного микроязыка. Следует только иметь в виду, что в функциональной матрице отражается факт заполнения сферы не только в сегодняшнем ее состоянии, но и когда-то в прошлом, т.е. использование микроязыка в тех или иных сферах в определенный период окажется активным, после чего может наступить спад или даже некоторый перерыв, а затем – вновь активизация и т.д.

Специально необходимо сказать о том, насколько широко распространяется и насколько глубоко проникает литературный микроязык в среду носителей, т.е. какова этносоциальная база такого языка. Если обратиться к большим литературным языкам, то можно констатировать следующую закономерность: нормы общелитера-

турного языка через школу изучают все члены того или иного этноареала, а вот все ли усваивают их и используют в повседневной жизни – это вопрос. Ведь не секрет, что значительная часть закончивших школу в последующей жизни практически не использует литературный язык, повседневно общаясь на разговорной, просторечной или диалектной разновидностях этнического языка. Для таких людей литературный язык становится пассивной формой языка, односторонне «люющей» на них из радиопередач и по телевидению. Таким образом, ситуация с нормативной разновидностью большого этнического языка не является простой и не моделируется по формуле «изучил литературный язык – и пользуюсь только им». В Микрославии ситуация еще сложнее, поскольку нормы литературного микроязыка получают не повсеместное распространение. Более того, немало есть людей, которые читают и слушают на микроязыке, а говорить предпочитают на языке крупного этноса. Есть ситуации, в которых преобладает «интеллигентское» общение, т.е. литературный микроязык используется в основном образованной частью микросообщества. Наблюдается и такая модель речевого поведения: человек пользуется литературным микроязыком и диалектом – в зависимости от коммуникативной ситуации, которая к тому же может осложняться употреблением общелитературного этнического языка. В силу сказанного, можно заключить, что социальная база микроязыков слабее.

1.11. О новых экспериментах по созданию литературных микроязыков

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что этно-литературно-языковой феномен «Микрославия» переживает на рубеже XX–XXI вв. подъем. Мы являемся свидетелями начальных ростков литературных образований, которым в будущем суждено стать литературными микроязыками. А это значит, что «природная» речь, на которой они основываются, сохранит свое существование. Это также значит, что усиливается связь с малой родиной и как-то удовлетворяется ностальгия нынешнего поколения по языку своих предков, и т.д. Современная Славия еще располагает некоторыми потенциальными возможностями для возникновения новых ростков

в виде литературных микроязыков, которые будут сосуществовать и функционировать в согласии и в гармонии с литературными языками крупных славянских (и не только славянских) народов.

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются процессы создания новых литературных микроязыков. Так, например, в Воєводине (Сербия) буквально на наших глазах рождается так наз. **буневский литературный микроязык**. Буневцы проживают в исторической области Бачка – Суботица, Сомбор, Чентавир, Баймок, Чонопля и др., а также незначительно – в исторических областях Баранья и Банат. Часть их поселений оказалась также в Венгрии. В бывшей Югославии их насчитывалось примерно 80 тыс. человек, в Сербии по переписи 2002 г. – 20 тыс. Вероятно, их предки являются выходцами из Далмации. В Сербии буневцы квалифицируются, как национальное меньшинство; иногда о них пишут как о народности, имевшей в качестве предков сербов-католиков. Тем не менее часть буневцев относит себя к хорватам, другая часть считает себя самостоятельным этносом. Как бы то ни было, но у них уже существует общество «Национальный Совет буневского национального меньшинства» и даже «Буневская Матица» («Bunjevačka Matica»). Одной из задач возрождения ставится создание буневского литературного языка. Вводятся уроки буневского в некоторых начальных школах. Издающийся «Буневский журнал (-ая газета)» («Bunjevačke novine») уже печатает тексты по-буневски.

В 90-е гг. XX в. в Польше возникло и ныне активно развивается движение за создание **силезского**, а также **гуральского (подгальского) литературных микроязыков**. Несмотря на разобщенность инициаторов и обществ, участвующих в этом движении, по-силезски и по-гуральски уже появляются печатные тексты. Так, издан в форме книги перевод на гуральский «Евангелия», выходит некоторая периодика и другие издания, в т. ч. в электронном виде в интернете. Такие эксперименты можно назвать литературными микроязыками *in statu nascendi*, т.е. ‘в состоянии рождения’. Очевидно, что здесь еще предстоит большая работа по унификации как графики и орфографии, так и грамматики и словаря. Однако таково начало почти любого литературного языка. Будущее покажет, сформируется ли и как будет развиваться в Силезии литературно-языковой процесс по

созданию указанных микроязыков. Появляются и другие попытки оформить литературные языки для небольших этнических и культурно-языковых групп.

Развитие литературных микроязыков небеспроблемно, однако оно объективно. Литературные микроязыки – факт современной Славии и, шире, Европы. На социолингвистическом уровне феномен литературных микроязыков разнообразит и обогащает и Слaviю, и Европу в целом. Не случайно в 1992 г. в Страсбурге была принята «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», согласно которой государства, в которых имеются такие языки, обязуются проявлять заботу об их поддержании и развитии. Некоторые недоразумения в связи с этой категорией языков могут быть сняты при понимании сказанного выше и при осознании того неопровержимого факта, что не существует и не может существовать запретов на *свободу языкового выражения* и *свободу на языковое различие*, тем более если для того имеются объективные предпосылки и возникает общественная необходимость.

Таким образом, есть все основания говорить о новой славистической дисциплине, определенной в 2005 г. на международной конференции в Тарту «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты» как *славянская микролингвистика*.

Ниже даны краткие очерки трех автономных литературных микроязыков – верхнелужицкого, нижнелужицкого и кашубского и одного островного – югославо-русинского (южнорусинского). Очерки двух последних для университетского курса подаются впервые.

2. Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки

Серболужичане (лужичане) проживают в Германии в Нижней Лужице (земля Бранденбург) и в Верхней Лужице (земля Саксония). Потомки древних полабско-поморских славян, населявших с VI–VII вв. на западе земли между р. Сала и Лаба (нем. Эльбе) и на востоке доходившие до р. Водра (нем. Одер) и Ныса (нем. Нейсе). Их предки попадали под различные политические зависимости – сначала они были под германскими племенами франков, затем входя-

ли в состав Чешского королевства (XIV–XVI вв.; а регионы вокруг Будышина – до середины XVII в.), с XVI в. отошли Саксонии, в начале XIX в. Нижняя Лужица в составе Пруссии. Нижняя Лужица находится севернее Верхней. Большая часть серболужичан является протестантами, меньшая – католиками. Этнонимы: рус. *лужичане*, *лужицкие сербы*, *серболужичане*, иногда в научной литературе также *сорбы*; сами себя именуют *Serbja/ Serby* (по-немецки *сорбы*, устар. *венды*); употребляются также этнотопонимы *Hornjolužičan* ‘верхнелужичанин’ и *Dolnolužičan* ‘нижнелужичанин’. Лингвонимы: *hornjoserbšćina* ‘верхнелужицкий язык’, *dolnoserbšćina* ‘нижнелужицкий язык’, общий – *serbšćina* ‘серболужицкий язык’. Численность верхних лужичан составляет примерно 55 тыс. человек, из них на своем языке говорят едва ли 25–30 тыс. чел.; численность нижних – примерно 20–25 тыс. человек, из них на своем языке говорят ок. 12 тыс. чел. Для сравнения: в 1880–1884 гг. серболужичан насчитывалось примерно 166 тыс., в начале XX в. – 146 тыс., перед Второй мировой войной уже 111 тыс. чел. Культурный центр верхних лужичан Будышин (нем. Бауцен), нижних – Хошебуз (нем. Коттбус).

Существуют два мнения о генетических отношениях в.-лужицкого и н.-лужицкого: согласно одному, оба происходят из одного источника; согласно другому, различия носят изначальный характер. И верхне-, и нижнелужицкий дробятся на диалекты (говоры). В в.-лужицкой языковой области выделяются будышинский диалект, «католический» каменцкий, виттихенауский, так наз. степные говоры (севернее Бауцена) и нохтенский. Литературный в.-лужицкий язык ориентирован на будышинский диалект. Между этими диалектами и н.-лужицкими существует пояс переходных говоров. Считается, что в.-лужицкий стоит ближе к чешскому, а н.-лужицкий – к польскому языку (что отражается и в некоторых особенностях графики). В Нижней Лужице выделяется по крайней мере 6 диалектов: северо-восточный, северо-западный, шпреевальдский, коттбусский, шпрембергский, роговский. Н.-лужицкий литературный язык ориентирован на коттбусский диалект.

2.2. Верхнелужицкий и нижнелужицкий: общее и отличное. До 1937 г. использовались две графические системы – готическая и латиническая, после 1945 г. – только последняя:

В.-ЛУЖ.	Н.-ЛУЖ.	В.-ЛУЖ.	Н.-ЛУЖ.	В.-ЛУЖ.	Н.-ЛУЖ.	В.-ЛУЖ.	Н.-ЛУЖ.
Aa	Aa	Hh	Hh	Oo	Oo	Tt	Tt
Bb	Bb	Chch [x]	Chch [x]	ó	–	Ćć [ч']	ć [ч'],
Cc	Cc	Ii	Ii	Pp	Pp	Uu	Uu
Čč [ч]	Čč [ч]	Jj	Jj	(Qq)	–	(Vv)	
Dd	Dd	Kk	Kk	Rr	Rr	Ww	Ww
Dźdź [д↑ ж']	Dźdź [д↑ ж']	Łł [u»]	Łł [u»]	ř [ш']	–	(Xx)	
Ee	Ee	Ll	Ll	–	í	Yy	Yy
ě	ě	Mm	Mm	Ss	Ss	Zz	Zz
Ff	Ff	Nn	Nn	Šš [ш]	Šš [ш]	Žž [ж']	Žž [ж']
Gg	Gg	ń [н']	ń [н']	–	Śś [с']	–	Żż [з']

Примечания: *ě* похож на [u], *ó* – средний между [y] и [o]; у несколько напоминает рус. [ы]; *l* – так. наз. «среднеевропейское» *l*; *h* – проточный гортанный согласный; *q*, *v*, *x* употребляются в иноязычных словах; *r* может быть грассирующим (как в немецком).

Некоторые графические отличия: в в.-лужицком алфавите нет *ř*, *ś*, *ź*, а также *dź*, зато имеются *ó*, *ř*; в н.-лужицком, следовательно, нет *ó*, *ř*, зато имеются *í*, *ś*, *ź*, а также *dź*. Фонетические отличия: н.-луж. [g] – в.-луж. [h] (*gora* – *hora*), [c] – [č] (*cas* – *čas*), [s] – [ś] (*śichy* – *ćichy*), [ź] – [dź] (*żeń* – *dzeń*), [kš] – [kr] (*kšasny* – *krasny*), [pš] – [pr] (*pšawy* – *prawy*), [tš] – [tr] (*tšawa* – *trawa*) и др. В в.-лужицком в среде интеллигенции наблюдается произношение язычкового [r] (на немецкий манер); *ch* как [x] произносится в середине слова и как [kx] в начале слова (в н.-лужицком этого нет). Ударение падает на первый слог слова.

Некоторые **общие морфолого-синтаксические признаки** двух литературных языков, не встречающиеся во всех или в части других славянских языков:

Таблица № 10

	<i>признаки</i>	<i>в.-лужицкий</i>	<i>н.-лужицкий</i>
1	наличие двойств. числа у сущ., прилагат., местоим., глаголов	им. пад. муж. р.: <i>klučej</i> ‘дв ключа’, но: ед. ч. <i>kluč</i> ‘ключ’ и мн. ч. <i>kluče</i> ‘ключи’ и под.	им. пад. ср. р. <i>woknyje</i> ‘два окна’, но: ед. ч. <i>wokno</i> ‘окно’ и мн. ч. <i>wokna</i> ‘окна’ и т.д.
2	Т. пад. употребл. только с предлогами (как и П.)	<i>z synami</i> ‘сынами’	<i>z morjom</i> ‘морем’
3	утрата кратких (именных) прилагательных	+	+
4	наличие местоименных энклитик в 1 и 2 л. В Р., Д. и В. падежах	см. ниже образец склонения	см. ниже образец склонения
5	необязательность употребл. личн. местоим. 1 и 2 лица в И. пад. при глаголе, поскольку эту роль выполняют флексии	<i>Póndžemy domoj</i> ‘Мы пойдем домой’	<i>Nic njepominam</i> ‘Я ничего не помню’
6	колич. числит. от 5 до 99 в изолирован. употреблении склоняются и не склоняются при употреблении с существительным	<i>ze šěšć šulerjemi</i> ‘с шестью учениками’ (И. пад. <i>šěšć</i>)	<i>wot sedym žěłašerjow jo jaden chory</i> ‘из семи рабочих один болен’ (И. пад. <i>sedum</i>)
7	сохранились только действит. причастия наст. времени	<i>rěčacy</i> ‘говорящий’	<i>stojecy</i> ‘стоящий’

Некоторые *морфологические различия* между двумя литературными микроязыками:

Таблица № 11

	<i>верхнедужицкий</i>	<i>нижнедужицкий</i>
1	категория личности (личности) в дв. и мн. числе у разных частей речи: им. мн. <i>dub-y</i> , но <i>syn-ojo</i> и т.д.	отсутствует
2	звательный падеж у сущ. муж. рода в ед. числе: <i>knjež-e!</i> (им. п. <i>knjez</i> ‘господин, гражданин’)	отсутствует
3	совпадение в им. пад. Вопросительных относительных местоимений <i>što</i> ‘что’ и <i>što</i> ‘кто’ (с незначительным различием в произношении гласного) при сохранении различий в косвенных падежах	сохранение изначальной модели с различием в им. пад. со ‘что’ <i>chto</i> ‘кто’ и при сохранении различий и в косвенных падежах
4	формы прошедшего времени имперфект и аорист совпали, образовав форму претерита	имперфект и аорист еще сохраняются в литературном языке (см. ниже образцы спряжения)
5	итеративный перфект и сослагательное наклонение формально совпали (см. ниже образцы спряжения)	отсутствует итеративный перфект
6	сослагательное наклонение образуется с помощью спрягаемых форм претерита вспомогательного глагола <i>być</i> ‘быть’ и I-причастия (см. ниже образцы спряжения)	сослагательное наклонение образуется с помощью частицы <i>by</i> и I-причастия (см. ниже образцы спряжения)
7	имеются деепричастия наст. и прош. времени, характерные только для литературного языка	отсутствуют
8	отсутствует	имеется глагольная форма, близкая к инфинитиву, супин с показателем <i>-t</i> , употребляющаяся при глаголах движения и выражающая цель действия: <i>pojdu spat</i> ‘пойду спать’ (при инфинитиве <i>spaś</i>)
9	употребляется только в разговорной речи	в литературном языке формы пассива по немецкой модели <i>werden</i> + <i>Partizip II</i> – <i>wordowaś</i> ‘становиться’ + страдательное причастие: <i>ja worduju bity</i> ‘меня бьют’ – нем. <i>Ich werde geschlagen</i> и под.

Сравнивая системы двух литературных языков, можно определить дистанцию между ними, выявляя общие и отличительные признаки. Общее указывает на единство двух языков, сохранение ими общего наследия генетической праосновы, отличительное же демонстрирует то специфическое, что проявилось в процессе дивергенции, т.е. постепенного расхождения. Например, в склонении одушевленных существительных мужского рода большую общность два языка сохраняют:

- а) в ед. числе – в И., Р. и В., Т. и П. падежах;
- б) в дв. ч. – в И., Р., Д., Т. и П.;
- в) во мн. ч. – в Д., Т. и П. падежах (различия флексий типа *-ow* и *-owi* для одного и того же падежа в двух языках можно считать фонологическими вариантами, а не морфологически отдельными единицами).

Это значит, что элементы различия, т.е. разные флексии, проявляют себя лишь

- а) в ед. ч. – в Д. пад.;
- б) во мн. ч. – в И. и В. падежах.

Из этого следует сделать вывод о том, что большая часть грамматического пространства обоих языков совпадает, что и демонстрируют приводимые ниже парадигмы склонения и спряжения.

2.2. История письменности и литературных языков начинается с периода Реформации (XVI в.). До этого язык серболужицан употреблялся в устном общении, частично к нему прибегали в судопроизводстве и во время церковной службы (для устного перевода). Далее рассматриваем историю обоих литературных языков параллельно и в хронологической последовательности.

XVI–XVII века. Впервые письменность была применена к *н.-лужицкому языку*, при этом старые памятники основываются на разных говорах. Первая печатная н.-лужицкая книга песнопений Альбина Моллера (1541–1618) появилась в 1574 г. В 1548 г. пастор Миклавш Якубица сделал перевод «Священного Писания», однако он остался ненапечатанным. Лишь в 1709 г. Ян Б. Фабриций (1681–1741) издал «Священное Писание», опираясь на коттбусский диалект. Этот литературно-письменный процесс был прерван Тридцатилетней войной 1618–1648 гг., когда Габсбургская монархия по-

пыталась вернуть в лоно Римской (католической) церкви те части Германии, в которых победила Реформация, т.е. установился протестантизм. Но уже с середины XVII в. н.-лужицкая письменность возрождается: в 1650 г. Ян Хойнан (1616–1664) составил на базе коттбусско-любенауского диалекта первую н.-лужицкую грамматику (опубликована не была). Однако новые переводы религиозных книг и сама служба в церкви на н.-лужицком языке по приказу курфюрста были ликвидированы. Лишь с конца XVII в. ситуация изменилась к лучшему.

Самый старый памятник **в.-лужицкой** письменности – переведенный в 1532 г. с немецкого юридический документ (присяга). В 1595 г. появляется первая печатная в.-лужицкая книга «Малый катехизис Мартина Лютера» в издании В. Варихия. В XVII в. печатаются и другие книги, причем уже в двух руслах – католическом и протестантском. Стали формироваться два варианта в.-лужицкого литературно-письменного языка на разных диалектных основах – «католический» и «протестантский»: католики опирались на куловский (от названия села Кулов), или западновехнелужицкий, диалект, а протестанты – на будышинский. В 1679 г. издана первая в.-лужицкая «католическая» грамматика Якоба Тицина.

XVIII век. В конце XVII – начале XVIII вв. начинают обозначаться более или менее единые нормы **н.-лужицкого** литературно-письменного языка. В 1761 г. была издана н.-лужицкая грамматика Яна Б. Хауптманна (1703–1768).

Формирование **в.-лужицкого** литературного языка в «католическом» и «протестантском» вариантах, начатое в XVII в., продолжается и в XVIII в. Примерно в середине XVIII в. «католический» вариант в своем развитии постепенно отходит от куловской диалектной базы к крошанской (кросчанской), но два варианта литературного языка продолжают функционировать. В 1706 г. Михал Френцель (1628–1706) издает перевод «Нового Завета» на базе будышинского диалекта. Унификации норм способствовала также грамматика 1721 Г. Матея, а также издание Библии в 1728 г. Для «католического» варианта много сделал Юрий Светлик, переводчик перикопов и составитель латино-в.-лужицкого словаря (1721).

Таким образом, в Лужице в рассматриваемое время функционируют три литературных языка – в.-лужицкий «католический»,

в.-лужицкий «протестантский» и н.-лужицкий, чему способствовал ряд факторов: пестрый диалектный «ландшафт», церковный раскол, административная политика властей и др.

XIX век. В 40-е гг. XIX в. под влиянием процесса возрождения западных и южных славян среди серболужичан формируется движение за собственное национальное Возрождение. Деятели этого движения объединились вокруг созданного в 1847 г. первого национального общества «Матица Серболужицкая» («Maćica Serbska»). Большим событием стало издание в 1841–1843 гг. Леопольдом Гауптом и Яном А. Смолером народных песен верхних и нижних лужичан. Начинается издание книг и периодики, появляются различные серболужицкие общества. Деятели Возрождения ставят вопрос о равноправии немецкого и серболужицкого населения, о мерах по сохранению своего народа, издают учебники для школы, книги для чтения, периодику, в т. ч. «Журнал Матицы Серболужицкой», сыгравший значительную роль в разработке, унификации и кодификации литературных языков. К этому времени серболужицкий язык был подвержен сильному воздействию немецкого языка, что стало для нормализаторов основанием в проведении реформ, в частности, по очищению своего языка от германизмов. Пуризм как стратегическая идея опирался на резервы собственного языка; кроме того, нормализаторы прибегали к славянизации, т.е. обращались к другим славянским языкам (прежде всего чешскому и польскому) за лексическим и проч. элементами. В целом серболужичане прошли долгий путь от одноязычия до полного к концу XIX в. серболужицко-немецкого двуязычия, а в XX в. стало прогрессировать (немецкое) одноязычие в связи с утратой частью серболужичан основ родного языка.

В.-лужицкий литературный язык в это время развивается, несмотря на объективные трудности (в середине XIX в. в.-лужицких школ не было и, следовательно, грамотных людей было не столько много; в 1873 г. был принят закон о том, что языком преподавания должен быть только немецкий, и т.д.), весьма бурно. Инициативой «Матицы Серболужицкой» от готического шрифта переходят к так наз. аналогическому – латинице преимущественно чешского типа (с диакритикой), причем такая унификация была проведена в обо-

их вариантах, что в дальнейшем способствовало их сближению. Я. А. Смолер, Кжесцан Б. Пфуль, Михал Горник и др. много сделали для обработки литературного языка. По инициативе К. Б. Пфуля в 1848–1866 гг. на неконфессиональной основе создаются нормы единого в.-лужицкого литературного языка; кроме того, большие усилия в этом направлении прилагает М. Горник. Следует отметить, что литературным языком активнее пользовались все же католики (в отличие от протестантов, они вообще лучше сохраняют традиционную культуру, в религиозном плане сплочены и под.). Можно говорить, что со второй половины XIX в. у серболужичан функционировали два литературных языка – в.-лужицкий и н.-лужицкий, при этом на первый влиял чешский литературный язык, а на второй – польский. Решение такого сложного вопроса, как объединение двух вариантов в.-лужицкого литературного языка в один, не могло не подвести к мысли об объединении в.-лужицкого и н.-лужицкого литературных языков. Об этом размышляли еще деятели серболужицкого Возрождения. Так, М. Горник в 1880 г. прямо писал о необходимости сближения двух литературных языков, причем предлагал конкретные шаги в этом плане: употреблять только те формы и те слова, которые наиболее близки в двух языках, а начинать нужно с графики и орфографии. К концу XIX в. с идеей постепенно сближать н.-лужицкий с в.-лужицким выступил Арношт Мука. Время от времени эту мысль высказывали и в XX в.

В развитии и утверждении в.-лужицкого литературного языка, его норм и стилистики большую роль сыграла зародившаяся в это время художественная литература. Следует назвать основоположника в.-лужицкой литературы Гандрия (Андрия) Зейлера (1804–1872), затем Яна Радысерба-Велю, Якуба Барт-Чишинского, Я. Лоренца-Залесского, М. Андрицкого и др., творчество которых переходит рубеж XIX–XX вв. Существенно, что с 1842 г. стала издаваться «Серболужицкая газета» («Serbske Nowine»; в первые годы, а также в XX в. выходила под другими названиями).

Если в.-лужицкий стремился расширить свои функциональные возможности, то ситуация *в Нижней Лужице* была тревожной: процесс германизации нижних лужичан проходил быстрее. «Матица Серболужицкая», борясь против этого, даже сформулировала

лингвистический императив (призыв): «Учите ваших детей читать по-серболужицки!». В конце XIX в., в 1891 г., А. Мука издал н.-лужицкую грамматику (правда, на немецком языке), а позднее и трехтомный словарь н.-лужицкого языка. Скромно развивается в это время художественная литература (Кито Ф. Штемпель, Мато Косык/ Косик и др.).

XX век. Несмотря на сложную ситуацию, в 20-е гг. серболужичане получили два словаря – немецко-в.-лужицкий Ф. Резака (1920) и в.-лужицко-немецкий Ю. Краля (1927). Однако с приходом фашизма ситуация ухудшилась: серболужицкий язык был запрещен в публичных местах (1937), и лишь после Второй мировой войны, в условиях Германской Демократической Республики (ГДР), открылись большие возможности для поддержания и развития серболужичан, их культуры и языка. Впервые созданные в это время серболужицкие институты (музей, библиотека, Институт серболужицкого народоведения, Учительский институт, гимназии в Будышине и в Хошебузе), а также издательство «Domowina» (основано в 1912 г.) стали финансироваться государством, расширилось преподавание языка в школах, работает отделение при Лейпцигском университете. Впервые серболужичане получили статус национального меньшинства (1968). Издается периодика: научный журнал «Lětopis», газеты «Новая эпоха» (с 1979 г. по 1991 г., затем под названием «Серболужицкая газета» – «Serbske Nowiny») и на н.-лужицком – «Новая газета» («Nowy casnik»), журналы «Обозрение» («Rozhlad»), «Серболужицкая школа» («Serbska šula»), детский журнал «Пламя» (соответственно на в.-лужицком и н.-лужицком – «Płomjo» и «Płomje») и др. Успешно стала развиваться художественная литература, особенно на в.-лужицком языке (прозаики Марья Кубашец, Юрий Кравжа, Мартин Новак-Нехорньский, Петр Малинк, Юрий Кох, Юрий Брезан, поэты Ян Лайнерт, Юрий Млынк, Бенедикт Дырлих, Кито Лоренц и др.). Скромнее развивается н.-лужицкая литература (Фрицо Роха, Мина Виткойц, Маряна Домашкойц и др.). Языковедами исследовались диалекты (создан атлас), проблемы двуязычия, разрабатывались нормы литературных языков и терминология. Изданы: 4-томная история серболужичан (1975–1979; вышла также на нем. языке), 2-томная хрестоматия н.-лужицкой письменности Ф. Метшка (1956–1957), 2-томный немецко-в.-лужицкий словарь, грамматика н.-лужицкого Б. Швели (2-е изд., 1952), впервые на

в.-лужицком языке – 2-томная грамматика этого языка Х. (Шустера-)Шевца (1968–1976) и его же книга «Серболужицкие языковые памятники 16–18 вв.» (1967); в 1981 г. Х. Фаске (в сотрудничестве с С. Михалком) издает полную морфологическую часть «Грамматики в.-лужицкого языка современности» (по-немецки) и др.

В начале 90-х гг. XX в. серболужичане оказались в объединенной Германии (т.е. ФРГ и ГДР). Согласно конституциям земель Саксония и Бранденбург, серболужичанам гарантировано свободно развитие и сохранение языка. Возрождена «Матица Серболужицкая». Функционируют: научный Серболужицкий институт (до того Институт серболужицкого народоведения), а в Коттбусе – его филиал, учительское учебное заведение, гимназии, кафедра сорабистики в Лейпцигском университете, в нескольких основных и средних школах в.-лужицкий является языком обучения, а н.-лужицкий – предметом. В.-лужицкий литературный язык хорошо нормирован и кодифицирован, функционально сильный микроязык, н.-лужицкий является функционально слабым. На протяжении многих веков серболужичане подвергались интенсивной германизации, что отчетливо отразилось как в словаре, так и в грамматике. По этой причине нормализаторы и кодификаторы проявляют пуризм, т.е. пытаются очистить верхне- и нижнелужицкий литературные языки от излишних германизмов. Нижнелужицкий, в свою очередь, подвергается влиянию верхнелужицкого прежде всего на уровне грамматики и лексики. В настоящее время нижние лужичане стоят перед угрозой полной ассимиляции.

2.3. Параллельные образцы склонения и спряжения верхне- и нижнелужицкого литературных языков Существительные

Таблица № 12

Мужской и женский типы склонения

<i>падежи</i>	<i>мужской тип</i>		<i>женский тип</i>	
	<i>в.-лужицкий</i>	<i>н.-лужицкий</i>	<i>в.-лужицкий</i>	<i>н.-лужицкий</i>
	<i>единственное число</i>			
И	<i>dom-ø</i>	<i>dom-ø</i>	<i>ruk-a</i>	<i>ruk-a</i>

Р	<i>dom-a</i>	<i>dom-a</i>	<i>ruk-i</i>	<i>ruk-i</i>
Д	<i>dom-ej</i>	<i>dom-oju</i>	<i>ruc-e</i>	<i>ruc-e</i>
В	= И (неод.) = Р (одуш.)	= И (неод.) = Р (одуш.)	<i>ruk-u</i>	<i>ruk-u</i>
Т	<i>dom-om</i>	<i>dom-om</i>	<i>ruk-u</i>	<i>ruk-u</i>
П	<i>domj-e</i>	<i>domj-e</i>	<i>ruc-e</i>	<i>ruc-e</i>
Зват.	<i>dom-o</i>	—	<i>ruk-u</i>	—

Примечание: в женском типе склонения жирным выделено чередование $k \rightarrow c$, которое, наряду с флексией *-e*, характеризует соответствующий падеж; эта же особенность отмечена и ниже.

двойственное число		
падежи	в.-лужицкий	н.-лужицкий
И	<i>dom-aj</i> <i>ruc-e</i>	<i>dom-a</i> <i>ruc-e</i>
Р	<i>dom-ow</i>	<i>dom-owu</i>
Д	<i>dom-omaj</i>	<i>dom-oma</i>
В	= И (неод.) = Р (муж.пол)*	= И (неод.) = Р (одуш.)
Т	<i>dom-omaj</i>	<i>dom-oma</i>
П	<i>dom-omaj</i>	<i>dom-oma</i>
множественное число		
	в.-лужицкий	н.-лужицкий
И	<i>dom-y</i> <i>ruk-i</i> <i>syn-ojo</i> *	<i>dom-y</i> <i>ruk-i</i>
Р	<i>dom-ow</i>	<i>dom-owu</i>
Д	<i>dom-am</i>	<i>dom-am</i>
В	= И (неод.) = Р (муж.пол)	= И (неод.) = Р (одуш.)
Т	<i>dom-ami</i>	<i>dom-ami</i>
П	<i>dom-ach</i>	<i>dom-ach</i>

Примечание: знаком * отмечены формы персональности — для лиц мужского пола.

Прилагательные
Мужской и женский типы склонения

<i>падежи</i>	<i>мужской тип</i>		<i>женский тип</i>	
	<i>в.-луизицкий</i>	<i>н.-луизицкий</i>	<i>в.-луизицкий</i>	<i>н.-луизицкий</i>
	единственное число			
И	<i>mał-y</i>	<i>mał-y</i>	<i>mał-a</i>	<i>mał-a</i>
Р	<i>mał-cho</i>	<i>mał-ego</i>	<i>mał-eje</i>	<i>mał-eje</i>
Д	<i>mał-etu</i>	<i>mał-etu</i>	<i>mał-ej</i>	<i>mał-ej</i>
В	= И (неод.) = Р (одуш.)	= И (неод.) = Р (одуш.)	<i>mał-u</i>	<i>mał-u</i>
Т	<i>mał-ym</i>	<i>mał-ym</i>	<i>mał-ej</i>	<i>mał-eju</i>
П	<i>mał-ym</i>	<i>mał-et</i>	<i>mał-ej</i>	<i>mał-ej</i>

двойственное число		
<i>падеж</i>	<i>в.-луизицкий</i>	<i>н.-луизицкий</i>
И	<i>mał-ej/-aj*</i>	<i>mał-ej</i>
Р	<i>mał-eju</i>	<i>mał-eju</i>
Д	<i>mał-ymaj</i>	<i>mał-yma</i>
В	<i>mał-ej/-eju*</i>	<i>mał-ej/-eju</i>
Т	<i>mał-ymaj</i>	<i>mał-yma</i>
П	<i>mał-ymaj</i>	<i>mał-yma</i>
множественное число		
И	<i>mał-e/-i*</i>	<i>mał-e</i>
Р	<i>mał-ych</i>	<i>mał-ych</i>
Д	<i>mał-ym</i>	<i>mał-ym</i>
В	<i>mał-e/-ych*</i>	<i>mał-e/-ych</i>
Т	<i>mał-ymi</i>	<i>mał-ymi</i>
П	<i>mał-ych</i>	<i>mał-ych</i>

Примечание: знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола.

Местоимение
Склонение местоимений 1 и 2 лица

<i>падеж</i>	<i>1 лицо</i>				<i>2 лицо</i>			
	<i>в.-лужичский</i>		<i>н.-лужичский</i>		<i>в.-лужичский</i>		<i>н.-лужичский</i>	
	<i>обыч- ные и полн.</i>	<i>кратк.</i>	<i>обыч- ные и полн.</i>	<i>кратк.</i>	<i>обыч- ные и полн.</i>	<i>кратк.</i>	<i>обыч- ные и полн.</i>	<i>кратк.</i>
единственное число								
<i>И</i>	<i>ja</i>		<i>ja</i>		<i>ty</i>		<i>ty</i>	
<i>Р</i>	<i>tnj-e</i>	<i>nje</i>	<i>tnj-o</i>	<i>nje</i>	<i>tebj-e</i>	<i>će</i>	<i>tebj-e</i>	<i>ši</i>
<i>Д</i>	<i>tn-i</i>	<i>ti</i>	<i>tnj-o</i>	<i>mě</i>	<i>teb-i</i>	<i>ći</i>	<i>tebj-e</i>	<i>ši</i>
<i>В</i>	<i>tnj-e</i>	<i>nje</i>	<i>tnj-o</i>	<i>mě</i>	<i>tebj-e</i>	<i>će</i>	<i>tebj-e</i>	<i>ši</i>
<i>Т</i>	<i>tn-u</i>		<i>tn-u</i>		<i>tob-u</i>		<i>tob-u</i>	
<i>П</i>	<i>tn-i</i>		<i>tnj-o</i>		<i>teb-i</i>		<i>tebj-e</i>	
двойственное число								
<i>И</i>	<i>tój</i>		<i>mej</i>		<i>wój</i>		<i>wej</i>	
<i>Р</i>	<i>na-ju</i>		<i>na-ju</i>		<i>wa-ju</i>		<i>wa-ju</i>	
<i>Д</i>	<i>na- taj</i>		<i>na-ta</i>		<i>wa-taj</i>		<i>wa- ta</i>	
<i>В</i>	<i>na-ju</i>		<i>na-ju</i>		<i>wa-ju</i>		<i>wa-ju</i>	
<i>Т</i>	<i>na- taj</i>		<i>na-ta</i>		<i>wa-taj</i>		<i>wa- ta</i>	
<i>П</i>	<i>na- taj</i>		<i>na-ta</i>		<i>wa-taj</i>		<i>wa- ta</i>	
множественное число								
<i>И</i>	<i>ty</i>		<i>ty</i>		<i>wy</i>		<i>wy</i>	
<i>Р</i>	<i>na-s</i>		<i>na-s</i>		<i>wa-s</i>		<i>wa-s</i>	
<i>Д</i>	<i>na-m</i>		<i>na-m</i>		<i>wa-m</i>		<i>wa-m</i>	
<i>В</i>	<i>na-s</i>		<i>na-s</i>		<i>wa-s</i>		<i>wa-s</i>	
<i>Т</i>	<i>na-mi</i>		<i>na-mi</i>		<i>wa-mi</i>		<i>wa-mi</i>	
<i>П</i>	<i>na-s</i>		<i>na-s</i>		<i>wa-s</i>		<i>wa-s</i>	

Примечание: в Р., Д. и В. падежах отмечаются краткие (энклитические) формы.

Глагол

Таблица № 15

Настоящее время

лицо	<i>Е-спряжение/ О-спряжение</i>		<i>І-спряжение</i>		<i>А-спряжение</i>	
	<i>njesć/njasć</i> ‘нести’		<i>chwalić/chwaliś</i> ‘хвалить’		<i>čitać/cytaś</i> ‘читать’	
	<i>в.-луж.</i>	<i>н.-луж.</i>	<i>в.-луж.</i>	<i>н.-луж.</i>	<i>в.-луж.</i>	<i>н.-луж.</i>
	<i>единственное число</i>					
1 л.	<i>njes-u</i>	<i>njas-u</i>	<i>chwal-u</i>	<i>chwal-i-m</i>	<i>čit-a-m</i>	<i>cyt-a-m</i>
2 л.	<i>njes-e-š</i>	<i>njas-o-š</i>	<i>chwal-i-š</i>	<i>chwal-i-š</i>	<i>čit-a-š</i>	<i>cyt-a-š</i>
3 л.	<i>njes-e-ø</i>	<i>njas-o-ø</i>	<i>chwal-i-ø</i>	<i>chwal-i-ø</i>	<i>čit-a-ø</i>	<i>cyt-a-ø</i>
	<i>двойственное число</i>					
1 л.	<i>njes-e-moj</i>	<i>njas-o-mej</i>	<i>chwal-i-moj</i>	<i>chwal-i-mej</i>	<i>čit-a-moj</i>	<i>cyt-a-mej</i>
2 л.	<i>njes-e-tej/-taj*</i>	<i>njas-o-tej</i>	<i>chwal-i-tej/-taj*</i>	<i>chwal-i-tej</i>	<i>čit-a-tej/-ta*j</i>	<i>cyt-a-tej</i>
3 л.	<i>njes-e-tej/-taj*</i>	<i>njas-o-tej</i>	<i>chwal-i-tej/-taj*</i>	<i>chwal-i-tej</i>	<i>čit-a-tej/-taj*</i>	<i>cyt-a-tej</i>
	<i>множественное число</i>					
1 л.	<i>njes-e-my</i>	<i>njas-o-me</i>	<i>chwal-i-my</i>	<i>chwal-i-m</i>	<i>čit-a-my</i>	<i>cyt-a-my</i>
2 л.	<i>njes-e-će</i>	<i>njas-o-šo</i>	<i>chwal-i-će</i>	<i>chwal-i-š</i>	<i>čit-a-će</i>	<i>cyt-a-šo</i>
3 л.	<i>njes-u-ø/-e-ja-ø</i>	<i>njas-u-ø</i>	<i>chwal-a-ø</i>	<i>chwal-i-ø</i>	<i>čit-a-ja</i>	<i>cyt-a-ju</i>

Примечание: знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола.

Таблица № 16

Перфект

лицо	в.-лужицкий	н.-лужицкий
единственное число		
1 л.	<i>sym</i> }	<i>som</i> }
2 л.	<i>sy</i> { <i>džělał</i> , -a, -o	<i>sy</i> { <i>žělał</i> , -a, -o
3 л.	<i>je</i> }	<i>jo</i> }
двойственное число		
1 л.	<i>smój</i> }	<i>smej</i> }
2 л.	<i>stej/staj*</i> { <i>džělałoj</i>	<i>stej</i> { <i>žělałej</i>
3 л.	<i>stej/staj*</i> }	<i>stej</i> }
множественное число		
1 л.	<i>smy</i> }	<i>smy</i> }
2 л.	<i>sće</i> { <i>džělalil/-le*</i>	<i>sčo</i> { <i>žělali</i>
3 л.	<i>su</i> }	<i>su</i> }

Примечание: 1) перфект выражает действие в прошлом, непосредственно предшествующее моменту речи; обычно употребляется в диалоге;
2) знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола.

Таблица № 17

Претерит

лицо	в.-лужицкий	н.-лужицкий	
	претерит <i>čitać</i> ‘читать’	имперфект <i>cytaś</i> ‘читать’	аорист <i>nažělaś</i> ‘наделать’
единственное число			
1 л.	<i>čita-ch</i>	<i>cyta-ch</i>	<i>nažěla-ch</i>
2 л.	<i>čita-še</i>	<i>cyta-šo</i>	<i>nažěla-ø</i>
3 л.	<i>čita-še</i>	<i>cyta-šo</i>	<i>nažěla-ø</i>
двойственное число			
1 л.	<i>čita-chmoj</i>	<i>cyta-chmej</i>	<i>nažěla-chmej</i>
2 л.	<i>čita-štej/-štaj*</i>	<i>cyta-štej</i>	<i>nažěla-štej</i>
3 л.	<i>čita-štej/-štaj*</i>	<i>cyta-štej</i>	<i>nažěla-štej</i>
множественное число			
1 л.	<i>čita-chmy</i>	<i>cyta-chmy</i>	<i>nažěla-chmy</i>
2 л.	<i>čita-šće</i>	<i>cyta-ščo</i>	<i>nažěla-ščo</i>
3 л.	<i>čita-chu</i>	<i>cyta-chu</i>	<i>nažěla-chu</i>

Примечание: 1) претерит восходит к имперфекту и аористу, выражает действие в историческом прошлом; 2) знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола.

Таблица № 18

Итеративный перфект и сослагательное наклонение

лицо	в.-лужицкий	н.-лужицкий
	<i>dźělać</i> ‘учиться’	<i>žělaś</i> ‘учиться’
	итеративный перфект	сослагательное наклонение
	единственное число	
1 л.	<i>bych</i> }	<i>by</i> }
2 л.	<i>by</i> { <i>dźělał, -a, -o</i>	<i>by</i> { <i>žělał, -a, -o</i>
3 л.	<i>by</i> }	<i>by</i> }
	двойственное число	
1 л.	<i>bychmoj</i> }	<i>by</i> }
2 л.	<i>byštej/byštaj*</i> { <i>dźělałoj</i>	<i>by</i> { <i>žělałej</i>
3 л.	<i>byštej/byštaj*</i> }	<i>by</i> }
	множественное число	
1 л.	<i>bychmy</i> }	<i>by</i> }
2 л.	<i>byšće</i> { <i>dźělali/-le*</i>	<i>by</i> { <i>žělali</i>
3 л.	<i>bychu</i> }	<i>by</i> }

Примечания: 1) итеративный перфект выражает повторяемость действий в прошлом; 2) знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола; 3) в в.-лужицком итеративный перфект и сослагательное наклонение формально совпадают.

Таблица № 19

Плюсквамперфект

лицо	в.-лужицкий	н.-лужицкий
	<i>dźělać</i> ‘учиться’	<i>žělaś</i> ‘учиться’
	единственное число	
1 л.	<i>běch</i> }	<i>běch</i> }
2 л.	<i>bě/běše</i> { <i>dźělał, -a, -o</i>	<i>běšo</i> { <i>žělał, -a, -o</i>

3 л.	<i>bě/běše</i> }	<i>běšo</i> }
	двойственное число	
1 л.	<i>běchmoj</i> }	<i>běchmoj</i> }
2 л.	<i>běštej/běštaj*</i> } <i>džělałoj</i>	<i>běštej</i> } <i>žělałej</i>
3 л.	<i>běštej/běštaj*</i> }	<i>běštej</i> }
	множественное число	
1 л.	<i>běchmy</i> }	<i>běchmy</i> }
2 л.	<i>běšće</i> } <i>džělałi/-le*</i>	<i>běšćo</i> } <i>žělałi</i>
3 л.	<i>běchu</i> }	<i>běchu</i> }

Примечание: плюсквамперфект – давнопрошедшее время, выражает предшествование одного действия в прошлом другому; знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола.

Таблица № 20

Будущее аналитическое время

лицо	в.-лужицкий	н.-лужицкий
	<i>wuknuć</i> ‘учиться’	<i>wuknuś</i> ‘учиться’
	единственное число	
1 л.	<i>budu</i> }	<i>budu/bužom</i> }
2 л.	<i>budžeš</i> } <i>wuknuć</i>	<i>bužoś</i> } <i>wuknuś</i>
3 л.	<i>budže</i> }	<i>bužo</i> }
	двойственное число	
1 л.	<i>budžemoj</i> }	<i>bužomej</i> }
2 л.	<i>budžetej/-taj*</i> } <i>wuknuć</i>	<i>bužotej</i> } <i>wuknuś</i>
3 л.	<i>budžetej/-taj*</i> }	<i>bužotej</i> }
	множественное число	
1 л.	<i>budžemy</i> }	<i>bužomy</i> }
2 л.	<i>budžeće</i> } <i>wuknuć</i>	<i>bužošo</i> } <i>wuknuś</i>
3 л.	<i>budu</i> }	<i>budu</i> }

Примечание: знаком * отмечены формы персональности – для лиц мужского пола.

2.4. Образцы текстов:

na wěrxnelužickom	na nižnelužickom
<i>W januarje lěta 1871 běšo se pšuski kral we Versailleskej špigelowej žurli na němskego kejžora wukronowaš dal. Z tym běšo Němska zjadernošona. Głowna zadora za polne wuwieše kapitalizma w Němskej a za tym za rozroscenje mocnego celoněmskego želačerskego gibanja běšo wotporana. Zjadernošenje ga se njejo stało po demokratiskoj droze, ale pod pšuskim wjednistwom. Pšuski duch, jogo njeznjasniwy šowinizm, militarizm a do dna antiludowy charakter pšekisachu nowe mocnarstwo. Po zjadernošenju jo Němska na gospodarskem poli jěsno rozrosła. Gospodarska konjunktura jo teke we Łužicy industrijno-kapitalistiske wuwieše pogonjowała. Fabriki nastawachu, nejprjewe w gornolužiskej tekstilnej industrij pšěžice a tkajarnje wěcej na kšomje serbskeje krajiny, skoro teke metalowe gotnice w městach. Což běchu w Gornej Łužicy tekstilne, metalowe a šamotowe gotnice, to běchu w Dolnej Łužicy a w golańskich stronach suknjece gotnice wokoło Chošebuza, Baršća a Grodka, glažkarnje w Bělkojskej wokolnje a pšedewšym brunicownje pla Złego Komorowa. Pšecej wěcej a mocnjeje mašiny trjebachu teke wěcej palidla. Brunicownje nastawachu. Topjenje z wuglom zmožni malsne rozroscenje glažkarnjow. Jamy se dale do lužiskeje zemje žerjechu. Skoro buchu woni koncernowe pšedewzeša.</i> Domowina. Poglěd do stawiznow. Budyšin, 1972, s. 10.	<i>W januaru 1. 1871 bě so pruski kral we Versailleskej špihelowej žurli na němskeho kejžora krónować dal. Z tym bě Němska zjednočena. Hłowny zadžěwk za polne wuwieše kapitalizma w Němskej a z tym za rozrost sylneho cyloněmskeho dželačerskeho hibanja bě wotstronjeny. Zjednočenje wšak njestaso po demokratiskim puću, ale pod pruskim wjednistwom. Pruski duch, jeho njeznjesliwy šowinizm, militarizm a do dna antiludowy charakter překisachu nowe mócnarstwo. Po zjednočenju nasta w Němskej bórze bujny hospodarski rozrost. Hospodarska konjunktura polěkowaše tež we Łužicy industrijno-kapitalistiskemu wuwieču. Fabriki nastawachu, najprjedy w hornjolužiskej tekstilnej industrij předžernje a tkajarnje bóle na kromje serbskeje krajiny, bórze tež metalowe fabriki w městach. Štožběchu w Hornjej Łužicy tekstilne, metalowe a šamotowe zawody, to běchu w Delnej Łužicy a w holandskich kónčinach sukelniske fabriki wokoło Chošebuza, Baršća a Gródka, škleńčernje w Bělkowskich kónčinach a předewšym brunicownje pola Złego Komorowa. Dale wjac a sylnišich mašinow trjebaše dale wjetše mnóstwa paliwow. Brunicownje nastawachu. Tepjenje z wuhlom zmožni spěšny rozrost škleńčernjow. Jamy so dale do lužiskeje zemje žerjechu. Bórze stachu so z koncernowymi předewzacemi.</i> Domowina. Zarys stawiznow. Budyšin, 1972, s. 10.

Примечание: в качестве образца приведен один и тот же текст на верхнелужицком и нижнелужицком литературных микроязыках.

2.5. Литература

• *Верхне- и нижнелужицкий языки:*

Дуличенко А. Д. Социолингвистические аспекты серболужицких и островных славянских литературных микроязыков. // *Lětopis*, Bautzen, 1992, № 2. С. 17–23.

Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. I. Западославянские языки. М., 1941. С. 219–168; раздел «Лужицкие сербы (серболужичане)».

Siatkowska E., Meškank T. O języku Łużyczan prawie wszystko. Warszawa, 2002.

Serbšćina. Faßka H. (red.). Opole, 1998.

Stone G. Sorbian (Upper and Lower). // *The Slavonic languages*. New York, 1993. P. 593–685.

Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16.–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967.

Sorbisches Sprachatlas. / Serbsky řečny atlas. Red. H. Faßke, H. Jentsch, S. Michalk. T. 1–16. Bautzen, 1965–1996.

• *Верхнелужицкий:*

Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. М., 1973; М. И. Ермакова, А. Ю. Недолужко. Серболужицкий язык. // *Языки мира*. Славянские языки. М., 2005. С. 309–347.

Мудра И., Петр Я. Учебник верхнелужицкого языка. Bautzen, 1983.

Трофимович К. К. Серболужицкий язык. Минск, 1989.

Faßke H. (mit S. Michalk). Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.

Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje řeče. 1. Fonematika a morfologija. Budyšin, 1968; 2 wyd. 1984; 2. Syntaksa. Budyšin, 1976.

Šołcyna J., Wornar E. Hornjoserbšćina za samostudij. / Obersorbisch im Selbststudium. Budyšin / Bautzen, 2000; 2. Aufl. 2002.

• *Нижнелужицкий:*

Janaš P. Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der sorbischen erweiterten Oberschule. Bautzen, 1976; 2. Aufl., 1984.

Nowak-Njechorński M. Wuknimy dolnoserbški. Budyšin, 1952.

Starosta M. Niedersorbisch schnell und intensiv. 1–2. Bautzen, 1991–1992.

3. Кашубский микроязык

3.1. О кашубах и их языке. Лингвонимы: рус. *кашубский язык*, кашуб. *kaszëbizna, kaszëbsczi j©złk*, польск. *kaszubszczyzna, kaszubska towa, język kaszubski*. Самоназвание *Kaszëbë* ‘кашубы’; землю свою они называют *Kaszëbë/ Kaszëbi*, а также *Kaszubia*; соответственно польск. этноним *Kaszuby/ Kaszubi*, земля – *Kaszuby, Kaszubia*.

Язык относится к западной ветви лехитской группы западнославянских языков. В соответствии с традиционной точкой зрения, бытующей в польской славистике, кашубский является специфическим диалектом польского языка, а кашубы – «этнографической группой» польского народа. В русской и немецкой славистике уже с конца XVIII в. он рассматривается как самостоятельный западнославянский язык, имеющий тесные исторические связи с польским языком. В настоящем очерке феномен кашубского языка именно с этих позиций и трактуется.

Распространен в Польше, в исторической области Поморье (устар. Померания) и прилегающих регионах: это бывшие воеводства Гданьское, Слупское и Быдгошское, где кашубы проживают в 43 гминах и составляют в большинстве из них более 50% населения. По данным на 1995 г., кашубов насчитывалось 367724 чел., к которым следует прибавить еще 119480 так наз. «полукашубов» (у которых один родитель является кашубом). Учитывая также некоторые поселения кашубов у границ Кашубии (в Польше), в других странах, в т. ч. в США и в Канаде (в этой стране их примерно 20 тыс.), численность данного этноса примерно 500 тыс. Более 90% кашубов и «полукашубов» проживает в быв. Гданьском воеводстве преимущественно в селах. В Гданьске их ок. 20 тыс., в Гдыне ок. 30 тыс., в Сопоте ок. 20 тыс. Наиболее важными историко-культурными центрами для кашубской популяции являются Гданьск, Картузы, Вейхерово, Косцежина, Пуцк. Языком общения кашубский используют 28% населения, спорадически – 58%, при этом объясняются по-кашубски в Гданьском воеводстве 70%, в Слупском – 41% и в Быдгошском – 30% кашубов.

Кашубский язык является одним из самых диалектно дробных славянских языков. По гиперкорректной классификации Ф. Лорен-

ца (1925), на начало XX в. в нем насчитывалось 76 диалектов и говоров, объединяемых в два основных массива: севернокашубский, распадающийся на словинский диалект и собственно северные говоры, и южнокашубский, который делится на собственно южные говоры и переходные кашубско-заборские. Вторая мировая война 1939–1945 гг. разрушила эту диалектную картину. Согласно атласу кашубских диалектов (1964–1978), выделяются 6 диалектных массивов: севернокашубские говоры (большая часть пуцкской и вейхеровской гмин, пол-ов Хель), среднекашубские (гмины картузская, частично вейхеровская и косцежинская), западнокашубские (от южной части пуцкской гмины до юго-западных окраин Кашубии и частично до ее центрального массива), восточнокашубские (восточная часть центрального массива Кашубии), юго-западнокашубские и юго-восточнокашубские. Необычайная диалектная пестрота объясняется причинами внешнего (неустойчивые с феодального времени политико-административные границы, перемещения населения, в т. ч. и немецкого, колонизации и проч.) и внутреннего, языкового, характера (саморазвитие системы, воздействие соседних говоров). Многие кашубские языковые черты ареально ограничены и тем самым по-разному характеризуют север, центр и юг Кашубии. Так, постановка ударения в словах распределяется так: на севере оно разноместное, в центре закреплено за определенным слогом в слове, а на юге находится на первом слоге. Такое варьирование, проявляющееся на разных языковых уровнях, создает кашубскому языку специфику и в то же время становится объективным препятствием на пути создания единых норм литературного языка.

В кашубском обнаруживается немало внутривидовых черт, обусловленных внешними языковыми причинами, т.е. контактами с польским и немецким языками. Так, в кашубском словаре около 5% немецких заимствований (при 2% в польском), пришедших с принятием христианства (перед X в.), ср.: *jastrë* ← нем. *Ostern* ‘пасха’. Ср. также: *flauta* ‘гладкая поверхность моря’ ← нем. *Flaut*, *fuńca* ‘керосиновая лампа’ ← нем. *Funz* и под. Помимо обычного образования составных количественных числительных типа *dwadzesce jeden* ‘21’, используется также немецкая модель *jeden dwadzesce* (нем. *ein und zwanzig*). В пограничных диалектных зонах отмечается замещение ряда кашубских черт польскими (например, появле-

ние мягких зубных согласных, чуждых кашубскому). По польскому образцу распространено употребление личных окончаний в прошедшем времени типа *sã nie poddólem* – польск. *nie poddałem się*, личных окончаний к частице *bě* ‘бы’ – *bēm, bēs, bēsme* и т.д. Для кашубского языка характерна препозиция определения по отношению к существительному, но под давлением польского языка это соотношение нарушается, ср. *kaszëbskô porcelana* и *porcelana kaszëbskô* ‘кашубский фарфор’ и др.

3.2. Особенности кашубского языка. Кашубская графика опирается на латиницу польского типа, отличаясь от нее рядом существенных особенностей:

Таблица № 21

кашубские буквы	польские буквы	кашубские буквы	польские буквы
<i>A a</i>	<i>A a</i>	<i>O o</i>	<i>O o</i>
<i>q</i>	<i>q</i>	<i>Ó ó</i>	<i>Ó ó</i>
<i>ã</i>	–	<i>P p</i>	<i>P p</i>
<i>B b</i>	<i>B b</i>	<i>R r</i>	<i>R r</i>
<i>C c</i> [ц]	<i>C c</i> [ц]	<i>S s</i>	<i>S s</i>
–	<i>Ć ć</i> [ц’]	–	<i>Ś ś</i> [ш’]
<i>D d</i>	<i>D d</i>	<i>T t</i>	<i>T t</i>
<i>E e</i>	<i>E e</i>	<i>U u</i>	<i>U u</i>
<i>é</i>	–	<i>W w</i> [в]	<i>W w</i> [в]
–	<i>ę</i>	<i>y</i> [и]	<i>y</i> [ы]
<i>ë</i>	–	<i>Z z</i> [з]	<i>Z z</i> [з]
<i>F f</i>	<i>F f</i>	–	<i>Ż ż</i> [ж’]
<i>G g</i>	<i>G g</i>	<i>Ź ź</i> [ж]	<i>Ź ź</i> [ж]
<i>H h</i>	<i>H h</i>	<i>ch</i> [х]	<i>ch</i> [х]
<i>I i</i>	<i>I i</i>	<i>sz</i> [ш’]	<i>sz</i> [ш]
<i>J j</i>	<i>J j</i>	<i>rz</i> [ж’]	<i>rz</i> [ж]
<i>K k</i>	<i>K k</i>	<i>cz</i> [ч’]	<i>cz</i> [ч] твердое
<i>L l</i>	<i>L l</i>	<i>dz</i> [д↑з]	<i>dz</i> [д↑з]
<i>Ł ł</i> [ў] неслогов.	<i>Ł ł</i> [ў] неслогов.	<i>dż</i> [д↑ж’]	<i>dż</i> [д↑ж]
<i>M m</i>	<i>M m</i>	–	<i>dź</i> [д↑з’]
<i>N n</i>	<i>N n</i>		
<i>ń</i> [н’]	<i>ń</i> [н’]		

Примечания: *q* – более задний носовой (Π), *ã* – более передний носовой (*q*), *é* – между *у* и *е*, *ë* – между *е* и *а*, *ó* – между *и* и *о*, *ô* – между *е* и *о*; штрих влево над *о* и *и* (*ò*, *ì*) указывает на билабиальный призвук перед этими гласными, стоящими в начале слов или же после согласных *b*, *p*, *m*, *w*, *k*, *g*, *h*, и употребляется по усмотрению, т.е. можно писать *tòwa* и *towa*, однако недопустимо оба способа применять в одном тексте; мягкость некоторых согласных обозначается также польским способом, т.е. посредством *i* (*nie* ‘не, нет’ и под.). Правописание основывается на историко-этимологическом принципе с использованием также фонетических написаний. *у* – как *i* (служит для выражения твердости предыдущего согласного).

В кашубском языке 12 гласных, из них два носовых – [*q*], [*ã*]; среднее по подъему [*ö*], а также [*ü*] распространены в северной и средней частях Кашубии. 28 согласных фонем распределяются по звонкости~глухости ([*b-p*], [*d-t*], [*v-f*] и др.) и по мягкости ~ твердости ([*b-b'*], [*p-p'*], [*m-m'*], [*n-n'*], [*v-v'*], [*f-f'*]), причем последняя оппозиция представлена, в сравнении с польским языком, беднее. К мягким прибавляются еще и палатализованные [*č-3*] и [*š-ž*]; [*l*] фактически выступает вариантом фонемы [*u*]; [*n'*] не характерно для севернокашубского диалекта.

В области морфологии. Категория личности, в отличие от польского языка, выражается местоимением *Wë* ‘Вы’ (во 2 л. мн. ч. *wa* ‘вы’): *Wë wiéce* ‘Вы знаете’, но *wa wiéta* ‘вы знаете’, ср. польск. *Pan / Pani wie* ‘пан / пани знает’ (характерное для польского обращение в 3 л. ед. ч.). Выражение лица проявляется у количественных числительных 2, 3, 4 в И. пад., ср.: *dwaj* – для лиц, *dwa* – для нелиц; *trzej*, *sztërzej* – для лиц, *trzë*, *sztërzë* – для нелиц.

В кашубском заметны также **следы двойственного числа**: у парных сущ. жен. р. *rëka* ‘рука’ и *noga* ‘нога’ в Р. и П. пад. мн. ч. – *räku*, *nogu*; у личных местоимений 1 и 2 л. мн. ч.: И. пад. *ta* ‘мы’ – *wa* ‘вы’ (при исконных здесь *më* и *wë*), Д. *pata* – *wata* (при исконных *pami*, *póm* и *wami*, *wóm*) и т.д.

Категория определенности ~ неопределенности может выражаться указательными местоимениями, ср. *ten* и *nën* ‘(э)тот’ и в артиклоидной функции *ten kùrc* ‘(этот) покупатель’, *ta bialka* ‘(эта) женщина’, а также числительное *jeden* – *jeden chłop* ‘(один, какой-то) мужчина’.

В кашубском языке 7 *падежей* (со звательным) и 3 типа склонения – мужской, средний и женский, при этом флексии сильно варьируют по говорам. В мужском типе в Д. пад. ед. ч. конкурируют флексии *-u* и *-owi/-ewi* (последняя ранее употреблялась только у одушевленных существительных); в И. пад. мн. ч. большое разнообразие флексий – *-i*, *-e*, *-ë*, *-owie* (*chłop-i*, *chłop-ë*, *chłop-owie*). В средний тип входят существительные на твердый (*jezoro* ‘озеро’) и мягкий согласный (*pole* ‘поле’) и др. По женскому склонению, помимо существительных с флексией *-a* в И. пад. ед. ч. (*gula* ‘индейка’), изменяются также и слова на *-ô* (*wolô* ‘воля’, *procesëjô* ‘процессия’).

Прилагательные выступают обычно в полной форме в ед. ч. в 3 родах (муж. *daleczy* ‘далекий’, жен. *daleczô*, ср. *daleczë*); во мн. ч. различие проходит по мужскому и немужскому родам (в И. пад. мн. ч. соответственно *daleczy*, *daleczë*). Так наз. краткие прилагательные носят остаточный характер. Относительные и качественные изменяются по твердому (*jiwerny* ‘хлопотливый’) и мягкому вариантам (*snozi* ‘прекрасный, прелестный’). Притяжательные, образующиеся от названий лиц с помощью суффиксов *-ów* (*tatów* ‘отцов’ – муж. р.), *-owa* (*tatowa* – жен. р.), *-owo/-owé* (*tatowo* / *tatowé* – ср. р.) и *-in* (*něnczin* ‘мамин’ – муж. р.), *-ina* (*něnczina* – жен. р.), *-ino* (*něnczino* – ср. р.), склоняются по твердому варианту. Во мн. ч. различаются формы мужского и немужского родов. Сравнительная степень имеет, как и полные прилагательные, род, число, падеж и выражается суффиксами *-szi* и *-ejszi*: *czëstszi* и *czëscejszi* ‘чище’, , превосходная – префиксом *nô-* ‘най-’: *nôlepszi* ‘красивейший’.

У личных **местоимений** склонение супплетивное, с наличием энклитических форм в Р, Д. и В. падежах. В 3 л. мн. ч. в И. и В. падежах проходит разграничение между муж. р. (И. п. *oni*, *ni*, В. п. *jich*) и немужским (И. п. *onë*, *në*, В. п. *je*); аналогично у притяжательных и указательных местоимений. Адъективные местоимения изменяются, как прилагательные в соответствующем роде. В Т. и П. пад. форма местоимения *chto* ‘кто’ в результате палатализации [k] перед гласным переднего ряда [i] превратилась в *czim* и совпала с тем же падежом местоимения *co* ‘что’, т.е. *czim*. В севернокашубском диалекте к местоимению *chto* прибавляется *-ż*, т.е. *chtoż*, *kogoż* и т.д.

Указательные местоимения: *ten, ta, to* ‘этот, эта, это’, *nen, na, no* ‘тот, та, то’, *tamten, tamta, tamto* ‘тот (там)...’; *tuten, tuta, tuto* ‘этот (тут)...’;

– притяжательные: ед. ч. 1. *mój, moja, moje* ‘мой, -я, -е’; 2. *twój, twoja, twoje* ‘твой...’; мн. ч. 1. *nasz, nasza, nasze* ‘наш, -а, -е’; 2. *wasz, wasza, wasze* ‘ваш...’;

– вопросительно-относительные: *chtórny, chótorna, chótorno* ‘который, -ая, -ое’; *jaczi, jakô, jaczié* ‘какой...’; *czij, czija, czije* ‘чей...’; *chto* ‘кто’, *co* ‘что’;

– определительные: *koźdi, koźda, koźdé* ‘каждый, -ая, -ое’; *sóm, sama, samo* ‘самый...’;

– отрицательные: *nicht* ‘никто’, *nick* ‘ничто’, *nijaczi* ‘никакой’, *żóden* ‘никакой, ни один’;

– неопределенные: *niechto* ‘некто’, *nieco* ‘нечто’, *chto le* ‘кто-то’, *chtokolwiek* ‘хоть бы кто’, *běle chto* ‘хоть бы кто’, *běle co* ‘хоть бы что’ под.

Числительные сохранили общеславянский вид. Из количественных числительных склоняются только *jeden* – 1, *dwa* – 2, *trzë* – 3, *sztërë* – 4, а также *sto* – 100. При этом только числительное 1 имеет все три рода: *jeden* (муж. р.), *jednô* (жен. р.), *jedné* (ср. р.); у числительного 2–4 различие по родам проходит только в II. пад.: *dwaj, dwa* (муж. р.), *dwie* (жен. р.), *dwa* (ср. р.) и т.д.

Порядковые числительные образуются добавлением к количественным родовых и падежных флексий прилагательных: *sze-sc* ‘6’ – *szósti, szóstô, szósté* ‘шестой, -ая, -ое’ и т.д. Склоняются как прилагательные. Собирательные образуются от количественных суффиксами *-je* и *-oro*: *dwoje* ‘двое’, *dzesyńcoro / dześãcoro* ‘десятеро’ и под., кратные – суффиксами *-acz(i), -n(y), -ak(o)*: *czwioraczi / czworaczi / czwórny* ‘четырежды’. Собирательные и кратные изменяются, как и прилагательные. Дробные образуются с помощью слова *dzél* ‘часть’, прибавляемого к порядковому числительному: *sydmi dzél* ‘седьмая часть, одна седьмая’ и т.д.

Глагол, с одной стороны, сохранил некоторые архаичные черты, с другой, приобрел новые, неизвестные польскому и другим славянским языкам. Инфинитив имеет показатель *-c*: *runic* ‘писать’, *jic* ‘идти’. Возвратные частицы *sã* и *so* могут употребляться дистантно

от глаголов: *W moji wsë wiele so robi dlô kaszëbiznë. Uczëmë sã spiewac kaszëbsczé piesnie, chtërnë spiewalë nasi starkowie* ‘В моем селе много делается для кашубщины. Мы учимся петь кашубские песни, которые пели наши предки’.

Временная система отличается большой сложностью. В настоящем времени выделяются 4 модели спряжения: на *-ã, -esz* (*skôczã* ‘скачу’, *skôczesz* ‘скачешь’), на *-ã,*

-isz/-ysz (*zwóniã* ‘звоню’, *zwónisz* ‘звонишь’), на *-óm, -ôsz* (*pitóm* ‘спрашиваю’, *pitôsz* ‘спрашиваешь’), на *-ém, -ész* (*wiém* ‘знаю’, *wiész* ‘знаешь’). Глагол *bëc* ‘быть’, служащий для образования сложных форм будущего и прошедшего времен, а также выступающий в именном составном сказуемом в виде связки, имеет три основные общекашубские парадигмы спряжения.

Прошедшее время выражается несколькими аналитическими формами, две из которых по происхождению являются перфектом, – одна со спрягаемыми формами глагола *bëc* при *l*-причастии (*jô jem chodził* ‘я ходил’), другая без них (*jô chodził*). Личное местоимение при них употребляется обязательно. Ограниченно применяется описательная форма, в которой при личном местоимении одним компонентом выступает глагол *miec* ‘иметь’, а другим – страдательное причастие: *jô móm zasané (żëto)* ‘я засеял (рожь)’. В простом и сложном прошедшем (перфекте) во мн. ч. проходит различие между мужскими и немужскими формами: *më jesmë stojalë* ‘мы стояли (для муж. р.)’, но *më jesmë stojalë* ‘мы стояли (не для муж. р.)’. После согласных показатель причастия *-l* вообще не произносится (хотя на письме отражается). Плюсквамперфект типа *jô bëł chodził* ‘я ходил/хаживал’ практически уже не используется.

Будущее время выступает в виде простого (то же, что настоящее совершенное) и сложного – по модели «глагол *bëc* в полной или краткой форме + *l*-причастие» (соответственно *jô bãdã / bqãdã robił – jô bdã / mdã robił* ‘я буду работать’) или инфинитива (*jô bãdã / bqãdã robic – jô bdã / mdã robic* ‘я буду работать’). Обе формы равноправны в употреблении.

Повелительное наклонение образуется с помощью флексий – старой *-i* (*robi* ‘работай’) и новой *-ë* (*puscë* ‘пусти’), а его формы сильно варьируют, ср.: *bãdze / bqãdzë – bãdz / bqãdz* ‘будь’, *gri – grë* –

grôj ‘играй’ и под. От соответствующих форм настоящего времени они отличаются местом ударения: *r'obi* ‘он работает’, *rob'i* ‘работай’. 3 л. ед. и мн. ч. образуется аналитически – с помощью частицы *niech* ‘пусть’: *niech puscë* ‘пусть он пустит’.

Сослагательное наклонение формируется прибавлением к *l*-причастию частицы *bë* (происходит от формы перфекта глагола *bëc*) вне зависимости от лица: *jô bë chcôl* ‘я бы хотел’, *të bë chcôl* ‘ты бы хотел’ и т.д. Под воздействием польского языка вместо частицы могут выступают спрягаемые формы глагола *bëc*: *jô bëm chcôl* ‘я бы хотел’, *të bës chcôl* ‘ты бы хотел’. Устаревшей считается форма типа *chcôlbë jem* ‘я хотел бы’.

Из действительных **причастий** функционируют формы настоящего времени с суффиксом *-qc-*: *sedzqcy* ‘сидящий’ (муж. р.), *sedzqcô* (жен. р.), *sedzqcë* (ср. р.). Страдательные образуются с помощью суффиксов *-t(i)*, *-n(y)*: *podarti* / *podzarti* и *rozerwôny* ‘разорванный’. Склоняются как прилагательные. **Деепричастия** употребляются только в литературном языке: *robiqçë* (наст. время) ‘работая’, *rzeklszë* (прош. время) ‘сказав’.

Наречия формируются на базе существительных (*zëmq* ‘зимой’ ← *zëma* ‘зима’), прилагательных (*spokojnie* / *spokojno* ‘спокойно’ ← *spokójny* ‘спокойный’, но *dalczk* ‘далеко’ ← *dalczi* ‘далекий’), местоимений (*terôz* / *terëz* / *terôzku* ‘теперь, сейчас’ ← *ten rôz* ‘этот раз’) и т.д.

Служебные части речи. Предлоги делятся на первичные (*na* ‘на’, *ob* ‘через, в течение’, *bez* ‘без’, *dlô* ‘для’, *z/ze* ‘с’, *za* ‘за’ и др.) и производные от иных частей речи (*okom* ‘у, при’, *strzôd* / *postrzôd* / *westrzôd* ‘среди’ и под.). Предлоги используются с одним или двумя, реже – с тремя падежами. **Союзы** бывают простые (*a*, *i*, *ë* ‘и’, *czë* ‘или’ и под.) и сложные (*ale* < *a* + *le* ‘но’, *dlôcz* / *dlôcze* / *dlôczego* ← *dlô cz(ego)* ‘зачем, с какой целью’, *pokąd* ‘пока, покуда’ и т.д.). **Частицы** типа *czë* (вводит вопросительные предложения), *že* ‘же’, *le* ‘только’, *jino* ‘единственно, только’, *ko* ‘ну-ка’ и др.

3.3. Кашиубский литературный язык и письменность, основанная на латинице польского типа, существуют с XV–XVI вв. и вплоть до XIX в. развивались с перерывами. Единой диалектной базы литературный язык не имел и не имеет. Дошедшие до нас

тексты XV/XVI–XVIII вв. базируются на разных говорах. Лишь с XIX в. начинаются поиски диалектной основы, которые продолжаются до сих пор. В развитии идеи кашубского литературного языка можно выделить 3 основных периода.

1) Предвозрожденческий период (XV–XVI в. – первая половина XIX в.) характеризуется использованием кашубского языка в религиозной сфере. Однако чисто кашубских по языку памятников письменности в этот период нет, за исключением отдельных фрагментов в польских текстах. Дошедшие до нас памятники исполнены в основном польским региональным литературным языком Поморья. Специфической их чертой является «налет» в виде кашубских фонетических, грамматических и лексических элементов, что позволяет говорить о функционировании *кашубской редакции польского литературного языка Поморья*. Возможно, что первым памятником являются так наз. «*dutki brzeskie*», – собрание хозяйственных записей (1402). С распространением протестантизма появляется перевод с немецкого духовных песен М. Лютера, сделанный Шиманом Крофеем («*Duchowne piesnie D. Marcina Luthera...*», 1586). В XVII в. выходит малый катехизис М. Лютера в издании Михала Мостника («*Mały Catechism D. Marcina Lutherá...*», 1643), переизданный в 1758 г. К 1643 г. относится рукопись в целом светского содержания, хотя и навеянная библейскими мотивами, – «Трагедия о богаче и Лазаре» с отдельными кашубскими фрагментами. Далее следуют некоторые религиозные памятники, как, например, «Дополнительные вопросы о вере», «Смолдзинские перикопы», так наз. кашубский песенник XVI–XVIII вв., словинские присяги из Вежхоцына (1706–1722). В большинстве из них обнаруживаются элементы северокашубского диалекта. Большие временные разрывы между появлением письменных документов говорят о том, что культурно-языковой процесс носил здесь прерывный характер.

2) Возрожденческий период падает на 40–50-е гг. и вторую половину XIX в., когда кашуб Флориан Цейнова (Florian Cenôwa/Seunowa, 1817–1881), под влиянием чешского и серболужицкого национального Возрождения, пытается пробудить своих соотечественников. В 1850–1851 гг. он издал первые книги на кашубском языке, в 1866–1868 гг. – первый кашубский жур. «Защита кашуб-

ско-словинского языка». Ф. Цейнова был первым нормализатором и кодификатором кашубского литературного языка: в 40-е гг. XIX в. он составил грамматику, частично используя польскую графику и опираясь на свой родной говор (села Славошино) и говоры вокруг Вейхерова, Картуз, Косцежины, Лемборка и Бытова. Грамматика, однако, осталась в рукописи и была открыта только в 1994 г. (издана в 1998 г. – см. ниже «Литературу»). В 1879 г. Ф. Цейнова издал (по-немецки) другую грамматику. Возрожденческая деятельность Цейновы не вызвала массового движения. Но все же его дело продолжил поэт Иероним Дердовский (1852–1902), ставший классиком кашубской литературы, создатель поэмы-эпоса «О пане Чорлинском, который за сетями в Пуцк ехал» (1880). И. Дердовский выразил польско-кашубские отношения как «Нет Кашубии без Польши, а без Кашубии – Польши» («Ni ma Kaszub bez Polonii, a bez Kaszub Polsczi»).

3) Новый период падает на XX в. и во многом связывается с предыдущим возрожденческим, так как и в это время продолжают усилия по определению путей развития кашубской литературы и культуры, по поискам приемлемой письменности и основ для единого кашубского литературного языка.

В начале XX в. возникает движение так наз. младокашубов во главе с писателем Александром Майковским (1876–1938), выступившим с кредо: «Все, что кашубское, то польское». Возникло первое кашубское общество, а с 1908 г. младокашубы стали издавать жур. «Гриф». А. Майковский создал первый кашубский роман «Жизнь и приключения Ремуса» (отдельной книгой вышел в 1938–1939 гг.), в языковом плане ориентируясь на говоры юго-западнее от Картуз и Косцежины. Написанная им кашубская грамматика осталась в рукописи. В младокашубском русле поэзию создавали Ян Карновский, Леон Хейке, Францишек Сендзицкий и др. В 30-е гг. вокруг газ. «Кашубский союз» («Zrzesz Kaszëbskô») сформировалась группа писателей (по названию газеты их называли *Zrzeszeńcy* «зжешеньцы»), которые стояли на позициях автономности кашубов как этноса и кашубского как самостоятельного славянского языка (Александр Лябуда, Ян Трепчик, Ян Ромпский, Стефан Бешк, Францишек Груча и др.). Они предпринимали попытки создания

кашубской графики и орфографии и работали в направлении единых норм литературного языка. Перед Второй мировой войной этой группе противостояли по идейным соображениям писатели, издававшие газ. «Kleka» (название герба сельского старосты), – Леон Роппель, Юзеф Цейнова, Павел Шефка и др. После Второй войны в Польской Народной Республике кашубское движение возродилось и стало успешно развиваться. Инициативой ряда писателей в 1956 г. в Гданьске было создано общество «Кашубское объединение» (с 1964 г. – «Кашубско-Поморское объединение»), издающее до сих пор жур. «Pomerania» и стимулирующее использование кашубского языка. Продолжается творчество довоенных писателей, появляется плеяда новых имен, среди которых Антони Пеплинский, Алойзы Нагель, Станислав Пестка, Ян Пепка, Ян Джежджон, Мариан Селин, Станислав Янке и др. Кашубская поэзия представлена в хорошо изданных антологиях.

В конце XX в. наблюдается новый виток кашубского возрождения: расширяется число периодических изданий (помимо жур. «Pomerania», выходят возрожденная в Вейхерове газ. «Zrzesz Kaszëbskô», приложение «Norda» к гданьской газ. «Dziennik Bałtycki» и др.), в Гданьском университете организуется лекторат кашубского языка, телевидение и радио Гданьска ведут передачи по-кашубски, открывается кашубская школа в селе Брусы, вводится преподавание кашубского языка в некоторых других школах, на кашубском отправляется также служба в некоторых церквях Поморья (для чего были переведены и изданы религиозные книги, в том числе и «Священное Писание»). С 60-х гг. появляются польско-кашубские и кашубско-польские словари, переводы художественных произведений с одного языка на другой. В 1975 г. изданы «Основы кашубского правописания» (частично изменены в 1996 г.), в 1981 г. – грамматика (с некоторыми нормативными рекомендациями), а в 1992 г. и первый учебник кашубского языка для студентов лектората. Отмеченные факторы работают в направлении формирования норм кашубского литературного языка, однако этот процесс далек от завершения. В 2005 г. Польский сейм признал за кашубским статус регионального языка Польши.

3.4. Образец текста:

кашубский текст	в переводе на польский язык
Jan Trzëpczyk. <i>Moji widzeni kaszëbizne</i> <i>Je taczi rzeczeni, że le ten lud žëje, so sę trzimie swoji mowe – a umar ten co ję stracel. Są jesz prôwdac lëde, co choc sę wëzbele swoji rodny mowe, utrzymałe swoję juwernotę. Równak źle jidze o nas, Kaszëbów, to na spodlim naji dziejów może bez ogôdczi świãdowac, że z chwilą wëzbëcô sę swoji mowe, dżinie wszetko, co sę rzeszi z kaszëb-koscą i z mionę Kaszëba. Bo kaszëbiza w naji jeleżnoscach je jedurnym dokôżę naszigo pochodzeniô, – jedurnym dokôżę nasz kaszëbsczi juwernote. Kaszëbizna je dlô nas jak krew dlô człowieka – czej z niego uńdze, umierô. Juwerno i më umrzëmë, jele sę wëzbëdzëmë swoji mowe. Tësąclatny dzieje Pomorzczï sã tego nôoczniészëm dokôżę <...>.</i> Zrzesz Kaszëbskô (Pismo luda kaszebskiego), rok II (XII), Wejherowo, 1993, №. 3 (5), s. 17.	Jan Trepczyk. <i>Mój pogląd na kaszubszczyznę</i> Jest takie powiedzenie, że tylko ten lud żyje, który trzyma się swojej mowy, a umarł ten, który ją stracił. Są wprawdzie jeszcze ludy, które choć wyzbyły się swej rodzimej mowy, utrzymały swoją tożsamość. Gdy jednak chodzi o nas, Kaszubów, to na podstawie naszych dziejów można bez wątpliwości sądzić, że z chwilą wyzbycia się swej mowy, ginie wszystko, co się łączy z kaszubskością i nazwą <i>Kaszuba</i>. Kaszubszczyzna bowiem w naszej sytuacji jest jedynym dowodem naszego pochodzenia, jedynym dowodem naszej kaszubskiej tożsamości. Kaszubszczyzna jest dla nas jak krew dla człowieka; kiedy z niego ujdzie, umiera. Podobnie i my umrzemy, jeśli wyzbedziemy się swej mowy. Tysiącletnie dzieje Pomorza są tego najwidoczniejszym dowodem <...>.

3.5. Литература

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981; *его же*. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I. Тарту, 2003. С. 254–308; *его же*. Славянские литературные микроязыки и проблема литературной кашубщины. // *Образ языkowy słowiańskiego Pomorza i Łużyc*. Warszawa, 1997. S. 227–246.

Дуличенко А. Д. Кашубский язык. // *Языки мира: Славянские языки*. М., 2005. С. 383–403.

Селищев А.М. Поляки и поморяне (кашубы) // Славянское языкознание. Т. I. Западославянские языки. М., 1941. С. 269–416.

Bòrzyszkwòwsczi J., J. Mòrdawsczi, J. Tréder. Historia, geògrafia, jãzëk i pismienizna Kaszëbów. Gdańsk/ Gduńsk, 1999.

Breza E., J. Tréder. Gramatyka kaszubska. Zarys popularny. Gdańsk, 1981; *ibid.* Zasady pisowni kaszubskiej. Gdańsk, 1975; 2. wyd., 1984.

Ceynowa F. Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache als Entwurf zur Gram#atik. Hg. von A. D. Duličenko und W. Lehfeld. Göttingen, 1998; Cenôva F. Zares do Grammatikj Kašëbsko-Słovjinskè Móvè. W Poznaniu, 1879.

Lorentz F. Kaschubische Grammatik. Danzig, 1919.

Kaszubszczyzna/ Kaszëbizna. Red. E. Breza. Opole, 2001

Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny. Red. J. Tréder. Gdańsk, 2002; 2. wyd., Gdańsk, 2006.

Wosiak-Śliwa R., Cybulski M. Kaszubski język literacki. Podręcznik dla lektoratów. Gdańsk, 1992; *ibid.* Uczimë sã pò kaszëbskù. Gdańsk, 2001.

Labuda A. Słownik polsko-kaszubski./ Słowòrz kaszësko-pòlszczi. Gdańsk, 1981–1982; Trepczyk J. Słownik polsko-kaszubski. 1–2. Gdańsk, 1994.

Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny języka kaszubskiego. T. 1 →. Warszawa, 1994 →.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I–VII. Wrocław etc., 1967–1976.

Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. I–XV. Wrocław etc., 1964–1978.

4. Югославо-русинский / южнорусинский микроязык

4.1. О югославо-руси́нах (южнорусинах). Сами себя южно-русины называют *Руснаци*, *Руснаки* (ед. ч. муж. р. *Руснак*, жен. р. *Рускиня*; этнонимы, в соответствии с русинской орфографией, пишутся с прописной буквы). Сербы и хорваты называют их *Русини* / *Rusini*. Для того, чтобы избежать ассоциации с русино-украинским населением прародины, нередко используются этнонимические конструкции, покрывающие лишь часть населения: *бачвански Руснаци* ‘бачские русины’, *бачванско-сримски Руснаци* ‘бачско-сремские русины’, *войводински Руснаци* ‘воеводинские русины’. Свой язык русины называют *руски язык* ‘русинский язык’, ср. серб.-хорв. *русински језик*, в то время как собственно русский язык – *велько-*

руски язык либо под украинским влиянием – *росийски язык*. а также *русийски язык*.

Русинский переселенческий «остров» оказался в Бачке (Воеводина, Сербия) в 40-е гг. XVIII в. После поражения турок в битве под Веной (1683) и заключения Карловацкого мира (1699), по которому к Австрии отошли земли Венгерского королевства, в их числе Бачка, Банат и частично Срем, земли нынешней Воеводины с начала XVIII в. стали заселяться немцами, венграми, словаками и др. народами. В этом миграционном потоке оказались и предки русин, преимущественно униаты (грекокатолики) по вероисповеданию, оставившие перенаселенные Земплинский, Шаришский и некоторые другие регионы Восточной Словакии. Сначала они заселили пустовавшее сербское село Крстур (позднее оно стало называться Руски Крстур), а затем – Куцуру. В Бачке организуются церковные грекокатолические приходы, которые заботятся о религиозной жизни и о просвещении переселенцев. В первой половине XIX в. русины стали переселяться в другие регионы средней и южной Бачки, а затем в Срем, а также в некоторые места в Славонии.

В 1981 г. русин насчитывалось 23286 чел., из них в Сербии проживало 84,8% (82,9% в Автономной области Воеводина), в Хорватии 14,3%. Во второй половине XIX и в начале XX вв. небольшая часть русин, включившись в миграционный поток за океан, оказалась в США, Канаде и др. Ныне русины проживают в следующих местах Бачки: Руски Крстур, Куцура, Новый Сад, Джурджево, Петроварадин, Ново Орахово, Господинцы, Жабель, Савино Село, Деспотово, Црвенка, Липар и др.; в Среме – это Шид, Сремска Митровица, Бачинцы, Беркасово, Бикич Дол, Сот и др.; в Хорватии (историческая область Славония): Вуковар, Петровцы, Миклошевы, Винковцы, Гуня, Раево Село и др. Главным средоточием русин являются Руски Крстур, Куцура, а также Новый Сад и Джурджево.

На новом месте, оказавшись в окружении православного сербского населения, русины сохранили свое униатское вероисповедание (хотя среди них были и православные), при этом они никогда не порывали связей со своей прародиной. Несмотря на то, что в генетическом плане в их языке переплетены восточнославянские, т.е. закарпатскоукраинские, и западнославянские, т.е. восточносло-

вацкие, черты, в этническом отношении русины всегда осознавали себя отростком от своих братьев на так наз. Горнице (Закарпатье), считали себя частью русин-украинцев бывшей Угорской Руси. Важную роль в такой этнической ориентации играла не только их принадлежность к униатству (традиционно считалось, что униат – это «русский») и те культурные связи, которые они имели с Закарпатской Украиной и Галицией, но и этническая память. Длительный географический, административный и проч. отрыв от исходного этноязыкового континуума способствовал здесь, на новой родине, выработке у них сознания языковой и этнической отдельности. Именно по этой причине русинский «остров» сохранил старый этнонимический знак *русины* для изменившегося этнического содержания.

4.2. О генетическом статусе югославо-русинского микроязыка. Научное открытие русин Бачки относится к рубежу XIX–XX вв. и связано с именем В. Гнатюка, записавшего русинскую речь, фольклор и др. и выдвинувшего точку зрения об украинском их происхождении. Гнатюк отметил при этом сильно словакизированный характер языка. Это вызвало острую дискуссию. Возникла «словацкая» гипотеза (Ф. Пастернек и др.). Исходный языковой ареал русин характеризовался нечетким происхождением, выражающемся в переплетении закарпатскоукраинских и восточнословацких говоров; к этому следует добавить также некоторое присутствие там языкового компонента польского типа. В свете сказанного генетическое определение южнорусинского языка весьма сложно и во многом проблематично. Исследователи, затрагивающие этот вопрос, склоняются либо к «украинской», либо к «словацкой» гипотезе. Обратимся к некоторым показательным фонологическим признакам.

В качестве восточнословацких выступают, например:

1) силовое ударение на предпоследнем слоге слова: *'оуец*, *'оуа* (род. п. ед. ч.), *оу'ови* (Д. п. ед. ч.), *оу'ами* (Т.п. мн. ч.); это имеет связь с польским языком;

2) *i = y* [ы]: *мили* ‘милый’, *дим* ‘дым’, *син* ‘сын’;

3) наличие сочетаний *dl*, *tl*: *зубадло* ‘зубило’, *садло* ‘сало’, *стретла* ‘встретила’;

4) наличие сочетаний *gv*, *kv*: *гвизда* ‘звезда’ (здесь *hv* из *gv*), *квице* ‘цветок’ и некоторые др.

В то же время ряд праславянских и позднейших элементов выступают в южнорусинском двояко – и как восточнословацкого, и как закарпатскоукраинского типа:

1) *ě* (ять) дал три рефлекса: экавский (что характерно для вост.-словац.) – *бешеда* ‘речь, язык’, *хлеб*, икавский (что характерно для зак.-укр.) – *рика* ‘река’, *шнїг* ‘снег’, даже *мера* и *мира* ‘мера’, реже – *-a-* (*цали* ‘целый’);

2) *ě* → *je-*: *єшень* ‘осень’, *єден* ‘один’, но – *озеро* (как в укр.);

3) *≥* → *ol* (как в вост.-словац.) и *ov* (как в зак.-укр.): *полни* ‘полный’, *молга* ‘мгла’, но – *волк* и *вовк*, *жолти* и *жовти* ‘желтый’ и т.д.;

4) *tolt* → *tlat* (как в вост.-словац.) и *tlot* (как в зак.-укр. и польском): *глава* ‘голова’, *глад* ‘голод’, но *млоди* ‘жених’, *хлоп* ‘парень’; *tort* → *trat* (как в вост.-словац.): *крава* ‘корова’, *брана* ‘борона’, но *torot* (как в зак.-укр.): *зноровиц ше* ‘сноровиться, изловчиться’ и др.

Говоря о преобладании восточнословацкой стихии в фонологической структуре русинского языка, нельзя забывать о том, что рефлексы украинского типа нередко либо параллельны восточнословацким, либо проявляют себя как остаточные (когда-то было так, а осталось лишь это!). Двоякость ряда важных рефлексов, незавершенность многих фонологических (как и морфологических) процессов свидетельствуют о длительном процессе взаимной интерференции двух языковых стихий или же о происходившей языковой смене – скорее всего о «движении» говоров с востока на запад, а это позволяет заключить, что истоки южнорусинского нужно искать в западной части восточнославянской территории, т.е. в ареале закарпатскоукраинских говоров. По нынешнему состоянию его структуры он может занимать промежуточное положение между восточно- и западнославянскими группами. Несмотря на очевидную исходную гетерогенность генетической основы, южнорусинский в диалектном отношении оказывается достаточно однообразным. Здесь можно говорить лишь о наличии некоторых незначительных фонетических, лексических и семантических нюансах, характеризующих речь жителей Руского Крстура, Куцуры, а также Срема и Славонии.

Исторические контакты русинского языка с родственными и неродственными языками прошли два этапа – до переселения в Бачку и уже на новой родине, начиная с 40-х гг. XVIII в. Допереселенче-

ские контакты наблюдались с венгерским языком, некоторые лексические элементы проникали и из немецкого: *аколь* ‘овчарня’ ← венг. *akol* (что, в свою очередь, из слав. *около*), *грунт* ‘земля, почва’ ← нем. *Grund* ‘то же’ и под. Через эти языки, а также через религиозный обряд попали и слова греко-латинского.

Во второй этап контакты с венгерским и немецким языками остаются (на Бачку распространялось то немецкое, то венгерское административное влияние). Результат: в русинском насчитывается более 550 мадьяризмов и более 350 германизмов. Через церковь поддерживается роль церковнославянского языка западноукраинской и русской редакции, в мирской жизни в XIX в. – «язычия», а в новое время – украинского, ср. *витирвали* ‘выносливый, терпеливый’ ← языч. *вытырвалый*, *собитие* ‘событие’, *председатель* (из церковнославянского-русского либо из русского); из нового украинского литературного языка берется абстрактная лексика и терминология, ср. наряду с собственным *заробок* ‘зарплата’ – из укр. *прибуток*, *прикладнік* ‘экземпляр’ – *примирник* и под.

Со второй половины XVIII в. начинается влияние сербско-хорватского языка, причем не только лексическое, но и фонетическое и грамматическое. Через сербско-хорватский «фильтр» (реже – украинский) активно проникает и интернациональная лексика. Факторы, способствующие проникновению в русинский сербохорватизмов, очевидны: длительное проживание в окружении сербского и хорватского населения, тесные хозяйственные, бытовые и культурные связи, массовый билингвизм и т.д. Это бытовая, нейтральная, абстрактная лексика, термины (исчисляются многими тысячами), часто без адаптации (*одбор* ‘комитет, городская управа’, *слика* ‘картина, фотография’ и т.д.) либо фонетически адаптированные (*подруче* ‘подведомственная территория’ ← *подручје*, *градза* ‘строительный материал’ ← *грађа*). Многочисленны также кальки типа *поза-ряд-ов-и* ‘чрезвычайный’ ← *ван-ред-ан*, т.е. *поза-* = *ван-*, *-ряд-* – *-ред-*, *-ов-* = *-(а)н-* и т.д. Мощное воздействие наблюдается и в грамматике: жен. р. *програма* ‘программа’ и поддерживаемое серб.-хорв. *програм* (муж. р.); П. пад. ед. ч. муж. р. *у живоце* – и *у животу* ‘в жизни’, ср. серб. *у животу*; союз *да* вызвал в русинском ряд существительных перестроек – привел к сужению использования инфини-

тива за счет конструкции «да + спрягаемая форма» (треба *буц* ‘надо быть’ = треба *да будзе* ‘то же’); союз *да* влияет на союз *же* и требует введения ряда подчинительных предложений – изъяснительных, определительных, условных, цели, способа действия, причины и под. (в литературном языке его стараются избегать).

В силу исторических причин русинский стал периферийным представителем карпато-балканского языкового ареала (или союза), ср. замену Т. пад. орудия творительным социативным с предлогом «с» (дуркнул *з дзверми* ‘стукнул дверьми’), широкое применение энклитических местоимений, балканским явлением оказывается образование предлогов-сложений и предлогов-сочетаний типа *були осудзени на по два роки* ‘они были осуждены на два года (каждый на два года)’ и др.

4.3. Особенности современного языка. Алфавит югославо-русинского микроязыка: Аа, Бб, Вв, Гг [h] (фрикат.), Дд, Ее[e], Єе [je, 'e], Жж, Зз, Ии, Її [ji, 'i], Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх [h] (зад.-язычное), Цц, Чч, Шш, Щщ [ʃ↑ʧ], Юю [ju, 'u], Яя [ja, 'a], Ъ.

Примечание: *є* – в начале слов и после гласных [je], после согласных – [’e] (*єдинец* ‘единственный сын’, *поєдинец* ‘отдельное лицо’), *ї* – в тех же позициях [ji, 'i] (*їж* ‘ёж’, *ліпа* ‘липа’), *ю* – в тех же позициях [ju, 'u] (*юнак* ‘юноша, герой’, *нюхац* ‘нюхать’), *я* – в тех же позициях [ja, 'a] (*яр* ‘весна’, *ляд* ‘лёд’), *ь* – конь, польо ‘поле’.

Фонологический состав русинского языка имеет сравнительно небольшое число фонем – 26 согласных и 5 гласных. Почти все шумные согласные, за исключением аффрикаты [ʃ↑ʧ] (орф. *щ*), образуют коррелятивные (соотносительные) пары по звонкости ~ глухости: [b–p], [g–k] и т.д.; по признаку твердости~мягкости релевантны лишь [l–l’] и [n–n’]: *локец* – *лес*, *ноц* – *небо*. Гласные [i], [e], [a], [o], [u] по долготе и краткости не противопоставляются и при произношении не редуцируются. Беглыми являются [o] и [e]: *податок* ‘данные, сообщение’ – Р. п. *податка*, *угел* ‘угол’ – Р. п. *угла*. Ударение всегда стоит на предпоследнем слоге слова.

Особенности морфологии. У существительных 7 падежей; живой категорией является звательный падеж. (*ковач* ‘кузнец’ – *ковачу!*). Однако в функции Зват. падежа может также выступать И.

падеж. По мужскому типу изменяются существительные на согласный и типа *биро* ‘бюро’, *радио*. В женском склонении обильна омонимия – четыре флексии на 7 падежей. Во мн. ч. многие падежи совпадают флексиями. В то же время наблюдается вариантность форм в ед. числе за счет некоторых групп существительных, изменяющихся то по мужскому, то по женскому склонению: это существительные двойного – мужского и женского – рода (*боль*, *цель* ‘цель’, *систем* – *система*) и двойные формы одного и того же рода типа *поет* – *поета* ‘поэт’ (И. пад.). В литературном языке отдается предпочтение формам типа *система*, *поет*.

Качественные **прилагательные** утратили краткую форму, притяжательные образуются в основном суффиксом *-ов*, причем как от одушевленных (*человеков* ‘человечий’), так и от неодушевленных существительных (*ружьев* *квет* ‘цвет розы’); этот суффикс постепенно вытесняет другие, ср. *швекрин* → *швекров* ‘свекрови (чей?)’, *заячи* → *заяцов* ‘заячий’. Произошла контракция (отсечение, отпадение) конечных элементов в И. пад.: муж. р. *гладни* ‘голодный’, жен. р. *гладна*, ср. р. *гладне*, мн. ч. *гладни* (в притяжательных прилагательных во мн. числе *-о*: *шестрино* *хусточки* ‘платочки сестры’). Сравнительная степень образуется с помощью суффиксов *-иш-* и *-ейш-/сйш-* (*красни* ‘красивый’ – *красиши*, *тварди* ‘твердый’ – *твардейши*) и аналитически типа *вельо* *старши* ‘много старше’, а превосходная – прибавлением префикса *най-* к сравнительной форме: *старши* – *найстарши* ‘старейший’.

Развита **местоименная система**: личные (*я*, *ти*, *вон*, *-а*, *-о*; *ми*, *ви*, *вони*), притяжательные типа *мой*, *твой*...; возвратное *себе* и энклитика *ше*, ставшая приглагольной; относительно-вопросительные *хто* ‘кто’, *чо* ‘что’, *чий* ‘чей’, *хтори/котри* ‘который’, *яки* ‘какой’, *келі* (при указании на количественный признак предметов, т.е. ‘какой (по счету)’); указательные типа *тот*, *тота*, *тото*, *тоти* ‘этот, эта...’, *гевтот*, *гевта* ... ‘тот, та...’, *телі* (указывает на количественную сторону – ‘столько (их)’, ‘столькие’); отрицательные *ніхто* ‘никто’, *ніч* ‘ничто’, *нічий* ‘ничей’ и под.; определительные *сам*, *шицок/шицки* ‘весь’ и др.; неопределенные с префиксом *да-* (*дахто* ‘кто-то’, *дацо* ‘что-то’ и т.д.), *дзе-* плюс относительно-вопросительное местоимение (*дзехто* ‘кто-то (там)’, *дзецо* ‘что-то (там)’, *кой-* (*койх-*

то ‘кое-кто’, *койцо* ‘кое-что’ и под.); с суффиксом *-ишик* (*хторишик/котришик* ‘какой-то’, *чийишик* ‘чей-то’ и др.), *-иш* (*якииш* ‘какой-то’, *хторииш/котрииш* ‘какой-то (по порядку)’), *-будз*, *-год* (*хтобудз/хтогод* ‘кто угодно’, *цобудз/цогод* ‘что угодно’ и под.). Особенностью склонения личных местоимений является его супплетивизм и наличие энклитических (кратких) форм.

Притяжательные, указательные, определительные, относительно-вопросительные и соответствующие им отрицательные и неопределенные местоимения изменяются по собственно местоименному (или адъективному) склонению: *мой*, *мойого*, *мойому* и т.п. Выделяется так наз. внутрифлексийный тип склонения, в котором значение падежа выражается флексией, оказавшейся между местоименной основой и суффиксальным элементом *-ишик*: И. пад. *хтор-и-ишик*, Р. *хтор-ого-ишик*, Д. *хтор-ому-ишик* и под.

Числительные делятся на количественные (*єден*, *два*, *три*, *штири* ... *дзешец* ‘10’, *двацец* ‘20’, *двацец пейц* ‘25’ и т.д.) и порядковые: от *єден* и *два* – *перши*, *други*, от *три* – *треци* и т.д. Собирательные образуются от количественных с помощью суффиксов *-(о)ме* (если относятся к одушевленным существительным муж. р.) и *-ойо*, *-еро/-ецеро* (если относятся к существительным ср. р.): *трое* ‘трое (лиц муж. пола)’ – *тройо* ‘три (моря)’, *двацецме* – *двацец-еро* и под.; при существительных жен. р. собирательные числительные не употребляются. Количественные от 2 до 6, собирательные, дробные, а также числительное *обидва* ‘оба’ имеют много общего со склонением существительных, а числительные от 7 и далее не изменяются по падежам. Порядковые склоняются по образцу прилагательных.

Глагол. Показатель инфинитива *-ц* (*дзвигац* ‘двигать’, *кричац* ‘кричать’). Возвратная частица *ше* автономна: может занимать препозицию или постпозицию по отношению к глаголу. Перфективация (образование сов. вида) преимущественно на базе префиксации (*садзиц* – *насадзиц* ‘садить – насадить’), имперфективация (образование несов. вида) – на базе суффиксации (*-ова-*: *затримац* – *затримовац* ‘задержать – задерживать’; *-ва-*: *стац* – *ставац* ‘стать – стоять’). Специфика повелительно-побудительного наклонения заключается в том, что наряду с синтетической формой для 2 л. ед. ч. (*знай*, *шедз* ‘сядь’) и 1 и 2 л. мн. ч. (*знайме*, *шедзме*; *знайце*, *шедзце*)

используются также аналитические с помощью частицы *най* ‘пусть’ и личной формы глагола. Сослагательное наклонение аналитическое, равноправно выступает в «восточнославянском» и «западнославянском» виде: *я би читал* и *читал бим*.

В русинском три формы времени – настоящее, прошедшее и будущее. Прошедшее время перфектного происхождения в «восточнославянском» виде деформировалось из-за утраты форм вспомогательного глагола *буц* ‘быть’, в «западнославянском» виде оно сохранилось лучше: *я читал* и *читал сом*. Оба вида перфекта функционально равноправны. Что касается плюсквамперфекта, то он используется очень редко, выступая так же в двух видах: *я бул читал* и *бул сом читал* ‘я было читал’ и под.

Будущее время выступает в виде синтетического (то же, что настоящее совершенное) и аналитического, образуемого сочетанием форм глагола *буц* и инфинитива основного глагола: *будзем читац* ‘я буду читать’.

Причастия не имеют кратких форм. Действительные причастия настоящего времени образуются с помощью суффиксов *-уц/-юц-* (*читаюци* ‘читающий’), *-ац/-яц-* (*пахняци* ‘пахнувший’); формы прошедшего времени почти исчезли. Причастия все более объединяются с прилагательными, образуя так же степени сравнения: *тирваци* ‘длящийся’ – *тирвацши* ‘наидлящийся’. Страдательные причастия образуются с помощью суффиксов *-ен/-єн-, -ан/-ян-* и *-т-*, однако нередко их прикрепление к отдельным глаголам и глагольным классам является факультативным, ср.: *послани* – *послати* ‘посланный’. Склоняются по образцу прилагательных.

Деепричастия развиты слабо и формально не отличаются от соответствующих действительных причастий настоящего и прошедшего времени (лишь синтаксический критерий позволяет различать их в связи с определительной функцией действительных причастий и функцией примыкания – деепричастий); оппозиция форм несов. вида настоящего времени (*-уци, -аци: жадаюци* ‘желающий’) и сов. вида прошедшего времени (*-вши: шеднувши* ‘сев’) разрушается за счет исчезновения форм на *-вши*.

Наречия формируются на счет других частей речи, например, прилагательных и причастий (*длуго* ‘долго’ ← *длуги* ‘долгий, длин-

ный', по руски 'по-русински'), существительных с предлогами и без них (*влєце* 'летом', *дома*), местоимений (*зач* 'за что', *прецо* 'почему'), числительных (*двараз*, *перше* 'сначала'), предлогов (*наоколо* 'рядом').

Предлоги делятся на первичные (*у*, *ту* 'к', *до*, *без*, *з* / *зо* / *зоз* 'с' и др.) и вторичные – от именных частей речи (*коло* 'около', *медзи* 'между' и под.), наречий (*после*, *спрам* 'по отношению к, по направлению к' и др.). Около трех четвертей предлогов употребляется только с одним падежом, например, с Р. пад. – *без*, *до*, *коло* и др., с Д. пад. *ту* и т.д., остальные – с двумя и более. **Союзы** делятся на одночленные (*а*, *або* 'или', *але* 'но', *анї* 'ни', *бо* 'ибо' и др.) и многочленные (*же би*, 'чтобы', *кед би* 'если бы' и под.). **Частицы** подразделяются на формообразующие (*би* / *бим...* – для сослагательного наклонения, *най* – для повелительного и т.д.), словообразующие, выступающие ныне в роли префиксов (*да-*, *дзе-*, *нс-*, *нї-* и др.).

В синтаксическом плане русинский отражает общеславянские черты. Именное составное сказуемое при наличии спрягаемых форм вспомогательного глагола *буц* не использует эти формы в настоящем времени: *Мой оцєц наставнїк* 'Мой отец учитель', за исключением случая, когда подлежащее не выражено специальным словом: *Вони робя у фабрики. Здрави су* 'Они работают на фабрике. Здоровы (они есть)'. Тенденция к универсальному употреблению отмечается у подчинительного союза *же* 'что' (под влиянием сербско-хорватского многофункционального союза-частицы *да* / *da*). На его базе сформировалась разветвленная и специфичная система союзных конструкций местоимениями (*же хто*, *же цо*, *же котри/хтори*, *же яки*, *же чий*, *же прецо*), местоименными наречиями (*же дзе*, *же кадзи*, *же кеди*, *же кед*, *же док*, *же як*, *же кельо*, *же чом*), частицами (*же чи*, *же най*, *же да*).

4.4. Становление и развитие литературного языка. В истории русинского литературного языка можно выделить периоды: 1) до начала XX в., 2) с 1904 по 1919 гг., 3) с 1919 г. до Второй мировой войны, 4) с 1945 г. до начала 70-х гг. XX в. и 5) с 70-х гг. Эта же периодизация приложима и к истории молодой югославо-русинской микрофилологии.

Во второй половине XVIII – в XIX вв. русины Бачки поддерживали контакты с Закарпатьем и Галицией, результатом чего стало

распространение в их среде рукописных книг (молитвы, сборники песнопений, отрывки из евангелий и проч.), светских текстов; кроме того, ими велись также местные хроники. Анализ этих текстов позволяет выявить в Бачке следующие литературно-языковые традиции: (1) конфессиональную церковнославянскую украинской и великорусской редакций («Страстослов» 1850–1851 гг. в переписке Георгия Канюха, «Церковные песни» 1809 г. Михала Джуня, «Бого-гласникъ» 1891 г. и др.); (2) «угрорусскую» (на смешанном «язычии») светского содержания («угро-русские духовные песни», собранные в конце XIX в. В. Гнатюком, письма священников в учреждения Угорской Руси и частным лицам и т.д.); (3) сербско-хорватскую (в основном документы общественного и частного характера); (4) народную – местные хроники («Крстурская хроника» велась с 1746 г., школьные летописи и под.). Тексты на народном языке несут на себе печать воздействия ранее названных литературно-языковых традиций.

Культурно-языковое и этническое возрождение («препород») русин происходит в начале XX в.: в 1904 г. Гавриил Костельник (1886–1948) выпускает первую поэтическую книгу «Из моего села» («З мойого валала»), ставшую точкой отсчета новой славянской микролитературы и нового славянского литературного микроязыка. С падением Австро-Венгрии (1918) и образованием Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия) изменяется и положение русин. В 1919 г. в Новом Саде они собирают свой первый народный съезд («схадзка»), на котором учреждается «Русинское Народное Просветительское Общество» («Руске Народне Просвитне Дружтво»), а языком культуры и просвещения принимают родной диалект. Общество начинает издавать ежегодник «Русинский календарь» («Руски календар», 1921–1941), еженедельную «Русинскую газету» («Руски новини», 1924–1941), детский журнал, книги, первые учебники для начальных классов. Крупным событием стало издание в 1923 г. первой русинской грамматики Г. Костельника, в которой впервые описаны, системно представлены и кодифицированы нормы молодого литературного языка. Г. Костельника пишет поэзию и прозу, дав тем самым толчок для развития русинского литературно-художественного процесса (Янко Фейса, Мафтей Винай, Михал Ковач, Сильвестр Саламон, Осифа Костельника и др.).

Вторая мировая война прервала культурно-языковое и этническое возрождение русин, однако уже с 1945 г. в новых социальных условиях у них стала оживляться культурная жизнь: выходит газ. «Русинское слово» («Руске слово», с 1945 г.), в Руском Крстуре открывается первая русинская гимназия, организуются передачи на радио Нового сада (с 1949 г.), работает собственное издательство «Руске слово» (с 1951 г.), которое издает ежегодник «Народни календар» (1946–1949 гг. и затем с 1957 г.), литературно-художественный «Свет» («Шветлосц», 1952–1954 гг., и затем с 1966 г.) и детский журналы. В школе преподавание ведется на родном языке.

В лингвистическом плане в это время возникает ряд трудностей: орфография сильно варьирует, тексты многих изданий 40–50-х гг. наводнены сербохорватизмами. В 60-е гг. вопросами нормализации литературного языка занимался писатель и языковед Микола М. Кочиш, написавший для школы 3 учебника под названием «Родной язык» («Мацеринска бешеда», 1965–1968). Однако ими руководствовались не только в школе, но и все писавшие по-русински. Это была по сути новая кодификация литературного языка с более четкими правилами и ориентацией на связь с сербско-хорватским языком и на сближение с украинским литературным языком. В 60-е – начале 70-х гг. М. М. Кочиш публикует также статьи по вопросам родного языка.

Что касается литературно-художественного процесса, то он набирает силу: до 1970 г. издана 21 книга художественного содержания. Вехами в развитии послевоенной русинской литературы стали: коллективный сборник прозы «Отзвук с равнины» («Одгук з равніни», 1961), антология поэзии (1963), в том числе детской поэзии (1964), в 1967 г. появляется первый русинский роман «Земля моя» («Жеми моя») Владо Костелника, и русинская литература выходит за рамки короткого жанра. Достойным продолжателем традиций Г. Костельника становится поэт Дюра Папгаргаи. С 1969 г. выпускается серия сборников молодых поэтов «Истоки». В целом в литературе этого времени в центре внимания стоит простой человек-труженик; традиционным является обращение к литературе Закарпатья и Западной Украины; новым является стремление определить свое место в контексте литератур народов Югославии.

Последний этап с 70-х гг. и до начала 90-х гг. (т.е. до развала Югославии) развивался весьма интенсивно: создано «Общество русинского языка и литературы», в 1973 г. в Новосадском университете открыт Лекторат русинского языка, а в 1981 г. – кафедра русинской филологии, с 1975 г. организуются передачи на телевидении Нового Сада, растет издательская деятельность. В Новом Саде выходит молодежный жур. «Мак», а с 1975 г. – первый научный журнал по русинской филологии «Творчество» («Творчосц») – с 1988–1989 гг. «Studia Ruthenica». Издательство «Руске слово» занимается выпуском художественной и политической литературы, а учебники для школы выпускает «Областное учебное издательство» (издано более 200 учебников по всем предметам для начальной, восьмилетней и средней школы). Созданный в Хорватии «Союз русин и украинцев» с 1972 г. издает журнал «Новая мысль» («Нова думка»).

С конца 60-х – в начале 70-х гг. русинская литература становится литературой ускоренного развития: появляется плеяда новых писателей, большое число художественных произведений самого разного жанра – второй роман В. Костельника «Бисерные тропинки» (1972), романы Йовгена М. Кочиша, Владимира Кирды и др. Успешно работают писатели Мирослав Стрибер, Дю. Папгаргаи, Владимир Бильня, Штефан Чакаи, Василь Мудри, Ангела Прокоп, Юлиян Тамаш, Михал Рамач и др. Выходит 2-томное собрание сочинений Г. Костельника (1970–1975) и новая «Антология русинской поэзии» (1984), издается фольклор. Всего с 1904 по 1983 гг. издано около 120 художественных книг. Развивается критика, Ю. Тамашем написана полная история русинской литературы (в 1984 г. по-сербски; в 1997 г. на югославо-русинском).

Все это имело первостепенное значение для развития и стабилизации русинского литературного языка. Событием становится издание в 1971 г. «Правописания русинского языка» М. М. Кочиша, затем его «Практического терминологического словаря сербско/хорватско-русинско-украинского» (1972), посмертно изданной грамматики (1974) и ряда статей по вопросам нормализации и стандартизации языка. В 2002 г. издана полная «Грамматика русинского языка» Юлияна Рамача (2-е изд. 2006). Нормы современного русинского литературного языка достаточно строго кодифицированы, функционально не оправданная вариантность форм постепенно

утрачивается и т.д. Немаловажно также, что с основами южнорусинского микроязыка знакомятся студенты и докторанты некоторых университетов за пределами Сербии: систематически со второй половины 70-х гг. XX в. в Тартуском, периодически – в Уппсальском (Швеция), Трирском (Германия) и некот. др.

4.5. Образец текста:

<i>перевод на югославо-русинский</i>	<i>оригинальный текст</i>
<i>Шицки щещилїви фамилиї здабу една на другу, каждая нещещилїва фамилия нещещилїва на свой способ. Шицко ше змишало у обисцу Облонскових. Жена дознала же муж мал вязу зоз Французкиню гувернанту цо була у їх доме, и виявела мужови же не може з нїм жиц у истим обисцу. Таки обставини тирвали уж треци дзень и мучно дїйствовали як на самих супружїкох, так и на шицких членох фамилиї и членох обисца. Шицки члени фамилиї и члени обисца чувствовали же нет смисла у їх заседнїцким живоце и же у каждой карчми з ноцнїком случайно стретнути людзе лєпше звязани медзи собу як вони, члени фамилиї и члени обисца Облонскових. Жена не выходила зоз своїх хижох, мужа треци дзень не було дома. Дзеци бегали по цалим обисцу як страцени. Англичка ше повадзела зоз економку и написала писемко приятельки модляци ю же би ей пренашла нове место; кухар пошол з обисца ище вчера под час самого полудзенку; чарна кухарка и кочиш модлели обрахунок.</i> Л. Н. Толстой. Ана Каренїна. Роман у осем часцох. Т. I. Нови Сад, 1981, с. 3.	Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастли- вая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою- гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувство- валось и самими супругами, и все- ми членами семьи, и домочадцами. Все члены семьи и домочадцы чув- ствовали, что нет смысла в их со- жительстве, и что на каждом постоя- лом дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских. Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой и напи- сала записку приятельнице, прося приискать ей новое место; повар ушел вчера со двора, во время са- мого обеда; черная кухарка и кучер просили расчета. Л. Н. Толстой. Анна Каренина. Роман в восьми частях. Москва, 1987, с. 5.

4.6. Литература

Густавсон С. Руски язык у Југославиї – дияхрония и синхрония. // Творчосц, Нови Сад, 1983, № 9. С. 20–30.

Дуличенко А. Д. Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології. Т. [I]. Нови Сад, 1995; *его же*. Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології и исторії. Т. II. Нови Сад, 2009.

Дуличенко А. Д. Кніжка о руским языку. Увод до рускей филології у документох и коментарох. Нови Сад: Руске слово, 2002; *его же*. Становление русинской филологии в Югославии. // Slavica Tartuensia 1: Исследования по истории славянского языкознания (Уч. зап. ТартуГУ, вып. 710). Тарту, 1985. С.108–142; *его же*. Язык русин Сербии и Хорватии (югославо-русинский язык). // Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998. С. 247–272.

Костельник Г. Граматика бачваньско-рускей бешеди. Ср. Карловци, 1923.

Кочиш М. М. Правопис руского языка. Нови Сад, 1971; *его же*. Граматика руского языка. I. Нови Сад, 1974.

Рамач Ю. (ред.). Српско-русински речник / Словник сербско-руски. I–II. Нови Сад, 1995–1997; Русинско-српски речник / Руско-сербски словник. Ур. Ю. Рамач. Нови Сад, 2010.

Рамач Ю. Граматика руского языка за I, II, III и IV класу гимназиї. Београд, 2002, 615 с.; 2. вид. Београд, 2006.

Тамаш Ј. Русинска књижевност. Нови Сад, 1984; *Јо. Тамаш*. Историја рускей литератури. Београд, 1997.

Duličenko A. D. Das Russinische. // Rehder P. (Hg.). Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanologie). 4. Aufl. Darmstadt, 2003. S. 126–140.

Глава 14

Славянские языки

в сравнительно-типологическом освещении

Литература

Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. // Вопросы языкознания, М., 1967, № 1. С. 3–33.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.

Исаченко А. В. Опыт типологического анализа славянских языков. // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 106–121; *его же*. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. // *Slavia*, гоґ. XXVII, Praha, 1958, seš. 3. S. 334–352.

Леков И. Кратка сравнително-историческа и типологическа граматика на славянските езици. София, 1968.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.

Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *его же*. Избранные труды. Т. I–III. М., 1997–1999.

Dalewska-Greń H. Języki słowiańskie. Warszawa, 1997.

Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Red. S. Gajda. Opole:

T. 1. Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja. Red. I. Ohnheiser. Opole, 2003.

T. 2. Fonetyka. Fonologia. Red. I. Sawicka. Opole, 2007.

T. 3. Frazologia. Red. W. Mokijenko, H. Walter. Opole, 2008.

Panzer B. Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Sprachstrukturen und Verwandtschaft. 2. Aufl. Frankfurt am Main etc., 1996.

Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Red. S. Gajda. Opole: Uniwersytet Opolski / Instytut Filologii Polskiej:

Српски језик. Red. M. Radovanović. Opole, 1996, (3), 207 с.

Български език. Red. S. Dimitrova. Opole, 1997, 272 с.

Русский язык. Red. E. Širjaev. Opole, 1997, 255 с.

Serbščina. Red. H. Faska. Opole, 1998, 337 s.

Český jazyk. Red. J. Kořenský. Opole, 1998, 216 s.

Slovenski jezik. Red. A. Vidovič-Muha. Opole, 1998, 295 s.

Slovenský jazyk. Red. J. Bosák. Opole, 1998, 168 s.

Hrvatski jezik. Red. M. Lončarić. Opole, 1998, (6), 339 s.

Беларуская мова. Red. A. Lukašanec, M. Prigodzič, L. Sjameška. Opole, 1998, 293 с.

Македонски јазик. Red. L. Minova-G'urkova. Opole, 1998, 297 с.

Українська мова. Red. S. Jermolenko. Opole, 1999, 324 с.

Kaszubszczyzna/ Kaszëbizna. Red. E. Breza. Opole, 2001, 339 s.

Język polski. Red. S. Gajda. Opole, 2001, 540 s.

Русинський язык. Red. P. R. Magocsi. Opole, 2004, 474 s.

В предпринятом на рубеже XX–XXI вв. инициативой С. Гайды (Опольский университет, Польша) международном научном про-

екте «Современные процессы в славянских языках» («Współczesne dzieje języków słowiańskich»), состоящем из монографического описания новейших изменений в каждом славянском языке (первый этап) и дальнейшего типологического исследования по всем языковым уровням (второй этап) – «Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich», сделана попытка как можно полнее представить современный славянский языковой мир. Обе эти серии могут служить основой для глобального типологического описания этого мира.

Сравнительно-типологический анализ подразумевает изучение языков, в основу которого берутся определенные категории и признаки с целью сравнить их и выявить тип взаимоотношений между ними. Типологический подход применим ко всем уровням языка. Здесь мы предлагаем ознакомиться со сравнительно-типологическим анализом некоторых категорий и признаков фонологической и грамматической структур современных славянских языков.

1. Особенности грамматического строя современных славянских языков

Строй современных славянских языков обнаруживает, с одной стороны, многочисленные общие элементы, с другой – характеризуется присутствием признаков, составляющих специфику каждого языка и каждой подгруппы. Общие элементы заметны в словарном составе, к ним добавляются многочисленные словообразовательные и грамматические морфемы единого происхождения; между славянскими языками вскрывается и система регулярных звуковых соответствий, а также общность их синтаксической структуры. Совершенно очевидно, что общее в современных славянских языках, – это наследие, идущее от праславянского языка. Оно дает нам возможность говорить о близких, родственных связях между ними. Кстати сказать, общее наследие в значительной мере устойчиво и сохраняется многие столетия и даже тысячелетия.

Однако славянские языковые подгруппы и отдельные славянские языки претерпели значительную эволюцию своего грамматического строя. В процессе многовековой эволюции возникли черты,

характерные либо для отдельных языков, либо для подгрупп в целом (в этом случае говорят о восточных, западных и южных чертах, а также восточных и южных, западных и южных и т.д.). Это так наз. типологические различия, сформировавшиеся в условиях изолированного развития языка или подгруппы, в которую он входит. Процесс расхождения между славянскими диалектами и говорами начался с того момента, когда наметился распад праславянского языка. Территориальная разобщенность между языками, законы внутреннего развития языковых категорий в каждом конкретном языке, контакты с различными родственными и неродственными языками соседних народов и т.д. – все это послужило основой образования новых языковых элементов и признаков, отличающих славянские языки друг от друга как на уровне подгрупп, так и на уровне конкретных языков.

Нас будут интересовать типологические особенности современных славянских языков, т.е. особенности, в одних языках оставшиеся от прошлого (и здесь наш анализ связывается со сравнительно-историческим подходом), а в других – когда на их месте находим инновации, появившиеся в результате дивергенционных процессов или, напротив, процессов конвергенционных. Разумеется, здесь мы обратим внимание лишь на некоторые, наиболее выразительные, особенности, обнаруживаемые на двух указанных выше уровнях языка. Избирательность в подходе должна, на наш взгляд, подтолкнуть читателя-исследователя к самостоятельным поискам дальнейших типологических черт, которые можно искать и идентифицировать на материале избранных двух и более языков.

2. Типология фонологических явлений

В процессе самостоятельного развития каждый славянский язык, с одной стороны, сохранял значительную часть того фонемного состава, которое он унаследовал от праславянского времени, с другой стороны, под воздействием внутренних, а также и внешних (контактных) факторов вносил некоторые дополнения и изменения в свой собственный фонемный состав. Изучение этого состава обнаруживает расхождения между современными славянскими языками и одновременно показывает, что среди исследователей нет един-

ства в интерпретации фонемных единиц, что ведет к разногосице в установлении даже общего числа фонем в том или ином языке.

2.1.1. В 30-е гг. XX в. типологический подход к изучению фонемного состава славянских языков предложил А. В. Исаченко, выделив две категории – «*вокалические языки*» и «*консонантические языки*». Исследователь опирался на те данные фонемного состава конкретных языков, которые к тому времени были известны в науке. Посмотрим, какова фонемная ситуация по языкам спустя более чем полвека. В данном случае мы опираемся на новейший материал энциклопедии «Языки мира. Славянские языки», вышедшей в Москве в 2005 г.

Таблица № 1

<i>языки</i>	<i>ЯМ-СЯ</i> (2005)			<i>Исаченко</i> (1939–1940)			<i>всего фонем</i>	
	<i>согл.</i>	<i>глас.</i>	<i>сон.</i> <i>слог.</i>	<i>согл.</i>	<i>глас.</i>	<i>сон.</i> <i>слог.</i>	<i>ЯМ-СЯ</i>	<i>Исаченко</i>
сербско-хорват.	25	10	4	24	20	4	39	48
словенский	22	13	2	21	18	3	37	42
кашубский	28	11	–	27	26	–	39	53
словацкий	27	15	4	27	14	4	46	45
чешский	27	10	2	26	11	2	39	39
украинский	32	6	–	31	12	–	38	43
болгарский	36–39	6	–	34	9	–	42–45	43
в.-лужицкий	30	7	–	32	7	–	37	39
русский	37	5	–	37	8	–	42	45
н.-лужицкий	34	6	–	33	7	–	40	40
польский	36	8	–	35	5	–	44	40

Примечание: 1) *ЯМ-СЯ* – энциклопедия «Языки мира. Славянские языки»; 2) *сон. слог.* – слоговые сонанты [л] и [r].

По А. В. Исаченко, «радикально вокалический тип» представляют сербско-хорватский, словенский и кашубский, в то время как к «радикально консонантическому типу» относятся восточнославянские (русский и украинский), серболужицкие и болгарский; между этими двумя крайностями располагается словацкий язык. При этом, подчеркивает исследователь, внутри названных типов нет контак-

тно-географической привязки – ср. «радикально консонантический тип», включающий восточнославянские, серболужицкие и болгарский, т.е. восточные, два западно- и один южнославянский.

По новейшим же данным, картина создается несколько иная: «радикально вокалическими» оказываются словацкий – 19, чешский – 12, затем следуют словенский – 15 и сербско-хорватский – 14. Им противопоставлены «радикально консонантические» те же восточнославянские (украинский и русский) – 32 и 37, серболужицкие – 30 и 34, болгарский – 36–39, польский – 36. Нетрудно заметить, что в типологическом анализе А. В. Исаченко не задействованы белорусский и македонский языки, статус которых к тому времени еще не был очерчен. Что касается кашубского, то в плане вокализма этого языка А. В. Исаченко опирался на ранние данные – по крайней мере, начала XX в., когда еще писали о некоторых различиях по количеству, т.е. по краткости и долготе; во второй половине XX в. эта особенность уже не отмечается, а потому «вокалический ранг» кашубского должен быть значительно понижен. Преимущественно консонантным является южнорусинский микроязык – 5 гласных на 26 согласных, в то время как, например, в градищанско-хорватском ситуация иная: 11 гласных + два слоговых сонанта и 24 согласных, т.е. данный микроязык тяготеет к вокалическим языкам.

2.1.2. В области вокализма славянские языки можно поделить на две группы – на *монотонические* и на *политонические*.

Первая группа характеризуется динамическим (силовым) ударением в слове, т.е. с различием ударных и безударных гласных, – таков русский язык, в то время как в белорусском, украинском и болгарском редукция безударных гласных имеется, но она выражена слабее (ее иногда называют «полуредукцией»), и в этом плане ситуация в данных языках находится между двумя полюсами – между русским, с одной стороны, и западнославянскими польским, серболужицкими, а также восточнословацким наречием – с другой, в которых редукция безударных весьма незначительна либо, как иногда пишут, отсутствует вообще (что более характерно для официальной речи, нежели для разговорной формы литературного языка).

Политонические языки, обладающие способностью гласных различаться по краткости и долготе, а также по тональности, распадаются на две группы: в одной находятся языки с растяжкой гласных, т.е.

с долготой и краткостью, – чешский и словацкий, причем в последнем действует **ритмический закон**, в соответствии с которым двух долгих гласных в одном слове быть не может; в другой группе оказываются языки, в которых гласные не только растягиваются, но и обладают тональностью, или музыкальным ударением в кратких и долгих слогах, – сербско-хорватский и словенский, причем в последнем различение музыкального ударения наблюдается только в долгих слогах.

2.1.3. В свете сказанного выделяется типологическая закономерность, на которую в свое время обратил внимание Р. Якобсон: в политонических языках при их вокалическом обилии менее всего заметно деление согласных по признаку твердости ~ мягкости, для монотонических, напротив, этот признак особенно характерен.

2.1.4. В просодическом плане, с учетом таких признаков, как **краткость ~ долгота, наличие тонального ударения и места ударения** в слове (или в тактовой группе), наблюдается интересное соотношение современных славянских языков, ср. таблицу № 5:

Таблица № 2

<i>языки</i>	<i>краткость ~ долгота гласных</i>	<i>наличие музыкальн. ударения</i>	<i>место ударения в слове</i>
вост.-славянские	–	–	
белорусский	–	–	свободн.
русский	–	–	свободн.
украинский	–	–	свободн.
юж.-славянские	+ / –	+ / –	+ / –
болгарский	–	–	свободн.
македонский	–	–	фиксиров.
серб.-хорватский	+	+	свободн.
словенский	+	+	свободн.
зап.-славянские	+ / –	–	+ / –
словацкий	+	–	фиксиров.
чешский	+	–	фиксиров.
польский	–	–	фиксиров.
в.-лужицкий	–	–	фиксиров.
н.-лужицкий	–	–	фиксиров.
кашубский	–	–	свободн./ фиксиров.

Все три просодических признака объединяют восточнославянские языки: в них нет растяжки гласных, нет тонов, а место ударения в слове характеризуется как свободное (точнее, относительно свободное, т.е. не в плане «на каком слоге хочу – на том и ставлю», но закрепленное определенными правилами). Типологически по степени унифицированности указанных признаков к восточнославянским более близки западнославянские языки, хотя в них интересующая нас картина не так однообразна: с одной стороны, языки всей этой подгруппы не знают тона, но зато, с другой стороны, по признаку краткости ~ долготы разделяются линией между южными, обладающими этим признаком, – словацкий и чешский, и северными, не знающими растяжки гласных, – таковы польский, оба серболужицкие и кашубский. Что касается места ударения, то в них преобладает унифицированность – практически все они характеризуются фиксированным местом ударения в слове (или в тактовой группе), за исключением, если брать диалектный уровень, кашубского, в котором в целом место ударения в слове свободное, но в южной части его ареала оно фиксированное – на первом слоге или, как на юго-востоке, на предпоследнем слоге. Итак: в словацком, чешском, серболужицких – на первом слоге слова, в польском – на втором слоге от конца слова (во всех случаях – с некоторыми исключениями). На диалектном уровне в словацком картина неоднозначная, так как в его восточном наречии ударение фиксируется, как в польском, на предпоследнем слоге. Кстати, эту же позицию в слове занимает и ударение в югославо-руси́нском: *чл'овек* ‘человек’, но *чловек'ови* ‘человеку’ и под.

Типологически более пестрая картина в южнославянских языках, занимающих позицию между строго унифицированными восточнославянскими и не столь унифицированными западнославянскими, – все признаки в них символически получают +/–. Это означает деление по признакам краткости ~ долготы и наличию ~ отсутствию тональности на два ареала: в одном из них оказываются словенский и сербско-хорватский (+), в другом – болгарский и македонский (–). При этом единство в свободной постановке ударения в слове в этой группе нарушает лишь македонский как обладающий фиксированным ударением на третьем слоге от конца слова (или та-

ковой группы). Все это говорит о том, что в южнославянских языках проходили более интенсивные и разнонаправленные процессы на просодическом уровне, нежели в двух других подгруппах.

Далее. Получается, что краткость ~ долгота гласных допускает как относительную свободу постановки ударения в слове – словенский и сербско-хорватский, так и фиксированное место, – словацкий и чешский. Наличие тональности не закрепляет определенного места за ударным слогом. Отсутствие растяжки гласных двойко влияет на место ударения в слове: в восточнославянских и в болгарском оно свободное, в македонском, польском и серболужицких – фиксированное.

2.1.5. Краткость и долгота гласных в тех языках, где это качество имеется, играет существенную семантико-грамматическую роль, ср. в чешском:

а) *rada* ‘совет’ – *ráda* ‘она рада’, *pas* ‘паспорт’ – *pás* ‘пояс’, *lože* ‘постель’ – *lóže* ‘ложа’;

б) *kupuji* ‘я покупаю’ – *kupují* ‘они покупают’, *zdráva* ‘(она) здорова’ – *zdravá* ‘(она) здоровая’.

2.1.6. Языков с *политоническим* (музыкальным) ударением два – сербско-хорватский и словенский. Причем уникальность словенского языка заключается в том, что в нем, помимо политонического, используется и шире распространенное экспираторное (или динамическое), т.е. это язык с двумя системами ударения. (Поли)тоническое ударение более древнее – оно до сих пор сохраняется в живой речи носителей гореньского и доленьского диалектов, части говоров каринтийской и приморской диалектных зон. Для него характерны: восходящая (акутовая) интонация на долгом гласном (обозначает знаком ´), нисходящая (циркумфлексная) интонация на долгих гласных, а также на [Er] (знак ˘) и на кратких гласных (знак %) и (редко) нисходящая интонация на кратком гласном (знак `). Долгота и краткость гласных используется в (поли)тонической системе для разграничения значений и форм слов: *lās* ‘волóс’ (т.е. Р. пад. мн. числа) – *lās* ‘вóлос’ (т.е. И. пад. ед. числа), *pétó* ‘пятý” – *pêto* ‘пятóй” и под. Для сербско-хорватского характерна также система четырех типов ударения, распространяющихся как на длинные, так и на краткие слоги.

2.1.7. В качестве праславянского реликта лишь некоторые западнославянские языки сохранили (или сохраняли) **носовые гласные** – ни восточные, ни южные их практически уже не знают. До недавнего времени классическим образцом «назального языка», т.е. обладающего носовыми гласными, считался польский с его передним [ɛ̃] и непредним огубленным [ɔ̃] (орф. *ą*) – *język* ‘язык’, *dąb* [dɔ̃b] ‘дуб’. Однако в последнюю четверть века в полонистике все чаще стали высказывать мысль об утрате польским языком назальности указанных гласных, указывая, что часто на их месте слышится [ɛ] + носовой согласный ([n] или [m]) и [o] + носовой согласный. Таким образом, согласно этой точке зрения, польским носовым приписывается позиционно-факультативный статус. Как бы то ни было, польский язык пока еще не «освободился» полностью от назальности, поэтому, следуя традиции (как научной, так и речевой), носовые можно считать частью вокалической системы польского языка. Кроме польского, носовыми обладает соседний кашубский, в котором [ɔ̃] (орф. *ã*) – более передний лабиализованный носовой, а [ɔ̃] (орф. *ą*) – более задний лабиализованный носовой. Наконец, в исчезнувшем полабском, вероятно, функционировали носовые в виде [ɔ̃] и [ɔ̃], однако не все исследователи согласны с этим (Н. С. Трубейкой, например, считал более вероятным для полабского сочетания указанных гласных с носовым согласным).

2.1.8. Дифтонги также являются отличительным признаком среди славянских языков. Однако имеют их лишь некоторые из них: это западнославянские словацкий и чешский, ограниченно – штокавский (и)екавский хорватско-сербский. В чешском отмечаются только дифтонги на *-u* – *o↑u*–, *a↑u*–, *e↑u*–, причем наиболее распространенным из них является *o↑u*–. Словацкий язык богаче и разнообразнее дифтонгами – в нем их четыре: *i↑a* – *viazat* ‘вязать, завязывать’, *i↑e* – *biely* ‘белый’, *i↑u* – *tretiu* ‘третью’, *u↑o* (орф. *ô*) – *stôl* ‘стол’. В хорватско-сербском дифтонгическое образование появилось в результате развития праславянского **ě* (ять), однако не на всей штокавской территории: на части ее, а также в литературном языке **ě* краткого происхождения выступает в виде *i* – *↑e* – *dj-eca* ‘дети’ (при экавском рефлексе *deca*), а долгого – *ii↑* – *ē* или *i* – *↑*

ě – *sijeno* ‘сено’ (при экзавском рефлексе *seno*)¹. В словенском, кашубском и некоторых других языках наблюдаются позиционно обусловленные дифтонгоидные образования.

2.1.8. Обратим внимание на два существенных процесса в области вокализма и консонантизма, которые привели к различному соотношению славянских языков. Речь идет *о слиянии* [y] / [ы] с [i] и *о переходе* взрывного [g] во фрикативный [h]:

Таблица № 3

<i>языки</i>	<i>слияние</i> [y] / [ы] с [i]	<i>переход</i> [g → h]
вост.-славянские	– / (+)	– / +
белорусский	–	+
русский	–	– / (+)
украинский	(+)	+
юж.-славянские	+	–
болгарский	+	–
македонский	+	–
серб.-хорват.	+	–
словенский	+	–
зап.-славянские	– / +	– / +
словацкий	+	+
чешский	+	+
польский	–	–
в.-лужицкий	–	+
н.-лужицкий	–	–
кашубский	–	–
юг.-русинский	+	+

Примечание: в круглых скобках отмечена особенность украинского [y] / [ы] (см. ниже) и наличие этого же гласного в южнорусском ареале.

Из таблицы видно, что слияние указанных гласных последовательно произошло лишь в южнославянских языках; так же после-

¹ См. О судьбе ятя: М . Samilov. The Phoneme *Jat*’ in Slavic. The Hague, 1964.

довательно сохранили эти языки и взрывной [g]. Что касается двух других подгрупп, то в них ситуация достаточно пестрая. Так, если восточнославянские языки в целом сохраняют различие между [y] / [ɨ] и [i] [незначительный отход, правда, демонстрирует украинский, в котором [y] / [ɨ] (орф. *и*) не среднего подъема, как в белорусском и русском, но – средне-переднего, что в реальной языковой практике едва ли различимо], то в западнославянских слияние указанных гласных произошло только в словацком и чешском, хотя в графике и в орфографии этих языков по традиции (исторически) продолжается разграничение, но уже – букв, ср. словац. *dym* ‘дым’, *byť* ‘быть’, в которых -y- произносится как [i], но без смягчения предыдущего согласного – соответственно [dim] и [bit’]. Слияние произошло и во многих микроязыках – градищанско-хорватском, молизско-славянском, банатско-болгарском, чакавском и кайкавском, южнорусинском, эгейско-македонском и др. Зато польский звуковое различие здесь сохраняет, как и такие микроязыки, как серболужицкие, кашубский, варианты карпаторусинского.

Заметим, что по поводу [y] / [ɨ] нет единства относительно его фонемного статуса: одни исследователи считают [y] / [ɨ] вокалической фонемой, другие по причине того, что она позиционно связана, – употребляется только после твердых согласных, а также не начинается слов, признают ее аллофоном фонемы [i]. Если согласиться с последней точкой зрения, то придется принципиально признать, что все фонемы должны подчиняться определенной совокупности требований, чего в языке не наблюдается: ведь помимо фонем, отвечающих всем обязательным правилам, существует и периферия, т.е. стройность всегда нарушается отдельными элементами, – этим как раз и создается органическое, в том числе и фонологическое, единство в языке.

Что касается перехода [g → h], то он не произошел на юге – в южнославянских языках, в то время как в восточно- и западнославянских этот процесс захватил немалую часть языков. Так, белорусский и украинский полностью подвергнуты данному переходу (за исключением некоторых звукоподражательных и заимствованных слов в них); то же самое произошло в южнорусском наречии, в то время как русский литературный язык и севернорусское наречие

являются «гэкающими». «Һэкают» носители словацкого и чешского языков, а также микроязыков – верхнелужицкого, южнорусинского, карпаторусинского, ср. чеш. *noha* ‘нога’, в.-луж. *noha*, ю.-русин. *нога* [*noha*] и под. В польском, а также в кашубском, нижнелужицком и ряде других микроязыков сохранился взрывной [g]: польск. *noga*, н.-луж. *noga*, кашуб. *nógólka / nożka* ‘нога’, град.-хорв. *noga*, мол.-слав. *noga* и т.д.

Таким образом, по данным двум признакам единообразие испытывают лишь южнославянские языки, в то время как восточно- и западнославянские распадаются на два типологически отличающихся ареала: с одной стороны, это широкая зона, идущая с русского юга и далее охватывающая украинский, белорусский, словацкий, чешский и верхнелужицкий ареалы; с другой стороны, рядом с этой зоной, но прерывно очерчивается «гэкающий» ареал.

2.1.9. Слоговой характер [≥] и [ʹ] приобретают между согласными, и это качество обнаруживается только в западно- и южнославянских языках, при этом шире распространен слоговой [ʹ], ср. серб.-хорв. *srce / srce* ‘сердце’, макед. *srce*, словен. *srce*, чеш. *srdce*, словац. *srdce*. К тому же в словацком оба слогообразующих могут быть как краткими, так и долгими, ср. *trnka* ‘тёрн (ягода)’, но *trnie* ‘терновник’.

Что касается [≥], то он сохраняется только в западнославянских чешском и словацком, ср. словац. *vlna* – чеш. *vlna* ‘волна’, словац. *vlk* – чеш. *vlk* ‘волк’. В сербско-хорватском [≥] вокализовался, перейдя в [u]: *вуна / vuna* ‘волна’, *вук / vuk* ‘волк’, а в словенском и македонском перед [l] появляется какой-либо гласный, ср. макед. *волк*, словен. *volk*.

2.1.10. В типологическом плане интересно распределение современных славянских языков по признаку *твёрдости ~ мягкости согласных*. Это противопоставление, как мы уже знаем, более всего характерно для так наз. монотонических языков, в которых прежде всего благодаря такой парности увеличен консонантный состав, что объективно не требовало увеличения в них гласных за счет их растяжки или тона (ср. так наз. политонические языки). Опираясь на энциклопедию «Языки мира. Славянские языки» (2005), предста-

вим состав согласных современных славянских языков с указанием количества парных по твердости ~ мягкости и беспарных твердых и мягких:

Таблица № 4

<i>языки</i>	<i>общее количество согласных</i>	<i>из них пар по твердости ~ мягкости</i>	<i>только твердых</i>	<i>только мягких</i>
белорусский	39	15	8	1
болгарский	39	17	4	1
русский	37	15	3	3 (+1)
польский	36	13	9	1
н.-лужицкий	34	11	11	1
украинский	32	9	13	1
македонский	31	2	26	1
в.-лужицкий	30	6	16	2
словацкий	27	4	18	1
чешский	25	3	18	1
серб.-хорват.	25	4	16	1
словенский	22	(–)	21	1

Примечание: в число твердых согласных ряда языков несколько условно включено также «среднеевропейское» [l].

Итак, верхнюю позицию занимают «консонантические языки», обладающие и наиболее развитой системой оппозиций по твердости ~ мягкости, – от 17 как в болгарском и 15 как в белорусском и русском до 11 как в нижнелужицком и 13 как в польском. Чем ближе к политоническим языкам (книзу), тем заметнее количественная бедность этой оппозиции. В южнорусинском из 22 согласных фонем две вступают в корреляцию по твердости ~ мягкости – [l – l'] и [n – n'] (*лац* ‘лаять’ – *людзе* ‘люди’, *нам* ‘нам’ – *небо* ‘небо’) плюс еще периферийные и реликтовые по происхождению [d' – t'] (*дѣдо* ‘дед’, *пать* ‘смотри’).

Итак, обратимся к некоторым самым бедным по числу оппозиций по твердости ~ мягкости языкам:

а) сербско-хорватский: [l] – [l’]: *љубав* / *ljubav* ‘любовь’; [n] – [n’]: *коњ* / *konj* ‘конь’

б) чешский: [d] – [d’]: *dej* – *děj* ‘дай – действие’; [t] – [t’]: *ty* – *ti* ‘ты – тебе’; [n] – [n’]: *nemá* – *němá* ‘(он) не имеет – (она) немая’

в) словацкий: [d] – [d’]: *dom* – *deti* ‘дом – дети’; [t] – [t’]: *teta* ‘тетя’; [l] – [l’]: *chlap* – *nedel’* ‘мужчина – воскресенье’; [n] – [n’]: *okno* – *vôňa* ‘окно – запах’.

Корреляция по твердости ~ мягкости, как видим на вышеприведенных примерах, отражается как на лексическом, так и на грамматическом значении слова.

Корреляция по твердости ~ мягкости уже не характерна для системы словенских согласных, за исключением пар [l] : [l’] и [n] : [n’], которые в последнее время, как считают, постепенно утрачивают мягкий компонент.

Что касается мягких согласных, то в большинстве случаев это [j], а в русском – еще и [č’], [š’], а также периферийное [ž’].

* * *

Типологическое изучение фонологических систем славянских языков позволяет выявлять интереснейшие элементы, устанавливать определенные соотношения и закономерности между ними, сближая друг с другом одни языки и противопоставляя им другие. Так, уникальным в славянском мире является внедренное в сербо-лужицкие микроязыки под влиянием немецкого языка увулярное (картавое) [ʀ], наличие в македонском [g’j] (орф. *ŕ*), [k’j] (орф. *ќ*), а также смычно-щелевой межзубной аффрикаты [dʔz] (орф. *s*) и др. Не менее показательной является вокализация твердого [l] в польском и тем самым разрушение оппозиции по твердости ~ мягкости, т.е. [l – l’], что позиционно характерно также для словенского, украинского и некоторых других языков. Типологический взгляд обнаружит и такое позиционное явление, как сохранение (или почти сохранение) звонких согласных в конце слов – как это имеет место в украинском и сербско-хорватском. Особого внимания заслуживает вопрос об аканье. Немало типологических особенностей выявляется и на уровне чередования гласных и согласных, что требует специального исследования.

3. Типология грамматических явлений

Грамматические системы современных славянских языков, сохраняя праславянское наследие, в условиях более или менее автономного существования сумели развить и обогатить многие свои морфологические и синтаксические категории. Соотношение унаследованного и новоусвоенного как раз и входит в одну из важнейших задач грамматической типологии. Остановимся на некоторых, наиболее показательных типологических отличиях славянских языков.

2.2.1. Совершенно уникальным для славянских языков следует считать появление в них *постпозиционного члена*, или *артикля* (для ряда других индоевропейских языков характерен препозиционный артикль). Он возникал на базе указательных местоимений, прикреплявшихся к стоящим перед ними знаменательным словам. В одних языках такое соотношение до конца так и не оформилось – в таких случаях говорят о наличии некоторой артиклоидности (например, в старославянском языке; ср. также в севернорусском наречии постпозитивную частицу *-от / -то: мой мужот*). И только в двух славянских языках этот процесс завершился оформлением грамматической категории, правда, лишь одного ее вида – определенного артикля: это болгарский и македонский. Определенный артикль в указанных языках – это результат воздействия на них так наз. балканского языкового союза, членами которого они также являются наряду с албанским, греческим, румынским, частично сербским. Рассмотрим подробнее особенности этой «экзотической» категории.

В болгарском языке указательный характер артикля очевиден, ср.:

Таблица № 5

муж. р.	-ът/-ят (полные)	урок – урок ът лекар – лекар ят човек – човек ът
	-а,-я (неполные)	урока и , лекар я , човека и
жен. р.	-та	книга – книга та радост – радост та глава – глава та

сред. р.	<i>-то</i>	<i>мляко – млякото</i> <i>желание – желанието</i> <i>име – името</i>
мн. ч. от сущ. муж. и жен. р.	<i>-те</i>	<i>учители – учителите</i> <i>жениЉ – жениите</i> <i>братя – братята</i>
мн. ч. от сущ. сред. р.	<i>-та</i>	<i>селаЉ – селата</i> <i>децаЉ – децата</i> <i>поля – полята</i>

В македонском языке сформировалась целая система определенных артиклей, в основном состоящих, правда, из (почти) дублирующих показателей, ср.:

Таблица № 6

муж. р.	<i>-от</i>	<i>другар – другарот</i> ‘товарищ – (этот) товарищ’
	<i>-ов</i>	<i>другар – другаров</i>
	<i>-он</i>	<i>другар – другарон</i>
		<i>убав – убавиот</i> човек ‘интересный человек’ <i>убава – убавата</i> жена ‘интересная женщина’ <i>убаво – убавото</i> дете ‘интересный ребенок’
жен. р.	<i>-та</i>	<i>соба – собата</i> ‘комната – (эта) комната’
	<i>-ва</i>	<i>соба – собава</i>
	<i>-на</i>	<i>соба – собана</i>
сред. р.	<i>-то</i>	<i>писмо – писмото</i>
	<i>-во</i>	<i>писмо – писмово</i>
	<i>-но</i>	<i>писмо – писмоно</i>
мн.ч.	<i>-те</i>	<i>очи – очите</i>
	<i>-ве</i>	<i>очи – очиве</i>
	<i>-не</i>	<i>очи – очине</i>

В македонском все три артикля объединяет общее значение определенности, являющейся результатом упомянутости или же наличием конкретной диалоговой ситуативности. Более всего для выражения этой функции подходит артикль *-от* (и его родовые и числовые формы). Артикль *-ов* (и связанные с ним формы) исполь-

зуется при указании на временную и локальную приближенность к моменту речи и к предмету речи, а также на присутствие самого предмета. Артикль *-он* (и другие его формы) чаще употребляется при указании на присутствие и непосредственное восприятие предмета речи.

В этих же языках в функции неопределенного члена может выступать количественное числительное *один* или неопределенное местоимение (ср. нечто похожее в русском языке – *приходил один = какой-то человек*), однако в систему этот вид артикля не сложился.

2.2.2. Аналогичная ситуация в словоизменительной системе имени, где указанные два языка противопоставляются всем остальным по признаку *отсутствия ~ наличия падежей*. Причина та же – действие балканского языкового союза. В качестве компенсации в болгарском и македонском увеличена падежная нагрузка на предлоги, на некоторые местоимения и на синтаксическое местоположение членов предложения. Остающиеся реликты звательного или родительного падежей ситуации в целом не меняют. Проиллюстрируем сказанное здесь и в пункте 2.2.1. примерами:

а) в болгарском: *Драгица запалва лампата и включва радиото. Ракета лети в космоса. Столицата на Република България е София* ‘Драгица зажигает лампу и включает радио. Ракета летит в космос. Столица Республики Болгарии – София’;

б) в македонском: *Си биле еден дедо и една баба. Еден ден дедото и рече на бабата...Ќе излезам на тумбана. Мојата сестра учи во основно училиште. Во последниве години е постигнат голем напредок. Ви се заблагодарувам на вашата помош* ‘Жили-были один дед и одна баба. Однажды дед говорит бабе... Я взбираюсь на холм. Моя сестра учится в основной школе. В последние годы достигнут большой прогресс. Я благодарю вас за вашу помощь’.

Особенности «склоняющихся» славянских языков см. в главе 12 «Языки современных славянских наций» («Образцы склонения и спряжения»).

2.2.3. Обратим внимание лишь на один падеж, судьба которого развивалась различными путями: в одних языках он сохранился, в других утратился навсегда. Речь идет о *звательном падеже* (вокативе, падеже обращения).

В праславянском языке вокатив проявлялся во всех типах склонения, но только в единственном числе; во множественном числе он формально не отличался от именительного, в двойственном – от именительного и винительного. Таким образом, вокатив – это категория одного числа.

Анализ ситуации с этим падежом позволяет установить своего рода иерархию его угасания в славянских языках, ср.:

Таблица № 7

<i>языки</i>	<i>муж. /жен. р. безотносит. к одушевл.</i>	<i>муж./жен. р. одушевл. сущ-ных</i>	<i>муж.р. безотно- сит. к одушевл.</i>	<i>остатки зват. пад.</i>	<i>от- сутств. зват. пад.</i>
польский	+				
кашубский	+				
чешский	+				
болгарский	+				
банат.-болг.	+				
серб.-хорват.	+				
украинский	+				
ю.-русин.	+				
македонский		при ослабл. муж. р.			
в.-лужицкий		при ослабл. жен. р.			
град.-хорват.			+		
словацкий				муж. р. одушевл. сущ-ных	
белорусский				безотно- сит. к одушевл.	
молиз.- славян.				муж. р. одушевл.	
словенский					+
русский					+
н.-лужицкий					+
резьянский					+

Хорошая представленность вокатива в западнославянской подгруппе, в частности, в польском, кашубском и чешском, переходит к однородовому верхнелужицкому (употребляется только мужской род, а в женском лишь существительное *mać* ‘мать’), далее к небольшой группе одушевленных существительных мужского рода – как в словацком и, наконец, к нижнелужицкому, который утратил вокатив и вместо него использует именительный падеж.

В восточнославянских языках вокатив сохранил украинский, в белорусском наблюдаются его остатки, причем безотносительно к одушевленности ~ неодушевленности, а русский заменил его именительным падежом.

Южнославянские болгарский, банатско-болгарский, сербско-хорватский хорошо сохранили вокатив, однако в македонском эта форма от существительных мужского рода может уже заменяться именительным падежом, в градищанско-хорватском, наоборот, остался вокатив только от существительных мужского рода (и безотносительно к одушевленности ~ неодушевленности существительных), в молиско-славянском находим лишь остатки от существительных мужского рода, а в словенском и резьянском этой падежной формы уже нет – вместо нее используется именительный падеж. Южнорусинский микроязык сохранил вокатив хорошо.

Приведенные данные позволяют нам сделать следующее заключение: в каждой генетической подгруппе угасание звательного падежа идет от хорошо сохранивших его языков, демонстрирующих вокатив как живую категорию, через ослабленность одного из родов или ограничение только одушевленностью существительных к полному отсутствию форм этого падежа. Таким образом, славянский вокатив переживает процесс замены его именительным падежом, однако дойдет ли он до конца по всем языкам, сказать пока сложно.

2.2.4. При типологическом анализе грамматической *категории числа* обращает на себя внимание отход абсолютного большинства славянских языков от прародителя, т.е. от праславянского языка. Этот отход заключается в потере в процессе исторического развития одного компонента из трехкомпонентной праславянской модели числа, а именно *двойственного числа* (дуалиса). Правда, утратившие его языки до сих пор сохраняют реликты, но лишь два

из них донесли нам эту древнюю категорию в достаточно полном виде – это словенский и серболужицкие. Двойственное число имел и старославянский язык.

В словенском языке древнее двойственное число употребляется при числительных *dva / dve* и *oba / obe* ‘оба, обе’ (за исключением парных предметов), а также если известно, что речь будет идти о двух объектах: *dva raka* ‘два рака’, *dve lipi* ‘две липы’ и под. Существительные со значением парных предметов используются во множественном числе, ср. *noge* ‘ноги’, *ruke* ‘руки’. Двойственным числом обладают именные части речи (из количественных числительных – только *dva / dve*) и глагол. Однако двойственного числа коснулся процесс утраты: при склонении здесь различаются лишь И.-В. и Д.-Т. пад., в то время как вместо Р. и П. падежей дв. числа употребляются соответствующие падежи мн. числа. Значение как двойственного, так и единственного и множественного чисел выражается падежными флексиями.

Об особенностях двойственного числа в словенском языке см. в гл. 12 «Языки современных славянских наций. 3.5. Параллельные образцы склонения и спряжения южнославянских языков», серболужицких – в гл. 13 «Славянские литературные микроязыки (славянская микролингвистика: 2. Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки).

Как уже было отмечено, в остальных славянских языках остались лишь реликты двойственного числа. Так, в кашубском при склонении парных существительных женского рода типа *rāka* ‘рука’ и *noga* ‘нога’ в род. и предл. падежах мн. числа сохраняются формы дв. числа: *rāku, nogu*. У существительных муж. рода флексия дв. числа служит для выражения значения твор. падежа наряду с исконной флексией мн. числа: *chlop-ami* и *chlop-ama* ‘мужчинами’. Остатки дуалиса имеются также в некоторых падежных формах личных местоимений 1 и 2 л. мн. числа: И. п. *ta* ‘мы’ – *wa* ‘вы’ (при исконных здесь *mě* и *wě*), Д. п. *nata* – *wata* (при исконных *nati, nót* и *wati, wót*), Т.п. *nata* – *wata* (при исконных *nati* и *wati*), т.е. дуальные формы выражают теперь то же значение, что и формы мн. числа. Однако в севернокашубском диалекте вышеприведенные дуальные формы сохраняют дуальное значение, т.е. *ta*

‘мы двое’, *wa* ‘вы двое’ и т.д. Ср. также в склонении количественных числительных от 2 до 4: дат. *dwóm, dwóma, dwum, dwuma* (для всех родов), твор. *dwem, dwóma, dwuma, dwiema* (для всех родов). В глаголе дуальная флексия *-ta* конкурирует в 1 л. мн. числа с исконной здесь *-mĕ* (равноправно употребляются формы *mĕ sedzymĕ* и *ta sedzyna* ‘мы сидим’), а флексия 2 л. мн. ч.

-ta (*wa sedzyta* ‘вы сидите’) употребляется даже чаще, чем флексия *-ce/-cĕ*, более специализирующаяся на выражении вежливой формы 2 л.

В русском языке следы двойственного числа сберегаются при обозначении парных предметов – *бока* (не *боки*), в сочетании с числительным *два – два шага*. В других славянских языках, в том числе и в микроязыках, реликты выражаются по-разному – в одних шире, в других – скромнее, но во всех случаях речь идет именно о реликтах.

2.2.5. В рамках категории числа заслуживает также внимания и так наз. **счетная форма**, употребляющаяся при количественных числительных от двух и далее, при некоторых местоименных числительных у существительных мужского рода с помощью флексии *-a* (наряду с формами множественного числа). Это качество присуще болгарскому (*няколко двора* ‘несколько дворов’ – при мн. числе *дворове* ‘дворы’) и македонскому языкам (*три града* ‘три города’).

2.2.6. Имена **прилагательные** в праславянском языке имели двоякий вид: один из них называется **именным** (или так наз. **кратким**), поскольку имел те же грамматические признаки, что и соответствующие существительные (и происходил из общей категории имени), другой – **местоименным** (или **полным**), поскольку образовывался от именной формы прибавлением указательного местоимения. При этом краткие стали обозначать неопределенный признак, а полные – определенный. Судьба праславянского двувидового прилагательного в славянских языках оказалась разной: в одних оба вида сохранились, в других остались лишь следы краткого прилагательного, в третьих краткие формы практически исчезли.

Лучше всего праславянское наследие сохранил сербско-хорватский язык: в нем краткие, как и полные, различаются по роду, числу и изменяются по падежам, при этом краткие склоняются как

существительные соответствующего рода: И. п. *млад човек* ‘молодой человек’ (ср. полную форму: *млад-и човек*), Р. п. *млад-а човек-а* (ср. *млад-ог човек-а*), Д. п. *млад-у човек-у* (ср. *млад-ому / млад-оме човек-у*) и т.д. В словенском языке различие между двумя видами прилагательных проходит в именительном падеже (и в совпадающем с ним винительном) мужского рода, т.е. процесс унификации двух видов в пользу полной формы налицо. В болгарском (и македонском) общая форма единственного числа мужского рода может иметь краткий вид (болг. *син* ‘синий’) и расширенный (*син-и*), причем для большинства прилагательных характерен именно краткий вид, связанный с неопределенностью качества (зато определенность стала выражаться постпозитивным артиклем).

В восточнославянских языках лучше всего деление качественных прилагательных на краткие и полные сохранил русский: *полный* – *полон, полна, полно; полны; черный* – *черен, черна, черно; черны* и под. Однако, сохранив сформировавшееся в праславянскую эпоху разграничение, русский язык полностью утратил падежное изменение кратких прилагательных (следы давнего склонения их сохранились в некоторых устойчивых сочетаниях типа *от мал-а до велик-а* – Р. пад.), а синтаксически эти формы уже выступают только в предикативной функции. Это следует понимать, как симптом постепенного отмирания данной адъективной подкатегории. А что касается украинского и белорусского языков, то в них краткие формы сведены в количественном плане до минимума.

Во всех западнославянских языках рассматриваемое разграничение сильно редуцировано: в чешском лишь незначительное число качественных прилагательных имеет краткую форму (типа *star – starý* ‘стар – старый’), еще меньше таких случаев в кашубском и польском, и проявляют они там себя лишь в именительном падеже мужского рода (типа польск. *ciekaw – ciekawy* ‘интересен – интересный’). А что касается словацкого, то в нем и вовсе не осталось кратких форм (за исключением *dlžen* ‘должен’ – *dlžný* ‘должный’, *hoden* ‘достоин’ – *hodný* ‘достойный’, *vinen* ‘виновен’ – *vinný* ‘виновный’). Практически отсутствуют краткие формы прилагательных в южнорусинском. Таким образом, типологически рассмотренное свойство демонстрирует очевидное ослабление категории краткого прилагательного.

2.2.7. В славянских языках сложилась система личных местоимений, при склонении которых в родительном, дательном и винительном падежах единственного числа, помимо основных (полных) форм, развились также краткие (энклитические, энклитики или просто клитики). Важно то, что энклитики играют вспомогательную роль: если полные формы могут нести на себе ударение и стоять в начале предложения, то кратким в большинстве языков (но не во всех) это противопоказано. На весьма древнее происхождение энклитик указывает тот факт, что они присутствуют в большинстве западно- и южнославянских языков и похожи фонетически (здесь только нужно иметь в виду последующие звуковые изменения типа польск. **ti* → *ci* и т.д.) и функционально. Исчезли местоименные энклитики лишь в восточнославянских языках, хотя исторически они там известны, да и некоторые современные говоры, например, юго-западные украинские, до сих пор сохраняют их. Нет энклитик в 3 л. ед. числа муж. рода в серболужицких микроязыках.

Приведем парадигмы склонения личных местоимений 1–3 л. ед. числа в западно- и южнославянских языках:

Таблица № 8

<i>языки</i>	<i>падежи</i>	<i>1 л.</i>	<i>2 л.</i>	<i>3 л. (муж.р.)</i>
западнославянские языки				
словацкий	Р / В	<i>ta</i>	<i>t'a</i>	<i>ho</i>
	Д	<i>ti</i>	<i>ti</i>	<i>ti</i>
чешский	Р / В	<i>tě</i>	<i>tě</i>	<i>ho</i>
	Д	<i>ti</i>	<i>ti</i>	<i>ti</i>
кашубский	Р	<i>mię</i>	<i>ce</i>	–
	Д	<i>mię</i>	<i>cě</i>	<i>ti</i>
	В	<i>mię / miã</i>	<i>ce / cę</i>	<i>go</i>
в.-лужицкий	Р / В	<i>mje</i>	<i>će</i>	–
	Д	<i>mi</i>	<i>ći</i>	–
н.-лужицкий	Р	<i>mxe</i>	–	
	В / Д	<i>tě</i>	<i>ši</i>	–
польский	Р / В	<i>mię</i>	<i>cię</i>	<i>go</i>
	Д	<i>mi</i>	<i>ci</i>	<i>ti</i>

<i>языки</i>	<i>падежи</i>	<i>1 л.</i>	<i>2 л.</i>	<i>3 л. (муж.р.)</i>
<i>южнославянские языки</i>				
болгарский	В	<i>ме</i>	<i>те</i>	<i>го</i>
	Д	<i>ми</i>	<i>ти</i>	<i>му</i>
македонский	В	<i>ме</i>	<i>те</i>	<i>го</i>
	Д	<i>ми</i>	<i>ти</i>	<i>му</i>
словенский	Р / В	<i>те</i>	<i>те</i>	<i>га</i>
	Д	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>
серб.-хорватский	Р / В	<i>ме/те</i>	<i>те / те</i>	<i>га /га</i>
	Д	<i>ми/ти</i>	<i>ти / ти</i>	<i>му / ти</i>

Что касается форм 3 л. ед. числа жен. и сред. рода, то в некоторых языках в них тоже отмечаются краткие формы, однако не столь представительно, как в мужском роде. В 1–3 л. множественного числа большинства языков энклитических форм нет, в некоторых же грамматисты выделяют их, но на просодическом уровне, квалифицируя ударные формы как полные, а безударные – как краткие. В функциональном плане роль энклитиков важна, поскольку в речи они указывают на местоименный объект, когда на нем специально акцентировать внимание нет необходимости.

Полные парадигмы личных местоимений всех славянских языков см. в гл. 12 «Языки современных славянских наций» («Образцы склонения и спряжения»).

2.2.8. Славянская глагольная система пронизана не только материальной общностью ее единиц, но и их функциональной тождественностью либо близостью. Автономное развитие славянских языков, сохраняя прошлое наследие, дополнило, а частью и видоизменило ряд категорий. Выборочно мы постараемся показать это.

Славянское лингвокреативное сознание очень много поработало над оформлением прошлого опыта и связанных с ним событий. Это было необходимо для того, чтобы, анализируя этот опыт и опираясь на него, строить настоящее. Именно поэтому еще с праславянских времен прошлое (resp. прошедшее) так детально и в то же время так четко было разграничено, в результате чего мы имеем разветвленную *модель прошедшего времени*.

В праславянском языке прошедшее время состояло из четырех конкретных моделей, достаточно четко специализировавшихся на

характере протекания действия в прошлом: если это действие завершилось – то для его обозначения использовался аорист (прошедшее совершенное); если оно протекало, не завершившись, – то применялся имперфект (прошедшее несовершенное); если оно предшествовало непосредственно моменту речи – то опирались на перфект (прошедшее разговорное), а если действие предшествовало другому прошедшему действию, то его обозначали формами плюсквам-перфекта (давнопрошедшее время). Первые две формы простые, а две другие – сложные (или аналитические). Нужно сказать, что старославянский язык хорошо отразил в этом плане праславянскую структуру прошедшего времени, чего нельзя сказать о других славянских языках, точнее – о западно- и восточнославянских языках. Покажем это в таблице:

Таблица № 9

<i>языки</i>	<i>аорист</i>	<i>имперф.</i>	<i>перфект</i>	<i>пл.-перф.</i>
<i>южнославянские языки</i>				
болгарский	+	+	+	+
банат.-болгарский	+	–	+	+
македонский	+	+	+	+
серб.-хорватский	+	+	+	+
град.-хорватский	–	–	+	+
словенский	–	–	+	+
<i>западнославянские языки</i>				
в.-лужицкий	(+)	(+)	+	+
н.-лужицкий	+	+	+	+
польский	–	–	+	(+)
кашубский	–	–	+	(+)
словацкий	–	–	+	+
чешский	–	–	+	–
<i>восточнославянские языки</i>				
белорусский	–	–	(+)	+
русский	–	–	(+)	–
украинский	–	–	(+)	+

Прокомментируем данные приведенной таблицы. Южнославянские языки в целом сохраняют древнюю структуру прошедшего

времени, однако здесь требуются некоторые разъяснения. В сербско-хорватском наметилась тенденция к утрате имперфекта. Его уже нет и в контактных микроязыках – таких как градищанско-хорватский и банатско-болгарский. Не сохранил аорист градищанско-хорватский микроязык. Нет уже ни аориста, ни имперфекта в контактном (с венгерским, немецким и итальянским языками) словенском. Таким образом, в южнославянских языках постепенно ослабевает система простых форм прошедшего времени, в то время как аналитические формы достаточно хорошо функционируют.

Иная картина в западнославянских языках. Аорист и имперфект в них практически исчезли. Правда, в верхнелужицком их поглотил так наз. претерит (по этой причине обозначения этих форм даются в таблице в круглых скобках), не сильны их позиции и в нижнелужицком. Лучше всего здесь держится перфект, в то время как плюсквамперфект уже редко употребляется в польском и кашубском и практически никогда – в чешском.

Кажется, что далее всего в трансформации системы прошедшего времени пошли восточнославянские языки, не удержавшие простых форм, сильно деформировавшие перфект (потому его обозначение в таблице взято в круглые скобки), но еще сохраняющие, кроме русского, плюсквамперфект.

В южнорусинском микроязыке отражена ситуация, сходная с таковой для большинства западно- и восточнославянских языков: в нем сохранился и перфект, и плюсквамперфект.

В заключение скажем также о том, что из южнославянских болгарский и македонский дополнительно развили структуру давнего прошедшего времени, усложнив ее некоторыми другими формами, несколько в меньшем масштабе это произошло в серболужицких.

2.2.9. Если обратиться к наиболее активному в употреблении *перфекту*, то он удержался во всех языках. Он строится по общей модели «спрягаемые формы вспомогательного глагола *быть* + причастие на -л / -л», которую большинство славянских языков и реализуют, ср.: словен. *bral sem* ‘я читал’, словац. *hovoril som* ‘я говорил’, серб.-хорв. *čitao sam (jesam)* / *čitao sam (jesam)* ‘я читал’, чеш. *pracoval jsem* ‘я работал’ и др.

Однако в процессе исторического развития некоторых славянских языков и перфект подвергся определенным изменениям. Так,

в кашубском прошедшее время выражается несколькими аналитическими формами, две из которых по происхождению являются перфектом, — одна со спрягаемыми формами вспомогательного глагола *bëc* ‘быть’ при *l*-причастии — *jô jem chodzył* ‘я ходил’, другая без них — *jô chodzył*. При этом важно подчеркнуть обязательность употребления здесь личного местоимения и то, что первая форма используется преимущественно в художественной литературе, вторая — повсеместно. Ограниченно применяется описательная форма, в которой при личном местоимении одним компонентом выступает глагол *miec* ‘иметь’, а другим — страдательное причастие: *jô mórt zasané (žëto)* ‘я засеял (рожь)’. Южнокашубское распространение имеет специфическая форма прошедшего времени, состоящая из оформляемого личными окончаниями элемента *že-* + *l*-причастие: *jô žem szedł* ‘я шел’. В южно- и среднекашубских говорах в 3 л. ед. числа вместо форм *ona trzimala*, *ona wzâła* используются соответственно *ona trzima* ‘она держала’, *ona wzâ* ‘она взяла’. После согласных показатель причастия *-l* вообще не произносится (хотя на письме отражается). На кашубское прошедшее время влиял и польский язык.

Типологически к кашубской перфектной модели близка модель южнорусинского, в котором возможны две формы перфекта — с вспомогательным глаголом *буц* ‘быть’ и без него, ср.: 1 л. ед. ч. *читал сом* — я читал, 2 л. *читал ши* — *ти читал* и под. Эти формы и в том, и в другом языке равноправны, разница лишь в том, что в южнорусинском в первом случае невозможно личное местоимение (его роль там уже выполняет спрягаемая форма вспомогательного глагола), а во втором (при опускании вспомогательной формы) оно обязательно. Кстати, подобная возможность существовала и в полабском.

Специфическое изменение претерпел перфект в польском языке: вспомогательные формы в нем трансформировались во флексии, в результате чего образовался синтетический (простой по структуре) перфект, притом единственный в своем роде, — с отражением формы лица в причастии на *-ł*, чего нет ни в одном другом славянском языке, ср.: 1 л. *niosłe-m* — *niosłam* — *niosłyśmy* / *niosliśmy* ‘я нес — я несла — мы несли’, 2 л. *niosłeś* — *niosłaś* — *niosłyście* / *niosliście* и под. Причем флексии оказались подвижными — они могли присо-

единяться не только к глаголу, ср. *gdyśmy niosły / niosli* ‘когда мы несли’ и т.д.

Что касается восточнославянских языков, то в них перфект подвергся самым значительным преобразованиям из-за утраты вспомогательных форм глагола *быть*, что потребовало обязательного использования при причастии, а теперь уже – при глаголе на *-л* личного местоимения, ср.: укр. *я говорив* (*-в* происходит из *-л*), белорус. *я гаварыў* (*-ў* происходит из *-л*), рус. *я говорил, ты говоришь* – *ты гаварыў* – *ты говорил* и под. Так деформированный перфект компенсировал утрату личных форм вспомогательного глагола.

В болгарском и македонском перфектные формы подверглись некоторому изменению и в значении.

2.2.10. Как мы видели в таблице №12, наряду с перфектом, удержалось и **давнопрошедшее время** – полностью в южнославянских языках, слабее – в западно- и восточнославянских.

Чешский и русский практически утратили эту форму, в польском и кашубском она употребляется редко, но зато еще держится в украинском и белорусском, ср.: укр. *я був прийшов* ‘я пришел было’, *ти був прийшов*, *я була прийшла* ‘я пришла было’, *ти була прийшла* и т.д., белорус. *я быў гаварыў* ‘я говорил было’, *ты быў гаварыў*, *я была гаварыла* ‘я говорила было’, *ты была гаварыла* и под.

В болгарском языке, как, впрочем, в македонском и сербско-хорватском, плюсквамперфект выражает действие, которое не только совершилось в прошлом раньше другого, но и оставило последствия, результат этого действия (это так наз. результативное прошедшее), ср. болг. *в пет часа той беше излязъл* ‘в пять часов он уже ушел’ (до пяти часов его уже не было). Несмотря на то, что давнопрошедшее время, в отличие от перфекта, употребляется редко и обусловлено спецификой синтаксических структур, эта форма продолжает функционировать, хотя и подверглась редукции в одних языках или полному исчезновению в других.

11.11.11. Славянская **модель будущего времени** формировалась позднее, уже после того как были созданы модели настоящего и прошедшего времени. Одной из причин этого была возможность использования настоящего совершенного времени в значении будущего, ср. рус. *делаю, но сделаю*. Однако этого оказалось недоста-

точно, так как действия, связанные с будущим, усложнялись, необходимо было отразить их предполагаемую длительность, ту или иную соотнесенность с моментом речи и т.д. В этом случае славянские языки прибегли к аналитическим формам выражения значения будущего действия, для чего были задействованы как вспомогательный глагол *быть*, так и модальные глаголы типа *хотеть*, а также глагол *иметь*. Указанные вспомогательные грамматические формы соединялись с основным глаголом, который мог быть употреблен в инфинитиве или как причастие на -л, – в различных языках по-разному. Суммируем модели форм будущего времени в современных славянских языках:

Таблица № 10

<i>языки</i>	<i>буду + инф.</i>	<i>буду + прич. -л</i>	<i>хочу + наст.вр.</i>	<i>хочу + инф.</i>	<i>осн. гл. + иму</i>
<i>южнославянские языки</i>					
болгарский	–	–	+	–	–
македонский	–	–	+	–	–
серб.-хорватский	–	+	– / +	+	–
словенский	–	+	–	–	–
<i>западнославянские языки</i>					
в.-лужицкий	+	–	–	–	–
н.-лужицкий	+	–	–	–	–
польский	+	+	–	–	–
кашубский	+	+	–	–	–
словацкий	+	–	–	–	–
чешский	+	–	–	–	–
<i>восточнославянские языки</i>					
белорусский	+	–	–	–	–
русский	+	–	–	–	–
украинский	+	–	–	–	+

В целом показанные данные свидетельствуют о том, что большинство славянских языков приспособили вспомогательный глагол *быть* не только для выражения форм прошедшего времени, но и времени будущего. Особенно активны и «единодушны» в этом пла-

не оказались западно- и восточнославянские языки. При этом «модель на *быть* / *буду*» делит языки на три группы:

а) языки модели «*буду* + инфинитив»: серболужицкие, словацкий, чешский и все восточнославянские: рус. *буду писать*, белорус. *буду пісаць*, укр. *буду писати*, в.-луж. *budu pisać*, н.-луж. *budu pisaś*, словац. *budem pisať*, чеш. *budu psát*; сюда же следует отнести и южнорусинский – *будзем писац*;

б) языки модели «*буду* + причастие на -l-»: словен. *bom pisal*, серб.-хорв. *будем писао* / *budem pisao* (в обоих случаях ‘я буду писать’; в сербско-хорватском это будущее II);

в) языки модели «*буду* + инфинитив» + «*буду* + причастие на -l-»: польск. *będę pisać* – *będę pisał*, кашуб. *bãdã pisać* – *bãdã pisał* ‘я буду писать’.

Относительно кашубского следует сделать такое замечание: особые спрягаемые формы вспомогательного глагола *běc* ‘быть’ могут выступать в полной или краткой форме – соответственно *jô bãdã* / *bqđã pisał* – *jô mdã* / *bdã pisał* (с причастием на -l) или *jô bãdã* / *bqđã pisać* – *jô mdã* / *bdã pisać* (с инфинитивом). Обе формы равноправны в употреблении, ср.: *Jak jô mdã starszi ẽ mdã miôł sw-oje dzećẽ, one též mdã gôdac po naszymu* ‘Когда я буду взрослым и буду иметь своих детей, они тоже будут говорить по-нашему (т.е. по-кашубски)’.

Языков, использующих модель с *хотеть*, три, однако основной глагол в них оформляется по-разному:

а) «*хочу* + настоящее время»: 1 л. ед. ч. болг. *ще пишем*, макед. *ќе пишам* (в обоих случаях ‘я буду писать’) и т.д.;

б) «*хочу* + инфинитив»: серб.-хорв. *ћу писати* / *ћу pisati* ‘я буду писать’ (от *хоћу* ‘я хочу’ отрывается первый слог *хо-*).

В сербско-хорватском указанная модель может синтезироваться, т.е. из аналитической перейти в синтетическую, при этом инфинитивный показатель отрывается, ср. *писаћу* / *pisaću* ‘я буду писать’ (с 90-х гг. в хорватском предпочитают в этом случае писать *pisat* *ћи*). При этом обе формы равноправны и взаимозаменяемы. Дополнительно следует сказать, что в сербском вместо инфинитива может также выступать частица *да* + формы настоящего времени – *ћу да пишем* ‘я буду писать’.

Наконец, о модели с *иму* (*иметь*) – она характерна для украинского языка: 1 л. ед. ч. *писатиму* ‘я буду писать / напишу’. Эта модель несовершенного будущего равнозначна модели «буду + инфинитив» (*я буду писати*).

Из сказанного вытекает, что лишь украинский и сербско-хорватский, помимо моделей соответственно «буду + инфинитив» и «буду + причастие на *-l*», дополнительно используют еще по одной модели – соответственно с глаголами *иметь* и *хотеть*. Если в случае с украинским это лишь формально разнообразит выражение будущего времени, то в сербско-хорватском проводится функциональное разграничение – модель «буду + причастие на *-l*» служит для выражения предварительного будущего, а модель с *хотеть* – независимое будущее.

В болгарском и македонском имеется также «будущее в прошедшем», используемое главным образом в условных конструкциях. В болгарском языке оно образуется от имперфектной формы вспомогательного глагола *ща*, частицы *да* + формы настоящего времени – *щях да се представим* ‘я бы представился’, а в македонском с помощью *ќе* + имперфект глагола – 1 л. ед. ч. *ќе дојдев* ‘я бы пришел’. В болгарском имеется также редко употребляющееся «будущее предварительное в прошедшем».

2.2.12. Словенский язык – единственный из южнославянских сохранил такую архаичную праславянскую черту, как **супин**, – форму так наз. достигательного наклонения, образующуюся от инфинитивной основы глаголов несовершенного вида посредством суффиксов *-t* и указывающую на цель действия. Супин употребляется в основном при глаголах движения: *pojdem spat* ‘я пойду спать’. Из западнославянских языков супин сохранили серболужицкие.

* * *

Мы лишь выборочно представили здесь некоторые типологические особенности грамматического строя современных славянских языков. В действительности таких особенностей значительно больше. Если говорить о глаголе, то заслуживают специального внимания вопросы так наз. пересказывательных или несвидетельских форм времени в болгарском и македонском, итеративный претерит

в серболужицких, обозначающий повторяемость событий в прошлом независимо от контекста, и др. Немало особенностей выявляется с помощью типологического подхода в именных частях речи, в служебных словах, в синтаксисе, словообразовании, лексике, а также во фразеологии. Нужно также иметь в виду, что проведенный нами анализ опирался по преимуществу на материал литературных языков – расширение этого материала за счет диалектов и говоров помогло бы вскрыть немало иных особенностей.

Из представленного анализа видно, что типологический подход к славянскому языковому материалу позволяет, опираясь на выделяемые типы, выявить интереснейшие связи и закономерности между генетически родственными, но длительное время развивающимися самостоятельно языками.

* * *

Несмотря на наличие огромного числа публикаций, в которых проводится сравнение тех или иных сторон славянских языков, до сих пор ощущается острая потребность в синтезированных монографиях по типологии их грамматических структур и литературно-языковой истории².

² Исключения здесь пока еще редки – см., например: Н. И. Толстой. История и типология славянских языков. М., 1988; B. Panzer. Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Sprachstrukturen und Verwandtschaft. 2. Aufl. Frankfurt am Main etc., 1996; H. Dalewska-Greń. Języki słowiańskie. Warszawa, 1997.

IV. О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

1. Славянский языковой мир на пороге XXI века

Смена века (и тысячелетия) – серьезный повод для того, чтобы бросить взгляд в прошлое, оценить ситуацию, сложившуюся в славянском (этно)языковом мире к настоящему времени, и высказать те или иные соображения о перспективах, перед которыми стоит этот мир.

Почти весь уходящий XX в., как и век, предшествовавший ему, в той или иной форме *сближали* или же *интегрировали* славянские языки. Показательны в этом отношении ситуации как среди восточного, так и среди южного и западного славянства. Так, например, для восточнославянских языков почти весь XX в. (до его 90-х гг.) прошел под знаком интеграции русского, белорусского и украинского языков, при этом речь шла не только о сближении словарного состава этих языков и особенно терминологии различных отраслей науки, техники и т.д., но и о постепенном выравнивании грамматических форм, разумеется, прежде всего в сторону русского языка. Таким образом, вектор совершенствования и развития белорусского и украинского языков был по существу однонаправленным. Точнее можно было бы сказать, что речь в данном случае шла скорее всего о влиянии, а не о сближении как таковом, поскольку сближение – процесс двусторонний. С данным процессом связано и ослабление социолингвистических позиций белорусского и украинского языков, приведшее к укреплению в рамках их ареалов русского языка. Укрепление это поддерживалось, как известно, соответствующей идеологией и политикой, господствовавшей в СССР.

Среди южного славянства отчетливые интеграционные языковые процессы обнаружились еще в XIX в., когда здесь выдвигали

гласась идея единого «иллирского» языка (нередко с предложениями решить также вопрос о едином всеславянском языке для всего славянства), сменившаяся затем поисками и предложениями путей языкового сближения сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев. Процесс сербско-хорватского языкового единения [при различении двух норм – экавской и (и)екавской] проводился с разной степенью интенсивности вплоть до начала второй половины XX в.

Начиная с XIX в. о сближении и последующем объединении верхнелужицкого и нижнелужицкого литературных языков писали крупнейшие деятели лужицких сербов, однако до настоящего времени этого так и не произошло, хотя длительное воздействие верхнелужицкого литературного языка на нижнелужицкий очевидно.

Языковая разнонаправленность процессов, наблюдавшаяся у чехов и словаков в период национального Возрождения в XIX в., а также в самом начале XX в., сменилась в 20–30-е гг. XX в. идеей интеграции в Чехословакии чешского и словацкого языков в единый так наз. «чехословацкий язык».

Отмеченные *интеграционные процессы* в конечном счете не привели ни к объединению, ни к слиянию указанных славянских языков, что продемонстрировал нам XX в. Напротив, последнее его десятилетие подчеркнуло *дезинтеграционные тенденции*, которым стали подчиняться славянские языки, так или иначе охваченные ранее процессами объединения. Языковая конвергенция сменилась языковой дивергенцией. Так, идея «чехословацкого языка» сменилась после Второй мировой войны идеей лексического и грамматического сближения литературных чешского и словацкого языков, однако и она не выдержала испытание временем и перешла с 90-х гг. в свою противоположность – в идею дезинтеграции двух языков, что в настоящее время и проявляется на практике. В 90-е гг. XX в. белорусский и украинский литературные языки стали «отходить» от русского в лексико-терминологическом плане; заметно в них также стремление к различного рода коррекциям в фонетическом и грамматическом оформлении слов.

Что касается сербско-хорватского языка, то дезинтеграционные процессы в нем стали ощущаться еще в 60-е гг. XX в., когда в Хорватии была опубликована «Декларация о названии и положении

хорватского литературного языка» (1967), в которой выдвигались требования самостоятельного, автономного развития западного (хорватского) варианта. В 70-е гг. тенденция расхождения усиливается, а в 90-е гг. она становится со стороны хорватов и преобладающей. При этом, несмотря на единую генетическую основу (штокавскую по диалектному источнику), на социолингвистическом уровне конституировались по крайней мере три литературных-языковых варианта, – сербский, хорватский, а также боснийский; нельзя не указать также на попытки определенной части интеллигенции в Черногории автономизировать и так наз. черногорский литературный язык. Таким образом, в традиционном сербско-хорватском ареале вместо одного литературного языка, выступавшего в двух вариантах, образовалось четыре литературно-языковых варианта или литературных языка. Это создало среди южных славян (исключая болгар, македонцев и словенцев) новую социолингвистическую ситуацию, которая формируется буквально на наших глазах. Обобщенно говоря, мы являемся свидетелями планомерной перекодификации лексических, а также в известной мере и грамматических норм языков, так или иначе находившихся под влиянием функционально сильных языков. При этом идет откровенное отталкивание, отход от всего того, что было навеяно такими языками и что составляло их интеграционное единство.

Названный процесс существенным образом отразился на функциональном статусе языка сербско-хорватского: если раньше более функционально универсальным считался экавский вариант, то теперь в одинаковой степени функциональны все варианты, поскольку они признаны государственными языками. Поменялись отношения и между чешским и словацким языками: если раньше чешский был функционально более сильным языком, а словацкий по сравнению с ним функционально слабым (скромнее использовался в области науки и техники, практически не употреблялся в международных сношениях и под.), то начиная с 90-х гг. XX в. социолингвистические позиции словацкого резко усиливаются, он становится единственным государственным языком в Словакии и т.д.

Функционально сильный русский язык многие десятилетия «заслонял» функциональную перспективу белорусского и украинского

языков, пока с 90-х гг. XX в. эти языки, став в своих странах государственными, не стали занимать соответствующей социолингвистической ниши. Разумеется, полностью освободиться от влияния функционально сильного языка-соседа непросто, однако тенденция «набирания скорости» в направлении автономизации очевидна.

Что касается не названных ранее славянских языков, то для них рубеж XX–XXI вв. останется «памятным» прежде всего по массовому процессу *перекодификации* общественно-политической, а также части научно-технической терминологии (устранение идеологической окраски слов, целых лексических пластов, отражающих былые отношения, и т.д.).

* * *

Славянский мир состоит не только из крупных языков, но и из сопровождающих их небольших по численности носителей литературных языков, которые называются *микроязыками* (реже – *малыми языками*). Диалектика современного славянского мира как раз и состоит в том, что в нем переплетены эти две категории языков. Языковая Микрославия обогащает славянский мир. Здесь происходят не менее интересные и не менее важные процессы, чем среди крупных славянских языков. При угасании одних наблюдается возрождение или формирование других. Ориентация при создании и совершенствовании норм в этих литературных языках на соответствующие литературные языки крупных этносов или же, напротив, явный отход от них с целью создать себе специфику – это две важнейшие тенденции, которые переживают современные славянские микроязыки. В функциональном плане среди них выделяются функционально сильные (например, верхнелужицкий, югославо-русинский), средней функциональности (градищанско-хорватский, кашубский, карпаторусинские и др.) и функционально слабые (например, резьянский, венецианско-словенский).

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в Славии на рубеже XX–XXI вв. реализована *двукомпонентная литературно-языковая модель*, состоящая из литературных языков крупных этносов и сопровождающих их литературных микроязыков автономного, островного, периферийного и периферийно-островного

характера. В таком переплетении этих двух категорий литературных языков представляется и перспектива современной языковой Славии.

2. Славянская филология на рубеже XX–XXI вв.: проблемы и перспективы

Как и любая другая наука, славянская филология вот уже в течение более двух веков находится в постоянном развитии. На каждой ступени такого развития разрабатываются и внедряются те или иные подходы к исследованию славянского материала: в XIX в. господствующим стал исторический с его основным методом – сравнительно-историческим, в XX в. внимание переключается на синхронный аспект, но уже во второй половине этого же века преобладающим становится мнение о перспективности комплексного подхода – филологический материал должен подвергаться анализу с учетом доминирующего и сопутствующих ему методов. По существу устаревшими стали взгляды и требования универсализации какого-либо одного, «единственно верного», подхода.

Находясь в постоянном движении, славянская филология, с одной стороны, связана с решением фундаментальных, «вечных» проблем, составляющих ее основы, с другой стороны, она не может обойти вниманием те новые вопросы, которые ставит перед нею само время. В этом переплетении традиционных и новых проблем суть ее современного состояния, в этом видятся и перспективы ее дальнейшего развития. Кратко отметим наиболее важные из них.

1) Из «вечных» проблем на первое место следует поставить **этно- и глоттогенез славян** – проблему палеославистики, которая, вероятно, так и не будет решена до конца, но занятие которой, бесспорно, важно и в научном, и в историко-культурном плане. Дальнейшее накопление материала, попытки взглянуть на проблему «с иной стороны» с помощью применения различных методов и приемов может привести к верификации тех или иных ее положений. Свидетельством этого является возрождение так наз. дунайской гипотезы прародины славян, которая на протяжении большей части XX в. считалась устаревшей, а ныне вызывает интерес в научном

мире. Однако все еще недостает здесь в подходах комплексности, которая видится в содружестве усилий археологов, историков, языковедов и специалистов других научных направлений. Помимо прочего, в области этно- и глоттогенеза остаются во многом нерешенными вопросы временной глубины истоков славянства, установления переходных его состояний и, конечно, передвигаемость древних границ.

2) В рамках палеославистики актуальной остается **проблема реконструкции праславянского языка** в связи с реконструкцией праязыка индоевропейского, несмотря на то, что в этом направлении уже сделано немало. Предстоит не только дальнейшее оттачивание сравнительно-исторических приемов и методов фонетической и грамматической реконструкции, установление относительной хронологии явлений, но и активное привлечение для анализа лексики, что станет возможным после завершения «советско-русского» («Этимологический словарь славянских языков») и «польского» («Słownik prasłowiański») этимологических словарей, издающихся с 1974 г. В этой связи все актуальнее будет становиться вопрос о коррекции или даже **пересмотре традиционной классификации славянских языков**. Весьма отдаленной перспективой представляется нам проблема реконструкции праславянского текста.

3) Еще одна проблема палеославистики связана со **старославянско-церковнославянским языком**. И на начало XXI в. все еще актуальной остается «вечная» проблема происхождения и двойственности славянской письменности, ее авторства и др. Важным аспектом является поиск и публикация наиболее ранних церковнославянских текстов, т.е. расширение материальной базы исследования, которая даст возможность увеличивать объем создаваемых в славянских странах словарей церковнославянского языка различных этнических изводов, после чего можно будет приступить к работе над грандиозным проектом — общецерковнославянским словарем, который отразил бы в себе все собранные лексические единицы по всем изводам. Существенно, что только в последние десятилетия стали обращать внимание на особенности новоцерковнославянского языка, поэтому здесь предстоит еще большая работа по отграничению его от «классического» церковнославянского (если о нем как

таковом можно говорить вообще), по описанию его лексико-грамматической системы и особенностей функционирования.

4) *Лингвогеографическое изучение славянства* было связано прежде всего с ОЛА, демонстрацией достижений в работе над ним, начиная со времени первого съезда славистов. Стирание границ между говорами и диалектами, их нивелирование и даже угасание в пользу разновидностей литературного языка и городского просторечия ставит задачу, можно сказать, заключительного этапа фиксирования и изучения всего того речевого блага, которое как-то еще сохраняется. В этой связи существенны вопросы изучения диалектно-языкового пограничья, а также диалектно-языковых союзов. Особенно важно составление региональных (или областных) диалектных словарей. Необходимо также интенсивное пополнение фонетических записей и создание фондов этнических речевых массивов.

5) Актуально и исследование взаимосвязей между народной культурой и языком, начатое еще в XIX в. и в веке XX оформившееся в специальную дисциплину, называемую *славянской этнолингвистикой*. Тесно связанная с лингвогеографическим распространением явлений, этнолингвистика заняла прочные позиции в современной славистике. Ее проблематика ныне концентрируется в основном в русле двух ведущих этнолингвистических школ – московской и люблинской (Польша), преследующих, с одной стороны, цели реконструкции древней славянской семантики, с другой – воссоздания культурно-языковой картины славянства в связи с контактами с соседними народами. Существенным здесь является привлечение различных жанров духовной культуры, в том числе и фольклорной.

6) *Ономастической проблематике* традиционно уделяется пристальное внимание, так как собственные имена связаны с древнейшей порой славянства, их изучение многое дает для истории, культуры, литературы, для языка вообще, поскольку в ономастике нередко сохраняется то, что уже утеряно в живом языке. Весьма перспективным представляется создание славянского ономастического атласа.

7) Текущими, но на каждом этапе развития славянской филологии остающимися актуальными являются вопросы *изучения современного состояния славянских языков и типологии языковых ситуаций*, с одной стороны, в связи с так наз. культурно-языковой интернационализацией или глобализацией, с другой – с регионализацией. Важно, чтобы наблюдаемый ныне интенсивный процесс глобализации и интернационализации не препятствовал сохранению культурно-языковых различий и тем самым языковому многообразию славянского мира, а это входит в задачи формирующейся ныне *эколингвистики*.

8) Большую значимость и перспективность приобретает *проблематика малых славянских литературных языков, или микро-языков*, формирование их грамматических систем и норм, их функционального развития, соотношения с языками крупных этносов и т.д. Исследование соотношения больших и малых языков создаст необходимую теоретическую базу для выработки соотносительной динамической модели, учитывающей их формирование и развитие в Pax Slavia Latina и в Pax Slavia Orthodoxa. Такая модель будет носить достаточно универсальный характер и окажется пригодной при исследовании других групп европейских языков.

9) В грамматическом плане в большинстве случаев остаются традиционные проблемы, однако перспективным будет применение комплексных подходов и классификационных приемов как на микро-, так и на макроуровнях. Особенно усиливается *роль типологического анализа* грамматических систем славянских языков. Из новейших это вопросы усиления вариантности в падежной системе, активизации аналитизма в склонении за счет игнорирования некоторых флексий косвенных падежей и несклоняемых заимствованных имен, и как результат этого – универсализация именительного падежа, а следовательно, и ослабление (в от дельных случаях – даже исключение) грамматики и т.д. Специального внимания заслуживают вопросы соотношения «синтаксис – текст», инноваций в словообразовании и синтаксисе, в том числе внешнего воздействия на них.

10) Существенным представляется типологическое исследование внутренних и внешних факторов *современных славянских литературных (стандартных) языков*, в частности, изучение про-

цессов формирования и состояния их норм на всех этапах развития, социалингвистических параметров в прошлом и ныне и т.д. В типологическом плане существен также учет славянских литературных микроязыков, которые формировались в новое время, – в большинстве случаев в XIX и XX вв. Этот факт весьма важен в теоретическом отношении, поскольку на примере литературных микроязыков представляется уникальная возможность проследить этапы и особенности формирования и развития крупных литературных языков, история которых нередко уходит в глубокую древность, что не дает возможности в достаточной мере детально выяснить, как начинался литературный язык, какие факторы влияли на формирование его норм, какие имплицитные и эксплицитные импульсы вели его к функциональному развитию и т.д. Иными словами, материал микроязыков поможет приоткрыть некоторую картину рождения и первоначальных этапов развития литературных языков с историей, удаленной от нас на многие века.

11) *Когнитивное направление* связано с изучением лексики, семантики и фразеологии. Актуально изучение процессов идеологизации и деидеологизации под социальным давлением (в том числе и имен собственных), движения лексики и лексикализованных синтагм в направлении «актив ↔ пассив», изменение стилистического статуса слов, роль разговорно-просторечной и активизация субстандартной лексики, процесс лексико-семантической вульгаризации речи, в том числе письменной. Постоянно актуальной остается проблема семантической неологизации. Все эти процессы отражают, по нашему мнению, *три глобальные тенденции*:

а) внутрисловные семантические изменения и процессы как отражение *тенденции к сохранению словарного состава языка* (к увеличению и к неуменьшению его);

б) изменения и процессы как отражение *тенденции к уменьшению словарного состава языка* и

в) изменения и процессы как отражение *тенденции к увеличению словарного состава языка*.

Пристального внимания заслуживают активные до 90-х гг. XX в. славяно-славянские лексические (взаимо)влияния и специально – категория воздействующих языков: русского – на все славянские,

сербско-хорватского – на македонский и словенский, чешского – на словацкий.

Помимо этнолингвистического, усиливается необходимость прагматического анализа лексики и фразеологии и представления их в различных по жанру и исполнению словарях как синхронного, так и диахронного характера. Перспективной выглядит идиоматика в плане ее интерпретации как специфического представления картины мира (идея так наз. «фразеологической картины мира»).

12) Актуализировался вопрос *о языковом смещении*, вызвавший в конце XX в. появление особой категории «англоязыковых» образований, уже оформленных специальными лингвонимами, – «*русангл*» (русский + английский), «*англосербский язык*» (серб. *англосрпски језик*), «*чешско-американский язык*» (чеш. *česchoameričtina*), «*европольский язык*» (польск. *europolszczyzna*) и под. Речь идет о мощном англо-американском культурно-языковом, а именно – о лексико-семантическом и терминологическом воздействии на современные европейские, в т. ч. и славянские, языки. Англо-американский становится своего рода «языком-фильтром», через который проходят новейшие заимствования. Все это приводит к гибридизации определенных блоков словаря. Требуется также изучения и англо-американское влияние на синтаксис современных славянских языков.

13) Новой и достаточно перспективной представляется постановка проблем так наз. *корпусной лингвистики*. Здесь еще предстоит сформулировать общие подходы и приемы, для чего потребуется создание на основе компьютерных технологий лексические и грамматические корпуса всех славянских языков. Пока же такими корпусами обладают лишь некоторые языки. Таким образом организованный языковой материал позволит не «на глазок», а объективно и исчерпывающе описывать мельчайшие детали и признаки единиц на всех уровнях.

14) *Пограничные проблемы языка и литературы*, а также *стилистики* по-прежнему будут работать на скрепление и союз обеих сторон филологии. Важно только, чтобы литературовед был хорошо осведомлен в языке, а языковед – в созданной на таком языке литературе.

15) Что касается *литературоведческой стороны* славянской филологии, то здесь уже немало сделано, хотя все еще остается масса традиционных проблем, среди которых: сравнительно-типологическое изучение литературно-художественных процессов в разных славянских литературах, выявление их национальной специфики, международный и региональный контексты славянских литератур, многоязычие в художественном творчестве, соотношение фольклора, мифологии и библейских традиций, так наз. «неклассические парадигмы» в литературе, динамика идейно-художественных систем, европейский историко-культурный и литературный процесс и место в нем славянского, межславянские связи и влияния и др. Итогом этой стороны славянской филологии должно стать создание общей истории славянских литератур.

16) Европа – единственный в мире регион, филологическая картина которого представлена достаточно полно. Филологическая полнотой в целом характеризуется и современная Славия. Длительное существование здесь филологий, наличие их у каждой славянской нации (народности) является настолько очевидным фактом, что проблема *возникновения новых филологий* как будто бы и не стоит. Между тем система частных филологий в Славии не является закрытой наглухо, здесь имеются еще возможности некоторого уплотнения – уплотнения за счет филологических ростков у некоторых периферийных образований и у этно-языковых островов. Речь идет о так наз. *микрофилологиях*, формирующихся на базе мироразноязыков, о которых речь шла в 13-й главе. Так, *югославо-русинская микрофилология* рождается в XX в., точнее – в 1904 г. с появлением первой поэтической книги, написанной по-южнорусински Г. Костельником. За столетний период эта микрофилология проделала продуктивный путь и, как представляется, пришло время открыть ей двери в семью частных славянских филологий и тем самым в большую филологию, т.е. Макрофилологию. Это филология ускоренного развития: почти каждый ее этап насыщен очень важными событиями лингвистического и литературно-литературоведческого характера. В стадии становления находится *кашубская и другие микрофилологии*. Микрославия, таким образом, – это ис-

точник пополнения системы частных филологий и источник структурного уплотнения отдельных из них.

Есть немало и других вопросов, которые стоят на повестке дня перед славянской филологией. О многих из них речь как раз и шла в учебном пособии.

* * *

На рубеже XX–XXI вв., в 1996–2004 гг., исследование славянских языков было подытожено научной серией Опольского университета (Польша) «Новейшие процессы в славянских языках» («Najnowsze dzieje języków słowiańskich»), вышедшей под редакцией проф. С. Гайдзы и состоящей из 14 томов, каждый из которых посвящен отдельному языку и на этом же языке изданный. С 2003 г. реализуется вторая, типологическая, серия под названием «Сравнение систем и функционирования современных славянских языков» («Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich»). Несмотря на различие подходов к материалу авторов монографий указанных серий, это предприятие можно считать значительным научным достижением конца XX – начала XXI вв., сравнимое разве что с незавершенной «Энциклопедией славянской филологии», вышедшей по инициативе и под редакцией В. / И. В. Ягича в начале XX в. в России.

* * *

Филология – наука с беспредельными перспективами. Это касается не только бесконечности развития ее внутренних процессов, но и расширения состава частных подразделений. Можно прогнозировать формирование новых филологических процессов для ряда регионов мира. Так, в регионах, характеризующихся «филологической плотностью» (такова, например, Европа), филологические ростки возможны лишь в некоторых этно-языковых островах и в периферийных областях тех или иных этно-языковых континуумов (см. пункт 16). Другие регионы мира таят огромные филологические потенциалы, если иметь в виду, что к настоящему времени по разным оценкам письменностью обладают примерно 300 языков мира. Наконец, далекое будущее предвещает, вероятно, формиро-

вание и *новых видов филологии*. По крайней мере уместно будет здесь вспомнить вопрос, который еще в 1908 г. в статье «Международный вспомогательный язык» задавал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «Кто знает, не будут ли со временем в университетах разных стран и государств основаны кафедры международного языка и международной литературы»? (т.е. «*международной филологии*»)¹. Будут ли, и сейчас, спустя столетие, сказать об этом трудно. Зато совершенно ясно, что нынешние филологии, большие и маленькие, старые и новые, крупномасштабные и скромные, работают и на сегодняшний день, и на день будущих.

¹ Впрочем, в некотором смысле эта идея, как кажется, начинает реализовываться в виде оформляющейся в последние десятилетия новой лингвистической дисциплины – *евролингвистики*, одной из задач которой ставится выявление общего и специфичного в языковой картине Европы. См., например, недавно вышедший коллективный учебник евролингвистики: Handbuch der Eurolinguistik. Hg. U. Hinrichs. Wiesbaden, 2010, XII, 993 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Библиография по славистике

Для славянской филологии, как и для любой другой науки, важное значение имеет библиографическая работа. Славистическая библиография стала формироваться еще в XIX в., однако систематически она ведется с XX в. Это связано со все увеличивающимся объемом печатной продукции по славистике. Сейчас разобраться в море славистических изданий очень непросто. И славистические библиографии оказывают неоценимую помощь специалисту следить за публикациями, которые его интересуют. В разных странах издаются библиографии различного предназначения и охвата – от локального до международного¹. Так, в СССР длительное время Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) вел мировую библиографию, издавая регулярные ежемесячные бюллетени типа «Новая литература по языкознанию» и др. Каждые пять лет, начиная с 1961 г., выходил указатель славистической литературы в СССР:

Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1961 по 1965 г. с дополнениями за предыдущие годы. М., 1969; Славянское языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР с 1966 по 1970 г., с дополнениями за предыдущие годы. М., 1973; с 1971 по 1975 г., с дополнениями за предыдущие годы. История славянского языкознания. Русский язык. М., 1980; ... с 1971 по 1975 г. ... Славянские языки. Прикладное языкознание. М., 1981; ... с 1976 по 1978 г. ... В 3-х частях. Ч. 1–3. М., 1985; ... с 1979 по 1981 г. ... В 3-х частях. Ч. 1–3. М., 1988.

В других странах славистическую библиографию вели некоторые научные периодические и серийные издания по славистике и славянской филологии.

Международную библиографию по славянскому языкознанию с 1993 г. ведет Польская АН (Институт славистики, «Варшавское Научное

¹ Среди них немало составленных наспех, без проверки *de visu*, с большими пропусками и неточностями, как, например: В. Е. Моисеенко, К. Гадони. Введение в славянскую филологию. Избранная библиография. München, 1997. Необходимо это иметь в виду.

общество»), с 1996 г. издающая ежегодник «Библиография славистического языкознания» («Bibliografia językoznawstwa slawistycznego»):

Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992. Warszawa, 1995; ... za rok 1993 z uzupełnieniami za rok 1992.[1–2]. Warszawa, 1996; ... za rok 1994 z uzupełnieniami za lata 1992–1993. Warszawa, 1997; ... za rok 1995 z uzupełnieniami za lata 1992–1994. Warszawa, 1999; и т. д.

* * *

Приведем важнейшие периодические и серийные издания по славистике и славянской филологии:

Беларуская лінгвістыка, Мінск, 1972 →.

Зборник Матице Српске за славистику, Нови Сад, 1970 →.

Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику, Нови Сад, 1984 →.

Јужнословенски филолог, Београд, 1913 →.

Мовознавство, Київ, 1967 →.

Проблеми слов'язнознавства (до 1976 г. – Українське слов'язнознавство), Львів, 1970 →.

Славистика, Београд, 1997 →.

Славяноведение (с 1991; с 1965 г. – Советское славяноведение), Москва, 1965 →.

Славянска филология, София, 1963 →.

Славянская филология, Ленинград → С.-Петербург, 1969 →.

Славянский вестник, Москва, 2003 →.

Съпоставително езикознание, София, 1978 → (в 1976–1977 гг. – Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици)

Anzeiger für slavische Philologie, Graz, 1966 →.

Byzantinoslavica, Praha, 1929 →.

Canadian Slavonic Papers, Toronto, 1956 →.

Etudes balkaniques, Sofia, 1964 →.

Germanoslavica, Brno etc., 1931 →.

International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, Nederland → USA, 1959 →.

Listy filologické, Praha, 1874 →.

Melbourne Slavonic Studies, Melbourne / Parkville, 1967 →.

Oxford Slavonic papers, Oxford / London, 1950 →.

Revue d'études slaves, Paris, 1921 →.

Ricerche slavistiche, Roma etc., 1952 →.

Rocznik slawistyczny, Kraków → Wrocław, 1908 →.

Romanoslavica, București, 1958 →.

Scando-Slavica, København, 1954 →.
 Slavia, Praha, 1922 →.
 Slavia meridionalis, Warszawa, 1994 →.
 Slavia occidentalis, Poznań, 1921 →.
 Slavia orientalis, Warszawa, 1952 →.
 Slavica, Debrecen, 1961 →.
 Slavica slovac, Bratislava, 1966 →.
 Slavica Lundensia, Lund, 1973 →.
 Slavica Pragensia, Praha, 1959 →.
 Slavica Tartuensia, Tartu, 1982 →.
 Slavistična revija, Ljubljana, 1948 →.
 Slavistica Vilnensis, Vilnius, 1997 →.
 Slavonic and East European Review, London, 1922 →.
 Slovanské štúdie, Bratislava, 1957 →.
 Slovanský přehled, Praha, 1898 →.
 Studia slavica, Budapest, 1954 / 1955 →.
 Studia Slavica Finlandensia, Helsinki, 1984 →.
 Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1955 →.
 Südost-Forschungen, München, 1936 →.
 Die Welt der Slaven, München, 1956 →.
 Wiener slawistischer Almanach, Wien, 1978 →.
 Wiener slawistisches Jahrbuch, Wien, 1950 →.
 Zeitschrift für slavische Philologie, Köln / Heidelberg, 1925 →.
 Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1956 →.

2. «Международный Комитет славистов» (МКС) и международные съезды славистов

2.1. Устав «Международного комитета славистов»

«Международный комитет славистов» создан решением Международной встречи славистов в Белграде в 1955 г. для возобновления и продолжения международных связей в области славистики и традиции славистических конгрессов, существующей со времени 1-ого Международного съезда славянских филологов в Праге в 1929 г.

Версия данного «Устава» принята на 28-ом пленарном заседании МКС в г. Урбино 21 октября 1994 г.

I. Основные положения

Статья 1. «Международный комитет славистов» (сокращенно МКС) является исполнительным органом международного объединения славистов, состоящего из национальных славистических комитетов или организаций. Он и ставит своей целью организацию международного сотрудничества славистов на широкой основе содействия развитию наук о славянских языках и литературах, истории культуры славянских народов.

Статья 2. Комитет выполняет свои задачи путем созыва научных конгрессов и конференций, организации сотрудничества с другими научными учреждениями и организациями как славянских, так и неславянских стран, обмена информации и публикаций между национальными славистическими комитетами или организациями.

Статья 3. МКС создает комиссии, которые осуществляют свою деятельность под его руководством сроком на 5 лет.

Статья 4. МКС имеет свою печать с надписью на русском и французском языках: Международный комитет славистов.

II. Состав «Международного комитета славистов»

Статья 5. Каждая страна представлена в МКС одним национальным славистическим комитетом или организацией: и имеет право на одного члена МКС, который назначается на срок не менее 5 лет. Ввиду исключительных обстоятельств, право на одного члена МКС имеют и сербо-лужицкие научные организации. Национальный комитет или организация должен письменно уведомить МКС о назначении своего представителя.

Статья 6. Если член МКС не может участвовать в пленарном заседании, он имеет право назначить своего заместителя *ad hoc*, письменно уведомив об этом МКС. Заместитель пользуется теми же правами, как и член.

Статья 7. Во время голосования каждый член МКС имеет один голос, причем все стремятся достичь консенсуса.

Статья 8. Национальные славистические комитеты или организации стран, представленных в МКС к дню утверждения настоящего Устава Новые комитеты или организации, желающие быть представленными в МКС, заявляют об этом письменно в МКС. Решение по заявлению принимаются на пленарном заседании МКС.

Статья 9. Члены МКС, имеющие особые заслуги в области развития славистики и международного сотрудничества по истечении их полномочий могут быть избранными Пленумом МКС почетными членами МКС.

III. Органы «Международного комитета славистов»

Статья 10. Органами МКС являются пленум и президиум.

Статья 11. Пленум является высшим органом МКС. В его работе принимают участие все члены Международного комитета славистов.

Статья 12. Пленарное заседание МКС состоится во время каждого съезда славистов. В промежутках между съездами желательно провести по крайней мере одно пленарное заседание МКС.

Статья 13. Пленум принимает решения по всем важным вопросам деятельности МКС.

Статья 14. Решение считается вступившим в силу, если оно принято простым большинством голосов присутствующих членов Комитета. В случае необходимости президиум может представить свои предложения на голосование *per rollam* (*per capsulam*).

Статья 15. Пленарное заседание МКС избирает преимущественно из своего состава президиум МКС. В президиум МКС входят: Президент МКС и вице-президенты МКС. В заседаниях могут за свой счет принимать участие также остальные члены МКС.

Статья 16. Президиум избирается на 5 лет. Президент, один из вице-президентов и секретарь представляют страну, в которой должен состояться очередной съезд.

Статья 17. Президиум МКС содействует претворению в жизнь решений пленума и представляет МКС перед всеми международными научными и другими форумами.

Статья 18. Президиум представляет отчет о своей деятельности пленуму МКС на каждом из его заседаний.

Статья 19. Президиум от имени пленума информирует съезд славистов о работе МКС в промежутках между двумя съездами.

Статья 20. Президиум назначает секретаря МКС, секретаря-куратора комиссий и казначея МКС, которые участвуют в заседаниях президиума и пленума, однако без права голоса.

IV. Формы работы «Международного комитета славистов»

Статья 21. В целях обсуждения и решения важных научных вопросов славистики Международный комитет славистов организует международные съезды и конференции.

Статья 22. Съезды являются наиболее широкой формой международного научного сотрудничества славистов.

Статья 23. Программу работы съезда, количество докладов и сообщений утверждает пленум на основе проекта, выработанного президиумом. Проект предварительно направляется всем членам МКС.

Статья 24. Съездом руководит Международный комитет славистов.

Статья 25. В период между съездами МКС может организовать специальные славистические конференции для рассмотрения определенных научных проблем. Эти конференции могут быть связаны с проведением пленума.

Статья 26. Состав Международных комиссий при МКС формируется из членов МКС и ученых-славистов, не являющихся членами МКС. Председатели и бюро комиссий утверждаются Президиумом МКС. Комиссии Международного комитета славистов работают в контакте с соответствующими национальными комиссиями.

Статья 27. Работа и состав комиссий МКС рассматриваются на пленуме МКС каждые пять лет во время съезда славистов.

Председатели комиссий МКС и национальные славистические комитеты или организации предлагают Пленуму состав комиссий МКС.

V. О средствах комитетов

Статья 28. Расходы по проведению пленумов Комитета, как правило, несет национальная славистическая организация этой страны, в которой проходят заседания пленума. Расходы по организации съезда осуществляются за счет страны-организатора съезда.

VI. Сотрудничество с научными славистическими учреждениями и организациями

Статья 29. В целях развития славистической науки МКС устанавливает связи со славистическими научными учреждениями, имеющими отделения славистики, а также другими организациями и объединениями и сотрудничает с ними. При этом МКС опирается на национальные комитеты славистов и со своей стороны оказывает им поддержку в их сотрудничестве с научными учреждениями и организациями в стране.

Статья 30. Международный комитет славистов может вступать в международные объединения, занимающиеся организацией научного ис-

следования и международного сотрудничества. Решение об этом принимает пленум Международного комитета славистов.

Статья 31. Настоящий устав вступает в силу после его принятия на пленарном заседании Международного комитета славистов. Один экземпляр Устава на русском языке направляется в каждую национальную славистическую организацию.

VII. Об изменениях Устава «Международного комитета славистов»

Статья 32. Изменения в статьях настоящего Устава производятся по мере необходимости на пленуме Международного комитета славистов.

2.2. Хронология «Международных съездов славистов»

I – 1929, Прага (I «Международный съезд славянских филологов»)

II – 1934, Варшава

III – 1939, Белград (не состоялся, но проведенные подготовительные мероприятия были засчитаны как очередной съезд)

IV – 1958, Москва

V – 1963, София

VI – 1968, Прага

VII – 1973, Варшава

VIII – 1978, Загреб и Белград

IX – Киев, 1983

X – 1988, София

XI – 1993, Братислава

XII – 1998, Краков

XIII – 2003, Любляна

XIV – 2008, Охрид

2.3. Комиссии при «Международном Комитете славистов»

На мандатный период 2008–2013 г. МКС утвердил 35 комиссий (куратор С. Гайда):

1. Комиссия по славянской ономастике
2. Комиссия по церковнославянской лексикографии
3. Комиссия по археологии
4. Комиссия по созданию (славистической) лингвистической библиотеки
5. Комиссия по переводоведению
6. Комиссия по терминоведению (СлавТерм)
7. Комиссия по словообразованию
8. Комиссия по сравнительным исследованиям славянских литератур

9. Фразеологическая комиссия
10. Комиссия по славянской поэтике
11. Комиссия по диалектологии
12. Комиссия по лексикологии и лексикографии
13. Комиссия по новейшей истории славян
14. Комиссия по иберо-славянским сравнительным исследованиям
15. Комиссия по изучению балто-славянских отношений
16. Комиссия по балканской лингвистике
17. Комиссия по этнолингвистике
18. Комиссия по социоллингвистике
19. Комиссия по славянским литературным языкам
20. Комиссия по славянским микроязыкам
21. Комиссия по преподаванию славянских языков и литератур
22. Комиссия по славянскому фольклору
23. Комиссия по славянским языковым контактам
24. Комиссия по изучению грамматической структуры славянских

языков

25. Комиссия по истории славистики
26. Комиссия по фонетике и фонологии
27. Комиссия по «Общеславянскому лингвистическому атласу»
28. Комиссия по компьютерной обработке славянских рукописей и старопечатных книг
29. Библейская комиссия
30. Комиссия по этимологии
31. Комиссия по аспектологии
32. Комиссия по исследованию старообрядчества
33. Комиссия по сравнительной и литературоведческой библиографии
34. Комиссия по корпусной лингвистике
35. Комиссия по исторической и культуроведческой балканистике

3. Введение в славянскую филологию: программа и указания к курсу

Предлагаемый курс «Введение в славянскую филологию» может быть использован как теми, кто обучается, так и теми, кто преподаёт, читает лекции, а также теми, кто занимается научным исследованием различных проблем славянской филологии. Под этим названием курс читался в университетах России ещё в XIX в. В Советское время эта традиция была прервана и возрождена только в 70-е гг. XX в. Изданные в то время типовые программы курса были составлены в Московском университете – первая в 1978 г., вторая – в 1989 г.¹ К сожалению, их составители не делали методологически важного различия между славистикой (славяноведением) и славянской филологией, потому в первой программе из 14 разделов лишь шесть касались лингвистической проблематики, а во второй программе – и того меньше (из шести разделов – два).

При построении предлагаемого курса мы отталкивались от программы акад. Н. И. Толстого, читавшего курс «Введение в славянскую филологию» в 70–80-е гг. XX в. в Московском университете. Программа и материал были апробированы нами в Тартуском университете в процессе многолетнего чтения с середины 70-х гг. курса «Введение в славянскую филологию», в 90-е гг. переименованного в «Основы славянской филологии». По курсу в свое время нами было издано небольшое пособие «Введение в славянскую филологию» (Тарту, 1978; 2-ое изд. 1981 г.), от которого настоящая книга отличается не только расширенной структурой, но и в значительной мере обновленным содержанием. Необходимость переименования курса продиктована была тем, что в нем излагаются все основные теоретические проблемы славянской филологии, а не характерное для XIX в. «введение», когда наука ещё только входила в проблематику славянства. И это действительно так. Однако, учитывая сложившуюся традицию и номенклатуру университетских предметов, оставим в обозначении книги жанр «введения».

¹ Программа курса «Введение в славянскую филологию» для филологических факультетов государственных университетов. Специальности: 2001 «Русский язык и литература», 2002 «Родной язык и литература», 2003 «Славянские языки и литература». М., 1978; Программа дисциплины «Введение в славянскую филологию». По типовому плану. Для государственных университетов. Специальности: 02.17. «Русский язык и литература», 02. 21.03 «Славянские языки и литературы». М., 1989.

Цель курса – ознакомить с составом, особенностями формирования и развития языков и культур славянских народов, научить самостоятельно читать научную литературу, привить навыки творческого осмысления фактов и критического подхода к новейшим исследованиям по основным проблемам славянской филологии. Кроме того, необходимо усвоить важнейшие славистические термины и понятия, а также связать усвоенный в данном курсе материал с другими дисциплинами, касающимися истории и современного состояния каждого славянского народа, его языка и культуры.

3.1. Программа курса «Основы славянской филологии»

I. Славянская филология, ее структура и место в науке о славянах – славистике (славяноведении). Предмет и задачи курса, его место среди других дисциплин. Соотношение славистики и славянской филологии. Схема соотношения всех компонентов славистики. Место славянской филологии в комплексе славяноведческих дисциплин. Эволюция содержания и целей славянской филологии. Принципы ее структуризации. Палеославистика – славянское языкознание – славянское литературоведение. Принцип развертывающегося ряда национальных (этнических) филологий: восточнославянская филология – южнославянская филология – западнославянская филология. Принцип, в основу которого взят конкретный народ и его язык и культура («принцип -истик»): русистика, словакистика, украинистика и т. д. Смешение на практике указанных принципов. Усложнение структуры славистики и славянской филологии (так наз. славянские микрофилологии, южнославистика, руссиеведение и др.).

II. Историко-этнографическая и этнолингвистическая проблематика

Обзор современного славянства. Общая характеристика славянства в статистическом, историческом, этнографическом, языковом и религиозном плане. Численность и расселение славян в древности и теперь. Миграции и славянские «острова». Государственные образования славян. Краткие сведения об исторических этапах развития славянских народов и их локальных подразделений.

Современные славянские народы:

1) Славяне на автохтонных землях: восточные славяне, южные славяне, западные славяне.

2) Славяне в инославянских и в неславянских странах: славяне в инославянских странах; югославские (южнославянские) русины, буневцы, шокцы; славяне в неславянских странах.

Древнейшие места обитания славян (славянская прародина, славянский этногенез). Общее понятие прародины и этногенеза. Важность комплексного подхода в изучении этногенеза. Источники изучения этногенеза и прародины: археологические, исторические, лингвистические (апеллятивная и ономастическая лексика, языковые контакты). О соотношении и надежности археологических и лингвистических данных для этнической дешифровки прошлого.

Праиндоевропейцы и древнейших места их обитания. Важнейшие гипотезы.

Праславяне, их этногенез и древнейшие места обитания (прародина). Важнейшие гипотезы прародины славян до XIX в. Гипотезы прародины славян в XX в. Характеристика важнейших гипотез. Висло-одерская (одрская) гипотеза прародины славян. Среднеднепровская гипотеза прародины славян. Дунайско-балканская (дунайская, центральноевропейская) гипотеза прародины славян и ее актуализация на рубеже XX–XXI вв.

Нерешенность ряда проблем славянского этногенеза.

Славянская этнонимика. Этнонимы – этнонимия – этнонимика. Состав и распространение древних славянских этнонимов. Этимология конкретных славянских этнонимов. Происхождение макроэтнонима *славяне / словене*. О географии макроэтнонима *славяне*. Этнонимы восточнославянских народов. Этнонимы южнославянских народов. Этнонимы западнославянских народов.

Славяне в древности в историческом и этнолингвистическом аспекте (по данным письменных памятников, традиционной культуры и языка). Древние письменные источники о славянах. Особенности материальной культуры и социального строя древних славянских племен (по данным археологии и языкознания). Особенности духовной культуры славян в древности и проблемы ее реконструкции.

Славянская этнолингвистика: сущность, проблемы, методы. Формирование славянской этнолингвистики. Древнейший быт и культура славян по данным языка. Язычество древних славян. Материальная культура древних славян (по данным праславянской лексики). Домашние животные у славян. Жатва у славян. Славянская масленица. Заговоры у славян и т. д.

Древние этнокультурные и языковые контакты славян. Славяно-италийские (латинские) связи и контакты. Славяне и кельты: контакты, развившиеся в языке. Культурно-языковые контакты славян и иранцев. Славяне и германцы: соседство, отраженное в языке. Славяне и их связи с другими этносами по языковым данным. Фракийцы. Греки (эллыны). Албанцы. Славяне и восточные романцы. Славяно-финно-угорские контакты. Славяно-тюркские отношения.

Идея славянской взаимности и всеславянского языка в истории славян (славянская интерлингвистика). Славянская интерлингвистика: сущность и проблемы. Понятие славянской взаимности. Проекты всеславянских языков в истории славянской интерлингвистики (XVI – середина XX вв.). Древнеславянский литературно-письменный язык как международный язык. Возникновение и развитие идеи славянской взаимности и всеславянского языка до XIX в. Юрий Крижанич и его идея славянского единения и всеславянского языка. Идея славянской взаимности и всеславянского языка в XIX в. Я. Коллар и литературная взаимность славян. М. Майр и его воззрения на проблему славянской взаимности. Проект «взаимного языка» М. Майра. Этнический язык как всеславянское (межславянское) средство общения. Состояние и развитие идеи межславянского языка в XX в.

II. Лингвистическая проблематика

Происхождение славянских языков (славянский глоттогенез). Славянские языки и их место среди индоевропейских. Из истории сравнительно-исторического метода и языкознания. Индоевропейский праязык. Периодизация истории индоевропейского праязыка. Индоевропейские языки и реконструкция индоевропейского праязыка. Состав индоевропейской лингвосемьи. Принципы реконструкции праязыков. Реконструкция внутренняя и внешняя. О времени существования и о периодизации существования индоевропейского праязыка. Причины и направления распада индоевропейского праязыка. Грамматические особенности позднего индоевропейского праязыка.

Балто-славянские языковые отношения. Из истории гипотезы о балто-славянском праязыке. О хронологии существования индоевропейского, балто-славянского и праславянского праязыков. Гипотеза о параллелизме и общности. Гипотеза о «дочернем / сыновнем» взаимоотношении. Гипотеза о языковом союзе.

Праславянский язык. Представление о праславянском языке в современной палеославистике. Лингвистическая палеославистика и ее периодизация. Из истории славянского сравнительно-исторического метода. Предполагаемые датировки существования праславянского языка и основные этапы его развития. Принципы реконструкции праславянского языка. Преобразование индоевропейской фонетической и грамматической системы в праславянском языке. О реконструкции праславянского словаря.

Праславянский язык и его распад. Процесс выделения славянских языков и их классификация. Причины и направления распада праславянского языка.

Принципы классификации славянских языков. Классификация Й. Добровского. Трехкомпонентная модель классификации. Недостатки традиционной классификации славянских языков. Метод изоглосс и его роль в классификации диалектов и языков. Метод изучения соотношения центральных и маргинальных ареалов. Методы, основанные на фонетическом, грамматическом и словообразовательном материале. Количественный метод на основе фонетико-морфологических признаков. Метод лексико-статистического моделирования. Традиционная классификация с учетом некоторых новейших данных. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА) и его роль в решении проблемы классификации славянских диалектов и языков.

Славянские языки и славянская лингвонимика. Общая и славянская лингвонимика: теоретические аспекты. Взаимосвязь истории языка и его названия. Историческое развитие лингвонимии. Структура славянских лингвонимов. Источники образования славянских лингвонимов. Лингвонимическая история первого литературно-письменного языка славянства – старославянского-церковнославянского: лингвонимы и их варианты до конца XVIII в.; лингвонимы и их варианты в XIX и XX вв. Из истории лингвонима для русского и других славянских языков. История лингвонимов с этнонимическим корнем *слов-* / *слав-*. Из лингвонимической истории языка сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев и т. д.

Славянская письменность. Развитие старославянского и церковнославянского языков. Из истории славянской письменности. Славянская палеография. Время, условия и особенности возникновения славянской письменности. Проблема двух славянских азбук. Генезис азбук. Глаголица и кириллица. Из истории глаголицы. Из истории кириллицы. Различительные знаки кириллицы в алфавитах современных славянских литературных языков. Применение латиницы у славян. Различительные знаки латиницы в алфавитах современных славянских литературных языков.

Существовала ли письменность у славян до Кирилла и Мефодия?

Смена алфавитов и дуалфавитность в славянских языках. О попытках замены латинического письма кириллицей в славянских языках.

Старославянский и церковнославянский языки. Лингвонимы. Распространение. Вопрос о диалектной основе. Об особенностях старославянского языка. Важнейшие старославянские памятники письменности. Соотношение старославянского и церковнославянского языков. Формирование и развитие церковнославянского языка. Функциональный статус. Церковнославянский язык и современная православная церковь.

Об утраченных славянских языках. Полабский язык. Словинский язык.

Языки современных славянских наций. Дивергентное развитие славянских языков.

Восточнославянские языки. Характеристика каждого славянского языка по схеме:

Русский язык: Лингвоним. Распространение, диалектное членение. Некоторые особенности современного языка. Исторические контакты, отраженные в языке. Формирование и развитие литературного языка. О литературе. Наличие литературных региональных и / или литературных микроязыков. Функциональный статус.

Белорусский язык.

Украинский язык. Язык и языковой вопрос (Под)карпатской Руси: Генезис и классификация говоров (Под)карпатской Руси. Отличительные признаки карпаторусинских говоров. Языковой вопрос (Под)карпатской Руси. Из истории литературного языка до середины XIX в. Карпаторусинское возрождение (вторая половина XIX в.). Вопрос о карпаторусинском литературном языке в первой половине XX в. Этно-языковая ситуация после Второй мировой войны. Карпаторусинское этно-языковое возрождение конца XX в. Особенности карпаторусинских литературно-языковых вариантов и их алфавитов.

Южнославянские языки. Болгарский язык. Македонский язык. Словенский язык. Сербско-хорватский язык (сербский, хорватский, боснийский).

Западнославянские языки. Словацкий язык. Чешский язык. Польский язык.

Славянская микролингвистика (теория славянских литературных микроязыков). Славянские литературные микроязыки как объект славянского языкознания и славянской микролингвистики. Возникновение идеи славянских литературных микроязыков и ее рецепция в славянском языкознании. Понятие литературного микроязыка. О термине *микроязык*. Лингвонимы. Принципы классификации славянских микроязыков. О носителях микроязыков. Условия и факторы, способствующие созданию славянских литературных микроязыков. О генетической основе славянских литературных микроязыков. Социолингвистические параметры славянских литературных микроязыков. Проблемы нормы и кодификации. Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Функциональный аспект славянских литературных микроязыков. О новейших экспериментах по созданию литературных микроязыков (буневский, силезский и др.).

Автономные микроязыки. Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки. Кашубский микроязык.

Островные микроязыки. Югославо-русинский / южнорусинский микроязык. Градищанско-хорватский (Австрия). Молизско-славянский (Ита-

лия). Резьянский / резьянско-словенский (Италия). Банатско-болгарский (Румыния).

Периферийно-островные микроязыки. (Карпато)русинский литературный язык и его варианты (Украина, Словакия, Польша, Венгрия, США). Эгейско-македонский (Греция). Попытки создания помакского литературного языка (Греция). Попытки создания венецианско-словенского литературного языка (Италия).

Периферийные (региональные) микроязыки. Чакавский (Хорватия). Кайкавский (Хорватия). Ляшский (Чехия). Прекмурско-словенский (Словения). Западнополюсский (Белоруссия). Попытки создания восточнословацкого литературного языка (Словакия).

Славянские языки в сравнительно-типологическом освещении. Особенности грамматического строя современных славянских языков. Типология фонологических явлений. Типология грамматических явлений. Лексико-семантические процессы и тенденции развития современных славянских языков. Из истории типологического изучения славянской лексики. Некоторые методологические принципы исследования лексики в динамике. Стратегические тенденции развития словаря. Тенденция к сохранению словарного состава языка. Количественные изменения и процессы как отражение тенденции к уменьшению словарного состава. Количественные изменения и процессы как отражение тенденции к увеличению словаря.

Типологические аспекты славянских литературных языков. О началах литературного языка. Литературно-языковая ситуация в Pax Slavica Orthodoxa и в Pax Slavica Latina. Истоки славянских литературных языков: глоссы, фразы, первые предложения. Церковнославянский язык как синтез этнических изводов старославянского языка. Ранние памятники. Начала автономного формирования и развития славянских литературных языков. Типологические особенности в развитии современных славянских литературных языков.

III. Из истории славянской филологии

Периодизация истории славянской филологии. Начало славянской филологии. Зарождение славянской филологии как науки (конец XVIII – начало XIX вв.). Й. Добровский – основоположник славянской филологии.

Развитие славянской филологии в Восточной Славии до XIX в. Первые путешествия по славянским землям. Вклад А. Х. Востокова в славянское сравнительно-историческое языковедение. Развитие славянской филологии с середины XIX в. Научная деятельность Ф. И. Буслаева. А. А. Потебня и его школа. Ф. Ф. Фортунатов и его школа. А. А. Шахматов и его школа.

От национальных филологий к международной славистике. И. А. Бодуэн де Куртенэ: труды, идеи, школа. В. Ягич: труды, идеи, школа.

Славянская филология: от России к Советскому Союзу (последние десятилетия XIX – первая половина XX вв.). Предсоветский этап в развитии славянской филологии. От дореволюционной славянской филологии к советской. Развитие славянской филологии в СССР до Второй мировой войны. Дальнейшее развитие славянской филологии: советский и постсоветский периоды (вторая половина XX в. – начало XXI в.). Вклад В. В. Виноградова в русско-славянское языкознание. Н. И. Толстой и его славистическая школа. О. Н. Трубачев и его этимологическая школа. Развитие славянского сравнительно-исторического языкознания. Исследования русского и других славянских языков. О постсоветском развитии славянской филологии в России. Развитие славянского языкознания в Белоруссии в советский и постсоветский период. Развитие славянского языкознания в Украине в советский и постсоветский период.

Формирование и развитие славянской филологии у южных и западных славян.

Формирование и развитие славянской филологии в неславянских странах.

Славистическая библиография.

IV. О перспективах развития славянских языков и славянской филологии

Славянский мир на пороге XXI века: проблемы и перспективы больших и малых славянских языков. Славянская филология на рубеже XX–XXI вв.: проблемы и перспективы.

Литература

Супрун А. Е., Калюта А. М. Введение в славянскую филологию. Минск, 1981; 2-е изд.: А. Е. Супрун. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.

Чекмонас В. Введение в славянскую филологию. Вильнюс, 1988.

Лучик В. В. Вступ до слов'янської філології. Київ, 2008.

Пипер П. Увод у славистику. 1. Београд, 1991; 2. изд., Београд, 2008.

Einführung in die slavischen Sprachen. (Mit einer Einführung in die Balkanphilologie). Hg. P. Rehder. 5. Aufl. Darmstadt, 2006.

Franz N. Einführung in das Studium der slavischen Philologie. Geschichte – Inhalte – Methoden. Darmstadt, 1994.

Lehfeldt W. Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten. München, 1995; 2. Aufl., 1996.

Moszyński L. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 1984.

Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo. V Ljubljani, 1949.

Ondruš Š. Úvod do slavistiky. Bratislava, 1956.

Petr J. Základy slavistiky. Praha, 1984.

Schenker A. M. The Dawn of Slavic. An Introduction to Slavic Philology. New Haven / London, 1995.

Trautmann R. Die slavischen Völker und Sprachen. Eine Einführung in die Slavistik. Göttingen, 1947.

* * *

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1991; т. 2 (VII–IX вв.). М., 1995.

Нидерле Л. Славянские древности. Перев. с чеш. М., 1956; переизд.: М., 2000.

Шафарик П. И. Славянские древности. Перев. с чеш. М., 1848.

Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, дополн. М., 2003.

Panzer B. Quellen zur slavischen Ethnogenese. Fakten, Mythen und Legenden. Frankfurt am Main etc., 2002.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 → М., 1995 → (издание продолжается).

Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред. В. Д. Корольук. М., 1981.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перев. с франц. М. / Л., 1938; *его же*. Общеславянский язык. Перев. с франц. М., 1951.

Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. I. Западославянские языки. М., 1941.

Нахтигал Р. Славянские языки. Перев. со словен. М., 1963.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. Пер. с англ. М., 1987.

Panzer B. Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Sprachstrukturen und Verwandtschaft. 2. Aufl. Frankfurt am Main etc., 1996.

Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

The Slavonic Languages. Ed. B. Comrie, G. G. Corbett. London / New York, 1993.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Таллин, 1981; *его же*. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I–II. Тарту, 2003–2004.

Ягичь И. В. История славянской филологии. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. I). СПб., 1910; репринтное переиздание: М., 2003.

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

3.2. Темы для курсовых работ, рефератов и обсуждений

1. Этногенез и прародина: комплексность подхода к решению проблемы.
2. Праиндоевропейцы: поиски прародины.
3. Славянская прародина: комплексный подход и роль лингвистического материала.
4. Аргументация сторонников висло-одерской гипотезы прародины славян.
5. Среднеднепровская гипотеза прародины славян: основная аргументация.
6. Дунайско-балканская (дунайская, центральноевропейская) гипотеза прародины славян и ее актуализация на рубеже XX–XXI вв.
7. Этимологическая реконструкция важнейших славянских этнонимов.
8. Славяне в древности: аспекты и материал изучения.
9. Славянская этнолингвистика: сущность и проблемы.
10. Древнейший быт и культура славян по данным языка.
11. Древние языковые контакты и их роль в реконструкции духовной культуры славян.
12. Древние культурно-языковые контакты славян с европейскими народами.
13. Древние культурно-языковые контакты славян с восточными народами.
14. Идея славянской взаимности и славянская интерлингвистика: сущность и проблемы.

15. Рационально созданный всеславянский язык и его перспективы.
16. Славянский этнический язык как межславянское и международное средство культурного общения.
17. Сравнительно-исторический метод и его значение для реконструкции древнего состояния языков.
18. Индоевропейский праязык и его реконструкция.
19. Балто-славянская проблема.
20. Праславянский язык: пути реконструкции.
21. Преобразование индоевропейской фонетико-грамматической системы в праславянскую.
22. Внутренние и внешние причины и направления распада праславянского языка.
23. Принципы классификации славянских языков. Оценка традиционной классификации.
24. Славянская лингвонимика: сущность и проблемы.
25. История лингвонимов для русского и др. славянских языков.
26. История славянской письменности: основные проблемы.
27. Появление латиницы у славян.
28. Старославянский и церковнославянский языки: проблема соотношения и специфики.
29. Что такое утраченные славянские языки?
30. Характеристика конкретного славянского языка по схеме (см. пункт «Программа»).
31. Теория славянских литературных микроязыков (славянская микролингвистика) как объект славянского языкознания.
32. Принципы классификации славянских микроязыков.
33. Кодификация и социолингвистические параметры славянских микроязыков.
34. Сравнительно-типологическое исследование славянских языков: цель и направления.
35. Типология фонологических явлений славянских языков.
36. Типология грамматических явлений славянских языков.
37. Типологические аспекты лексики славянских языков.
38. Типология литературных языков славянских народов.
39. Для чего необходима история славянской филологии?
40. Характеристика одного из этапов развития славянской филологии.
41. Каковы перспективы развития славянских языков и славянской филологии?

Учебное издание

Дуличенко Александр Дмитриевич

**ВВЕДЕНИЕ
В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ**

Учебное пособие

Подписано в печать 10.02.2014

Электронное издание для распространения через
Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б,
комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.